Стенограмма
Нюрнбергского процесса
Том XIII

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация)

Том тринадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 16 – 28 мая 1946. В ходе этих заседаний защита завершила представление доказательств по делу Рёдера. Завершился допрос подсудимого Рёдера. Защита представила доказательства по делу фон Шираха. Фон Ширах был допрошен в качестве свидетеля. Началось представление доказательств защиты Заукеля. Начался допрос подсудимого Заукеля. Были допрошены свидетели Зеверинг, Шульце-Монтинг, Вайцзеккер, Лаутербахер, Гёпкен, Висхофер.

Содержание

День сто тридцать первый

Четверг, 16 мая 1946

Утреннее заседание

Пристав[1]: С позволения трибунала, подсудимые Заукель и фон Папен отсутствуют.

[*Подсудимый Рёдер возвращается на место свидетеля*]

Симерс: Адмирал, вчера мы закончили на том, что включено в документ С-32, и мы дошли до пункта 11. Теперь мы переходим к пункту 12, «Запасы боеприпасов превышают допустимое вооружение». Могу я напомнить трибуналу, что это документ С-32, экземпляр номер USA-50, в документальной книге 10а, страница 8, пункт 12, который содержит три столбца.

Подсудимый, могу я спросить, что вы скажете на обвинение в том, что вы превысили допустимое количество боеприпасов?

Рёдер: Определенные запасы вооружений превышали допустимое количество, а некоторые были меньше их. Я не могу вам сейчас сказать, какой была причина в каждом отдельно взятом случае. Я полагаю, что это в значительной степени зависело от количества остававшегося с последней мировой войны.

В случае с двумя первыми пунктами, 17–ти и 15-ти сантиметровыми снарядами, фактические запасы довольно превышали допустимое количество, в то время как третий пункт, 10, 5 сантиметровые, были далеки от этого – вместо 134 000 было 87 000. В случае с 8,8 сантиметровыми снарядами было превышение, затем снова дефицит, и тоже самое относится к последнему пункту. Но все они были в очень несущественных количествах.

Симерс: В копии у трибунала должна быть пометка в третьем столбце – подсудимый, у вас на следующей странице – говорящая об этом количестве боеприпасов частично произведенных и частично поставленных, и что общее допустимое количество вскоре будет превышено.

Я лишь хотел спросить вас: список был подготовлен в сентябре 1933. Тогда эти данные правильные для сентября 1933 или осени 1933?

Рёдер: Я не совсем вас понял.

Симерс: Если в этом документе сказано, что меры которые будут предприняты

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

позже приведут к общему количеству, превышающему допустимое количество, которое, согласно этому заявлению – ещё не было достигнуто, тогда это вычисление на осень 1933.

Рёдер: Да, так можно предположить. Потому что производились новые боеприпасы также как и новые орудия, и старые боеприпасы нужно было разбирать.

Также следует заметить, что боеприпасов для тяжелой артиллерии, которые здесь не перечислены, было в каждом случае меньше допустимого количества. Нам разрешалось сравнительно большое количество боеприпасов тяжелой артиллерии для тяжелых береговых орудий, и никак не было столько сколько нам разрешалось иметь.

Симерс: Для содействия трибуналу, я могу отметить, что этот последний пункт подтверждается фактическими документами в руках трибунала. В копии трибунала под цифрой 12, столбец 2, помимо отдельных цифр, есть фраза которая гласит: «…что общее допустимое количество для тяжелой артиллерии не достигнуто».

Теперь мы переходим к номеру 13: «Превышение допустимых запасов пулемётов, винтовок, пистолетов, противогазов».

Рёдер: Здесь тоже следует признать, что в отдельных случаях запасы были немного выше, чем допускалось. Например, было, 43 000 противогазов вместо 22 500 допустимых. Большое количество винтовок и пулемётов после мировой войны забрали частные лица на фермы, и т.д. Их позже собирали, и по этой причине в них был сравнительно большой запас. Но здесь не идёт речь о каких-то значительных количествах. Похожие боеприпасы, штыки, ручные гранаты, фонарики, дымовое снаряжение, и т.д., также превышали предписанные границы, но в небольшой степени.

Симерс: Итак, цифра 14: «Получение 337 M.G. C/30 без разбора равнозначного пригодного вооружения». Как я не…

Председатель: Доктор Симерс, уверен, будет возможно разобраться со всеми этими различными пунктами в документах одним заявлением о том, почему было такое превышение. У нас здесь есть заявление, содержащее 30 различных пунктов, и вы прошли только 13, и вы рассматриваете каждый.

Симерс: Господин председатель, лично я полностью согласен. Я извиняюсь, что я доставил трибуналу много затруднений в связи с этим документом. Так как я не военно-морской эксперт, мне достаточно трудно это проходить, но я не думаю, что причина затруднений во мне. Понимаете, обвинение, использовало отдельные пункты в качестве доказательств.

Председатель: Доктор Симерс, вопрос – я вас не осуждаю, но мы хотим понять. Мы вас не осуждаем. Можно ли это сделать одним поясняющим заявлением, одним коротким заявлением?

Симерс: Господин председатель, я попытаюсь, и сокращу это.

Нет никакой необходимости говорить о номерах 15-17. Я думаю это были

самые важные пункты. Пункты, запланированные на более позднюю дату не должны были вступить в силу до 33-го и 34-го года. Я, вероятно могу заметить трибуналу, что номер 17 ссылается на планируемое строительство резервных эсминцев. Версальский договор[2] допускал такое строительство.

Я пропускаю номер 18, потому что мы уже с этим разобрались. Номер 19, снова ссылается только на планируемое строительство. Номер 20 я могу считать не относящимся к делу, он касается только вооружения рыболовных судов. Номера 21-29…

Председатель: Я думаю, вы вероятно должны попросить подсудимого объяснить некоторые из этих наблюдений в третьем столбце. Я имею в виду номер 18, например: «Сложно обнаружить. При необходимости можно отрицать».

Рёдер: Это были пояснения, предоставленные компетентным экспертом нашему представителю из Лиги Наций[3] на Конференции по разоружению[4]. Они не ссылаются на местные условия. Производство комплектующих субмарин, например, проходило или должно было проводиться за рубежом. Это действительно осуществлялось в 1934 и 35-м, и первая субмарина была спущена в конце июня 1935.

Симерс: Подсудимый, я могу понять, что запрещалось только строительство и приобретение субмарин.

Рёдер: Да, строительство в Германии.

Симерс: Я не могу доказать раньше последующей стадии, что в производстве этих комплектующих никакого нарушения договора не было, но я думаю вы дадите нам какое-то указание на причину вашего желания скрывать это, в виду факта, что комплектующие не запрещались. Я могу напомнить вам, что это имело место в сентябре 1933 во время, когда уже планировались переговоры.

Рёдер: В тот период, до германо-английского морского соглашения заключенного на основании 35 к 100, Гитлер[5] в особенности стремился избежать всего, что могло как-нибудь сорвать переговоры. Производство и изготовление комплектующих субмарин в таких обстоятельствах являлось предметом особой чувствительности Англии.

---

[2] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

[3] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 по 23 февраля 1935 в Лигу Наций входило 58 государств-участников. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

[4] Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

[5] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

Симерс: Ещё не было никакой причины для этого приложения или других замечаний во втором столбце – а именно, неудачного опыта, который флот вызывал во внутренней политике, том факте, что всякое малейшее действие немедленно воспринималось как раздор на внутриполитическом фронте?

Рёдер: Да, и это заходило настолько далеко, что министра Рейхсвера атаковали по различным поводам прусские министры, которые не соглашались с правительством Рейха – например, Мюллер[6], Зеверинг[7], Штреземан[8] и позднее Брюнинг[9], которые утверждали рейхсканцлеру, что он предпринял шаги, на которые он не был уполномочен. Однако в действительности, правительство Рейха уже само санкционировало эти вещи и приняло за них ответственность.

Симерс: Таким образом, эти вещи держали в секрете по внутриполитическим причинам, для того, чтобы они были не видны…

Рёдер: Да.

Симерс: С одобрения правительства Рейха?

Рёдер: С одобрения правительства Рейха. Что касается фирм, ряд фирм…

Симерс: Я бы предпочёл вернуться к столбцу 2, номеру 20, так как я вижу из протокола, что обвинение также прямо затронуло этот пункт в связи с вооружением рыболовных судов, подчеркнуло его, и сделало основой обвинения «Предупредительные выстрелы, остановитесь».

Рёдер: Две рыболовецких лодки были довольно небольшими судами и в обычных условиях невооруженными. Они служили, чтобы следить за рыболовецкими лодками в Северном море вплоть до Исландии, помогать им в случае чрезвычайной ситуации, принимать на борт больных людей и обеспечивать защиту от рыбаков других наций. Мы думали, что желательно, поставить по крайней мере 5 сантиметровое орудие на этих кораблях поскольку они в действительности были военными кораблями. «Предупредительные выстрелы» означают, что они, стреляя, давали салют, когда хотели привлечь внимание рыбаков к чему-нибудь; таким образом это было довольно незначительное дело и не нуждается в искусственном упрощении до безделушки по факту это и было по факту безделушкой.

Симерс: Теперь мы переходим к номерам 21-28. Это список различных фирм, включая промышленные фирмы работавшие по военным контрактам. Версальский договор допускал определенные фирмы к такому виду работы в то же время как исключая остальные. В действительности другие фирмы получали контракты.

---

[6] Герман Мюллер (1876- 1931) — немецкий политик, член Социал-демократической партии Германии. Рейхсканцлер Германии в 1920 и 1928—1930 годах.

[7] Карл Зеверинг (1875 —1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии.

[8] Густав Штреземан (1878 — 1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Аристидом Брианом) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

[9] Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

Вероятно, вы можете сделать общее заявление по этому пункту.
Рёдер: Это было время, когда у нас были серьезные надежды, что будет достигнут прогресс на Конференции по разоружению. Уже был принят план Макдональда[10], который принёс определенные улучшения, и мы могли впоследствии ожидать, что немногие фабрики оставленные для нас увеличат свою производительность в течение нескольких следующих лет. Я могу отослать вас к схеме замещения судостроения. Соответственно, фабрики производившие специализированные предметы лучше оборудовали и снабжали. Однако, никогда не было никакого вопроса тяжёлых вооружений или чего-либо подобного, но автоматических плавких воспламенителей, взрывчатки – например, корпуса мин, и т.д., небольших, но специальных вещей, которые могли производить только определенные фирмы. Но, помимо одобренных фирм, остальные фирмы которые исключили тоже использовались. Таким образом, например, Friedrich Krupp Grusenwerke[11] A.G. в Магдебурге, номер 25, было оборудовано для производства противовоздушных орудий и противовоздушных стволов от 2 сантиметров до 10,5 сантиметров; похожее, номер 26, фирма производившая противовоздушные боеприпасы, взрывчатку; номер 27…
Симерс: Я не думаю, что нам нужны подробности.
Рёдер: Нет. И затем двигатели, в которых также была большая потребность.
Симерс: У меня есть кое-какие вопросы, которые относятся ко всем этим цифрам. Это не отклонение в определенной степени в результате того факта, что какие-то из допущенных фирм уже выбыли по экономическим причинам?
Рёдер: Да, разумеется вы, можете так сказать. Эти фирмы имели сравнительно малые поставки, которых было недостаточно, чтобы продолжать работать.
Симерс: Подсудимый, я думаю не только можно – я думаю нужно, так сказать. Могу я обратить ваше внимание на пункт 22, столбец 3, который гласит: «Список в любом случае устарел, так как некоторые фирмы закрылись».
Рёдер: Да.
Симерс: Нам остались номера 29 и 30. Номер 29 «Подготовка в области испытаний моторных лодок». Думаю это была подготовка в очень небольшой области.
Рёдер: Сейчас я не могу вам сказать, что это означает.
Симерс: Мне в любом случае не кажется, что обвинение придаст этому какое-либо значение.

Тогда я лишь хочу, чтобы вы сделали завершающее заявление по номеру 30 «Наверное дальнейшие конкретные нарушения станут необходимыми в ближайшем будущем» до 1934 включительно. Во всех смыслах вы уже ответили на вопрос ссылкой на переговоры запланированные с британским правительством,

---

[10] Имеется в виду реализация премьер-министром Великобритании Р. Макдональдом «Плана Дауэса» по снижению репарационных платежей Германии по результатам Первой мировой войны.
[11] Предприятие акционерного общества Фридриха Круппа и Грузона – машиностроительный завод основанный в 1855 в Магдебурге. Крупнейший оборонный подрядчик 30-х годов в Германии.

какие-то из них уже шли.

Рёдер: Да, в этом смысл.

Симерс: Следовательно, это вопросы, которые в любом случае нужно было обсуждать в ходе переговоров с британским правительством, или даже адмиралтейством.

Рёдер: Вы не можете сказать это обо всех. Например, пункты 1 и 3 касаются мин. Количество мин нужно было увеличивать и современная материальная часть должна была заменять устаревшую. Это делалось таким же способом с переводом орудий из Северного моря на балтийские «А» батареи, не разбирая орудия.

Симерс: Чтобы завершить предмет в целом, могу я попросить вас сказать какое впечатление предмет в целом производил на военно-морского эксперта такого как вы. Рассмотрев все эти вещи, вы скажете, что это небольшие нарушения, и насколько далеки эти нарушения от агрессивного характера?

Рёдер: Как я вчера сказал, большинство из них были самыми неадекватными улучшениями обороны при почти полностью беззащитном состоянии. Отдельные пункты, как я вчера объяснял, настолько несущественные, что просто невозможно тратить на них слишком много времени. Мне кажется, что у контрольной комиссии тоже сложилось впечатление, что мало веса нужно было придавать всем этим вопросам, так в 1925, когда контрольная комиссия покидала свою ставку в Киле где она работала с организациями морского командования, коммандер Феншоу, начальник штаба адмирала Чарльтона[12] и главы комиссии чей основной интерес заключался в орудиях и который работал с капитаном Ренкелем, стрелком и специалистом в этих вопросах, сказал:

> «Теперь мы должны уходить, и вы рады, что мы уходим. У вас была неприятная задача, и у нас тоже. Я должен сказать вам одну вещь. Не думайте, что мы поверили сказанному вами. Вы не сказали не единого слова правды, но вы давали нам информацию так умело, что мы должны были её принимать, и за это я вам благодарен».

Симерс: Теперь я перехожу к документу С-29, который экземпляр USA-46. Господин председатель, это в документальной книги Рёдера 10, страница 8 документальной книги обвинения.

Председатель: Вы имеете в виду 10а?

Симерс: Номер 10, страница 8. Этот документ, тоже был предъявлен во время общего обвинительного заключения в начале процесса 27 ноября. Он включает речь, документ подписанный Рёдером, датированный 31 января 1933 «Общие директивы по поддержке немецкой промышленности вооружений флотом».

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение отметило это, и оно думает заключить из этого, что через день после выдвижения Гитлера рейхсканцлером,

---

[12] Эдвард Чарльтон (1865-1937) – британский военачальник. После Первой мировой войны в 1919 работал председателем Межсоюзной комиссии по перемирию.

этим письмом вы уже положительно действовали в его поддержку. Пожалуйста, вы определите своё отношение?

Рёдер: Вообще нет никакой связи между этим письмом и приходом Гитлера к власти. Вы должны признать, что было бы невозможно составить столь длинный и сложный документ – который был, в конце концов, аккуратно подготовлен – между вечером 30-го и утром 31 января. Этот документ возник из надежды, которую я уже упоминал, что уже при правительстве Папена и фон Шлейхера[13] положения Версальского договора и Конференции по разоружению могли постепенно ослабить, поскольку британская делегация постоянно говорила, что она склоняется к постепенному восстановлению равных прав. Поэтому, мы должны были привести свою промышленность в самое лучшее состояние, постольку поскольку речь шла о промышленности вооружений, увеличив их производительность и позволим ей преодолевать конкуренцию.

Как я говорю в параграфе «с» этого письма, почти каждая страна в то время прилагала усилия в таком же направлении, даже те которые, в отличие от Германии, не имели ограничений в отношении себя. Великобритания, Франция, Северная Америка, Япония и в особенности Италия прилагали самые решительные усилия, чтобы получить рынки для своей промышленности вооружений; и я хотел следовать за ними в этой конкретной области. Для того, чтобы сделать это, требовалось взаимопонимание между различными ведомствами штаба морского командования в том, что промышленности нужно предоставлять поддержку, таким способом который избегал мелочной секретности в технических вопросах и разработках. Вот почему я объясняю в параграфе «с», что секретность в небольших вопросах менее важна, чем поддержание высокого стандарта и сохранение лидерства.

Я заявляю в последней фразе:

> «Суммируя, я придаю особое значение продолжению поддержки обсуждаемой промышленности флотом, даже после ожидаемого ослабления нынешних ограничений, для того, чтобы промышленность заслужила доверие за рубежом и нашла рынок».

Это вообще не имело никакого отношения ни к Гитлеру, ни к какому-либо самостоятельному перевооружению от моего имени.

Симерс: Вы можете сказать нам, когда, приблизительно, вы подготовили эти директивы?

Рёдер: В течение января месяца. Я могу сказать, что мы провели совещание – вероятно в начале января – и после этого я представил это в письменном виде.

Симерс: Это было бы разумеется 2-3 недели до написания этого письма?

---

[13] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. В 20-е годы начальник ряда ведомств в Рейхсвере. Убит во время подавления путча СА.

Рёдер: Да, разумеется.

Симерс: Я думаю, что редко бывает так, чтобы письмо из правительственного ведомства пришло через день после того, как оно было составлено руководителем этого ведомства.

Могу я теперь попросить вас рассказать мне ещё одну вещь в связи с «послаблением нынешних ограничений». Я предполагаю это означает послабление Версальского договора, с помощью Конференции по разоружению. Вы это четыре раза упоминали в данном документе, а значит, я полагаю, в этом заключалась суть.

Рёдер: Да, так и было. Вся атмосфера того времени при обоих названных мной правительствах, была такой, что можно было ожидать улучшений.

Симерс: И в этом заключалась суть, за которую боролись, цитируя лишь несколько имен, Штреземан, Брюнинг.

Рёдер: Да.

Симерс: Поскольку они считали своим долгом заранее предпринять определённые предварительные меры?

Рёдер: Да.

Симерс: Думаю мне не нужно вдаваться в дальнейшие подробности. Я снова и снова читал этот документ, и не смог найти ни одного пункта, которым обвинение может обосновать вывод, что у вас имелись национал-социалистические идеи.

Теперь я перехожу к документу С-140. Это экземпляр USA-51, и в документальной книге 10а, страница 104.

Рёдер: Пожалуйста, могу я вас прервать? Не было бы удобнее, чтобы я сейчас сказал то, что я хотел сказать в дополнение к заявлению в С-156 относительно авиации?

Симерс: Я извиняюсь. Может быть практичнее завершить с нарушениями Версальского договора перед тем как переходить к другой теме. Я это забыл.

Обвинение предъявило документ С-156. Это книга капитана Шусслера 1937 года содержащая почти такой же список нарушений, как и в документе С-32, а значит, этот документ относится к тому же времени. В дополнение, он рассматривает, случай проектного бюро для субмарин в Голландии. Но есть ещё один пункт о котором я хочу ваших комментариев, и это касается определенных приготовлений в связи с морской авиацией, которую могли разрешить позднее.

Рёдер: Всяческие приготовления проводились в сфере авиации задолго до моего прихода на должность. Как я вижу из этой книги, был закуплен ряд самолетов. Они хранились у фирмы под названием «Severa G.m.b.H.[14]», о чём было известно министру Рейхсвера. Версальский договор разрешал нам противовоздушные орудия как на кораблях так и на побережье, как упоминалось вчера и для этих противовоздушных орудий нужно было организовывать практические стрельбы. Контрольная комиссия разрешила нам, чтобы определенное количество самолётов

[14] Аббр. с нем. общество с ограниченной ответственностью «Севера».

буксировало необходимые цели. Эти самолеты пилотировали бывшие военно-морские летчики, нанятые этой компанией. Компанией в свою очередь, управлял старый военно-морской лётчик.

Поскольку нам не позволяли, готовить военно-морских лётчиков или не позволяли иметь какие-либо военно-морские воздушные силы, мы предоставляли годичное обучение в училище гражданской авиации ряду перспективных военно-морских офицеров до их поступления во флот, для того, чтобы в результате этой годичной подготовки они превращались в очень хороших лётчиков. Затем они поступали во флот и проходили свою обычную военно-морскую подготовку. Авиация приобретённая таким образом временно находилась во владении «Severa», которая также имела большое отношение к делам Ломана[15] и по этой причине была распущена военным рейхсминистром Грёнером[16] летом 1928. Министр Рейхсвера Грёнер создал новую компанию с похожими задачами осенью 1928, вскоре после моего прихода на должность. Но он сам подписал соглашение для того, чтобы контролировать корректность управления в этом деле.

В этой компании, в дополнение к своей обычной работе, военно-морские лётчики проводили испытания в связи с разработкой самолёта для будущих сил морской авиации. У нас имелось разрешение правительства собирать модели любого типа пригодные к использованию, но нам не разрешалось накапливать самолёты. Правительство прямо это запретило. Результат заключался в том, что в течение лет компания разработала ряд типов самолётов, которые были бы полезными позднее, когда нам снова позволят иметь авиацию.

В ранний период, учения во флоте проводили старые военно-морские лётчики – то есть, требовалось, чтобы проводились учения по наблюдению и чтобы экипажи кораблей обучались тому как действовать против авиации. Когда этим молодым военно-морским лётчикам поручались такие учения, их увольняли на это время из флота. Это было неудобно, но всегда аккуратно выполнялось.

Симерс: Теперь я могу перейти к документу С-140, который в документальной книге 10а, страница 104. Это письмо от рейхсминистра обороны фон Бломберга[17], датированное 25 октября 1933. Оно адресовано начальнику армии, начальнику флота и рейхсминистру авиации.

На этом документе обвинение основывает свои обвинения в том, что вы, свидетель, готовили военные планы по вооруженному сопротивлению, которые

---

[15] Капитан цур зее Вальтер Ломан (1878 – 1930) являвшийся в 1920 начальником департамента транспорта флота организовал схему получения денежных средств в обход Версальского договора путем фиктивных фирм, действуя с ведома правительства Германии.

[16] Вильгельм Грёнер (1867— 1939) — немецкий военный и государственный деятель. Генерал-лейтенант. В 1928—1932 годах — министр Рейхсвера, с 1931 года — министр внутренних дел Веймарской республики. Беспартийный. Один из немногих военных, действительно признавших республику в Германии. Отстранён от должностей в 1932 году за критику национал-социалистов.

[17] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

могло потребоваться вследствие выхода Германии из Конференции по разоружению и Лиги Наций. Вероятно, вы можете кратко высказать свой взгляд.

Рёдер: У меня не было никаких предварительных сведений о нашем грядущем выходе из Лиги Наций. Данная директива вышла через 11 дней после нашего выхода из Лиги Наций, и она просто предусматривает оборонительные меры в случае применения санкций в отношении Германии другими державами вследствие её выхода из Лиги Наций. В «2с» сказано: «Между тем я запрещаю любые практические приготовления». Поэтому, во-первых, ничего не было сделано вследствие этой директивы, и рейхсминистр обороны просто попросил у меня доклад о том, что нужно было сделать.

Насколько я помню, тогда никаких практических приготовлений флот не проводил, потому что ситуация осталась абсолютно спокойной и не было никакой причины полагать, что потребуется какая-то оборона.

Симерс: Это, наверное указано в словах пункта «2а»: «Подготовка к обороне против санкций». Речь идёт только об обороне.

Рёдер: Только обороне.

Симерс: Это был выход из Лиги Наций состоявшийся 14 октября 1933, за 11 дней до написания документа, общеизвестный факт указанный обвинением на странице 257 протокола[18].

Сейчас мы переходим к документу С-166. Это экземпляр USA-48. Господин председатель, это в документальной книге 10, на странице 36. Это документ, датированный 12 марта 1934. Он исходит из командного управления флота и ссылается на ввод в действие вспомогательных крейсеров[19]. Обвинение процитировало только первые два параграфа из этого документа и отметило, что он показывает, что нужно было строить вспомогательные крейсера и описывать в целях маскировки транспортными кораблями «О».

Два параграфа звучат инкриминирующими, но их можно очень просто объяснить. Могу я сослаться на письменные показания Ломана[20], документ номер Рёдер-2, моя документальная книга 1, страница 5. Я ссылаюсь на параграф II. Я цитирую:

> «Документ С-166, представленный мне, сообщение из управления морского командования от 12 марта 1934, рассматривает «доступность вспомогательных крейсеров», которые, как сказано в документе, обозначались как «транспортные корабли О» Эти корабли не должны были быть вновь построенными, а должны были отбираться из состава

[18] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018, стр. 345.

[19] Вспомогательный крейсер — быстроходный коммерческий корабль или пассажирский лайнер, оборудованный вооружением и применяющийся в ходе военных действий на море как сторожевое, патрульное, досмотровое или конвойное судно (в ВМФ Великобритании), либо как рейдер в (ВМФ Германии и ВМФ Японии).

[20] Вальтер Ломан (1891-1955) – офицер немецкого флота. Вице-адмирал (1942). Во время Второй мировой войны командующий рядом региональных командований военно-морских сил Германии.

германского торгового флота в соответствии с требованиями перечисленными в документе и должны были обследоваться на пригодность для поставленных им задач. Затем в случае необходимости разрабатывались планы их реконструкции, но лодки оставались в торговом флоте».

Могу я сказать об этом, что в английском переводе слово «Umbau» перевели словом «реконструкция». У меня есть сомнения о том достаточно ли это правильно. Я предполагаю, что сейчас переводчик соответственно перевёл «Umbau». Насколько мне известно, немецкое слово ««Umbau» лишь означает ту же самую вещь как английское слово «изменение» - то есть, «Veranderung».

Я продолжаю цитировать:

«Приказ выбрать такие лодки на германских верфях был получен, помимо прочего, гамбургским управлением морского командования где я тогда служил».

Это был адмирал Ломан.

Свидетель, заявление Ломана верное? У вас есть, что-нибудь добавить?

Рёдер: Нет. Я могу лишь снова подчеркнуть, что не было никакого вопроса немедленного строительства, а только отбор подходящих кораблей и их проверка на предмет установления изменений, необходимых для их функционирования в качестве вспомогательных крейсеров в случае всеобщей мобилизации. Подготовка планов и сами планы должны были быть готовы к 1 апреля 1935, как изложено в номере 12. Они должны были быть представлены военно-морской администрации для того, чтобы в случай мобилизации соответствующий корабль был взять и переделать из состава торгового флота.

Все эти мобилизационные предложения, конечно, хранились в тайне.

Симерс: Уважаемый суд, мне кажется, чтобы общее недопонимание не возникло бы, если бы обвинение перевело два дальнейших фразы. Английская версия очень короткая и пункт 11 отсутствует. Я цитирую текст из пункта 11:

«В» запросил содействия «К», прежде всего, чтобы отобрать подходящие суда и установить, сколько 15-ти сантиметровых орудий нужно смонтировать, чтобы иметь требуемый бортовой залп…».

Здесь использовалось слово «отбирать», таким образом намерение не – как утверждает обвинение – строить вспомогательные крейсера, а проводить отбор из торговых судов.

Рёдер: Да, и корабли продолжали плавать на службе торгового флота.

Симерс: Вторая фраза, которую я нашёл, к сожалению, опущена в английском переводе обвинения и гласит следующее:

«До тех пор пока ограниченное количество орудий – в настоящем 24 – с этой целью можно передать в наше распоряжение, следует провести приготовления только для четырёх транспортных кораблей (О).

> Увеличение данного количества, предположительно до шести, будет отложено до даты, когда будет доступно больше орудий. До этих пор мы должны ожидать результатов подготовки для первых вспомогательных крейсеров».

Тот факт, что только четыре, или как самое большее шесть судов торгового флота были связаны с этим демонстрирует несущественность вопроса в целом.

Теперь я перехожу к документу С-189, USA-44. Это документальная книга номер 10 британской делегации, страница 66.

Я хочу ваших комментариев – прошу прощения. Я хочу напомнить вам, что это касается беседы между гросс-адмиралом Рёдером и фюрером на борту «Karlsruhe[21]» в июне 1934.

Гросс-адмирал, будьте добры высказать свои взгляды на три пункта указанные в этом кратком документе который вы обсуждали с Гитлером в июне 1934.

Первый вопрос: почему Гитлер не желал раскрывать увеличение водоизмещения D и E – то есть, «Scharnhorst[22]» и «Gneisenau[23]» - когда, в соответствии с этим документом, это были оборонительные вооружения и любой эксперт заметил бы увеличение тоннажа этих кораблей и, насколько мне известно, это заметили?

Рёдер: В то время мы рассматривали, что мы могли сделать с двумя броненосцами D и E, после подписания предстоящего морского пакта с Англией – то есть, двумя кораблями, которые Гитлер одобрил мне для флота в бюджете 1934. Мы твёрдо решили не продолжать строить эти броненосцы как таковые, поскольку мы могли лучше использовать материальную часть имевшуюся в нашем распоряжении.

Симерс: Но вы конечно понимали, что любой эксперт в британском или американском или любом другом адмиралтействе увидел бы в походе, как только он увидел бы корабль, что 10 000 тонн, теперь стали 26 000 тонн?

Рёдер: Да, конечно.

Симерс: Значит, намерение заключалось просто…

Председатель: Доктор Симерс, когда вы прямо допрашиваете свидетеля, вы не задаёте наводящие вопросы, которые вкладывают в его уста тот самый ответ,

---

[21] «Карлсруэ» — немецкий лёгкий крейсер, принимавший участие во Второй мировой войне. Назван в честь города Карлсруэ, его предшественниками с этим же наименованием стали знаменитый рейдер Первой мировой войны и крейсер типа «Кёнигсберг II». Потоплен 9 апреля 1940 британской подводной лодкой.

[21] «Шарнхорст» — линкор (иногда обозначается как линейный крейсер, в связи с калибром орудий) ВМС Германии во Второй мировой войне. Назван в честь генерала и реформатора прусской армии Герхарда фон Шарнхорста и в память о крейсере Первой мировой войны «Шарнхорст», потопленном в сражении при Фолклендских островах в декабре 1914 года. Потоплен в морском бою 26 декабря 1943.

[22] «Гнайзенау» — немецкий линкор типа «Шарнхорст», периода Второй мировой войны, назван в честь фельдмаршала и реформатора Прусской армии графа Августа Вильгельма Гнейзенау и в память о крейсере Первой мировой войны «Гнайзенау», потопленном в сражении при Фолклендских островах в декабре 1914 года. После воздушной атаки 27 февраля 1942 в боевых действиях участия не принимал.

.

который вы желаете. Вы заявляете свидетелю всякого рода вещи и затем спрашиваете его «разве это не так?»

Симерс: Я прошу прощения. Я приложу все усилия, чтобы задавать свои вопросы по-другому.

Рёдер: Мой ответ всё равно другой.

Симерс: Да?

Рёдер: Здесь мы, в первую очередь, рассматриваем планы. Я попросил разрешения пересмотреть планы по этим двум броненосцам; во-первых, усилив их оборонительное вооружение - то есть, бронезащиту и подводные отсеки – и затем, увеличив их наступательное вооружение – а именно, добавив третью 28-ми сантиметровую башню вместо 26-ти сантиметровой. Фюрер при этом пока не желал санкционировать новую 28-ми сантиметровую башню, потому что, как я уже говорил, он не при каких обстоятельствах не хотел наносить вред переговорам, идущим с Великобританией. Поэтому для начала, он санкционировал только среднее водоизмещение 18 000-19 000 тонн; и мы знали, что когда дело дойдёт до того, когда можно будет установить третью 28-ми сантиметровую башню, водоизмещение было бы около 25 000-26 000 тонн.

Однако мы не видели никакого повода объявлять об этом на данной стадии, потому что на флоте привычно, что о новых строительных планах и в особенности о новых типах кораблей нужно объявлять в самый последний момент. В этом заключалась принципиальная причина и помимо этого, Гитлер не хотел привлекать внимание остальных стран на это строительство приводя упомянутые цифры или заявляя об очень высокой скорости. Не было никакой другой причины не объявлять эти вещи.

Симерс: Я хочу ваших комментариев по номеру 2 документа. Это особо утверждается в отношении вас обвинением, потому что здесь вы выражаете взгляд, что флот нужно было развивать, чтобы потом противостоять Англии.

Рёдер: Сначала – как намеревался позднее объяснить – мы взяли за образец нашей модели новые французские корабли. Французский флот развивал тогда класс «Dunkerque[24]» с восемью 33-х сантиметровыми орудиями и высокой скоростью, и мы взяли это себе за образец, особенно поскольку, по мнению Гитлера – как вы услышите позднее – не было никакого вопроса вооружения против Англии. Мы намеревались реконструировать эти два броненосца, как как линкоры с девятью 28-сантиметровыми орудиями способными к высокой скорости. Но затем мы услышали о том, что в Англии разрабатывался класс «King George[25]» с 35,6-ти

[24] «Дюнкерк» — линкор (иногда — линейный крейсер) французского флота. Головной корабль типа «Дюнкерк». Корабли этого типа стали первыми в мире быстроходными линкорами. Во французском флоте «Дюнкерк» и «Страсбург» официально числились линейными кораблями, за границей их обычно причисляли к линейным крейсерам. Назван в честь одноименного города. Стал первым французским линейным кораблем, построенным после окончания Первой мировой войны. 5 и 6 июля 1940 серьезно поврежден силами английского флота, после чего активного участия в боевых действиях не принимал.

[25] «Король Георг V» — второй британский линкор с этим именем (первый — 1911 года). Был заложен как головной

сантиметровыми орудиями и следовательно, сильнее чем французский тип; и поэтому я сказал, что нам в любом случае в конце концов нужно отступить от французского типа и следовать английскому образцу, которая теперь строила с 35-ти сантиметровыми орудиями.

Здесь ошибка в переводе – а именно, «чтобы противостоять Англии». В моём тексте сказано, что разработка должна следовать чертам британских разработок – другими словами, что нам нужно разрабатывать суда типа похожие на английские корабли. Но они тоже вскоре устарели, потому что Франция затем строила корабли класса «Richelieu[26]» с 38-ми сантиметровыми орудиями. Таким образом, мы тоже решили строить корабли с 38-и сантиметровыми орудиями. Это привело к строительству «Bismarck[27]». Слово «противостоять» было совершенно бессмысленным во время, когда мы намеревались придти к соглашению с Британией на условиях при которых мы бы никак не могли с ней тягаться.

Симерс: Теперь мы переходим к пункту 3 из этого документа, который обвинение считает одинаково важным. Я цитирую:

> «Фюрер требует полной секретности в отношении строительства подводных лодок – учитывая также Саарский плебесцит[28]».

Рёдер: Я уже ссылался на пожелание фюрера о секретности как в связи со строительством субмарин, так и подготовкой к такому строительству. Это один из пунктов в которых он был наиболее чувствительным, потому что ни при каких обстоятельствах он не хотел наносить вред переговорам. Он сам был в целом крайне осторожным в течение этого периода и ни при каких обстоятельствах не хотел ничего делать, что могло саботировать морской пакт, который он стремился заключить.

Симерс: Я не совсем понимаю ссылку на секретность в связи со строительством субмарин. Таких которые пока не строились, не так ли?

Рёдер: Нет. Я сказал о секретности в связи с подготовкой к строительству субмарин; это такой способ выражения.

Симерс: Теперь мы переходим к документу С-190, экземпляр USA-45. Это в документальной книге номер 10 британской делегации, страница 67. Это беседа которая состоялась между Гитлером и Рёдером 2 ноября 1934 на борту «Emden[29]». В документе перед вами, Гитлер информирует вас, что он считает необходимым увеличить и улучшить флот к 1938 и что, при необходимости, он бы дал указание

корабль новой серии в 1937 году. Участвовал в сражениях Второй мировой войны. Находился в строю в 1940-1957.

[26] «Ришелье» — линейный корабль французского флота. Головной корабль типа «Ришелье». Назван в честь кардинала Ришельё. Находился в строю с 1940 по 1968.

[27] «Бисмарк» — линкор немецкого военного флота. Назван в честь первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Потоплен в морском бою 27 мая 1941.

[28] Плебисцит по вопросу о будущем Саара оккупированного войсками союзников после Первой мировой войны прошёл 13 января 1935 года.

[29] «Эмден» — немецкий лёгкий крейсер времён Второй мировой войны. В строю с 1925 по 1945. Повреждённый крейсер был взорван экипажем.

доктору Лею предоставить в распоряжение флота 120-150 миллионов марок от Трудового фронта[30].

Вы имели какое-либо отношение к сбору фондов для перевооружения?

Рёдер: Нет, не к самому сбору фондов. Я обращался за ассигнованиями к рейхсминистру обороны, который выделял их мне для цели этого перевооружения. Я предполагаю, что данное заявление было сделано, потому что санкционированное ассигнование для флота показалось мне слишком маленьким и по этой причине фюрер сказал, что если нужно он бы задействовал Лея. Этого на самом деле не произошло. Я получал свои фонды только от рейхсминистра обороны.

Симерс: При том, что предъявленное обвинение мне не совсем ясно, поскольку это основано на взглядах Гитлера – которые не имеют к вам никакого отношения – я хочу вернуться к этой сумме ещё раз. Я могу напомнить вам, что броненосец устаревшего 10 000 – тонного класса, который, в конце концов, был меньше, стоил 75-80 миллионов. Эта цифра 120-150 миллионов была достаточно крупной, чтобы позволить флоту проводить крупномасштабное перевооружение?

Рёдер: Нет, разумеется нет. Строились ещё два линкора, помимо этих двух броненосцев. Вы можете вообразить, что стоимость постоянно возрастала.

Симерс: Значит, эта сумма не была окончательной?

Рёдер: Нет, не была окончательной.

Симерс: Тогда будьте любезны продолжить с пунктом 2. Согласно пункту 2 документа, во время этого совещания вы заметили Гитлеру, что могло быть необходимо собрать шесть субмарин в течение первого квартала 1935.

Рёдер: Я сказал это, потому что я знал, что в начале 1935 мы собираемся воссоздать вооруженные силы, и я также подумал, что это могло создать критическую ситуацию в отношении санкций, которых всегда тоже ожидал Гитлер. Я полагаю, что мы говорили об этом и вот почему я предложил, что если возникнет необходимость каких-нибудь особых приготовлений ввиду воссоздания вооруженных сил, тогда нужно было собрать шесть субмарин, к дате до дате самой сборки, из тех запасных частей которые мы получили за рубежом.

Симерс: Гитлер на самом деле отдал приказ?

Рёдер: Нет, приказа не отдавалось.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Теперь я перехожу к документу С-159, экземпляру USA-54. Данный документ можно найти в документальной книге британской делегации 10а, страница 110. Этот документ письмо написанное фон Бломбергом 2 марта 1936,

[30] «Германский трудовой фронт» — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

рассматривающее демилитаризованную зону[31]. Свидетель, вы вели длительные военные приготовления для акции состоявшейся 7 марта 1936?

Рёдер: Нет, я не вёл никаких длительных приготовлений. Я услышал о плане только из этого документа от 2 марта. Я могу отослать вас к пункту 6, который говорит: «Придерживаться мирного характера операции, не следует предпринимать никаких мер военной безопасности и продвижения без моего прямого приказа». Следовательно, было ясно, что вся акция должна была иметь мирный характер.

Симерс: Вы вообще ничего не знали об акции до начала марта?

Рёдер: Нет, мне кажется, что данную акцию особенно держали в тайне.

Симерс: Тогда я перейду к документу С-194, экземпляру USA-55, в документальной книге британской делегации 10а, страница 128. Данный документ сообщение от высшего командования Вермахта главнокомандующему флотом датированное 1936 – формулировка кажется указывает на 6 марта 1936. Следовательно, это касается, того же предмета как и последний документ. Могу я получить ваши комментарии.

Рёдер: Рейхсминистр обороны санкционировал определенную воздушную рекогносцировку в Северном море 6 марта – то есть, за день до оккупации Рейнланда. Он намеревался отозвать своё решение, так как подводные лодки тоже должны были направить с разведывательными задачами на Запад до Текселя на следующий день. Соответственно я отдал приказ от 6 марта 1936 и дал специальные указания…

Симерс: Я прошу прощения.

[*Обращаясь к трибуналу*] Я бы хотел отметить, что этот приказ Рёдера от 6 марта 1936 прилагается к тому же документу и следовательно текст у трибунала.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, продолжайте.

Рёдер: Я подготовил данное распоряжение от 6 марта касательно планируемой линии подводных лодок и разведке в Германском заливе 7 марта. Я особо отметил, что следует избегать всего, что может создать ложное впечатление о намерениях фюрера и таким образом создать препятствия на пути этой мирной акции.

Симерс: Я бы хотел добавить к вашему заявлению, что эти слова взятые из распоряжения от 6 марта 1936 можно найти в пункте 5. Они в последних двух строчках.

Рёдер: Всё это были меры предосторожности в случае вражеского противодействия.

Симерс: Это были крупномасштабные приготовления?

Рёдер: Нет, нет.

Симерс: Теперь я перехожу к последним двум документам, касательно темы Версальского договора и перевооружения, документ С-135, экземпляр GB-213, документальная книга 10, страница 20 – то есть, документальная книга британской

---

[31] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

делегации 10 – который озаглавлен «История военной организации» - то есть, «Схема военно-мобилизационной организации». Он датирован 1938. Этот документ полностью читало обвинение и на нём основано очень тяжкое обвинение, потому что документ содержит заявление о том, что Гитлер потребовал, чтобы за 5 лет – то есть, к 1 апреля 1938 – нужно было создать Вермахт который он мог бы использовать в качестве политического инструмента власти, а также потому что упоминает документы подготовительного организационного плана 1938 и боевого организационного плана.

Учитывая значимость этого положения, я попросил вице-адмирала Ломана прокомментировать этот довольно технический вопрос. Мы рассматриваем экземпляр номер Рёдер-2, в моей документальной книге-2, под частью III, на странице 5. Я думаю, обвинение неправильно поняло значение определенных терминов. Термины «Kriegsgliederung» и «Aufstellungsgliederung» неправильно поняли.

Следовательно, я прошу разрешения, зачитать эти письменные показания в сочетании с документами, предъявленные мной в качестве доказательств. Я цитирую:

> «III. Ссылаясь на документы С-135 и С-153, план вооружений, мобилизационный план, подготовительный организационный план - Aufstellungsgliederung, A.G., - и боевой организационный план - Kriegsgliederung, K.G.».

Я бы хотел добавить, что С-153 и С-135 связаны. Я взял их вместе для пущей простоты. Поэтому, я бы хотел заявить под протокол, что 153 экземпляр USA-43 и может быть найден в британской документальной книге 10а, страница 107. Он озаглавлен «План вооружения (П.В.) для третьего этапа вооружения». Это довольно длинный документ, датированный 12 мая 1934.

Я цитирую письменные показания Ломана об этих двух документах:

> «Вышеназванные документы представленные мне рассматривают подготовительный организационный план, боевой организационный план, мобилизационный план и план вооружений. Первые три плана, или приказы о распределении, рассматривают одинаковые вопросы и отличаются только по способу составления. План вооружения отличается от остальных планов постольку, поскольку он рассматривает новое строительство и требовал новую материальную часть и отсюда менее обширный.
>
> Германский флот, как и вооруженные силы в целом – и без сомнения, вооруженные силы каждой нации – готовили такие планы, чтобы было можно, в случае конфликта или военных осложнений, вовремя подготовить и эффективно воспользоваться доступными боевыми средствами. Ввиду изменяющихся условий, военной обстановки,

изменений в личном составе, технических новинок, такие планы пересматривали каждый год. Существенная часть этих приготовлений, самоочевидная в случае любых вооруженных сил, состояла из создания, мобилизации или боевой организации, которые предоставляли обзор всех военно-морских сооружений на суше и в море, их местную оборону и тактическое подчинение – также как и всю наличную боевую материальную часть или подлежавшую обеспечению, или реорганизованную к конкретной дате. Все операции предусмотренные военным командованием основывались на данном боевом организационном плане, и он также служил политическому руководству указанием на возможности в соответствии с силой и численностью доступных военных ресурсов.

Боевой организационный план всегда нужно было готовить с большим предвидением и издавать высшим командованием флота в целом за 1 ½ года до вступления его в силу, для того, чтобы позволить ответственным ведомствам вовремя провести необходимую подготовку, такую как обращение в бюджетное управление флота за фондами и материалами – такими как железо, сталь, и т.д. – и для подготовки размещения, постольку поскольку всё это пока не было охвачено мирным развитием флота.

В 1933, когда Гитлер в своём пятилетнем плане потребовал, чтобы к 1 апреля 1938 должна была быть создана вооруженная сила, которую он мог использовать для баланса в качестве инструмента политической власти, боевой организационный план на 1938 разрабатывался независимо от запланированного боевого организационного плана, и вплоть до 1935 он в основном рассматривал возможности Версальского договора, которые пока не были исчерпаны, и вопрос дополнения военно-морской силы средствами не подлежащими ограничениям по типам или количеству. После военно-морского пакта 1935, боевой организационный план 1938 был заменен «окончательным боевым планом», который регулировал количество существовавших или строящихся военных кораблей всех типов в пропорции 35: 100 измеряемой к тоннажу уже имевшемуся в английском флоте. Учитывая денежные и материальные ресурсы, емкость верфей, и время необходимое для постройки крупных военных кораблей, эта конечная цель между тем было установлена на период 1944-45 года.

Всегда оставалась возможность дальнейшей отсрочки, в соответствии со строительной программой английского флота.

Различные терминологии имеют только военно-морское техническое

значение и не допускают выводов о политических планах».

Я бы хотел отметить небольшую ошибку в переводе в английском тексте. Перевод слова «Terminierungen» «терминологией», по моему мнению неправильный. Должны быть, наверное «даты» или «конечные сроки».

Свидетель, заявления вице-адмирала Ломана верные? Вы можете добавить что-нибудь к этой основной точке зрения?

Рёдер: Эти заявления содержат всё, что можно сказать по данному вопросу. Вся эта организация, по моему мнению, приготовления которые должен проводить каждый флот, если его нужно систематически обеспечивать и готовить к операции.

Где-то сказано – в документе номер С-135, страница 1, пункт 2 – что «Нарастающая напряжённость между Германией и Польшей вынуждает нас предпринять практические вместо теоретических, приготовления для чисто германо-польского конфликта». Это было интерпретировано как означающее, что в какое-то время – мне кажется в 1930 – мы планировали агрессивную войну против Польши.

Я вчера свидетельствовал о том, что наша основная цель заключалась и должна была заключаться, как и не могла выходить дальше того, чтобы, силой противостоять любой агрессии совершенной Польшей против Восточной Пруссии. В этом заключалась цель нашей работы – защитить Германию от вторжения поляков. В то время, это было бы безумием для германских сил, которые всё еще были неадекватно вооружены, вторгаться в Польшу или любую другую страну.

Также затем, поскольку даты 1938 и 1944-45 постоянно повторяются, я бы хотел снова отметить, что 1938 год впервые стал обсуждаться в качестве окончательной даты первой стадии плана замещения судостроительства. Последний корабль из этого плана замещения судостроительства должен был быть построен с 1936 по 1938.

Симерс: Прошу прощения.

[*Обращаясь к трибуналу*] Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что это документ номер Рёдер-7.

Рёдер: [*Продолжая*] Затем Гитлер распорядился о пятилетнем плане, который как получилось также охватывал годы 1933-1938 и в соответствии с которым боевой организационный план, нужно было определить для 1938 года. Окончательный боевой организационный план был установлен для 1944-45 и причина установления этой даты, как сказано в документе, который вы только что прочитали, заключался в том факте, что при определении нашей программы нам нужно было принимать во внимание фонды и материалы имевшиеся в нашем распоряжении, емкость наших судостроительных верфей, и длительность времени необходимого для строительства больших военных кораблей. До этой даты нельзя было создать разумно сильную боевую силу. Позднее боевой организационный план снова появляется в нескольких моих письмах. Но с нашей стороны не приводилась никакая дата, которая предназначалась как назначенное время нападения.

Симерс: Заявления в документе С-135 соответствуют германо-английскому морскому соглашению. Это верно?

Вероятно, я не сформулировал свой вопрос ясно. Заявление о том, что создавалась новая программа подразумевает, что это было сделано в соответствии с германо-английским морским соглашением?

Рёдер: Да, конечно.

Симерс: В любом случае, ссылку на документ С-135, пункт 8, наверное нужно интерпретировать в таком смысле, поскольку он говорит, «…современный флот связан, лишь условиями германо-британского морского соглашения».

Рёдер: Конечно.

Симерс: Теперь я перехожу к другой теме и возвращаюсь в 1933 год.

Гросс-адмирал, когда вы встретили Гитлера, у вас имелись какие-либо связи с национал-социализмом до 1933?

Рёдер: Я встретил Гитлера 2 февраля 1933, когда я увидел его и впервые с ним поговорил. Это была вечеринка организованная генералом фон Бломбергом в доме генерала фон Хаммерштейна[32], начальника штаба командования армией, на которой рейхсминистр обороны фон Бломберг собирался представить Гитлеру старших генералов и адмиралов. Я опишу произошедшее потом.

До этого времени, у меня вообще не было никакой связи с национал-социализмом. Я знал адмирала фон Леветзофа[33] только по Первой мировой войне. Он был в штабе адмирала Шеера[34], которого я хорошо знал и очевидно встретил Гитлера сравнительно рано. Однако, это от него я услышал о том, что Гитлер проявляет очень активный интерес к военно-морским вопросам и был удивительно хорошо информирован о них. С другой стороны, мне кажется, что фон Леветзоф также высказался Гитлеру о репутации флота и его собственном мнении о флоте того времени. Но я не имел связей помимо этого.

Симерс: В чём заключались ваши причины оставаться в должности в 1933, гросс-адмирал, если у вас не было связей с национал-социализмом?

Рёдер: Рейхспрезидент, фельдмаршал фон Гинденбург[35], одновременно верховный главнокомандующий Вермахта, назначил лидера крупнейшей партии в качестве рейхсканцлера. Я думаю, что если бы я пришел к нему и сказал ему, что я хотел отставки – или намеревался подать в отставку – потому что он назначил нового канцлера, он точно воспринял бы это как оскорбление и тогда бы действительно

---

[32] Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878 — 1943) — немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал пост главнокомандующего Рейхсвера.

[33] Отто фон Леветзоф (1871 – 1939) – немецкий адмирал. В 1933 полицай-президент Берлина.

[34] Рейнхард Шеер (1863 — 1928) — германский военный деятель, адмирал. Командующий германским Флотом открытого моря в Ютландском морском сражении, одном из крупнейших морских сражений в истории.

[35] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). президент Германии (1925—1934). Первый и единственный в истории Германии человек, избранный главой государства на всенародных выборах.

уволил меня. У меня не имелось ни малейшей причины просить своего верховного главнокомандующего освободить меня с моего военного поста, потому что он, как рейхспрезидент, назначил нового рейхсканцлера которого, я вероятно мог не одобрять.

Симерс: Когда и где вы впервые услышали о заявлении Гитлером своих основных политических принципов?

Рёдер: Я услышал его впервые вышеуказанного 2 февраля, после ужина в доме генерала фон Хаммерштейна. Меня представили ему перед ужином, и после ужина он произнес речь. Его сопровождал министр иностранных дел, господин фон Нейрат. Не присутствовали никакие члены партии.

В своей речи он, прежде всего, говорил о своей карьере и своих национальных и социальных целях. Он сказал о том, что хотел достичь равных прав для Германского Рейха и что он постарался бы избавить страну от оков Версальского договора и восстановить для Германии её внутренний суверенитет; и он также обсуждал свои социальные цели: создание подлинного сообщества в народе, повышение уровня жизни рабочих, предоставление содействия фермерам, и развитие сельского хозяйства, создание трудовой службы, и ликвидация безработицы. Он особо подчеркивал – и на самом деле в этом заключался основной пункт – что как внутренняя так и внешняя политика должны были полностью находиться в его руках, что Вермахт вообще не имел к этому никакого отношения, что Вермахт не должны были использовать даже при внутреннем беспокойстве, и что у него были другие силы, чтобы заниматься этими делами. Он хотел гарантировать спокойный период развития Вермахта, для того, чтобы он мог стать фактором необходимым для предотвращения превращения Рейха в добычу других наций и по этой причине Вермахту было бы необходимо в следующие несколько лет для Вермахта полностью уделять своё внимание подготовке к своей основной задаче, подготовке к обороне отечества в случае агрессии. Вермахт был бы единственным носителем оружия, и его структура осталась неизменной. Он не говорил о подробностях.

Там собралась сравнительно крупная компания. Что касалось военных схем – ни одна не упоминалась, и все кто присутствовал, были необыкновенно удовлетворены этой речью. Он говорил с особенным уважением в отношении рейхспрезидента фон Гинденбурга, верховного главнокомандующего Вермахта, и у нас сложилось впечатление, что он уважает эту очень значимую личность.

Данная речь была лишь отчётом о его основных принципах, которые он высказал мне как начальнику штаба морского командования, также как и начальнику штаба командования армией и остальным.

Симерс: Гросс-адмирал, когда вы впервые докладывали Гитлеру о флоте; и в чём заключалось общее отношение Гитлера по этому случаю – к флоту в частности?

Рёдер: Первый военно-морской доклад я сделал несколько дней спустя в

присутствии генерала фон Бломберга, который как рейхсминистр обороны был моим начальником. Я не могу привести точную дату, но это было очень скоро.

По этому поводу Гитлер дал мне дальнейший отчет о принципах, с которыми я должен был командовать флотом. Я вообще впервые докладывал Гитлеру о состоянии флота, достаточно в небольшой степени о положениях Версальского договора выполнявшихся флотом, его слабой силе, плане замещения судостроительства, и инцидентов касательно военно-морской политики, таких как Вашингтонский договор[36], Лондонский договор 1930[37], положение на Конференции по разоружению. Он уже был полностью проинформирован по всем таким вопросам.

Он сказал, что он хотел разъяснить мне принципы на которых была основана его политика и что эта политика должна была послужить в качестве основы долгосрочной военно-морской политики. Я всё еще ясно помню эти слова, также как те которые последовали.

Он ни при каких обстоятельствах не желал иметь осложнений с Англией, Японией или Италией – в конце концов, не с Англией. И он хотел подтвердить это заключением с Англией соглашения о силе выделяемой германскому флоту в сравнении с английским флотом. Сделав так, он хотел продемонстрировать, что он был готов признать, раз и навсегда, право Англии поддерживать флот сопоставимый с широтой её интересов по всему миру. Германский флот требовал расширения до степени, вызываемой европейской континентальной политикой. Я принял это в качестве второго основного принципа, на котором основано моё руководство флотом. Фактическое соотношение силы между двумя флотами тогда не обсуждали, это обсуждали позднее.

Такое решение Гитлера принесло чрезвычайное удовлетворение как мне так и всему флоту, так как это означало, что мы больше не должны бессмысленно состязаться с первой морской державой, и я увидел возможность постепенного строительства флота на твердой основе. Мне кажется, что это решение флот приветствовал с радостью и он понимал его значение. Русский пакт[38] позднее встретили с таким же пониманием, поскольку сочетание русского пакта и морского соглашения гарантировали бы чудесное развитие. Были люди – но не во флоте – которые верили, что это зыбкая почва, но это ограничение было принято большинством немцев со значительным пониманием.

Симерс: Гросс-адмирал, какими были ваши личные отношения с Гитлером? Как вы

[36] Вашингтонское морское соглашение 1922 года или Договор Пяти Держав — соглашение, заключённое между ведущими мировыми державами: США, Британской империей, Французской Республикой, Японской империей и Итальянским королевством об ограничении морских вооружений. Подписано 6 февраля 1922 года по результатам Вашингтонской конференции, проводившейся в ноябре 1921 — феврале 1922 года.

[37] Лондонский морской договор 1930 года — международный договор по ограничению военно-морских вооружений, подписанный 22 апреля 1930 года в Лондоне (Великобритания) 5 морскими державами: Соединёнными Штатами Америки, Британской империей, Японской империей, Францией и Италией.

[38] Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

судили о нём в течении лет, и каким было отношение Гитлера к вам?

Рёдер: Я приветствовал этого энергичного человека, потому что он был очевидно очень умным, имел огромную силу воли, был мастером в руководстве людьми, и – как я сам наблюдал в ранние годы - великим и очень умелым политиком чьи национальные и социальные цели были уже хорошо известны и полностью принимались вооруженными силами и немецким народом…

Председатель: Трибунал думает, что это можно рассмотреть короче. Мы слышали об этом от многих других.

Симерс: Да. Подсудимому не описывать свои отношения с Гитлером? Трибунал считает это не относящимся к делу?

Председатель: Он может сделать это короче.

Симерс: Да. Хорошо. Гросс-адмирал, пожалуйста, покороче.

Рёдер: Я бы просто хотел сказать, что я думал о Гитлере для того, чтобы дать понять свои причины не уходить от него, факт который обвинение весьма сильно заявило в отношении меня. Его первые шаги, как во внутренней, так и внешней политике, несомненно, вызывали подлинное восхищение его политическими способностями и пробудили надежду на то, что поскольку он предпринимал эти первые шаги без кровопролития или политических осложнений, он бы смог решать таким же образом и проблемы которые могли возникнуть позже.

Председатель: Как я уже отмечал, мы слышали это – об этих качествах или силе способностей Гитлера почти от каждого подсудимого и это весьма кумулятивно, и если данный подсудимый желает сказать, что он был очень сильно впечатлен качествами Гитлера, этого вполне достаточно. Все остальное кумулятивно.

Рёдер: Очень хорошо. Тогда я скажу только то, что в ранние годы у меня не было никакой причины волноваться о том должен ли я оставаться на своей должности или нет.

Симерс: Гросс-адмирал, мы автоматически перейдем к дальнейшим затруднениям на последующей стадии слушаний.

Теперь я перехожу к германо-британскому морскому соглашению и хотел бы коротко вас спросить о том, как возникло это морское соглашение 1935. Я ссылаюсь на документ номер Рёдер-11, документальная книга 1, страница 59, который содержит морское соглашение в форме сообщения от германского министра иностранных дел британскому правительству. Само содержание было установлено британцами, как показывают первые несколько слов:

> «Ваше превосходительство, имею честь уведомить о получении ноты вашего превосходительства от сегодняшнего числа, в которой вы были столь любезны сообщить мне от имени правительства его величества в Соединенном Королевстве следующее:
>
> 1. В течение минувших нескольких дней представители германского правительства и правительства его величества в Соединенном

Королевстве принимали участие в беседах, основная задача которых заключается в подготовке проведения генеральной конференции по предмету ограничения морских вооружений. С большим удовлетворением уведомляю ваше превосходительство о формальном принятии правительством его величества в Соединенном Королевстве предложения германского правительства обсуждавшегося на этих беседах о том, что будущая сила германского флота в отношении к объединенной морской силе членов Британского содружества наций, которая должна находится в пропорции 35:100. Правительство его величества в Соединенном Королевстве относится к данному предложению как к вкладу величайшей важности в дело будущего военно-морского ограничения. Оно далее верит в то, что соглашение, достигнутое им с германским правительством и к которому оно относится как к постоянному и четкому соглашению с настоящего дня между двумя правительствами…».

Председатель: Это общеизвестный документ, и трибунал конечно вынесет о нём судебное уведомление. Не нужно весь его зачитывать.

Симерс: Очень хорошо. Вместе с тем я хочу отметить, что, в соответствии с пунктом «2f» данного документа, британское правительство признало, то, что касательно субмарин, Германии должны были позволить такое же количество как у Британии. В то время это насчитывало около 52 000 тонн или даже больше чем 100 подводных лодок. Однако правительство Германского Рейха, добровольно ограничило себя 45 процентами от общего тоннажа субмарин Британской империи.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы и флот относились к таким значительным ограничениям как основе немецкого мирного развития и это было благоприятно принято флотом?

Рёдер: Да, как я уже сказал, это было принято с величайшим удовлетворением.

Симерс: Поскольку суждение, сформированное несколько лет назад более весомое нежели заявление, сделанное в ходе процесса, я желаю предъявить документ номер Рёдер-12, документальная книга 1, страница 64. Данный документ касается сообщения составленного гросс-адмиралом Рёдером для сведения офицерского корпуса. Оно датировано 15 июля 1935, месяц спустя после подписания морского соглашения. Рёдер говорит – и я цитирую второй абзац:

«Из решения фюрера установить соотношение флотов Германии и Британской империи в 35:100 возникло соглашение. Данное решение, которое основано на соображениях европейской политики, сформировало стартовую точку из Лондонской конференции. Несмотря на первоначальную оппозицию из Англии, мы стойко придерживались нашего решения и наши требования были полностью одобрены. Решение фюрера основано на желании исключить

возможность антагонизма между Германией и Англией в будущем и таким образом навсегда исключить возможность морской враждебности между двумя странами».

Фраза на странице 66 тоже важна. Я желаю попросить высокий трибунал вынести об остальном судебное уведомление:

«В результате данного соглашения, строительство германского флота в степени, установленной фюрером было формально одобрено Англией».

После этого отдельные заявления о тоннаже.

Затем я хочу обратить внимание на последнюю фразу, которая показательная об отношении Рёдера в то время:

«Данное соглашение представляет сигнальный успех в политической области, поскольку это первый шаг к практическому взаимопониманию и означает первое послабление в жестком фронте до сих пор сохранявшемся против Германии нашими бывшими противниками и вновь с непримиримостью продемонстрированному в Стрезе[39]».

Симерс: Гросс-адмирал, линии мирного развития излагались вами в следующие годы?

Рёдер: Да.

Симерс: В этой связи я хочу предъявить документ Рёдер-13. Это документ, который позволит мне – для того, чтобы сэкономить время – отказаться здесь в суде от показаний вице-адмирала Ломана. Данный документ находится в документальной книге 1, страница 68, и озаглавлен «Новый план развития германского флота» и обычная работа. Это речь произнесенная вице-адмиралом Ломаном летом 1935 в Ганзейском университете в Гамбурге. Я прошу высокий трибунал вынести судебное уведомление о существенных положениях этого документа; и так как эта авторитетная работа выполнена по просьбе высшего командования, вероятно, я могу процитировать лишь следующее. Адмирал Ломан прежде всего излагает, что поскольку теперь мы были вольны призывать и вооружать войска, флот был свободен от ограничений, но взгляд Гитлера не заключался в этом. Теперь я цитирую:

«Однако, фюрер, избрал иной путь. Он предпочел обсуждать германские морские вооружения непосредственно с Британией, которая, как нашим бывшим противником» - прошу прощения; я

---

[39] Стрезская конференция, также Стреза конференция — международная конференция, состоявшаяся в апреле 1935 года в небольшом городке Стреза на западном берегу озера Лаго-Маджоре (Италия) с участием премьер-министра Великобритании Джеймса Макдональда, министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля и лидера Италии Бенито Муссолини. Конференция явилась следствием непосредственной реакции Англии, Франции и Италии на восстановление Гитлером в Германии всеобщей воинской повинности, что являлось грубым нарушением обязательств, взятых на себя Германией по Версальскому мирному договору.

цитирую со страницы 70 – «годами пыталась выразить понимание нашему трудному положению».

И на странице 71 Ломан говорит о вводящих в заблуждение отчётах публикуемых в прессе, и. т. д., и буквально продолжает:

«Тогда, ещё более удивительной была ратификация договора, которая выразила полное согласие обеих правительств и не оставила подобно некоторым соглашениям о вооружении прошлого времени, больше озлобления чем понимания при своём заключении. Дух честности, который присущ британским государственным деятелям, несмотря на частые грязные ходы высшей политики, проявился, когда столкнулся с нескрываемой искренностью немецких деклараций, достоинством немецких представителей, и страстным желанием мира вдохновленном речами и поступками нашего фюрера. В отличие от былых времен, речи британских лидеров выражали уважение и признание. Мы поняли это как знак честной готовности, чтобы понимать. Голоса из кругов британских ветеранов войны вряд ли менее ценные чем отношение официальных лидеров. Например, в ноябре 1918, когда германский флот был захвачен британскими эскадрами для интернирования в Скапа-флоу, британский главнокомандующий лорд Битти[40], великий противник адмирала Хиппера[41], послал знаменитый сигнал. «Не забывайте, что враг презренный зверь». Этот гранд-адмирал выражал свою нелюбовь к Германии по многим поводам, но 26 июня тот же самый лорд Битти заявил в Палате лордов[42]: «Я считаю, что мы должны быть благодарны немцам. Они пришли к нам с распростертыми объятиями, объявив о том, что согласны на соотношение 35:100». Если бы они, представили иные предложения, мы бы не смогли этому помешать. Мы можем быть по-настоящему благодарны за тот факт, что есть хотя бы одна страна в мире соревнования с которым в вооружениях нам не нужно опасаться».

Затем я хочу сослаться на страницу 73, которая ограничивает линкоры 35 000 тонн. Данное ограничение играет роль в документе обвинения С-23. Тот факт, что в данном документе рядом со словами «Панамский канал[43]» находятся слова «линкоры 35 000 тонн», имеет определенное значение. Ограничение в 35 000 тонн не настолько решающие и важное как хотело бы обвинение. Вот

[40] Дэвид Битти (1871— 1936) — британский флотоводец, адмирал флота (1919), Первый лорд Адмиралтейства (1919—1927).

[41] Франц фон Хиппер (1863 — 1932) — адмирал германского флота. Командовал авангардом германского флота открытого моря в Ютландском сражении, одном из крупнейших морских сражений в истории.

[42] Палата лордов — верхняя палата парламента Великобритании.

[43] Панамский канал — судоходный канал, соединяющий Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном, расположен на Панамском перешейке на территории государства Панама.

происхождение: Соединенные Штаты Америки в то время хотели ограничить тоннаж 35 000 тонн в связи с шириной и глубиной Панамского канала, так как Панамский канал пришлось бы расширять, чтобы пропускать суда большего тоннажа. Я вернусь к данному пункту позже, поскольку этот лимит в 35 000 тонн не поддерживался.

Затем в качестве доказательства основы для сравнения с германскими подводными лодками, я хочу отметить страницу 76 где упоминалась цифра в 52 700 тонн. Это исторический факт, который здесь изложен, что Франция не принимала участия в этом ограничении и в то время была сильнейшей подводной державой со своими 96 000 тонн, 96 готовых и 15 строящихся. Также исторический факт, что Германия – и это показано на той же самой странице – согласилась на отказ от субмарин, будучи вынужденной уничтожить 315 после Первой мировой войны.

Гросс-адмирал, проявлялось ли это соглашение с британским флотом, явное в этих документах, в другом или каком-то конкретном случае?

Рёдер: Я старался поддерживать такое хорошее взаимопонимание и выразить эти сантименты британскому флоту, как например, когда был проинформирован о смерти адмирала Джеллико[44] по телефону от английского новостного агентства. Он выступал против нас как глава английского флота в Первую мировую войну, и мы всегда считали его очень достойным противником. Через это агентство я отправил послание английскому флоту.

Председатель: Я сомневаюсь, на самом ли деле это как-то влияет на вопросы, которые нам нужно рассматривать.

Рёдер: В любом случае, я старался достичь хорошего взаимопонимания с британским флотом на будущее и поддерживать такое хорошее взаимопонимание.

Симерс: 17 июля 1937 было подписано дальнейшее германо-английское морское соглашение[45]. Я предъявляю этот документ как документ Рёдер-14, документальная книга 1, страница 81. Это довольно длинный документ только часть которого перевели и напечатали в документальной книге; и для того, чтобы понять нарушение, которое вменяет нам обвинение, я должен сослаться на несколько пунктов содержащихся в документе.

Соглашение касается ограничения морских вооружений и в частности обмена информацией по морскому строительству. В статье 4 мы находим ограничение линкоров 35 000 тонн, что уже упоминалось; и в статьях 11 и 12 – которые я буду читать из-за их технического характера, но прошу трибунал отметить – оба правительства обязывались ежегодно сообщать о морской строительной программе. Это должны были делать в течение первых 4 месяцев

[44] Джон Джеллико (1859-1935) — британский адмирал флота (1919) времён Первой мировой войны, генерал-губернатор Новой Зеландии.

[45] Данное морское соглашение фактически является договором с подробным изложением требований к составу флотов двух государств, в то время как морское соглашение от 1935 являлось декларацией о намерениях по результатам обмена нотами.

каждого календарного года, и подробности об определённых кораблях – больших кораблях в частности – за 4 месяца до их закладки. Для лучшего понимания всего предмета, который сделали основной обвинения против подсудимых в связи с морским соглашением, я могу сослаться на статьи 24-26. Три статьи демонстрируют…

Председатель: Вы можете подытожить эти статьи?

Симерс: Да. Ваша честь, я не собирался их читать. Я лишь хочу процитировать из них одно или два положения.

Эти статьи перечисляют условия, при которых каждая сторона соглашения может от него отклоняться. Следовательно, сначала считалось допустимым в определённых условиях отступать от соглашения, если например, (статья 24) один из партнёров вступал в войну, или (статья 25) если иная держава, такая как Соединенные Штаты или Франции, или Япония, должны были строить или покупать судно большее чем предусматривалось соглашением. В данной статье прямая ссылка на статью 4 – то есть, линкоры 35 000 тонн – в случае отклонения, единственное обязательство уведомить партнера. Статья 26 самым общим образом говорит об отклонении от соглашения – а именно, в случаях, когда безопасность нации требует этого, такое отклонение считается оправданным. В данном пункте не требуются никакие дальнейшие детали.

Максвелл-Файф: Милорд, отклонение предмет уведомления другой стороны согласно части 2. Тоже самое относится к статье 26 – любое отклонение предмет уведомления другой стороны о начале отклонения.

Председатель: Доктор Симерс, это так?

Симерс: Да, конечно. Мне кажется…

Председатель: Обвинение говорит, что это соглашение было нарушено?

Симерс: Да. В связи с замечаниями, сделанными только что сэром Дэвидом, я бы хотел сказать, что я отметил, что такое отклонение допускалось в таких обстоятельствах, но при этом была обязанность уведомлять остальных партнёров. Вероятно, это раньше не прошло.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, это соглашение было заключено в 1937, с той же самой точки зрения, которую вы уже озвучили? Есть какие-либо заслуживающие внимания факты, которые привели к соглашению?

Рёдер: В 1936, как я хорошо помню, истекали договоры ранее заключенные Англией с остальными державами, и следовательно Англия стремилась обновить эти договоры в ходе 1936. Тот факт, что в 1937 нас пригласили присоединиться к новому соглашению со всеми державами означал, что Германия отныне полностью будет полностью включена в эти договоры.

Симерс: Обвинение вменило вам нарушение этого германо-английского морского соглашения, и это обвинение основано на документе С-23, экземпляр USA-49, в документальной книге британской делегации 10, страница 3. Данный документ

датирован 18 февраля 1938. Он постоянно упоминался на этих слушаниях и начинается со следующего: «Фактическое водоизмещение линкоров «Scharnhorst», «Gneisenau» и F/G[46] в обеих случаях на 20 процентов больше чем водоизмещение заявленное британцам». Затем мы находим список, который демонстрирует, что водоизмещение «Scharnhorst» указано в 26 000 тонн, а в действительности было 31 300 тонн, и что осадка указана на один метр меньше чем было на самом деле. И «F» класс, то есть, «Bismarck» и «Tirpitz[47]», приводились как имевшие 35 000 тонн, но в действительности были водоизмещением 41 700 и отличались по осадке на 80 сантиметров. Таким образом, согласно тому, что мы увидели есть очевидное доказательство нарушения договора. Гросс-адмирал, я полагаю, что вы не оспариваете данное нарушение договора?

Рёдер: Нет, никоим образом.

Симерс: Разумеется, во время этого документа под вопросом были только четыре линкора: «Scharnhorst», «Gneisenau», «Bismarck», «Tirpitz»…

Председатель: Мне кажется, вы снова заявляете об этих вещах трибуналу, делая заявления вместо постановки вопросов свидетелю.

Симерс: Господин председатель, мне кажется, что я включаю свои документальные доказательства для того, чтобы продемонстрировать связь, для того, чтобы выяснить, о чём идёт речь. Я собирался задать вопрос: эти четыре указанных линкора на самом деле упоминались как находившиеся в строю?

Рёдер: Нет, они еще не были введены в строй.

Симерс: Ни один из этих четырех линкоров?

Рёдер: Нет.

Симерс: Если мне позволят это сделать, я могу сказать, что точные даты, когда эти корабли были введены в строй — даты которые подсудимый вряд ли повторит по памяти - можно увидеть в пункте IV письменных показаний Ломана, документ номер Рёдер-2.

Председатель: Я думаю, вы должны их подтвердить. Вы не можете заявлять о них не подтвердив.

Симерс: Да, разумеется, ваша честь.

Я ссылаюсь на документ номер Рёдер-2, который уже предъявлен трибуналу. Это письменные показания Ломана, на странице 5. Я цитирую из документальной книги 1, страница 8.

> «В рамках определённых германо-английским морским соглашением, германский флот ввёл в строй четыре линкора. Я привожу даты закладки киля, спуска и ввода в строй, насколько я могу их определить. «Scharnhorst»: закладка киля, точную дату нельзя

[46] Кодовые обозначения линкоров «Тирпиц» и «Бисмарк».

[47] «Тирпиц» — второй линкор типа «Бисмарк», входивший в состав Кригсмарине. В боевых действиях практически не участвовал, однако своим присутствием в Норвегии угрожал арктическим конвоям в СССР и сковывал значительные силы британского флота. 12 ноября 1944 полностью выведен из строя в результате бомбардировки.

установить; спущен 3 октября 1936; введён в строй 7 января 1939. «Gneisenau»: закладка киля, точную дату нельзя установить; спущен 8 декабря 1936; введён в строй 31 мая 1938. «Bismarck»: закладка киля 1936; спущен 14 февраля 1939; введён в строй 2 августа 1940. «Tirpitz»: закладка киля 1936; спущен 1 апреля 1939; введен в строй 1941».

Адмирал Ломан не смог установить точную дату. «Н» - я могу добавить, что остальные корабли, упомянутые в документе С-23 были запланированы, но позднее разобраны. Они были разобраны уже летом 1939, и это относится только к первому «Н». Таким образом, нет вопроса окончательной готовности или строительства. Поскольку существует очевидное нарушение договора, теперь нам нужно рассмотреть в каком свете нужно относится к данному нарушению. Обвинение сказало о том, что это нарушение договора преступное, поскольку оно подразумевает запланированную агрессию. Для того, чтобы сэкономить время, в особенности, поскольку рассматриваются технические проблемы, я хочу, перед дальнейшим опросом подсудимого, предъявить документ номер Рёдер-15, в составе документальных доказательств, которые я предъявил с разрешения трибунала. По моему мнению, данный документ подтверждает, что не было никакого агрессивного намерения.

Документ номер Рёдер-15 это письменные показания – я прошу прощения – они в документальной книге 1, страница 94. Данный документ касается письменных показаний взятых нотариусом Гамбурга у почетного доктора технических наук Вильгельма Шухтинга и они важны для опровержения документа С-23, и для этой цели я хочу процитировать:

«Я бывший директор судостроительной верфи Blohm & Voss[48] в Гамбурге. Я находился в этой фирме с 1937 по 1945» - извиняюсь – «с 1907 по 1945 и я знаком со всеми вопросами касательно строительства военных кораблей и торговых судов. В частности, как инженер я имел подробную информацию о строительстве линкоров для германского флота. Доктор Вальтер Симерс, адвокат из Гамбурга, представил мне документ С-23, датированный 18 февраля 1938, и попросил меня его прокомментировать. Данный документ демонстрирует, что флот, вопреки предыдущему соглашению, информировал британцев о том, что линкоры «Scharnhorst» и «Gneisenau» - так же как иные запланированные к постройке – имели водоизмещение и осадку на 20 процентов меньшую чем было на самом деле.

Я могу привести некоторые подробности, чтобы объяснить почему

[48] «Блом и Фосс» — судостроительная фирма Германии, ныне подразделение ThyssenKrupp Marine Systems AG. Образована 5 апреля 1877 года Германом Бломом и Эрнстом Фоссом. После Второй мировой войны воссоздана в ФРГ. До 1955 года носила название Blohm & Voss. В первой половине XX века верфь стала одной из крупнейших в мире. Здесь при строительстве стальных корпусов впервые начали использовать сварку вместо заклепок.

предоставлялась такая информация. Я полагаю, что информация предоставленная британцам – информация которая в соответствии с четвёртым морским соглашением должна была предоставляться за четыре месяца до закладки киля – основана на том факте, что линкоры «Scharnhorst» и «Gneisenau» изначально намечались как имевшие водоизмещение в 26 000 тонн и осадку в 7,5 метров и линкор «F» (Bismarck) водоизмещение в 35 000 тонн и осадку в 7,9 метра, как и заявляли.

Если эти линкоры затем построили с большим водоизмещением и большей осадкой, изменения были результатом отданных приказов или запросов флота, в то время пока планы готовились и выполнялись конструкторским бюро. Изменения были основаны на точке зрения постоянно высказываемой флотом – а именно, строить корабли таким образом, чтобы они насколько возможно были бы почти непотопляемыми. Увеличение тоннажа не означало увеличение наступательной мощи корабля» - господин председатель, я прошу прощения. Я сейчас закончу: «Увеличение тоннажа не означало увеличение наступательной мощи корабля, но осуществлялось только в оборонительных и защитных целях».

Вероятно, я могу отметить, что в английском тексте есть ошибка в переводе. В этом тексте пропущено слово «не». Следует читать «не означало», а не «означало».

«С течением времени, флот придавал все большее и большее значение разделению корпуса линкора на большое количество отсеков для того, чтобы сделать корабль настолько непотопляемым насколько возможно и обеспечить максимальную защиту в случае протечки. Таким образом новые линкоры, строились широкими в бортах и с глубоким дном с многочисленными переборками, примерно в десяти метрах друг от друга, и многими продольными и поперечными переборками вне торпедной переборки. В то же время, и вертикальное и горизонтальное бронирование было, насколько у меня имеется информация, тяжелее и состояла из плит тяжелее тех, что использовались в других флотах. Для того…».

Председатель: Другими словами, его объяснение в том, их изменяли в ходе строительства по техническим причинам. Не важно в чём заключались технические причины.

Симерс: Господин председатель, я прошу прощения, но мне кажется, что когда мы рассматриваем ясно установленное нарушение договора, способ такого нарушения имеет некоторое значение. Мне не кажется, что каждое и всякое нарушение договора можно будет описывать как военное преступление. Суть в том являлось ли

это нарушение договора военным преступлением в смысле устава – другими словами, было ли оно мотивировано намерением ведения агрессивной войны. Такое же несущественное нарушение, которое в конце концов можно обнаружить в каждом коммерческом иске не может быть преступлением.

Председатель: У нас имеются письменные показания. Мы их прочитаем. Фактически вы уже зачитали из них материальные части.

Итак, я думаю нам лучше прерваться. Как долго вы планируете продолжать?

Симерс: Господин председатель, мне сложно точно судить, но я представляю, что я смогу завершить где-то завтра. Господин председатель, я надеюсь, что завершу к полудню, но я прошу вашу честь принять во внимание, тот факт, что я включил свои документальные доказательства в допрос и что такое доказывание, которое во многих остальных делах заняло часы, таким образом, осуществляется одновременно.

Председатель: Трибунал надеется, что вы проведете свою презентацию как можно короче. Мы уже довольно долго с этим подсудимым.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Симерс: Господин председатель, я должен сначала заявить формальное ходатайство, чтобы в дополнение к моему секретарю у меня был ещё один в суде. Она была здесь этим утром, но только, что сказала, что не может попасть в зал суда, и сейчас она стоит за дверью.

Председатель: Хорошо.

[*Подсудимый Рёдер вернулся на место свидетеля*]

Симерс: Господин гросс-адмирал, вы только что видели письменные показания доктора Шухтинга. Я спрашиваю вас: это правда, или даже, чтобы вас не путать, я спрошу – чем руководствовался флот увеличивая линкоры приблизительно на 20 процентов?

Рёдер: Первоначало не было никакого намерения увеличивать корабли на 20 процентов. Но в то время, когда мы возобновили строительство линкоров, когда мы

могли понять, что у нас в любом случае было бы очень мало линкоров, до нас дошло, что сопротивление затоплению корабля нужно было увеличить как можно сильнее, чтобы сохранить те немногие что мы имели как можно более непотопляемыми. Это не имело никакого отношения к усилению вооружения или чему-либо такому, но просто увеличивало сопротивляемость затоплению и вражеским орудиям. По этой причине была разработана новая система для того, чтобы увеличить и усилить подпалубное пространство внутри корабля. Это означало, что для постройки кораблей требовалось большое количество новой стали. Соответственно осадка и водоизмещение увеличелись. Это было неудачным с моей точки зрения, так как мы проектировали корабли со сравнительно мелководной осадкой. Устья наших рек, Эльба, Везер, Яде, настолько мелководные, что корабли с большой осадкой не могут плавать на всех участках рек. Таким образом, мы должны были строить эти корабли широкими, чтобы обеспечить им мелководную осадку, но в результате строительства многочисленных продольных и поперечных переборок, мы увеличивали осадку и также водоизмещение.

Симерс: Эти неудачные изменения, которые имели место в ходе постройки, были из-за сравнительного малого опыта в строительстве линкоров?

Рёдер: Да. Поскольку конструкторы в высшем командовании флота и конструкторы и инженеры на крупных верфях не строили никаких тяжёлых кораблей очень долгое время им не хватало опыта. Как результат, высшее командование флота вынуждено было давать судоверфям дополнительные заказы. Это само по себе было недостатком который я с трудом стремился преодолеть.

Симерс: Строительство этих четырех линкоров превышало общий тоннаж в соответствии с морским соглашением?

Рёдер: Нет, общий тоннаж не превышали до начала войны.

Симерс: Уважаемый суд, в этой связи я хочу сослаться на документ Рёдер-8, который уже предъявлен в документальной книге Рёдера 1, страница 40, пункт II. В данных письменных показаниях Ломан приводит сравнительные цифры, которые показывают, сколько тоннажа линкоров было позволено Германии в соответствии с морским соглашением. Пожалуйста, обратите на это внимание без моего зачитывания всех цифр. Важно то, что согласно сравнению с британскими цифрами, Германии разрешалось иметь 183 750 тонн. Тогда она имела три законченных броненосца в 30 000 тонн – что здесь показано, а значит согласно этим письменным показаниям оставалось 153 750 тонн.

Ссылаясь на документ Рёдер-127, я хочу внести небольшую поправку, потому что гросс-адмирал Рёдер, изучив письменные показания, заметил, что вице-адмирал Ломан сделал ошибку в одной цифре. Ошибка в целом неважная, но для того, чтобы быть абсолютно честным и точным, я подумал нужно отметить это у вице-адмирала Ломана. Вместо 30 000 следует читать 34 000 тонн, а значит, есть разница, не в 153 750 тонн, а 149 750 тонн. Согласно морскому соглашению, нам

было позволено построить 146 000, окончательную цифру, а значит, результат не изменился. Ошибку адмирала Ломана – как известно трибуналу – можно отнести к тому факту, что у нас были очень ограниченные материальные ресурсы.

Рёдер: Могу я добавить замечание о сказанном мной ранее? Заявление об этих водоизмещениях отклонялось от этих договорных условий постольку, поскольку сообщали только об изначальном строительном водоизмещении или осадке, а не об осадке и водоизмещении которые постепенно увеличивались в результате этих изменений в ходе планирования строительства.

Симерс: В дополнение, могу я сослаться уважаемому суду на следующее: морское соглашение от 1937 было заменено Лондонским протоколом от 30 июня 1938[49]. Я ссылаюсь на экземпляр Рёдер-16. Моя секретарша говорит мне, что его нет, я принесу его позднее. Это последний документ в документальной книге Рёдера 1, страница 97.

Могу я напомнить суду, что документ С-23 от февраля 1938. Данным Лондонским протоколом, по предложению британского правительства, ограничение тоннажа линкора 35 000 тонн было изменено, потому что британское правительство, также как и германское правительство поняло, что 35 000 тонн было слишком мало. Как показано в протоколе, вступившем в силу 30 июня 1938, тоннаж линкоров был увеличен до 45 000 тонн. Соответственно эта разница в линкорах, относящаяся к документу С-23, была урегулирована несколько месяцев спустя.

Теперь я возьму новый предмет, вопрос вашего участия в планировании и заговоре для ведения агрессивных войн. Это вопрос так называемых ключевых документов, которые представило обвинение. Адмирал, поскольку вы присутствовали во время этих речей Гитлера к главнокомандующим, я должен попросить вас прокомментировать эти документы. Первый документ, документ PS-386, так называемый документ Хоссбаха[50], экземпляр USA-25, в документальной книге британской делегации, номер 10, страница 81. Это речь Гитлера от 5 ноября 1937.

Господин гросс-адмирал, вы когда-либо видели этот документ Хоссбаха до начала процесса?

Рёдер: Нет, я не видел ни документ, и ни один протокол какой-либо речи Гитлера. Официально не вели никакие стенограммы. Только в следующие годы, мне кажется с 1941 присутствовали стенографисты, которые записывали каждое слово. На самом деле это вообще не стенограмма, поскольку документ записан косвенным способом.

---

[49] Имеется в виду протокол к Лондонскому морскому договору от 25 марта 1936.

[50] Протокол Хоссбаха— протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Рёдер и главнокомандующий военно-воздушными силам Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

Как мы слышали, автор записал это 5 дней спустя после самой речи.

Симерс: Хотя это очень важный документ, я заметил, что в отличие от остальных документов он не имеет никакого списка рассылки, он был написан спустя 5 дней после речи, и даже не имеет грифа «секретно». Вы можете объяснить где готовилась эта стенограмма?

Рёдер: Я не могу подробно вспомнить условия, которые преобладали. Я лишь могу представить, что адъютант хранил стенограммы в своём сейфе.

Симерс: Значит у вас всего лишь общее впечатление об этой речи, спустя 8 или 9 лет?

Рёдер: Да.

Симерс: Обвинение здесь полностью читало документ, и как нельзя отрицать, он содержит серьезные ссылки на агрессивную войну. Он, например, упоминает, кое-что как завещание, проблему пространства, ненависть к Англии и Франции; он говорит, что, вооружение завершается, первая цель это нанести поражение Чехословакии и Австрии.

Пожалуйста объясните суду, какое влияние речь произвела на вас в то время, и как получилось, что вы не придали речи такого значения, как например господин фон Нейрат, который также присутствовал? И, несмотря на речь как у вас могло сохраняться ваше мнение, о том, что Гитлер сохранит старую линию и не стремится к силовому решению?

Рёдер: В качестве вступления могу сказать, что утверждение, содержащееся в судебном досье, что влиятельная группа нацистов собралась для того, чтобы изучить ситуацию, вообще не даёт точной картины ситуации. Гитлер созвал вместе лиц указанных в документе, чтобы объяснить им возможности политического развития и для того, чтобы дать им любые указания какие он мог иметь.

И здесь я хочу сказать нечто главное – поскольку здесь будет довольно много речей Гитлера - о характере его речей. Гитлер выступал очень долго, очень далеко удаляясь в ретроспективу. Прежде всего, в каждой своей речи у него была особая задача, зависевшая от аудитории. Так как он был мастером диалектики, значит, он был и мастером блефа. Он снова использовал сильные выражения в соответствии с целью которую преследовал. Он давал волю своему воображению. Он также часто противоречил себе в следующих речах. Никто никогда не знал, в чём заключаются его окончательные цели и намерения. В конце такой речи было очень сложно с этим определиться. Как правило, его речи производили большее впечатление на людей которые нечасто его слышали нежели на тех кто уже познакомился с его общей манерой выступать по таким поводам. Это никогда не было вопросом принятия совета, но как говорили, всегда отдачей бесспорных приказов.

Цель речи от 5 ноября 1937 заключалась, как в начале сказал рейхсмаршал Геринг…

Симерс: Простите меня. То есть в начале той речи от 5 ноября?
Рёдер: Да, в начале речи.

Он сказал мне, что заранее поговорил с фюрером. Фюрер хотел побудить армию проводить своё перевооружение побыстрее. Для фюрера оно шло слишком медленно. Предметом выступления были Австрия и Чехословакия, которым как он сказал в одном месте он хотел нанести поражение. Он сказал, что крайней датой будет 1943-45, потому что после этого наша ситуация ухудшилась. Но возможность могла представиться раньше при двух условиях: в первую очередь, если во Франции произойдут внутренние беспорядки; и во вторую очередь, в случае начала средиземноморской войны, в которой бы участвовали Англия, Франция, Италия и наверное, Испания, что, по моему мнению, было фантастикой.

Я не мог понять утверждение, что вооружение армии, флота и воздушных сил было почти завершено в ноябре 1937. Флот всё ещё не имел на службе ни одного линкора. Ситуация была похожей для воздушных сил и армии. Мы никоим образом не были вооружены к войне и например война против Англии была бы полным безумием. Для меня, решающие фразы в его речи заключались, во-первых, в том, что Англия и Франция – мне кажется – уже списали со счетов Чехословакию, и во-вторых, что он был убежден в том, что Франция и Англия не будут вмешиваться. В третью очередь факт заключался в том, что всего за несколько месяцев до этого, в июле 1937, было подписано второе морское соглашение. Эти три факта, казалось, убеждали меня в том, что Гитлер не искал военного решения проблем Австрии и Чехословакии. Тогда это в любых обстоятельствах был вопрос Судетов[51] и казалось он будет стремится к мирному решению. По этой причине речь не произвела на меня впечатление тем фактом, что Гитлер тогда захотел изменить свою политику, что он хотел переключиться с политики мира на войну. Я могу представить, что у господина фон Нейрата не знакомого с целями этой речи, сложилось иное впечатление. Но, так как я снова подумал над этим вопросом, я могу представить, что преувеличенный характер речи в особенности был предназначен, чтобы вынудит фон Нейрата уйти из кабинета, потому что я узнал, что тогда фюрер уже склонялся к тому, чтобы заменить фон Нейрата на фон Рибентропа. Это было единственное предположение, которое я сделал впоследствии.

Для меня выводы из речи были не чем иным как: строительство флота в соотношении один к трём относительно Англии нужно было продолжать и следовало стремиться к дружеским отношениям с Англией. Нужно было соблюдать соотношение достигнутое в соглашении.
Симерс: И это очевидно в конце документа – а именно – в четвертом абзаце с конца, что фельдмаршал фон Бломберг и генерал-полковник фон Фрич[52], дали свою оценку

[51] Судетская область, — пограничный регион Чехии, своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.
[52] Вернер фон Фрич (1880—1939), генерал-полковник вермахта. В 1933 – 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии.

обстановки, непрерывно указывая на необходимость того, что Англия и Франция не играли враждебной роли. Далее это комментируется, и можно понять, что Бломберг и Фрич были взволнованы и сразу же возразили Гитлеру.

После речи вы переговорили с Бломбергом. Это правда, что Бломберг, которого, к сожалению нельзя допросить и Фрич, который тоже мёртв, видели в этом преувеличение Гитлера и таким образом отмечали ему свои сомнения и таким способом намеревались помешать? О чём вы говорили с Бломбергом после этой речи?

Рёдер: В первую очередь, Бломберг и Фрич…

Председатель: Доктор Симерс, вы должны постараться не задавать наводящие вопросы. Вы вкладываете в уста свидетеля то, что вы хотите услышать. Если вы хотите…

Симерс: Я прошу прощения, если так сделал. Немного сложно, когда два человека, которые там были, Бломберг и Фрич, мертвы. Я могу лишь отметить, что они мертвы. Мой завершающий вопрос…

Председатель: От того, что они мертвы нет никакой пользы. Но если вы хотите что-нибудь об этом понять, вы должны понять это от свидетеля, а не от самого себя.

Симерс: Какое впечатление сложилось у Бломберга после этой речи? Что он потом говорил вам?

Рёдер: Мне кажется, сам Бломберг в опросном листе заявил фельдмаршалу Кейтелю, когда мы, военные вышли из комнаты, Бломберг, который часто находился с фюрером, сказал о том, снова не нужно это воспринимать и судить серьёзно. Он также верил в то, что фюрер разрешил бы и эти вопросы мирно. И как сказал доктор Симерс, и Бломберг и Фрич уже обратили внимание фюрера на тот факт, что ни при каких обстоятельствах нельзя позволить Англии и Франции вмешиваться, поскольку германский Вермахт не смог бы с ними совладать.

Я могу добавить, что в этом случае я намеренно не заявил никаких возражений, потому что, в конце концов, всякий раз, когда я встречал фюрера, я говорил ему: «Ceterum censeo[53], мы должны идти своим курсом, чтобы избежать осложнений с Англией». И фюрер постоянно подтверждал такое своё намерение. Типично, что как только главнокомандующий армией генерал-полковник фон Фрич, сказал, что после этих замечаний он не может отправиться в отпуск в Египет зимой 1937-38, который он запланировал по состоянию здоровья, фюрер немедленно отказался от своего заявления и сказал, что дело не настолько срочное, что он может не отказываться от своего отпуска, что он и сделал.

Это показывает, что это снова был вопрос оказания давления. В этом заключалась речь от 5 ноября 1937. Фактически он тогда не сокрушил ни Австрию, ни Чехословакию, но в 1938 вопрос был разрешен мирно без кровопролития, и даже по согласованию с другими державами.

[53] «Кроме того» (лат.)

Симерс: В этой связи могу я предъявить документ датированный следующим годом, экземпляр Рёдер-23, документальная книга Рёдера 2, страница 127. 30 сентября 1938 – мне ничего не нужно говорить о Мюнхене[54], потому что подсудимый прямо не принимал участия – Гитлер и Чемберлен[55] совместно объявили, что соглашение подписанное предыдущей ночью и англо-германское морское соглашение рассматривались как символы желания обеих наций никогда не идти войной друг на друга. Остальное содержание хорошо известно.

Затем я перехожу к второму ключевому документу предъявленному обвинением – а именно, документу L-79, так называемому «малому Шмундту[56]». Это экземпляр USA-27, номер 10 в документальной книге британской делегации, страница 24. Документ, несмотря на свою поразительную длину, также был полностью представлен обвинением, а значит, поэтому я из него не читаю. Могу я напомнить суду, что он говорит, что дальнейших успехов нельзя достичь без кровопролития, и 23 мая 1939 со ссылкой на Польшу он говорит, что не Данциг[57], а перекраивание жизненного пространства стоит на кону.

Он говорит о перекраивании жизненного пространства и о том факте, что польскую проблему нельзя отделять от конфликта с Западом. Потом Гитлер сказал, что единственным выходом было напасть на Польшу при первой представившейся возможности. К сожалению, это вновь документ, который не датирован.

Вам известно, когда подполковник Шмундт подготовил этот доклад?

Рёдер: Нет, к сожалению, я не могу сказать.

Председатель: Почему вы говорите, что он не датирован?

Симерс: Господин председатель, здесь нет никакой даты говорящей, когда был подготовлен документ. Есть единственная дата ссылающаяся на протокол совещания от 23 мая. В случае с документом Хоссбаха, совещание было 5 ноября, но он был записан Хоссбахом по памяти 5 дней спустя, 10 ноября. В случае со Шмундтом нам не известно был ли он записан через 1 день, 5 дней или 4 недели.

Председатель: Это в доказательствах, что документ от 5 ноября был написан пять дней спустя?

Симерс: Нет. Документ от 5 ноября демонстрирует, что он был подготовлен 5 дней

---

[54] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

[55] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

[56] Рудольф Шмундт (1896 - 1944) — генерал пехоты Вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Адъютант А. Гитлера с 1938 по 1944. Убит во время покушения на Гитлера.

[57] Вольный город Данциг — город-государство, образованный 10 января 1920 года согласно 11-му разделу 3-й части Версальского договора 1919 года. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населённых пунктов бывшей Германской империи. В соответствии с решением Лиги Наций город не являлся частью ни Германии, ни Польши. Однако город не был независимым: он находился под протекторатом Лиги Наций и входил в таможенный союз с Польшей. Польша имела также особые права в городе. Большинство населения Данцига было немецким.

спустя. Документ датирован наверху «Берлин, 10 ноября 1937; запись совещания в рейхсканцелярии 5 ноября 1937…»

Председатель: Что же, верно, тогда есть доказательство.

Симерс: [*Обращаясь к подсудимому*] В случае со Шмундтом, нет никакого указания?

Рёдер: Нет.

Симерс: Вам не известно, когда он был написан?

Рёдер: Нет, я никогда не слышал.

Симерс: Вы когда-либо видели этот документ до процесса?

Рёдер: Нет.

Симерс: Данный документ содержит правильное воспроизведение всех пунктов речи Гитлера, или то, что вы говорили о документе Хоссбаха применимо и здесь?

Рёдер: Это применимо здесь еще больше. По моему мнению, это наиболее трудный для понимания существующий документ касательно речи Гитлера, так как большая часть заявлений, по моему мнению, вообще не имеет смысла, как я попытался показать. Адъютант заявлял, что он только перефразировал.

Симерс: Это на первой странице в центре, где написано «Воспроизведено по существу».

Пожалуйста, объясните суду, какое впечатление данная речь произвела на вас тогда и почему вы верили, несмотря на эту речь, в то, что Гитлер не планировал какой-либо агрессивной войны.

Рёдер: Я хочу снова отметить, что судебное досье содержит комментарий о том, что состоялась консультация относительно масштаба в котором должен был исполнятся план. В частности, в данном случае это вообще не представляет правильный характер выступления. Смысл всей первой части речи, как я говорил, чрезвычайно расплывчатый. В то время как в речи 1937, он приводил 1943-1945 в качестве последнего срока и возможность более ранней даты при определённых невероятных обстоятельствах, здесь Гитлер говорит о возможном решении в 15-20 лет. Он говорит, что Польша всегда на стороне врага, несмотря на договор о дружбе[58], что её тайное намерение получить любое преимущество, чтобы действовать против нас, и что, поэтому он, хочет напасть на Польшу при первой возможности. Польскую проблему нельзя было отделить от конфликта на Западе, но конфликту на Западе нельзя было позволить возникнуть одновременно. Если неясно будет или не будет война с Западом при начале германо-польского конфликта, тогда фронт борьбы против Англии и Франции вероятно более важный. Затем он снова говорит, что мы не можем позволить втянуть себя в войну против Англии из-за Польши, войну на два фронта такую, к какой привели безответственные люди 1914.

---

[58] «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

Затем, снова, Англия – и это здесь сравнительно новое – движущая сила против Германии. Мы должны подготовиться к долгой войне в дополнение к неожиданной атаке, очевидно против Англии. Поразительно, что мы должны были стремиться в начале такой войны, нанести разрушительный удар против Англии. Цель поставить Англию на колени. Затем следует совершенно новая часть…

Председатель: Доктор Симерс, кажется, подсудимый, читая из документа, выступает по данному документу. Это не дача показаний. Если он может сказать нам что-нибудь о том, что происходило на этой встрече, это для него открыто.

Симерс: С помощью документа он повторяет, мысли высказанные тогда Гитлером, и он отмечает противоречия, содержащиеся в этой речи Гитлера.

Председатель: Это вопрос аргументации, отмечать, что есть конфликты между одной частью документа и другой. Это не предмет дачи показаний. Он уже сказал нам, в чём заключались речи Гитлера в целом – что одна в речь в целом противоречила другой, но мы сами можем увидеть из документа, если одна часть противоречит другой.

Симерс: Господин председатель, не важно, что малопонятные заявления Гитлера того времени произвели такое влияние на свидетеля, что он говорит о том, что такие то и такие то положения ложные? Тогда и общая тенденция о которой мы читали не может быть правдой. Как я понимаю свидетеля, Гитлер должен был подумать о таких несочетающихся замечаниях командирам. Но мне кажется, мы сможем это сократить.

Господин гросс-адмирал, согласно пожеланию суда, просто объясните какое влияние, она произвела на вас и в чем, по вашему мнению, заключались особые замыслы, связанные с этим документом.

Рёдер: С помощью контраста этих фраз, я хотел только показать насколько путанной была речь. В конце есть вторая часть, в которой высказан ряд доктринёрских, академических мнений о войне и вывод о том что желание Гитлера заключалось в том, что сформировать в ОКВ[59] исследовательский штаб, чтобы разрабатывать все эти планы для подготовке к войне, оценке индивидуальных вооружений, и т. д., без участия генеральных штабов, с которыми он не хотел сотрудничать. Он хотел чтобы такие вещи находились в его руках. Таким образом, формирование исследовательского штаба было мотивировано этой речью.

Председатель: Доктор Симерс, я уже сказал вам, что трибунал думает, что это аргументация, а не показания. Это выглядит чистой аргументацией о документе. Если есть что-то в форме воспоминаний о том, что произошло на этой встрече, это будет доказательство, но просто выступать по документу это не показания.

Симерс: Господин председатель, свидетель не может сказать какое влияние

---

[59] Верховное главнокомандование Вермахта - центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

мыслительный процесс Гитлера, произвёл на него? Обвинение говорит, что Гитлер и Рёдер вместе состояли в заговоре.

Председатель: Он может сказать, что он не понял это или не подумал, что это было искренним.

Симерс: В этой связи я хочу отметить, что свидетель ссылался на это положение, потому что это единственный отрывок из этого документа, который обвинение не прочитало. В этом документе фразы об исследовательском штабе, как я сразу заметил, не зачитывали. Этот исследовательский штаб являлся тем чего хотел Гитлер.

Господин гросс-адмирал, после этой речи, что-нибудь изменилось в вашем ведомстве?

Рёдер: Нет. Был сделан вывод: первое, что программу строительства кораблей нужно было продолжать таким же образом как в прошлом – так сказал сам Гитлер – и во-вторых, он сказал о том, что программы вооружения нужно было ориентировать на 1943-44 годы. В этом заключалась положительная вещь которую я смог заключить для себя.

Более того, в то время, я был сильно впечатлен речью Гитлера на спуске линкора «Bismarck» в Гамбурге. Там он сказал о том, что Вермахт, как сильнейший инструмент войны, должен защищать и помогать сохранять мир, основанный на истинной справедливости. В то время это произвело на меня сильнейшее впечатление в отношении намерений Гитлера.

Симерс: Флот тогда был в состоянии сделать это?

Рёдер: Нет. Он был совершенно неспособен на это.

Председатель: Доктор Симерс, если в этом документе есть, какие-либо отрывки, которые не читали и которым вы придаёте значение, вы можете их сейчас зачитать, и в остальном, трибунал думает о том, что вам следует спрашивать подсудимого о том в чём заключались его воспоминания или что происходило на этой встрече, он вправе это делать. Трибунал не намерен препятствовать вам в чтении чего-либо из документа, что пока не читали как и получению от свидетеля чего-либо, что он говорит происходило на этой встрече.

Симерс: Господин председатель, я понял, что свидетель имеет в виду, то, что он вспомнил исследовательский штаб, который обвинение не упоминало. Таким образом, получилось, что свидетель, поскольку ему также известен документ в тоже время отметил, что исследовательский штаб тоже упоминался в документе. Мне кажется, что этим можно объяснить недопонимание. Ситуация мне ясна, и вероятно я могу зачитать в связи с этим фразу.

Председатель: Да, конечно.

Симерс: Под номером 3, в конце документа L-79 сказано:

«Изучать слабые места противника.

Эти исследования нельзя оставить на генеральные штабы.

Секретность больше не гарантирована. Поэтому фюрер, решил приказать сформировать небольшой исследовательский штаб в рамках ОКВ состоящий из представителей трёх родов войск Вермахта и, при возникновении повода, трёх главнокомандующих – то есть, начальников генеральных штабов.

Штаб должен постоянно информировать фюрера.

Исследовательский штаб должен проводить планирование операций с теоретический стороны и приготовления, которые возникают из этого…»

Председатель: Минуточку. Отрывок отсутствует в английском переводе. В моей копии сказано: «Эти исследования не должны оставаться у генеральных штабов; секретность больше не гарантирована». И затем продолжается: «Данный штаб информирует фюрера и докладывает ему». Я не думаю, что это очень важно. Продолжайте.

Симерс: Видимо абзац об исследовательском штабе в высшем командовании вооруженных сил пропустили в английском языке. Продолжаю документ:

«Смысл определённых правил не касается никого вне штаба, однако, может быть сильное увеличение вооружения у наших противников в какое-то время израсходует их ресурсы, а у нас будет больше. У французов 120 000 человек в каждом классе! Мы не должны быть втянуты в войну, но мы не сможем избежать одной».

Данный исследовательский штаб в свою очередь, устранял главнокомандующих и в этом заключалось то чего хотел Гитлер.

Если я правильно проинформирован, остальное зачитывало обвинение – а именно, следующая цель и принцип, точнее, известный приказ соблюдать секретность во всём, и в конце, то, что вспомнил свидетель, что судостроительная программа не должна была изменяться и программа вооружений должна была быть установлена до 1943-44.

[*Обращаясь к подсудимому*] Планируй Гитлер в то время агрессивную войну, ему бы пришлось ускорить вооружение какой-то конкретной части флота?

Рёдер: Так точно. Ему бы пришлось ускорить всё военно-морское строительство.

Симерс: Строительство субмарин не должно было в особенности ускориться?

Рёдер: Да, конечно, в частности, потому что их можно было построить быстрей всего.

Симерс: Сколько субмарин вы тогда имели?

Рёдер: Не могу сказать точно. Я думаю около 26.

Симерс: Если я правильно помню, адмирал Дёниц уже отвечал что для плавания в Атлантике были доступны 15 – кстати, всего было 26.

Рёдер: Да.

Симерс: Адмирал, зимой 1938-1939, вы беседовали с сэром Невиллом

Гендерсоном[60] об отношениях между Германией и Англией?

Рёдер: Да, в очень короткой беседе на вечернем приёме в Доме фюрера[61], где я стоял рядом с послом Гендерсоном и господином фон Нейратом, и в которой обсуждался вопрос – поднятый мной – о том не приветствовала ли Англия предложение Германии установить пропорцию силы 1 к 4 и не сделает ли определённые выводы из таких двухсторонних отношений. Посол Гендерсон ответил при том, что никто не поднимал такой вопрос: «Да, будущее покажет, когда будет урегулирован колониальный вопрос». Я позднее сообщил о таком ответе фюреру для того, чтобы использовать это для сохранения дружественной политики в отношении Англии.

Симерс: Сейчас у нас лето 1939. Адмирал, в течение лета, после речи от 23 мая 1939, вы говорили с Гитлером в виду общеизвестной опасности войны, и что он вам говорил?

Рёдер: Всякий раз, беседуя с фюрером, я всегда поднимал вопрос Англии, в результате раздражая его в определенной степени. Я пытался убедить его в том, что было бы возможно проводить мирную политику с Англией, к чему он сам призывал в начале его режима. Тогда он всегда заверял меня в том, что его намерение всегда заключалось в развитии мирной политики с Англией, всегда оставляя у меня уверенность, что нет никакой угрозы стычки с Англией – в любом случае, что тогда не было никакой такой угрозы.

Симерс: Сейчас я перехожу к третьему ключевому документу – а именно речи Гитлера перед главнокомандующими 22 августа 1939 в Оберзальцберге. Есть два документа: документ PS-1014 и документ PS-798. Документ PS-1014 экземпляр USA-30, в документальной книге Рёдера 10а, страница 269 и документ PS-798 экземпляр USA-29, в документальной книге 10а, страница 266. В отношении этого документа PS-1014, который я имею здесь в подлиннике в форме представленной обвинением, я хочу заявить формальное ходатайство. Этот номер PS-1014 оглашали под протокол на вечернем заседании 26 ноября 1945[62]. Я возражаю использованию данного документа. Я прошу, чтобы этот документ был исключен из материалов процесса по следующей причине…

Председатель: О каком документе вы сейчас говорите, PS-1014?

Симерс: В документальной книге Рёдера 10а, страница 269, экземпляр USA-30.

Председатель: Очень хорошо, какие у вас причины?

Симерс: Недостатки, которые уже упоминались в остальных расшифровках здесь ещё сильнее. Этот документ ничего более чем два листа бумаги озаглавленные

---

[60] Невилл Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939 гг.

[61] Дом фюрера — здание в Мюнхене, ныне имеющее адрес Арцисштрассе 12; возведено в 1933—1937 годах по проекту архитектора Пауля Людвига Трооста. Во времена национал-социализма Дом фюрера был официальной резиденцией Адольфа Гитлера. В 1938 году в здании состоялось подписание Мюнхенского соглашения.

[62] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018, стр. 330-331.

«Вторая речь фюрера, 22 августа 1939». Оригинал не имеет ни заголовка, ни номера дела, ни порядкового номера, и никакой пометки о его секретности; ни подписи, ни даты, ни…

Председатель: Трибунал хотел бы взглянуть на оригинал. Да, доктор Симерс.

Симерс: У него нет ни даты, ни подписи – в подлиннике в папке, у него нет никакого указания на то откуда исходит документ. Он озаглавлен «Вторая речь…» хотя точно известно, что в эту дату Гитлер произносил только одну речь, и она вряд ли длиннее 1 ½ страницы, хотя…

Председатель: Когда вы говорите, что он не имеет даты, эта часть документа сама по себе говорит, что это вторая речь фюрера от 22 августа 1939.

Симерс: Господин председатель, я сказал, что он озаглавлен, но не датирован.

Председатель: Но вы сказали, что у него нет даты.

Симерс: У него нет даты, о том, когда были написаны эти записи. У него только дата, когда предположительно произнесена речь. У всех документов представленных обвинением, также в случае стенограмм, вы найдете дату заседания и дату, когда был составлен протокол; также место, где был составлен протокол, имя лица, которое его составило, и указание на секретность или нечто похожее. Кроме того, точно то, что Гитлер говорил 2 ½ часа. Мне кажется общеизвестно, что Гитлер говорил очень быстро. Совершенно не обсуждается, что протокол может быть на 1 ½ страницы, если он по крайней мере в какой-то степени предназначен передать смысл и содержание речи длившейся 2 ½ часа. Это важно – я могу сослаться на ещё один пункт. Я потом предъявлю оригинал документа PS-798. Я не эксперт в стенографировании и машинописи, но я замечу, что данный документ, который тоже не подписан, чьё происхождение нам не известно, он написан на одинаковой бумаге одинаковой печатной машинкой.

Председатель: Вы говорите, что вам не известно откуда он – это захваченный документ с сопроводительными письменными показаниями сделанными для всех захваченных документов.

Симерс: Что же, но я был бы благодарен обвинению, если бы, в случае такого важного документа, обвинение было бы достаточно любезно для того, чтобы определить подлинные исторические факты, более точно указать откуда именно он исходит. Потому что он не подписан ни Шмундтом, ни Хоссбахом или кем-то ещё и не имеет номера, это лишь бессвязные страницы.

Председатель: Мне, не известно может ли обвинение это сделать, но мне кажется, это довольно поздний день, чтобы просить об этом.

Додд: Господин председатель, навскидку я не знаю о точном происхождении данного документа, но я ожидаю, что мы вероятно можем получить какую-то информацию для трибунала если трибунал пожелает так сделать. Но как отметил председатель, это захваченный документ и всё что защитник говорит о нем, кажется относится к его весомости нежели допустимости.

Председатель: Если это возможно, трибунал хотел бы знать, где был обнаружен документ.

Додд: Я постараюсь выяснить это.

Симерс: Господин председатель, господин Додд сейчас отметил, что моё возражение довольно запоздало. Мне кажется, я могу правильно вспомнить, что постоянные возражения…

Председатель: Думаю, я отметил это, а не господин Додд.

Симерс: Простите меня. Я думаю я правильно вспоминаю, что защита по нескольким поводам заявляла возражения во время дела обвинения и было сказано, что все заявления могут быть сделаны во время дела защиты в последующее время – а именно, когда будут говорить защитники.

Председатель: Я лишь имел в виду, что на данной стадии может быть невозможно, точно установить, откуда поступил документ, в то время как, если бы вопрос задали гораздо ранее на процессе, это могло быть гораздо проще. Это всё, что я имел в виду. У вас есть, добавить, что-то ещё, почему, по вашему мнению, данный документ должен быть исключен из материалов дела?

Симерс: Господин председатель, я хочу отметить, что, я делаю это не по формальным причинам, но скорее по самой существенной причине. Самые важные слова в этом документе постоянно повторялись обвинением в течение этих 5 или 6 месяцев – а именно, слова «уничтожение Польши, основная задача…цель: уничтожение жизненной силы, не выход на определённую линию». Эти слова не произносили и с такой целью войны немецкие главнокомандующие не согласились бы. По этой причине важно установить подлинный ли это документ.

В этой связи, могу я напомнить суду, что есть третья версия этой речи упоминавшаяся в этом зале суда – а именно, документ L-3, который ещё хуже чем эти и который опубликован в мировой прессе. Кто бы с кем ни говорил, возникала эта гротескная и жестокая речь. По этой причине в интересах исторической правды установить говорил ли Гитлер таким шокирующим образом. Вообще то, я признаю, что он использовал многие выражения, которые были суровыми, но он не использовал именно такие слова, и в этом огромное значение для репутации всех командиров которые присутствовали.

Позвольте мне отметить следующие слова. Они прямо говорят: «Закройте свои сердца от жалости, жестокие меры». Такие слова не использовались. Я буду в состоянии подтвердить это другим свидетелем, генерал-адмиралом Бёмом[63].

Поэтому я прошу суд решить о моём первом ходатайстве об исключении документа из материалов дела. Я хочу отметить, что документ упоминался под запись по многим пунктам. Если уважаемый суд пожелает, я смогу просмотреть все пункты. Я нашёл только четыре или пять в немецкой стенограмме. Если необходимо, я приведу все пункты в английской стенограмме. Он был предъявлен

[63] Герман Бём (1884 —1972) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1941 года).

26 ноября 1945, на вечернем заседании[64].

Председатель: Я не думаю, что вам следует об этом волноваться. У вас сейчас вопрос только о том следует ли исключить документ из материалов дела. Если его нужно исключить из материалов дела, мы сможем найти где это. Это всё, что вы хотите сказать?

Симерс: Один вопрос адмиралу Рёдеру.

Слова, которые я только, что зачитал: «жестокие меры, уничтожение жизненной силы» - эти слова использовались Гитлером в то время?

Рёдер: По моему мнению, нет. Мне кажется, что версия представленная адмиралом Бёмом, которую он записал вечером того же дня, на основании своих пометок, версия самая близкая к правде.

Симерс: Господин председатель, для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, я предъявляю как экземпляр Рёдер-27, в документальной книге Рёдера 2, страница 144, правильное воспроизведение речи.

Рёдер: Могу я также получить документальную книгу 2?

Симерс: Данная речь соответствует рукописи генерал-адмирала Германа Бёма. Генерал-адмирал Бём присутствовал на речи Гитлера 22 августа 1939 в Оберзальцберге. Он делал эти заметки во время речи. Он расшифровал их в настоящей форме тем же самым вечером– то есть, 22 августа 1939 – в гостинице «Vier Jahreszeiten[65]» в Мюнхене. Я заверил верность копии. Подлинник рукописи генерал-адмирала Бёма. Бём вызван мной в качестве свидетеля по иным вопросам. Он подтвердит, что речь произносили в такой форме как я её предъявил. Сравнение двух документов демонстрирует, что все термины, такие как «жестокие меры», не содержались в данной речи. Он далее показывает…

Максвелл-Файф: Конечно, данная часть аргументации доктора Симерса должна относиться к весомости. Он сказал, что сравнение двух документов показывает это и то. Я только что взглянул на конец письменных показаний адмирала Бёма и он содержит, должен возразить, каждую существенную мысль находящуюся в документе PS-1014. Но так это или нет, это конечно вопрос оценки. Мы не можем, по моему покорному соображению, вдаваться в подробные сравнения, чтобы решить о допустимости документа. Как я скажу, что мне много, что есть сказать о детальном сравнении документов. Сейчас вопрос стоит перед трибуналом.

Председатель: Да. Трибунал лишь хотел услышать всё, что доктор Симерс собирался сказать о предмете.

Симерс: В сравнении с документом PS-798, более длинная и более хорошая версия, как его представило обвинение…

Председатель: Доктор Симерс, как сейчас отметил сэр Дэвид Максвелл-Файф,

---

[64] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018, стр. 330-331.

[65] «Четыре времени года» (нем.)

простое сравнение документов – двух или трёх документов не поможет нам в вопросе их допустимости. Нам известны факты о документе. Этот документ на немецком языке, захвачен среди прочих немецких документов.

Симерс: Я понимаю. Я сделал это заявление только с целью продемонстрировать, что я не заявил возражений по формальным причинам, но потому что у этой вещи большое значение. В подтверждение своих…

Председатель: Что же, тогда, вы способны обратиться к этому, когда вы будете произносить свою речь с критикой документа о его весомости. Вы сможете указать на то, он не выдерживает сравнения с более полным документом составленным адмиралом Бёмом или другим документом.

Симерс: Совершенно верно. Чтобы объяснить своё формальное ходатайство, я ссылаюсь на своё заявление о формальном характере документа, который я предъявил.

Председатель: Да.

Ходатайство об исключении документа PS-1014 отклонено.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Представитель обвинения понял, что трибунал желает получить информацию о том как был обнаружен документ?

Максвелл-Файф: Да, милорд, мы постараемся разобраться.

Председатель: Да, и также с другим документом, документом PS-798.

Максвелл-Файф: Да, как угодно вашей светлости.

Симерс: Адмирал, я представил вам документ Рёдер-27, который версия Бёма. Вы прочли речь в этой версии. Это воспроизведение верно в целом, по вашим воспоминаниям?

Рёдер: Да, по моему мнению, эта та версия, которая наиболее близко соответствует реальности. Я особенно помню, что Гитлер посвятил большую часть своих замечаний положению о том, что Англия и Франция не вмешаются, приводя причины почему они не вмешаются. Он упоминал ряд причин, и я упустил эту часть, с тщательностью, в других воспроизведениях речи.

Симерс: В версии речи документа PS-798 или экземпляра USA-29 сказано дословно: «Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве». Эти слова использовались в той речи?

Рёдер: По моим воспоминаниям точно нет. Фюрер не имел привычки использовать такие выражения в выступлениях перед генералами.

Симерс: С другой стороны, версия, изложенная Бёмом показывает, что Гитлер, тогда решился напасть на Польшу. Я прошу вас кратко привести своё впечатление, которое на вас произвела речь. Скажите мне также почему, несмотря на эту речь, которая даже в этой версии суровая, вы оставались в должности

главнокомандующего флотом.

Рёдер: Без сомнения, у меня сложилось впечатление, что обстановка была серьезной и чрезвычайно напряженной. Однако, тот факт, что Гитлер в своей речи очень сильно подчеркивал доказательства того, что Франция и Англия не вмешаются, и второй факт о том, что господин фон Риббентроп, рейхсминистр иностранных дел, отбыл в Москву в тот же день, чтобы подписать там пакт, как нам сказали – эти вещи наполняли не только меня, но и всех слушателей очень сильной надеждой, что здесь дело в умном ходе Гитлера, который в конце концов приведет к мирному решению.

Таким образом, в тот момент я не видел никакой причины уходить в отставку с должности. Я бы считал это чистым дезертирством.

Симерс: С позволения трибунала, в этой связи я бы хотел, ввиду хронологического соответствия, предъявить два документальных экземпляра Рёдер-28 и 29, и прошу трибунал вынести о них судебное уведомление, не делая на них дальнейшей ссылки.

Обвинение цитировало документ С-155 и обвинило вас, при помощи этого документа…

Максвелл-Файф: Милорд, документы на которые доктор Симерс только, что сослался – документы Рёдер-28 и 29 – первый, меморандум генерала Гамелена[66] и второй это письмо генерала Вейгана[67] генералу Гамелену от 9 сентября 1939.

Ваша светлость вспомнит, что обвинение возражало этим документам как недопустимым, и милорд, обвинение поддерживает возражение.

Я не желаю прерывать допрос доктора Симерса как-нибудь больше чем нужно. Если сейчас он просто просит трибунал вынести судебное уведомление о документах и не намерен их использовать, вероятно, было бы правильно – для того, чтобы не прерывать основной допрос, чтобы я просто формально отметил, что мы поддерживаем возражение. Конечно, я в распоряжении трибунала.

Председатель: Положение такое, что они были допущены для перевода и включены в документальную книгу, но что дальнейшего распоряжения трибунала не было?

Максвелл-Файф: Никакого дальнейшего распоряжения не было сделано и поэтому, милорд, мы пока можем возражать, как я это понимаю.

Председатель: Что же, вероятно тогда нам лучше разобраться с этим сейчас.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Симерс: Могу я сделать об этом несколько замечаний? Мне кажется…

Председатель: Но сначала мы выслушаем возражение, не так ли? И затем мы выслушаем вас.

Симерс: Да, господин председатель, как пожелаете. Это чисто формальный пункт. Мне кажется, что сэр Дэвид немного ошибся, ссылаясь на документ Рёдер-28. Не

---

[66] Морис Гамелен (1872 — 1958) — французский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

[67] Максим Вейган (1867 — 1965) — французский военный деятель. В 1939-1940 начальник восточно-средиземноморского командования Франции.

было никакого возражения обвинения этому документу, а только против документа Рёдер-29.

Максвелл-Файф: Мой друг совершенно прав, мы не возражали переводу 28. Однако, милорд, он попадает в ту же категорию, что и 29, и я всё же возражал бы. Я извиняюсь перед вашей светлостью, если я создал впечатление, что мы не перед этим не заявили возражений.

Милорд, номер 29 - письмо генерала Гамелена господину Даладье[68] 1 сентября 1939, в котором генерал Гамелен приводит свои взгляды на проблему нейтралитета Бельгии и Люксембурга и противопоставляет такой взгляд взгляду французского правительства.

Итак, милорд, я полагаю, что выражение мнения со стороны генерала Гамелена само по себе по сути слишком отдаленное от вопросов данного процесса, имеющих какое-нибудь отношение к делу или доказательственную ценность.

Затем, кроме его сущностного характера, положение такое, что это был документ, который как я понимаю из удостоверения доктора Симерса на странице 158, взят из «Белой книги германского министерства иностранных дел[69]», из секретных материалов французского генерального штаба, которые не могли быть захвачены вплоть до июня 1940. Таким образом, в качестве вторичной причины, он не имеет никакого отношения к мнению сформированному Рёдером в сентябре 1939.

Милорд, второй документ, как я сказал трибуналу, письмо генералу Гамелену от генерала Вейгана, который тогда был главнокомандующим французской армией в Леванте[70]. Оно описывает план который продумывал генерал Вейган в отношении возможных операций в Греции. Никакие эти операции не состоялись до июня 1940, когда маршал Петэн[71] заключил перемирие[72] от имени части французского народа – хотя нет, конечно, от всего – и это не имеет никакого отношения к октябрю 1940, когда в Грецию вторглась Италия[73], или к состоянию конца 1940 и начала 1941, когда вторжение в Грецию начали рассматривать в германских директивах и оперативных приказах которые предъявлены трибуналу.

Это первый пункт. И тоже самое относится к второму пункту, что это тоже

---

[68] Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

[69] Сборники дипломатических и иных документов, как немецких так и захваченных призванные оправдать ведение войны Германией. Публиковались с 1939.

[70] Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др.), в более узком смысле — Сирии, Палестины и Ливана.

[71] Анри-Филипп Петэн (1856 — 1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Французским судом был приговорён к смертной казни. Помилован.

[72] Компьенское перемирие 1940 года — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года). Результатом перемирия стало разделение Франции на оккупационную зону немецких войск и марионеточное государство, управляемое режимом Виши.

[73] Италия вторглась в Грецию 28 октября 1940.

был захваченный документ, который не мог быть захвачен до июня 1940, следовательно, он не имеет никакого отношения к соображениям подсудимого в августе или сентябре 1939.

Милорд, удобства ради, я только, что составил список документов по которым заявили возражения и милорд, есть одно или два дополнения, которые мои французский и советский коллеги попросили меня высказать, и рассмотрю их, когда они возникнут.

Милорд, я просто хотел бы, чтобы трибунал имел в виду, что существует четыре географических группы документов в отличие от групп, по которым они расположены здесь, которые нужно рассмотреть трибуналу. Первая, сформирована документами относящимися к Малым странам[74]; вторая, которая группа G в списке, который я только что представил трибуналу, касается Норвегии; третья касается Греции, о чём к примеру документ Рёдер-29; и четвертая E в списке, который я только, что представил, касается предварительных предложений и соображений сделанных различными военными фигурами в отношении нефтяных месторождений Кавказа или операций на Дунае.

Милорд, те же самые возражения которые я заявил в частности в отношении документов Рёдер-28 и 29 в целом применимы к этим группам, и я подумал, что мне следует обратить внимание трибунала на этот факт. Кроме того, мой друг полковник Покровский поставил меня в известность о неких особых возражениях, которые у нас будут по определенным документам, в чём он может лично помочь трибуналу, когда они возникнет их вопрос.

Но, милорд, я действительно считаю эти конкретные случаи, 28 и 29, нежелательными сами по себе, и я обращаю внимание трибунала на тот факт, что они также обычно вызывают возражения как принадлежащие к определенным группам.

Решение трибунала, ваша светлость, указали на утреннем заседании 2 мая 1946. Ваша светлость сказал: «Вопрос их допустимости будет разрешен после их перевода».

Дюбост: С позволения трибунала, я бы просил у трибунала публичной возможности присоединиться к заявлениям сделанным сейчас сэром Дэвидом и привести несколько примеров, которые покажут степень важности которую следует придавать спорным документам.

Защита просит о том, чтобы трибунал принял во внимание документ опубликованный в германской «Белой книге» номер 5, под номером 8. Данный документ приводит заявление французского военнопленного, который

[74] Нидерланды — термин для обозначения совокупности исторических государственных образований в нижнем течении и в дельтах западно-европейских рек Рейн, Шельда и Маас: Фландрии, Голландии, Брабанта, Эно, Намюра, Зеландии, Лимбурга, Артуа, Люксембурга, сеньорий Гронинген, Утрехт, Мехелен, Турне, Льежского епископства и др. Таким образом, границы исторической области Нидерланды охватывали территорию, соответствующую современным Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и (частично) северной Франции.

предположительно сказал, что он находился в Бельгии с 15 апреля. Однако, германская «Белая книга[75]» не приводит, ни имя этого пленного, ни какое-нибудь указание на его часть. У нас нет никакой информации, которая требуется нам, для того, чтобы судить относится ли заявление к делу. Таким образом, мы столкнулись с документом, который не аутентичен и который не имеет никакой ценности в качестве доказательства.

Защита просит о том, чтобы документ Рёдер-102 из этой же документальной книги был допущен трибуналом. Я прошу трибунал позволить мне высказать несколько наблюдений демонстрирующих односторонний характер этих документов собранных немецкими властями в «Белой книге».

Я бы, прежде всего, сказал о том, чтобы данный документ Рёдер-102 не цитировали долго. Французская делегация ссылалась на текст немецкой «Белой книги». Мы внимательно его читали. Данный документ лишь подготовительный приказ в виду оборонительных приготовлений организованных бельгийцами на франко-бельгийской границе с Францией. Мы проконсультировались с бельгийскими военными властями. Данный приказ был выражением решимости бельгийского правительства защищать бельгийский нейтралитет на всех границах.

Таким образом, это противоречит правде, пытаться доказать с помощью данного документа существование штабных контактов между Брюсселем, Лондоном и Парижем, которые, если бы существовали, противоречили политике нейтралитета.

Комментарий, сделанный германским министром иностранных дел во введении к германской «Белой книге», страница 11 французского текста, застал врасплох адвоката и, конечно же, не ввел в заблуждение адмирала Редера, который является военнослужащим. Фактически, такова цена лжи, что подтверждает официальный комментатор, с одной стороны, тем, что выражение дружественные силы использованное в данном документе означает французские и британские войска, в то время как в реальности это обычное выражение, используемое в бельгийской армии, чтобы описывать бельгийские подразделения в непосредственной близости от тех кто на самом деле ведёт бой. С другой стороны, германский комментатор заявляет, и я цитирую: «Главная линия Турнэ-Антуан, от канала у Монса к Кондё, Сен-Гилен и Бинше, частично на бельгийской и частично на французской территории». Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что все эти местности на бельгийской территории и все они по крайней мере в дюжине километров от франко-бельгийской границы, и местами, в 60 километрах от французской границы.

Я прошу трибунал извинить меня за это прерывание. Я думал было уместным просветить его приведя убедительный пример доказательственной ценности представленной германской «Белой книгой».

Председатель: Доктор Симерс, трибунал думает, что наиболее подходящим

75

способом было бы заслушать сейчас ваши аргументы об этих документах, не только о 28-29, но и по остальным документам отмеченным в списке сэра Дэвида Максвелл-Файфа, и затем трибунал рассмотрел бы эти документы после отложения и объявил бы о своём решении завтра утром.

Симерс: С позволения трибунала, я буду очень благодарен, если возможно продолжить в немного иной манере. Я хочу обратить внимание на тот факт, что довольно долгие дебаты относительно документов уже имели место, и последовало решение суда. Мне кажется, что если я прокомментирую все документы об этом, будет потеряно много времени, поскольку согласованность документов сама по себе проявится дальше во время моей презентации доказательств. Если я сейчас займусь списком представленным сэром Дэвидом, мне, для того, чтобы показать свои причины, нужно изложить всё то, что обычным порядок появится в показаниях. Я думал, что решение трибунала сначала представить документы в документальной книге было именно для экономии времени, и затем можно было заявлять друг за другом возражения в отношении отдельных документов.

Председатель: Я знаю, но здесь очень большое количество документов. Трибунал придётся заслушать аргументы о каждом документе, если сделать так как предлагаете вы, читая список сэра Дэвида. Я полагаю там 30 или 40 документов,.

Симерс: Сэр Дэвид Максвелл-Файф уже заявил о том, что он руководствовался согласно различным географическим группам. Поэтому не будет никаких возражений в отношении каждого документа, но скорее в отношении каждой группы документов и каждой группы вопросов – например, возражение по делу Норвегии против всех норвежских документов или в греческом деле против всех греческих документов. Было бы проще рассмотреть эти вопросы таким образом, поскольку в моих показаниях мне всё равно нужно рассматривать Грецию и Норвегию, в то время как если я сделаю это сейчас мне придётся всё говорить дважды. Но я конечно буду руководствоваться распоряжением уважаемого трибунала. Я только опасаюсь, что в таком случае будет потеряно ненужное количество времени.

Максвелл-Файф: Милорд, я лишь хочу сказать одно слово по процедуре. Я надеялся на то, что доктор Симерс и я уже заняли достаточно времени трибунала аргументацией по этому поводу, поэтому, конечно, аргументация об отношении к делу должна быть одинаковой. Они настолько не относятся к делу, чтобы их не переводить, или же они недопустимы, во всяком случае мои аргументы были одинаковыми, и я не намерен повторять аргументы которые я приводил трибуналу.

Доктор Симерс уже оказал трибуналу содействие в том положении, которое мы уже обсуждали, и я надеялся, что если я заявил, как я сказал, что я поддерживаю пункты, которые я ранее представил трибуналу в своей предыдущей аргументации, то доктор Симерс в связи с этим способен сократить дело и сказать, что он полагается – если я могу так сказать – на самую полную аргументацию,

которая имелась у трибунала по другому поводу. Вот почему я подумал, что может быть удобно, если мы рассмотрим их сейчас и снимем проблему дальнейшего рассмотрения.

Председатель: Доктор Симерс, трибунал думает, что вы должны обсудить эти вопросы сейчас, и он надеется, что вы обсудите их кратко, так как ваши аргументы в их пользу уже заслушивались. Но мы думаем, что вы должны обсудить их сейчас и не обсуждать каждый отдельный документ по мере поступления, и он рассмотрит вопрос. У него уже есть эти документы, но он рассмотрит вопрос снова и разрешит вопрос вечером.

Покровский: Милорд, поскольку трибунал принял решение, чтобы доктор Симерс, сейчас дал свои возражения по точке зрения высказанной сэром Дэвидом и другими обвинителями, я думаю, моей обязанностью будет назвать ещё три документа, против которых возражает обвинение.

Советское обвинение возражало бы всего против пяти документов, но два из них – я имею в виду номера 70 и 88 – уже включены моим другом сэром Дэвидом в список находящийся в распоряжении трибунала. И мне остаётся назвать ещё три номера, чтобы облегчить доктору Симерсу задачу общего ответа. Я называю номера 13, 27 и 83.

Номер 13 это запись доклада капитана первого ранга Ломана. В ней содержится мысль, которую я не могу назвать иначе, как бредовой и пропагандистской мыслью типичного нациста. Мысль о том, что целью Красной армии является мировая революция, и что именно эту цель Красная армия всюду стремится достигнуть. Я полагаю, что было бы неправильным, если бы эти бредовые и политически вредные мысли были бы отражены в документах принятых трибуналом.

Второе моё возражение связано с документом 27. Это запись сделанная добровольным протоколистом, Бёмом выступления Гитлера в Оберзальцберге. Трибунал отклонил ходатайство доктора Симерса об исключении двух документов освещающих тот же вопрос и подчеркнул, что трибунал не хочет заниматься сравниванием достоверности разных документов посвящённых одному и тому же вопросу.

Я считаю, что поскольку трибунал имеет уже в своём распоряжении, среди принятых документов две записи выступления Гитлера в Оберзальцберге, нет никакой необходимости приобщать к делу ещё третью запись, тем более что в этой третьей записи имеются совершенно наглые, клеветнические и оскорбительные выпады по адресу вооруженных сил Советского Союза и руководителей советского государства. С включением этих записей, никогда не могли бы примириться ни вооруженные силы Советского Союза, ни мы как представители советского государства.

Третий документ это документ 83. Документ 83 это выдержка из «Белой

книги». О достоверности германской «Белой книги». О достоверности этого источника здесь уже говорил господин Дюбост, я считаю, что это крайне ненадёжный доказательный материал и в частности в документе Р-83, имеется политически неправильный и объективно вредный выпад против Советского Союза, где трактуется вопрос о взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией. По этим общим политическим мотивам я и просил бы высокий суд отвести документ 83 из числа доказательств предъявляемых трибуналу защитником Симерсом. Тем более, что строго говоря, он вообще никакого отношения к делу не имеет. Это всё, что я хотел бы сказать, милорд.

Симерс: С позволения трибунала, я к своему сожалению заметил, что мы снова возвращаемся к началу наших дебатов о документах; так как мы сейчас обсуждаем документы, которые вообще не упоминались в первоначальных дебатах касательно документов, которые состоялись 1 мая. Однако, мне казалось, что я мог полагаться на единственный принцип, что по крайней мере те документы, которым тогда не возражали, считались бы одобренными. Однако теперь, я выясняю, что все те документы, которые не обсуждали теперь являются предметом спора. Это чрезвычайно трудно…

Председатель: Доктор Симерс, трибунал думает, что вы совершенно ошибаетесь в этом, потому что очевидно, что документ, который не перевели нельзя передать обвинению или трибуналу, и тот факт, что обвинение не возражает им на том этапе, не мешает ему возражать на более поздней стадии, когда их перевели.

Симерс: Были какие-то документы о которых мне сказали, что обвинение в отношении них не возражало, и я во всяком случае считал, что это было окончательно, также как в отношении некоторых документов…

Председатель: Я думаю, что ясно выразился. Я сказал о том что: обвинение, возражая или не возражая документам до их перевода не обязывает себя не возражать после их перевода. Это ясно?

Симерс: Тогда я рассмотрю документы друг за другом. Прежде всего, я бы хотел начать с тех документов, которые полковник Покровский…

Председатель: Нет, нет, доктор Симерс, трибунал не будет заслушивать эти документы друг за другом. Если их можно разобрать группами их нужно разобрать в группах. Сэр Дэвид разобрал их по группам, и я не говорю, что вы должны придерживаться точно таких же групп, что трибунал не предлагает заслушивать каждый документ друг за другом.

Симерс: Я прошу прощения. Тогда это недопонимание. Я хотел вначале обсудить такие документы, потому что есть некоторые вещи, которые не ясны и которым возразил полковник Покровский. Я не понял, что полковник Покровский упоминал документы в группах. Мне кажется, он назвал пять документов – три из них по отдельности - и мне кажется, хотя я не понял всего, я могу рассмотреть указанные документы по отдельности друг за другом. Однако, я буду рад начать с группы

изложенной сэром Дэвидом если это нужно рассмотреть в первую очередь. Сначала я…

Председатель: Когда вы сказали, что вы собираетесь рассматривать документы друг за другом, вы имели в виду все документы друг за другом? Я не предлагаю, чтобы вы…

Симерс: Нет, ваша честь.

Председатель: Вы можете сначала разобраться с полковником Покровским, если хотите.

Симерс: Полковник Покровский имеет в качестве своего первого возражения документ Рёдер-13. Это касается документа датированного 1935. Разумеется, полковник Покровский, может высказать какие-то возражения содержанию документа, но то как документ можно квалифицировать как не относящийся к делу лишь потому, что определённая фраза содержит пропаганду, мне не совсем ясно. Мне кажется, я могу найти фразы в других документах, которые предъявляли в течение последних 6 месяцев, которые можно интерпретировать как какую-то пропаганду. Я совершенно не могу вообразить, что это возражение, и я бы хотел напомнить трибуналу, что трибунал в самом начале процесса, когда мы рассматривали Австрию, трибунал отклонил возражение защиты относительно письма. Защита возразила, потому что автор письма был доступен в качестве свидетеля. Затем трибунал вполне обоснованно решил, чтобы письмо было доказательством. Единственный вопрос для дебатов это доказательственная ценность. Трибунал допустил данный документ. И в связи с этим хочу заметить, что лекция в университете которая изложена в письменном виде это документ. Лекция рассматривает морское соглашение, и мне кажется, что вместе с тем отношение к делу…

Председатель: Доктор Симерс, вы заявили о своей позиции в отношении номера 13? Вы сказали, что большая часть вещи явно относится к делу, хотя есть одна фраза, которую можно предполагать как пропаганду, и, следовательно документ, не следует исключать. Это ваша позиция?

Симерс: Нет, я говорю, что этот документ который содержит доказательства используемые на процессе, и советское обвинение не может оспаривать его, потому что это была лекция, прочитанная в 1935. Я вообще не смог понять использование слова «пропаганда» полковником Покровским в связи с этим документом.

Председатель: Что же, пока я не понимаю, что вы говорите. Я думал, что указал вам, что вы должны сделать. Я думал вы дали понять, что сам по себе документ относится к делу и не может быть отклонен, из-за одной фразы в которой можно предположить пропаганду. Такова ваша позиция, и я хочу заявления об этом одной-двумя фразами, и трибунал его рассмотрит. Я не понимаю, почему время трибунала нужно занимать долгой аргументацией о чём-то ещё.

Симерс: Во-вторых, полковник Покровский, если я понял переводчика, возразил

документу номер Рёдер-27. В этом случае речь идёт о выступлении Гитлера в Оберзальцберге 22 августа 1939. Это экземпляр Рёдер-27. Мне очень трудно комментировать этот документ, поскольку мне не понятны возражения полковника Покровского. Это касается…

Председатель: Возражение заключалось в том, что нет никакой необходимости в третьей записи о речи. Есть две записи, которым вы возразили, и он сказал, что нет необходимости в третьей.

Симерс: Ваша честь, тогда я бы хотел добавить, что советская делегация не согласна с делегацией Соединенных Штатов. В стенограмме того времени представитель американской делегации сказал, что если у кого-нибудь есть более лучшая версия этой речи, он должен её представить. Поэтому, я согласен с мнением американского обвинения и мне кажется, помимо этого, что не нужно ни одного слова об отношении к делу речи, которая была произнесена незадолго до войны.

Документ Рёдер-83, третий документ с возражениями полковника Покровского. Это содержит шестое заседание верховного совета 28 марта 1940, проект резолюции под названием «Строго секретно». В данном документе верховный совет – то есть, участники союзного руководства – согласились с тем, что французское и британское правительства к понедельнику 1 апреля, обменяются нотами с норвежским и шведским правительствами. Затем приводится содержание данной ноты, и есть ссылка на точку зрения о жизненно важных интересах и затем сказано, что тогдашняя позиция нейтралов должна восприниматься союзниками как противоречащая их жизненным интересам и это вызовёт соответствующую реакцию.

Под цифрой «1c» этого документа, сказано:

> «Любая попытка Советского Союза, которая направлена на получение от Норвегии положения на Атлантическом побережье противоречила бы жизненно важным интересам союзников и вызвала бы соответствующую реакцию».

Председатель: Вам не нужно читать документ, не так ли? Я имею в виду, вы можете сказать нам о его сути. Кажется это возражение любой дальнейшей атаке на Финляндию, которая бы рассматривалась союзниками противоречащей их жизненно важным интересам. Это всё.

Симерс: Господин председатель, решающее только это выражение «жизненно важные интересы». Я не желаю, как кажется всегда думает обвинение, заявлять некого рода возражения с точки зрения tu quoque[76]. Я хочу показать только то, что ситуация соответствовала международному праву, и что в то же время, когда адмирал Рёдер был занят определенными мыслями относительно Норвегии, Греции

[76] «Ты тоже» (лат.) — логическая ошибка. В англоязычных источниках она также называется апелляцией к ханжеству. Она представляет собой попытку дискредитировать логику и оправданность позиции оппонента, основываясь исключительно на том, что сам оппонент не придерживается данной позиции по отношению к себе или другим.

и тому подобным, союзные службы думали о том же и основывали свои замыслы на той же самой концепции международного права, которая как я недавно говорил, поддерживалась Келлогом[77] – а именно, что право на самосохранение всё также существует. Сейчас я могу подтвердить своё положение этими документами.

Председатель: Положение, выдвинутое против вас сэром Дэвидом заключалось в том, что документ не попал в руки германских властей до падения Франции.

Симерс: Теперь я рассмотрю группировки обозначенные сэром Дэвидом.

Сэр Дэвид сделал определённые фундаментальные заявления. Относительно документов номер Рёдер-28 и 29, он особо отметил, что в одном случае они являлись мыслями генерала Гамелена и другом случае генерала Вейгана, и что эти идеи не были известны немцам в то время, поскольку эти документы ещё не были в наших руках. Последнее положение верно. Концепция и план оккупации Греции, уничтожение румынских нефтяных скважин, эти замыслы были известны немцам – а именно, от разведывательной службы. Обвинение не представило данные из германского высшего командования которые показывают эти доклады. Поскольку у меня нет этих документов, мне кажется было бы справедливо, если бы мне предоставили возможность представить те факты, которые были известны Германии и таким образом подтвердить их. У меня нет других доказательств. То, что обвинение устраивает лишение меня моих документов, которые необходимы мне для защиты, я могу понять, но обвинение также должно понимать тот факт, что я считаю важным, чтобы те документы, которые являются явным подтверждением определенных планов находились в моём распоряжении.

Адмиралу Рёдеру предъявлено обвинение в том, что это была агрессивная война – преступная агрессивная война – формулировать планы по оккупации Греции. Документ Рёдер-29 показывает, что генерал Вейган и генерал Гамелен 9 сентября 1939 занимались планированием оккупации нейтральных Салоник. И если этот так, я не могу понять, как можно показывать пальцем на адмирала Рёдера с немецкой стороны, самому занимаясь такими планами полутора годами ранее. Следовательно, мне кажется, что эти и похожие документы должны быть мне одобрены, так как только из них можно понять военное планирование и ценность военного планирования, или спорную сторону – то есть, преступную сторону планирования. Стратегическое мышление подсудимого можно понять, только если можно приблизительно знать какое стратегическое мышление преобладало в то же самое время у противника. Стратегические причины адмирала Рёдера был скрыты в воздухонепроницаемом отсеке, но зависели от докладов, полученных о стратегическом планировании противоположной стороны. Это взаимная деятельность. Эта взаимная деятельность необходима для понимания. Таким образом, в виду этого очень существенного положения, я прошу допустить такого

[77] Фрэнк Келлог (1856 – 1937) – американский государственный деятель. Государственный секретарь США в 1925-1929 гг.

рода документ, поскольку как я недавно заявил, мне не известно как я вообще могу проводить свою защиту перед лицом таких тяжких обвинений относительно Греции и Норвегии если исключили все мои документы. Мне кажется, что меня правильно понимают, когда я не утверждаю, что мы знали об этих документах. Но Германия знала о содержании этих документов, и я мне кажется это существенно.

С позволения трибунала, мы снова с документом Рёдер-66 в группе А. Данный документ Рёдер-66 это мнение доктора Мозлера, эксперта в международном праве, о норвежской операции, если судить о ней с точки зрения международного права.

Поскольку в этом зале суда мы всегда говорим об экономии времени, я бы имел сомнения отказаться от этой статьи, так как отказ вынудит меня изложить линию мысли пункт за пунктом, и я мне кажется, что гораздо проще для трибунала, для обвинения и для меня, если я представлю общую правовую аргументацию в связи с этим.

Максвелл-Файф: Милорд, данный документ вопрос юридической аргументации. Если трибунал думает, что будет какое-либо содействие иметь аргументацию в документальной форме, я намерен отозвать своё возражение этому. Это совсем другой проект, чем тот, и я хочу помочь всем, чем могу.

Пока я у микрофона: я говорил, что было два документа попавшие в ту же самую группу. Документ Рёдер-34 попадает в группу В, и документ Рёдер-48 в группу Е.

Милорд, я упоминал 28, когда я обращался к трибуналу.

Симерс: С позволения трибунала, я не желаю оспаривать документ Рёдер-66, я сделал, чтобы упростить для каждого ситуацию. Дополнительные документы в этой группе Рёдер-101 по 107. Я не могу сказать, что это однородная группа. Один документ касается Норвегии, другой касается Бельгии, третий касается Дуная. Единство этой группы от меня ускользнуло. В основном эти документы имеют общее в том, что, как я уже сказал, также как и в германском, в союзническом генеральном штабе существовал план, и все они основывались на доктрине международного права относительно права на самосохранение и жизненно важные интересы.

Для того, чтобы быть кратким с этим положением, я хочу особо сослаться на документ Рёдер-66, и чтобы сэкономить время, я прошу, чтобы цитаты из этого документа считали основной для моих сегодняшних замечаний о праве на самосохранение. Я ссылаюсь на цитаты на странице 3 и странице 4 данного экспертного мнения. Из этого правовая ситуация становится совершенно ясной, и в данном экспертном мнении очень ясно изложено, что в отношении вопроса оккупации Норвегии, не шла речь о том действительно ли союзники высадились в Норвегии, но только о том, существовал ли такой план, речь не идёт о том соглашалась Норвегия или нет. Угроза смены нейтралитета согласно

международному праву даёт право использовать какие-то компенсирующие меры или атаковать по своему усмотрению и эта основная доктрина поддержана во всей литературе, которая цитируется в данном документе, и на которую я сошлюсь позднее в своей защитительной речи.

Из группы 101-107, мне нужно назвать документ Рёдер-107. Документ Рёдер-107 вообще не касается «Белых книг» как остальные документы. 107 - письменные показания Шрайбера. Шрайбер был военно-морским атташе в Осло с октября 1939 и далее. В начале я сказал, что Шрайбер мне необходим в качестве свидетеля. Между тем, я исключил Шрайбера, потому что даже при том, что мы старались неделями, мы не смогли его найти. Я обсуждал этот вопрос с сэром Дэвидом и полковником Филлимором. Мне сообщили, что возражений по этому формальному вопросу не будет, поскольку Шрайбер внезапно и сам по себе снова появился.

Если, как желает обвинение, отнять у меня эту улику – а именно, письменные показания Шрайбера о докладах которые адмирал Рёдер получал из Осло и в дополнение к этому, документы из которых можно показать достоверность этих докладов, тогда у меня вообще нет доказательств по всему вопросу. Кроме того, Шрайбер был в Осло во время оккупации и он прокомментировал в своих письменных показаниях поведение флота и усилия адмирала Рёдера в связи с заслуживающей сожаления гражданской администрацией Тербовена[78]. Следовательно, я прошу высокий трибунал одобрить мне эти письменные показания мне или одобрить мне Шрайбера в качестве свидетеля для того, чтобы он мог свидетельствовать лично. Однако, последнее, конечно, заняло бы много времени. Я ограничил свои свидетельские показания в такой мере, что мне кажется, что, в виду всего промежутка в пятнадцать лет который мы рассматриваем в деле подсудимого Рёдера, по крайней мере мне должны одобрить такие письменные показания.

В отношении группы В , я хочу сослаться на замечания, которые я уже сделал. Насколько я могу понять, группа выглядит полностью неоднородной, но мне кажется, все они взяты из «Белой книги». Следует применять такие же мысли, какие я недавно высказал трибуналу.

Председатель: Думаю, сэр Дэвид признавал, что было определённое отсутствие однородности в этих группах, но он предложил, что все они подпадают под географические группы: одна группа, Малые Страны; одна группа Норвегия; одна группа Греция; и одна группа, Кавказ и Дунай – которые согласуются с «Е». Так он сказал. Вы можете рассмотреть их как географические группы?

Симерс: Очень хорошо.

Я уже говорил о Норвегии и в связи с этим сошлюсь на уже сделанные мной замечания. Я уже кратко упоминал Грецию. Я бы хотел сказать, что там

---

[78] Йозеф Тербовен (1898-1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхсокмиссар Норвегии в 1940-1945. Покончил жизнь самоубийством в конце войны.

сделано двойное обвинение: одно, что топили нейтральные суд, а именно нейтральные греческие суда, и во-вторых, обвинение в агрессивной войне против Греции – то есть, оккупация всей Греции.

В отношении последнего пункта, я уже сделал несколько заявлений. Рассматривая греческих торговцев, я бы хотел сказать лишь то, что в данном случае поступок и отношение подсудимого выглядят оправданными тем, что он получал доклады, которые совпадали с документами которые были обнаружены месяцем спустя во Франции. Такие же доклады получал Рёдер, когда он выражал свои взгляды Гитлеру. Я бы хотел подтвердить, что те доклады которые поступали к нему от разведывательной службы не приданы разведывательной службой, а были подлинными фактами. Тоже самое относится к нефтяным районам. Существовали планы уничтожить румынские нефтяные скважины, и кроме того был план уничтожить кавказские нефтяные скважины, оба с целью причинить противнику урон; в одном случае только Германии – что касалось Румынии – и во втором случае Германии и России, потому что тогда у России были дружественные отношения с Германией.

Эти планы – и это показано в документах – в такой же самой форме, как и все остальные документы, представленные обвинением. Эти документы точно также, полностью, являлись «совершенно секретными», «для служебного пользования», «конфиденциальными». Как всегда говорило обвинение: «Почему вы всё делали секретно? Это подозрительно». Эти документы содержат идеи, основанные на стратегическом планировании также как и документы, представленные обвинением. Это то, что вытекает из характера войны и не подразумевается как обвинение с моей стороны, как не следует считать обвинением против адмирала Рёдера со стороны обвинения.

Затем следует группа документов Риббентропа. Я могу сказать только то, что недавно говорил. И так как я сейчас взглянул на них мельком, документы в документальной книге Риббентропа не настолько полные как они есть тут. Поэтому, мне кажется, важно рассмотреть документы и исследовать их полное содержание с точки зрения Рёдера нежели с точки зрения Риббентропа. Вероятно, это может иметь место, как недавно предложил высокий трибунал. Однако, тогда мне кажется, это не то возражение которое может использовать обвинение говоря о том, что в деле Риббентропа они были частично допущены и частично отклонены. Так в некоторых документах допущенных в деле Риббентропа мне было отказано.

Затем мы переходим к группе «E» и это tu quoque. Мне кажется, я уже достаточно говорил об этом недавно. Я снова оспариваю и не могу понять почему обвинение не согласится со мной. Я не желаю возражать. Я не говорю tu quoque, я только говорю, что это стратегическое планирование которое проводили в любой армии и есть доктрины международного права которые применимы к союзникам точно также как и к нам, и я прошу одобрить мне эти возможности сравнения

внешней политики.

При этом мне кажется, что я рассмотрел все пункты насколько мне было возможно определить свою позицию за такой короткий промежуток времени в отношении около 50 документов, и я прошу высокий трибунал не усложнять мою работу отказывая мне в этих документах.

Председатель: Трибунал внимательно рассмотрит эти документы и ваши аргументы.

Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 17 мая 1946*]

День сто тридцать второй

Пятница, 17 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель: Трибунал внимательно и всесторонне рассмотрел документы представленные доктором Симерсом от имени подсудимого Рёдера; и поэтому он, не желает, чтобы документы которые он предлагает допустить читали, потому он уже все их прочёл.

Сейчас я рассмотрю документы по отдельности.

Документ 66 допущен для целей аргументации, но не в качестве

доказательства; документ 101 отклонен; документы с 102-105 допущены; документ 106 отклонен; документ 107 допущен; документ 39 отклонен; документ 63 допущен; документ 64 отклонен; документ 99 отклонен; документ 100 допущен; документы 102-107 допущены; документ 38 отклонен; документ 50 отклонен; документ 55 отклонен; документ 58 отклонен; документы 29, 56, 57, 60 и 62 отклонены. Мне нужно было включить в эту группу документ 28, который также отклонен. Документы 31, 32, 36, 37 и 39 отклонены; документ 41 допущен; документ 99 уже отклонён и документ 101 уже отклонен; документ 59 допущен; документ 68 отклонен; документ 70; документ 72 отклонен; документ 74 отклонен; документ 75 допущен; документ 77 допущен; документ 79 допущен; документ 80 допущен; документ 84 допущен; документ 85, который на странице 82 тома V допущен; документ 87 отклонен; документ 88 допущен; документ 91 допущен; документ 13 допущен; документ 27 допущен.

Обвинение может, если пожелает, ходатайствовать о перекрестном допросе свидетеля который подготовил документ.

Биддл: То есть адмирала Бёма.

Председатель: Да, адмирала Бёма.

Документ 83 допущен; документ 34 допущен; документ 48 отклонен.

Доктор Симерс я слишком быстро говорил для вас? Вы пропустили несколько?

Симерс: Да, я всё услышал.

Додд: Господин председатель, вчера вечером трибунал попросил, если возможно чтобы мы установили происхождение документа PS-1014. Доктор Симерс поднял об этом какой-то вопрос. Это экземпляр USA-30.

Я провел поиски, и у меня есть некоторая информация касательно этого документа, которую мы готовы представить. Я хочу отметить, что PS-1014 и PS-798 и L-3 всё это документы, касательно одной и той же речи произнесенной в Оберзальцберге 22 августа 1939. Они были представлены в качестве доказательств господином Олдерманом из американского штаба 26 ноября 1945.

Я хочу отметить, что L-3, на который вчера ссылался доктор Симерс, был представлен только для идентификации, как показывает стенограмма слушаний в тот день 26 ноября, и получил регистрационный номер USA-28 только для идентификации. Господин Олдерман отметил, как видно из стенограммы, что он не приобщил его в качестве доказательства, что он был бумагой, которая попала в наши руки изначально от журналистов, и что позднее документы PS-798 и PS-1014 были обнаружены среди захваченных документов. Они ссылались на ту же самую речь в Оберзальцберге. Господин Олдерман тогда приобщил эти два.

Итак, документ PS-798, экземпляр номер USA-29, и документ PS-1014, экземпляр номер USA-30, оба обнаружены силами Соединенных Штатов следующим образом:

Их забрали из штаб-квартиры ОКВ в Берлине, и в течение различных путешествий в те дни, они наконец прибыли в одно место и были сданы на хранение, как теперь оказалось, в различных местах ОКВ под контролем генерала Винтера[79] из германских сил; их перевезли тремя поездами в Зальфельден в австрийском Тироле. Впоследствии, генерал Винтер приказал о том, чтобы все документы в его распоряжении были переданы союзным силам и так было сделано. Эти конкретные документы, вместе с какими-то другими бумагами, были переданы генералом Винтером и членами его штаба в то время и 21 мая 1945, их вывезли из Зальфельдена где они находились под контролем генерала Винтера и забрали в документальный центр третьей армии США в Мюнхене. Находясь в Мюнхене их сортировал и вносил в каталоги отдел G-2[80] верховной штаб-квартиры американских экспедиционных сил при содействии служащих ОКВ и ОКХ[81]. 16 июня 1945 эти документы вместе с остальными вывезли на шести грузовиках из штаб-квартиры третьей армии в Мюнхене и забрали в группу номер 32 Контрольного совета США в Зеккенхайме, Германия, которая располагалась в бывших офисах компании I.G. Farben[82], и разместили на полках третьего этажа здания и охраняли. Между 16 июня и 30 августа 1945, задача сбора, сортировки, составления и каталогизации этих документов осуществлялась под надзором британского полковника Остина, с личным составом верховной штаб-квартиры и документального центра G-2 оперативного разведывательного отдела Г-2, 6889 берлинского документального отдела, и британского подразделения по документам противника, и британским отделом военной разведки. Начиная с 5 июля 1945, и продолжая до 30 августа 1945, эти документы изучались в этом месте членами штаба главного юриста Соединенных Штатов. Лейтенант Маргулис, который здесь в этом зале суда и сотрудник нашего штаба, лично отобрали эти документы из ваших материалов дела PS-798 и PS-1014, из захваченных материалов ОКВ, доставили их в Нюрнберг, и разместили их в документальной комнате где они с тех пор хранятся в строгой безопасности.

Итак, это история этих двух документов о которых доктор Симерс вчера поднял вопрос – можно сказать значительный вопрос – и подразумевал, что есть нечто странное с их содержанием. Я думаю история, которую я привёл в форме заявления о подписи подполковника Хоппера ясно устанавливает источник и то где они находились до этого; и я думаю, что единственно честно сказать, поскольку доктор Симерс посчитал уместным отметить, что такой язык звучал чрезвычайно

---

[79] Август Винтер (1897 – 1979) – генерал-майор Вермахта. В марте – апреле 1945 и.о. заместителя начальника оперативного штаба ОКВ.

[80] G-2 (разведка) – подразделение разведывательной службы в армии США уровня дивизии и выше.

[81] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год.

[82] И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндустри (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — общество интересов промышленности красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны.

жестко и приписан Гитлеру, и эти документы были представлены, чтобы показать, что эти люди действительно говорили об агрессивной войне. Чтение этих трёх документов трибуналом ясно покажет, что они все по существу согласуются, конечно, есть разница во фразеологии, но важная вещь и цель для с которой их представили, заключалась в том, чтобы показать, что эти люди говорили об агрессивной войне. Я могу сказать, что я не удивлен чувствительности моего друга этому замечанию, но я думаю, неопровержимые доказательства по делу до сих пор показывают, что эти вещи не только говорили, но и совершали.

Дюбост: С позволения суда. Несомненно, это ошибка в переводе. Мы поняли, 106 был отклонен в первый раз и допущен во второй раз в группе 102-107.

Председатель: Боюсь это, была моя ошибка. Я сказал, что группа 102-107 допущена; но я также сказал, что 106 был отклонен, и он отклонен. Это полностью моя ошибка. 106 отклонен.

Дюбост: 106 выбросили и 102-107 также отклонены, не так ли?

Председатель: Нет, я приведу точные номера: 102, 103, 104, 105 и 107 допущены.

Дюбост: Очень хорошо. Господин председатель, мы хотим представить дальнейшие пояснения 102-107 по ходу слушаний.

Председатель: Да.

Симерс: Господин председатель, могу я сказать несколько слов касающихся заявления сделанного господином Доддом?

У меня не было никаких сомнений, и разумеется нет сейчас, что поскольку эти документы были обнаружены, с ними обращались очень правильно и господин Додд говорил лишь об этом. Мне кажется важным установить: можно ли установить связь этих документов с остальными документами, потому что таким образом можно понять относились ли они к определённому адъютанту. Например, были они вместе с бумагами Хоссбаха или вместе с материалами Шмундта? Если бы, например, документы находились с документами Шмундта наверное они принадлежали адъютанту.

Председатель: Это всё вопрос весомости документа, не так ли? Несомненно, подписанный документ более весомый, чем документ без подписи. Все эти вещи трибунал учтет при рассмотрении документов, но допустимость документа зависит от его сущности найденного и захваченного немецкого документа.

Симерс: Господин председатель, я хотел сказать это только, потому, что неприятно вводить американскую делегацию в заблуждение моим ходатайством касательно документа. Я не заявляю никаких обвинений касательно способа обнаружения документа, я просто говорю, о том, что не ясно в каких бумагах он был обнаружен. Моё внимание привлекло, то, что господин Додд рассмотрел три документа одинаковым образом, в то время как господин Олдерман на странице 188 протокола[83], заявляет, что один из этих трех документов, L-3, был очевидно не в

[83] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и

порядке, из-за его сомнительного происхождения. И поэтому он отозвал документ.

Могу я тогда, если позволит суд, продолжить допрос подсудимого Рёдера?

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, у нас есть несколько заключительных вопросов касательно заговора. Мне кажется, они не займут много времени. Я прошу вас посмотреть на документ С-155. Это экземпляр GB-214 в документальной книге 10, страница 24 – документальная книга 10 британской делегации, страница 24.

Это ваше письмо от 11 июня 1940, которое было направлено 74 флотским офицерам и которое обвинение называет оправдательным письмом. Обвинение хочет заключить из этого, что вам было известно о том, что война ожидается уже летом 1939. Я хочу, чтобы вы очень коротко ответили на данное обвинение.

Рёдер: Есть многочисленные доказательства, чтобы показать, что я вообще не ожидал войны осенью, и в виду небольшой степени перевооружения германского флота это было совершенно естественным. Я заявил совершенно ясно в своей речи перед офицерами-подводниками в Свинемюнде, что мы не могли на него рассчитывать.

Симерс: И в чём заключалась причина этого письма, С-155?

Рёдер: Причина заключалась в том, что ряд торпедных катеров давали осечку и это можно было отнести к тому факту, что торпеды ещё не были достаточно развиты как должно было быть к началу войны. Дополнительная причина заключалась в том что, теперь внезапно разразилась война, и многие офицеры верили в то, что было бы лучше в первую очередь насколько возможно развивать вооружение субмарин, для того, чтобы, по крайней мере, это оружие было бы готово в большом количестве на случай войны. Я возражал этому мнению именно, потому что такой войны не ожидалось. И на странице 6, 8 параграф, я снова подчеркиваю – во второй строке – что фюрер надеялся до конца оттянуть неминуемый спор с Англией до 1944 или 1945. Я говорю здесь о неминуемом споре. Неминуемый спор это не то к чему стремятся, а скорее опасаются.

Симерс: Есть ещё один ключевой документ, то есть, документ PS-789, экземпляр USA-23, очень длинная речь произнесенная Гитлером перед главнокомандующими 23 ноября 1939.

Господин председатель, документ, в документальной книге 10а на странице 261. Это снова речь Гитлера где нет указания о том, кто её записал. Подпись и дата отсутствуют.

[*Обращаясь к подсудимому*] Поскольку это похоже на остальные документы я не спрашиваю вас об этом. Адмирал я бы просто хотел знать, эта речь также не передаёт четкую предысторию, определенные мысленные оговорки со стороны Гитлера?

Рёдер: Да. В то время был довольно жесткий конфликт между Гитлером и

составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018, стр. 330-331.

главнокомандующим армией, и также разница во мнениях с ведущими генералами касательно наступления на Западе. Фюрер собрал всех руководителей для того, чтобы представить им своё мнение о вопросе в целом. Он заявил – и я лично присутствовал – что до сих пор он всегда оказывался прав в своих решениях и что он также будет прав во мнении, что западное наступление нужно предпринять, если возможно осенью. Ближе к концу он использовал очень грубые слова; в третьем с конца абзаце документа он заявляет: «Я ничего не боюсь, и я уничтожу любого кто против меня». Это было направлено против генералов. Действительно западное наступление не состоялось до весны, потому что его задержали погодные условия.

Симерс: Мы слышали эти подробности во время предыдущих слушаний и мне кажется, мы не должны в них сейчас вдаваться. В этой связи мы переходим к последнему документу, то есть, С-126, который также перед вами, GB-45. Это в документальной книге 10а на странице 92.

В отношении подготовки войны против Польши, обвинение предъявило данный документ из высшего командования вооруженных сил, датированный 22 июня 1939 и подписанный Кейтелем, потому что документ содержит график для плана «Белый[84]», то есть, плана о Польше. Этот документ или эта директива показали вам явное агрессивное намерение?

Рёдер: Нет. Вообще никакого явного агрессивного намерения. Во всех случаях нужно было выяснять определенные долгосрочные вопросы, такие как, например, нужно ли уходить нашим учебным судам которые использовали в море летом. Однако, это решение, было принято лишь в начале августа. В связи с этим приказом, я отдал приказ от 2 августа также относящийся к этому документу, отдельным высшим ведомствам флота, а именно, оперативную директиву по использованию атлантических субмарин в плане «Белый». Позвольте мне зачитать первые строки, потому что формулировка важна:

> «Прилагаемая оперативная директива по использованию подводных лодок, которые нужно направить в Атлантику в качестве меры предосторожности на случай намерения осуществить план «Белый» остаётся неизменной. F.d.U[85] должен вручить свои оперативные приказы СКЛ[86] к 12 августа. Решение относительно выхода подводных лодок в Атлантику вероятно будет принято в середине августа.
>
> Если операции не проводятся, данная директива подлежит уничтожению как самое позднее до 1 октября 1939». (документ С-126,

[84] Белый план, Вайс-план, План «Вайс» — немецкий стратегический план военных действий против Польши. Разрабатывался в апреле — июне 1939 года, был реализован с началом вторжения в Польшу 1 сентября 1939 года.

[85] Fehlshaber der Unterseeboote FdU (нем.) - сокращенное наименование командующего подводным флотом

[86] Seekriegsleitung (SKL) (нем. Штаб руководством войной на море) – управление высшего командования флотом осуществляющее планирование и руководство боевыми действиями на море, а также распределением военном-морских сил по театрам военных действий.

экземпляр GB-45)

Таким образом, не ясно, что эти операции состоялись бы. Скорее это была мера предосторожности, которую при любых обстоятельствах нужно было предпринять в связи с планом «Белый»

Симерс: Адмирал, вы сказали о том, что Гитлер постоянно заверял вас, в частности, когда вы разговаривали с ним лично, что войны не будет?

Рёдер: Да.

Симерс: В частности не было бы войны против Англии?

Рёдер: Да.

Симерс: Итак, затем, 3 сентября 1939 началась война с Англией. В связи с этим вы говорили с Гитлером об этом вопросе – и если так, когда?

Рёдер: Утром 3 сентября, мне кажется, между 10 и 11 часами – я точно не помню время – меня вызвали в рейхсканцелярию. СКЛ уже проинформировал меня о том, что от Англии и Франции получен ультиматум. Я вошел в кабинет фюрера где собрался ряд лиц. Я лишь помню, что присутствовал заместитель фюрера Гесс. Я не могу сказать, кто ещё там был. Я заметил, что Гитлер был в особенности растерян, когда говорил мне, что, несмотря на все надежды, война с Англией была неминуема, и что получен ультиматум. Это было выражением замешательства, такого какое я никогда не замечал за Гитлером.

Симерс: Адмирал, теперь я перехожу к предъявленному обвинению, что вы, соглашались с национал-социализмом и решительно его поддерживали.

Разрешите попросить трибунал взглянуть на документ D-481, который GB-215 в документальной книге 10а, страница 101. Он касается присяги гражданских служащих и присяги солдат.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение, ссылаясь на документ, заявило, что 2 августа 1934, на особой церемонии, вы дали присягу Адольфу Гитлеру, а не отечеству. В расшифровке от 15 января 1946, страница 2719[87], мы читаем: «Как трибунал видит, Рёдер» - в своей присяге – «подменил отечество фюрером».

Я это не понимаю и прошу вас объяснить, верно ли, что вы приняли какое-нибудь участие в изменении присяги с «отечества» на «Гитлера».

Рёдер: Нет. Я вообще не могу понять это обвинение. Весь вопрос не был особой церемонией. Мне не известно, кто предположительно такое заметил, чтобы он мог сделать такое заявление. Главнокомандующий, фон Бломберг, и трое главнокомандующих вооруженных сил утром 2 августа были вызваны к Гитлеру. Мы были в его кабинете и Гитлер попросил нас подойти к его столу без церемоний или подготовки. Там мы принесли ему присягу, которую он, как глава государства и верховный главнокомандующий вооруженных сил, прочитал нам. Мы повторили присягу. Никто из нас не участвовал в написании этой присяги и никого не просили

[87] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018, стр. 265.

это сделать. Это было бы довольно необычно. Присяга ссылалась на личность Гитлера. Что касалось слов никакие предыдущие присяги никогда не относились к отечеству. Однажды я давал присягу кайзеру в качестве верховного военачальника, однажды Веймарской конституции, и третья присяга была личности главы государства и верховному главнокомандующему вооруженных сил – Гитлеру. Во всех трёх случаях я присягал своему народу, своему отечеству. Это само собой разумеется.

Симерс: Адмирал, когда вас вызывали на эту встречу 2 августа, вы заранее знали чему она посвящена?

Рёдер: Что же, я бы полагал, что его адъютант проинформировал моего адъютанта, что я должен был прийти в связи с принятием присяги. Я сейчас не могу точно сказать, но я так полагаю.

Симерс: Это было утром после смерти Гинденбурга?

Рёдер: Да.

Симерс: Через день после смерти Гинденбурга?

Рёдер: Да.

Симерс: Вам была известна формулировка присяги?

Рёдер: Нет, но присяга была написана на листе бумаги и я полагаю, что мы были проинформированы о формулировке заранее, там за столом.

Симерс: Господин председатель, могу я сказать сейчас, что формулировка содержится в документе, который я упомянул и представляет собой закон Рейха.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение утверждает, что 30 января 1937 вы стали членом партии в силу того факта, что вы получили золотой партийный значок. Вы кратко ответите на этот пункт, который ранее обсуждали в предыдущих делах?

Рёдер: Когда фюрер вручал мне золотой партийный значок, он сказал, что это была высшая награда, что он мог мне тогда вручить. Я вообще не мог стать членом партии, потому что говорилось, что солдаты не могут быть членами партии. Это было общеизвестно, и по этой причине утверждение тоже непостижимое.

Симерс: Членство солдат было запрещено конституцией?

Рёдер: Да, запрещено. Могу я сказать ещё одну вещь, чтобы избежать любого недопонимания? Оно было запрещено как Веймарской конституцией так и указами принятыми Гитлером.

Симерс: Вы были в оппозиции к партии из-за стойкого христианского и церковного отношения, которое было общеизвестно? Вкратце, как так получилось? У вас были какие-либо сложности с партией из-за этого?

Рёдер: В целом у меня не было больших сложностей с партией, что я думаю лучше объясняется тем фактом, что флот имел значительный престиж в партии, как было во всей Германии. Я поручал высшим офицерам, по крайней мере, начальникам баз и командирам флотов, сглаживать любые трения, которые случались в нижних

рядах, с помощью имевшихся полномочий. Если они были более важными их доводили до моего сведения, и я занимался ими; если они касались принципиальных вопросов я передавал их в ОКВ. Поскольку я никогда не позволял проскальзывать чему-либо, в случае с подстрекательством партии, все отношения вскоре стали очень ровными и я мог предотвращать всякого рода трения, так что вскоре они редко случались. В этом отношении у нас во флоте было преимущество, потому что у нас не было в управлении никаких территориальных вопросов. Мы занимались морем и работали только в прибрежных городах где всё интересовало флот. У меня имелись трудности из-за Гейдриха[88], которого я уволил из флота в 1928 или 1929 после суда чести приговорившего его за беспринципное поведение с молодой девушкой. Он был очень обижен на меня долгое время и пытался по различным поводам опорочить меня перед руководством партии или Борманом и даже фюрером. Однако, у меня всегда получалось противодействовать этим атакам, таким образом они не оказывали никакого влияния на мою ситуацию в целом.

Такое отношение Гейдриха само по себе неким образом сообщалось с Гиммлером[89], а значит здесь также время от времени, мне приходилось писать решительные слова, но именно решительные формулировки таких писем помогали в большинстве случаев.

Я не хочу тратить время, приводя различные примеры, такие как один с СД; однако, на меня не было прямых нападок из-за моей позиции в отношении церкви. Было лишь заявление сделанное Геббельсом[90], о котором я узнал от своего со-подсудимого, Ганса Фриче, что мне не благоволили в партии из-за моего отношения к церкви, но, как я сказал, я не испытывал неприятностей.

Симерс: Мне кажется, мне не нужно просить вас тратить какое-либо время на объяснение важности, которую вы придавали религиозным вопросам во флоте. Я предъявлю письменные показания об этом не зачитывая их. Они были даны морским деканом Ронненбергером[91], которого вы знали многие годы и который описал ситуацию и таким образом внёс ясность. Однако в этой связи, могу я поставить один вопрос: вы непрерывно настаивали перед Гитлером, что религиозное отношение было необходимо для солдат и флота?

Рёдер: Да, это случалось часто, и я следовал такому курсу во флоте без колебания.

Симерс: Господин председатель, в этой связи, я могу предъявить экземпляр номер

---

[88] Рейнхард Гейдрих (1904–1942) государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха, заместитель (исполняющий обязанности) рейхспротектора Богемии и Моравии. Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит чешскими подпольщиками.

[89] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

[90] Иозеф Геббельс (1897-1945) - немецкий политик, один из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера. С 1926 года гауляйтер Берлина и с 1930 года начальник управления пропаганды НСДАП. С 1933 по 1945 год министр пропаганды и президент палаты культуры Рейха. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[91] Фридрих Ронненбергер (1886-1968) – немецкий протестантский священник. В 1939-1945 декан евангелической церкви Кригсмарине.

Рёдер-121 (документ Рёдер-121). Это в моей документальной книге Рёдера номер 6, страница 523. Я не хочу занимать время трибунала, задавая вопросы о противоречиях во взглядах между партией и флотом в вопросах церкви. Мне кажется, что этот документ полностью даёт понять, что узы между церковью и национал-социализмом были невозможны. В этой области Борман самая видная фигура, и я хочу зачитать только один абзац раскрывающий то, что я приобщаю:

> «Национал-социалистическая и христианская концепции несовместимы. Христианские церкви выстроены на невежестве человека и изо всех сил стараются поддерживать невежество как можно большей части населения, так как лишь таким способом христианские церкви сохраняют свою власть. В отличие от этого, национал-социализм стоит на научной основе».
>
> Во втором абзаце, последняя фраза:
>
> «Если поэтому в будущем наша молодёжь больше ничего не узнает о христианстве, учения которого гораздо слабее нашего, тогда христианство исчезнет само по себе».
>
> И на второй странице в конце:
>
> «Также как вредное влияние астрологов, гадалок и других мошенников уничтожено и раздавлено государством, значит, так и возможности церкви оказывать своё влияние должны быть полностью устранены. Лишь когда это случиться руководство государства получит полное влияние на отдельного гражданина. Только тогда существование народа и Рейха будет гарантировано навсегда».

Поскольку религиозное и христианское отношение подсудимого общеизвестно, мне кажется этого достаточно для того, чтобы показать контраст между партией и подсудимым в этих вопросах.

[*Обращаясь к подсудимому*] Касательно заговора, обвинение вменяет вам пребывание в тайном кабинетном совете и совете обороны. Будьте любезны ответить совершенно кратко, потому что эти вопросы обсуждали так часто, что я полагаю, никто в этом суде не желает слушать что-то ещё об этих вещах. Вы были членом правительства Рейха?

Рёдер: Нет.

Симерс: Согласно документу PS-2098, который GB-206, документальная книга 10, страница 39, указом фюрера от 25 февраля 1938, вам и главнокомандующему армией были присвоены ранги соответствующие рейхсминистрам. Следовательно обвинение утверждает, что, вы были членом кабинета и вам позволялось и вы участвовали в заседаниях. Это верно?

Рёдер: Нет. Я не был рейхсминистром, а только приравнивался по рангу. Причина этого, мне кажется, заключалась в том, что генералу Кейтелю присвоили ранг приравненный к рейхсминистру, потому что, при руководстве делами военного

министерства, он часто находился с ними в контакте и должен был находится на таком же уровне, для того, чтобы вести с ними переговоры. И поскольку Браухич[92] и я были старше по званию генерала Кейтеля, мы тоже получили такой же ранг. Я вообще не был членом кабинета, но указ заявляет о том, что по приказу фюрера я мог участвовать в заседаниях кабинета. Наверное, намечалось, что я должен был приходить в кабинет, когда нужно было объяснять технические вопросы. Однако, этого никогда не случалось, поскольку с этого времени заседаний кабинета не было.

Симерс: Могу я отметить, что в параграфе 2 этого указа Гитлера сказано: «Главнокомандующие…по моим приказам принимают участие в заседаниях рейхскабинета».

Рёдер: Да. И что касалось тайного кабинетного совета, мне нужно только подтвердить, что, как сказал мне сам Гитлер тайный кабинетный совет был сформирован для того, чтобы отдать дань уважения ушедшему в отставку министру иностранных дел, фон Нейрату, для того, чтобы создать впечатление за рубежом и дома, что фон Нейрат всё ещё будет консультировать по внешней политике в будущем. Однако, тайный кабинетный совет никогда не собирался.

Симерс: Обвинение обвиняет в том, что 12 марта 1939, в день памяти героев, вы произнесли речь и что в этой речи вы выступили с безжалостным призывом бороться против большевизма и международного еврейства.

Могу я заявить, если суду угодно, что, к сожалению, речь была включена в документальную книгу обвинением только в виде выдержки, которая была выбрана с определенной точки зрения, и мне кажется, что было бы лучше знать содержание всей речи. Конечно, я не буду её читать, но я хочу предъявить её как экземпляр номер Рёдер-46. Фраза в моей документальной книге номер 3, страница 235, страница из которой обвинение взяло цитату. Будьте любезны кратко выразить своё мнение об этом.

Рёдер: Могу я, делая так, зачитать несколько коротких фраз, которые охарактеризуют всю речь?

Симерс: Я не сомневаюсь, что трибунал это позволит. Я лишь прошу вас воспользоваться только несколькими существенными фразами, как сделало обвинение.

Рёдер: На странице 7, строка 6, сказано…

Симерс: Простите меня. Это на странице 235, такая же страница содержится в цитате обвинения.

Рёдер: Недалеко от цитаты обвинения, мы читаем в строке 6:

> «Он вернул немецкому народу самоуважение и уверенность в своих способностях, и этим позволил вернуть себе, с помощью собственной силы, своё священное право в котором ему отказывали во время его

[92] Вальтер фон Браухич (1881 - 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер находясь в тюремном госпитале.

слабости, и помимо этого, прийти к огромным проблемам времен с отвагой и решить их. Таким образом, немецкий народ и фюрер сделали для мира в Европе и во всём мире больше чем способны понять некоторые наши соседи». (Документ номер Рёдер-46)

Затем мы переходим к фразе где я говорю об объявлении борьбы против большевизма и международного еврейства, которую цитировало обвинение. Я хочу кратко заявить в связи с этим, что после опыта лет с 1917-1919, коммунизм и международное еврейство в значительной степени разрушали сопротивление немецкого народа и получили чрезмерно большое и подавляющее влияние в немецких делах, в государственных делах также как и в экономических делах, как например в юридической сфере. Следовательно, по моему мнению, нельзя было удивляться тому, что национал-социалистическое правительство попыталось ослабить, и по возможности, устранить такое сильное и подавляющее влияние. При том, что следуя таким курсом, национал-социалистическое правительство предпринимало довольно суровые шаги, которые привели к Нюрнбергским законам[93] – о преувеличении о которых я, конечно, сожалел, – вместе с тем, во время речи, которую я произносил публично по приказам правительства Рейха, я не мог совместить со своей совестью выражение своего личного мнения, которое было в основном другим. Также следует учитывать, что такая речь должна была находится в общих рамках. Однако, это была одна короткая фраза, в то время как остальные пункты более важны. В этой связи я прошу разрешения зачитать две более коротких фразы:

«И это причина требования равных прав и равного уважения со всеми остальными нациями, которая сама по себе может гарантировать, что нации будут мирно жить вместе на земле».

Затем последняя фраза, на странице 235:

«В границах немецкого национального сообщества фюрер поставил нам задачи как солдатам защищать нашу родину и наше мирное национальное восстановление и воспитывать молодёжь, пригодную к военной службе, которую доверили нам и которая полностью проходит через наши руки».

Следующую фразу цитировало обвинение, потому что там я говорил о том, что мы не только должны готовить эту молодёжь технически в смысле технического использования вооружений, но также воспитывать её в смысле национал-социалистической идеологии и философии, и я заявил о том, что мы должны маршировать плечом к плечу с партией.

Я всегда придерживался взгляда, что вооруженные силы не должны были

[93] Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

быть инородным телом в государстве. Было бы невозможно иметь республиканские вооруженные силы в монархическом государстве или вооруженные силы с монархистскими тенденциями в демократическом государстве. Таким образом, наши вооруженные силы нужно было включить в национал-социалистическое государство в степени необходимой, чтобы создать подлинно народное сообщество, и задачей командиров вооруженных сил было бы обучать свои рода войск таким способом, чтобы они осознавали и впитывали хорошие национальные и социалистические идеалы национал-социалистического государства. Это делалось бы таким же образом как делал я в качестве главнокомандующего флотом. Таким способом было возможно включить вооруженные силы упорядоченным образом, оберегать их от всех чрезмерностей и эксцессов, и в то же время сформировать общность народа внутри государства.

И затем внизу страницы 236:

«Эта нация нуждалась в новом, подлинном мире, мире чести и справедливости, мире без ненависти. Миру тоже нужен мир. Поскольку слабая Германия не могла добиться мира, сильная выиграла его для себя. Это гордая задача германского Вермахта, обеспечить такой мир для немецкой нации вопреки всему».

И в самом конце документа, на 11 или 12 строка снизу страницы:

«Но тот солдат, которого мы уважаем как доблестного представителя своей страны, может дать слово солдата: Германия нуждается и хочет мира. Это не просто слова, но они доказаны практическими примерами. Восстановительная работа в Германии требует многих лет спокойного развития».

Я думаю этого достаточно…

Симерс: Мне кажется этого достаточно.

Могу я отметить высокому трибуналу, что в английском переводе, на странице 236, насколько я помню, одна фраза была подчеркнута. Это «Вермахт и партия единое целое». Это предъявило обвинение. Помимо этого, ничего не подчеркнуто.

Я хотел бы попутно сказать, что в действительности, в подлиннике, подчеркнуты многие другие отрывки, в частности те фразы, которые адмирал Рёдер только, что зачитал которые касаются мира.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, обвинение вменяет вам наличие связей со всей политической деятельностью национал-социализма. Поэтому я вынужден попросить вас кратко коснуться вашего участия в акциях в тех странах, где участие флота разумеется удивительно.

Каким образом вы были связаны с мерами, касательно аннексии Австрии?

Рёдер: Флот вообще не имел никакого отношения к аншлюсу Австрии и не принимал в нём никакого участия.

Симерс: Вы вели какие-нибудь приготовления?

Рёдер: Нет. В случае Австрии, никаких приготовлений не требовалось. Дело Австрии упоминалось в документе С-175, но это касалось только директивы от 1 июля 1937 по единой подготовке вооруженных сил к войне.

Симерс: Могу я отметить, что С-175 это USA-69 в документальной книге британской делегации, 10а, страница 117.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение считает данный документ важным и следовательно я хочу попросить сказать о нём несколько слов.

Рёдер: Он рассматривает заявление, которое, согласно моим сведениям, проводилось в каждом государстве на каждый год и котором, согласно политической ситуации, упоминались такие случаи, которые могли возникнуть в течение года и для которых, конечно, должны были быть проведены определенные приготовления. Однако для флота, что касалось Австрии, этот документ не имел никаких последствий.

Симерс: Таким образом, это документ который многочислен…

Председатель: Я не уверен в том, что у нас правильная ссылка. Прошло как, я думаю, С-157, USA-69, 10а, и затем я не понял страницу.

Симерс: Страница 117.

Председатель: Это С-157 или 175?

Симерс: С-175.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это касается стратегического планирования при разных возможностях?

Рёдер: Да, здесь упоминались различные планы, например, план «Красный[94]» и особый план «Расширенный красно-зеленый[95]». Всё это нужно было рассматривать, но они не обязательно вели к каким-либо последствиям.

Симерс: Господин председатель, в этой связи я хотел предъявить различные документы, экземпляры Рёдера, из которых можно увидеть, что такого же типа приготовления, поскольку они необходимы по военным и стратегическим причинам также предпринимались союзниками – только, чтобы показать их необходимость. В настоящий момент я хочу воздержаться от этого, потому что я не могу определить настолько быстро, какие из этих документов допущены, а какие отклонены. Таким образом, вероятно я могу предъявить связанные документы в конце для того, чтобы не возникло никакого недопонимания из-за моего цитирования неправильных цифр.

[*Обращаясь к подсудимому*] Каким образом вы и флот участвовали в мерах касательно Судетов?

Рёдер: В директиве…

Симерс: Я прошу прощения. Могу я попросить вас взглянуть на документ

---

[94] Красный план, Рот-план, План «Рот» (нем. Fall Rot) — стратегический план войск Германии, на случай войны с Францией.

[95] Красно-зеленый план, Рот-Грюн план (нем. Fall Rot-Grun) – стратегический план войск Германии на случай войны с Францией и Англией.

обвинения PS-388. Это USA-126 – нет, простите меня – USA-26. Это в документальной книге британской делегации, 10а, страница 147. Это проект новой директивы «Зелёный[96]» от 20 мая 1938.

Рёдер: Да, у меня здесь есть директива. Она от 20 мая 1938 и говорит в отношении флота:

> «Флот принимает участие в операциях армии используя дунайскую флотилию. Эта флотилия передается под командование главнокомандующего армией. В отношении ведения боевых действий на море, вначале нужно предпринимать только такие меры которые являются необходимыми для уверенной обороны в Северном море и на Балтике против внезапного вмешательства в конфликт иных государств. Эти меры должны быть ограничены совершенно необходимым, и должны осуществляться незаметно».

Весь ход акции в конце сентября и начале октября сделал особые меры ненужными, таким образом дунайская флотилия, которую мы приняли у Австрии была передана под командование армии.

Симерс: Каким был размер дунайской флотилии?

Рёдер: Она состояла из нескольких небольших речных судов, одной небольшой канонерской лодки[97] и минных тральщиков.

Симерс: Это всё в чём, принимал участие флот?

Рёдер: Да, в чём принимал участие флот.

Симерс: Каким образом вы и флот принимали участие в приготовлениях к оккупации того, что документы называют «оставшейся Чехословакии»?

Речь идёт о документе С-136, USA-104 в документальной книге британской делегации, 10а, страница 101. Он от 21 октября 1938. Обвинение указывает на то, что согласно ему вы уже в октябре были проинформированы о том, что Чехословакия должна быть оккупирована спустя некоторое время, то есть в марте, как произошло на самом деле. Будьте любезны рассказать нам, что-нибудь об этом?

Рёдер: Эта директива поначалу выглядит подозрительной, но способ которым она была подготовлена показывает, что это снова ссылка на возможные планы. Пункт 1 рассматривает обеспечение безопасности границ Германского Рейха и защиту от неожиданных воздушных атак.

Пункты 2 и 3 «Ликвидация остальной Чехословакии», «Оккупация района Мемеля».

Номер 2, «Ликвидация остальной Чехословакии»: первая фраза гласит:

---

[96] План «Грюн» (нем. Fall Grün — Зеленый план) — план операции немецких войск по оккупации Чехословакий и ликвидации государства в 1938 году.

[97] Канонерская лодка, канонерка, канлодка (нем. Kanonenboot от итал. cannone — «пушка») — класс небольших боевых кораблей с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, охраны гаваней.

«Должно быть, возможно, разбить остальную Чехословакию в любое время, если её политика станет враждебной к Германии».

Это предпосылка в случае какой-либо акции против Чехословакии, это не означает, что точно, была бы предпринята какая-то акция.

Похожим образом, под номером 3, сделано упоминание оккупации района Мемеля, где сказано: «Политическая обстановка, в особенности военные осложнения между Польшей и Литвой, могут потребовать от германских вооруженных сил оккупировать района Мемеля».

Симерс: Извините. Могу я отметить, что согласно моему документу, часть, которую свидетель только что зачитал, пропущена в английском переводе – таким образом, вы не будете искать это без надобности.

[*Обращаясь к подсудимому*] Таким образом здесь это возможность?

Рёдер: Да.

Симерс: 3 сентября 1939, в начале войны, была потоплена «Athenia[98]». С военной точки зрения в это дело внёс ясность господин Кранцбюлер, но я хочу от вас как главнокомандующего флотом высказать свою позицию и дать объяснение инциденту, особо учитывая тот факт, что обвинение в особенности в этом случае, выдвинуло очень тяжкое и оскорбительное обвинение. Оно предъявило обвинение в том, что вы, умышленно и вопреки правде, объявили Англию и Черчилля[99] ответственными за потопление «Athenia», хотя вы прекрасно знали, что «Athenia» была потоплена германской подводной лодкой. В качестве подтверждения, обвинение предъявило статью от 23 октября 1939 из «Volkischer Beobachter[100]».

Господин председатель, это документ номер PS-3260, GB-218. Документальная книга 10 британской делегации на странице 97.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я бы хотел ваших объяснений этому.

Рёдер: Факт в том, что 3 сентября на закате молодой командир субмарины Ю-30, увидел английское пассажирское судно, которое шло с погашенными огнями и торпедировал его, потому что он по ошибке предположил, что это был вспомогательный крейсер. Для того, чтобы избежать недопонимания я хочу заявить здесь, что соображения капитан-лейтенанта Фресдорфа[101], которые упоминались здесь касательно торпедирования затемненных кораблей в канале, ещё не играли никакой роли в штабе руководства войной на море в то время и что этот командир ничего не мог знать о таких соображениях. Он знал лишь о том, что вспомогательные крейсера гасят свои огни, и он предположил, что это был

---

[98] «Атениа» - британский пассажирский лайнер. 3 сентября 1939 года, всего через несколько часов после объявления правительством Соединённого Королевства войны Германии, подводная лодка U-30 под командованием оберлейтенанта Фрица-Юлиуса Лемпа потопила «Атению»,

[99] Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

[100] «Народный обозреватель»- немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

[101] Вернер Фресдорф (1908 – 1939) – референт СКЛ в 1938-1939. Погиб в авиакатастрофе.

вспомогательный крейсер у входа от северо-восточного пролива Англия-Шотландия. Информация о том, что германская подводная лодка торпедировала «Athenia» была передана по британскому радио, и мы наверное, получили эти новости в течение ночи с 3-го на 4-е, и передали это в различные службы новостей.

Утром 4 сентября мы получили эти новости в ведомствах штаба руководства войной на море, и я запросил информацию о том насколько близко находилась наша ближайшая субмарина от места торпедирования. Мне сказали, что в 75 морских милях. Почти в тоже самое время, государственный секретарь фон Вайцзеккер[102] в министерстве иностранных дел, который был морским офицером в Первую мировую войну, узнал об этой ситуации и позвонил в штаб руководства войной на море, спросив правда ли это. Он не звонил мне лично. Он получил ответ, что согласно нашим сведениям, это неправильно. Потом он послал за американским поверенным в делах – мне кажется, господином Кирком[103] – для того, чтобы поговорить с ним о вопросе, потому что радиопередача также упоминала, что несколько американцев было убито в этом инциденте. Из его опыта в Первую мировую войну ему было ясно, насколько важным было то, чтобы не было никакого инцидента с участием Америки. Следовательно, он сказал ему, то, что он услышал в штабе руководства войной на море. Я лично сказал тоже самое американскому военно-морскому атташе, господину Шрёдеру, и это было разумеется добросовестно, потому что у нас не имелось никакой другой информации. Если я правильно помню государственный секретарь фон Вайцзеккер затем прибыл ко мне лично. Мы были очень близкими друзьями, и он сказал мне, то, что он сказал американскому поверенному. Он извинился, мне кажется, за то, что не поговорил со мной лично и на этом дело пока завершилось.

Дело было так, что, если бы об этом доложили обычным способом, мы бы не замедлили признать и объяснить причину. Мы бы немедленно извинились перед заинтересованными нациями. Против офицера должны были быть предпринять дисциплинарные меры. Я также сообщил об инциденте лично фюреру в его ставку и сказал ему, что мы были убеждены, что дело не в этом, и фюрер приказал, что это нужно отрицать. Это было сделано министерством пропаганды, которое проинформировал о приказе мой отдел прессы.

Субмарина вернулась 27 сентября…

Симерс: Извините если прерываю. Господин председатель эта дата, идентифицирована документом D-659, который был предъявлен обвинением, это экземпляр GB-221 в документальной книге 10 на странице 110.

Рёдер: Командир субмарины вернулся 27 сентября в Вильгельмсхафен. Адмирал

[102] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы

[103] Александр Кирк (1888 - 1972) – американский дипломат. В 1939-1941 временный поверенный в делах США в Германии.

Дёниц уже описал, как он получил приказ и как он немедленно отправил его ко мне по воздуху в Берлин.

Командир подводной лодки полностью доложил мне об инциденте и подтвердил, что это была глупейшая ошибка, что только из всех этих сообщений услышанных им, он понял, что речь шла не о вспомогательном крейсере, а о пассажирском пароходе.

Я доложил факты фюреру, потому что они могли иметь тяжелые политические последствия. Он решил, что, так как это уже отрицали, мы должны хранить это в строжайшей тайне, не только за рубежом, но и также в рамках официальных и правительственных кругов. Соответственно, я не был в состоянии сказать государственному секретарю фон Вайцзеккеру или министерству пропаганды, что факты были другими. Мой приказ командиру подводного флота гласил:

«1. Хранить дело в строжайшей секретности по приказам фюрера.

2. С моей стороны, не будет приказано о военно-полевом суде, потому что командир действовал добросовестно и это была ошибка.

3. Дальнейшее политическое руководство вопросом в вопросе о том, что следует делать, нужно отнести к высшему командованию флота».

С этим командир вернулся в Вильгельмсхафен и адмирал Дёниц уже сообщил, что он был наказан в дисциплинарном порядке. К нашему огромному удивлению, приблизительно месяц спустя в «Volkischer Beobachter» появилась статья в которой Черчилля обвинили в авторстве этого инцидента. Мне ничего не было известно об этой статье заранее. Я бы точно предотвратил её выход, потому что, зная, что наша субмарина торпедировала это судно не могло быть и речи обвинять противника, первого лорда адмиралтейства всего народа.

Позже я выяснил, что приказ опубликовать такую статью был отдан Гитлером и пришёл в министерство пропаганды через начальника управления прессы Рейха. Насколько я помню, мне сказали, что министр пропаганды лично готовил эту статью. Позднее я не мог этого предотвратить. Я не видел ни статьи, и никто из моих офицеров высшего командования флота её не видел. Они бы точно пришли ко мне для того, чтобы я предотвратил эту публикацию. У нас не имелось никакой причины ожидать такой статьи четыре недели спустя после торпедирования «Athenia». Таким было дело «Athenia».

Симерс: Вы только, что сказали, что выяснили, что Гитлер знал об этой статье. Когда вы это выяснили?

Рёдер: Здесь, от моего со-подсудимого, Ганса Фриче.

Симерс: Не в то время?

Рёдер: Нет, никоим образом.

Председатель: Трибунал снова заседает в четверть третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Симерс: Между тем я внимательно просмотрел свои документы и поэтому могу следовать изначальному плану, то есть, предъявляя документы во время допроса.

В связи с документами, которые мы рассмотрели последними, документ С-126 «Стратегическая подготовка», я хочу предъявить следующие документы, которые содержатся в «Белых книгах», документы которые одобрены мне для использования и которые также касаются стратегического планирования со стороны союзников. Мы рассматриваем экземпляр номер Рёдер-33. Это документ датированный 9 ноября 1939 и также экземпляр номер Рёдер-34, генерал Гамелен генералу Лелону[104], 13 ноября 1939 и также экземпляр номер Рёдер-35, две выдержки из дневника Йодля, PS-1809, которые касаются мер предпринятых Люфтваффе относительно Кавказа. Мне нет необходимости комментировать это. Я бы хотел обратить ваше внимание на вопросы, которые я поставил 18 марта свидетелю, рейхсмаршалу Герингу, он уже дал показания, относительно планов союзников по уничтожению кавказских нефтяных районов. И наконец, в этой связи, экземпляр номер Рёдер-41, находящийся в документальной книге 3, страница 205 и следующие страницы, доклад главнокомандующего французской армией, генерала Гамелена, датированный 16 марта 1940, он касается военных планов на 1940 год, касательно ужесточения блокады, планов относительно скандинавских стран и в дополнение, планов уничтожения русских нефтяных скважин на Кавказе.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, прежде чем я рассмотрю отдельные кампании в Греции, Норвегии и тому подобное, я хочу попросить вашего ответа на вопрос, который относится лично к вам. Какие награды вы получили от Гитлера?

Рёдер: Я получил от Гитлера осенью 1939 в дополнение к золотому значку, который я уже упоминал, Рыцарский орден Железного креста. Кроме того, в 1941 году по поводу своего шестидесятипятилетия я получил пожертвование в 250 000 марок. Это пожертвование было дал мне Гитлер через своего адъютанта, и в связи с этим он направил документ.

Когда я поблагодарил его по первому поводу, он сказал мне, что он вручает это пожертвование как средство награды таким же образом как и бывшие правители Пруссии давали своим генералам похожие пожертвования, будь то денежная сумма или как поместье в деревне, затем он подчеркнул, что

[104] Пьер Лелон (1891 – 1947) - французский военачальник. К началу Второй мировой командовал рядом колониальных подразделений французской армии.

фельдмаршалы фон Гинденбург и фон Макензен[105] также получали от него пожертвования.

Симерс: Итак, я перехожу к фрагменту «Греция». В отношении Греции, обвинение процитировало документ С-12, который GB-226. Он находится в документальной книге номер 10, страница 1. Данный документ касается решения со стороны Гитлера, которое было передано через ОКВ, датированное 30 декабря 1939, подписанное Йодлем и мы читаем под номером 1.):

> «С греческими торговыми судами в районе вокруг Англии, объявленном Соединенными Штатами запретной зоной, обращаться как с вражескими судами».

Это решение со стороны Гитлера было принято на основании доклада СКЛ. Что заставило вас подать такой доклад, несмотря на то, что Греция была тогда нейтральной?

Рёдер: В то время мы получили большое число докладов разведки от нашей разведывательной службы о том, что греческие судоходные компании видимо с ведома греческого правительства позволили греческим судам фрахтоваться[106] Англией на благоприятных условиях. Следовательно, эти греческие корабли находились на службе Англии и таким образом с ними нужно было обращаться таким же образом как и с английскими торговцами. Эти доклады разведки позднее подтвердились даже в большей степени, чем в начале.

Симерс: В этой связи я хочу предъявить высокому трибуналу экземпляр Рёдер-53, находящийся в моей документальной книге 3, страница 258. Этот документ касается журнала боевых действий СКЛ в декабре месяце 1939.

На странице 259, под датой 19 декабря, сделана следующая запись:

«Греция наняла около 20 судов для курсирования между Соединенными Штатами, Гавром и Ливерпулем».

Это подтверждалось докладами, только что названными подсудимым. Следующая запись, на той же самой странице, под датой 30 декабря:

> «Руководствуясь продажами и фрахтованием многочисленных греческих судов в Англию по согласованию с фюрером приказано, что греческие суда в зоне от 20 градусов Запада до 2 градусов Востока и с 44 градусов Севера до 62 градуса Юга подводным лодкам следует считать враждебными судами. Атаки проводить как можно незаметно».

Я также предъявляю следующий документ номер Рёдер-54. Данный документ взят из «Белых книг». Он датирован 23 января 1940, и это доклад германского посольства в Гааге министерству иностранных дел. Озаглавлен:

---

[105] Август фон Макензен (1849 —1945) — германский генерал-фельдмаршал (22 июня 1915 года), участник Первой мировой войны.

[106] Фрахт — в праве: обусловленная договором или законом плата за перевозку груза.

«Запланированное фрахтование 50-60 греческих судов британским правительством». Мне нет необходимости зачитывать его. Я хочу просто процитировать начало первого предложения:

«После поступления сообщений британской прессы в конце ноября прошлого года» - то есть, 1939 – «о предполагаемом фрахте греческих судов британскими компаниями» - и тому подобное – затем следует заявление о том, что эти 50-60 судов теперь зафрахтованы британскими компаниями.

При том, что это не совсем точно исторически, я бы хотел, прежде всего, завершить вопрос Греции. В исторической последовательности Норвегия должна идти первой, но для удобства восприятия я хочу сначала рассмотреть Грецию и оккупацию Греции.

В документе С-152, идентичном С-167 или экземпляру GB-122, в документальной книге британской делегации номер 10, страница 23, обвинение вменяет вам цифру 9 из этого длинного документа, в особенности цифру 9) B) f). Там сказано:

«Главнокомандующий флотом запрашивает подтверждение факта, что вся Греция должна быть оккупирована даже в случае мирного решения. Фюрер: полная оккупация залог всякого урегулирования».

Данный документ касается вашего доклада Гитлеру от 18 марта 1941. В чём заключались причины внесения вами такого предложения?

Рёдер: В начале, что касалось Греции у меня было мало сведений о политических намерениях фюрера, но мне было известно о его директиве номер 20, датированной 13 декабря 1940.

Симерс: Я прошу прощения, я бы хотел упомянуть для содействия суду, что мы рассматриваем документ PS-1541, то есть GB-117, документальная книга британской делегации 10а, страница 270. Директива датирована 13 декабря 1940.

Рёдер: В этой директиве фюрер, по причинам, указанным в параграфе 1, сказал, что его намерение заключалось, как изложено в параграфе 2:

«b). После установления благоприятной погоды, наверное, в марте, использовать данную группу сил, чтобы оккупировать северное побережье Эгейского моря со стороны Болгарии, при необходимости, оккупировать весь греческий материк (Операция «Марита»). Следует ожидать поддержки Болгарии».

В следующий раз я снова услышал об этих вещах, когда я услышал, что 3 марта британцы высадились в южной Греции. Мы узнали об этом приблизительно 5 или 6 марта. По этой причине я попросил фюрера, чтобы он оккупировал всю Грецию для того, чтобы помешать британцам атаковать нас с тыла, по воздуху, и сооружать воздушные базы, всё это создало бы препятствия нашему ведению войны не только в Греции, но также и восточном Средиземноморье.

Факт заключался в том, что когда политическое решение принималось

Гитлером по своему усмотрению и без консультаций с кем-либо, я как начальник штаба руководства войной на море, всегда должен был готовить свои стратегические заключения из такого политического решения и затем должен был вносить свои предложения по морской и другой войне, постольку поскольку они меня касались.

Поскольку в декабре он уже рассматривал возможность, чтобы вся Греция была оккупирована, у меня действительно созрел план внести ему такое предложение по указанной мной причине. Когда я сказал: «Всю Грецию» это подразумевало для меня и морского командования всё греческое побережье, где могли высадиться британские войска.

Симерс: Ваше предложение было сделано спустя 2 недели после высадки британских войск в Греции?

Рёдер: Да.

Симерс: В той же связи я бы хотел предъявить экземпляр Рёдер-58, в моей документальной книге 3, страница 271. Это документ, содержащийся в «Белой книге», согласно которому 4 января – я прошу прощения у трибунала. Сэр Дэвид прав. Документ 58 отклонен и я его отзываю.

В этой связи я хочу предъявить экземпляр номер Рёдер-59. Он находится в документальной книге 3, страница 273 и это выдержка из «Белой книги». Это стенограмма французского военного комитета от 26 апреля 1940. Документ касается решения военного комитета относительно Норвегии, Кавказа, Румынии и Греции.

Я также предъявляю экземпляр номер Рёдер-63, в документальной книге 3, страница 285, который послание британского государственного секретаря по Индии, датированное 1 декабря 1940. Этот документ также показывает планы относительно Греции, за год с четвертью до времени указанного свидетелем.

Теперь я перейду к теме Норвегии.

[*Обращаясь к подсудимому*] Британский обвинитель, майор Элвин Джонс, считает нападение на Норвегию особым случаем в серии агрессивных войн проведённых нацистскими заговорщиками. В этой связи он отметил, что в данном случае, сам Гитлер не думал об этом, но скорее был убежден вами. Поскольку это положение очень важное, я хочу попросить вас точно описать это событие, и поэтому я прежде всего спрашиваю вас: когда была первая беседа по данному вопросу между вами и Гитлером?

Рёдер: Первая беседа между Гитлером и мной касательно вопроса Норвегии была 10 октября 1939, и она была по моей просьбе. Причина заключалась в том, что мы получали доклады в разное время в течение последней недели сентября от ведомств нашей разведывательной службы адмирала Канариса[107] о том, что британцы намеревались оккупировать базы в Норвегии.

---

[107] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, начальник абвера (службы военной разведки и контрразведки) в 1935—1944 года. Адмирал с 1940 года. Казнён за участие в заговоре против Гитлера.

Я вспоминаю, что после докладов об этом приходивших ко мне несколько раз, адмирал Канарис посетил меня однажды – то, что он делал только по важным поводам. И в присутствии моего начальника штаба, он привел мне очень понятное объяснение касательно докладов разведки, которые поступали. В этой связи постоянно упоминались воздушные базы, также как и базы на юге Норвегии. Постоянно упоминался Ставангер с аэропортом Сола, и обычно упоминался Тронхейм и иногда Христиансанд.

В течение последних дней сентября у меня была телефонная беседа с адмиралом Карльсом[108], который был командиром Северной группы флота и следовательно был ответственным за операции в Скагеракке, Каттегате и на Северном море. Этот человек, очевидно, получал похожие доклады. Он проинформировал меня о том, что он составил частное письмо адресованное мне, в котором он рассматривал вопрос опасности оккупации Норвегии британскими силами и в котором он главным образом рассматривает вопрос о том какие недостатки имел бы для нас подобный шаг, и должны ли мы упредить такую попытку, и также какие преимущества или недостатки оккупации Норвегии – то есть, норвежского побережья и норвежских баз будут иметь наши силы.

До этого момента, лично я вообще не занимался норвежским вопросом, за исключением факта получения этих докладов. Получение этого письма в конце сентября или начале октября, должно быть примерно тогда, побудило меня показать его начальнику штаба СКЛ и проинструктировать его разобраться со всей перепиской по вопросу оккупации норвежских баз Англией, и остальные вопросы, которые рассматривал адмирал Карльс и обсудить вопросы в СКЛ. Преимущества и недостатки расширения войны на Север нужно было учитывать не только как расширение с нашей стороны, но прежде всего, расширение со стороны Англии; какую ценность, какое преимущество мы бы получили если бы действовали первым, какие недостатки возникли бы если бы нам пришлось оборонять норвежское побережье?

Результатом этого было анкета, указанная в С-122, GB-82, где заданы вопросы: какие места нужно использовать в качестве баз; какой будет возможность обороны; нужно ли развивать эти порты дальше, какие преимущества возникнут относительно наших подводных лодок?

Эти вопросы, как я уже заявил, были также поставлены адмиралу Дёницу, но его ответы поступили только после того как 10 октября я сделал доклад. Я бы хотел сказать, в качестве введения, что мне было совершенно ясно, что если мы предпримем оккупацию этих баз, мы нарушим нейтралитет. Но мне также было известно о соглашении, которое существовало между германским и норвежским правительством от 2 сентября относительно нейтралитета, и я знал о

---

[108] Рольф Карльс (1885 —1945) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (19 июля 1940 года).

заключительной фразе, в этой aide memoire[109], которая документ TC-31, GB-79, датированная 2 сентября 1939.

Симерс: Я прошу прощения, господин председатель, но я хочу отметить, что этот документ находится в документальной книге британской делегации 10а, страница 330.

[*Обращаясь к подсудимому*] У вас есть документ?

Рёдер: Да, у меня есть, и я бы хотел процитировать заключительную фразу.

Симерс: Это последний документ в книге, ваша честь, на странице 329.

Рёдер: [*Продолжая*] Последняя фраза:

> «В случае изменения отношения королевского правительства Норвегии, при повторном нарушении нейтралитета третьей стороной, правительство Рейха тогда будет вынуждено, обеспечивать интересы Рейха таким образом к которому будет вынужден рейхскабинет в результате ситуации».

Затем, в течение следующих нескольких дней, я попросил начальника штаба СКЛ представить мне данные, которые СКЛ подготовил в течение предыдущих дней, и я доложил Гитлеру 10 октября, потому что я считал эту проблему в особенности важной. Мне было совершенно ясно, что лучшим решением для нас было бы, чтобы Норвегия сохраняла твёрдый нейтралитет, и я выразил своё мнение, как можно увидеть в документе С-21, GB-194.

Это выдержка из журнала боевых действий СКЛ.

Симерс: Это в документальной книге британской делегации 10а, страница 6.

Рёдер: Здесь на странице 3 немецкой версии, предпоследний параграф, под датой 13 января сказано: «Обсуждение ситуации с начальником СКЛ».

Симерс: Я прошу прощения, господин председатель, С-21 не полностью перевело обвинение. Данный документ находится в моей документальной книге под номером экземпляра Рёдер-69, и я хочу его предъявить. Это в документальной книге 3, страница 62.

Председатель: Документальная книга 3 доходит только до 64, это не так? Должно быть, это документальная книга 4.

Симерс: Должно быть ошибка в документальной книге. Сначала, из-за недосмотра, отдел переводов закончил содержание только до 64, но с того времени это исправили и дополнили. Это в документальной книге 4, страница 317.

Председатель: Да, страница 317, вверху.

Симерс: [*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, прокомментируйте документ.

Рёдер: В предпоследнем параграфе сказано:

> «Полностью соглашаясь с данной точкой зрения начальник штаба руководства войной на море, поэтому считает, что самым благоприятным решением было бы несомненно сохранять нынешнюю

[109] «Памятная записка» (фр.)

> ситуацию, которая, при строгом соблюдении Норвегией нейтралитета, позволит безопасно использовать норвежские территориальные воды для судоходства жизненно важного для германских военных усилий без серьезных попыток со стороны Англии угрожать этому морскому пути». (Документ номер Рёдер-69).

Я придерживался такой точки зрения, докладывая Гитлеру. В том докладе я впервые упомянул доклады разведки, которые были у нас в руках. Затем я описал угрозы, которые могли возникнуть для нас в результате британской оккупации баз на норвежском побережье и могли повлиять на всю нашу войну, угрозы, которые я считал огромными. У меня было чувство, что такая оккупация воспрепятствовала бы и угрожала бы всему ведению войны.

Если бы британцы оккупировали базы в Норвегии, в особенности на юге Норвегии, они бы смогли доминировать над входом в Балтийское море из этих пунктов, и также обходить с фланга наши военно-морские операции из Гельголандской бухты и из Эльбы, Яде и Везера. Второму выходу, который мы имели, тоже серьезно угрожали, воздействуя на операции линкоров также как и рейсы наших торговцев.

В дополнение к этому, со своих воздушных баз в Норвегии, они могли угрожать нашим воздушным операциям, операциям наших пилотов по разведке в Северном море или атакам против Англии.

Кроме того, из Норвегии они могли оказывать сильное давление на Швецию, и это давление заставило бы себя почувствовать в том, что поставки руды из Швеции были бы затруднены или прекращены из-за чисто политического давления. Наконец, экспорт руды из Нарвика в Германию мог быть полностью прекращен, и известно насколько Германия зависела от поставок руды из Швеции и Норвегии. Они могли пойти еще дальше - и мы потом узнали, что такие планы обсуждались – атаковать и разрушить склады руды в Лулео, или захватить их.

Все эти угрозы могли стать решающими факторами в исходе войны. Помимо того факта, что я сказал Гитлеру, что для нас лучше всего был бы строгий нейтралитет со стороны Норвегии, я также обратил его внимание на угрозы, которые возникли бы для нас из оккупации норвежского побережья и норвежских баз, так как рядом с норвежским побережьем были бы оживленные военно-морские операции в которых британцы, даже после нашей оккупации баз, попытались бы помешать нашему трафику руды из Нарвика. Могла последовать борьба с которой мц, с нашим неадекватным обеспечением надводными судами, не смогли бы справиться в долгосрочной перспективе.

Таким образом, тогда я не внёс никакого предложения, что мы должны оккупировать Норвегию или что мы должны получить базы в Норвегии. Я лишь исполнил свой долг, сказав верховному главнокомандующему Вермахтом о тяжелой опасности, которая нам угрожала, и против которой мы могли использовать

чрезвычайные меры для нашей обороны. Я также отметил ему, что возможные операции по оккупации норвежских баз могут быть для нас очень дорогими. В ходе последовавших дискуссий я сказал ему, что мы можем потерять даже весь наш флот. Я бы считал благоприятным исходом если бы мы потеряли всего одну треть, то что и произошло позднее.

Следовательно, у меня не было никакой причины ожидать, того, что я получил бы престиж от такого предприятия – обвинение вменяет мне такую амбиция. Фактически, легко могло возникнуть прямо противоположное.

Симерс: Я хочу обратить внимание трибунала на тот факт, что эти вещи можно увидеть в документах датированных временем войны, один из которых экземпляр Рёдер-69 от 13 января 1940 который только, что вручили. Данный документ исследование, и оно заявляло, что это исследование основано на соображении о том, что если бы Англии нужно было иметь базы в Норвегии, ситуация для ведения войны Германией была бы невозможной и такую ситуацию можно предотвратить только если бы мы упредили Англию оккупировав Норвегию сами. Только что сказанное свидетелем сказано таким же образом в журнале боевых действий.

В этой же связи, я хочу сослаться на документ обвинения, документ С-66, GB-81, который можно найти в британской документальной книге 10а, страница 35. Данный документ датирован 10 января 1944. Могу я попросить трибунал вынести судебное уведомление о том факте, что здесь, под кодовым названием «Weserubung[110]» - это было название для маскировки этой акции – находится суть заявлений только что сделанных свидетелем. Соответственно я не желаю зачитывать их поскольку мы потеряем ценное время.

Председатель: Вы имеете в виду С-66? Это про план «Барбаросса[111]». Вы это имеете в виду?

Симерс: Последняя страница под заглавием «Weserubung», страница 39 английской документальной книги. Там сделано упоминание о письме адмирала Карльса, о котором говорил свидетель, и его мыслях об этом вопросе. В немецком оригинале есть заголовок «Приложение 2».

Более чёткая версия находится в документе Рёдер-69, поскольку это датировано январём 1940, 3 месяца спустя, и между тем поступили новые доклады.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, я должен ещё раз сослаться на документ С-122, который вы уже упоминали.

Обвинение, в этом документе вменяет вам сказанное:

«Начальник СКЛ считает необходимым как можно скорее сказать

---

[110] Датско-норвежская операция или Операция «Везерюбунг», также: «Учения на Везере» или «Везерские манёвры» — немецкая операция по захвату Дании (Везерюбунг-Зюйд) и Норвегии (Везерюбунг-Норд) во время Второй мировой войны.

[111] Операция «Барбаросса» (Директива № 21. План «Барбаросса»; нем. Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa, в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса) — разработанный в 1940—1941 гг. план нападения Германии на СССР и одноимённая военная операция, осуществлявшаяся в соответствии с этим планом на начальной стадии Великой Отечественной войны.

фюреру об идеях СКЛ по возможности расширения сферы операций на севере».

Оно думает, из этого можно сделать вывод, что ваша основная мысль заключалась в расширении оперативной сферы флота.

Рёдер: Я уже сказал, что под возможностью расширения оперативной зоны на севере я имел в виду расширение британских операций и их последствия, а также возможность нашего упреждения этого, таким образом получение баз точно было бы для нас важным.

Симерс: Что Гитлер ответил на этой дискуссии 10 октября 1939?

Рёдер: Гитлер ещё не занимал себя этим вопросом. Вопрос был очень далек от его мыслей, так как он очень мало знал в вопросах морской войны. Он всегда отмечал, что у него не было полной картины о таких вещах, и поэтому чувствовал некоторую неуверенность. Он сказал, что он займется этим вопросом, что я должен оставить ему записки, которые я разработал на основе заявлений СКЛ, чтобы он мог их использовать как основу для своих размышлений над этой проблемой.

Это было типичным и на самом деле сильно говорит против характера заговора, так как по этому поводу Гитлер, столкнувшись с проблемой Норвегии, не сказал ни одного слова о факте, что ранее, последний раз, очевидно, летом этого года, он уже занимался норвежскими вопросами поднятыми Розенбергом. Я понял из документа, который я впервые увидел здесь, что 20 июня 1939 Розенберг представил фюреру обширный доклад о его связях в норвежских политических кругах, но я впервые услышал об этих связях 11 декабря.

Для меня было бы само собой разумеющимся, если бы фюрер, который занимался норвежскими стратегическими вопросами, сказал мне по этому поводу: «У меня есть такая-то и такая-то информация по норвежским вопросам». Но он этого не сделал – всегда была существенная нехватка сотрудничества. Фюрер сказал мне, что мы должны подождать поступления дальнейших докладов и что он займется этими вопросами.

Симерс: В следующий период октября и ноября вплоть до 11 декабря, вы снова обсуждали данный вопрос с Гитлером?

Рёдер: Нет, вопрос вообще не обсуждали в течение этих месяцев, но в сентябре корветтен-капитан Шрайбер, который сначала был назначен помощником атташе в Осло и позднее, военно-морским атташе, присылал мне дальнейшие доклады об условиях того времени в Норвегии, и также делала разведывательная служба. Он говорил мне о сообщениях, которые циркулировали там вокруг британской высадки. Позднее капитан Шрайбер действительно был моим главным сотрудником в этих норвежских проблемах, и он показал особое понимание всей ситуации.

Симерс: В этой связи я хочу предъявить трибуналу экземпляр Рёдер-107, письменные показания военно-морского атташе, который только что упоминался, Рихарда Шрайбера. Они находятся в моей документальной книге 5, страница 464.

Согласно этому документу, Шрайбер был призван как офицер запаса 7 сентября 1939 и направлен в Осло в качестве морского атташе. Он заявляет, что он занимал эту должность с осени 1939.

С разрешения трибунала я хочу зачитать часть из них под I, на странице 465, внизу.

Председатель: Мы вам сказали, что мы прочитали все эти документы, которыv возражали. Мы допустили этот документ, а значит, нет необходимости зачитывать его снова.

Симерс: Очень хорошо. Тогда в этой связи, могу я сослаться на первую часть этих письменных показаний, часть I?

Господин председатель, я хочу отметить, что есть небольшая, но вводящая в заблуждение ошибка в переводе на странице 466. Во втором абзаце, вторая строка, пропущено слово «германского»: «…были чёткие директивы германского министерства иностранных дел о том, что норвежский нейтралитет особо нужно уважать немцам…». В английском тексте сказано: «министерства иностранных дел». Следует читать германского министерства иностранных дел». Я буду крайне благодарен если в эту ошибку будет внесена ясность.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал вам известны письменные показания данные Шрайбером?

Рёдер: Да.

Симерс: В них содержатся различные доклады. Вы уже отчасти на них ссылались. Какие-либо дополнительные особые доклады поступали в течение этих 2 месяцев? Нарвик упоминался в дополнение к остальным уже указанным портам?

Рёдер: Насколько я помню, капитан Шрайбер был тем, кто впервые прямо назвал Нарвик. Капитан Шрайбер очень быстро ознакомился там с условиями. Он установил хорошие связи в норвежских кругах. Подтверждение всего того, что было мне известно до этого момента, случилось 11 декабря.

Симерс: Итак, пожалуйста, вы опишите вашу встречу с Квислингом[112] 11 декабря 1939?

Рёдер: Могу я сначала спросить можно ли в этой связи использовать документы PS-004 и PS-007, которые, мне кажется, предъявлены обвинением? Например, стенограммы совещаний от 11 и 12 декабря, сопроводительное письмо Розенберга ссылающееся на эти стенограммы, и похожие вопросы?

Симерс: Адмирал, мне кажется, что вам позволят использовать эти документы. Но поскольку они известны, вам нужно лишь назвать пункты которые вы помните.

Рёдер: Да.

Симерс: По этому поводу я хочу просто спросить, известны ли вам документы

---

[112] Видкун Квислинг (1887 — 1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны. Казнён по приговору норвежского суда.

Розенберга, PS-004 и PS-007?

Рёдер: Нет, мне они не известны.

Симерс: Вы впервые увидели их здесь?

Рёдер: Я увидел их здесь впервые. Но доклады, содержащиеся в этих документах уже были известны нам в то время, что подтверждается из дат документов.

Симерс: Пожалуйста, расскажите нам лишь о том, что вы услышали тогда от Квислинга.

Рёдер: До 11 декабря у меня не было никаких связей с господином Розенбергом – за исключением того факта, что я случайно встречал его – ни, прежде всего, никаких связей с Квислингом о котором я ничего до той поры не слышал.

11 декабря, мой начальник штаба, Шульце-Монтинг[113], сообщил мне, что майор Квислинг, бывший норвежский военный министр, прибыл из Осло. Он просил беседы со мной через господина Хагелина[114], потому что он пожелал рассказать мне о норвежских условиях.

Господин Хагелин был направлен к моему начальнику штаба господином Розенбергом. Розенберг уже знал Хагелина некоторое время, как я уже говорил. Поскольку доклады от такого источника о норвежских условиях представляли для меня большую ценность, я заявил о готовности принять господина Квислинга.

Он прибыл тем же утром и подробно сообщил мне об условиях в Норвегии, с особой ссылкой на отношение норвежского правительства к Англии и докладах о намерении Англии высадиться в Норвегии, и он охарактеризовал всю ситуацию особенно критической, так как, согласно его докладам, опасность выглядела неминуемой. Он пытался установить дату. Он думал, что это должно случиться до 10 января, потому что тогда бы возникла благоприятная политическая ситуация.

Я сказал ему, что меня мало касалась политическая ситуация, но я бы постарался организовать для него доведение его информации до фюрера. Меня касалась бы только военная и стратегическая ситуация, и в этой связи я мог сказать ему прямо сейчас, что было бы невозможно предпринять какие-либо меры с 11 декабря по 10 января, во-первых, потому что времени было слишком мало и во-вторых так как была зима.

Я считал его выкладки настолько важными, что я сказал ему, что я постарался бы организовать его личный доклад фюреру, для того, чтобы эти доклады дошли и повлияли на него напрямую.

Затем 12-го – то есть, на следующий день – я пошёл к Гитлеру и проинформировал его о беседе между Квислингом и мной, и я попросил его лично принять Квислинга, чтобы он мог составить самостоятельное мнение о Квислинге.

---

[113] Эрих Шульце-Монтинг (1897 – 1976) – немецкий вице-адмирал. 1939-1944 начальник штаба командующего флотом.

[114] Альберт Хагелин (1881 – 1946) – норвежский предприниматель и оперный певец. В 1940-1945 министр внутренних дел Норвегии. Казнён по приговору норвежского суда.

По этому поводу я сказал ему – и это записано в одном из документов, что в подобных случаях нужно быть особенно осторожным, поскольку нельзя не знать в какой степени такой партийный лидер попытался бы продвигать интересы своей партии. Поэтому наши исследования должны были быть особенно аккуратными. И я снова обратил внимание фюрера на тот факт, что попытка оккупировать Норвегию принесла бы огромный риск, а также определенные недостатки для дальнейшей ситуации. Другими словами, я осторожно представил обе стороны картины нейтральным образом.

Затем Гитлер решил принять Квислинга вместе с Хагелином в один из следующих дней. Очевидно два господина, находились в контакте с Розенбергом. Мне кажется, они оставались с ним, и Розенберг направил мне письмо, запись совещания, которую видимо, подготовили Квислинг и Хагелин и также описание личности Квислинга.

В этом письме, которое здесь как документ, но которое обвинение не читало, особо сказано, что Розенбергу было известно о том, что представляли политические условия, но конечно, он должен был полностью оставить мне военную сторону вопроса, поскольку я был в этом компетентен.

Симерс: Если трибунал позволит, в этой связи я бы хотел предъявить экземпляр Рёдер-67, находящийся в моей документальной книге 4, страница 309. Это письмо от Розенберга Рёдеру датированное 13 декабря 1939, которое не упоминалось обвинением. Обвинение просто упомянуло приложение, указанное в письме – то есть, записку Розенберга, под номером С-65, GB-85. Согласно его содержанию С-65 относится к экземпляру Рёдер-67.

Председатель: Вы говорите было другое, помимо Рёдер-67, на который вы ссылаетесь?

Симерс: Да, я ссылаюсь на Рёдер-67.

Председатель: Я это понял. Но вы также говорили о другом документе.

Симерс: Да, обвинением предъявлен документ С-65, и это приложение к этому письму, два связаны вместе. Последний документ С-65, находится в документальной книге британской делегации 10а, страница 33. Если эти два документа взять совместно, можно понять, что политическая сторона также не упоминалась, и этим объясняется, что свидетель имел в виду, когда он говорил, что его не касалась политическая сторона вопроса, но лишь военная сторона. По этой причине Розенберг направил ему это.

Председатель: Я думаю, было бы хорошо прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Додд: Господин председатель, в отношении дела подсудимого Зейсс-Инкварта, защитник и представители обвинения посовещались в отношении его ходатайства о

документах. Мы согласились с многими, но есть 20 по которым мы не можем согласиться.

Председатель: 20?

Додд: 20. Думаю мы сможем сделать это за 30 минут если трибунал выделит кое-какое время, может меньше. Сэр Дэвид напомнил мне, что переводчики ждут от нас продолжения своей работы.

Председатель: Господин Додд, думаю лучше будет рассмотреть это завтра в 10 часов утра.

Додд: Очень хорошо, господин председатель. Предлагается также, чтобы дело Зейсс-Инкварта предшествовало делу подсудимого фон Папена. Я понимаю, что это желание защитника, и нас это тоже устраивает.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Нам нужно кратко сослаться на документ PS-1809, дневник генерал-полковника Йодля. Это GB-88 в документальной книге британской делегации 10a, страница 289.

Могу я для начала спросить, когда были подготовлены планы оккупации Норвегии?

Рёдер: Я могу сказать, что на основе совещания с Квислингом состоявшемся с фюрером в моём присутствии 14 декабря, фюрер приказал ОКВ разобраться с вопросом и изучить его. Фюрер провёл ещё два совещания с Квислингом 16 и 18 декабря на которых я не присутствовал. Затем согласно директивам, вопросом занималось ОКВ и был подготовлен первоначальный план известный как «Север». Документ С-21, который я упоминал ранее, показывает, что этот план «Север» был получен СКЛ 13 января и затем, в течение января, упоминалась дата 27 января, был подготовлен проект директивы по плану «Север». Этот проект был подготовлен в ОКВ обычным образом. Капитан цур зее Кранке[115] в качестве эксперта от флота принимал в этом участие. Директива была закончена 1 марта 1940, и была отдана трём родам войск. Между тем, получили большое количеств докладов, и было возможно использовать их как основу для подготовки директивы. Эти доклады кроме поступавших от капитана Шрайбера, также теперь поступали напрямую от Квислинга, который направлял их фюреру. Они упоминали подготовительную работу, проводимую англичанами и французами – особо упоминая военно-морского атташе Кермаррека – в норвежских портах по поиску возможностей для высадки, измерению причалов, и высоты мостов между Нарвиком и шведской границей и похожие вещи.

Эти доклады, которые доходили до нас ясно показывали, что в разумное время намечалась высадка. Также до нас доходили политические доклады, которые Хагелин получал с помощью своих связей в норвежских кругах, доклады которые

---

[115] Теодор Кранке (1893 —1973) — немецкий адмирал, участник Первой и Второй мировых войн. Весной 1940 начальник штаба подготовки операции против Норвегии.

отчасти шли непосредственно от членов Стортинга[116] – и от членов правительства и их окружения.

Все эти доклады подтверждали, что предлог помощи Финляндии в споре между Финляндией и Россией играл определенную роль. Обсуждалась опасность, что Англия под предлогом помощи Финляндии приступит к бескровной оккупации Норвегии. Директива плана по Норвегии была издана 1 марта. В дальнейшем развитии событий в марте месяце были получены ещё доклады. Между тем, случился инцидент с «Altmark[117]», и Хагелин также заметил, что поведение норвежского командира было претенциозным, и было ясно, что в случае какого-либо посягательства со стороны Великобритании, норвежское правительство будет протестовать лишь на бумаге.

Симерс: Вы сказали прямо сейчас о директиве датированной 1 марта. Это верно. Обвинение представило цитату от 5 марта из документа PS-1809. Это запись из дневника Йодля: «В 15 часов 00 минут большое совещание с тремя главнокомандующими относительно «Weserubung». Фельдмаршал, не имевший сведений о планах, в ярости». Адмирал как это возможно, чтобы с рейхсмаршалом Герингом не проконсультировались во время, когда была отдана директива?

Рёдер: Я вообще этого не могу объяснить. У меня не имелось полномочий говорить об этом и я не могу сказать, почему с ним не проконсультировались.

Симерс: Это характерно для заговора, что второй человек в Рейхе не информирован об этом с самого начала. Он никогда не говорил с вами об этом вопросе?

Рёдер: Нет, этого я не помню, но это показывает насколько мало, особенно в окружении фюрера, можно говорить о заговоре. Министр иностранных дел фон Риббентроп, также не присутствовал во время каких-либо совещаний с Квислингом и не имел полномочий говорить с ним об этих вопросах.

Симерс: Тогда я хочу узнать о вашей позиции в отношении записи Йодля от 13 марта, в которой он заявляет: «Фюрер не отдает приказа для «W». Он всё ещё пытается найти обоснование».

Я прошу вас объяснить нам эти слова как вы их понимаете.

Рёдер: Да. Английский перевод, насколько я могу вспомнить говорит: «Ищет оправдание» Но ему не требовались ни обоснование, ни оправдание, потому что в первом параграфе директивы от 1 марта – то есть, 2 недели до этого – он заявил о том какие обстоятельства делают необходимой оккупацию Норвегии и Дании определенными силами Вермахта. Британские посягательства в Скандинавии и на Балтике были бы предотвращены этим, наши рудные хранилища в Швеции сохранены, и базы против Англии для флота и воздушных сил были бы расширены.

Симерс: Господин председатель, могу я отметить, что это документ С-174; то есть,

[116] Стортинг— парламент Норвегии.

[117] «Альтмарк» — танкер, вспомогательное судно крейсера Кригсмарине «Адмирал граф Шпее», подвергшееся в 1940 году абордажу со стороны британского корабля в территориальных водах нейтральной Норвегии с целью освобождения пленных.

GB-89, документальная книга британской делегации 10a, страница 113. Это директива по плану «Weserubung» от 1 марта 1940, которая как сказал свидетель, уже содержит обоснование для этого.

С позволения трибунала, чтобы доказать, что информация полученная свидетелем через разведывательную службу адмирала Канариса, через капитана Шрайбера и так далее, объективна и согласуется с фактами, мне позволят предъявить несколько документов – и это экземпляр номер Рёдер-75 из «Белой книги» датированной 17 февраля 1940, которая упоминает высадку британских войск в Бергене, Тронхейме и Нарвике и несколько приложений к ней, которые показывают ход мыслей того времени относительно шведской руды; экземпляр документа Рёдер-75…

Председатель: Это 75, страницы 43 и 44?

Симерс: Я прошу прощения. Не страница, а экземпляр Рёдер-75. Это страница 340. Документальная книга 4.

Затем экземпляр номер Рёдер-77, также из «Белой книги»: «Французский премьер и министр иностранных дел Даладье французскому послу в Лондоне, Корбину[118]».

В документальной книге 4, страница 352. Я увидел ошибку в английской документальной книге. На странице 353 или даже на странице 354 пропущен заголовок. Я могу отметить, что этот документ содержит дату 21 февраля 1940. Это содержится в оригинальном документе под заголовком «Интервенция в Скандинавию». Это касается оккупации самых важных норвежских портов, и т.д., и снова упоминает вопрос шведской руды.

Затем я перехожу к экземпляру документа Рёдер-78; документальная книга 4, страница 357, выдержка из журнала боевых действий штаба руководства войной на море от 4 марта в которой в связи с делом «Altmark» объясняется, что оборона Норвегии против британской военной акции невозможна.

Экземпляр Рёдер-79, документальная книга 4, страница 359, записка главнокомандующего французской армией генерала Гамелена. Здесь также ошибка в переводе. На странице 360 заглавие документа опущено. Я был бы благодарен, если бы трибунал заметил, что подлинный документ содержит дату 10 марта 1940. Он совершенно секретный и основан на факте, что с 16 января существовал общий план вооруженной интервенции в Финляндию и поэтому в качестве предупредительной меры следовало оккупировать порты и аэродромы на норвежском побережье. Я ссылаюсь на остальное содержание документа.

Затем я могу предъявить экземпляр номер Рёдер-80, доклад о переговорах скандинавской комиссии из межсоюзной исследовательской комиссии от 11 марта 1940, совершенно секретно, касательно высадки в Нарвике.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, тогда мы завершили с Норвегией.

---

[118] Шарль Корбин (1882-1970) – французский дипломат. Посол Франции в Великобритании в 1933-1940.

Мне кажется, вы уже говорили, что доклады значительно увеличились. Когда Гитлер отдал окончательный приказ по оккупации?

Рёдер: В конце марта или начале апреля. Я не могу вспомнить точную дату.

Симерс: Мне кажется этого достаточно.

Рёдер: Могу я также назвать особо важный доклад, который я сейчас вспомнил. Квислинг сообщил в феврале, что лорд Галифакс[119] сказал норвежскому послу в Лондоне, что операция со стороны британцев по приобретению баз в Норвегии была запланирована на ближайшее будущее. Этот доклад тоже дошёл до нас. Я хочу добавить, как я подчёркивал ранее, что, полностью сознавая свою ответственность, я всегда пытался показать фюреру обе стороны картины, чтобы фюрер мог руководствоваться моими документальными подтверждениями решая, предпринимать или воздержаться от такого огромного шага. Но это не означает, что из-за того, что я как-либо указывал своему верховному главнокомандующему вооруженных сил на особенную опасность, я каким-то образом отказываюсь принять ответственность. Конечно, в какой-то мере я ответственный за это. Более того, меня обвинили, потому что в письме предъявленном здесь как С-155 я сказал своему офицерскому корпусу, что я был горд тем как прошло это крайне опасное предприятие. Я хочу подтвердить это, потому что, мне кажется, я был вправе гордиться тем, что флот провёл эту операцию с такими ограниченными средствами и перед лицом всего британского флота, я всё ещё стою на этом.

Симерс: В СКЛ в марте приходили доклады о нарушении нейтралитета Норвегии? То есть об инцидентах в территориальных водах?

Рёдер: Да. Во второй половине марта повторялись атаки совершенные британскими самолётами и военно-морскими силами против наших торговых судов доставлявших шведскую руду из Нарвика.

Симерс: Господин председатель, в этой связи могу я предъявить ещё кое-какие документы? Экземпляр Рёдер-81, документальная книга 5, страница 372, журнал боевых действий штаба руководства войной на море, который содержит несколько записей показывающих, что в конце эти инциденты участились и что норвежский нейтралитет нарушали британские воздушные и военно-морские силы. Так как этот документ известен, нет необходимости что-либо из него зачитывать.

Затем экземпляр Рёдер-82 в документальной книге 5, страница 377, также журнал боевых действий от 27 марта, касательно нарушений нейтралитета. Кроме того, экземпляр Рёдер-83, страница 379, проект резолюции шестого заседания верховного совета, датированный 28 марта 1940, который уже упоминался вчера. Он касается жизненно важных интересов с точки зрения международного права и укладки мин в территориальных водах к 5 апреля.

Экземпляр Рёдер-84, страница 384 и экземпляр Рёдер-85, страница 386, оба

---

[119] Эдуард Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

являются документами из «Белой книги». Я могу лишь отметить, что эти упоминает, что первый транспорт должен уйти на J.1. день, то есть на самом деле 5 апреля, другими словами за 4 дня до оккупации Германией.

Экземпляр Рёдер-86 выдержка из журнала боевых действий, о которой я прошу вашего официального уведомления и которая касается фрахтования Англией 90 процентов норвежских танкеров.

Чтобы завершить с Норвегией, могу я попросить вас взглянуть на два документа С-151 и С-115. Это экземпляры GB-91 и GB-90, соответственно. Документальная книга британской делегации 10а, на страницах 106 и 62. Даты 30 марта 1940 и 4 апреля 1940. Документы показывают, что корабли, которые должны были провести высадку несли британский флаг по причинам маскировки. Обвинение также использует данный документ в поддержку обвинения.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что вы об этом скажете?

Рёдер: Это довольно обычная военная хитрость, чтобы военные корабли несут зарубежный флаг. Однако, требование законности этого акта, чтобы в момент враждебного действия, в момент открытия огня, был поднят свой флаг. Это всегда делал германский флот, особенно в случае наших вспомогательных крейсеров, которые часто плавали под зарубежным флагом для того, чтобы избежать докладов торговых судов, но которые всегда спускали флаг вовремя. Это вопрос чести. В таком случае следует добавить, что журнал боевых действий показывает…

Симерс: 8 апреля.

Рёдер: … что 8 апреля, с учетом определённых соображений, мы отменили этот приказ, потому что мы имели доклад, что проводилась английская акция, и мы опасались осложнений вытекающих из этого. Так что, этот приказ не исполняли в дальней перспективе. Мне кажется можно найти документ содержащий это.

Симерс: Господин председатель, я предъявляю, в этой связи, экземпляр номер Рёдер-89 (документ Рёдер-89), документальная книга 5, страница 400, где под 8 апреля мы находим: «Предыдущий приказ отменен, британский флаг не использовать».

Рёдер: Вы также спрашивали о документе С-115, который говорит, что блокадопрорыватели[120]замаскированные как торговые суда с погашенными огнями должны беспрепятственно войти в Осло фьорд. Это тоже довольно обычная военная хитрость против которой, с юридической точки зрения, нельзя заявить возражений. Также нечего нельзя сказать против английских имен, даваемых в ответ на опознавательные сигналы.

Я не закончил ответ на один вопрос, потому что был прерван. Это был вопрос, касательно выражения «обоснование» или «оправдание» в дневнике

---

[120] Блокадопрорыватель - корабль или торговое судно, осуществляющее преднамеренный вход в блокируемый район или выход из него в целях оказания военной или экономической помощи государству, подвергшемуся блокаде, либо в иных целях, нарушающих режим блокады.

генерал-полковника Йодля. Как я показал, это не был вопрос обоснования, которое было высказано Гитлером задолго до этого, но мне кажется, что я прав, говоря, что вопрос заключался в том, что дипломатическая нота, которая в момент исполнения предприятия, должна была быть представлена норвежскому и датскому правительствам, приводя причину этой акции, ещё не была готова, в особенности, так как он тогда еще вообще не переговорил с министром иностранных дел. Министр иностранных дел получил информацию, как он сам сказал, только 3 апреля.

Симерс: На этом я хочу завершить вопрос оккупации Норвегии. Могу я ещё предъявить допущенный документ, экземпляр Рёдер-66, который допущен для цели аргументации? Это мнение высказанное доктором Мозлером, и оно находится в документальной книге 4, страница 291 и в этой связи, касательно использования флагов, могу я обратить особое внимание на цифру 7, страница 304, из которой мы можем понять юридическое обоснование. Кроме того, могу я предъявить экземпляр Рёдер-90, документальная книга 5, страница 402, и серию документов постольку поскольку они одобрены: экземпляр Рёдер-91, адмирал Дарлан[121] французскому военному министру Даладье от 12 апреля 1940; экземпляр Рёдер-92, страница 412. Данный документ содержит англо-французскую ноту норвежскому правительству от 8 апреля 1940. Я предъявляю этот документ, потому что эта нота выражает такие же юридические точки зрения, как и юридическое мнение доктора Мозлера.

Экземпляр номер Рёдер-97 и экземпляр номер Рёдер-98: Номер 97 касается «Белой книги» и планирования от 7 февраля 1940, касательно союзнических баз в Норвегии; и номер 98 это выдержка из журнала боевых действий, касательно приказов которые во время оккупации Норвегии, были обнаружены и из которых можно понять, что английская высадка была неминуемой и так называемый план был замаскирован под названием план «Стратфорд», который был подготовлен британским адмиралтейством.

[*Обращаясь к подсудимому*] Касательно Норвегии, могу я спросить вас о следующем: во время и после оккупации вы вмешивались, чтобы следить за тем, что с норвежским населением обращаются достойно, и в чём заключался ваш взгляд на политический вопрос в Норвегии применительно к отношению Германии к Норвегии?

Рёдер: С самого начала, я был за хорошее обращение с норвежским населением. Я знал, что Гитлер дал гауляйтеру Тербовену, которого к сожалению назначили рейхскомиссаром Норвегии и кому он доверил гражданскую администрацию, указания, чтобы он, Тербовен, должен был привести к нему норвежский народ; то есть, сделать его благоприятно расположенным, что он имел намерение, в конце концов, сохранить Норвегию в качестве суверенного государства в северной

[121] Жан Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. Убит в результате покушения.

германской империи.

Тербовен этому возражал. Он обращался с норвежским народом в очень недружественной манере, и своим обращением на самом деле саботировал цели Гитлера. В близком взаимопонимании с адмиралом Бёмом, который стал морским командующим в Норвегии и который взял капитана Шрайбера, бывшего атташе в свой штаб как связного офицера с норвежским населением, я попытался противодействовать таким намерениям Тербовена. На основании докладов адмирала Бёма я постоянно обращался к фюреру и говорил ему, что с Тербовеном он никогда не достигнет своей цели. Фюрер назначил Квислинга главой правительства. Я не могу точно вспомнить, когда он стал министром-президентом, но Тербовен также саботировал Квислинга в его деятельности делая её чрезвычайно трудной, и даже дискредитируя его в народе. По моему мнению, основная причина Тербовена заключалась в том, что он хотел оставаться гауляйтером Норвегии. Все наши стремления были безуспешными, несмотря на факт, что адмирал Бём пытался с большим трудом с помощью флота добиться того, чего ожидал Гитлер, то есть, склонить норвежский народ.

Я не понимал, как с одной стороны, хотели получить симпатию норвежцев, а с другой стороны саботировать намерения Гитлера.

Так шло до 1942, когда Бём сделал мне последний доклад, в котором он объяснял, что вещи не могут так продолжаться, и что намерения Гитлера никогда не будут реализованы. Я представил этот доклад Гитлеру, но поскольку это не привело ни к каким изменениям – это было поздней осенью 1942 – эта моя неудача стала одной из причин которые привели меня к отставке.

Симерс: Вы особо просили Гитлера уволить Тербовена?

Рёдер: Несколько раз. И я предлагал, что он должен назначить генерал-адмирала Бёма командующим вооруженными силами Норвегии и дать ему далеко идущие полномочия для того, чтобы он смог осуществить его – Гитлера – цели. Я предложил, чтобы фюрер, как можно скорее заключил с Норвегией мир, потому что только таким путём он мог прийти к сотрудничеству между Норвегией и Германией и повернуть к себе народ. Я говорил ему, что попытки саботажа норвежскими эмигрантами потеряют свой смысл и сойдут на нет, и что возможно норвежских эмигрантов, которые склонялись к Англии в то время, можно было заставить вернуться, потому что они могли опасаться, что их «автобус уйдет»; особенно с точки зрения экономических преимуществ. Задача обороны Норвегии была бы значительно проще, если бы можно были прийти к миру.

Симерс: В заключение, могу я сослаться на экземпляр Рёдер-107, который уже известен трибуналу. Это письменные показания Шрайбера под римской цифрой II. Там Шрайбер подробно упоминает сильные усилия флота, чтобы предотвратить достойный сожаления режим террора Тербовена и объяснил, что Рёдер, до конца 1942, прилагал все усилия, чтобы добиться от Гитлера заключения мира между

Норвегией и Германией. Мне кажется, что флот имел хорошую репутацию в Норвегии, что я могу полагать исторически известно без моего подтверждения. Чтобы быть до конца честным я ходатайствовал о свидетеле, но согласие не было дано.

Могу я также предъявить экземпляр Рёдер-108 (документ Рёдер-108), документальная книга 6, страница 473, письмо Рёдера адмиралу Бёму от 23 октября 1942. Рёдер пишет:

> «К своему сожалению вынужден направить вам прилагаемое, для вашего личного сведения, письмо рейхсминистра доктора Ламмерса[122] премьер-министру Квислингу».

На странице 476 есть письмо Ламмерса Квислингу, которое гласит – я цитирую лишь одну фразу:

> «Таким образом, фюрер желает, чтобы во время войны не было никаких конференций или дискуссий касательно окончательного или промежуточного мира между великогерманским Рейхом и Норвегией, или касательно иных мер, определяющих или предусматривающих положение Норвегии к Рейху после окончания войны».

Это письмо, которое упоминал свидетель, которое окончательно свело на нет, все его и адмирала Бёма стремления.

Адмирал вы имели небольшое отношение к Франции, и следовательно мы сможем быть очень краткими. Могу я просто спросить вас, вы когда-либо пытались повлиять на политические отношения между Германией и Францией?

Рёдер: Это влияние, когда и бывало какое-то, было в первую очередь направлено насколько возможно на улучшение обороны страны. Во вторую очередь, были, прежде всего, всяческие гуманитарные причины. Я часто посещал военно-морские и подводные базы во Франции. Во время этих путешествий я получал кое-какие сведения об условиях во Франции. Я видел, что в 1940 и даже в 1941 население жило также как и во время мира, совершенно спокойно. Как следствие я верил, поскольку фюрер показал такую большую умеренность в связи с перемирием, что могла быть найдена основа, которая привлечет Францию – чье правительство в конце концов было коллаборационистским – ближе к нам.

Меня проинформировали о том, что Лаваль[123] был на самом деле искренним в своём мнении о том, что только сотрудничество между Францией и

---

[122] Ганс-Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

[123] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору французского суда.

Германией может гарантировать длительный мир в будущей Европе. Поэтому я предложил ему, не мог ли он попытаться сделать, что-нибудь в таком направлении. Он не намеревался это делать, и я снова сослался на это, когда услышал, что адмирал Дарлан пытался работать более тесно с нашим морским командующим во Франции адмиралом Шульце[124]. Сначала это было достигнуто в сфере разведки, где его службы были очень полезными для нас.

В конце 1941 года он сказал, что хотел бы поговорить со мной. Адмирал Шульце доложил мне и я сказал Гитлеру об этом и рекомендовал такой разговор, потому что я думал это принесет пользу.

Симерс: Принесет что?

Рёдер: Это могло дать некоторое преимущество. Фюрер одобрил эту встречу и проинструктировал меня о своих взглядах. Встреча состоялась рядом с Парижем по поводу официальной поездки, которую я совершал на французские базы в конце января или начале февраля 1942. У меня сложилось впечатление, что встреча была очень удовлетворительной, постольку поскольку Дарлана считал, что мир был бы преимуществом для обеих наций, и он также показался настроенным на сотрудничество. Однако, он подчёркивал, что вся политическая ситуация должна быть урегулирована до заключения мира. Я также продемонстрировал, что я был готов встретиться с ним по поводу переговоров с комиссией по перемирию в отношении тяжелых орудий для больших французских кораблей. Я доложил фюреру о результатах встречи. Но и в этом случае фюрер снова медлил и не хотел принимать решение. Он сказал, что сначала должен посмотреть как идет война прежде чем, он определится со своим окончательным отношением к Франции. Кроме того, это был бы прецедент, который мог повлиять на остальные нации. Так что также была неудача. Я не получил облегчения в обороне Франции, на которое я надеялся, в случае с Францией, эта неудача была второй причиной, которая позднее повлияла на моё прошение об отставке, потому что я не мог осуществить свои планы.

Симерс: Теперь я перехожу к следующему предмету, в котором против вас выдвинуты обвинения, и это Россия. Когда вы впервые услышали, что Гитлер намерен вести войну против России, несмотря на то, что он заключил пакт о ненападении с Россией?

Рёдер: Могу я сначала напомнить вас, что летом 1940, то есть, июль, август и сентябрь, мы во флоте были сильно заняты подготовкой к высадке в Англии, поэтому нам никогда в голову не приходило, что есть какие-либо планы по действию в ином направлении. В августе я услышал от какого-то армейского ведомства, вероятно от главнокомандующего, что значительные транспорты с войсками должны пойти на Восток. Я спросил Гитлера, что это означало, и он

[124] Отто Шульце (1884 -1966) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (31 августа 1942 года). В 1941-42 командующий адмирал во Франции.

сказал мне, что это была грандиозная маскировка его намерений вторгнуться в Англию. Он знал о том, что я был бы против этого прямо сейчас если бы мы говорили о предприятии против России. В сентябре – я не помню точную дату – он наконец признался мне, что у него есть определенные намерения против России. В сентябре я по крайней мере дважды докладывал ему, мой самый важный доклад был 26 сентября, когда я делал всё, что мог, чтобы разубедить его от каких-либо мер против России. В этом докладе, который я сделал в присутствии фельдмаршала Кейтеля и генерал-полковника Йодля я в особенности подчеркивал военно-стратегическую сторону; во-первых, потому что я мог сделать это со всей прямотой в присутствии других людей, и затем, потому что я предполагал, что такие военные причины, то есть возможность неудачи операции против России в то время, когда идет война против Англии, впечатлит его и разубедит его в этом плане. 26 сентября, после официального доклада, я попросил поговорить с Гитлером наедине. Кейтель и Йодль могут свидетельствовать, что я всегда так делал, когда хотел обсудить с фюрером что-то особенно важное, там где мне было нужно выйти за рамки официальной процедуры, и что я мог сделать только когда никого больше не было. Можно было говорить Гитлеру многие вещи, если можно было быть с ним наедине, но таких заявлений нельзя было делать в большой группе. Фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль очень хорошо это знали, в особенности хорошо, потому что они были тем кто в таких случаях должны были выходить из кабинета. По этому поводу я в подробностях привел Гитлеру свои взгляды; первое, что было невозможно нарушать пакт с Россией, что это было морально вредно, что это не служило делу, потому что пакт давал нам огромные преимущества и был основой твердой политики Германии в дальнейшем. Затем я сказал ему, что ни при каких обстоятельствах он не мог начинать войну на два фронта, так как именно он всегда подчеркивал, что он не повторит глупости правительства 1914 и, что по моему мнению, это никогда не будет оправдано. Затем я снова привёл ему разницу в силах с каждой стороны, абсолютную необходимость флота сконцентрироваться на войне против Англии в особенности в тот момент, когда все наши ресурсы в высшей степени были задействованы для вторжения.

В тот день у меня сложилось впечатление, что Гитлер был настроен слушать мои аргументы, потому что позднее, или на следующий день, военно-морской адъютант капитан фон Путткамер[125], сообщил мне, что Гитлер говорил в том же самом русле, что и я, и оценил мои аргументы.

Так длилось несколько месяцев. Я представлял много таких докладов, всегда возвращаясь к тем же самым аргументам. В ноябре я снова верил в то, что я добьюсь своего. Однако к моему полному удивлению, 18 декабря, вышла директива номер 21 (Барбаросса), которая касалась вопроса войны с Советским Союзом до

[125] Карл-Йеско фон Путткамер (1900 —1981) — военно-морской деятель, руководящий сотрудник ОКМ, контр-адмирал (1943). С 1939 офицер связи ВМФ с А. Гитлером.

завершения войны против Англии. Конечно, это правда, что это была директива для возможного случая. Это документ PS-446, USA-31 от 18 декабря 1940.

Симерс: Господин председатель, это документальная книга 10а, страница 247.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, обвинение утверждает, что флот и вы содействовали подготовке этой директивы. Это верно?

Рёдер: Это никоим образом неправильно. Такие директивы готовились в ОКВ после принятия фюрером политического решения, в оперативном штабе вооруженных сил; и в этом оперативном штабе вооруженных сил был также один военно-морской офицер и один или больше офицеров воздушных сил, которые, в подчинении начальника оперативного штаба вооруженных сил, занимались вопросами, касавшимися флота и воздушных сил, когда готовились такие директивы. Затем директиву направляли главнокомандующим вооруженными силами и им приказывали со своей стороны, разработать и представить предложения по исполнению приказов фюрера. Они не имели никакого влияния на саму директиву и не видели её заранее.

Могу я добавить кое-что ещё? Обвинение вменяет мне, что я использовал своё влияние на фюрера не по моральным и этическим причинам, а что я пытался циничным образом сначала разобраться с Англией и затем напасть на Россию. Я уже сказал, что высказывал все свои причины фюреру всякий раз, когда у меня был шанс, но я не мог делать этого на публичной встрече или в присутствии других людей, как не мог писать об этом в своём журнале боевых действий, потому что резкие слова, которые чувствуешь не должны быть известны другим людям при помощи журнала боевых действий. Я хочу отметить документ С-170, экземпляр USA-136, который даты с 23 августа 1939 по 22 июня 1941. Это компиляция многих выдержек из журнала боевых действий штаба руководства войной на море – и из моих стенограмм совещаний с Гитлером в которых рассматривали русский вопрос. Это не дословное воспроизведение моих заявлений или слово в слово выдержки из журнала боевых действий, но подытоживание выдержек морским архивариусом, адмиралом Ассманом[126]. Я не буду читать подробности из этих многих записей, но я хочу отметить, что именно этот документ, С-170, показывает большим количеством содержащихся в нём записей, что с началом войны в 1939, я постоянно использовал своё влияние на фюрера, чтобы сохранять хорошие отношения с Россией по ранее указанным причинам. Это бы увело нас слишком далеко, если бы я начал цитировать здесь несколько записей. Но документ, я бы хотел подчеркнуть, совершенно убедительный.

Симерс: Вы не имели никакого отношения к директиве 21, которая подписана Гитлером, Кейтелем и Йодлем?

Рёдер: Абсолютно никакого.

Симерс: Но после этого, вы проводили какие-то приготовления в соответствии с

[126] Курт Ассман (1883 – 1962) – немецкий адмирал. В 1937 – 1943 руководитель военно-морского архива Германии.

этой директивой? Так как они касались флота, они здесь в любом случае не так важны.

Рёдер: Да. Мы провели первое совещание в январе, как можно увидеть из одной из записей в С-170. 4 февраля я доложил фюреру о наших намерениях и в марте флот начал определенные приготовления. Я уже говорил, что флота весь начальный период вряд ли касались главные операции, но только лишь перекрытие Финского залива минами и легкими морскими силами. Мне, неизвестно была ли эта директива 21 где-то ещё, но фюрер по моей срочной просьбе, приказал, чтобы центром притяжения всех морских боевых действий должно было оставаться направление Англии. Соответственно, мы могли использовать только относительно малые силы для войны против России.

Председатель: Доктор Симерс, нам сейчас лучше прерваться.

Трибунал скорее понял, что вы надеялись завершить сегодня к полудню. Мы понимаем, что у вас сегодня имелось 2 часа для разбора ваших документов, но когда вы думаете закончить?

Симерс: Мне кажется, мне необходимо лишь около трёх четвертей часа, от полутора часов до часа.

Председатель: Завтра в 10 часов мы рассмотрим документы Зейсс-Инкварта, и нам сказали, что это займет только 30 минут.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 18 мая 1946*]

День сто тридцать третий

Суббота, 18 мая 1946

Утреннее заседание

Додд: Господин председатель, в отношении ходатайства о документах подсудимого Зейсс-Инкварта, всего 87 документов предъявлено обвинению, и мы прошли их на немецком языке. После многочисленных совещаний с защитником подсудимого Зейсс-Инкварта, мы считаем, что не можем согласиться по 17 из этих документов. Так как вчера цифра была 20, как я сказал, но мы сократили их до 17.

Документ номер 5 в списке подсудимого – копия резолюции Германской национальной ассамблеи[127] от 21 февраля 1919, выступающая за аншлюс между Австрией и Германией. Мы сказали защитнику, что возражаем этому как на самом деле не относящемуся к делу и нематериальному. Это резолюция германского парламентского органа, и думаю нам безразлично, что они думали об аншлюсе в 1919.

Документ номер 10 фрагмент из газетной статьи опубликованной в октябре 1945 и написанной человеком по имени Валфорд Селби[128]. Это критическая статья критикующая Сен-Жерменский договор[129] за непредотвращение уничтожения австро-венгерской экономической сущности, и он обсуждает то, что описано как ошибки 1919, и так далее. Мы понимаем, что это предназначено, чтобы объяснить, вместе с остальными документами, экономическое происхождение движения аншлюса. Чтобы не говорили о такого типа доказательствах, есть по крайней мере пять других документов основанных на том же самом, и мы не заявили по ним никаких возражений. Но мы считаем, что в чём-то подобная вещь, даже при отношении к делу, разумеется станет кумулятивной. Документы 7, 12, 26 и 33 все по тому же самому предмету, экономическое происхождение аншлюса, и этот длинный. Таким образом, мы считаем, что разумеется не нужно, мало что добавляет, просто создаёт много бумажной работы и кумулятивен.

Документ номер 11 – речь произнесённая доктором Шобером[130], приводящая территорию и население республики Австрия. Мы не сильно возражаем

---

[127] Объединение немецкоговорящих депутатов Рейхстага Австро-Венгрии провозгласивших создание республики Германская Австрия. Осуществляла функции парламента с 21 октября 1918 по 16 февраля 1919.

[128] Валфорд Селби (1881 — 1965) — дипломат Великобритании. В 1933-1937 посол Великобритании в Австрии.

[129] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии.

[130] Йохан Шобер (1874 — 1932) — австрийский полицейский, который трижды назначался на должность Федерального канцлера Австрии. Основатель «Интерпола».

любой серьёзной проблеме подобного типа за исключением того, что есть, наверное, более хорошие источники если подсудимый желает установить территорию и население Австрии в 1921. Далее, нам кажется, что трибунал вполне может вынести судебное уведомление о территории и населении Австрии на эту дату из достоверных публикаций.

Документ номер 14 – заявление бывшего канцлера Австрии в 1922 о том, что Австрия принадлежит Германии. Наше возражение снова основано на кумулятивном характере данного документа, потому есть по крайней мере три других документа с почти одинаковыми заявлениями доктора Реннера[131] которым мы не заявили никаких возражений.

Документ 19 – фрагмент из книги написанной человеком по имени Кляйншмид и фрагмент предназначен показать, что ряд политиков жили или преуспели в движении аншлюса в Австрии. Нам это не кажется сильно важным или способным сильно помочь трибуналу.

Председатель: Господин Додд, что именно означает «жили пропагандой»? То, что они сделали пропаганду своей жизнью, или что?

Додд: Да. Он имеет целью показать, что они сделали её средством для ведения политической деятельности, начали дискуссию об этом и поддерживали себя политически.

Номер 21 – фрагмент из книги Куншака[132] «Австрия 1918-1934» и он приводит рост национал-социалистических голосов в Австрии между 1930 и 1932. Нам это не кажется очень материальным или очень способным помочь трибуналу. Мы возражали этому на основании нематериальности и отсутствия отношения к делу.

Документ номер 22 – фрагмент из статьи в «New Free Press[133]» от августа 1932, возражающая займу Лиги Наций. Это снова предъявлено, чтобы показать рост или постоянство движения аншлюса. Есть ещё один документ, номер 23 который предназначен установить тот же самый принцип на основе такого же доказательства.

Номер 27 фрагмент из статьи написанной Мартином Фуксом[134] «Un Pacte avec Hitler[135]» и она обсуждает югославскую политику в отношении аншлюса между Германией и Австрией. Снова обвинению не кажется, что имеется какое-то прямое отношение или какое-то полезное отношение к настоящим вопросам, в том как

---

[131] Карл Реннер (1870 — 1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

[132] Леопольд Куншак (1871 — 1953) — австрийский государственный деятель, председатель Национального совета Австрии (1945—1953).

[133] «Новая вольная пресса» (англ.)

[134] Мартин Фукс (1903 – 1969) – австрийский журналист и дипломат. В 1938 – 1945 ведущий политик австрийской оппозиции в изгнании.

[135] «Пакт с Гитлером» (фр.)

думали югославы.

Номер 31 – фрагмент из «Neue Zeitung[136]» от 11 января сего года в котором Гордон-Уолкер[137] заявляет о том, что праздник в Австрии после аншлюса был подлинным. Что же, это мнение господина Уолкера, и есть кое-какое другое существенное мнение с другой стороны. Мы сильно сомневаемся, что такое мнение материально или компетентно.

Председатель: Кто он?

Додд: Я понимаю, что он член Лейбористской партии Великобритании[138], и писатель.

Номер 39 – фрагмент из «Archiv[139]» за 1938. Это излагает заявление сенатора Боры[140] из Соединённых Штатов, о том, что аншлюс был естественным и неизбежным делом и не имел никакого отношения к Соединённым Штатам. Это не речь покойного сенатора Боры в Сенате, это его собственное мнение, и нам не кажется, что это сильно поможет. Какие-то последующие мнения сенатора Боры не были столь полезными, и кажется вряд ли помогут трибуналу в данном вопросе.

Номер 47 – фрагмент из книги Цернатто[141] «Правда об Австрии». Как известно трибуналу Цернатто был одним из заместителей государственного секретаря Австрии. Он покинул страну после аншлюса и уехал в Соединённые Штаты и написал эту книгу. Он делает ряд заявлений, можно сказать, о подсудимом Зейсс-Инкварте. Трибуналу будет интересно знать, что данный документ 47 и документы 48, 50, 54, 55, 60 и 61 все фрагменты из этой книги. Итак, мы считаем, что где бы он не сообщал о беседе с Зейсс-Инквартом это имело бы отношение на суде, но там где он выражает своё мнение, мы имеем сомнения в отношении к делу. Это единственное заявление, номер 47, кажется будет его мнением. Он не приводит никакую беседу и ничего кроме того, что было его впечатлением о том, что Зейсс-Инкварт отстранился от усилий Леопольда[142].

Итак, мы не возражаем 48 и 50, или 54, при том, что мы изначально думали, что будем возражать, просмотрев их они как оказалось излагают фактические беседы между Цернатто и Зейсс-Инквартом, и могут помочь

---

[136] Новая газета — американское печатное издание на немецком языке, выпускавшееся с 17 октября 1945 года в американской зоне оккупации Германии. Начала выпускаться в Мюнхене в конце 1945 года — сразу после того, как прекратился выпуск армейских американских газет на немецком языке. В газете сотрудничали такие писатели, как Томас и Генрих Манн, Стефан Гейм, Эрих Кестнер, Альфред Андерш. Тираж газеты составлял около 2,5 млн экземпляров. Выпуск прекратился в 1955 году.

[137] Патрик Гордон-Уолкер (1907 – 1980) – британский лейбористский политик. Член Палаты общин Англии в 1945-1974.

[138] Лейбористская партия (англ. Labour Party — Трудовая партия) — одна из двух ведущих политических партий в Соединённом Королевстве. Партия является левоцентристской, подчёркивает необходимость усиления государственного вмешательства в экономику, социальной справедливости и укрепления прав трудящихся.

[139] «Архив» (нем.)

[140] Уильям Бора (1865 — 1940) — американский политический деятель, сенатор-республиканец США, одна из самых известных фигур в истории Айдахо. Прогрессивист.

[141] Гвидо Цернатто (1903 – 1943) – австрийский писатель и политик. В 1936-1938 генеральный секретарь «Отечественного фронта» Австрии.

[142] Йозеф Леопольд (1889 – 1941) – нацистский политик. Ландесляйтер (глава) НСДАП в Австрии в 1935-1938 гг.

трибуналу. Таким образом, мы не возражаем следующим трём.

Но 55, снова, заявление в книге Цернатто о том, что по мнению Цернатто, Зейсс-Инкварт был фигурой на шахматной доске и отвергался нацистами или партийным руководством. Мы возражаем этому по той причине о которой я заявил, это мнение автора. Он кстати умер, и разумеется не доступен. В любом случае, мы не думаем, что его мнение может сильно помочь.

Номер 60 также заявление из книги Цернатто и излагает беседу с неназванным австрийским нацистом. Мы считаем, что всё слишком расплывчатое и не сможет помочь. В номере 61, снова, автор Цернатто выражает своё мнение о том, что Зейсс-Инкварт опасался взваливать ответственность. Я не хочу очень сильно подчеркивать наши возражения этим выдержкам. Не думаю, что они очень вредные, разумеется, но я возражаю скорее потому, что мы хотели бы сократить печать этого, и я не думаю, что они сильно помогут Зейсс-Инкварту.

Номер 68 – первый документ об антисемитизме, и это фрагмент из публикации под названием «Элементы национал-социализма» кардинала Алоиза Худаля[143]. Это объясняет антисемитизм в Германии и Австрии, и он продолжает обсуждать вопросы о которых наслышан трибунал от других подсудимых, диспропорции в положении еврейского населения в Германии и так далее. Мы возражаем этому как не имеющему пользы и нематериальному.

Снова 69 ещё один фрагмент из книги Цернатто о причинах, как некоторые люди их видели, антисемтизма. Это его мнение и не имеющее пользы и нематериальное здесь. Номер 71 это словацкий вопрос. Я сомневаюсь, что есть какие-то серьёзные претензии где-нибудь в деле, что в разное время словаки не требовали автономии. Данный фрагмент из «Archiv» за 1938, постольку поскольку как мы можем установить, стремится установить, что они хотели автономию. Что же, не думаем, что здесь это очень важно и от этого не будет пользы ни для трибунала ни для Зейсс-Инкварта.

Председатель: Это государственный документ?

Додд: Что же, это документ из «Archiv», и в этом смысле это публичный документ.

Председатель: После захвата Словакии Рейхом?

Додд: Нет, не после, это в 1938 и это предшествовало захвату.

Председатель: О, да.

Додд: Это наши возражения, господин председатель. Не думаю, что мы старались быть довольно…

Председатель: Конечно, господин Додд, мы сейчас рассматриваем лишь вопрос возражений переводу. Мы не рассматриваем вопрос допустимости, как и не обязываем вас не возражать им после их перевода.

---

[143] Алоиз Худал (1885 — 1963) — австрийский прелат, ватиканский и куриальный сановник. Титулярный епископ Элы с 1 июня 1933 по 13 мая 1963. После войны активно помогал немцам, в том числе нацистам по поддельным документам выезжать из Европы.

Додд: Мне известно об этом, господин председатель. Мы постарались быть весьма великодушными в данном списке. Фрагменты, или большинство из них, не очень длинные. Мы думали, что нам придётся остановится где-то, и я не думаю, что наши 17 возражений из 87 перечисленных очень строгие или на самом деле ущемляющие подсудимого Зейсс-Инкварта.

Штейнбауэр: Ваша светлость, высокий трибунал, я знаю, что вы цените мою небольшую страну Австрию, не только ввиду её древней культуры и её живописной красоты, но также потому, что это была первая страна которая лишилась своей свободы из-за Гитлера. Однако, при всём уважении которое вы имеете к данной стране, я не могу ожидать от вас, что, как представителям великих держав, вам известна история моей страны вплоть до последних деталей. Мне кажется, что важнейшее значение для защиты Зейсс-Инкварта в том, чтобы вы полностью поняли основу происхождения и по каким мотивам этот человек действовал так как он делал.

Лично я вижу три причины которые привели к аншлюсу.

Прежде всего, отчаянная экономическая ситуация которая идет красной полосой с 1918 вплоть – с сожалением скажу – и в 1946.

Вторая причина, и я буду очень краток в отношении документов…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, переходите как можно скорее к самим документам, потому что вы помните, что мы обсуждаем только вопрос о том нужно их переводить или нет.

Штейнабуэр: Да. Вторая причина заключалась в разобщённости демократических партий. Третья причина заключалась в отношении окружавших держав. Из этих пунктов я собрал свои документы.

Первый документ это резолюция Веймарской национальной ассамблеи[144], и я считаю, что это важно в отношении окончательного суждения о том, что аншлюс был не только желанием австрийского населения, но и общегерманским постулатом. Она очень короткая и я прошу допустить её.

Второй документ от Селби, который много лет был британским послом в Вене, подлинного друга нашей страны. В данной статье он ссылается на экономическое происхождение и условия в Австрии, которые привели к аншлюсу. В этом заключалась моя причина включить данный документ.

Следующий документ – речь произнесённая федеральным канцлером Шобером который имел большое уважение в мире. В данной речи он ссылается на тот факт, что бремя возложенное на Австрию слишком большое. Он описывал ситуацию как в целом повод для банкротства.

Следующий документ это заявление нынешнего федерального министра,

---

[144] Веймарское учредительное собрание или Германское национальное собрание 1919 года — парламент в Германии, принявший новую конституцию и учредивший в стране так называемую Веймарскую республику.

доктора Карла Реннера в 1922. В то время доктор Зейпель[145] поехал в Женеву и с великим трудом взял займ у Лиги Наций который был для нас очень важным, потому что в то же самое время требовали, чтобы Австрия отказалась от независимости на 10 лет. Это означало, что мы не могли предпринять никаких шагов для аншлюса. Реннер возражал Зейпелю в парламенте в то время. Данный документ никоим образом не кумулятивен документу 33, поскольку в документе 33 я просто хочу описать экономическую ситуацию возникшую в 1938 году.

Следующий документ, пункт 2 моих доказательств, а именно, сильная политическая пропаганда за аншлюс. В любом случае, я должен категорически оспорить утверждение о том, что документ номер 21, который очень короткий, не относится к делу. Я считаю его крайне важным, чтобы доказать, что эта новая, очень молодая партия, которая взращивалась на плодородной почве отчаянной экономической ситуации, выросла в десять раз, что касалось количества голосов, в годы 1930-1932, таким образом все время существовала признанная политическая оппозиция правительству.

Следующий документ, номер 22, статья, которая снова иллюстрирует экономическую ситуацию в Австрии в самый важный период истории, а именно, момент, когда федеральный канцлер Дольфус[146] поехал в Лозанну для того, чтобы вести переговоры об ещё одном займе с Лигой Наций, и нас снова вынудили подавить мысли об аншлюсе ещё на 10 лет. Данный документ, номер 22, а также следующий, номер 23 не кумулятивны, поскольку один показывает политическую, а другой экономическую позицию членов парламента в отношении займа Лиги Наций в 1932 году.

Следующий документ всего лишь фрагмент из взглядов различных окружающих государств на вопрос аншлюса. Я выбрал только Югославию, так как Югославия была страной которая сильнее всего поддерживала идею аншлюса в своей внешней политике.

Что касается документа 31, я хочу заметить, дополняя замечания обвинения, что Гордон Уолкер не только член Лейбористской партии, но и это важно – во время всех лет войны являлся главой британского подразделения радио в Австрии, и он сам был в Австрии в 1938 и был очевидцем аншлюса. Следовательно его суждение крайне важное поскольку это суждение видного иностранца.

Тоже самое относится к следующему документу, заявлению сенатора Боры который 25 лет был председателем американского комитета по иностранным делам. Его мнение разумеется заслуживает внимания.

Следующие документы касаются заявлений доктора Цернатто. Я хочу добавить, что доктор Цернатто был федеральным министром, генеральным

---

[145] Игнац Зейпель (1876 — 1932) — австрийский политик, федеральный канцлер Австрии в 1922—1924 и 1926—1929 годах.

[146] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

секретарём «Отечественного фронта» и правой рукой Шушнига[147] в период аншлюса. Он был одним из одних духовных отцов плебесцита Шушнига. Я сожалею, что он умер как эмигрант в 1940, и я не могу представить его в качестве свидетеля, но его книга это документ и на самом деле говорит о том, что этот человек испытал в те критические дни.

Я срочно прошу о том, чтобы остальные три документа, которые очень краткие оставили в книге.

Следующие два документа, которые касаются антисемитизма, я включил весьма неохотно для того, чтобы избежать любого обвинения в антисемитской пропаганде. Я включил их, потому что в судебном досье мой клиент обвинён как член антисемитской организации. Это обвинение неоправданно постольку поскольку этой организации придается больше внимания чем она заслуживает. Если бы этот вопрос не подчеркивало обвинение, я сам не придал бы никакого особого значения этим двум документам.

Последний документ которому возражают, номер 71, содержит Питтсбургское соглашение[148] которое заключили между Масариком[149] и Глинкой[150], словацким лидером, в связи с чем Масарик торжественно пообещал автономию словакам, обещание которое не сдержали согласно букве соглашения и которое переросло в сильное требование автономии Словакии, которую поддержал Гитлер. По этим причинам я прошу о том, что этот документ также одобрили.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, трибунал рассмотрит вопрос об этих документах.

Председатель: Итак, доктор Симерс.

[*Подсудимый Рёдер возвращается на место свидетеля*]

Симерс: С позволения трибунала, вчера в связи с Норвегией я предъявил по одному поводу документы 81, 82, 83, 84, 85 и 86. Я прошу прощения у трибунала, но я забыл предъявить один документ важный для этого вопроса, и я хочу исправить это упущение.

Документ, который уже был допущен мне, это экземпляр номер Рёдер-88, который также выдержка из «Белой книги» и напечатан в моей документальной книге номер 5, на страницах с 392 и следующих. Этот документ показывает

---

[147] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

[148] Питтсбургское соглашение – соглашение между чешскими и словацкими эмигрантами подписанное 31 мая 1918 в Питтсбурге, США, определявшее статус Словакии в едином Чехословацком государстве.

[149] Томаш Масарик (1850 — 1937) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства — первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

[150] Андрей Глинка (1864 — 1938) — словацкий католический священник и политик клерикально-националистического толка. Создал партию, стремившуюся к автономии Словакии в рамках Чехословакии, а позднее к полной независимости.

британский приказ от 6 апреля 1940 относительно планов по оккупации северных шведских рудных месторождений, проводящихся из Нарвика.

Поскольку трибунал знаком с этим документом, мне не нужно из него читать.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, вчера мы дошли до темы России. Вы ответили на мой вопрос относительно директивы номер 21, документ PS-446 от 18 декабря 1940, тем, что флот не работал над этой директивой. Далее вы заявили, что флот в январе проводил подготовку в соответствии с командой.

Рёдер: Могу я сделать краткое замечание об этой директиве в том отношении, что вчера мне кажется, вы сделали ошибку, когда вы сказали, что директива была подписана Гитлером, Кейтелем и Йодлем. Это была копия из оперативного штаба которую подписал Гитлер, но Кейтель и Йодль только контрассигновали. Таким образом, там нет вопроса подписи этих двоих, когда такие директивы отдавали их подписывал только Гитлер, и остальные могли только контрассигновать.

Симерс: Я прошу прощения, и благодарю за поправку.

В этой связи я хочу попросить трибунал учитывать документ С-35, USA-132. Документ находится в документальной книге британской делегации, номер 10а, на странице 16. Это выдержка из журнала боевых действий с датой 30 января 1941. Она описывает приготовления флота, в соответствии с командой Гитлера от 18 декабря, где Гитлер под номером IV директивы командовал предпринять меры предосторожности в случае если Россия изменит своё отношение к Германии, то есть, только в случае возможности.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, в связи с вашим представлением о русской ситуации, обвинение предъявило документ С-66, который соответствует GB-81. Это ваш доклад от 10 января 1944 адмиралу Ассману для исторических архивов флота. Документ находится в документальной книге британской делегации, номер 10, страница 13.Там вы найдете основополагающую позицию, занятую Рёдером в отношении плана «Барбаросса». Это излагается в «а» документа номер 1…

Я только что услышал, что данный документ также находится в документальной книге 10а, на странице 35. Там вы писали:

> «В то время фюрер сделал известным своё «неизменное решение» провести восточную кампанию, несмотря на все возражения. Соответственно, как известно из опыта дальнейшие предупреждения, до тех пор пока не возникнет совершенно иная ситуация, были совершенно бесцельными. Как начальник штаба руководства войной на море я никогда не был убежден в «вынужденной необходимости» плана «Барбаросса».

У вас есть что добавить к этим заявлениям сделанным тогда?

Рёдер: В этой связи я хочу сказать, что несмотря на тот факт, что директива была

отдана 18 декабря, в конце декабря я сделал обширный доклад, как можно видеть из документа С-170, который я вчера упоминал по нескольким поводам, для того, чтобы убедить фюрера в ошибочности такого решения. Это показывает, что я зашел очень далеко, так как когда фюрер отдавал директиву, даже если она относилась к гипотетическому случаю, было в целом невозможно донести до него основные соображения против этой директивы. Все остальное я упоминал вчера.

Симерс: Адмирал вчера в связи с вашими контрпредложениями Гитлеру в отношении России, вы упоминали, что осенью всё ещё проводился план «Морской лев[151]», то есть, высадка в Англию.

Рёдер: Да.

Симерс: Когда, согласно вашему стратегическому мнению, или мнению флота, такая возможность прекратила существовать? Когда вы отказались от этого плана?

Рёдер: В течение сентября месяца мы всё ещё верили, что высадка может быть произведена. В качестве необходимого условия главнокомандующий армией и также я, всегда настаивали – и он это полностью сознавал – что для высадки на нашей стороне должно было быть воздушное превосходство и поэтому мы ожидали понять могли ли мы действительно создать такое воздушное превосходство ко времени высадки, которая из-за погодных условий не могла бы быть произведена позже начала октября. Если бы мы не были способны, тогда, она должна была быть отложена до мая следующего года. Получилось так, что воздушного превосходства не получилось создать в необходимой степени; вследствие чего было сказано, что высадка должна быть отложена до весны следующего года. Следовало предпринять дальнейшие приготовления, и они действительно предпринимались. Но в ходе зимы идея высадки была совершенно отброшена, и Гитлер распорядился о том, чтобы подготовка бухт вдоль канала проводилась лишь в такой степени, чтобы у британцев складывалось впечатление, что действительно готовится высадка. В сентябре у меня сложилось впечатление, что у Гитлера больше нет никакого большого интереса к высадке и что в сам он полностью посвящен русской кампании в совокупности с которой, он, конечно, не мог осуществить высадку в Англии.

Симерс: Итак, я перехожу к обвинению выдвинутому против вас в том, что вы требовали, чтобы велась война против Америки. Обвинение приобщило в этой связи документ С-152 или GB-122, который находится в документальной книге британской делегации, номер 10, страница 23. Это выдержка из журнала боевых действий штаба руководства войной на море касательно доклада главнокомандующего флотом – то есть, вас - фюреру 18 марта 1941. Под цифрой 11 данного документа сказано, и я цитирую:

«Япония должна занять Сингапур как можно быстрее, поскольку

[151] Операция «Морской лев» — кодовое название планировавшейся Гитлером десантной операции по высадке на Британские острова. План учреждён 16 июля 1940 года. Согласно ему, немецкие войска должны были форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе около 25 дивизий, а затем наступать с целью отрезать Лондон.

возможность никогда не будет столь благоприятной (занятость британского флота повсюду; неготовность Соединенных Штатов вести войну против Японии; низкое качество флота Соединенных Штатов к японскому флоту). На самом деле, Япония готова к этой акции, но осуществит её, согласно заявлениям японских офицеров, только в момент, когда Германия приступит к высадке в Англии. Все усилия со стороны Германии следовательно должны быть нацелены, чтобы убедить Японию в немедленной акции. Если Япония захватит Сингапур, тогда все остальные восточноазиатские проблемы относящиеся к Соединенным Штатам и Англии будут решены (Гуам, Филлипины, Борнео и Голландская Ост-Индия[152])

Япония хочет избежать войны против Соединенных Штатов Америки, если это вообще возможно, и может так сделать, если она быстро займет Сингапур».

Обвинение сделало вывод, что это ваше заявление означает, что вы хотели направить Японию на войну против Америки. Это верно?

Рёдер: Это одно из самых неправильных утверждений содержащихся в обвинительном заключении против меня. Совершенно ясно, что поскольку я был вовлечен в морскую войну с Англией со своим небольшим германским флотом, я не хотел, ни при каких обстоятельствах, иметь Америку у себя на шее и здесь непрерывно обсуждали, что моим самым срочным усилием в течение первых лет войны было избегать, при всех обстоятельствах, вовлечения Соединенных Штатов. Адмирал Вагнер[153] подробно здесь описывал ограничения которые я возлагал на германский флот для того, чтобы предотвратить любые столкновения с Соединенными Штатами. Я возлагал ограничения, которые на самом деле трудно оправдать, когда я вёл подводную войну такими относительно малыми средствами. С другой стороны, Соединенные Штаты с конца 1940, как самое позднее, и в течение всего 1941 года, оказывали на нас давление в нашей войне на море, везде где возможно и совершали действия, которые можно было интерпретировать как точно не нейтральные. Я просто напомню вам ремонт британских военных кораблей в Соединенных Штатах, нечто для того времени совершенно невозможное и неслыханное и приказы Рузвельта[154] стрелять отданные в июле и в сентябре 1941; атаки американскими эсминцами «Greer[155]» и «Kearney[156]» в Атлантике на наши

---

[152] Голландская Ост-Индия — голландские колониальные владения на островах Малайского архипелага и в западной части острова Новая Гвинея. Образовалась в 1800 году в результате национализации Голландской Ост-Индской компании. Существовала до японской оккупации в марте 1942 года.

[153] Герхард Вагнер (1898 – 1987) – немецкий адмирал. Морской атташе в Испании. Начальник оперативного отдела штаба руководством войной на море.

[154] Франклин Рузвельт (1882 —1945) — 32-й президент США в 1933-1945.

[155] «Грир» - американский эсминец. В составе флота США с 1918 по 1945. 4 сентября вступил в огневой контакт с немецкой подводной лодкой. Ясность в стороне начавшей боевые действия отсутствует до настоящего момента.

[156] «Керни» - американский эсминец. В составе флота США с 1940 по 1971. 17 октября 1941 вступил в огневой контакт с немецкой подводной лодкой у берегов Исландии.

подводные лодки. В двух случаях подводные лодки преследовали глубинными бомбами 2 часа пока наконец они не всплыли и не открыли огонь, в одном случае повредив один эсминец. Несмотря на всё это, в июне 1941, я доложил Гитлеру о том, что мы продолжаем никак не беспокоить торговые суда Соединенных Штатов – с результатом, что торговцы Соединенных Штатов пересекают Атлантику полностью нетронутые на морских путях по своему выбору, были в состоянии докладывать о наших подводных лодках и наших морских вооружениях без возможности это предотвратить; из-за этого британцы были в состоянии маскировать свои корабли под американские суда. Так они и делали. В первый раз пересекая Атлантику, карманный линкор «Admiral Scheer» искал корабль под американским флагом и оказалось он превратился в британский корабль «Canadian Cruiser[157]». Несмотря на всё это, я рекомендовал фюреру, и он полностью одобрил моё предложение, что мы не должны предпринимать никаких мер против американских кораблей. То что мы не пошли ставить мины у Галифакса уже упоминалось адмиралом Вагнером. Мне не нужно дальше об этом говорить.

Симерс: Данное предложение заключалось в том, чтобы Япония захватила Сингапур только с целью получения содействия и союзника против Англии с которой уже шла война?

Рёдер: Именно так обстояло дело, и я хочу очень кратко обрисовать картину развития которое привело к такому предложению. Это не то, что было сделано по моей собственной инициативе, но скорее в начале 1941 года политические переговоры с Японией вёл отчасти фюрер и отчасти министр иностранных дел. Меня даже не вызвали на эти переговоры, и я должен сказать, это достойно сожаления, так как на этих переговорах обсуждались многие вещи, которые были неправильными. Однако с другой стороны это снова показывает, что нельзя говорить о заговоре. Был установлен контакт, и мне кажется, затем, в марте состоялся визит министра иностранных дел Мацуоки[158].

Фюрер на основании всего развития, 5 марта 1941, отдал директиву номер 24. Это документ С-75, USA-151, от 5 марта.

Симерс: Я хочу обратить внимание высокого трибунала на документ С-75, он же USA-151, находящийся в документальной книге британской делегации, номер 10а, страница 58. В этой директиве 24, под цифрой 3а сказано:

> «В качестве общей цели войны важно быстро нанести поражение Англии и таким образом удержать Соединенные Штаты вне войны».

И тремя параграфами ниже, в «d» сказано:

> «Захват Сингапура…».

Председатель: Это на странице 58 инструкция номер 54, касательно сотрудничества

---

[157] «Канадский круиз» (англ.)

[158] Ёсукэ Мацуока (1880 —1946) — японский политический деятель. Министр иностранных дел Японии в 1940-1941. Умер находясь под арестом во время Токийского процесса над японскими преступниками.

с Японией.

Симерс: Меня только, что уведомили – к моему удивлению – что только часть директивы находится в английском переводе. Я прошу трибунал разрешить мне, при таких обстоятельствах предъявить полную директиву позднее как документ Рёдера.

Председатель: Доктор Симерс, это есть в вашей книге Рёдера?

Симерс: Нет, пока нет, так как я не знал, что только часть перевели. Я позднее прошу разрешения предъявить весь документ как документ Рёдера.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Благодарю вас. Это можно найти под цифрой 3a, и следующая цитата находится под цифрой 3d, и она гласит:

> «Захват Сингапура, который является ключевой позицией Англии на Дальнем Востоке, был бы решающим достижением в военных усилиях трёх держав. Помимо этого, атаки на другие базы британской и американской морской мощи, если вступление Соединенных Штатов в войну нельзя предотвратить послужат сокрушению мощи противника в этой зоне…».

Я прошу трибунал отметить тот факт, что уже 5 марта, что дата этой директивы, Гитлер распорядился захватить Сингапур. Вследствие этого, предложение сделанное адмиралом Рёдером в документе C-152, датированное 18 марта, нельзя считать решающим, поскольку указ Гитлера уже существовал.

Рёдер: Могу я сделать об этом краткое замечание? Тоже самое кажется относиться ко всем остальным случаям, которые здесь упоминали: прежде всего, политическое решение Гитлера, главы государства, затем директива верховного главнокомандующего вооруженными силами вооруженных сил, потом подготовка заключений главнокомандующими отдельными родами войск Вермахта. Таким образом, после получения мной директивы от 5 марта, я должен был обдумать, как Японию после вступления в войну, можно использовать с наилучшими стратегическими результатами. И это зависело от того насколько эффективно мы сможем поразить на море нашего основного противника Англию. В связи с этим я должен был весьма срочно настаивать на том, чтобы Япония выдвинулась против Сингапура поскольку также были круги, которые считали, что Япония должна атаковать Владивосток, что было бы тяжелой ошибкой.

Нужно было атаковать центр силы Англии в Восточной Азии. Но сам факт, что я считал, что захват Сингапура заставит Соединенные Штаты Америки уклониться от войны, вызвал это мое предложение, а не наоборот.

Симерс: В этой же самой связи, я ссылаюсь на документ PS-1877, который был предъявлен в отдельном обвинительном заключении против вас. Это USA-152 находящийся в документальной книге британской делегации, номер 10, страница 320. Это беседа между японским министром иностранных дел Мацуокой – мне сказали, что 320 неправильно. Должно быть 319.

Председатель: И должно быть 10а, я думаю.
Симерс: 10а, прошу прощения.

В беседе между Мацуокой и фон Риббентропом от 29 марта 1941. Мы уже обсуждали этот вопрос. На странице 8 этого документа, сказано следующее:

> «Рейхсминистр иностранных дел снова сослался на проблему Сингапура. Из-за того, что Япония выразила опасения, что возможны нападения подводных лодок с Филлипин и что британский средиземноморский флот и флот метрополии присоединятся к нападению, он снова обсудил ситуацию с адмиралом Рёдером. Последний сказал ему, что британский флот будет настолько занят во внутренних водах и в Средиземноморье в этом году, он не сможет направить ни один корабль на Дальний Восток.
>
> Американские подводные лодки были описаны адмиралом Рёдером настолько плохими, что Япония вообще не должна о них волноваться».

[*Обращаясь к подсудимому*] Господин фон Риббентроп, в ответ на мой вопрос от 1 апреля 1946, заявил, что должно быть он ошибся, что заявление, наверное, сделал Гитлер. Будьте любезны внести ясность в это заявление раз и навсегда.

Рёдер: Я могу лишь подтвердить то, что я никогда не обсуждал такой вопрос с господином фон Риббентропом, так как, к сожалению не было никакой связи между министерством иностранных дел и высшим командованием флота в особенности поскольку фюрер запрещал передачу какой-либо информации от министерства иностранных дел военным властям. Я бы никогда не сделал такие заявления, поскольку они прямо противоположны моему собственному мнению, и в особенности поскольку в данном случае у меня не имелось никаких оснований для таких заявлений.

Симерс: Адмирал, с другой стороны, в штабе руководства войной на море часто не рассматривали вопросы об индустриальной и военной силе Соединенных Штатов, и по этим причинам любого вступления в войну Соединенных Штатов нужно было опасаться?

Рёдер: Это было нам полностью ясно вплоть до последних деталей.

Симерс: В какое-либо время во время войны вы видели этот документ PS-1877, который перед вами?

Рёдер: Нет, нет.

Симерс: Вас уведомили об этих дискуссиях между господином фон Риббентропом и министром иностранных дел Мацуокой или о дискуссии с Осимой[159]?

---

[159] Хироси Осима (1886 — 1975) — барон, генерал Императорской Армии Японии, посол Японии в нацистской Германии во время Второй мировой войны. На Токийском процессе приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

Рёдер: Нет, фюрер просто сказал мне, и это показано в документе С-170, рассмотреть результаты этой дискуссии с Мацуокой. Но у меня не было никаких дискуссий с господином фон Риббентропом.

Симерс: С позволения высокого трибунала, меня только что попросили исправить слово, которое я сейчас использовал; для того, чтобы быть честным, я хочу так сделать. Я сказал, что Гитлер в своей директиве от 5 марта 1941, «распорядился» взять Сингапур. Выражение неправильное. Он естественно не мог отдавать японцам каких-либо приказов. Ошибка возникает из-за начала директивы со слов: «Фюрер дал команду о следующем для нашего взаимодействия». И под цифрой 3 сказано: «Следующие директивы применяются в данном случае». И среди этих директив упоминается взятие Сингапура.

Адмирал, в какой-либо беседе вы предлагали кому-нибудь в любое время, чтобы Япония атаковала Пирл-Харбор?

Рёдер: Нет, мы вообще никогда об этом не говорили.

Симерс: Вы, что-нибудь слышали об этом плане до нападения Японии на Пирл-Харбор?

Рёдер: Никогда. Для меня и штаба руководства войной на море это была полная неожиданность, и полная ошибка судить о ментальности японцев полагая, что они бы говорили с кем-нибудь о таком плане, даже внутри Японии, кто прямо не был с ним связан. В 1904 они точно также, атаковали русские корабли «из ниоткуда» без какого-либо подозрения.

Симерс: С позволения трибунала, в этой связи я хочу предъявить три документа, которые мне одобрены, первый экземпляр номер Рёдер-19 в документальной книге 2, страница 108. Этот документ касается доклада американского генерала Маршалла[160], который оказался в моём распоряжении с помощью суда.

В данном докладе, датированном 1 сентября 1945, генерал Маршалл заявил следующее и я ссылаюсь на страницу 116:

> «Для того, чтобы установить для исторических записей то как и где Германия и Япония потерпели неудачу я попросил генерала Эйзенхауэра[161] поручить своим офицерам разведки точно допросить высокопоставленных военнослужащих германского высшего командования, которые сейчас наши военнопленные. Результаты этих бесед представляют заметный интерес. Они дают картину разногласий между вражескими нациями и недостаток долгосрочного планирования, что весьма может решающим фактором такой всемирной борьбы в самые критические моменты».

И два абзаца ниже:

[160] Джордж Маршалл (1880 — 1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии (18 декабря 1944),

[161] Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (1953 — 1961).

«Пока не обнаружено никаких доказательств, что германское высшее командование имело какой-либо всеобъемлющий стратегический план. Несмотря на то, что высшее командование принципиально одобряло политику Гитлера, его порывистая стратегия обгоняла германские военные возможности и в конце концов привела к поражению Германии. История германского высшего командования это один сплошной конфликт личностей в котором военные суждения подчинялись личному диктату Гитлера. Первая стычка произошла в 1938, и привела к удалению Бломберга, фон Фрича и Бека[162] и последнего эффективного консервативного влияния в германской внешней политике.

Кампании в Польше, Норвегии, Франции и Малых странах привели к возникновению серьезных расхождений между Гитлером и генеральным штабом о подробностях исполнения стратегических планов. В каждом случае генеральный штаб благоволил ортодоксальному наступлению, Гитлер неортодоксальной атаке с глубокими целями на вражеской территории. В каждом случае взгляды Гитлера возобладали и поразительный успех каждой следующей кампании возвышал военный престиж Гитлера до той точки где его мнения больше не оспаривали. Его военная самоуверенность стала непоколебимой после победы во Франции, и он начал существенно умалять идеи своих генералов, даже в присутствии младших офицеров. Таким образом, генеральный штаб не заявил никакого возражения, когда Гитлер принял фатальное решение вторгнуться в Советскую Россию».

И на странице 118, есть выдержка, касательно Германии и Японии. Я цитирую:

«Как нет доказательств тесного стратегического взаимодействия между Германией и Японией. Германский генеральный штаб признавал, что Япония была связана пактом о нейтралитете с Россией[163], но надеялся на то, что японцы свяжут крупные британские и американские сухопутные, морские и воздушные силы на Дальнем Востоке.

В настоящее время в отсутствие каких-либо доказательств обратного, кажется, что Япония также действовала односторонне и не в

[162] Людвиг Бек (1880 - 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Покончил жизнь самоубийством после неудачи заговора.

[163] Пакт о нейтралитете между СССР и Японией — советско-японский договор о взаимном нейтралитете, подписанный в Москве 13 апреля 1941, через два года после пограничного конфликта на реке Халхин-гол. Был денонсирован СССР 5 апреля 1945 года.

соответствии с единым стратегическим планом».

И далее, в документах, которые мне также одобрили, экземпляр Рёдер-113 и 114, в документальной книге 6, страница 491 и страница 497…

Председатель: Доктор Симерс, я думаю, вам следует спросить свидетеля согласен ли он с оценкой генерала Маршалла.

Симерс: Адмирал, вы согласны с мнениями американского генерала Маршалла?

Рёдер: Я не полностью ухватил эти заявления. В целом они в таких линиях мысли, которым следовали мы, но я не могу ручаться за все до единого пункты. Для того, чтобы сказать точно, мне нужно взглянуть на них или же снова их мне прочитать.

Симерс: Мне кажется общего подтверждения достаточно.

В документе Рёдер-113 я хочу сослаться на заголовок:

«Маршалл говорит: Армия предвидела японский ход:

«Вашингтон, 11 декабря (AP[164]) – генерал Джордж С. Маршалл, бывший начальник штаба армии, подтвердил прошлой ночью, что армия знала более чем за 10 дней до 7 декабря 1941 о том, что японский выпад на Пирл-Харбор может застать их позже срока, когда американское руководство считало, что США придётся сражаться».

Для того, чтобы сэкономить время я не буду читать частности, но как можно понять из доклада Маршалла, что американская армия знала о нём и упоминала дату после 25 и 26 ноября. В дополнение Маршалл свидетельствует, что приготовления велись в Соединенных Штатах до войны по сооружению взлётно-посадочных полос для американских бомбардировщиков в Рабауле, Порт-Морсби и Сингапуре.

В экземпляре номер Рёдер-114, который я также предъявляю, Генри Л. Стимсон[165], бывший военный секретарь Соединенных Штатов, сделал заявление датированное 21 марта.

«Генри Л. Стимсон, бывший военный секретарь США, раскрыл, что военный кабинет покойного президента Рузвельта обсуждал и отверг – за 9 дней до атаки Японии на Пирл-Харбор – американскую атаку без предупреждения на японские силы …

Стимсон сослался на то, что он получил 28 ноября 1941 информацию о японских передвижениях вдоль азиатского побережья. Он сказал, что в тот же день, кабинет встретился и обсудил возможное значение японского передвижения».

Далее он сказал, что:

«…если бы японцы вошли в перешеек Кра, британцы бы сражались, и что если бы британцы сражались, нам бы пришлось сражаться».

---

[164] Аббр. с англ. Associated Press — одно из крупнейших международных агентств информации и новостей. Началось как кооператив новостей газетных издательств в 1846.

[165] Генри Стимсон (1867 — 1950) — американский государственный деятель, занимавший пост военного секретаря США в 1940-1945, генерал-губернатора Филиппин и государственного секретаря США.

Согласно этому, адмирал, Соединенные Штаты знали об этих японских планах до того как узнали вы?

Рёдер: Видимо, да.

Симерс: Затем я перехожу к последнему обвинению и это касается Бразилии. В этой связи, обвинение предъявило документ PS-1807, GB-227, находящийся в документальной книге британской делегации 10а, страница 288. Это дневник Йодля, запись от 16 июня 1942. Я должен попросить прощения, мне сказали это страница 287, а не 288. Запись гласит:

> «29 мая штаб руководства войной на море обратился за разрешением атаковать бразильские военно-морские и воздушные силы. Он считает, что внезапный удар против бразильских военно-морских и торговых кораблей удобен в настоящий момент, когда оборонительные меры ещё не завершены и есть возможность неожиданности, поскольку Бразилия во всех смыслах ведёт морскую войну против Германии».

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение вменяет вам нарушение нейтралитета и нарушение международного права, потому что вы внесли это предложение в то время, когда Бразилия была нейтральной. Я обращаю ваше внимание на тот факт, что война с Бразилией началась спустя 2 месяца, 22 августа 1942. Пожалуйста, расскажите мне кратко по вашей памяти как вы пришли к такому предложению.

Рёдер: Тогда отношения между Бразилией и Германией были хуже некуда. Немцев преследовали и обращались очень плохо. Немецкие экономические интересы сильно затрудняли. Бразильцы уже были полностью на стороне Соединенных Штатов. Они позволили Соединенным Штатам разместить воздушные базы и также станции слежения вдоль всего бразильского побережья. Они сами подтвердили, что они уничтожили германскую подводную лодку и с другой стороны германские подводные лодки также атаковали бразильские суда, так как бразильские суда не освещались в соответствии с правилами и вследствие этого не могли быть опознаны как бразильские суда. Германия ранее попросила все южноамериканские страны освещать свои корабли, чтобы их принадлежность можно было установить ночью. Затем были воздушные атаки на подводные лодки держав оси, и их могли проводить только с бразильских баз. По этой просьбе штаба руководства войной на море фюреру, фюрер снова распорядился о том, что мы снова должны были спросить итальянцев, о том какие доклады они получили и Италия в свою очередь подтвердила, что несколько недель ранее итальянские подводные лодки, действовавшие вместе с нашими, атаковали возле бразильского побережья. Также бразильское министерство авиации дало знать о факте, что бразильские самолеты или самолёты Соединенных Штатов, вылетающие с бразильских воздушных баз атаковали подводные лодки Оси.

На основании такого подтверждения фюрер разрешил использовать оружие против бразильских судов вдоль бразильского побережья. Был разработан план, согласно которому определенная волна подводных лодок, выходящая с французского побережья в июне, чтобы выйти в Атлантику, должна была идти к бразильскому побережью. Фюрер особо приказал, что это не должны быть просто булавочные уколы, а довольно серьёзное предприятие. Данная операция была позднее остановлена и не проводилась. Я извиняюсь, что я не могу сказать о причине. Но это можно увидеть из нашего документа, который приводит заявления, сделанные в журнале боевых действий.

Симерс: С позволения трибунала, мне кажется, что всё обвинение относительно данного планирования не заявили бы, если бы документ PS-1807, запись дневника Йодля от 16 июня, предъявили in toto[166]. Предъявили только первую часть. Таким образом, я предъявляю эту запись как экземпляр номер Рёдер-115, находящуюся в документальной книге 6, страница 500. Из дальнейших заявлений сделанных генералом Йодлем в его дневнике мы можем заключить, что ситуацию правильно изучали.

Первая часть, которая предъявлена обвинением, то есть, первые две фразы, я уже читал. Остальная в записи следующее:

> «Посол Риттер[167] из министерства иностранных дел заявляет, что обострение конфликта с Бразилией нежелательно в виду отношения Аргентины и Чили, и что, до военных мер против Бразилии, нужно провести консультации с Италией и Японией. Действую по докладу начальника оперативного штаба вооруженных сил, 30 мая фюрер приказал о том, чтобы штаб руководства войной на море установил, запросив Рим, были ли верными бразильские доклады о военных действиях против подводных лодок Оси. Запрос штаба руководства войной на море показывает, что итальянские подводные лодки были атакованы 22 и 26 мая в северо-восточном углу Бразилии самолётами, которые несомненно вылетели с бразильской воздушной базы. Более того, штаб руководства войной на море передаёт текст официального коммюнике бразильского министерства авиации о борьбе и предлагает направить для действий рядом с основными бразильскими гаванями в течение периода с 3-8 августа 10 подводных лодок выходящих с 22 июня по 4 июля из портов в западной Франции, вместе с танкером Ю-460[168]. Приказ на исполнение должен быть отдан к 15 июня как крайнему сроку. После такого доклада главкома флота фюреру в Бергхофе в полдень 15 июня, фюрер согласился с намерениями штаба

[166] В целом (лат.)
[167] Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник министерства иностранных дел Германии. В 1940—1945 годах являлся офицером связи министерства при Верховном командовании Вермахта.
[168] Ю-460 - подводная лодка снабжения военно-морского флота Германии. Спущена на воду в 1941, потоплена в 1943.

руководства войной на море, однако приказал о том, что до принятия, какого-либо окончательного решения, политическую обстановку снова должно изучить министерство иностранных дел».

Мне кажется этим доказано, что мы были достаточно осмотрительны и я далее ссылаюсь на экземпляр номер Рёдер-116, который я хочу настоящим предъявить, в той же документальной книге, страница 503, который выдержка из журнала боевых действий. Под датой 6 июня есть запись, которая заявляет, что развитие зашло столь далеко, что:

«…латентное состояние войны уже практически существует, (Бразилия полностью на стороне США; самый тяжкий урон всем немецким интересам; отдельные надлежащим образом не освещенные бразильские пароходы потоплены подводными лодками; усиление агитации в Бразилии; Бразильцы заявляют что уже потопили германскую подводную лодку при патрулировании побережья)».

И далее выдержка из журнала боевых действий, экземпляр Рёдер-117, которую я хочу настоящим предъявить, находящуюся в той же самой документальной книге, страница 509. Я прошу высокий трибунал принять уведомление об этом документе и его содержании и я подробно ссылаюсь только на цифры 3 и 4. Под цифрой 3 написано:

«Когда бразильские корабли начали наносить на себя маскировочную окраску и вооружаться, был отдан приказ от 15 мая 1942 использовать вооружение при опознании вооруженного южноамериканца».

И под цифрой 4 сказано:

«На основании того факта, что субмарины Оси были атакованы судами вдоль бразильского побережья и того, что бразильское министерство авиации официально уведомило, что атаки произведены бразильскими воздушными силами, 29 мая 1942 штаб руководства войной на море, в документе 12938/42, совершенно секретно, запросил у оперативного штаба вооруженных сил разрешения использовать вооружения против бразильских военных сил и торговых судов».

Я также предъявляю экземпляр номер Рёдер-118, документальная книга 6, страница 510. Я прошу высокий трибунал принять уведомление об этом документе. Я не желаю его цитировать, поскольку о фактах мы уже слышали. Мне кажется, что цифра 4 из документа 117, который я сейчас прочитал, полностью вносит ясность в вопрос и опровергает всякое обвинение против флота.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, вы имеете какое-нибудь отношение к этим выдержкам из журнала боевых действий?

Рёдер: Нет, мне нечего добавить. Это совершенно ясно.

Симерс: Адмирал, могу я теперь попросить вас описать высокому трибуналу – и на этом я перехожу к завершению своего допроса – как получилось, что вы ушли в

отставку в январе 1943?

Уважаемый суд, мы должны сначала прерваться?

Председатель: Это зависит от того надеетесь ли вы завершить за несколько минут. Если вы надеетесь завершить за несколько минут, мы будем заседать, для того, чтобы вы могли завершить свой допрос.

Симерс: Мне кажется, вероятно, это займет 10 минут.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Симерс: [*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, опишите, как получилось, что вы ушли в отставку в январе 1943, но сначала я хочу задать вам ещё один вопрос: вы когда-либо до этого, думали об отставке?

Рёдер: Я хочу кратко сказать, что по нескольким поводам до войны, я просил фюрера освободить меня с поста, или я представлял ему ультиматум. Я хочу кратко привести два случая в качестве примеров. В ноябре 1938 в присутствии генерала Кейтеля я делал доклад о типах кораблей и наших планах о том, какие корабли следует развивать в дальнейшем. По этому поводу фюрер, в манере не терпевшей объяснений, начал атаковать все, что мы построили и что строилось, включая планы по «Bismarck», и объявлять их ошибочными. Позднее я выяснил, что подобные вещи происходили всякий раз с какими-то людьми в его окружении, которые зная очень мало о таких вещах, приводили ему своё мнение, что он всегда следил за этим, наверное хотел – как я себе говорил позднее – проверить, были ли правильными вещи о которых ему говорили.

Однако, это дело было настолько крайним, что я ничего не смог сделать, но просто собрал свои планы, положил их в свою папку, и вышел из кабинета. Присутствовал Генерал Кейтель. Фюрер последовал со мной до двери, просил меня снова войти, смягчил свои обвинения, и попросил меня не уходить в отставку ни при каких обстоятельствах.

Второй случай был чисто личным, но довольно типичным. Его военно-морской адъютант, который был только что назначен, хотел жениться на молодой девушке, у которой была очень сомнительная репутация в университете Киля. Я сказал ему, что я никогда не согласую брак. Фюрер пригласил к себе девушку и решил, что против брака ничего не имеется, я покинул Бергхоф и через штабного офицера отправил фюреру письмо, в котором я сказал, что я откажу в своём согласии, что офицер не останется во флоте если женится, или же я не останусь. Я попросил офицера, который действовал как мой курьер доставить мне ответ, поскольку я хотел сразу получить решение. Фюрер заставил офицера ждать 2 дня в Бергхофе и затем отправил его обратно ко мне с письмом говорившем:

> «Очень хорошо, офицер не может жениться и остаться во флоте и не будет использован в качестве военно-морского адъютанта, кого-нибудь другого поставят на его место. Он станет своего рода руководителем в моём национал-социалистическом

механизированном корпусе[169] и тогда будет служить в качестве одного из моих партийных адъютантов».

Это было так типично для фюрера, что в определенной степени, он хотел видеть исполнение своей воли, но этот человек ушёл из флота, и в данном случае я заставил почувствовать свои убеждения. В таких обстоятельствах я заявил, что готов продолжать служить. Это было начало 1939, однако в течение весны, я снова запросил, не могут ли меня освободить от должности, поскольку я прослужил много лет во флоте и я не был уверен, что я способен дальше поддерживать достоинство на должности. Вероятно я предлагал ему в октябре 1939, что я должен оставить пост. Фюрер тогда отказал, и 1 октября мы были в войне, и во время войны я не верил, что я могу оставить флот при каких-либо обстоятельствах до тех пор пока было очень тревожно, в особенности поскольку я считал себя полностью ответственным за все приготовления и подготовку флота. В ходе войны наше сотрудничество, которое до той поры, помимо таких инцидентов, было достаточно близким по духу, поскольку фюрер всегда прилагал усилия выказывая мне уважение, с развитием войны наша связь постепенно стала более натянутой. Фюрер стал более нервным, когда я делал доклады, вспыхивал в ярости, когда были расхождения во мнениях или если были какие-то инциденты, как например, технический дефект или плохие качества корабля. Снова и снова происходило, что его окружение влияло на него до того, как я мог действительно объяснить ему вопросы, и впоследствии меня вызывали для разъяснения ему этих вопросов. Таким образом, возникали неприятные сцены которые изнуряли меня.

Один пункт, в котором фюрер было особо чувствительным были крупные корабли. Он всегда волновался, когда наши крупные корабли были в открытом море и проводили рейды против судоходства. Потерю корабля, такого как «Graf Spee» или позднее «Bismarck», он считал огромной утратой престижа, таким образом подобные вещи, сильно его волновали. Так шло до конца 1942. Затем настало – и это в особенности впечатлило меня – моё поражение в консультациях с фюрером по вопросу касательно Норвегии, Франции и прежде всего России. В окончательном анализе он всегда больше прислушивался к людям партии, таким как, например Тербовен, чем к старому офицеру. Это привело к ситуации, которую нельзя было терпеть долгое время. Одна из основных характеристик фюрера заключалась в огромной подозрительности ко всем и каждому, в особенности направленная на старых офицеров, которые пришли из старого Вермахта и о которых он всегда предполагал – несмотря на все благие намерения – что в своих сердцах они не разделяют тех чувств, которых он от них требовал. Особенно к многим конфликтам с ним привел меня случай с Россией, что сильно повлияло на наши отношения. На самом деле, человек, который составил все эти журналы боевых действий и

[169] Национал-социалистический механизированный корпус (НСМК, НСКК), нем. Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps (NSKK) — полувоенная организация в составе НСДАП.

стенограммы, адмирал Ассман по одному поводу суммировал вывод о таких дискуссиях словами: «Следовательно, главнокомандующий флотом в полной оппозиции к фюреру данном вопросе».

В конце 1942, сразу после того как мне пришлось положить конец всему норвежскому вопросу, случился инцидент, который привел к концу. Должна была быть атака на конвой, который шёл в Мурманск или Архангельск из Англии. Это был декабрь, время, когда северные регионы только на 1 или 2 часа освещены и поэтому нет благоприятной погоды для борьбы крупных кораблей, против большого числа эсминцев. Корабли вместе с эсминцами, начали свой поход и достигли конвоя пока ещё было светло. Но поскольку дневной свет исчез и настала темнота и поскольку конвой охраняло много эсминцев, адмирал посчитал подходящим отозвать большие корабли из битвы. Это было единственно верное решение, так как он мог потерять их всех в результате торпедной атаки. Данный факт, и второй факт, что, к сожалению, радиосвязь между этим адмиралом и штабом руководства войной на море была сложной и временами полностью прерывалась статическими помехами, заставили фюрера чрезвычайно волноваться в своей ставке, где я докладывал ему обо всём, что выяснил сам. Целый ушел на запросы туда и обратно, и даже к вечеру я не мог представить ему ясную картину. Это его крайне волновало. Через адмирала Кранке он передавал мне разного рода оскорбления и требовал немедленного доклада и я мог понять, что возникло очень серьезное трение. Я сделал так, чтобы мне нужно было ему докладывать 6 дней до 6 января, для того, что атмосфера могла немного остыть. 6 января я смог идти к нему с полным докладом и вечером, на обсуждении на котором также присутствовал фельдмаршал Кейтель, он произнес речь часовой длительности в которой он сделал пренебрежительные замечания обо всём, что делалось во флоте до сих пор, прямо противореча всем суждениям передаваемым во флот до сих пор. Из этого я понял, что он был готов к разрыву.

Я лично был твердо готов ухватиться за эту возможность для отставки, так как в особенности стало яснее чем когда-либо, что война стала чисто войной подводных лодок, и я мог поэтому почувствовать, что я с чистой совестью могу уйти в этот момент.

После завершения фюрером речи, я попросил поговорить с ним наедине. Фельдмаршал Кейтель и стенографисты ушли и я сказал ему, что я просил своей отставки, так как я мог понять из его слов, что он был полностью неудовлетворён мной и это был подходящий момент уйти. Как всегда он попытался поначалу переубедить меня, но я остался непреклонным и сказал ему, что должен быть назначен новый главнокомандующий флотом который имел бы полную ответственность. Он сказал, что для него было бы тяжким бременем если бы я ушёл, поскольку в одном случае ситуация была самой критической – Сталинград был неминуем – и во-вторых, поскольку его уже обвиняли в увольнении многих

генералов. В глазах внешнего мира это бы его уличило, если бы я ушел в тот момент. Я сказал ему, что я сделаю всё, что смогу, чтобы предотвратить подобное. Если он хотел создать видимость, по части внешнего мира, что я не ушел в отставку из-за стычки, тогда он мог сделать меня генеральным инспектором с какого-то рода номинальным титулом, который бы создал впечатление, что я всё ещё был во флоте и что моё имя ещё связано с флотом. Это сразу на него подействовало и я сказал ему 6 января, что я хочу уйти 30 января. Таким образом, я завершал 10 лет службы при нём главнокомандующим флотом. Он согласился с таким предложением и попросил меня предложить двоих преемников, чтобы он мог сделать выбор.

30 января он лично уволил меня, назначив меня адмирал-инспектором флота. Он сказал, что по случаю спросит моего совета, но этого никогда не происходило. Меня просто дважды направляли, раз в Болгарию, на похороны короля Болгарии и однажды в Венгрию, к венгерскому регенту Хорти[170], чтобы вручить ему подарок от фюрера.

Симерс: Адмирал, иным образом вы не выполняли никаких задач в качестве адмирал-инспектора?

Рёдер: У меня не были функций и я не получал никаких приказов.

Симерс: Тогда мой последний вопрос: у вас сложилось впечатление, по поводу вашего разговора 6 января 1943 с Гитлером, что он был рад избавиться от вас в виду многих разногласий во мнениях и факте, что вы часто перечили ему по техническим военно-морским и политическим вопросам касательно Норвегии, Франции, России?

Рёдер: Мне кажется, что тогда он хотел избавиться от меня, так как я определенно был неудобным для него. Тот единственный случай, который я описал, где я поступил в конце по своему, он никогда не забывал.

Симерс: Большое вам спасибо.

На этом завершается мой допрос адмирала Рёдера.

Председатель: Трибунал сегодня заседает до половины второго. Сейчас будет перерыв на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых хочет задать вопросы?

Кранцбюлер: Адмирал, вы вспоминаете меморандум штаба руководства войной на море от 15 октября касательно возможностей интенсификации экономической войны. Это в документальной книге британской делегации, номер 10, на страницах 96 и 97 английского текста. Адмирал Вагнер давал об этом показания. Вы можете, что-нибудь добавить к заявлению касательно цели и смысла меморандума?

Рёдер: Поскольку война против Англии стала для нас полной неожиданностью, до

[170] Миклош Хорти (1868 — 1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.

тех пор мы очень мало занимались подробностями вопросов подводной войны. Помимо прочего мы даже не обсуждали вопрос так называемой неограниченной подводной войны, которая сыграла такую важную роль в предыдущей войне. И из этого факта выяснилось, что 3 сентября тот офицер, которого недавно упоминали, был направлен в министерство иностранных дел с какими-то положениями для дискуссии о вопросе неограниченной подводной войны, чтобы мы могли внести ясность в вопрос с министерством иностранных дел о том насколько далеко мы можем зайти. И это документ который недавно играл здесь роль, D-851, GB-451, от 3 ноября.

Кранцбюлер: Вы имеете в виду 3 сентября.

Рёдер: Да, 3 сентября. Он затрагивает все эти вопросы. Затем состоялись дискуссии с министерством иностранных дел и в высшем командовании флота был разработан меморандум о подводных лодках упомянутый вами, и издан 15 октября. Мне кажется, что 15 октября я представил его фюреру, который принципиально согласовал содержание. Но сам факт, что меморандум о подводной войне касательно возможностей интенсификации подводной войны был принят только 15 октября показывает насколько мало мы были готовы к такой возможности.

В начале этот меморандум содержит ту фразу, которую цитировало обвинение касательно нашей позиции в отношении международного права, где сделана ссылка на высшую этику войны, приверженность международному праву и желание всячески обосновывать все военные меры существующими законами. Но если это было невозможно или когда в результате отклонения можно было достигнуть решающих военных результатов, и мы могли взять ответственность за такое отклонение, тогда в случае необходимости мы должны были отступать от существующего международного права. Это также означает, что нужно было разрабатывать новое международное право.

Однако, весь меморандум представляет просто постоянный поиск возможностей по ведению подводной войны с минимальным ущербом для нейтралов и величайшую приверженность международному праву, таким образом, чтобы она могла стать решающим фактором в исходе войны.

Обсуждались различные варианты о том, как можно добиться интенсификации, но это всегда был вопрос поиска контрмер против вражеских мер. Такие возможности как блокада или новая концепция осады Англии подводной войной изучались со всех сторон, но проект всегда говорит в заключении, что в виду количества субмарин и других сомнений пока невозможно проводить такие операции.

И окончательный результат всего меморандума, как изложено в этом документе, находится на двух последних страницах. К сожалению у меня есть только немецкая копия где под последним параграфом D окончательное мнение, следующие фразы, которые я хочу процитировать, достойны внимания…

Председатель: Где отрывок?

Кранцбюлер: На страницах 99 и 100 в документальной книге 10, GB-224.

Господин председатель, ещё один пример из этого же документа уже упоминали и он в документальной книге Дёница 3, на страницах 199-203, но мне не кажется, что есть необходимость ссылаться на это, потому что свидетель прочитает лишь одну или две фразы.

Рёдер: [*Продолжая*] Итак, последний параграф «Выводы» гласит:

> «1) Способ которым до сих пор вели экономическую войну, в соответствии с призовыми правилами[171], не согласуется с военными требованиями беспощадной жестокости.
>
> Не охвачена большая часть вражеской торговли товарами включая весь экспорт на нейтральных судах.
>
> Требования морского права о том, что нейтральные торговые суда будут останавливать и обыскивать больше нельзя выполнить, в виду силы воздушной разведки и противолодочных мер во вражеских прибрежных подходах. Таким образом экономическая война в соответствии с призовыми правилами должна быть ограничена, и в Северном море и на Балтике должна быть сохранена только для надводных кораблей. В Атлантике подводные лодки во вражеских прибрежных водах ограничат свою деятельность атаками без предупреждения на конвои, военные транспорты и как только будет одобрено, вооруженными и всеми вражескими торговцами и будут вести экономическую войну согласно призовому праву только в исключительных случаях. Использование оперативных воздушных сил в экономической войне невозможно. Экономическая война идёт в рамках международного права. Возможность споров с нейтральными государствами исключена».
>
> Затем ещё одна фраза:
>
> «Если верховное военное командование по политическим причинам сейчас не сможет решить о ведении экономической войны, в самой возможной ожесточенной форме обратившись к осаде, будет возможно увеличить эффективность политики прекращением вражеской торговли с помощью безжалостного увеличения использования мин и воздушными атаками на вражеские портовые сооружения. Однако, нельзя, ожидать решающего результата от экономической войны в нынешней форме». (Документ С-157, экземпляр GB-224)

---

[171] Призовое право — отрасль права, регулировавшая отношения по поводу частного имущества, при известных обстоятельствах захваченного воюющими на море или в пресных водах (корабль и его груз). Призом называлось как это имущество, так и сам акт («захват»). К началу Второй мировой войны практически не применялось на практике.

Кранцбюлер: Непосредственным результатом этого меморандума и вашего доклада фюреру был приказ от 17 октября?

Рёдер: Да, и этим предусматривалось: во-первых, что всех вражеских торговцев можно было торпедировать, и во-вторых, как самая суровая мера, что пассажирские суда в конвоях могли торпедировать спустя короткое время после объявления о таком намерении. Всё это делалось в связи с интенсификацией, мера за мерой, которые мы приводили в ответ на отдельные акты противника.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, этот длинный отрывок, который подсудимый только что прочитал, если его ещё не приобщили в качестве доказательства, должен быть приобщён вами. Я понимаю, что сейчас он не представлен в качестве доказательства.

Максвелл-Файф: Милорд, я могу помочь. Я воспользуюсь документом, и я приобщу его.

Председатель: Он представлен в качестве доказательства?

Максвелл-Файф: Только его часть, не та часть, на которую ссылался подсудимый. Но в виду этого я сошлюсь на него позднее.

Председатель: Очень хорошо.

Кранцбюлер: Адмирал, вы упоминали, что до 1935 велись определенные подготовительные работы по созданию германского подводного вооружения. Адмирал Дёниц каким-либо образом участвовал в этих приготовлениях?

Рёдер: Вообще никак. Как уже говорили, он был за рубежом в течение последнего года, но даже до этого он не имел к этому никакого отношения.

Кранцбюлер: Вы сообщили о вашем увольнении в качестве главнокомандующего флотом. Будьте любезны рассказать мне как получилось, что адмирал Дёниц стал вашим преемником?

Рёдер: Фюрер приказал, чтобы я предложил двух адмиралов в качестве преемников. Я в письменном виде первым предложил, как старшего…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, к чему это? Я имею в виду как относится к тому о чём нам нужно решить, то, как адмирал Дёниц стал главой флота?

Кранцбюлер: Господин председатель, это существенно, в виду утверждения обвинения, что адмирал Дёниц, стал преемником адмирала Рёдера на основании политических отношений или оказанных услуг.

Председатель: Хорошо.

Кранцбюлер: Адмирал, пожалуйста, продолжайте.

Рёдер: Я буду очень краток. Первым я предложил адмирала Карльса, который был старшим и имел широкие сведения обо всём ведении военно-морской политики. На случай если фюрер хотел провозгласить, что теперь он ставит подводную войну на первый план я предложил адмирала Дёница, который был величайшим авторитетом в этой области. Никакие политические соображения вообще не упоминались, это было чисто официальное, техническое назначение.

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов.

Нельте: Господин председатель, трибунал в своём письме от 26 марта, дал согласие, чтобы письменные показания были представлены со-подсудимым Рёдером для подсудимого Кейтеля, предусмотрев возможность обвинению опросить адмирала Рёдера о его заявлениях в перекрестном допросе.

Я направил письменные показания обвинению и обвинение не заявило никаких возражений. Я прошу разрешения предъявить эти письменные показания, которые касаются функций и положения подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ, в качестве экземпляра номер Кейтель-19, после подтверждения адмиралом Рёдером подписи этих письменных показаний и согласия на их предъявление.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, вы ознакомились с вопросами, которые я вам поставил, и на которые вы, после совещания со своим защитником ответили и подписали 19 марта?

Рёдер: Те что о положении фельдмаршала Кейтеля в ОКВ?

Нельте: Да.

Рёдер: Я полностью с ними знаком.

Нельте: Тогда, могу я предъявить письменные показания? Обвинение имеет их копию.

У меня есть несколько вопросов для адмирала Рёдера, ответы на которые можно сильно упростить с разрешения суда. Это те же самые вопросы, которые 9 мая, неделю назад, я поставил адмиралу Дёницу и которые ссылаются на утверждение свидетеля, доктора Гизевиуса[172] об огромном влиянии Кейтеля и круге молчания который Кейтель создал вокруг Гитлера. С разрешения трибунала я просто хочу спросить свидетеля, адмирала Рёдера, подтверждает ли он также как верное для периода до 1943 – то есть периода в течение которого Рёдер был главнокомандующим флотом – ответы на мои вопросы данные адмиралом Дёницем в присутствии Рёдера. Я прошу решения трибунала могу ли я поставить этот основной вопрос с целью сэкономить время.

Председатель: Да, разумеется.

Нельте: Вы слышали сказанное мной, и я спрашиваю вас, вы можете подтвердить ответы данные 9 мая адмиралом Дёницем на мои вопросы также для периода до 1943?

Рёдер: Да, могу.

Нельте: Итак, у меня есть один заключительный вопрос. Во время ваших показаний рассматривался документ L-79, папка «малый Шмундт». Вы возразили этому документу как неточному и не имеющему никакой доказательственной ценности?

Рёдер: Да.

Нельте: Доктор Симерс тогда цитировал часть этого документа, который

---

[172] Ханс Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.

обвинение, при предъявлении документа не читало. В этой части документа, где упоминается исследовательский штаб в ОКВ.

Рёдер: Да.

Нельте: Теперь я прошу вас сказать мне, был ли на самом деле такой исследовательский штаб создан в ОКВ.

Рёдер: По моим сведениям нет. Работа проводилась в оперативном штабе вооруженных сил, в котором были офицеры представлявшие три рода войск.

Нельте: Таким образом не было никакого изменения в виду задач и разделения компетенции?

Рёдер: Нет, точно нет.

Нельте: Это также касается вопроса разработки стратегических и оперативных вопросов между ОКВ и оперативным штабом вооруженных сил с одной стороны и генеральными штабами родов войск, включая штаб руководства войной на море, с другой?

Рёдер: Что касалось штаба руководства войной на море, да, никаких изменений не было.

Нельте: И что касалось остальных родов войска, вам неизвестно об изменениях или…?

Рёдер: Этого я не могу сказать. Мне об этом неизвестно.

Нельте: Фельдмаршал фон Браухич и Гальдер[173] об этом свидетельствовали.

Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Доктор Нельте, эти письменные показания на которые вы сослались содержатся в вашей документальной книге?

Нельте: Нет, ещё нет. Это будет номер Кейтель-19.

Председатель: Да. Вы обеспечите перевод для трибунала?

Нельте: Да.

Латернзер: Адмирал, вы являетесь старшим членом группы генерального штаба и ОКВ, и вы принадлежали к этой так называемой группе долгое время?

Рёдер: Да.

Латернзер: Каким образом вы стали членом этой так называемой группы?

Рёдер: Я был назначен начальником штаба морского командования рейхспрезидентом, фельдмаршалом фон Гинденбургом. Я не вступал в эту группу сделав так, скорее я стал начальником флота. Нельзя было знать о какой-либо группе.

Латернзер: Вступление и пребывание в этой группе как утверждает обвинение было добровольным. Была вообще какая-нибудь возможность для военного руководства обращаться за вакансиями?

Рёдер: Нет, ничего такого не было.

---

[173] Франц Гальдер (1884 —1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник Генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

Латернзер: Другими словами, военные качества были решающим фактором?
Рёдер: Это был военный приказ. Вопроса добровольности не было.
Латернзер: Вам были известны различные члены группы в то время, когда вы к ней принадлежали?
Рёдер: Нет, я точно не знал всех отдельных людей в других родах войск. Конечно, я знал многих.
Латернзер: В рамках чисто военного руководства были когда-либо совещания о плане, задача которого заключалась в начале агрессивных войн.
Рёдер: Нет, не было ни одного такого совещания. Здесь часто упоминали то как возникли разные предприятия – политическое решение фюрера, директива изданная им, и затем разработка окончательного приказа.
Латернзер: Адмирал, я не имею в виду этим вопросом встречи, которые проводились под руководством Гитлера. Я имею в виду встречи чисто военных офицеров.
Рёдер: Вы имеете в виду внутри различных родов войск?
Латернзер: Да, внутри различных родов войск.
Рёдер: Конечно, внутри штаба руководства войной на море были встречи по различным вопросам, но не об агрессивных войнах.
Латернзер: Да, мои вопросы ссылались только на это. Обвинение далее утверждает, что эта обвиняемая группа сначала была создана национал-социалистическим режимом. Это верно?
Рёдер: Никоим образом. Группы вообще не было, но организация была такой как здесь часто описывали.
Латернзер: И такой, которая всегда существует во всех армиях мира?
Рёдер: Да, как она всегда существовала.
Латернзер: Далее обвинение утверждает, что после захвата Гитлером власти, высшие военные руководители также имели выбор или сотрудничать или принять следствие, что новый режим создаст новые вооруженные силы, то есть собственные вооруженные силы, и что руководствуясь такой ситуацией генералы решили сотрудничать. Такое утверждение обвинения верное?
Рёдер: Нет. Это неправда, что потом состоялось какое-то объединение сил. Я знаю, что такие тенденции существовали. Например, однажды в 1934 я сообщил фюреру, что меня проинформировал группенфюрер СА Киллингер[174], который ранее был во флоте и выдвинулся в СА, имел намерение стать начальником штаба руководства войной на море. Но я не был осведомлен о каких-либо дальнейших усилиях. Но прежде всего, не было никакой коалиции генералов для обороны от таких намерений.
Латернзер: Значит утверждение сделанное обвинением неверное?

[174] Манфред Киллингер (1886 – 1944) – немецкий партийный и государственный деятель. С 1936 на дипломатической службе.

Рёдер: Нет, неверное. Это никак не было бы методом который бы соответствовал солдатским чувствам, что такая коалиция формировалась, чтобы что-то предотвратить.

Латернзер: Далее обвинение утверждает, что группа, прежде всего генералы, позволили склонить себя к режиму, потому что существовал шанс на завоевание. Это утверждение верное?

Рёдер: Это абсолютно неправильное и надуманное утверждение.

Латернзер: Усилия партии получить верховную власть когда-либо поддерживались или поощрялись военными?

Рёдер: Мне неизвестно, чтобы такое когда-нибудь происходило. Вы имеете в виду захват власти?

Латернзер: После захвата власти партию в её усилиях получить полное доминирование в Германии поддерживало военное руководство, насколько вам известно?

Рёдер: Нет.

Латернзер: Вчера, отвечая на вопрос вашего защитника, вы описали то как вы присягали Гитлеру. Если бы такая мысль могла возникнуть у одного из главнокомандующих, он бы мог отказаться от присяги?

Рёдер: Это я не могу сказать, но мне кажется, что никто из нас не видел никакой необходимости отказываться от присяги.

Латернзер: Обвинение далее утверждает, что высшие военные начальники полностью соглашались с принципами и целями национал-социализма. Это верно?

Рёдер: Я вчера здесь объяснял, насколько можно было соглашаться с принципами национал-социализма и в какой степени можно готовить солдат согласно этим принципам. Все остальное во флоте отвергали. Здесь я могу говорить только о флоте.

Латернзер: Офицеры, которые подчинялись вам и которые были в группе, когда-либо вникали в политическую ситуацию и намерения Гитлера, чтобы можно было говорить об участии или членстве в плане?

Рёдер: Нет. Был абсолютный запрет говорить с кем-то о речах в которых Гитлер упоминал намерения и возможное развитие. Нижестоящих командиров вооружённых сил информировали только, когда дело доходило до того, что нужно было издать директиву.

Латернзер: Далее обвинение утверждает…

Рёдер: Я должен это уточнить. Эта директива сначала разрабатывалась высшим командованием армии и флота. Таким образом, они получали информацию, как только отдавалась директива отдельным родам войск и это всегда было немного позже.

Латернзер: Обвинение также утверждает, что высшее военное руководство не являлось военными экспертами, но что они знали о намерениях Гитлера об агрессии

и стремились сотрудничать. Вы можете назвать каких-либо военных руководителей, которые до получения ими приказа, занимали позитивное отношение к какой-либо агрессивной акции?

Рёдер: Я не могу на это ответить. Я вчера объяснял, как адмирал Карльс отмечал мне неминуемую опасность в Норвегии, но он не сделал ничего больше чем, отметив опасность, и описав там ситуацию.

Латернзер: Отношение бывшего главнокомандующего вооруженными силами фон Фрича, и начальника генерального штаба Бека к вопросу войны известны. Я лишь хотел спросить вас, главнокомандующий армией, фельдмаршал фон Браухич, имел такое же отношение к войне?

Рёдер: Мне кажется, да.

Латернзер: Относительно совещания 5 ноября 1937, вчера вы уже сделали подробные заявления. Я хочу…

Председатель: Доктор Латернзер, вы ставите такой класс вопросов каждому морскому и военному свидетелю которого вызывают, и трибунал желает, чтобы я заметил вам, что не было никакого перекрестного допроса никаким членом обвинения оспаривающего эти пункты, а значит это доказательство совершенно повторяющееся и кумулятивное и не обязывает вас предъявлять это каждому военному и морскому свидетелю который даёт показания, и это просто трата времени трибунала. Когда на вопросы отвечает свидетель, и они не проходят перекрестный допрос другой стороной, практика подразумевает, что ответы приняли.

Латернзер: Господин председатель, для меня это крайне важный вопрос, который только что затронули, а именно, вопрос о недопустимости вопроса при мнении суда о его кумулятивности. Я хочу сделать несколько заявлений касательно того кумулятивен вопрос или нет.

Председатель: Доктор Латерзнер, конечно, вы можете понять, что трибунал вам сказал, что теперь желательно, в виду указаний устава, что данный процесс должен быть как можно более разумно скорым, и он не желает снова и снова проходить одни и те же доказательства. Это не ясно?

Латернзер: Господин председатель, если я могу полагать, что трибунал принимает за правду эти доказательства, которые я хочу донести посредством своего вопроса, тогда я, конечно могу опустить эти вопросы. Но я не могу определиться с этим до тех пор, пока не знаю, получилось ли у меня донести точные доказательства…

Председатель: То, что я хотел вам заметить, это то, что вы задавали тот же самый вопрос большому числу свидетелей и что эти вопросы не проходили перекрестный допрос и при таких обстоятельствах вы можете полагать, что ответы данные свидетелями приняты.

Латернзер: Если я вправе сделать такой вывод, тогда в будущем конечно я сниму вопросы. Господин председатель, у меня есть ещё несколько вопросов.

[*Обращаясь к подсудимому*] В поддержку обвинительного заключения о группе генерального штаба и ОКВ обвинением были представлены два письменных показания, одно фельдмаршала фон Бломберга и одно генерал-полковника Бласковица[175]. В этих двух письменных показаниях оба генерала заявляют, что в целом до войны, внутри кругов генералитета, существовало мнение, что вопрос коридора должен быть, безусловно решен, и если необходимо силой. Мнение высказанное двумя генералами правильное. В то время это было общее отношение?

Рёдер: Я никогда не слышал такое мнение. В моём присутствии генерал фон Бломберг никогда не делал подобное заявление. Польский вопрос обсуждался нами во флоте только в степени уже упоминавшейся здесь в течение последних нескольких дней, а именно, что нападение Германии на Польшу нужно предотвратить при любых обстоятельствах. Политическое обращение с вопросом…

Председатель: Подсудимый сказал, что он никогда не слышал о таком предложении.

Латернзер: По этой причине я поставил вопрос свидетелю.

Рёдер: После 1933 политическими вопросами руководил и решал исключительно Гитлер, и он говорил, что он делает всю политику.

Латернзер: Следовательно, правильно, что указанное мнение Бломберга и Бласковица не относится к генералитету?

Рёдер: Что же, в любом случае, я никогда не слышал этого от генералов. Такого не было во флоте.

Латернзер: Вы присутствовали на совещаниях от 23 ноября 1939?

Рёдер: Да.

Латернзер: Я хочу поставить вам один дополнительный вопрос касательно этих совещаний. Адмирал, вы помните, что в ходе этих совещаний Гитлер упрекал генералов за старомодные идеи рыцарства и что эти идеи нужно было отвергнуть?

Рёдер: Этого я не могу точно сказать. Мне кажется, что я могу вспомнить, что однажды слышал, что говорили, что Гитлер так считал.

Латернзер: Итак, у меня есть последний вопрос, касательно документа, который ваша защита уже предъявила вам в ходе вашего допроса. Это документ С-66 представленный британской делегацией как GB-81. Это в документальной книге 10, на странице 13, или 10а, страница 35. На странице 5, в последнем абзаце этой страницы, вы сказали следующее и я цитирую:

> «Из моих заявлений и планов можно понять, что фюрер определился с четким завершением восточной кампании к осени 1941, в то время как высшее командование армии (генеральный штаб) было очень скептически настроено».

Адмирал, я хотел спросить вас, в чём заключался скептицизм?

[175] Йоханнес Бласковиц (1883 — 1948) — германский военачальник, генерал-полковник. В апреле 1945 года — главнокомандующий войсками в Голландии.

Рёдер: Насколько мне известно, высшее командование армии считало, что было невозможно завершить такую огромную кампанию за короткое время; и многие другие разделяли это мнение, в то время как фюрер верил в то, что ввиду новых вооружений и его стратегии он мог завершить эту кампанию очень быстро.

Латернзер: Вам что-либо известно о том, были ли у высшего командования армии какие-либо фундаментальные возражения перед началом русской кампании?

Рёдер: Насколько мне известно, главнокомандующий армией сильно был против неё, но об этом тоже я не могу сказать точно.

Латернзер: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Краус: Адмирал, в ходе слушаний мне кажется, давались показания, со-подсудимым Герингом, что фельдмаршал фон Гинденбург прямо желал, чтобы господин фон Нейрат стал министром иностранных дел. Вам об этом, что-нибудь известно?

Рёдер: Я узнал тогда же, что Гинденбург выразил это пожелание, и я обратил на это внимание, потому что фельдмаршал фон Гинденург до этого времени всегда просто считал своей привилегией в правительстве Рейха назначение министра обороны и начальников штабов армии и флота. Это был первый раз, что он выразил такое желание в случае с министром иностранных дел.

Краус: Таким образом это не было практикой фельдмаршала вносить какие-либо предложения относительно назначения министров?

Рёдер: Нет. Он просто действовал по своей воле назначая министра обороны, даже в предыдущих социал-демократических, демократических и остальных кабинетах.

Краус: Что могло быть причиной для фельдмаршала фон Гинденбурга сделать исключение в случае с Нейратом?

Рёдер: Он, наверное, хотел убедиться в том, что при всех обстоятельствах мирная политика, которая преобладала в Германии до того времени будет продолжаться. Он был уверен, что господин фон Нейрат продолжит политику в том же самом направлении.

Краус: Значит, он имел особое доверие к отношению господина фон Нейрата в то время?

Рёдер: Да, несомненно.

Краус: Вы очень хорошо знали фон Нейрата, и вы были проинформированы о его политических принципах, не так ли? В чём заключалась основные черты его политики?

Рёдер: Господин фон Нейрат хотел видеть постепенное возвращение немецкого народа к нормальным условиям, и он хотел достичь мирными средствами равных прав для Германского Рейха. Прежде всего, он хотел хороших отношений с Англией, что также соответствовало намерениям Гинденбурга, и в этом положении мы оба полностью соглашались.

Краус: Значит можно сказать, что вы считали фон Нейрата представителем

политики взаимопонимания с Англией и мирной политики компромисса.

Рёдер: Да.

Краус: Адмирал, тогда я имею к вам второй вопрос. Фриц Видеман[176], который был адъютантом Гитлера с 1935 по 1939, представил письменные показания. Обвинение представило эти письменные показания как PS-3037. В этих письменных показаниях господин Видеман заявляет, что 28 мая 1938 в зимнем саду рейхсканцелярии состоялось совещание с присутствием всех важных людей из министерства иностранных дел армии, оперативных штабов, встреча была настолько крупной, что все эти люди поместились в зимнем саду.

И здесь он говорит, в дополнение к Герингу, генералу Беку, генералу Кейтелю и фон Браухичу, там также присутствовал фон Нейрат, фон Риббентроп и вы.

На этой встрече Гитлер говорил помимо прочего о Чехословакии и заявлял, что его непоколебимым намерением было, чтобы Чехословакия исчезла с карты. Вам, что-либо известно об этой встрече?

Рёдер: При том, что я могу вспомнить каждую крупную или более важную встречу, у меня нет ни малейшего воспоминания об этой встрече в то время. Список присутствовавших тоже выглядит непривычным. Я никогда не видел господина фон Нейрата и господина фон Риббентропа вместе на одной встрече. Я также сомневаюсь был ли тогда господин фон Нейрат вообще в Берлине. Но я также не помню никакой встречи на которой фон Риббентроп присутствовал в качестве министра иностранных дел, когда обсуждались военные вопросы. Я думаю, этот господин Видеман ошибся, потому что мне кажется, что я никогда не видел его на встрече на которой предположительно обсуждались такие дела. Фюрер всегда заранее выпроваживал своего адъютанта из комнаты. Мне кажется, есть какая-то ошибка.

Краус: Вы, несомненно, бы запомнили такое важное заявление фюрера.

Рёдер: Да. В течение того лета мнения фюрера сильно колебались. Мне кажется, в конце мая в Чехословакии проходила мобилизация или нечто подобное – я не помню точно, что. Но насколько мне известно я не присутствовал на встрече, на которой делали такое заявление.

Краус: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-либо из защитников подсудимых желает задать какие-нибудь вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Сэр Дэвид, кажется неуместным начинать перекрестный допрос.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, я полностью согласен.

---

[176] Фриц Видеман (1891 — 1970) — немецкий офицер, адъютант Адольфа Гитлера в 1935-1939, впоследствии дипломат.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 20 мая 1946*]

День сто тридцать четвёртый

Понедельник, 20 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Рёдер возвращается на место свидетеля*]

Максвелл-Файф: Доктор Хорн желает задать какие-то вопросы.
Хорн: С разрешения трибунала я хочу задать ещё несколько вопросов свидетелю.

Адмирал, это правда, что 24 апреля 1941 так называемый патруль нейтралитета североамериканских военных кораблей был расширен с трёхсотмильной границы[177] до расстояния почти 1000 миль?
Рёдер: Я не помню точной даты, но такое расширение имело место.
Хорн: Это правда, что в начале июня 1941 в Соединенных Штатах был принят закон о конфискации в североамериканских гаванях обездвиженных в результате войны зарубежных кораблей включая 26 итальянских и 2 немецких корабля?
Рёдер: Здесь я снова не скажу вам точную дату. Это случилось летом 1941. Корабли в большинстве были итальянскими, с несколькими немецкими кораблями. Я не могу поклясться о точных цифрах.
Хорн: В июне 1941 Соединенные Штаты публично заявили о своём намерении предоставить Советскому Союзу всяческую помощь. Вы обсуждали это с Гитлером, и каким было его отношение к этому?
Рёдер: Да, это верно. Были какие-то вопросы о беспроцентном займе, или подобное. Весьма вероятно, что я говорил с Гитлером об этом, но я не могу сказать вам, каким было его отношение. Я могу только сказать, что все меры в то время никоим образом не сбивали нас с принятого тогда курса. В июне, у меня была беседа с Гитлером на которой я объяснял ему, что до сих пор мы позволяли американским военным кораблям ходить абсолютно нетронутыми, и что мы продолжим так делать, несмотря на значительные недостатки которые я недавно упоминал.
Хорн: В 1941 американский военный секретарь господин Стимсон и секретарь флота господин Нокс[178], также как и государственный секретарь господин Халл[179]

---

[177] Панамериканская зона безопасности – установленная Панамской декларацией (1939) зона в 300 морских миль от побережья Северной и Южной Америки в которой запрещались военные действия.
[178] Уильям Нокс (1874 — 1944) — американский газетный редактор и издатель, кандидат в вице-президенты от Республиканской партии США, секретарь военно-морских сил США во время большей части Второй мировой войны.
[178] Корделл Халл (1871 —1955) — американский государственный деятель. Занимал пост государственного секретаря 11 лет (1933—1944). Лауреат Нобелевской премии мира.

постоянно публично выступали за использование флота Соединенных Штатов для охраны английских транспортов с военными материалами для Великобритании. 12 июля 1941, секретарь флота Нокс проинформировал представителей прессы о приказе Рузвельта стрелять по германским кораблям. Как Гитлер и вы отреагировали на эти действия, которые противоречили нейтралитету?

Рёдер: Ваши факты верны. Они войдут в анналы истории. Гитлер впоследствии отдал приказ, чтобы мы ни при каких обстоятельствах ни открывали огонь по своей инициативе, но только для самообороны. Позднее действительно возникла ситуация в случае двух эсминцев «Greer» и «Kearny».

Хорн: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Пристав: Ваша честь, сообщаю, что подсудимый Геринг отсутствует этим утром.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы читали книгу капитана Шусслера «Борьба флота против условий Версаля» в то время, когда она была опубликована, не так ли?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на страницу 26 документальной книги 10, страница 123 немецкой документальной книги? Капитан Шусслер говорил вам, что он собирается написать такую работу, не так ли?

Рёдер: Да. И я могу добавить, что эта книга была написана, потому что мы во флоте обвинялись национал-социалистическими кругами в недостаточных мерах по укреплению флота в период до 1933. Вот почему все эти вещи упоминались в книге.

Максвелл-Файф: Эта книга распространялась среди старших офицеров флота, не так ли?

Рёдер: Так точно. В любом случае, любой из старших офицеров кто её хотел, мог её иметь.

Максвелл-Файф: Обратитесь, пожалуйста, к странице 127 или 27 странице английской книги документов, где имеется предисловие. Как вы увидите, в конце первого абзаца говорится, что книга имеет своей целью дать достоверную картину борьбы военно-морского флота против невыносимых условий Версальского мирного договора.

Рёдер: Так точно.

Максвелл-Файф: И в третьем абзаце говорится:

> «Этот меморандум должен также подчеркнуть заслуги тех людей, которые, не будучи известными в широких кругах, готовы были взять на себя ответственность и отдать все свои силы на борьбу против условий мирного договора».

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Подсудимый, согласитесь ли вы с тем, что это предисловие хотя

и в общих выражениях, но довольно точно передает отношение флота к нарушению условий Версальского договора?

Рёдер: Да, относительно обхода положений Версальского договора настолько насколько было необходимо для улучшения нашего беззащитного положения, по причинам, которые я здесь недавно объяснил. Делать так, было вопросом чести для каждого человека.

Максвелл-Файф: Теперь, только переверните – милорд, это страница 28, и это страница 126 вашей копии.

[*Обращаясь к подсудимому*] Здесь приводится содержание. Как видите, он в четырех разделах. Первый раздел касается первых оборонительных действий против исполнения Версальского договора и затем перечисляет, какими они были. Не затрудняйте себя этим. Второй это меры по самостоятельному вооружению за спиной правительства Рейха и законодательных органов.

Рёдер: В обоих случаях сказано: с конца войны до занятия Рура[180] в 1923; с 1923 до дела Ломана в 1927. В обоих случаях ко мне это не относится.

Максвелл-Файф: Давайте разберемся. С 1922 по 1924 гг. вы были инспектором по подготовке флота в Киле, не так ли?

Рёдер: Я был инспектором подготовки, то есть в мое ведение входили школы, курсы усовершенствования для кандидатов в офицеры, Подготовка помощников начальника штаба, то есть штабных помощников, своего рода офицеров генерального штаба и подобное. Я не имел никакого отношения к делам на фронте.

Председатель: Об этом вас и спросили. Вас спросили, были ли вы инспектором по подготовке. Ответом было «да», не так ли?

Максвелл-Файф: Заявляете ли вы трибуналу, что, будучи инспектором боевой подготовки, вы не располагали полными данными о вооружении, которое было предоставлено вам в целях проведения этой подготовки?

Рёдер: Нет, здесь как раз речь шла не о доступных всеобщему обозрению огневых средствах, а, как я недавно сказал, об установке орудийных платформ, о переброске орудий с Северного моря на Балтику. Это делала специальная команда, работавшая под непосредственным руководством начальника флота; помимо прочего, например, там был капитан-лейтенант Ренкель, который был тогда специалистом занимавшимся всеми оружейными вопросами. Я сам был в Киле, и там в Киле по соседству не было орудий или чего-либо такого рода.

Максвелл-Файф: Обратимся к следующему периоду: 1923—1927 гг. С 1925 до 1928 гг. вы были Chef der Marine Station der Ostsee[181], не так ли?

---

[180] В период с 11 по 16 января 1923 года французские и бельгийские оккупировали всю территорию Рурского региона, взяв находящееся там мощности по производству угля и кокса в качестве «производственного залога» в обеспечение исполнения Германией своих репарационных обязательств.

[181] Начальник военно-морской базы Балтийского моря (нем.)

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: И вы говорили трибуналу, что вам не известно о мерах по независимому вооружению за спиной правительства Рейха?

Рёдер: Нет; Я вообще не имел никакого отношения к этим делам. Я уже говорил, что это делалось начальником штаба морского командования. Я в целом знал…

Максвелл-Файф: Я не спрашиваю вас, имели ли вы к этому отношение, я спрашиваю, говорили ли вы, что вам об этом не было известно. Вы всё об этом знали, не так ли?

Рёдер: В целом я знал, что такие меры предпринимались.

Максвелл-Файф: Возьмем следующим номер III: «Запланированные работы по вооружению допускались рейхскабинетом, но за спиной законодательных органов». Законодательными органами были Рейхстаг[182] и Рейхсрат[183], не так ли?

Рёдер: Да. Но я уже недавно говорил, что вести об этом переговоры с Рейхстагом не являлось делом военного главнокомандующего. Это был вопрос правительства. Господин Зеверинг также об этом покажет.

Максвелл-Файф: Мы выслушаем господина Зеверинга, когда он придет. Сейчас я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу…

Рёдер: [*Прерывая*] Я скажу то же…

Максвелл-Файф: Минуточку; вы ещё не услышали вопроса. Что вы сказали капитану Шусслеру? Вы говорили ему, что приводя полностью ложную картину, предполагается, что флот имел отношение к действиям за спиной Рейхстага? Вы делали какие-либо усилия, чтобы поправить сказанное капитаном Шусслером?

Рёдер: Нет, я не исправлял эту книгу. У меня не было на это времени.

Максвелл-Файф: Итак, прежде чем мы перейдем к номеру IV, если вы посмотрите, это страница –

Милорд, это страница 32 английской книги и страница 186 вашей книги. Второй раздел, связанный с экономическим вооружением и составленный капитаном Шусслером, озаглавлен: «Тяжелые условия для работы».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы это видите? Он начинается: «Тяжелые условия для работы». Вы видите? Заголовок «Тяжелые условия для работы».

Рёдер: Да вижу, «Тяжелые условия для работы».

Максвелл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы взглянули на последнюю её часть. Итак, подсудимый, я хочу ясности. Это относится к периоду с 1923 по 1927 гг., то есть до того, как вы стали главой флота.

> «У нас всегда было много трудностей внешнего характера, помимо трудностей, связанных с «Tebeg», — трудности, связанные с

[182] Рейхстаг(нем. Reichstag — «государственное собрание») — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

[183] Рейхсрат (Государственный Совет) — орган государственной власти в Веймарской республике, существовавший в 1919—1933 годах и формировавшийся из представителей правительств отдельных земель.

маскировкой нашей задачи и работы, расстояние разделяющее их, невозможность разрешения даже незначительных вопросов по телефону и необходимость избегать, по мере возможности, письменной корреспонденции или, во всяком случае, проводить ее под видом переписки личного характера, употребляя вымышленные имена и коды».

Разве вы не знали о применении этих методов при осуществлении вышеупомянутой программы?

Рёдер: Нет; я действительно знал очень мало о «Tebeg» – «Tebeg», «Navis[184]» – любой такой вещи. Но я думаю, что было совершенно правильным для этих людей работать так, потому что тогда отношение большого процента немецкого народа было ненадёжным, и существовала большая угроза, что такие вещи просочатся. В любом случае, «Tebeg» был распущен к моему прибытию.

Максвелл-Файф: Прошу вас, далее, обратиться вновь к странице 126, в книге 4 — страница 28 английской книги документов — и просмотреть резюме капитана Шусслера, относящееся к четвертому периоду. «Вооружение под руководством рейхскабинета в замаскированной форме. (Это период, начиная с 1933 года и кончая 1935 годом, когда вновь была введена всеобщая воинская повинность).

Согласны ли вы с тем, что капитан Шусслер дает правильное описание методов, применявшихся вами с 1933 по 1935 гг.?

Рёдер: Как он это описывает? Где этот отрывок?

Максвелл-Файф: Это номер 4.

Рёдер: «Вооружение под руководством рейхскабинета в замаскированной форме»?

Максвелл-Файф: Вы соглашаетесь с тем, что это правильная характеристика вашей деятельности в период с 1933 по 1935 гг.?

Рёдер: Безусловно. Я делал это так, как мне приказывал глава государства, а глава государства был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы не допускать никаких перегибов, так как он не хотел, чтобы это помешало его намерениям достичь соглашения с Англией. Он позволял очень мало делать в отношении флота. Он сразу же мог построить восемь броненосцев, так много эсминцев и так много торпедных катеров, которые ещё не были построены, но он так не делал, потому что он считал, что не следует производить впечатление, будто бы мы осуществляем вооружение в больших масштабах. Он одобрил только два…

Максвелл-Файф: Вы уже разъяснили это. Подсудимый, обратите внимание на следующее. Речь идет о той форме маскировки, которую вы применяли во время переговоров о морском соглашении. Вы хотели, чтобы никто не знал о тех шагах,

---

[184] Общество с ограниченной ответственностью «Навис» - подставная компания, работавшая над созданием торпедных катеров для германского флота.

которые вы предпринимали в нарушение соглашения, и насколько далёко вы в этом зашли. Нет никакого сомнения в том, что вы хотели добиться морского соглашения, не разглашая того, что вы делали, не так ли?

Рёдер: Нет, это противоречит смыслу сказанного мной. Мы не хотели путем разглашения этих мероприятий без всякой нужды создавать натянутые отношения с Англией. Как таковые эти меры были полностью оправданы и были чрезвычайно небольшими.

Максвелл-Файф: Мы к этому подойдем. Я лишь хочу, прежде чем мы покончим с этими трудами по морским вопросам, задать вам вопрос относительно другой книги. Вы знаете, что полковник Шерфф[185] предполагал написать книгу по истории германского флота. Я не хочу в этом никакого недопонимания. Вы разрешили полковнику Шерффу иметь доступ к архивам флота. Но, помимо этого, вам ничего неизвестно о его работе, не так ли?

Рёдер: Я вообще не видел его книги. Я впервые увидел здесь содержание, когда меня допрашивали. Я не отдавал никаких приказов в этом направлении. Он получил приказ от фюрера, и поэтому я разрешил начальнику архивов морского флота помогать этому полковнику.

Максвелл-Файф: Что же, именно так я это вам и представил. Я хочу, чтобы вы вернулись к книге 10а. Это начинается на странице 1 английской версии и также на странице 1 немецкой. И если вы посмотрите на страницу 3, вы найдете предполагаемое содержание книги полковника Шерффа, страница 3 в английской версии. Я думаю должно быть это также страница 3 в немецкой версии. Теперь посмотрите на заголовок раздела 2. Это «Встраивание флота в национал-социалистическое государство». И затем описывается, «(а) национал-социализм во флоте до 1933»…

Рёдер: Где это? Я пока не нашел.

Максвелл-Файф: Раздел 2 содержания.

Рёдер: Нет, должно быть это, что-то другое. У меня здесь нет…

Нашел.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на раздел 2, который: «Встраивание флота в национал-социалистическое государство». И вы можете увидеть предполагаемые заголовки, которые занимают 30 страниц: «Национал-социализм во флоте до 1933». Затем: «Присяга флота фюреру; принятие национального знамени; первое изменение флага и новый военный флаг». Вы согласны с описанием полковника Шерффа? Вы согласны, что это верное описание, что произошедшее можно описать как включение флота в национал-социалистическое государство?

Рёдер: Конечно – я вчера недавно здесь объяснял – флот – вооруженные силы - должны иметь некоторую связь с национал-социалистическим государством.

[185] Вальтер Шерфф (1898 – 1945) – немецкий офицер и историк. Покончил жизнь самоубийством в американском плену.

Демократический флот при монархии невозможен. Основные принципы должны согласовываться. Но я сам определял степень принимаемых принципов – то есть степень, в которой флот сохранял внутреннюю независимость и всё ещё занимал надлежащее положение в отношении национал-социалистического государства.

Помимо этого, здесь я не вижу никакого текста; я вижу только заголовки.

Максвелл-Файф: Вы говорите, что это не задевает вас как описание. Это всё, что я хотел выяснить. Я не хочу тратить на это много времени.

Рёдер: Но заголовки ничего не значат.

Например, в самом тексте можно сказать, что флот не полностью устраивал национал-социалистическое государство. Я не знаю. То же самое относится к флоту. Конечно…

Максвелл-Файф: Я не собираюсь тратить на это время. Есть три вопроса с которыми вы разбирались в основном допросе, и я не собираюсь вдаваться в их подробности; но я лишь хочу напомнить их вам и задать один общий вопрос. Вы можете оставить этот документ; далее я не собираюсь развивать предмет. Вы оставите этот документ и уделите своё внимание следующему вопросу?

Вам был задан вопрос о торпедных катерах, в вашем обзоре за сентябрь 1933 года. Это был длинный документ—по вопросу о маскировке вспомогательных крейсеров под транспортные суда типа «О». Правильно ли резюмирую ваш ответ? Вы признали, что эти нарушения договоров действительно имели место, но в каждом случае вы заявляли, что эти нарушения были незначительные. Это правильно передает содержание вашего ответа, не так ли?

Рёдер: Нет.

Максвелл-Файф: Итак, тогда возьмем их по частям. Вы оспариваете, какие-либо вопросы относительно торпедных катеров или транспортных кораблей «О» в обзорном списке – вы оспариваете, что какие-либо из таких вопросов имели место? Я понял, что вы признали, что они имели место…

Рёдер: Нет, они имели место так, как я их описал. Например, эти вспомогательные крейсера не были построены. Нам не позволяли этого делать. Но нам позволяли создавать планы и позволяли отбирать те корабли, которые на случай войны – если начнется война, в которой Германию атакует другое государство – можно использовать в качестве вспомогательных крейсеров. Это не являлось нарушением. Если так было, я признаю это. Конструкторское бюро подводных лодок в Голландии[186] также не являлось нарушением Версальского договора. Формулировка было совершенно иной; я не помню третий случай упомянутый вами.

Максвелл-Файф: Вы помните, что в составленном вами документе был большой список?

Рёдер: Да, конечно.

Максвелл-Файф: Быть может, я ошибаюсь, но, насколько я понял, вы признали, что все это имело место, однако вы сказали, что это были лишь «незначительные нарушения».

Рёдер: Да, конечно, это были маловажные действия. Но они были чрезвычайно необходимыми в интересах германской обороны.

Максвелл-Файф: Я хочу спросить вас об одном вашем офицере — вице-адмирале Ассмане. Вы доверяли этому офицеру?

Рёдер: Он был очень способным историком.

Максвелл-Файф: Может быть, вы ответите на мой вопрос. Являлся ли он офицером, к которому вы питали доверие?

Рёдер: Я доверял ему в том отношении, полагая, что он будет правильно описывать исторические факты.

Максвелл-Файф: Это все, что я хотел узнать. Итак, посмотрите на новый документ, милорд, у которого номер D-854, который, будет экземпляром GB-460. Итак, это выдержка из одной серии эссе по оперативным и тактическим соображениям германского флота и соответствующим мерам, предпринимаемым в промежуток с 1919 по 1939, содержащиеся среди дел вице-адмирала Ассмана и Гладиша[187], которые были в историческом отделе германского адмиралтейства.

Итак, подсудимый вы можете на него сейчас не смотреть? Я хочу задать вам некоторые вопросы, и затем вы с удовольствием на него посмотрите. Вы согласны, что почти во всех сферах вооружения касавшихся флота, Версальский договор нарушался как по букве, так и ещё более по духу? Вы с этим согласны?

Рёдер: Нет, никоим образом в любой сфере. В самой важной сфере мы были далеко позади Версальского договора, как я вам очень ясно объяснял. Возможно, мы посягали на него другим путем, но не делали то, что могли сделать.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на этот документ. В начале первой цитаты ваш офицер говорит:

> «Как уже указывалось, почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с флотом, Версальский договор нарушался как по букве, так и в еще большей степени по своему духу еще задолго до 16 марта 1935 г., по крайней мере, в смысле подготовки к его нарушениям».

Таким образом, ваши адмиралы говорят неправду, делая подобные заявления? Вы это хотите сказать трибуналу?

Рёдер: Пожалуйста, могу я посмотреть на какой это странице? Я пока не видел. Да, он говорит, «почти по всем отраслям вооружения…»

Дело не в этом, в сфере…

Максвелл-Файф: Это то, что я вам представил, правильно?

[187] Вальтер Гладиш (1882-1954) – немецкий офицер. С 1933 сотрудник морских архивов германского флота.

Рёдер: Нет, неправильно. Мы совсем не строили столько кораблей, сколько могли бы построить, но – как я непрерывно объяснял, нарушения касались…

Максвелл-Файф: Вы это объясняли.

Рёдер:… нарушения были…

Максвелл-Файф: Мы знаем, какое в действительности положение было у вас на судостроительных верфях. Вы дали такое объяснение и оно предмет обсуждения о том ценно ли оно. Я не собираюсь с вами спорить. Я задал вам такой вопрос: вы говорите, что адмиралы вашего исторического отдела ошибаются в той фразе, которую я вам зачитал?

Рёдер: Да. Я это заявляю. Как это сказано это неправильно.

Максвелл-Файф: Хорошо, этот вопрос будет рассмотрен трибуналом. Перейдем теперь к заявлению адмирала Ассмана. Оно гласит:

> «Быть может, ни в одной сфере это не началось, с одной стороны, так рано, а с другой, — при таких особых обстоятельствах, как при строительстве нового подводного вооружения. Версальский договор находился в силе лишь в течение нескольких месяцев (начиная с 10 января 1920 г.), когда в этом пункте он был уже нарушен».
>
> Вы согласны с адмиралом Ассманом в этом вопросе?

Рёдер: Нет, он неправ, так как Версальский договор в этом отношении вообще не был нарушен и причина этого возникла настолько рано, потому что все бывшие командиры подводных лодок и офицеры подводных лодок и техники были без работы и предлагали свои услуги по поддержанию технического состояния подводных лодок за рубежом; вот почему это было так рано. Но это не имело ко мне никакого отношения, потому что мне тогда не говорилось об этих вопросах. Тогда я работал с морскими архивами.

Максвелл-Файф: Что же, как вы можете быть так уверены сегодня, в том что адмирал Ассман ошибся? Я думал, вы говорили, что он хороший историк. Не так много времени прошло. Прошло 20 лет.

Рёдер: Хороший историк также может ошибаться, если его информация ошибочна. Я просто сказал, что доверяю ему…

Максвелл-Файф: Вы довольно подробно говорите – первый параграф о Японии.

Рёдер: Да, то, что он говорит о строительстве подводных лодок неправильно.

Максвелл-Файф: Хорошо, давайте посмотрим, в какой мере он был неправ. Нам не требуется вдаваться в первый параграф, который касался судостроения в Японии, но возьмем второй: «В 1922…». Видите параграф, который начинается:

> «В 1922 году три германских судостроительных верфи основали германское конструкторское бюро подводных лодок в Голландии, прикрывшись голландским названием, со штатом около 30 инженеров

и проектировщиков. В 1925 году голландские верфи построили две подводных лодки для Турции, водоизмещением по 500 тонн, в соответствии с проектами этого бюро, которое пользовалось финансовой и личной поддержкой военно-морского командования. Капитан цур зее Ломан также имел отношение к разрешению этого вопроса, причем он имел решающий голос».

Это правильно?

Рёдер: Это мы признавали. Но все, что было сделано, не нарушало Версальского договора.

Максвелл-Файф: Что же, мы с этим не спорим, но это правильно. Адмирал Ассман прав в этом вопросе. Затем он касался Финляндии и Испании. И если вы посмотрите на конец параграфа после разбора с Испанией, он говорит:

«Осенью 1927 года конструкторский отдел флота был уполномочен начальником штаба флота адмиралом Ценкером[188] провести строительство кораблей в Испании. Адмирал Ценкер принял на себя ответственность, несмотря на все затруднения внутриполитического характера. Разработка проектов и составление конструкторских чертежей производились в голландском бюро. После того как в 1931 году эти работы были закончены, подводная лодка прошла несколько испытательных рейсов под руководством немцев и с немецким личным составом, включающим офицеров, инженеров, студентов-судостроителей и техников на участке от Кадикса до Картагены»

Это всё. Это совершенно верно, не так ли?

Рёдер: Да, но в особенности судостроительный конструктор из нашего конструкторского бюро, также как и вышеупомянутые иные лица, задействованные в строительстве подводной лодки, увольнялись из флота.

Максвелл-Файф: Обратитесь теперь к последнему предложению: «Данная лодка, которая теперь является турецкой подводной лодкой «*Gur*[189]», стала прототипом подводных лодок Ю-25, Ю-26.

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Обратимся теперь к подводным лодкам водоизмещением в 250 тонн, которые выпускались в Финляндии. Посмотрите на последнюю фразу в следующем абзаце.

«Строительство подводных лодок в Финляндии являлось частью первого плана строительства подводных лодок, который должен был разрабатываться в Германии и который был успешно проведен в

[188] Ганс Ценкер (1870 — 1932) — немецкий адмирал, командующий рейхсмарине в 1924—1928 годах.

[189] «Гюр» - турецкая подводная лодка. В строю с 1934 по 1947.

жизнь. Голландское бюро было привлечено к этой работе исключительно для разработки деталей. Финская лодка водоизмещением в 250 тонн послужила прототипом для Ю-1 - Ю-24».

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Далее идет следующий абзац:

«Строительство и испытание опытных экземпляров этого судна сделали возможным получить части для подводных лодок, Ю-1 - Ю-24, в 1933—1935 гг., задолго до приказа о сборке этих судов; этот приказ был подготовлен заранее, насколько это возможно было сделать, не нарушая секретности этого вопроса».

Рёдер: Так точно.

Максвелл-Файф: Обратитесь теперь к странице 156. Вы видите, откуда взята следующая цитата:

«В начале 1935 года, то есть за шесть месяцев до заключения англо-германского соглашения, возможно, имелось шесть лодок водоизмещением в 250 тонн, готовых для сборки, шесть 275-тонных и две 750-тонных лодки, подготовительная работа для которых была закончена. Потребовалось около четырех месяцев для сборки небольших судов и около десяти — для сборки крупных судов, начиная с 1 февраля 1934 г. В отношении остальных вопросов положение было неопределенным».

Посмотрите теперь на следующие слова:

«Быть может, в этой области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживается ограничений германо-британского соглашения.

Принимая во внимание количество подводных лодок, которые уже заказали, до 1938 года можно было предусмотреть около 55 подводных лодок. Фактически, 118 лодок были собраны и находились на этапе строительства.

Подготовка нового подводного вооружения начала производиться так рано, так тщательно и так секретно, что уже через одиннадцать дней после заключения германо-британского морского соглашения, которое допускало строительство подводных лодок, 29 июня 1935 г., была сдана в эксплуатацию первая германская подводная лодка».

Возьмем теперь эту фразу, которая была написана адмиралом Ассманом. На основании рассмотрения около ста документов мы уже видели, каково было ваше отношение к Ассману. Он сказал: «Очевидно, именно в этой области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживается ограничений германо-британского соглашения».

Итак, в течение нескольких часов вашего допроса вы говорили настоящему трибуналу, что это соглашение являлось результатом свободных переговоров, что вы им очень гордились и готовы были его поддерживать. Вы заявляете трибуналу, что ваши адмиралы были неправы, утверждая, что в области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений этого соглашения, заключенного в результате свободных переговоров.

Рёдер: Это полностью ложное суждение. Я здесь заявлял, что, до тех пор пока вели переговоры с Великобританией в отношении намечавшегося соглашения, все приготовления которые мы делали, были исключительно открыты для за рубежа – что в пропорции, которая вероятно…

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы можете дать своё объяснение…

Рёдер: Пожалуйста, прекратите меня прерывать.

Максвелл-Файф: Мы взяли это за правило и не нарушаем его. Вы даёте ответ на мой вопрос, и затем вы делаете своё объяснение. Вы говорите, что адмирал Ассман ошибся, говоря в первой фразе, что «очевидно, именно в этой области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений германо-британского соглашения». Адмирал Ассман ошибся, когда он это говорил, вы об этом говорите трибуналу? Что же, вот мой вопрос.

Рёдер: Он ошибся. Я так сказал; я это уже говорил.

Симерс: Господин председатель, мне кажется это не вопросы относящиеся к фактам. Это вопросы для юридического решения. Это правовая аргументация о том, как следовало интерпретировать статью 191 Версальского договора.

Председатель: Трибунал думает, что вопрос совершенно допустим. Конечно, в своём объяснении, он может пояснить, что на его взгляд это не было нарушением договора, и он уже это объяснил. Он может привести нам об этом своё мнение. Он был главой германского флота.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, рассмотрим вторую фразу…

Рёдер: Но я хочу закончить, если я могу. Я могу привести объяснение этого.

Все эти вещи были только приготовлениями вне Германии. Обсуждается положение, строились ли финские подводные лодки с помощью немецких конструкторов. Это правда. Немецким конструкторам не запрещалось помогать финским конструкторам проектировать подводные лодки. Это правда, что эти подводные лодки позднее…

Максвелл-Файф: Мне очень жаль прерывать вас, но вам известно она не касается – эта фраза не касается этого раннего периода. Это касается периода после англо-немецкого договора в 1935 и это то, о чём я хочу вашего ответа. Этот финский вопрос был задолго до этого.

Рёдер: Я всё ещё говорю о периоде предшествовавшему соглашению, так как я обвиняюсь в производстве комплектующих подводных лодок за рубежом. И факт в том, что…

Максвелл-Файф: Да, я знаю, но вы не поняли, что…

Рёдер: Я ещё не дал свой ответ. Нет…

Максвелл-Файф: Сейчас я вас не спрашиваю об этом. Я хочу задать вам правильный вопрос. Я больше не спрашиваю вас о вопросе Версаля. Я спрашиваю вас сейчас о заявлении адмирала Ассмана по поводу того, что вы в 1935 году не придерживались ограничений германо-британского соглашения. То, что вы делали в Финляндии в 20-х годах, не имеет к этому никакого отношения. Я закончил. Вы можете привести свои объяснения.

Рёдер: Это совершенно неверно. В отношении строительства подводных лодок мы были особенно умеренны. И в 1938 году мы не имели еще тех 45 процентов, которые мы могли бы иметь по этому соглашению. Поэтому-то мы тогда и поставили вопрос о разрешении выполнить программу строительства на 100 процентов, и это было согласовано и выполнено в соответствии с соглашением после дружественных переговоров с британским адмиралтейством в конце 1938 года. К началу войны мы и не располагали этими 100 процентами. Мы всегда отставали по строительству подводных лодок.

Следовательно, это совершенно неверное представление адмирала Ассмана, который, видимо, недостаточно внимательно изучил этот вопрос. Я могу поклясться в этом.

Максвелл-Файф: Взгляните на следующие фразы. Они касаются…

Рёдер: О какой странице вы говорите?

Максвелл-Файф: Страница 156. Я зачитаю её снова очень медленно:

> «Принимая во внимание количество подводных лодок, которые уже заказали, до 1938 года можно было предусмотреть около 55 подводных лодок. Фактически, 118 лодок были собраны и находились на этапе строительства».

И вы говорите, что адмирал Ассман ошибочно это заявил?

Рёдер: Я крайне извиняюсь; я ещё не нашёл отрывок из которого вы зачитываете, это именно – какая строка…

Максвелл-Файф: Подсудимый, у вас есть фраза?

Рёдер: Да, теперь я нашел.

Максвелл-Файф: А теперь, вы увидите, что говорит адмирал Ассман:

> «Принимая во внимание количество подводных лодок, которые уже заказали, до 1938 года можно было предусмотреть около 55 подводных лодок».

Это было сказано до того, как был поднят вопрос о переходе от 45 к 100 процентам.

«Фактически, 118 лодок были собраны и находились на этапе строительства».

Вы утверждаете, что адмирал Ассман неправильно приводит эти цифры?

Рёдер: Разумеется. В начале войны в 1939 году мы имели, я не знаю точно, но примерно лишь сорок подводных лодок. Это также опечатка или совершенно невероятная цифра. Как вам известно, мы начали войну с – я думаю – 26 подводными лодками способными к плаванию в Атлантике, и дополнительно рядом меньших лодок. Я не могу вам сказать точно, сколько строили в начале войны, но намерения такого рода не было. Против меня точно выдвигали обвинение – что у меня не имелось в подходящее время достаточно подводных лодок. Я оспариваю всю эту фразу.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы должны согласиться с тем, что цифры, приведенные адмиралом Асманом, совершенно не соответствуют тому, что вы сообщили трибуналу в отношении количества подводных лодок, с которыми вы начали войну.

Рёдер: Да.

Симерс: Я должен быть благодарен сэру Дэвиду, если бы он зачитал всю фразу, то есть, если бы он также зачитал сноску 6, которая появляется рядом с цифрой 118 и после слова «заказаны». Сноска 6, которая, как я только что заметил, не включена в английский перевод сформулирована следующим образом: «Начальник бюджетного управления флота, В. номер Е 311/42, совершенно секретно от 19 ноября 1942».

Господин председатель, цифра ссылается на гораздо более поздний период, вообще не на 1938.

Я был бы чрезвычайно благодарен если, после опыта который мы имели, я мог бы в будущем иметь не только немецкий документ, но также английский перевод сэра Дэвида. Я был бы крайне благодарен сэру Дэвиду если он может так сделать.

Председатель: У вас не будет отрывка, который вы хотите перевести с немецкого на английский ко времени, когда вы захотите повторно допросить? Как я понимаю, вы сослались на какую-то сноску, которая в дополнении к тому, что перевели на английский язык. Вы прочитаете это снова, вы снова прочитаете отрывок?

Симерс: Сэр Дэвид прочитал следующее: «Фактически, 118 лодок были собраны и находились на этапе строительства».

Это то, что прочитал сэр Дэвид. После слова «заказаны» есть цифра 6. Она относится к сноске 6. Сноска 6 сформулирована следующим образом: «Начальник

бюджетного управления флота, B. номер E 311/42, совершенно секретно от 19 ноября 1942. (Страница 19)».

Другими словами это показывает, что число 118 следует упоминать на странице 19 этого документа бюджетного управления флота в 1942. Следовательно, цифра не ссылается на 1938 год, а на последующую дату.

Рёдер: Я могу привести другое объяснение, которое вполне возможно.

Максвелл-Файф: Милорд, я изучу это, но текст говорит – и нет никакой разницы с немецким текстом – именно то, что я прочитал – что «до 1938 года можно было предусмотреть около 55 подводных лодок. Фактически, 118 лодок были готовы и заказаны».

Симерс: Но не в 1938.

Максвелл-Файф: Милорд, на самом деле, мой друг, доктор Симерс, получит полную возможность – если есть какой-либо пункт, я рассмотрю это, но здесь текст, и текст включает это. То о чём сказано в сноске, доктор Симерс сможет представить при повторном допросе.

Биддл: Сэр Дэвид, вы посмотрите на сноску и поймете был ли доклад сделан в 1942, а не при строительстве? Я предлагаю, чтобы вы спросили его, показывает ли эта сноска, что доклад был сделан в 1942, а не при строительстве – я предлагаю вас спросить его, показывает ли эта сноска, что доклад был сделан в 1942, а не при строительстве.

Максвелл-Файф: Действительно, мой перевод этой сноски такой: «Начальник бюджетного управления флота». Затем приводится ссылка на эту сноску, датированную 19 ноября 1942. Кажется, это полностью подтверждает предположение ученого американского судьи о том, что эта ссылка на доклад, ничего больше. Это лишь предлагает, что датой постройки был 1942, и я думаю было бы удобнее, если доктору Симерсу, есть, что сказать о представленном мною тексте, если он оставит эти аргументы для повторного допроса.

Председатель: Доктор Симерс, вы можете поднять всё это при повторном допросе. Вы можете к этому времени предоставить нам перевод этой сноски.

Симерс: Господин председатель, я совершенно согласен. Я просто попросил, чтобы одну копию английского перевода вновь предъявляемых документов вручали бы мне.

Господин председатель, вы признаете, что это значительное затруднение, чтобы я удостоверился во время перекрестного допроса в том какие отрывки пропустили в переводе и перевёл их для себя, когда британская делегация имеет на руках английский перевод. Я думаю, может быть проще, если сэр Дэвид будет любезен позволить мне получить в своё распоряжение английский перевод.

Председатель: Сэр Дэвид, вы способны вручать ему английский перевод любого нового документа?

Максвелл-Файф: Разумеется. Трибунал распорядился об этом. Это подготовили. Уверен вы получили английский перевод? Конечно, милорд. По мере представления каждого документа, перевод будут представлять доктору Симерсу.

Председатель: Могла быть ошибка.

Максвелл-Файф: Разумеется вы его получите.

[*Обращаясь к подсудимому*] Перейдем сейчас к другому офицеру вашего штаба. Вы довольно много говорили нам о бюджете военно-морского флота. Помните ли вы интенданта флота Тиле из управления «Е» ОКМ[190], бюджетного управления германского адмиралтейства? Вы помните его?

Рёдер: Да. Господин обвинитель, могу я сказать лишь несколько слов по вопросу о 118? Я только, что вспомнил в связи с номером 6, начальником бюджетного управления флота. Совершенно возможно, что в этом случае адмирал Ассман объединил вместе две вещи. Все подводные лодки и корабли, конечно, включали в бюджет, и таким образом санкционировались. Этот бюджет готовился в конце года и публиковался перед годом в котором использовался. Так как эта крупная цифра внезапно появляется в этом документе, совершенно возможно, что здесь цифра 118 возникает на основании соглашения с Англией заключенного 30 или 31 декабря. Совершенно естественно, что мы должны включать в бюджет все остальные подводные лодки, которые нам разрешили строить, чтобы дойти до 100 процентов. Это не обязательно означает, что мы начали строить подводные лодки в 1938. Между прочим, думаю мы вероятно могли начать, потому что можно строить столько-то и столько-то подводных лодок в конкретном году.

Я думаю, что это объяснение, которое до меня дошло, когда я увидел слова «бюджетное управление флота», совершенно верное.

Максвелл-Файф: У трибунала имеется формулировка; то есть, «к 1938» и я не собираюсь спорить с вами об этом. Слова говорят сами за себя.

Я хотел бы, чтобы вы обратились к документу D-855, который предъявляется под номером GB-461. Это выдержка из лекции, прочитанной человеком, о котором я только что говорил, господином Тиле, на курсах усовершенствования офицеров административной службы германского флота в Праге 12 июля 1944 г. Выдержка, которую я хочу сейчас огласить, на странице 22 и озаглавлена: «Судостроительный план». Вы нашли это – страница 22, и заголовок «Судостроительный план». Вы видите абзац, который начинается:

> «Эра самого крупного развития флота наступила таким образом пришла в момент захвата власти. Уже в первом году после этого, в марте 1935 началось строительство линкоров водоизмещением в 27

---

[190] ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. OKM) — верховное командование кригсмарине, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

тысяч тонн. Строительство такого судна было заказано. Таким образом, один из пунктов Версальского договора, которые были особенно важны для нас, был тотчас же нарушен в области флота, причем в такой форме, что через некоторое время стало невозможно скрывать это нарушение».

Был ли прав Flottenintendant Тиле, говоря об этом в своей лекции?

Рёдер: Конечно, это было нарушением, но я уже говорил здесь довольно подробно о том, что здесь имеется в виду не строительство новых линкоров, а ввод в действие обоих «карманных» линкоров, на которые мы получили соответствующее разрешение, и что Гитлер в 1934 году дал мне разрешение несколько увеличить мощность этих кораблей, несколько усилить их броню. Из этого я делаю вывод, что только в марте 1935 года, когда заключение соглашения стало совершенно очевидным, то есть была полная уверенность в том, что несколько месяцев спустя Англия разрешит нам строить такие корабли в соответствии с договором, фюрер утвердил планы строительства 26 500-тонных кораблей, и мы приступили к постройке судов, которые по новой программе должны были стать первыми линейными кораблями. Только в этот период мы начали снаряжение кораблей орудиями 28 см калибра, то есть орудиями наступательного характера, чего нам не одобряли в 1934 году.

Максвелл-Файф: Очевидно, этот господин в большей степени согласен с вами, чем другие. Посмотрите на то, что он дальше говорит про подводные лодки. Он заявляет:

«Подводные лодки строились по частям, поскольку факт их строительства ни в коем случае не должен был стать известным внешнему миру. Эти части до поры до времени хранились, и их оставалось лишь собрать после того, когда будет объявлена отмена военных условий Версальского договора».

Разве Flottenintendant Тиле не прав, говоря об этом?

Рёдер: Да, он прав, мы это тоже признавали.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим на следующий пункт.

Рёдер: Вероятно, я могу завершить своё объяснение? Мы…

Максвелл-Файф: Попытайтесь сделать это как можно короче. Я не хочу обрывать вас, но сделайте это короче.

Рёдер: Конечно, но я должен завершить свою защиту.

Мы производили части для подводных лодок за границей и получили их лишь в начале 1935 года. Мы приступили к строительству подводных лодок только в тот момент, когда с уверенностью знали, что добьемся морского соглашения.

Максвелл-Файф: Понимаю. Вы говорите, что ожидали заключения договора. Посмотрите, пожалуйста, на то, что он говорит дальше:

> «Третий пункт Версальского договора из числа тех, которые были для нас наиболее неблагоприятны, касающийся ограничения личного состава 15 000 человек, был нарушен нами немедленно после захвата власти. Весь личный состав флота уже в 1934 году равнялся 25 000 человек, а в 1935 — в год заключения Лондонского морского соглашения — достигал 34 000 человек».

Разве Flottenintendant Тиле неправ в этом вопросе? Это правильно?

Рёдер: Да, это признаётся. Ясно, что мы должны были своевременно подготовить необходимое нам количество личного состава для того, чтобы можно было увеличить флот.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас на несколько минут обратились к документу, на который вы ссылались во время вашего прямого допроса, Это документ С-23 о водоизмещении «Scharnhorst», «Gneisenau», «Tirpitz», «Bismarck» и других кораблей.

Итак, вы знакомы с этим документом, мы его обсуждали.

Рёдер: Так точно. Я знаю документы.

Максвелл-Файф: Этот документ датирован 18 февраля 1938 г. Германия не денонсировала англо-германского морского договора до тех пор, пока Британия не дала Польше гарантии[191] в апреле 1939 года, то есть четырнадцатью месяцами позже. Почему вы просто не послали Великобритании уведомления о том, что водоизмещение судов на 20 процентов превысило норму, установленную договором, в связи с оборонительным характером строительства? Почему вы не сделали этого?

Рёдер: Я теперь уже не могу этого сказать. Мы недавно объясняли, как к нашему собственному вреду водоизмещение постепенно возрастало путём несущественных изменений.

Максвелл-Файф: Да. Подсудимый, на самом деле, я об этом подумал. Мы поняли, почему водоизмещение стало больше, я не думаю, что вы нанесёте себе вред если вы не повторите это, но посмотрите внизу этой страницы, я думаю, вы найдете причину, почему вы не можете вспомнить; не так ли?

> «По мнению А IV, было бы совершенно неправильным представить

---

[191] Имеется в виду совместное коммюнике Англии и Польши о гарантии сохранения независимости польского государства от 6 апреля 1939 года.

> сведения о тоннаже, который будет превышать те данные о состоянии тоннажа, которые вскоре могут быть опубликованы Англией, Россией или Японией, с тем, чтобы нас не упрекали в том, что мы проводим лихорадочное вооружение».

> Разве не в этом заключается причина?

Рёдер: Так точно. Это было предусмотрено для будущего. Мы ни в коем случае не должны были создавать впечатление, что мы увеличиваем наступательную мощь наших судов.

Максвелл-Файф: Подсудимый, в течение двадцати лет, с 1918 по 1938 гг., вы и германский флот были заняты всеобъемлющим хладнокровным и преднамеренным нарушением ваших обязательств, включенных в договоры. Вот, что я вам представил. Вы поняли? После этих документов вы отрицаете это. Не так ли?

Рёдер: Это не было каким-то хладнокровным мероприятием. Все наши отклонения от Версальского договора были из-за нашего желания быть способными защищать свою страну более эффективно, чем нам позволялось. Я подтверждал здесь, что единственными положениями версальских правил запрещалось благоприятное для нашей обороны и разрешалось то, что позволяло агрессию извне. Речь шла о разрешении строительства относительно малого количества судов, и поэтому мы, по возможности стремились усилить нашу способность оказывать сопротивление, следовательно, усиливая безопасность морских границ и боевые качества кораблей. Мы никогда чрезмерно не увеличивали свою наступательную мощь, а придерживались рамок допущенного.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хочу вашего понимания о том, на что направлена моя следующая серия вопросов. Я не хочу, чтобы здесь было какое-либо недопонимание. Я сейчас хочу указать вам на то, что эти нарушения договора и ваши военно-морские планы предусматривали сначала возможность, а впоследствии — вероятность войны. Я хочу, чтобы вы взяли тот же самый документ, с которым я сейчас разбираюсь, С-23. Мы используем его и перейдем к другому.

Переверните на страницу 5 документальной книги 10, и там вы увидите меморандум, я думаю комитета планирования Flottenchef адмиралу Карльсу. Мы слышали о вашем взгляде на адмирала Карльса, что он был очень хорошим офицером, и фактически он был вашим первым выбором в качестве преемника.

Итак, это сентябрь 1938 года и является совершенно секретным мнением об исследовании, посвященном вопросам морской войны против Англии. Как вы видите, в пункте «А» сказано:

> «Я полностью согласен с основной темой данного исследования».

> Обратитесь теперь к первому абзацу.

> «Если согласно решению фюрера Германия должна достичь положения мировой державы, она нуждается не

только в достаточном количестве колониальных владений, но также и в безопасности морских коммуникаций и в безопасном доступе к океану».

Вы согласны с этим, подсудимый?

Рёдер: Да, это так, я знаю весь документ.

Максвелл-Файф: Обратитесь теперь к пункту «2».

«Оба эти требования идут вразрез с интересами Англии и Франции и в случае их удовлетворения ограничат положение этих стран как мировых держав. Маловероятно, что это может быть достигнуто мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу накладывает на нас необходимость вести соответствующие приготовления
к войне».

Вы согласны с этим?

Рёдер: Да, это совершенно верно.

Максвелл-Файф: Давайте обратимся теперь к пункту «3».

«Война против Англии означает в то же время войну против империи, против Франции и, возможно, против России, так же как и против большого количества заморских стран, то есть фактически против от половины до двух третей мира».

Мне нет необходимости спрашивать вас по этому поводу, так как факты показали это.

Посмотрим дальше. «Это может быть оправдано лишь…».

Рёдер: Да, но мне следует позволить прокомментировать этот документ.

Максвелл-Файф: О, конечно. Я извиняюсь. Мы так быстро прошли, что я подумал, о том, что объяснений не будет.

Рёдер: В 1938, как здесь часто заявлялось, отношение фюрера к Великобритании усложнилось, несмотря на все усилия мои и генерала фон Бломберга рассказать ему, что это было не так со стороны Англии, и что было возможно жить в мире с Англией. Несмотря на это фюрер приказал нам готовиться к возможной оппозиции Англии его планам. Он со своей стороны никогда не думал об агрессивной войне против Великобритании; и мы во флоте ещё меньше; фактически, я подтвердил, что я не делал ничего кроме переубеждения в этом. В 1938 он приказал нам изучить похожее на то, что мы уже делали в командовании Вермахта – но разбираясь с курсом который могла иметь война протии Англии и что нам для этого потребуется. Это исследование было подготовлено, и я доложил фюреру, что мы сможем предпринять войну против Англии с каким-либо шансом на успех – для меня было безумием говорить такую вещь. Я сказал ему – что упоминалось непрерывно – что к 1944 или 1945 мы сможем создать морские силы, с которыми мы сможем начать

экономическую войну против Англии или захватить её пути коммерческих перевозок, но в действительности мы бы никогда не были в состоянии победить Англию с такими силами. Я направил это исследование, которое было составлено под моим руководством в штаб руководства войной на море, генерал-адмиралу Карльсу, который был очень здравомыслящим во всех таких вопросах. Он думал, что его долг объяснить в этом введении свой ответ, в котором он соглашался с нашим мнением, последствиями которые могла иметь для нас война против Великобритании, а именно, что это приведет к новой мировой войне, которой ни он, ни флот, ни любой другой в вооруженных силах не хотели – по моему мнению, даже сам Гитлер, как я подтверждал на днях – таково его заявление. Он говорил, что если мы должны воевать с Англией, было существенно, чтобы сначала мы получили выход в океан, и во-вторых, что мы должны атаковать английскую торговлю на морских путях в Атлантике. Он не предлагал, чтобы мы со своей стороны, должны были начать такое предприятие. Он лишь обдумывал случай возникновения такой войны помимо нашей воли. Нашим долгом было изучить вопрос.

Максвелл-Файф: Он говорит что: «Война против неё» - то есть война против Англии – «может быть оправдана и имеет шанс на успех, если она будет подготовлена экономически также как и военном и политическом смысле». Затем он продолжает говорить, «ведение с целью захватом Германии выхода в океан».

Итак, я лишь хотел понять, как вы готовились.

Рёдер: Да, это совершенно ясно и совершенно верно.

Максвелл-Файф: Позвольте посмотреть на то как вы начали готовиться экономически. Возьмем сначала, то что вы поставили первым.

Посмотрите на документ С-29, который на странице 8.

Председатель: Сэр Дэвид, не лучше ли нам прерваться до перехода к этому?

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Подсудимый я говорил вам, что я собирался задать вам вопрос о документе С-29, который на странице 8 английской документально книги 10 и на страницах 13 и 14 немецкой документальной книги. Вы помните, этот документ дает общие направления экспорту передаваемому германскому флоту германской промышленностью вооружений…

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: …и вы нам говорили, когда разбирались с документом, что вы хотели от вашей службы меньше думать о вопросах небольшой секретности, но в дополнение к этому ваша общая политика заключалась в том, чтобы германские фирмы, производившие вооружение, расширяли свою внешнюю торговлю с тем, чтобы они имели возможность выполнять повышенные требования германского

флота в как можно более сжатые сроки. Это правильно? Я, верно передаю сущность вашей политики, или вы хотите, чтобы я повторил то, что сказал?

Рёдер: Да, но по этому поводу необходимо сказать — и я это говорил в двух случаях, — что в тот период мы надеялись на ослабление условий Версальского договора, так как во время переговоров о разоружении для этого был самый благоприятный момент. Кроме того, у нас тогда уже были кабинеты Папена и Шлейхера, которые, хорошо понимая потребности вооруженных сил, боролись за наши интересы на Конференции по разоружению. Ожидавшийся поворот в политике носил совершенно законный характер, и, с другой стороны, вся наша промышленность очень мало занималась производством вооружения. Поэтому ее нужно было развить. Я отмечу факт, что это не имело никакого отношения к режиму Гитлера. Этот указ вышел уже 31 января.

Максвелл-Файф: Я не думаю, что вы на самом деле не согласны со мной в том, что ваша политика, ваша общая экономическая политика в германской промышленности вооружения должна была немедленно расширить свои операции по экспорту, для того, чтобы иметь возможность удовлетворять увеличивающиеся требования внутри страны, когда эти требования возникнут. Вот то, за, что вы выступали, не так ли, что германская промышленность вооружений должна наращивать экспортную торговлю для того, чтобы было можно увеличить внутренние запросы, когда они возникнут? Это неправильно?

Рёдер: Да, это правильно, но я не совсем понял выражение. Вы сказали - внутренняя торговля или торговля сталью? Я не совсем расслышал выражение - внутренняя торговля или торговля сталью.

Максвелл-Файф: «Aussenhandel[192]».

Рёдер: «Внешняя торговля» - да, мы без сомнения хотели добиться, чтобы наша промышленность могла конкурировать с промышленностью других стран, чтобы она имела преимущества и находилась в благоприятном положении и укреплялась бы.

Максвелл-Файф: Теперь, я попрошу вас перейти к документу номер С-135, который страница 21 – извиняюсь милорд, страница 20 английской документальной книги и страница 73 немецкой документальной книги.

Председатель: Книга 10.

Максвелл-Файф: Книга 10, милорд, да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, вы помните этот документ с которым разбирались? Вы говорили…

Рёдер: Да, это касается письменных показаний Ломана.

Максвелл-Файф: Да, этот документ – я думаю апреля 1933, судя по датам, которые я вам недавно привел, и вы говорили трибуналу, давая свои показания, что это была

[192] «Внешняя торговля» (нем.)

простая случайность, что упоминался 1938, что это был тот же самый период какой рассматривали.

Рёдер: Уже несколько раз говорилось, что упоминался 1938.

Максвелл-Файф: Было ли это упомянуто в каком-нибудь из документов Веймарской республики? Я попрошу вас обратиться к предпоследнему абзацу. Это на странице 74, на странице 21 английского документа. Это середина параграфа 3.

> «Сейчас рейхсканцлер Адольф Гитлер предъявил совершенно ясные политические требования о необходимости построить в течение пяти лет, то есть к 1 апреля 1938 г., вооруженные силы, которые он «сможет бросать на весы как орудие своей политической власти».

Правильно ли, что Гитлер предъявлял совершенно ясные политические требования?

Рёдер: Да, я припоминаю, что в 1933 году он потребовал составления какого-то пятилетнего плана и что здесь имело место просто случайное совпадение, так как в 1938 году также был составлен план строительства кораблей. Эту директиву он, очевидно, составил для всех вооруженных сил, так как в 1935 году уже вступило в действие морское соглашение, согласно которому в отношении военно-морского флотамы должны были проводить вооружение по соотношению 1:3, а не по каким-то особым планам.

Максвелл-Файф: Вопрос, который я хочу у вас выяснить, заключается в следующем: говорил ли вам Гитлер, что он хочет бросить эти силы на весы как орудие своей политической власти? Говорил он вам об этом?

Рёдер: Сейчас я уже не могу припомнить, но мне кажется, что это чрезвычайно употребительное выражение. Обычно принято говорить, что вооруженные силы — это оружие, которое бросается на чашу весов во время политических переговоров, и мы нуждались в этом оружии, чтобы не быть больше мячом в руках других наций, каким мы были до сих пор. По-моему, — это выражение, не вызывающее никаких подозрений.

Максвелл-Файф: То есть, если говорить прямо, Гитлер заявил вам: «В 1938 году я хочу располагать такими вооруженными силами, которыми я сумею использовать во время войны в случае, если последняя станет необходимостью». Вот что это означало, не правда ли? И именно таким образом вы это тогда понимали, не так ли?

Рёдер: Нет, о войне вообще не было и речи, только о факте, что мы должны были сохранить своё положение среди остальных наций для того, чтобы нас больше не могли пинать, как было на самом деле.

Максвелл-Файф: Если бы кто-нибудь попытался столкнуть вас с пути, вы вступили бы с ним в борьбу, не правда ли?

Рёдер: Совершенно верно. Конечно, это было бы случаем, если бы на нас напали. Мы хотели быть в состоянии защищать себя, если бы были атакованы. До той поры не могли так делать.

Максвелл-Файф: Давайте в качестве первого примера рассмотрим вопрос о том, когда, по вашему предположению, должна была начаться борьба. Если вы посмотрите на документальную книгу 10а, документ номер С-140, страница 104 английского перевода и страница 157 немецкой версии, вы помните директиву фельдмаршала фон Бломберга относительно ухода Германии с Конференции по разоружению и выходе из Лиги Наций. И тут содержатся весьма полные общие директивы о том, какие военные меры вы должны были предпринять, если бы члены Лиги Наций применили против вас санкции. Другими словами, вы были полностью готовы...

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: ...к ведению войны, которая могла возникнуть в результате этой мирной политики. Ведь это так, не правда ли? Именно об этом говорится в директиве. Она содержит указание на все подготовительные меры для ведения борьбы?

Рёдер: Насколько мне помнится, эта подготовка была проведена одиннадцать дней спустя после нашего ухода из Лиги наций, и поэтому совершенно ясно, что фюрер считал, что если в ответ на этот выход из Лиги наций, являвшийся совершенно мирным актом, последуют мероприятия или санкции военного характера, то мы должны будем обороняться, а так как это нападение было возможно, мы должны были провести соответствующую подготовку.

Максвелл-Файф: Подсудимый, таким образом, вы сознавали, что уже в октябре 1933 года внешняя политика Гитлера могла немедленно привести к войне, не так ли?

Рёдер: Нет, я вообще не ожидал, что такая мера как выход из Лиги наций, в которой с нами всегда обращались несправедливо, потому что мы не имели за собой силы, приведет к войне с какой-либо иной державой. Вместе с тем, мы считались с возможностью начала такой войны.

Максвелл-Файф: Этого для меня совершенно достаточно.

Теперь, позвольте взглянуть на туже самую документальную книгу, документ номер С-153, на странице 107 английской версии и странице 164-167 немецкой версии. То есть, вы помните, ваш план вооружений для третьей стадии вооружения, и я бы хотел, чтобы вы посмотрели на параграф 3.

В «a» и «b» параграфа 3 вы излагаете общие основы ваших мероприятий.

«a» Твёрдая основа для стратегических соображений военного руководства, и

«b» Ясная картина для политического руководства о том чего можно достичь доступными военными средствами».

Рёдер: Да, совершенно ясно, что такой план имел бы такую цель.

Максвелл-Файф: И, что ваши политические руководители должны планировать свою деятельность в соответствии с тем, какими вооруженными силами будет располагать Германия на случай войны. Вы тогда предусматривали именно это, не правда ли?

Рёдер: Это же, само собой разумеется. Я доложил фюреру, что в этом году я могу привести в боевую готовность определенное количество боевых единиц, и это необходимо было знать главе государства, так как он должен знать, на что он может рассчитывать. Однако это не имеет никакого отношения к планам агрессивной войны. Это происходит во всех государствах. С другой стороны, я не могу говорить политическому руководителю о том, сколько мы должны иметь, я ему могу докладывать лишь о том, сколько я могу обеспечить. Я делаю только то, что необходимо и что делается в каждом государстве.

Максвелл-Файф: Прошу вас посмотреть на параграф 7.

Я не собираюсь спорить с вами по вопросу о том, строит ли государство свою внешнюю политику на каких-либо других основаниях, кроме войны, и не собираюсь подвергать это обсуждению. Попрошу вас обратиться к параграфу 7. «Все теоретические и практические подготовительные R-мероприятия (вооружение) должны производиться таким образом, чтобы, прежде всего, имелась в виду готовность к войне без установления предварительного срока нападения».

Это означало, что вы в той степени, в какой это касалось флота, должны были быть готовы к немедленному переходу на военное положение, то есть суметь немедленно перевести флот на военное положение. Разве это неправильно?

Рёдер: Нет. Здесь речь идет о той последовательности, в которой должны были проводиться эти дозволенные мероприятия. Этот план вооружения предусматривал все то, что было крайне необходимо для флота, и надо было создать такое вооружение, которое можно было бы сейчас же применить, то есть нужно было создать такой флот, который был бы спущен на воду и все время находился бы в боевой готовности. Этот флот, эти боевые единицы должны были обеспечиваться в первую очередь, а затем можно было обсуждать вопрос о размещении и о том, что не имело непосредственного отношения к боевым операциям.

Максвелл-Файф: Мне казалось, что именно это я вам и говорил, то есть что флот должен был быть готов, должен был находиться в состоянии готовности к войне. Однако вы изложили вашу точку зрения на этот вопрос.

Будьте любезны, перевернуть на страницу 66 документальной книги 10, страницу 285 немецкой документальной книги; милорд, документ номер С-189.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я хочу поднять вопрос, которого вы касались во время вашего прямого допроса и постановку которого я должен оспаривать. Вы говорите во втором абзаце:

> «Главнокомандующий флотом выражает мнение, что впоследствии» — я прошу вас обратить внимание на слова «впоследствии» — «флот, следует каким-то образом развивать против Англии и, что начиная с 1936 года и впредь крупные корабли необходимо вооружать 35-см орудиями».

Теперь вы заявляете трибуналу, что слова «gegen England[193]» не употребляются в смысле «с враждебными намерениями» или в смысле «направлены против», или «в борьбе против», а означают лишь «в сравнении с чем-то». Вы серьезно заявляете об этом, не так ли?

Рёдер: Я уже говорил здесь, что в отношении вооружения нашего флота мы должны были по кому-то равняться; до сих пор мы равнялись по французскому флоту, который был вооружен 33-см орудиями. Позднее Англия увеличила калибр своих орудий до 35, 6-см. Затем Франция вооружила свой флот орудиями калибром 38 см. Тогда я сказал фюреру, что нашими 28-см орудиями, с которыми мы думали противостоять Франции, противостоять кораблям типа «Dunkerque» мы не можем, мы должны взять на вооружение орудия следующего калибра, то есть 35,6-см орудия как у английских кораблей. Это никогда так и не было сделано, так как французы увеличили калибр своих орудий до 38 см, и мы со своими кораблями типа «Bismarck» шли вслед за Францией.

Такие сравнения калибров и типов кораблей были обычным явлением в повседневной работе и также были…

Максвелл-Файф: Вы все это говорили нам прежде. Мой вопрос чрезвычайно прост. Этот документ является немецким подлинником, и слова «против Англии» означают совершенно то же, что они означают в вашей песне «Wir fahren gegen England[194]». Это значит «против» — «с враждебными намерениями», «направлено против», а не «в сравнении». Вот что я хочу вам сказать. Это очень короткая и ясная мысль.

Вы заявляете трибуналу, что «gegen England» значит: «в сравнении с Англией»?

---

[193] «против Англии» (нем.)

[194] «Мы идем против Англии» - немецкая песня сочиненная Германом Лёном в 1914.

Рёдер: На это я хочу сказать, потому что сказано: «развиваться против Англии», но в тот момент мы еще не заключали морского соглашения, и я, конечно, я бы не мог рассматривать курс антибританской политики.

Максвелл-Файф: Посмотрите на следующую страницу, документ номер С-190, страница 67 английской документальной книги, страница 284 немецкой документальной книги.

Обратитесь к вашей беседе с Гитлером 2 ноября 1934 г., во время которой вы обсуждали вопрос об увеличении сметы флота и о необходимости крупных денежных средств. Я хочу, чтобы вы посмотрели в конец первого абзац который приводит причины.

«Он считает жизненно необходимым, чтобы флот был увеличен согласно предусмотренному плану» — теперь смотрите, — «поскольку никакая война не будет возможна, если флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии».

Вы все еще заявляете трибуналу, что, начиная с 1934 года, вы не замышляли войны? Если это так, то почему Гитлер говорил таким образом? Ведь это являлось одним из самых важных моментов германской морской стратегии.

«Никакая война не будет возможна, если флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии.

Разве вы не замышляли войны уже в ноябре? Разве это не так?

Рёдер: Гитлер сказал: «Флот строится для того, чтобы в случае, если война будет необходима, если надо будет, этот флот мог выступить со своим оружием». Он только для этого и строился, и эта идея была одним из общих оснований, которые оправдывали существование германского флота. Было много людей которые считали, что флот не нужен.

Максвелл-Файф: Вы заявили трибуналу, что военно-морской флот имел перед собой исключительно оборонительные задачи, что ваши подготовительные мероприятия носили исключительно оборонительный характер. Я утверждаю, что Гитлер в данном высказывании замышлял войну и намечал задачи флота во время этой войны за несколько месяцев до того, как он собирался денонсировать военные пункты Версальского договора.

Вы все были готовы к войне, если бы она явилась необходимостью, и вы это знали. Разве не таково было положение вещей?

Рёдер: Господин обвинитель, это совершенно ошибочная интерпретация. Безусловно, в мирное время необходимо обдумывать всевозможные случаи, когда

придется прибегать к вооруженным силам для того, чтобы обороняться, так как в то время никто не думал об агрессивных войнах, а следовало уяснить себе отдельные задачи. Несомненно, задачей флота во время войны было обеспечение подвоза железной руды из Швеции и Норвегии. В соответствии с этим и следовало строить наш флот.

Максвелл-Файф: Прошу вас посмотреть на следующую фразу во втором абзаце: «Затем я указал, что желательно будет закончить сборку шести подводных лодок к тому времени, когда возникнет критическая политическая ситуация в первом квартале 1935 года».

Таким образом, вы готовились к критической политической ситуации?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим, что вы делали в 1936 году. Передайте подсудимому и доктору Симерсу документ номер D-806.

Это ваш доклад, датированный 11 ноября 1936, касательно программы строительства подводных лодок, и после первого абзаца, во втором абзаце, вы говорите следующее:

> «Военная и политическая ситуация настоятельно требуют, чтобы мы немедленно приступили к увеличению нашего подводного флота и закончили это мероприятие как можно скорее, затратив на его выполнение всю энергию, поскольку подводный флот является особенно ценной частью нашего вооружения на море и обладает специфическими возможностями как ударная сила».

Заявляете ли вы, что то, к чему вы тогда призывали, имело исключительно оборонительный характер и что у вас даже и в мыслях не было использовать специфические возможности той ударной силы, которая могла потребоваться во время войны?

Рёдер: Насколько мне помнится, в то время из общей политической ситуации я делал вывод о необходимости поставить строительство подводного флота на первый план. Но я никогда не считался с возможностью того, что мы начнем войну по своей инициативе. Мне всегда об этом говорил Гитлер, но он проводил свои политические мероприятия, и, конечно, эти политические мероприятия могли привести к войне, если бы другие державы не выступили против них. Между прочим, меня упрекали тогда в том, что я слишком медленно производил строительство подводных лодок и не ускорял его.

Максвелл-Файф: Вы достаточно ясно подчеркиваете это здесь: в связи с «военной и политической ситуацией», не правда ли? Вас полностью информировали о политической ситуации, и вы соответствующим образом приспосабливали свое военно-морское вооружение. Разве не так?

Рёдер: Я в то время не только ничего не знал о том, что случится позднее, но я узнал о том, что мы заняли Рейнскую область, только в год ее занятия. Тогда же я узнал также и о том, что Гитлер ввиду занятия Рейнской области видел на горизонте скопление черных туч, которые угрожали нам, и поэтому приказал нам проявлять чрезвычайную осторожность. Он заявил, что надо быть готовым к осложнениям. Поэтому-то в 1936 году и был издан специальный указ. Этими соображениями обусловливалась моя осторожность. Я считал своим долгом вести самое детальное наблюдение, и соответственно этому наблюдению и своим выводам я укреплял свой флот. Под этим углом зрения следует рассматривать данный документ, по которому вы мне не задали ни одного вопроса.

Если я запрашивал разрешение на постройку шести подводных лодок на случай политических осложнений в начале 1935 года, когда еще не было заключено морское соглашение (оно было подписано в июне), то это тоже относилось к возможным осложнениям, а я уже знал тогда о готовившемся объявлении восстановления военного суверенитета в 1935 году.

Максвелл-Файф: Вы заявили нам о том, что вам было известно в 1936 году. Давайте теперь перейдем к 1937 году. Я хочу точно знать, что вы говорите по этому поводу. Это, конечно, как вы помните, вернет нас к документу Хоссбаха PS-386 который на странице 81 документальной книги 10, страница 314 немецкой документальной книги.

Председатель: Сэр Дэвид, вы привели номер этого последнего документа?

Максвелл-Файф: Милорд, я крайне благодарен. Это экземпляр GB-462.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я хочу лишь, чтобы вы – вы нашли это, страница 314 немецкой документальной книги?

Рёдер: Вы можете сказать мне параграф? У меня…

Максвелл-Файф: Прежде всего, я хочу спросить вас по поводу последней фразы в третьем абзаце. Здесь приводится следующее заявление Гитлера: «Будущее Германии зависит, поэтому исключительно от разрешения вопроса о необходимости жизненного пространства»

И затем я хотел, чтобы вы, если вы будете так любезны, перешли на страницу 316. Милорд это страница 83 английской документальной книги. Это повторяется. Милорд, это семь строчек ниже. Где Гитлер говорит: «Единственным выходом из создавшегося положения, и даже этот выход может показаться мнимым, является обеспечение большего жизненного пространства». Далее он говорит: «История всех времен показала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления». Затем в отдельном параграфе записано, что он говорит: «Вопрос для Германии заключается в том, где можно захватить наибольшие пространства при наименьших затратах».

Вы видите это на странице 316?

Рёдер: Могу я начать с последнего? Он неправильно переведён.

Максвелл-Файф: Да, это то о чём я действительно собираюсь вас спросить. Я хочу, чтобы вы нам сказали, вы слышали, что Гитлер говорил, что главной проблемой было «захватить наибольшие пространства при наименьших затратах».

Рёдер: Нет, в английской книге документов сказано «захватить», а в немецком документе этого нет. В немецком документе говорится: «Нужно добиться наибольших результатов с наименьшей затратой сил». Это фраза, заимствованная из спорта. Здесь вообще нет речи о каких-либо захватах.

Максвелл-Файф: Я готов согласиться с тем, что это следует за выдержкой, которую я только что привел вам весьма подробно, потому что я не хочу ничего вырывать из контекста. Оценили ли вы должным образом следующее заявление Гитлера: «Единственной возможностью для Германии является добыть для себя дополнительные жизненные пространства» и что этого необходимо было добиться за счет других наций? Он говорил это, не правда ли?

Рёдер: Да, он сказал так, и я уже недавно говорил здесь, как это следует понимать. Он говорил вообще об Австрии, Чехословакии и Судетах. Мы считали, что он не намеревается менять свою политику, и действительно эта политика не была изменена, то есть мы не выступили с войной ни против Чехословакии, ни против Австрии.

Мы были убеждены, что он сумеет разрешить эти вопросы, так же как и все другие сложные политические проблемы, мирным путем. Я подробно говорил об этом.

Максвелл-Файф: Именно об этом я и собирался вас спросить. Вы сами перешли к рассмотрению второго вопроса, на котором я хотел остановиться. В остальной своей части этот документ касается операций против Австрии и Чехословакии.

Я полагаю, вы согласитесь со мной, что фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич несколько охладили пыл Гитлера в отношении этих его планов. Разве я неправильно освещаю эти факты?

Рёдер: Да, правильно.

Максвелл-Файф: Этим они, скорее, показали свое отрицательное отношение к этим планам?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Таким образом, это имело место в ноябре 1937 года?

Рёдер: Мы всегда говорили ему, что он ни в коем случае не должен доводить дело до войны с Англией и Францией, причем он всегда соглашался с нами. Однако я уже говорил, что, произнося эту речь, он преследовал определенные цели и поэтому во многих случаях допускал

большие преувеличения; затем он сразу отказался от таких преувеличений, когда ему было указано на опасность войны с Францией и Англией.

Максвелл-Файф: Именно об этом я и хотел спросить вас. Это было в ноябре. К январю фельдмаршал фон Бломберг уже вступил в свой неудачный брак, не так ли?

Рёдер: Пожалуй, это было в январе, однако я не могу этого утверждать точно.

Максвелл-Файф: И вы - придерживались той точки зрения, не так ли, что подсудимый Геринг побуждал его поступить таким образом?

Рёдер: Нет, этого я никогда не говорил.

Максвелл-Файф: Разве вы этого не говорили?

Рёдер: Нет, этого я не знал. Я вообще так никогда не думал.

Максвелл-Файф: Вы помните, что вы по этому поводу сделали заявление в Москве? Разрешите, я зачитаю вам его.

Рёдер: Пожалуйста, кому?

Максвелл-Файф: В Москве русским.

> «В 1938 году, в самом его начале, у меня были переживания личного характера, которые, несмотря на то, что они не касались флота, непосредственно вызвали у меня потерю доверия не только к Герингу, но и к искренности фюрера. Положение, в котором оказался фельдмаршал фон Бломберг в результате своего несчастного брака[195], сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту главнокомандующего вооруженными силами. Слишком поздно я пришел к заключению, что Геринг всеми силами стремился добиться поста главнокомандующего вооруженными силами вместо Бломберга.
> Он поощрял этот брак, поскольку он делал Бломберга неподходящим человеком для занятия этой должности, в то время как Бломберг полагал и даже неоднократно высказывался в том смысле, что подобн ый брак возможен при существовавшей системе. Геринг еще ранее установил за ним слежку, о чем я узнал из более поздних высказываний».
> Разве вы этого не говорили?

Рёдер: В Москве непосредственно после поражения я написал свои соображения о причинах этого поражения. Этот документ я писал в таких условиях — со мной обходились истинно по-рыцарски, — что я без всяких колебаний сообщил об этом высшему генералу комиссариата внутренних дел, когда меня об этом попросили.

Максвелл-Файф: Я хочу только знать, правильно ли, что вы это заявили?

---

[195] В январе 1938 года Бломберг женился на Еве Грун. Гитлер и Геринг были свидетелями. Вскоре выяснилось, что Ева Грун до замужества работала массажисткой в салоне матери и вообще была девушкой лёгкого поведения и давно стояла на заметке у полиции. Кроме того, она распространяла порнографические открытки.

Рёдер: Да. Я сделал эту запись. И совершенно верно, что впоследствии мне пришла в голову мысль, что Геринг способствовал этой женитьбе. Мне кажется, что он сказал мне здесь об этом сам. Он помог Бломбергу, так как он, очевидно, не знал, насколько все это усложнит общую обстановку.

Максвелл-Файф: Видите ли, в то время вы придерживались той точки зрения, что Геринг поощрял этот брак потому, что он знал, что в результате его фон Бломберг будет вынужден как главнокомандующий сойти со сцены, и что он это делал потому, что он, Геринг, хотел занять этот пост. Этой ли точки зрения вы придерживались прошлым летом?

Рёдер: Да, прошлым летом я думал, таким образом, и, несомненно, Геринг очень хотел стать главнокомандующим вооруженными силами, но фюрер сам расстроил его планы.

Максвелл-Файф: Хорошо, все это касалось фон Бломберга. Нам известно, что с ним случилось. Вашим вторым кандидатом на этот пост после фон Бломберга, лучшим его преемником на посту главнокомандующего явился фон Фрич, не так ли?

Рёдер: Так точно.

Максвелл-Файф: Вы говорили об этом Гитлеру? И...

Рёдер: Да, он спросил меня, и я сказал ему, что предложил бы барона фон Фрича, но фюрер сказал, что эта кандидатура неприемлема.

Максвелл-Файф: Да, но против фон Фрича было выдвинуто обвинение в гомосексуализме. Разве это не так? Именно по этой причине он не мог быть назначен на этот пост?

Рёдер: Да, фюрер сказал, что он нарушил законы морали.

Максвелл-Файф: Вы входили в состав суда, разбиравшего это обвинение, не правда ли? Геринг был председателем суда, а вы и фон Браухич — его членами?

Рёдер: Так точно.

Максвелл-Файф: И вы пришли к выводу, что обвинение в гомосексуализме, выдвинутое против фон Фрича, является ложным и подстроено Гестапо, не так ли? Вы понимаете, что я хочу сказать? Я боюсь, что слово «подставить» довольно трудно перевести точно.

Рёдер: Да, такое впечатление у меня создалось.

Максвелл-Файф: Все это объяснялось тем, что донос исходил от какой-то темной личности, которая, как вы считали, являлась одним из «прихвостней» Гестапо. На суде были выявлены факты сотрудничества Гестапо с обвинителем, не так ли? Это ведь правильно?

Вы были удовлетворены ходом процесса?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: И вы согласны с тем, что не произошло никакой путаницы и что виновным оказался капитан кавалерии ротмистр фон Фрич, а совсем не этот генерал. Это ведь правильно, не так ли?

Рёдер: Да, я с этим согласен. Мы доказали невиновность фон Фрича и оправдали его, так что не осталось никаких подозрений в его честности.

Максвелл-Файф: Вы оправдали его, однако он не был восстановлен в должности? За его оправданием не последовало его восстановления на занимаемом им военном посту?

Рёдер: Нет. Я пошел к нему, так как я был с ним в дружественных отношениях, и спросил его, согласится ли он на то, чтобы я пошел к Гитлеру и попросил его восстановить барона фон Фрича в должности. Однако фон Фрич ответил, что он считает это совершенно невозможным, так как авторитет его настолько поколебался, что ему не хотелось бы снова брать на себя должность и обязанности главнокомандующего. После этого, к сожалению, я ничего не мог поделать. Я доложил об этом фюреру, но это осталось без последствий. Фюрер со своей стороны на собрании генералов и адмиралов заявил о полной невиновности барона фон Фрича.

Максвелл-Файф: Сделали ли вы следующее заявление в связи с инцидентом, который произошел с фон Фричем:

> «Я был убежден, что Геринг приложил руку к этому хорошо подстроенному делу, поскольку для того, чтобы добиться своей цели, ему необходимо было устранить любого возможного преемника фон Бломберга»?
>
> Вы помните, что вы говорили это?

Рёдер: Я не припоминаю этого, но, очевидно, это так. Справедливости ради, я должен сказать, что барон фон Фрич был оправдан из-за принципиальной позиции занятой Герингом в ведении этих слушаний. Свидетель, которого доставили, каждые несколько минут делал так много лживых и так много противоречивых заявлений, что только Геринг мог с этим справиться. После наблюдения такого, я был очень благодарен, что не был назначен председательствующим, как предлагалось министром юстиции. Я бы не справился с этими людьми. Только из-за вмешательства Геринга оправдание прошло без каких-либо сложностей.

Максвелл-Файф: Свидетель, но конечно, я думаю, вы сказали, что оправданный или нет, авторитет фон Фрича в германской армии был в его собственных глазах уничтожен фактом, что такое обвинение могло выдвигаться против него. Таким был результат, не так ли?

Рёдер: Господин фон Фрич так думал. Я бы настоял на восстановлении после оправдания таким образом.

Максвелл-Файф: Вас не удивило, что два человека, которые 5 ноября попытались отвратить Гитлера от курса который мог означать войну, оба были опозорены за 2 месяца? Это не вызвало вашего удивления?

Рёдер: Это вообще меня не удивило; и связи точно нет. Если бы Гитлер думал о необходимости устранить людей на высших должностях, которые противоречили ему в таких вопросах, он бы давно меня устранил. Но он никогда ничего такого мне не говорил, и я никогда не замечал, чтобы он говорил что-нибудь такое, потому что я противоречил ему. Я постоянно указывал, что не следует провоцировать войну относительно этого же самого вопроса об Англии и Франции; и никогда у меня не складывалось впечатление, что он, когда-либо неправильно это воспринимал.

Максвелл-Файф: Итак, позвольте нам это пройти это очень кратко. Через шесть недель после того как Бломберг был обесчещен и фон Фрич смещен с должности, произошел аншлюс Австрии.

Заявляете ли вы трибуналу, что вам было неизвестно, что к аншлюсу Австрии демонстративно производились подготовительные мероприятия военного характера, мероприятия, которые описывал в своем дневнике генерал Йодль и о которых также говорил фельдмаршал Кейтель? Было ли вам известно, что Австрии будут угрожать военным нападением?

Рёдер: Мне кажется, что я никогда не участвовал в совещании по вопросу об аншлюсе Австрии, так как я действительно не имел к этому ни малейшего отношения. Но мне хотелось бы раз и навсегда разъяснить здесь, что о таких мероприятиях, как, например, аншлюсе Австрии, я узнавал значительно позже, только после того, как фюрер издавал соответствующий приказ и одна копия этого приказа, независимо от того, участвовал флот в этих операциях или нет, направлялась мне, как главнокомандующему флотом. Видимо, в этом случае я тоже получил копию такого приказа, который я должен был принять к сведению. Я не могу точно указать даты, но я подтверждаю, что такой приказ доводился до моего сведения.

Максвелл-Файф: Видите ли, я говорю о следующем, и я не хотел бы напрасно тратить на это время. Я говорю, что 5 ноября Гитлер заявил, что он собирается получить Австрию не позднее чем в 1943—1945 гг. или даже раньше, если представится благоприятная возможность. Через четыре месяца после этого, в марте 1938 года, он захватил Австрию после того, как избавился от людей, которые охлаждали тот пыл, с которым он проводил свои планы. Но если вам об этом неизвестно, мы не будем тратить на это время и

обратимся к Чехословакии, потому что по этому поводу вами был получен декрет.

Вы найдете это на странице 163 документальной книги 10а, страница 276 немецкой документальной книги. Эта рассылка директивы об операциях против Чехословакии. Она приводит дату той, что от 24 июня, и вы увидите, что в ней говорится о необходимости обеспечить ее проведение не позднее 1 октября 1938 г. Вам как главнокомандующему флотом была направлена вторая копия этой директивы.

Теперь если вы перевернете на страницу с самой директивой, 146 английской документальной книги, 277-278, вы увидите, что первая фраза первого абзаца, озаглавленного «Политические предпосылки», гласит:

> «Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций. Задачей политических руководителей является выбрать или подготовить для этого подходящий момент, как с точки зрения политической, так и с точки зрения военной».

Рёдер: Могу я спросить, где это? Кажется, я не могу найти.

Максвелл-Файф: Первая фраза директивы, параграф 1, политические предпосылки – фраза 1: «Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций»

Рёдер: Здесь перепутана нумерация.

Максвелл-Файф: Извиняюсь. Страницы 277, 278.

Рёдер: Да. Теперь я нашел. Какая дата?

Максвелл-Файф: 28 мая 1938 г., то есть примерно через шесть месяцев после совещания, на котором вы присутствовали и на котором Гитлер заявил, что он нападет на Чехословакию при первой же возможности, которая ему представится. Разве это не заставило вас думать, что речь Гитлера в ноябре не была попросту пустословием, а являлась изложением его планов?

Рёдер: Нет, потому что он придерживался переменчивости решений всё лето. Он каждый месяц принимал новое решение. Это можно увидеть из документа PS-388. Мне кажется было так: 10 сентября началась концентрация войск, и в тот же день начались переговоры. 1 октября началось мирное вступление войск в Судетскую область, после того как другие державы в Мюнхене одобрили этот шаг. После Мюнхенских переговоров[196]…

Максвелл-Файф: Все мы знаем об этом. Вопрос совершенно ясен…

Рёдер: Разрешите мне закончить.

---

[196] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года иподписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

Максвелл-Файф: В мае уже были составлены планы, и фюрер упоминал об этом в своих речах. Он говорил, что принял решение разгромить Чехословакию в конце мая путем проведения военных мероприятий. Заявляете ли вы трибуналу, что, прочитав эту директиву, вы все еще придерживались той точки зрения, что Гитлер не имеет агрессивных намерений? Вот мой вопрос.
Рёдер: Да, в конце мая.
Максвелл-Файф: Какие еще доказательства могли быть вам нужны, помимо высказанного им самим намерения разгромить Чехословакию? Какие еще более явные доказательства были вам нужны?
Рёдер: Он часто говорил, что он намеревается кого-нибудь разбить и затем так не делал. Затем вопрос был мирно разрешен. Я хочу добавить, что 30 мая – мне кажется такой была дата – после мобилизации осуществляемой Чехословакией, и тогда это заставило его использовать такие суровые слова, так как эта мобилизация могла быть направлена лишь против Германии, и как я сказал, он менял своё мнение три или четыре раза в течение лета, снова и снова говоря, что он придержит своё решение – или, что он не желает применять военную силу.
Максвелл-Файф: Что же трибунал помнит о документе PS-388. Я не спорю о нём. Вы сказали, что это вас это не убеждает.

15 марта 1939 г. Гитлер вступил в Прагу. Не показалось ли вам тогда, что был какой-то смысл в том, что он говорил в своем интервью 5 ноября 1937 г., когда он оккупировал славянскую часть Богемии и Моравии и нарушил свое собственное правило: «Германия для немцев». Не пришло ли вам тогда в голову, что, может быть, в ноябре он не просто шутил и занимался пустословием? Не так ли?
Рёдер: Он издал директиву, в которой говорилось, что на текущий год следует предусмотреть:

1) вопрос о готовности Германии к обороне на случай нападения извне.

2) Решение по остальной Чехословакии в случае занятия ею политической линии враждебной Германии.

Я вообще ничего не знал о его переговорах с Гахой[197] и о его решении после них оккупировать Чехословакию. Я знал, что он согласно этой директиве хочет выступить против Чехословакии в том случае, если сама Чехословакия встанет на путь враждебной по отношению к Германии политики; позже из пропаганды мы узнали, что это так и прошло. К вступлению войск в Чехословакию и Судетскую область я не имел никакого отношения, так как единственное, что мы могли выставить на этот случай, это была Дунайская флотилия, но и она для этой

[197] Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. 13 мая 1945 года арестован за сотрудничество с немцами, в ожидании суда умер в заключении.

операции была подчинена командованию сухопутными силами, следовательно, я вообще не занимался этим вопросом. Никаких других военных приказов не было.

Максвелл-Файф: Таким образом, ваш ответ сводится к тому, что, когда Гитлер вступил в Прагу 15 марта 1939 г., вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений? Вы хотите, чтобы трибунал поверил именно этому заявлению с вашей стороны? Не так ли?

Рёдер: Да, я настаиваю на этом, так как я считаю, что Гитлер не хотел вести войну с Чехословакией. Путем своих политических переговоров с Гахой и проведенных вслед за тем мероприятий он действительно разрешил вопрос таким образом, что никакой войны вообще не было.

Максвелл-Файф: Хорошо. Вы слышали, что подсудимый Геринг показал, что он заявил президенту Гаха о том, что его вооруженные силы будут бомбить Прагу, если Гаха не даст своего согласия. Если это не война, то, во всяком случае, нечто весьма близкое к войне, не так ли?

Рёдер: Это очень близко к этому. Да, угроза.

Максвелл-Файф: Хорошо, давайте рассмотрим следующий период протяжением в два месяца. Если вы в марте все еще не сознавали этого - 23 мая, когда вы прибыли в рейхсканцелярию, там собралось шесть офицеров в высоких чинах, включая вас. Гитлер сказал вам, что он собирается дать вам разъяснение по поводу политической обстановки. Это разъяснение заключалось в следующем: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности». Когда вы услышали от него это заявление 25 мая, вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений?

Рёдер: Я верил в это очень долгое время, точно так же как генерал-полковник Йодль, который заявил об этом: после того как он уладил чешский вопрос путем чисто политических мероприятий, следует надеяться, что и вопрос относительно Польши он разрешит без кровопролития. Я верил в это до последнего момента, до 22 августа.

Максвелл-Файф: Лишь взгляните – я долго этим не займу – на документ L-79, который вы найдете на странице 74, я думаю, это документальная книга 10. Извиняюсь. Страница 298 немецкой документальной книги, я прошу прощения. Я не собираюсь спрашивать вас о документе, так как трибунал с ним уже разбирался. Я попрошу вас посмотреть на список присутствовавших там лиц.

Рёдер: Да, я помню, кто присутствовал.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим. Подполковник Шмундт, впоследствии генерал, главный адъютант Гитлера, был убит 20 июля 1944[198]. Это так? Затем

[198] Заговор 20 июля («Заговор генералов») — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией

подсудимый Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами; вы в качестве главнокомандующего флота; генерал-полковник фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами; генерал Кейтель, начальник ОКВ; генерал Мильх[199], заместитель Геринга; Гальдер, начальник штаба; Шнивинд[200], начальник вашего штаба, и, наконец, Ешшонек[201], который был, как мне кажется, начальником штаба или высоко...

Рёдер: Начальником генерального штаба военно-воздушных сил.

Максвелл-Файф: Да. Затем полковник Варлимонт[202], который был помощником генерала Йодля.

Как вы думаете, для чего Гитлер собрал этих генералов, занимавших высшие командные посты, и заявил им: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности», если у него не было никаких агрессивных намерений? Зачем там собрались эти люди, если не для того, чтобы развязать войну?

Рёдер: Я уже разъяснил, что основной задачей этой речи, как можно увидеть из последней части, было произнесение чисто академической лекции о ведении войны и на основании этой лекции создать штаб для изучения вопросов, связанных с ведением войны, проект которому начальники вооруженных сил сильно противились. Я также вначале объяснял, что его объяснения были поначалу более запутывающими чем я когда-либо слышал о предмете, и что он не отдал директив в отношении них, но что в последних строчках говорил: «Рода войск Вермахта определят то, что будет строиться. Изменений в судостроительной программе не будет. Программа вооружений устанавливается на 1943 или 1944». Когда он это сказал, он точно не мог намереваться решить польский вопрос войной в ближайшем будущем.

Максвелл-Файф: Вы заявляете трибуналу, что, когда он сказал: «Мы не можем ожидать, что дело обернется таким же образом, как в Чехословакии; дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития» — вы не обратили на это никакого внимания? Вы серьезно заявляете трибуналу, что вы не обратили на это внимания?

заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

199 Эрхард Мильх (1892 – 1972) немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал. Заместитель Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

200 Отто Шнивинд (1887 — 1964) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 марта 1944 года). В 1938-1941 руководящий офицер верховного командования флотом.

201 Ганс Ешоннек (1899 — 1943) — деятель Люфтваффе, генерал-полковник. В 1939-1943 начальник генерального штаба воздушных сил. После начала массированных налётов союзной авиации на Германию застрелился.

202 Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

Рёдер: Нет, я действительно не обратил на это внимания. Я постепенно все больше узнавал Гитлера, и мне была известна его привычка преувеличивать в речах все события.

Максвелл-Файф: К этому времени вы уже получили директиву о неожиданном нападении на Данциг в ноябре 1938 года. Вы уже получили директиву от 3 апреля о проведении плана «Белый», и вы знали, что весь этот план уже готовился. Подсудимый, заявляете ли вы серьезно трибуналу, что после 23 мая у вас оставались какие-либо сомнения в том, что Гитлер намеревался вести войну против Польши и был полностью готов к войне с Англией и Францией, если они осуществят свои гарантии? Я хочу дать вам возможность ответить на это до объявления перерыва. Заявляете ли вы, что у вас были какие-либо сомнения в этой связи?

Рёдер: Конечно; я определенно объяснил, что даже в августе у меня всё ещё имелись сомнения. Например, оценивая его речь, я должен был сравнить её, как делается здесь, с речью, которую Гитлер произнес несколькими неделями ранее при спуске «Bismarck», на котором он говорил лишь о мире подлинной справедливости. Эти речи были для меня решающими. Я не основывал свои заключения на этой речи в отдельности, которая воспроизведена в столь запутанной манере; и я подтвердил факт, что в течение всего лета я ни сказал флоту ни слова с предположением о том, что война начнется осенью. Подтверждение этого здесь приводилось; и любой, сможет дать дальнейшую информацию. Когда 22 августа нам сообщили о заключении договора с Россией, я был убежден, что и эта проблема может быть решена мирным путем. Это было моим четким убеждением. Меня можно обвинять в ложном суждении, но я думал, что сформировал правильную оценку Гитлера.

Максвелл-Файф: Как я понял, вы заявляете, что даже 22 августа вы не думали, что у Гитлера есть какие-нибудь агрессивные намерения. Вы действительно хотите это сказать?

Рёдер: Да и причина совершенно для этого подходила, потому что существовала перспектива формирования союза с Россией. Он приводил всякого рода причины, почему Англия и Франция не вмешаются; и все те кто собрались искренне надеялись, на то, что он вновь успешно разрешит вопрос без столкновения.

Максвелл-Файф: Милорд, подошло время прерваться?

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Милорд, я не собираюсь занять много времени. Относительно встречи 22 августа, ваша светлость может вспомнить, что доктор Симерс выдвинул одно положение о двух отчетах о встрече, один в документах PS-1014 и PS-798 и ещё один в отчете адмирала Бёма. У меня есть сравнение подготовленное на английском и немецком языке, показывающее, что положения в обоих одинаковы, и я думаю было бы более удобным добавить это. Пусть доктор Симерс посмотрит на немецкую копию и внесёт любое предложение в подходящее время нежели чем тратить время в перекрестном допросе свидетеля о какой-нибудь разнице в отчетах. Милорд, с разрешения трибунала, я сейчас представлю это и вручу доктору Симерсу копию, для того, чтобы он смог обратить внимание трибунала на любые пункты на соответствующей стадии.

Председатель: Разве адмирал Бём не подготовил отчёты?

Максвелл-Файф: Милорд, отчет обвинения в двух документах, PS-798 и PS-1014.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Есть ещё один документ, который упоминался моим другом, господином Олдерманом, но не приобщался. Это был журналистский отчет, который был первым отчетом имевшимся у обвинения, но когда оно получило два отчета из материалов ОКВ, оно не использовало первый; таким образом я взял только два отчета из материалов ОКВ и отчет адмирала Бёма.

Председатель: Да. Но разве вообще было подготовлено три документа, помимо того, который был исключен?

Максвелл-Файф: Да, милорд, и я взял два и сравнил их с версией адмирал Бёма.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Так что, я не буду рассматривать эту беседу. Я думал это сэкономит время.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ номер PS-789, который на странице 261 книги 10a и страницах 438-440 немецкой книги – 438-440.

Подсудимый заметьте, это совещание от 23 ноября 1939 г. с Гитлером, на котором было приказано присутствовать всем главнокомандующим. Вы видите начало, страницы 438- 440? Вы видите, что там сказано «на котором было приказано присутствовать всем главнокомандующим»? Вы присутствовали?

Рёдер: Да, это совещание состоялось 23 ноября 1939 г., когда война уже началась.

Максвелл-Файф: Да. Вы присутствовали на этом совещании?

Рёдер: Я присутствовал.

Максвелл-Файф: Кто ещё из остальных главнокомандующих присутствовал?

Рёдер: Главнокомандующие армией, воздушными силами, и значительное число генералов из армии.

Максвелл-Файф: «Oberbefehlshaber[203]»?

Рёдер: Да, но в армии…

Максвелл-Файф: Да. Теперь я хотел бы, чтобы вы взглянули на один абзац. Он начинается так: «Через год началась кампания в Австрии. Этот шаг также считали рискованным».

Вы это видите? Видите этот абзац?

Рёдер: Да, я нашел.

Максвелл-Файф: Благодарю. Теперь, я лишь хочу, чтобы вы посмотрели на несколько следующих фраз.

> «Это привело к значительному укреплению Рейха. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Но этот шаг было невозможно совершить за один раз. Прежде всего, нужно было закончить Западный вал[204] на Западе. Одним прыжком невозможно было достичь цели. Мне с первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться Судетской областью. Это было лишь частичное решение вопроса. Было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание Протектората[205], и тем самым была положена основа для завоевания Польши. Но в то время я еще не был уверен, должен ли я сначала выступить против Востока, а затем против Запада или наоборот. В свое время Мольтке[206] часто задумывался над тем же самым. В силу необходимости первой произошла война с Польшей. Меня можно обвинить в желании снова и снова сражаться; в борьбе я вижу судьбу всего сущего. Никто не может избежать борьбы, если он не хочет быть под кем-нибудь. Растущее население требует большего жизненного пространства. Моя цель заключалась в том, чтобы создать логическое соотношение между численностью населения и пространством, которое это население занимает».

Что бы вы до того времени ни думали, вы тогда отдавали себе отчет в том, что Гитлер преследовал логическую и ясную цель, заключавшуюся в агрессии? Это видно из всех материалов, которые я предъявил вам сегодня утром, не правда ли?

---

[203] Главнокомандующий (нем.)

[204] Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» (нем. Siegfriedstellung) — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

[205] Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами. Возглавлялся протектором Рейха.

[206] Хельмут фон Мольтке (1800 — 1891) — граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (16 июня 1871), русский генерал-фельдмаршал (1872), военный теоретик.

Рёдер: Да, но в тот период мы уже вели войну, и он делал своего рода обзор происшедших событий. Кроме того, он хотел доказать генералам, с которыми он в это время находился в конфликте, что его политические соображения всегда правильны. Поэтому он еще раз остановился на всех этих отдельных моментах.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, переверните на страницы 445-448, что страница 264 английской документальной книги, немецкая документальная книга страницы 445-448. У вас есть?

Рёдер: Вероятно, вы будете любезны, зачитать, у меня здесь…

Максвелл-Файф: Абзац начинается следующим образом: «У нас имеется «Ахиллесова пята» — Рур»

Рёдер: У меня есть.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите приблизительно наполовину ниже этого абзаца. Вы увидите: «Англия не может жить без своего импорта. А мы можем пропитать себя сами. Систематическое минирование моря у английского побережья поставит Англию на колени».

Вы нашли это место?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Спасибо. Теперь послушайте.

> «Однако это» - то есть Англия на коленях – «может случиться только, когда мы оккупируем Бельгию и Голландию. Для меня это сложное решение. Никто никогда не достигал того чего достиг я. Моя жизнь при всем этом не имеет значения. Я должен привести немецкий народ к величию даже если весь мир нас возненавидит. Я поставил этот труд на карту. Я выбирал между победой и уничтожением. Я выбрал победу, величайший исторический выбор – сравнимый с решением Фридриха Великого[207] перед войной в Силезии[208]. Пруссия впитала героизм одного человека».
>
> Затем ещё немного о Фридрихе Великом и Бисмарке[209]:
>
> «Мое решение неизменно. Я нападу на Францию и на Англию в самый благоприятный момент, в ближайшее время. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет нас спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не будем обосновывать нарушения этого нейтралитета такими идиотскими причинами, какие были выставлены в 1914 году. Если не мы нарушим нейтралитет,

---

[207] Фридрих II (1712 — 1786) — король Пруссии с 1740 года. Яркий представитель просвещённого абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

[208] Силезские войны — три военных конфликта между Пруссией с Фридрихом Великим во главе и Австрией, в ходе которых в период в 1740—1763 годах провинция Силезия с графством Глац отошли к Пруссии.

[209] Отто фон Бисмарк (1815 —1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути.

тогда это сделают Англия и Франция. Не начав наступления, нельзя закончить войну победоносно».

Подсудимый, вы помните, что это было прямо через три недели после того как 10 ноября был принят план «Жёлтый», то есть план нападения на Голландию и Бельгию? Вы это помните?

Рёдер: Мне известно, что этот вопрос обсуждался. Я знаю также, что мы уже воевали с Англией, и поэтому не было необходимости обсуждать вопрос нападения на Англию и Францию...

Максвелл-Файф: Вы ведь не были в состоянии войны с Голландией и Бельгией, не правда ли?

Рёдер: Пожалуйста, я хочу закончить.

Максвелл-Файф: Извиняюсь, я думал вы закончили.

Рёдер: Здесь говорится: «...если французская армия вступит в Бельгию, чтобы напасть на нее, то для нас будет слишком поздно. Мы должны ее опередить».

В тот период Гитлер заявил, что у него имеются точные сведения о том, что Бельгия не сохранит нейтралитета, что уже предприняты меры к принятию французских и английских войск, и на этом основании он хотел опередить нападение на нас со стороны Бельгии. Впрочем, в речи от 22 августа 1939 г. он выразил диаметрально противоположную мысль, сказав, что Бельгия и Нидерланды никогда не нарушат своего нейтралитета.

Максвелл-Файф: Вы были согласны с его заявлением: «Факт нарушения нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Ни один человек не спросит об этом, когда мы победим»? Вы были согласны с этим?

Рёдер: Нет, я не совсем разделяю подобное мнение, но в тот момент у меня не было повода заявить о своем протесте против этих притязаний.

Максвелл-Файф: Точка зрения командования флота по вопросу о подводной войне была изложена ему месяц спустя. Вы помните, что 30 декабря у вас с Гитлером состоялась беседа, на которой присутствовали генерал-полковник Кейтель и фрегаттен-капитан Путткамер[210]?

Рёдер: Да, 30 декабря я был у Гитлера.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы посмотрели на новый документ, который документ номер С-100, экземпляр номер GB-463.

Председатель: Сэр Дэвид, не следует идентифицировать документ?

---

[210] Карл-Йеско фон Путткамер (1900 —1981) — военно-морской деятель, руководящий сотрудник ОКМ, контр-адмирал (1943). С 1939 офицер связи ВМФ с А. Гитлером.

Максвелл-Файф: Конечно, ваша светлость, правильно. Я думаю нам вероятно лучше присвоить им два номера, по одному для каждого документа PS. Ваша честь, сравнение…

Председатель: PS-1014 уже пронумерован, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, милорд. Номер есть.

Председатель: Я думал, о том что вероятно у сравнительного документа должен быть номер.

Максвелл-Файф: Разумеется. Мы назовём сравнение экземпляром номер GB-464, сравнение с документом номер PS-798; и сравнение документа номер PS-1014, экземпляром номер GB-465?

Председатель: Как я вижу у меня здесь только один.

Максвелл-Файф: Милорд, я собираюсь получить ещё. Боюсь, сейчас мне передали ограниченное количество, но мне ещё принесут.

464, 798; GB-465 будет PS-1014. Это будет сравнение документа номер PS-798 с документом Рёдера, и экземпляр номер GB-465 будет сравнением с документом номер PS-1014 в документальной книге Рёдера.

Я крайне обязан вашей светлости.

Председатель: Сейчас вы собираетесь дать нам документ номер С-100?

Максвелл-Файф: Да, милорд, С-100.

Подсудимый, я буду благодарен, если вы перевернете на несколько страниц, где следует доклад от 30 декабря 1939, и далее после этого есть приложение к докладу фюреру от 30 декабря 1939.

Посмотрите на параграф IV, который говорит:

> «Что касается формы и времени начала дальнейшей интенсификации войны на море, то решение высшего военного командования начать общую интенсификацию войны наступлением на Западе имеет решающее значение».

Вы нашли это, параграф IV?

Рёдер: Страница?

Максвелл-Файф: Боюсь, нумерация отличается.

Рёдер: «Что касается формы» - да.

Максвелл-Файф:

> «Что касается формы и времени начала дальнейшей интенсификации войны на море, то решение высшего военного командования начать общую интенсификацию войны наступлением на Западе имеет решающее значение».
>
> I. Возможность: решение фюрера в пользу наступления на Западе, которое должно начаться в очень скором времени в рамках инструкций принятых к этой дате, путем нарушения нейтралитета

других государств.

В данном случае интенсификация войны на море с политической точки зрения будет представлять лишь небольшую часть общей интенсификации войны. Постепенно переход к интенсификации форм ведения войны на море, в рамках американской запретной зоны имея в виду, в конечном счете, беспощадное применение всех средств ведения войны, для прекращения всей торговли с Англией предлагается поэтому вместе с началом наступления.

Немедленно предусматривать отдельные меры усиления войны на море не является необходимым, — оно может быть отложено до начала общего усиления войны. Благожелательных нейтралов; Италию, Испанию, Японию, Россию так же как и Америку, следует, насколько возможно, щадить».

Правильно ли что, что вы рассчитывали нарушением Гитлером нейтралитета Малых стран затмить благодаря своему большому значению то, что вы примете жесточайшие методы войны на море? Это так?

Рёдер: Нет.

Максвелл-Файф: Что это могло означать кроме этого? Что это могло значить кроме как то, что я вам представил?

Рёдер: Гитлер хотел, чтобы с началом наступления на Западе мы проявили известную активность на море. Он потребовал, чтобы я применил более суровые средства ведения морской войны только в этот момент, хотя поведение английских вооруженных сил давало мне право применять эти радикальные средства значительно раньше. Такие более жестокие методы борьбы были подробно изложены в докладной записке и начали последовательно применяться в ответ на различные мероприятия Британии.

Максвелл-Файф: Я разберусь с меморандумом. Вам нет необходимости опасаться, что я это опущу, но то, что я вам представил было то, что вы не только одобрили нарушение нейтралитета Голландии и Бельгии, но со своей стороны, то есть со стороны военно-морского флота, вы были готовы помогать этому путем усиления подводной войны. Это правильно?

Рёдер: Это передергивание моих слов. Я вообще не имел ничего общего с нарушением нейтралитета этих стран, так как флот даже не входил в эти страны вместе с армией. Я был только заинтересован в том, чтобы постепенно усиливать подводную войну для того, чтобы ответить контрмерами на мероприятия британцев, которые также шли вразрез с нормами международного права.

Максвелл-Файф: Я перейду к вопросу о подводной войне позже, но сейчас я постараюсь рассмотреть вопрос в последовательном порядке. Имеются еще только

два пункта, касающиеся агрессивной войны. Я прошу вас помочь мне в одном или двух пунктах, касающихся Норвегии.

Вас удовлетворяло то положение, что Норвегия оставалась нейтральной, неоккупированной до тех пор, пока у вас существовал защищенный путь вдоль норвежского побережья в нейтральных водах. Правильно это? Для вас было важно иметь свободный доступ в нейтральные воды, чтобы не только ваши суда, но также и ваши подводные лодки могли заходить в нейтральные воды и начинать оттуда свои операции. Правильно это?

Рёдер: Нет, вопрос о возникновении и проведении в жизнь плана кампании против Норвегии я подробно изложил в документах. В то время существовала опасность занятия Норвегии британцами, о чем мы узнали из различных источников. Конечно, если бы мы были вынуждены оккупировать норвежское побережье, тогда, помимо всех проблем о которых я объяснял, у нас было бы преимущество которое мы могли получить от этого или такой базы для наших атлантических субмарин.

Максвелл-Файф: Заявляете ли вы трибуналу, будто морское командование серьезно думало, что британцы намерены занять Норвегию?

Рёдер: Да, совершенно определенно, я думал именно так, потому что у меня было много сведений, и я не мог в этом сомневаться; позже это подтвердилось на деле.

Максвелл-Файф: Тогда я вас попрошу посмотреть на один или два типичных доклада флота. Мы не хотим снова ссылаться на документ, но мы начнем отсюда.

Вы помните, что 13 марта 1940 г. генерал Йодль в своем дневнике сделал запись относительно того, что фюрер все еще ищет оправдания. Вы помните это, не правда ли?

Рёдер: Я уже говорил, что выражение «оправдание» неправильное, оно неверно переведено. Йодль написал «обоснование». Но это также ошибочно – пожалуйста, позвольте мне закончить – даже это не верно, потому что у фюрера имелось обилие причин, которые он изложил в инструкции от 1-го марта, и всем нам это было известно. Я сказал, что под выражением «обоснование» он вероятно подразумевал, что ещё не составлена дипломатическая нота. Он ничего не говорил министру иностранных дел на той стадии. Я говорил вам под присягой, и я сегодня повторяю это под присягой.

Максвелл-Файф: Понимаю. Это смысл, который вы придали этой записи. Теперь взгляните на ваш документ Рёдер 81, который имеется в книге документов Рёдера 5, страница 376.

Рёдер: Могу я получить документальную книгу 5?

Максвелл-Файф: О, у вас нет. Извиняюсь. Я дам вам.

В этом документе речь идет в первом пункте, о посягательстве англичан на норвежские территориальные воды. В нем сказано:

> «В результате исследования вопроса о том, является ли массовое посягательство англичан на норвежские территориальные воды возможным в таком близком будущем, что оно может представлять собой угрозу для германского судоходства приводит к мнению, что этого не следует ожидать в настоящее время. Транспорты руды можно продолжать ввиду того, что потерь еще не было».

Итак, у вас имелись сведения о том, что 22 марта не ожидалось никакого массового посягательства на норвежские территориальные воды?

Рёдер: Это вообще не была моя концепция. Это был взгляд капитана цур зее Фрике[211], который был тогда начальником оперативного управления. Он не совсем соглашался со мной в данном вопросе. Он считал, что британцам сначала следует позволить войти в Норвегию и затем мы выбросим их через Швецию, полностью искаженная идея с которой я никак не мог согласиться. Я располагал такими точными сведениями, поступившими как раз в этот период от Квислинга и Хагелина, что не оставалось никаких сомнений в том, что британцы в скором времени поведут масштабное наступление в этом районе.

Максвелл-Файф: Вы говорите, что в этом заключалась точка зрения адмирала Фрике, а вы на нее не обратили внимания. Что же, теперь позвольте мне посмотреть…

Рёдер: Меня это не касалось.

Максвелл-Файф: Вам известно, адмирал Ассман которого вы описывали как способного историка вел основной дневник и на следующий день он приводит отчёт о встрече между вами и Гитлером, и он говорит это. Это тот же самый день. Вы могли читать это, потому что он отклонил ваше предложение об использовании подводных лодок близ Галифакса. Это было в тот же день 23 февраля. Затем, в этот день, он пишет, что вы сказали в тот день, что для того, чтобы обеспечить доставку руды из Нарвика, было бы предпочтительно сохранять нейтралитет Норвегии.

Затем 26 марта адмирал Ассман в своем отчете о встрече между вами и Гитлером записывает ваши ответы таким образом: «Высадка британцев в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Рёдер предлагает начать наши действия в следующем новолунии и Гитлер с этим согласен».

---

[211] Курт Фрике (1889-1945) – немецкий адмирал. С 1941 по 1943 начальник штаба командного управления ВМФ Германии.

Это отчет адмирал Ассмана о встрече между вами и Гитлером 26-го марта: «Высадка британцев в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем - Рёдер предлагает начать наши действуя в следующем месяце, 7 апреля, - Гитлер с этим согласен

Вы помните это?

Рёдер: Нет. Однако совершенно невероятно, чтобы я в тот момент не был полностью убежден в предстоящем десанте о котором все документы PS-004 и PS-007 давали мне достоверную информацию. Я не видел документов, но информация содержащаяся в них была полностью доступна.

Как известно, адмирал Ассман использовал для своих записей всевозможные журналы боевых действий и протоколы. Я совершенно определенно не высказывался, таким образом, так как в тот период я неоднократно докладывал Гитлеру, что свои приготовления, начатые задолго до этого, мы закончим в последних числах января, и это и был тот момент, когда следовало провести десант — по причинам, которые я всегда защищал. Совершенно ошибочно предполагать, как это делается здесь, что у меня к этому времени оставалось хоть малейшее сомнение в предстоящей операции. Впоследствии мои предположения подтвердились...

Максвелл-Файф: Что же, теперь мы должны…

Рёдер: И позднее, все это оказалось правильным.

Максвелл-Файф: Мы должны разобраться с этим вопросом. Вы говорили нам, что адмирал Ассман был ценным офицером и хорошим морским историком.

Рёдер: Он не обманщик, но он сформировал документ из разного рода бумаг и я не могу представить, как он мог придти к заявлению, которого я точно не делал.

Максвелл-Файф: Хорошо, но вторая часть, вторая фраза является правильной, не правда ли? «Рёдер предлагает, чтобы мы начали действия в следующее новолуние (7 апреля)».

Это правильно; вы действительно тогда начали вторжение. Тогда именно ваша армада вышла в море и прибыла на место 9 апреля, не так ли?

Рёдер: Конечно, я настаивал на высадке десанта в Норвегии в самое ближайшее время, то есть как только наступят благоприятные метеорологические условия. Так мы раньше решили, и так распорядился Гитлер. За это я принимаю на себя полную ответственность, и это было вполне обоснованно.

Максвелл-Файф: Что же. Снова я не должен спорить с вами, но получается так, что сказанное вами адмиралу Ассману, который прав в своей второй фразе, не только ошибся, а полностью ошибся – я имею в виду, говорит противное правде, когда он говорит, что британская высадка в Норвегии не считалась неминуемой.

А теперь, мы немного дадим этому развитие.

Рёдер: Я лишь представил фюреру вопрос о высадке в Норвегии как предположение, что эта информация была доступна и оставалась бы доступной.

Председатель: Сэр Дэвид, что за документ от 26 марта 1940?

Максвелл-Файф: Это выдержка из дневника Ассмана, который я использовал ранее, и я приводил тоже самое и представлял для идентификации. Милорд, извиняюсь, я ещё не копировал. Я должен был это сделать.

Рёдер: Я был бы благодарен, если бы вероятно могли показать мне документ. Вы показали мне все остальные, но не тот, что я оспариваю.

Максвелл-Файф: Прошу прощения. Это такая краткая выдержка, что я подумал вы поняли это от меня, но последнее, чего я хочу, - это не показывать вам никаких документов.

Максвелл-Файф: Вы видите запись от 26 марта, где сказано:

> «Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Рёдер предложил начать наши действия в следующее новолуние (7 апреля), и Гитлер с этим согласен. Дальнейшие дискуссии о миноукладке у Скапа перед норвежским вторжением в Норвегию. Гитлер согласен и соответственно издаст распоряжения».

Рёдер: Могу я к этому вернуться. Здесь сказано, 26 марта 1940: Угроза оккупации Норвегии британцами была неминуемой ко времени заключения русско-финского мира.

То самое русско-финское дело[212] заставило нас подумать о срочной высадке десанта, так как имелись опасения, что под предлогом оказания помощи финнам англичане предпримут бескровную оккупацию Норвегии.

Затем я перехожу к вопросу о фюрере, неминуема ли высадка британцев в Норвегии. Нужно учитывать, что Ассман подытожил всё это из журналов боевых действий, и данный вопрос объясняется фактом, что фюрер хотел знать измениться ли как-нибудь ситуация, потому что подписали мир. Однако ситуация вообще не изменилась, потому что мы на самом деле знали, что высадки британцев должны были провести не для помощи финнам, а по другим причинам. Таким образом, на этот вопрос о том, являлась ли в тот момент, то есть после заключения мира, высадка британцев актуальной проблемой, я ответил отрицательно Главнокомандующий флотом предлагает акцию к следующему новолунию, 7 апреля – фюрер согласен. Всё осталось как есть. На единственный вопрос следует ли нам сразу же высадиться ввиду этого мирного договора, я ответил: «Нет». То есть совершенно другое нежели говорите мне вы.

[212] Советско-финская война 1939—1940 годов — война между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года.

Максвелл-Файф: Вы прочитаете запись за 26 марта. О чём запись от 26 марта? Вы прочитаете на немецком, и мы сможем перевести это.

Рёдер:

> «Угроза оккупации Норвегии британцами стала непосредственной ко времени заключения русско-финского мира. Ввиду заключения мира они, видимо, отложили эту операцию. На вопрос фюрера о том, является ли в настоящий момент британский десант в Норвегии неминуемым, главнокомандующий флотом дает отрицательный ответ…».

Да, это не означало, что ввиду этого мы должны были отказаться от идеи.

«Главнокомандующий флотом предлагает провести акцию на следующее новолуние». Основания для нашей высадки остались прежними, только эти финские дела нельзя было больше использовать британцам.

Максвелл-Файф: Мирный договор и окончание войны с Финляндией состоялись в середине марта. Это тогда не входило в планы?

Рёдер: Конечно, это не играло больше для нас никакой роли, но другие наши причины оставались теми же.

Максвелл-Файф: Хорошо. Взгляните на документ номер D-843. Это экземпляр номер GB-466. Это отчет вашего дипломатического представителя в Норвегии от 29 марта, где в конце параграфа 1 вы увидите следующее:

> «Британцы, очевидно, не хотели взять на себя ответственность за открытое нарушение неприкосновенности норвежской территории и норвежских территориальных вод без причин и за проведение там операций военного характера».

Это цитата министра иностранных дел Норвегии. Затем ваш дипломатический представитель высказывается следующим образом:

> «Будущее покажет, считает ли министр иностранных дел Кут[213] эти вещи достаточно правильными. Однако, как мне ясно видится – то есть представителю германского министра иностранных дел – «часто указывается на то, что у британцев не имеется намерений по высадке, но, что они хотят нарушить перевозки в норвежских территориальных водах, как думает Кут, с целью спровоцировать Германию. Конечно, возможно, что британское поведение последней недели, на которое я также указывал, перерастет в более или менее возросшее вмешательство в территориальных водах для нападений на наше судоходство с норвежского побережья».

И затем параграф 3.

---

[213] Хальвдан Кут (1873- 1965) — норвежский историк, биограф, политический деятель. В 1929—1937 годах депутат парламента, министр иностранных дел в 1935 — 1941 годах.

> «Твердое намерение Норвегии сохранить свой нейтралитет и обеспечить соблюдение правил норвежского нейтралитета можно принять как факт».

Вам сообщили, что ваш дипломатический представитель в Осло докладывал, что британцы не намеревались произвести высадку?

Рёдер: Да, доктор Бройер[214], посланник в Норвегии, стоял на совершенно неверной позиции, так как он верил этим заверениям министра иностранных дел Кута, о которых наш военный атташе неоднократно сообщал, что Кут пляшет под дудку англичан и что поэтому нельзя принимать эти заверения как достоверные. Одновременно мы получили известие от Хагелина, что хотя норвежцы и дают гарантии на бумаге, но сами сказали, что они делают это для видимости и будут продолжать сотрудничать с британцами. Это имеется в представленных нами документах.

Максвелл-Файф: Взгляните на другой документ, на документ D-444. Это — то, что сообщал в то же время ваш дипломатический представитель в Швеции. Это будет экземпляр номер GB-467, вы заметите, что он цитирует слова министра иностранных дел Швеции Гюнтера[215] как прежде всего – около десяти строчек вниз, сразу после имени «Вайцзеккер», вы увидите:

> «Шведское правительство не имеет никаких оснований для того, чтобы поверить в то, что западные державы намереваются проводить в ближайшее время какие-то угрожающие меры против Скандинавии. Наоборот, на основании всех официальных отчетов и прочих сведений оно считает ситуацию за последнее время гораздо более спокойной».

Затем он говорит, что нападения на шведскую руду не предполагается. Далее он касается Норвегии. Не будучи англофилом, Гюнтер также не думал, что Великобритания начнет военные действия против Норвегии, но он, конечно, не мог об этом говорить с такой же уверенностью, как в отношении Швеции. Во всяком случае, норвежское правительство, с которым он был тесно связан, придерживалось того же мнения. Затем, если вы взглянете двумя абзацами ниже, вы увидите, что здесь говорится следующее:

> «В заключение Гюнтер попросил меня сообщить его заявления моему правительству и повторил, что шведское правительство придает большое значение тому, чтобы у германского правительства не сложилось ложного впечатления о существовании обстоятельств, которые могли бы создать возможность — он совсем не употреблял слова «необходимость» — применения особых мероприятий со стороны Германии в отношении Скандинавии».

---

[214] Курт Бройер (1889 – 1969) – немецкий дипломат. С октября 1939 по апрель 1940 посланник Германии в Норвегии.

[215] Кристиан Гюнтер (1886 -1966) — шведский дипломат и политик, министр иностранных дел Швеции (13 декабря 1939 — 31 июля 1945).

Затем он говорит в последнем абзаце, что шведский министр иностранных дел, возможно, слышал о подготовке Германии.

Взгляните теперь на документ D-845 который будет экземпляром номер GB-468 - это сообщение вашего дипломатического представителя из Стокгольма на следующий день.

> «В шведских военных и правительственных кругах существует опасение касательно возможных германских военных превентивных мер в Скандинавии против объявленного усиления военных мероприятий западных держав. Шведские и норвежские военные и правительственные власти считают маловероятным, чтобы западные державы предприняли против Скандинавии меры военного характера. Сообщения прессы по этому предмету западными державами пытаются спровоцировать Германию».

Вы были информированы об этих сообщениях из Стокгольма, да?

Рёдер: Допускаю, что фюрер сказал мне это. Но у нас не было повода полагаться на эти заверения, так как совершенно очевидно, что Швеция была сильно заинтересована в том, чтобы мы не выступили против Норвегии, потому что благодаря этому мы были бы в состоянии оказывать на Швецию некоторое давление. По полученным нами впоследствии сведениям, это было то, к чему так стремились англичане. Наш посланник был полностью дезинформирован и как результат не информировался нами, потому что было известно, что он на стороне министра иностранных дел Кута. Наша информация была настолько четкой, такой частой и однозначной, что точно могли осуществить свою высадку с чистой совестью и это факт подтвердился. Следовательно, не было смысла обсуждать есть ли такой приказ у британцев по высадке в Норвегии в Тронхейме, Ставангере и, кажется, в Христиансанде, такой приказ был отдан 5 апреля. 7 апреля, в ночь с 7 на 8 апреля, как сообщили англичане в ноте, переданной по радио, они произвели закладку мин в Норвегии, и 7 апреля войска были погружены на крейсера, названий которых я не могу припомнить.

Итак, этот факт действительно имел место, и моя точка зрения была самой правильной, в то время как господин Бройер в корне ошибался за что был непосредственно уволен после этой ошибки. Соответственно, мы осуществили эти десанты в силу полностью достоверной информации, которую мы можем подробно подтвердить. Соответствующая шведская деятельность понятна.

Максвелл-Файф: Я не намереваюсь с вами спорить, хотя вы должны знать, — и я думаю, что вы это знаете, — что в Англии не существовало никакого приказа о вторжении. Был приказ о том, чтобы установить мины. Но вы заняли такой курс, как я предполагал, вы, достаточно хорошо знавший, что никакое британское вторжение

не является неминуемым, вопреки вашему начальнику операций, капитану Фрике, и вопреки всей информации от ваших дипломатических представителей в Норвегии. Теперь я хочу перейти к другому положению относительно Норвегии и затем я завершу с этим. Вы говорили трибуналу, что на ваш взгляд использование неприятельского флаг на своих военных судах является разрешаемой «военной хитростью», Вы помните, что вы это говорили?

Рёдер: Я не понял.

Максвелл-Файф: Вы помните, что вы сказали трибуналу сегодня, что использование неприятельского флага на своих военных судах является разрешаемой ruse de guerre[216], если она прекращается до начала операции. Вы помните, что вы это говорили?

Рёдер: Конечно, я это помню. Одним из принципов ведения морской войны является правило поднятия своего флага в момент открытия огня.

Максвелл-Файф: Вы заявляете трибуналу, что в морской войне является признанным метод использования флага другой страны при нападении на нейтральную страну без предупреждения? Между вами и Норвегией войны не было, и поэтому не было причин прибегать к какой-либо хитрости. Вы были с Норвегией в состоянии мира. Что вы скажете?

Рёдер: Тогда было важно при встречах с британцами спускать флаг, который был на судне, и вывешивать немецкий. Мы не хотели вести войны с норвежцами. Где-то говорится, что в первую очередь мы должны стремиться к мирной оккупации.

Максвелл-Файф: Можете ли вы указать мне хотя бы один прецедент до этой операции, когда бы германский флот напал на нейтральную страну, с которой Британия находилась в состоянии мира, используя флаг противника? Скажите, разве вы это когда-нибудь применяли ранее?

Рёдер: Я не знаю, случалось ли это во время действий военно-морского флота других стран, я не хочу этого утверждать. Я…

Максвелл-Файф: Я даже не спрашиваю о флоте других стран. Ну, а вы когда-нибудь поступали так?

Рёдер: Нет. Мы этого не делали. 8 апреля мы отдали приказ по радио, чтобы этого не делали. Вам это известно из нашего журнала боевых действий. Таким образом, здесь совершенно бесполезно говорить о том, что должно было произойти, поскольку этого не произошло.

Максвелл-Файф: Я хотел бы выяснить, что вы считали допустимым при ведении морской войны. Я хочу теперь перейти к другому пункту, и тогда я закончу с этой частью дела. Что касается нападения на Советский Союз, я не намереваюсь расспрашивать о всех ваших собственных взглядах и

[216] «Военная хитрость» (фр.)

о том, что вы говорили Гитлеру, потому что вы долго об этом говорили; но я хочу, чтобы вы посмотрели на документальную книгу 10а, страница 252 английской книги и страница 424 немецкой книги.

Рёдер: Пожалуйста, какой документ?

Максвелл-Файф: Тот, что больше.

Рёдер: Пока не нашел.

Максвелл-Файф: Документ номер PS-447.

Милорд, извиняюсь, это полностью моя вина. Я прошу прощения трибунала. Я дал неправильную ссылку. В действительности я хотел, чтобы он посмотрел на страницу 59 в документальной книге 10, документ номер С-170. Милорд, я крайне извиняюсь.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это выдержка из журнала боевых действий флота, та которую вы видите на странице 59 от 15 июня «По предложению штаба морских операций (СКЛ) использование оружия против русских подводных лодок к югу от северной границы предупредительной Эландской зоны…»

Вы нашли?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: «…разрешается немедленно с целью беспощадного уничтожения».

Итак, вы не возразите, прежде чем я задам вам вопрос вернуться к документу номер С-38, который на странице 11, который страница 19 вашей документальной книги, немецкой документальной книги, документ номер С-38; страница 11 британской документальной книги, и страница 19 немецкой. Это приказ от той же даты, подписанный подсудимым Кейтелем, главнокомандующему флотом.

> «Наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель[217] до южного пункта Эланда разрешаются, если по приближении германских военных судов подводные лодки не могут быть точно опознаны как шведские. Причиной, которую следует указать по поводу дня «В» (то есть «Барбаросса»), является то, что, как предполагается, наши морские силы имеют дело с проникающими английскими подводными лодками».

Почему вы предложили нападать на советские подводные лодки за шесть дней до вашего вторжения, когда они не ожидали такого нападения и когда не было и речи о войне?

Рёдер: Как здесь уже говорилось, случилось так, что незадолго до 15 июня одна подводная лодка прорвалась в этот район, близ Борнхольма, на

[217] В настоящее время Клайпеда.

довольно большое расстояние в западном направлении, и при встрече с судами сторожевого охранения у Борнхольма был дан ложный опознавательный знак, что означало, что это была не германская, а какая-то чужая подводная лодка. В данном случае из курса этой лодки и места ее нахождения можно было сделать вывод, что это была русская лодка. Кроме того, уже в это время мы неоднократно обнаруживали русские подводные лодки вблизи германских портов, например, у Мемеля. Вследствие этого у нас создалось впечатление, что русские подводные лодки уже занимают позиции перед германскими портами либо для того, чтобы закладывать там мины, либо для того, чтобы подготовиться к атаке на торговые или военные корабли. Следовательно, я должен был сообщить об этом и ради предосторожности предложить проводить атаки германским подводным лодкам в этом районе, то есть перед германскими портами. В тот же день мое предложение было одобрено, и было сделано это добавление, которое, по-моему, не было необходимым, но которое предотвращало возможные конфликты.

Максвелл-Файф: Это не ответ на мой вопрос. Я скажу так. Считали ли вы правильным нападение и призыв к безжалостному уничтожению советских подводных лодок за шесть дней до вашего нападения на Советский Союз? Вы считаете это правильным? А затем взваливать вину на проникающие английские подводные лодки — это предложение Кейтеля. Таковы ваши взгляды на правильное ведение войны?

Рёдер: Итак, первое положение я считаю верным, так как главное — это опередить противника, и этого мы могли добиться при известных условиях. Второе же приказал фюрер. Ни то ни другое никогда не осуществлялось и по моему мнению бесполезно обсуждать этот вопрос.

Максвелл-Файф: Оставим это на усмотрение трибунала.

Таким образом, следует ли считать, что вы полностью одобряли нападение и безжалостное уничтожение советских подводных лодок за шесть дней до начала войны? Так трибунал должен вас понять, не правда ли?

Рёдер: Если эти подводные лодки появились в наших территориальных водах для того, чтобы вести разведку, или для других военных действий, то я считаю, что это было правильным. Я рассматривал это более приемлемым, чем проход наших судов по русским минам.

Максвелл-Файф: А теперь, позвольте ненадолго перейти, к вашим взглядам на подводную войну. Вы помните документ, который я представил подсудимому Дёницу о меморандуме министерства иностранных дел, документе номер D-851, который стал экземпляром номер GB-451?

Рёдер: Он передо мною.

Максвелл-Файф: Правильно. Что же, я сейчас об этом спрошу. Это то о чём вы говорили отвечая доктору Кранцбюлеру, думаю в субботу. Вы говорили:

> «Поскольку война против Англии пришла для нас с полной неожиданностью, мы до тех пор очень мало занимались подробностями вопросов подводной войны. Среди других вещей мы ещё не обсуждали вопрос так называемой неограниченной подводной войны[218], которая играла такую важную роль в предыдущей войне. И из этого факта вытекало, что 3 сентября офицер, которого недавно упоминали, был направлен в министерство иностранных дел с некоторыми положениями для дискуссии о вопросе неограниченной подводной войны, чтобы мы могли прояснить вопрос с министерством иностранных дел о том насколько далеко мы можем зайти».

Итак, вы думаете, что…

Рёдер: Насколько я могу вспомнить, так это случилось. Не рассматривалась неограниченная подводная война.

Максвелл-Файф: У вас есть документ?

Рёдер: Вы говорите о документе D-851, относительно министерства иностранных дел?

Максвелл-Файф: Дёниц 851, да.

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Милорд, я не думаю, что есть какая-то копия. У вашей светлости есть копия?

Председатель: Я так не думаю.

Максвелл-Файф: Милорд, я представил это, в перекрестном допросе подсудимого Дёница.

Председатель: Он очень похож на другие бумаги Дёница.

Максвелл-Файф: Вероятно, ваша светлость позволит мне прямо сейчас медленно его зачитать. Документ говорит:

> «Вопрос неограниченной подводной войны против Англии обсуждался в прилагаемых данных представляемых высшим командованием флота.
>
> Флот пришел к выводу, что максимального урона Англии, который может быть, достигнут имеющимися силами, можно добиться, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование вооружений без предупреждения против противника и нейтрального судоходства в запретной зоне, отмеченной на прилагаемой карте. Флот учитывает что:

---

[218] Неограниченная подводная война — тип военных действий на морском театре военных действий, при котором подводные лодки топят гражданские торговые суда без соблюдения Правил ведения морской войны, установленных Гаагскими конвенциями и Женевской конвенцией.

«(a) Соответственно Германия публично откажется от соглашения от 1936[219] относительно ведения экономической войны.

«(b) Ведение войны настоящим образом не может быть оправдано на основании общепринятых принципов международного права».

Затем, мне следует прочитать это, или отметить. Я разбирался с этим ранее, это второй параграф:

«Точка зрения, основанная на внешней политике, дает нам преимущество в использовании метода неограниченной подводной войны только в том случае, если мы сможем в свое оправдание сослаться на то, что метод ведения войны Англии вынудил нас отдать приказание о таком ведении войны в качестве репрессалии[220]».

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я хочу, чтобы вы поняли это поэтапно. Вы видите параграф, который говорит:

«Флот пришел к выводу, что максимального урона Англии, который может быть, достигнут имеющимися силами можно добиться, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование вооружений без предупреждения в районе…».

Это ваше мнение? В этом заключалось ваше мнение 3 сентября?

Рёдер: Нет, это не мой взгляд; это условный взгляд. Мы давали субмаринам приказ вести экономическую войну в соответствии с призовыми правилами, и мы предусмотрели в своём журнале боевых действий, что если бы британцы вооружали торговые суда или нечто подобное, тогда определенные интенсификации…

Максвелл-Файф: Будьте любезны дать мне ответ на поставленный вам вопрос? Это совершенно простой вопрос.

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Что же, это не ваш взгляд?

Рёдер: В теории, конечно, учитывая небольшие ресурсы, которые у нас имелись, наибольшего урона Англии можно было достичь лишь посредством – нам нужно было обсудить с министерством иностранных дел как далеко могла зайти такая интенсификация. По этой причине, этого офицера туда направили. Дискуссии с министерством иностранных дел привели к меморандуму о субмаринах, который показывает, от начала до конца, что мы пытались насколько возможно следовать существующему праву. Весь меморандум не более чем своего рода дискуссия.

---

[219] Имеется в виду Лондонский морской договор 1936.

[220] Репрессалии (старолат. repressaliae, от лат. reprehendere — сдерживать, останавливать) — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

Максвелл-Файф: Отвечайте на мой вопрос. Если в документе сказано, что «Флот пришёл к такому заключению», правильно ли, что флот пришёл к такому заключению?

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Это правда или нет?

Рёдер: Но конечно, каждый придёт к такому выводу.

Максвелл-Файф: Гораздо проще сказать «да» чем приводить долгое объяснение.

Теперь позвольте, перейти к другому положению. Это, правда, что вы пришли к заключению без консультаций с флагманом подводных лодок, как сказал подсудимый Дёниц в своих показаниях?

Рёдер: Относительно этих вопросов? Мы лишь заранее согласовали, что субмарины выходя в море должны вести войну в соответствии с призовыми правилами. Я не спрашивал его, хотел ли он вести неограниченную подводную войну, потому что я не хотел этого. Прежде всего, я должен был обсудить это с министерством иностранных дел, что бы понять насколько далеко мы можем зайти. В этом заключался смысл дела, который заключался в отдаче отдельных приказов, таких приказов которые мы были вправе отдавать, шаг за шагом, в соответствии с поведением британцев. Это был вопрос международного права, который я должен был обсудить с экспертом по международному праву в министерстве иностранных дел.

Максвелл-Файф: Это не верно, что вы продолжали отстаивать свою точку зрения, вывод к которому вы пришли с министерством иностранных дел следующие 3 месяца? Разве не правильно, что вы продолжали отстаивать неограниченную подводную войну внутри района следующие 3 месяца?

Рёдер: С трудом так думаю, иначе я бы не принял меморандум от 3 сентября. Может быть, мы ходили в министерство иностранных дел и оказывали давление, но, что мы сделали содержалось в меморандуме и наши меры по интенсификации шаг за шагом, следовали шагам предпринимаемым британцами.

Максвелл-Файф: А теперь, следующим шагом с министерством иностранных дел было совещание с бароном фон Вайцзеккером, 25 сентября, которое вы увидите в документе номер D-852, экземпляр номер GB-469. Вы видите параграф 3 этого документа:

> «Высшее командование флота представило министерству иностранных дел предложение, в качестве основы для сообщения нейтральным державам, в котором сообщалось об интенсификации морской войны, упорядочивая то, что уже имеет место или намечается на ближайшее будущее. В особенности, оно включает, предупреждение об использовании радио во время остановки, плавание без конвоя, и незатемение».

Это был ваш первый шаг, не так ли? Это было представлено министерству иностранных дел, с рядом иных предложений?

Рёдер: Конечно! Первой мерой было, чтобы вооруженные торговые суда могли атаковать, потому что уже 6 или 8 сентября, субмарина остановила торговое судно «Manar[221]», произвела предупредительный выстрел, и сразу же была обстреляна с британского парохода. Соответственно субмарина начала стрелять по торговому судну. Такие случаи были известны. И поскольку нельзя в каждом случае опознать вооружен ли корабль или нет, мы полагали, что это приведет к стрельбе по всем кораблям. Однако, тогда мы приказали, стрелять только в британские вооруженные торговые суда. Во-вторых, что корабли, которые отправляли радиосообщение, остановившись также следовало расстреливать, потому что используя радио, что делалось по приказу адмиралтейства они немедленно давали координаты как военно-морским так и воздушным силам, в особенности после чего, последние могли обстрелять подводную лодку.

Следовательно, первым шагом, был огонь по вооруженным торговым судам – пассажирские пароходы всё ещё исключались – и во-вторых, огонь по затемненным судам и огонь по тем кто использовал радио. Затемненные суда являлись…

Максвелл-Файф: Что же, теперь посмотрите на документ номер D-853. Я лишь хочу, чтобы вы посмотрели на следующий документ, который будет экземпляром номер GB-470. Я хочу, чтобы вы как можно скорее перешли к меморандуму, о котором вы говорили.

D-853, если вы посмотрите на раздел II, это доклад заместителя государственного секретаря министерства иностранных дел, датированный 27 сентября, который проходит эти вопросы о которых вы только, что говорили, потопление встреченных французских и британских кораблей, при предположении, что они вооружены. В параграфе II сказано:

> «Штаб морских операций вновь отметил, что фюрер в самом ближайшем будущем вероятно прикажет о безжалостной подводной войне в запретном районе. Предыдущее участие министерства иностранных дел гарантируется».

Вы всё ещё настаивали на абсолютно неограниченной войне в крупном районе к западу от Британии и вокруг Британии?

Рёдер: Да. Постольку поскольку мы шаг за шагом предпринимали акцию по интенсификации на основании наших наблюдений относительно отношения вражеских сил, и для того, чтобы в таких случаях интенсификация была совершенно оправдана и была законно подтверждена.

---

[221] «Манар» - британский грузовой пароход. Потоплен 4 сентября 1939 немецкой подводной лодкой Ю-38.

Максвелл-Файф: Посмотрите на стенограмму барона Вайцзеккера от 14 октября, которая в документе номер D-857, который будет экземпляром номер GB-471.

Итак, вы видите её после предпринятых мер, которые вы только, что объяснили трибуналу. Барон фон Вайцзеккер докладывал подсудимому фон Риббентропу:

> «Согласно моей информации, решение о неограниченной подводной войне против Англии неминуемо. Это настолько же политическое решение насколько тактика войны. Недавно я письменно представлял свой личный взгляд, о том, что неограниченная подводная война создаст нам новых противников, в то время как у нас всё ещё не хватает подводных лодок для победы над Англией. С другой стороны, отношение флота по применению открытой неограниченной подводной войны это поддержка всеми убедительными причинами».

Затем он говорит, что необходимо запросить определенную информацию. Об этом вы представили – по этому положению вы представили свой меморандум от 15 октября, милорд который, это документ номер С-157, и экземпляр номер GB-224.

Рёдер: Прежде всего, могу я что-нибудь сказать о предыдущем документе? Это выражение «неограниченная подводная война…»

Максвелл-Файф: Вы можете так сделать после, потому что у нас есть много материала.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал думает, что ему позволено сказать, то, что он хочет сказать о документе.

Максвелл-Файф: Милорд, извиняюсь, как угодно вашей светлости. Подсудимый, пожалуйста, продолжайте.

Рёдер: Сейчас было пройдено два документа. То, что я хотел сказать, заключалось в том, что выражение «неограниченная подводная война» со стороны министерства иностранных дел вытекало из предыдущей мировой войны. В действительности в течение всей войны, мы не вели неограниченной подводной войны в смысле неограниченной войны субмарин Первой мировой войны. Даже там, где он говорит «неограниченная подводная война неминуема» - являлось приказом об очень ограниченных мерах, которые всегда основывались на факте, что британцы приказали о чем-то со своей стороны. Основной акцией со стороны британцев была в определенной степени милитаризация всего торгового флота. То есть, торговый флот был вооружен, и он получил приказ использовать своё вооружение.

Максвелл-Файф: Я вообще не понимаю, как это вытекает из последнего документа. Так как трибунал хочет разобраться с этим, я думаю, мы можем продолжать.

Ваша светлость так не думает?

Рёдер: Из обоих документов. Не только из одного…

Максвелл-Файф: Вы представляли такое положение, я думаю, по крайней мере, семь раз за этот вечер. Я собираюсь предложить вам, что ваша действительная цель в войне субмарин излагалась в первом параграфе меморандума. Посмотрите на него? Вы видите «Берлин, 15 октября…»

Рёдер: Нет, я должен всё ещё сказать, что никакой неограниченной подводной войны не было, а просто меры по интенсификации, шаг за шагом, как я постоянно говорил, и что они всегда предпринимались после принятия британцами некоторых мер. Британцы…

Максвелл-Файф: Я предположу, что всё это неправда, и для этого, я покажу вам этот документ. Посмотрите на ваш собственный документ, этот меморандум. В первом параграфе:

> «Предложение фюрера по восстановлению…»

Рёдер: Я не говорю неправды, я не думал так делать. Я не делаю такого рода вещи.

Максвелл-Файф: Что же, вот что я вам предлагаю, и показываю вам этот документ.

> «Предложение фюрера по восстановлению справедливого, достойного мира и нового построения политического порядка в Центральной Европе отвергнуто. Враждебные державы хотят войны, с целью уничтожения Германии. В борьбе к которой сейчас вынуждена Германии по защите своего существования и своих прав, она должна использовать своё оружие с полной беспощадностью в тоже время полностью уважая военную этику».

Теперь посмотрим, что вы предлагали.

> «Принципиальный враг Германии в этой войне это Британия. Её наиболее уязвимая точка это морская торговля. Следовательно, война на море против Британии, должна вестись как экономическая война, с целью уничтожения в кратчайшее время британского духа сопротивления и принуждения её к принятию мира».

Итак, пропустите один абзац и посмотрите на следующий.

> «Принципиальная цель нашей морской стратегии это торговые суда» - давайте посмотрим – «не только вражеские, но в целом каждое торговое судно, плывущее в море с целью обеспечения вражеской военной промышленности, как экспортом, так и импортом. Помимо этого также остаются целью вражеские военные корабли».

Итак, это не было целью, которую вы в морском командовании представили Гитлеру и министерству иностранных дел, использовать самое беспощадное для уничтожения британского духа сопротивления, и атак на каждое торговое судно идущее или выходящее из Британии? Разве это не было вашей целью?

Рёдер: Конечно, но атаки нейтралов лишь постольку поскольку они были предупреждены и уведомлены не входить в определенные зоны. Веками в экономической войне торговое судно также как и нейтральное торговое судно были объектами атаки.

Максвелл-Файф: Вы не говорили трибуналу, что вы предлагали использовать предупреждения. Вы серьезно предлагаете трибуналу, что вы имели в виду этим параграфом, то что нейтральные суда атаковались только с предупреждением?

Рёдер: Конечно, и это происходило. После мы принимали нейтральным кораблям предупреждения, после создания нашей зоны блокады в соответствии с зоной американской блокады. Мы предупреждали их, о том, то они не должны входить в эту зону, потому что они подвергнут себя серьезной опасности.

Максвелл-Файф: Я предлагаю вам, что это неправда, и покажу это документом. Итак, перейдем к странице…

Рёдер: 24 ноября было принято предупреждение.

Максвелл-Файф: Если вы перевернете в раздел С документа «Военные требования для решительной борьбы против Великобритании».

> «Наша морская стратегия задействовала наибольшие преимущества любого оружия в нашем распоряжении. Военного успеха можно уверенно ожидать если мы атакуем британские морские коммуникации с величайшей беспощадностью; окончательная цель таких атак перерезать весь импорт и экспорт Британии. Мы должны пытаться учитывать интересы нейтралов, насколько это возможно без ущерба военным требованиям. Желаемо обосновывать все предпринимаемые военные меры существующим международным правом; однако, меры которые рассматриваются необходимыми с военной точки зрения, дадут решающий успех, при их осуществлении, даже если они не будут охвачены существующим международным правом».

Разве не такой взгляд вы представили министерству иностранных дел и фюреру, «Использовать международное право до тех пор пока возможно, но если международное право противоречит тому, что необходимо для нашего военного успеха, выбросим международное право за борт». Это не ваш взгляд?

Рёдер: Нет, это совершенно неверно выражено.

Максвелл-Файф: Что же, тогда объясните эти слова. Объясните эти слова:

> «Мы должны пытаться учитывать интересы нейтралов, насколько это возможно без ущерба военным требованиям. Однако меры, которые рассматриваются необходимыми с военной точки зрения, дадут решающий успех, при их осуществлении, даже если они не будут охвачены существующим международным правом».

Что вы имели этим в виду, если вы не подразумевали сброс за борт международного права.

Рёдер: Он говорит «Если существующее регулирование сухопутной войны не может быть к ним применимо». Общеизвестно, что международное право ещё не согласовано с войной субмарин, также как и с использованием авиации. Он говорит:

> «Следовательно, в принципе, любые средства войны, которые эффективны в подавлении вражеского сопротивления должны основываться на некоторой юридической концепции, даже если это влечет за собой создание нового кодекса войны на море» - то есть, нового кодекса морской войны на основании действительного развития».

По ходу войны новый кодекс морской войны создавался, начиная с самих нейтралов. Например, с Панамериканской конференции по безопасности определившей зону безопасности в 300 миль вокруг американского побережья, соответственно охватывающую огромный район торговли в открытом море.

Также, Соединенные Штаты установили зону боевых действий вокруг британских островов, которая вообще нам не понравилась, и 4 ноября 1939, Соединенные Штаты сами утверждали, что для нейтральных кораблей было бы чрезвычайно опасным входить в неё, и они запретили своим кораблям и своим гражданам входить в этот район.

Мы поступили также, попросив нейтралов, чтобы они также следовали тому же способу как и Соединенные Штаты и им бы не причиняли вреда. Тогда в Великобританию плыли только те нейтралы которые имели на борту контрабанду и зарабатывали на этом много денег, или которые были вынуждены британцами из-за их контроля над портами, входить в этот район и вместе с тем подвергать себя опасности. Конечно, они были совершенно свободны так не делать.

Максвелл-Файф: Теперь скажите мне, какие изменения имели место в развитии также с самолётами или субмаринами со времени, когда Германия подписала протокол по субмаринам 1936 и до начала войны? Вы говорите, что международное право должно было адаптировать себя к изменениям орудий войны. Какие изменения имели место между 1936 и 1939?

Рёдер: Происходило следующее: протокол о субмаринах 1936 был нами подписан, потому что мы полагали, что он касается мирных акций…

Максвелл-Файф: Это не ответ на мой вопрос. Мой вопрос ясен. Это: какие изменения в орудиях войны, как в воздушных или подводных, имели место между 1936 и 1939? Итак, таков вопрос. Вы морской офицер с 50-ти летним опытом. Скажите мне, какими были изменения?

Рёдер: Это отвергалось, потому из-за самолёта субмарина больше не могла всплывать и обследовать вражеские суда или любые иные торговые суда, в

особенности возле вражеского побережья где подводные лодки поначалу осуществляли свои действия. Вообще не существовало регулирования о самолетах.

Председатель: Подсудимый, это не ответ на вопрос. Вам был задан вопрос о том какие изменения имели место в орудиях войны, как у самолетов, так и субмарин.

Рёдер: Но господин председатель, изменения имели место у самолета. Также любое усиление эффективности самолетов и расширение их деятельности над морем привело к ситуации, когда стало невозможно проверять любое торговое судно без известной угрозы самолета субмарине. Это становилось хуже и хуже, так, что позднее даже было ограничено спасение из-за вражеских самолетов, и вся подводная война таким образом была совершенно сведена на нет.

Максвелл-Файф: Это единственное изменение, о котором вы можете сказать с целью оправдать своё заявление о том, что международное право сбрасывалось за борт, там где оно не соответствовало военным потребностям? Это единственное изменение, усиление мощи самолета между 1936 и 1939?

Рёдер: Я уже говорил, что оно не выбрасывалось за борт. Оно ограничивалось и изменялось и это также делалось другими.

Максвелл-Файф: А теперь, посмотрите на следующий параграф. Вы говорили о ваших соображениях по нейтралам. Вверху страницы 5 английского текста; этот параграф следует за тем, что я только что зачитал. Вы говорите:

> «Поэтому в принципе всякие средства ведения войны, которые эффективны для того, чтобы сломить сопротивление противника, должны быть основаны на каком-либо правовом понятии, даже если это повлечет за собой создание нового кодекса ведения морской войны.
>
> Верховное главнокомандование, после того как оно рассмотрит политические, военные и экономические последствия в рамках общего ведения войны должно будет решить, какие мероприятия военного характера должны быть приняты и каково должно быть наше отношение к войне. Если будет решено вести экономическую войну самым беспощадным образом в соответствии с военными потребностями, то это решение должно выполняться при всех обстоятельствах. Если же оно будет принято, то это решение о самом беспощадном ведении экономической войны не должно быть оставлено или же ослаблено под действием политического давления со стороны нейтральных государств, как это произошло в Первую мировую войну, с ущербом для нас. Все протесты со стороны нейтральных государств должны быть отвергнуты. Даже угрозы со стороны других стран, например, Соединенных Штатов, вступить в войну — этого можно определенно

ожидать, если война будет продолжаться, — не должны приводить к ослаблению характера экономической войны, раз уже она начата. Чем безжалостнее ведется экономическая война, тем скорее это приведет к необходимым результатам и тем скорее закончится война».

Рёдер: Да.

Максвелл-Файф: Согласны ли вы теперь с таким утверждением и с мнением, выраженным в абзаце, который я вам только что огласил?

Рёдер: Это должно пониматься совершенно иным способом, чем вы его представили.

Максвелл-Файф: Совершенно отличающийся от того…

Рёдер: Нет, здесь так не сказано. Таково положение. Здесь говорится о том, что из опыта мировой войны мы сделали вывод, что как только после выхода в свет и объявления приказа о проведении радикальных мер нейтральные страны проявляли малейшее недовольство и заявляли свой протест против этого, такие мероприятия немедленно отменялись, в особенности если в протесте участвовали США. Здесь же я говорю, что при любых обстоятельствах необходимо избегать немедленной отмены наших мероприятий, и я делаю предупреждение в том смысле, что до принятия мер надо тщательно обдумывать наши решения и согласовывать с министерством иностранных дел и т. д. во избежание их позднейшей отмены и, вследствие этого, потери престижа и эффективности наших мероприятий.

Вот в чем причина. Британии также предъявлялся ряд протестов, и в большинстве случаев на них не поступало никакого ответа. Я могу процитировать из документа номер С-170, экземпляр номер USA-136, где много цифр, номер 14, где сказано: «Резкая нота русских от 20 октября 1939 г. против британской блокады во время войны» и номер 17 от 31 октября[222], где сказано: «Политическая речь Молотова[223]».

Максвелл-Файф: Всё о чём я спрашиваю, правильно ли было поступать таким образом?

Рёдер: Я должен дать пояснение по этому вопросу. Я как раз говорю о резких выступлениях против английской блокады, которая нарушала нормы международного права, — этот протест был высказан господином Молотовым. Следовательно, протесты заявлялись и в то время были отклонены. Но я хотел предотвратить протесты и весь документ показывает, что

---

[222] Имеется в виду доклад В.М. Молотова на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939.

[223] Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

наши размышления всегда нацеливались таким способом, чтобы им не могли возразить, а всегда легально оправдывали.

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый вы позволите мне сказать, как вы собирались предотвращать протесты, если в этом параграфе вы предлагали применять самые безжалостные меры и независимо от любых протестов заявлявшихся нейтралами? Как вы собирались предотвращать протесты?

Рёдер: Эти меры были бы предприняты таким образом, чтобы не были возможны возражения. Если я говорил нейтралам: «Это опасная зона» и вместе с тем они шли в неё, потому что они хотели заработать денег или потому что принуждались британцами, тогда мне не требовалось никакого протеста. Они действовали по эгоистическим причинам, и они должны были расплачиваться. Я должен также добавить…

Максвелл-Файф: Это правда. Они должны были расплачиваться. Вот до чего доходило, не так ли?

Рёдер: Они получали крупные премии за несение риска, и их делом было решать об этом.

Председатель: Сэр Дэвид, можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Сэр Дэвид, вы собираетесь долго продолжать?

Максвелл-Файф: Милорд, я думаю около получаса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый, в этом документе военно-морское командование предлагает, чтобы это называлось осадой Англии, то есть потоплением без предупреждения всех кораблей которые входят в крупный район вокруг Англии.

Вы не слышите? Извините. В этом документе военно-морского командования то, что называлось осадой Англии, на страницах 10-13. То есть, топить все торговые суда, включая нейтралов и танкеры, которые входят в район вокруг Англии. Это не так?

Рёдер: Нет, это неправда. Военно-морское командование не предлагает это, но обсуждает идею осады после обсуждения и отклонения блокады. Аналогичным образом делается вывод, почему осада, которая до того времени не считалась признанной идеей международным правом, не должна проводиться; и вывод из всех этих дискуссий изложен на последней странице, на предпоследней странице, то что теперь мы будем считать окончательным решением. Это только такие меры которую можно было оправдать уже предпринятыми действиями британцев. И в течение всей дискуссии о блокировании, соображение о том не пострадают ли сильно нейтралы было на первом плане. И вся идея осады основана на таком факте, что премьер-

министр Чемберлен уже сказал – 26 сентября – что не будет никакой разницы в блокаде на море и осадой на суше, и командир сухопутной осады пытался бы предотвратить всеми средствами попадание чего-либо в крепость. Также, французская пресса упоминала, что Германия была в такой же ситуации как осажденная крепость.

Максвелл-Файф: Что я предлагаю, это то, в выступали за осаду, но вы не хотели объявлять осаждённым какой-то район. Посмотрите на параграф 2 выводов, и затем я оставлю документ для трибунала. Вот, что я предлагаю. В параграфе 2 выводов, вы говорите:

> «Для будущего ведения экономической войны, основные военные потребности требуют совершенной безжалостности. Использование осады на море как самой интенсифицированной формы экономической войны соответствует этому требованию. Даже без публичного объявления о состоянии осады, после ясного определения её концепции, объявления которое имело бы военные недостатки и с точки зрения международного права, и даже без декларации о запретной зоне, сейчас кажется совершенно возможным, как объясняется в данном меморандуме, предпринимать военные меры, чтобы применять самую интенсивную форму экономической войны, и добиваться сейчас самых крупных результатов в прерывании вражеской торговли» - и последние слова – «не связывая штаб морских операций особыми формами и районами».

Это ваш окончательный вывод, чтобы вы имели как можно более эффективную осаду не объявляя ни о каком районе. Это не так?

Рёдер: Нет, это не вывод. Вывод это то, что мы не можем осуществлять осаду и что это вопрос для решения политического руководства государства. Политическое руководство государства никогда не предлагало вводить осаду, и отсюда совершенно ясно, что, на основе меморандума, предлагали в настоящее время, и то как постепенно проводилась интенсификация.

Максвелл-Файф: Нам не нужно занимать время споря об этом, я хочу, чтобы дать понять…

Рёдер: Но…

Максвелл-Файф: Позвольте мне закончить. Моё предположение для вас – и я его оставляю, что вы отказались от формальной осады, но потребовали для себя права топить на месте, без предупреждения, все нейтральные суда в районе который могло выбирать высшее командование.

Теперь я хочу перейти к другому предмету, потому что я боюсь, идет время.

Рёдер: Однако, это не осада. Это была директива отданная после того как нейтральные суда не вняли нашему предупреждению и продолжали входить в море вокруг Британии с целью поддержать Британию в экономической войне, которую она, с величайшей беспощадностью и жестокостью вела против нас. Это была мера самообороны.

Максвелл-Файф: Я полагаю, что документ говорит сам за себя, на это обратили внимание трибунала. Я хочу перейти к другому пункту. Вы упоминали определенные предметы, отвечая доктору Хорну этим утром, в отношении обращения с американскими кораблями летом 1941. В апреле 1941 вы настаивали на свободных действиях германских военно-морских сил в трёх милях от американского побережья, вместо 300-мильной границы предложенной американцами, не так ли? Что же, для экономии времени я дам свидетелю документ номер D-849, экземпляр номер GB-472.

[*Документ передали подсудимому*]

Максвелл-Файф: Здесь сказано, что вы не могли связаться с подсудимым фон Риббентропом и поэтому попросили, чтобы барон фон Вайцзеккер получил решение по этим пунктам:

> «1). Разрешение германским военно-морским силам в западной части Атлантического океана действовать свободно вплоть до обычной международной трёхмильной зоны.
> 2). Отмена благоприятного обращения которым американские торговые суда пользовались до сих пор при ведении нами войны на море».

Теперь я вручаю вам документ номер 850, это будет экземпляр номер GB-473. Ваше предложение, которое было сделано в апреле, было отвергнуто Гитлером в июне. Это меморандум Риттера в министерство иностранных дел и он гласит;

> «Генерал Йодль информирует меня о том, что по недавнему докладу гросс-адмирала Рёдера фюреру, более далеко идущие приказы военно-морским силам, поскольку они обсуждались в связи с беседой с Рёдером, откладываются до дальнейшего уведомления.
> Таким образом разрешение атаковать торговые суда Соединённых Штатов в соответствии с призовым правом не предоставлено».

Ваше предложение заключалось в том, чтобы отказаться от существовавшей тогда политики и атаковать в трёхмильной зоне. Итак, я хочу, чтобы вы перешли к другому положению…

Рёдер: Нет, пожалуйста, могу я сделать заявление касательно этого? Я хочу сказать кое-что ещё, даже если вы не поставили мне вопроса. Это не правильно.

Тогда, в марте 1941, и 1 апреля и в следующие числа 1941, Соединённые Штаты ввели ряд интенсификаций, которые я упоминал этим утром, из документа, что был у меня. Таким образом, мне было ясно, что я, от имени штаба руководства войной на море, который предназначался для того, чтобы вести самую эффективную морскую войну, призывал к тому, чтобы в отношении Соединенных Штатов предпринимались такие шаги которые допускались в соответствии с международным правом, и мы должны были начать с малого. Эти шаги включали:

Первое: что мы больше не должны уважать трёхсотмильную зону, а заходить в трёхмильную зону, где согласно существующему международному праву, было возможно атаковать. То есть, не вопреки международному праву, но это было лишь прекращение определенных благоприятных условий, которые мы предоставили Соединенным Штатам. И пункт 2: отмена благоприятного обращения…

Максвелл-Файф: Это именно то, что я вам предлагаю. Между нами нет никакого спора об этом. Я просто установил это.

Рёдер: Да – нет…

Максвелл-Файф: Что же, я хочу, чтобы вы перешли…

Рёдер: Я лишь хотел сказать, что во время заслушивания гросс-адмирала Дёница обвинение требовало от нас, чтобы мы не обращались с одними нейтралами лучше чем с другими, но мы должны были обращаться с ними одинаково; то есть проще говоря, мы должны были топить всех, независимо от того хотели мы этого или нет, и конечно мы не были обязаны так делать. Второе: само собой, что тщательно оправданное предложение с моей стороны с точки зрения штаба руководства войной на море были отклонены фюрером если, в связи с политической ситуацией, он решил, что тогда он не желал занять более жесткое отношение к Соединенным Штатам.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы перешли к совершенно иному вопросу. Вы говорите, что вам ничего не известно об уничтожении евреев на восточных территориях?

[*Ответа не последовало*]

Максвелл-Файф: Вы говорите, что вам ничего не было известно об уничтожении евреев на восточных территориях?

Рёдер: Я чётко говорю под присягой, что у меня не было ни малейшего подозрения об этом. В пояснение я могу добавить, что ни по какому поводу Гитлер не говорил о таких вещах такому человеку как мне, чьё мнение он знал, особенно, потому что он опасался, что с моей стороны были бы очень серьезные возражения. Я недавно объяснял, почему я использовал слово «евреи» в своей памятной речи. По моему

мнению, я был обязан так сделать. Но это вообще не имело никакого отношения к уничтожению евреев. Вопрос о евреях я лишь узнал…
Максвелл-Файф: Что же…
Рёдер: Пожалуйста, простите меня, один момент. Я лишь узнал нечто о еврейском вопросе, когда евреи, которых я знал, по большей части друзья мои старых родителей, обращались ко мне и говорили, что они будут эвакуированы из Берлина. И тогда я вмешивался. Это было единственной вещью, что я знал. По таким поводам мне говорили в ответ на мои вопросы, что их должны были эвакуировать в города в которых создавали гетто. Я всегда понимал, что гетто это район в городе, в котором все евреи жили вместе, для того, чтобы они не смешивались с остальным населением.
Максвелл-Файф: Что же, вам известно, мой вопрос заключался в этом: вам было известно или нет, и вы можете ответить на него «да» или «нет». Я хочу, чтобы вы ответили на это…
Рёдер: Да, но я должен – столько вопросов задавали именно об этом и так как любой человек в моём положении, который придерживался таких же взглядов говорит тоже самое, что ему об этом ничего не известно, я хочу объяснить раз и навсегда, что нельзя было слышать о таких вещах, потому что гражданские точно не говорили нам об этом, потому что они всегда опасались, что они окажутся в неприятностях. Фюрер не говорил об этом. У меня не было связи ни с Гиммлером ни с другими агентами Гестапо. Мне об этом ничего не известно.
Максвелл-Файф: А теперь, я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу о вашей цепочке командования на балтийском побережье. Это верно, что у вас было главное морское командование, и затем флагман восточно-балтийского побережья в Таллине и в его подчинении, вы имели командование в Либау[224]; это верно? Такой была ваша цепочка командования?
Рёдер: Я не понял.
Максвелл-Файф: Ваша цепочка командования для восточного балтийского побережья, Киль, флагман Таллина и его подразделение в Либау? Вы имели…
Рёдер: Я полагаю, что так – это зависит от разных. Если это были оперативные вопросы, тогда они имели отношение к командующему военно-морской группой «Восток» или «Север»; и что касалось вопросов организации, тогда они могли проходить через начальника ставки в Балтийском море.
Максвелл-Файф: Что же, тогда в любом случае, у вас в 1941 было военно-морское командование в Либау, не так ли?
Рёдер: Да, конечно.
Максвелл-Файф: Что же, теперь я хочу, что вы взглянули на документ номер D-841, который показания под присягой вашего морского сотрудника в Либау.

[224] Немецкое название города Лиепая в Латвии.

Милорд это будет экземпляр номер GB-474.
Свидетель говорит: «Показания под присягой Вальтера Курта Диттмана».
И затем он говорит:

«Я был инспектором военно-морской администрации ответственным за склад морского обмундирования в Либау в Латвии.

Я занимал эту должность с начала августа 1941 до конца марта 1942.

Еврейское население Либау тогда предположительно составляло 7000 человек.

До конца марта 1942 многие тысячи из них уже «эвакуировали» Гестапо и латышская полиция.

«Эвакуировать» было местным выражением для уничтожения этих людей.

Всех евреев регистрировали. Когда новую партию нужно было эвакуировать это происходило следующим образом:

Латышская полиция ловила евреев в своих домах, сажала в грузовики и везла их в морской порт в шести или семи километрах от города. Позднее эти люди должны были маршировать, а не ехать в грузовиках.

В морском порту этих людей затем расстреливали из пулеметов. Это делали Гестапо и латышская полиция. Конечно, полиция, получала свои приказы от германского Гестапо.

Я лично не очевидец таких инцидентов, но товарищи мне об этом рассказывали.

Некоторые из евреев до расстрела работали для флота.

Около 80-100 человек работали каждый день на складе.

Около 100-150 человек работали каждый день в гарнизонной администрации.

Около 50 человек каждый день работали в строительном отделе гарнизона.

В результате таких контактов и с помощью личных визитов в дома евреев я слышал много относительно ужасных событий в Либау в течение этих месяцев.

Я лично пошёл к своему начальнику, Festungs-Intendant[225], доктору Ланцеле, и перед этим я также пошел к другому начальнику, офицеру ответственному за госпитальную администрацию, по имени Мюллер, оба были сотрудниками военно-морской администрации. Я указал им на эти притеснения, которые уже описывались. , Я получил ответ, что они ничего не могут поделать и что лучше не обращать внимание на такие вещи.

[225] «Интендант крепости» (нем.)

Marineverwaltungsassistent[226] Курт Трёникер сопровождал партию одежды из Киля в Либау. Он оставался несколько недель в Либау и выражал своё неудовольствие условиями относительно уничтожения евреев.
Затем он вернулся в Киль в местный отдел по обмундированию. Там он снова выразил своё неудовольствие и ему приказали явиться в военно-морское интенданство. Кого он там видел, мне не известно, но ему дали понять, что такие события не были правдой, и следовательно ему не следовало больше о них говорить, иначе он бы попал в серьезные трудности.
По моему личному мнению высшие ведомства флота в Киле и остальных местах Германии должны были иметь сведения об этих ужасных условиях».

Подсудимый вы говорите, что имея ваши военно-морские подразделения на восточном побережье Балтики и подобные вещи, никто не докладывал вам о том, что евреев тысячами истребляли на восточных территориях, вы всё ещё так говорите?

Рёдер: Да, я ничего об этом не знал.

Максвелл-Файф: Что делал ваш штаб, если он вам об этом не говорил? У вас был эффективный штаб? Вы говорите, что у вас был эффективный штаб?

Рёдер: Этот вопрос не относится к делу. Конечно, вокруг меня были только эффективные офицеры. Но здесь речь идёт о вещах которые вообще не делал флот. Здесь везде сказано о полиции и тому подобном. Я однажды был в Либау и мне говорили – и это единственная вещь связанная с вопросом – что необычным было то, что евреи в Либау вопреки их обычаю, были рабочими и могли использоваться там на работе. Это была единственная вещь, что я слышал. Относительно уничтожения…

Максвелл-Файф: Когда вы были в Либау?

Рёдер: Я не скажу сейчас. Это было после её оккупации, наверное сразу же.

Максвелл-Файф: Вы были там в 1941 или 1942?

Рёдер: Я только, что сказал, что не знаю точно когда, мне нужно выяснить это. Здесь не сказано о том, что, что-то сообщали, только то, что видимо обсуждали в ставках флота и с военно-морским интендантством. Конечно, я бы вмешался, если бы услышал о таких событиях.

Максвелл-Файф: Думаете вмешались бы? Что же, я оставлю это. Расскажите мне о приказе относительно «коммандос[227]» от 18 октября 1942 г. Вы получили этот

---

[226] «Административный помощник флота (нем.)

[227] Британские коммандос — специальные подразделения британской армии, сформированные в июне 1940 года по распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с целью проведения рейдов на оккупированной немцами территории континентальной Европы.

приказ Гитлера о «коммандос» и направили его в различные подразделения военно-морского флота, не правда ли?

Рёдер: Да, я передал его через штаб руководства войной на море.

Максвелл-Файф: Вы одобрили этот приказ?

Рёдер: Я не рекомендовал его, я просто передал его по инстанции. Я должен в этой связи сделать разъяснение, если вы хотите знать, что я об этом думал.

Максвелл-Файф: Это не то, что я прошу вас сделать. Я вначале прошу ответить на мой вопрос: одобряли ли вы приказ о расстреле «коммандос» или же о том, что их следовало передать СД для расстрела? Одобряли вы этот приказ?

Рёдер: Я не рекомендовал приказ. Я его передал в том виде, в каком его составил фюрер и в каком он попал в мои руки, в соответствии с этим приказом, на котором была пометка о передаче его по инстанции и о пути его возвращения. В этом отношении все указания дал сам Гитлер. Для меня решающим было то, что в одном из первых параграфов приводились причины, почему Гитлер рассматривал оправданным отклонение от международного права. Более того, незадолго до этого я был в Дьеппе во Франции и там я был проинформирован, что по поводу акции коммандос британцев во Франции, пленные, я думаю они были из Трудовой службы, которые работали на побережье, были завязаны петлей вокруг шеи и другим концом петли вокруг их ступни, для того, чтобы когда ноги уставали, петля затягивалась и человек задыхался.

Максвелл-Файф: Но все же ответьте на мой вопрос: одобряли ли вы этот приказ? Вы еще на него не ответили. Одобряли ли вы этот приказ?

Рёдер: Я всегда говорил – да, я не говорил – нет, я не хочу сказать – я говорил это уже дважды. Я передал его, потому что это был приказ от моего главнокомандующего. Более того, в одном из первых параграфов говорилось, что приказ не следует применять к обращению с военнопленными захваченными в морском бою или крупномасштабных десантных операциях и я, также как и многие остальные во флоте, концентрировал своё внимание на этом положении, потому что это было нашей основной деятельностью. Я не видел повода для того, чтобы опротестовывать перед фюрером приказ, который я считал вполне обоснованным. И я хочу заявить очень четко, что я, как солдат, не был в состоянии пойти к своему верховному главнокомандующему и сказать ему: «Приведите мне причины своего приказа», что было бы мятежом и не могло быть сделано ни при каких-обстоятельствах.

Максвелл-Файф: Итак, вы помните, что мы подробно обсуждали один пример в суде, о котором вы должны были слышать, случае моряков идущих на двухместной торпеде, пытаясь потопить «Tirpitz». Вы помните этот случай? Уверен вы можете

ответить «да» или «нет», потому что вы или помните это либо нет. Мы обсуждали это уже шесть раз.

Рёдер: Да, я помню. Если я помню, я говорю «да». Обратное вообще не предполагается.

Максвелл-Файф: Знаете ли вы, что в то время, когда вы были генеральным инспектором, или адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, были основаны «Kommando der Kleinkampfverbande[228]» под руководством вице-адмирала Хельмута Хейе[229], включавшие в свою систему одноместные торпеды и одноместные подводные лодки, моторные катера со взрывчаткой и личный состав в начале был приблизительно 5000 и увеличился до 16000 человек? Вы знали, что были такие соединения во флоте, «Kommando der Kleinkampfverbande»? Вам это было известно?

Рёдер: Я знал об этом, а также и о том, что такие соединения совершенно открыто действовали в районе побережья Франции, а затем в районе северного побережья.

Максвелл-Файф: И вы отнеслись бы одобрительно, если бы союзники расстреляли кого-либо из нескольких тысяч членов этих соединений, которые составляли экипаж в один-два человека? Вы одобрили бы, если бы мы просто расстреливали их?

Рёдер: Во-первых, я не могу сказать, что бы я сделал в определенном случае, в конкретном случае к которому я не имел никакого отношения. Во-вторых, здесь это...

Максвелл-Файф: Ну, хорошо. Если вы не желаете отвечать, с меня этого достаточно. Я своевременно обращу внимание трибунала...

Рёдер: Вы снова прервали меня. Я хотел сказать о втором пункте после первого. Во-вторых, эти соединения действовали совершенно открыто в районе побережья. На борту у них не было никаких гражданских лиц и никаких средств для актов диверсий, это были совершенно такие же бойцы подводных лодок. Я знаю...

Максвелл-Файф: Вот именно это я и утверждаю о наших «коммандос». Поэтому я не буду обсуждать этого вопроса.

Перехожу к другому. По вашему ли приказу был подделан судовой журнал на «Athenia»? Было ли это сделано по вашему непосредственному приказанию?

Рёдер: Нет, дело обстояло совершенно иначе. Я уже говорил, что мой приказ состоял в том, чтобы, во-первых, по приказу фюрера держать все это дело в тайне. Во-вторых, политическое рассмотрение этого

---

[228] Подразделение малых боевых сил Военно-морского флота (нем.) - соединение специального назначения в составе Военно-морского флота Третьего рейха, предназначенное для ведения диверсионных и штурмовых операций в водных объектах и прибрежной зоне.

[229] Хельмут Хейе (1895 — 1970) — германский военно-морской деятель, вице-адмирал кригсмарине (1.08.1944), политик ФРГ.

вопроса и в дальнейшем остается за командованием военно-морского флота. В-третьих, я зачитаю этот пункт: «Я не подвергаю командира дисциплинарному взысканию, так как он действовал по заблуждению». Вот все, что я приказал. Другого приказа я не отдавал.

Максвелл-Файф: Тогда знаете ли вы, по чьему приказу был подделан журнал? Мне необходимо это узнать. Журнал был подделан. Я спрашивал подсудимого Деница, но он не смог мне ответить. В одном письменном показании под присягой он написал, что этот вопрос должен был быть оставлен для вас. Теперь я вас спрашиваю, можете ли вы мне рассказать об этом. Мне кажется, что командир умер, насколько я помню, так что он рассказать мне об этом не может. Теперь вы утверждаете, что вы не можете сказать мне, по чьему приказу был подделан журнал подводной лодки «Ю-30», которая потопила «Athenia».

Рёдер: Я уже говорил, что я ничего общего с этим делом не имел, так как я вообще не занимался такими деталями. Я не давал распоряжений по поводу таких мелких событий. И затем, мне кажется, адмирал Вагнер уже подробно показал о том, кто это сделал. Думаю, что это произошло во флотилии.

Максвелл-Файф: Скажите мне только следующее относительно «Athenia». Вы показали на днях, что вы дали эти приказы и затем умыли руки? Почти месяц спустя...

Рёдер: Я уже сказал, что я не имел ничего общего с этим делом.

Максвелл-Файф: Вы не имели ничего общего с этим. Почти месяц спустя министерство пропаганды, внесло такое предложение, думаю, вы сказали, что это было сделано по приказу Гитлера – что «Athenia» потоплена Черчиллем. Вы не чувствовали своим долгом как гросс-адмирала и главы германского флота, заявить какие-либо протесты против такого бесстыдного, лживого предположения, что первый лорд британского адмиралтейства осмысленно отправил на смерть многих британских и американских подданных? Вы не думали, что это было вашим долгом?

Рёдер: Я говорил об этом с Гитлером – но до того момента как я что-то узнал. Это было чрезвычайно возмутительным, когда первого лорда адмиралтейства так атаковали, можно сказать в хамской манере, но я ничего не мог изменить и Гитлер не признался, что он…

Максвелл-Файф: Значит, вас это не волновало, как я это понял, вообще не волновало…

Рёдер: Да, у меня были об этом сомнения, и я сильно негодовал. Пожалуйста, не переворачивайте мои слова…

Максвелл-Файф: Вы превратили своё негодование в действия? Об этом я спрашиваю.

Рёдер: В какого рода действия?

Максвелл-Файф: Любые.

Рёдер: Да, чтобы Гитлер заставил Геббельса опровергнуть эту статью? Чтобы Гитлер не делал этого, если он сам был автором статьи.

Максвелл-Файф: Теперь перейдем к другому вопросу относительно фон Бломберга и фон Фрича. Вы ничего не сделали, когда узнали о том, что против фон Бломберга и фон Фрича, которые были вашими старыми друзьями и товарищами, нацистскими заговорщиками были выдвинуты обвинения. Вы ничего не сделали по этому поводу? Вы ничего не сделали для того, чтобы протестовать против обращения, которому были подвергнуты фон Бломберг и фон Фрич? Вы совершенно ничего не сделали, не правда ли?

Рёдер: Нет. Однако я в то время ничего не знал о тех закулисных причинах, о которых вы сами сообщили сегодня утром. Я ничего не знал об этих причинах. Позже, когда я узнал о деталях, у меня создалась определенная картина, но в то время я не мог предположить, что такие методы возможны.

Максвелл-Файф: Что же я приведу ваше собственное заявление сделанное год назад. Я лишь хочу ясно понять о первом времени вашего протеста, я думаю, в марте 1945 года, когда увидели следы пыток на руках вашего друга Гесслера[230] и тогда советские войска были на Одере, а союзники на Рейне, и это был первый раз, когда вы заявили первый протест в своей морской, военной и политической карьере; Это правильно?

Рёдер: Не совсем. Я действительно не знал, что произошло.

Максвелл-Файф: Что же тогда – я снова его поставлю. В марте 1945 года вы сняли золотой партийный значок, когда увидали следы пыток на руках вашего друга Гесслера. Это правильно?

Рёдер: Когда доктор Гесслер, которого несмотря на мои возражения содержали несколько месяцев в концентрационном лагере, проинформировал меня, что он был в чрезвычайно унизительных условиях, и что несмотря на мои просьбы в августе, когда его отправили в концентрационный лагерь и когда я попросил фюрера через адмирала Вагнера за быстрейший допрос доктора Гесслера, потому что он был точно невиновен в связи с покушением, для того, чтобы он мог быть освобождён как можно быстрее, затем…

Максвелл-Файф: Что же мой вопрос, в том, тогда вы выбросили партийный значок. Вы можете на это ответить. Вы можете дать объяснение позднее.

Рёдер: Да, подождите минуточку.

---

[230] Отто Гесслер (1875 — 1955) — немецкий политик, член Немецкой демократической партии, министр обороны Веймарской республики с 1920 по 1928 годы.

Максвелл-Файф: Но до тех пор вы не заявляли никаких протестов против совершавшегося Гитлером, за исключением чисто военного вопроса о вторжении в Советский Союз?

Рёдер: Я всегда заявлял серьезные протесты, и это здесь подтверждалось, и адъютант, генерал Шмундт, говорил мне: «Вы были бы более успешны если бы пытались повлиять на фюрера лично, когда вы наедине с ним и говорите ему совершенно открыто, то что вы думаете». Это достаточно важно упомянуть и я должен это сказать.

Что же, доктор Гесслер вернулся из концентрационного лагеря и рассказал мне, что во время его первого допроса – тогда я уже не имел возможности вмешиваться – его пытали. Это было впервые, когда я услышал, что где-то в Германии кого-то пытали. Там письмо доктора Гесслера об этом, что я сразу же сказал ему: «Я пойду сразу же к фюреру и скажу ему об этом, потому что я не могу представить, что ему об этом известно». Гесслер умолял меня – он подтвердил это письмом – ради всего святого не идти к фюреру с этим, потому что это угрожало его, Гесслера жизни. Я сказал, что я отвечаю за то, что с ним ничего не случиться и что я попытаюсь обратиться к фюреру.

В течение всего следующего периода я пытался обратиться к фюреру, которого не было в своей ставке. Когда в апреле меня проинформировали, что он был в Берлине, который уже тяжело атаковали, я пытался обратиться к фюреру день за днём звоня адмиралу Фоссу[231]. Это оказалось невозможно и когда я получил это известие, первое, что я сделал, — я пошел с женой на озеро за своим домом и бросил в воду свой золотой партийный значок. Я сообщил об этом адмиралу Фоссу, но, к сожалению, я уже не мог этого сообщить фюреру. Это видно из письма, которое доктор Гесслер написал, и мы бы хотели бы получить его в качестве свидетеля, но его состояние здоровья этого не позволяет.

Максвелл-Файф: Это был ваш первый протест.

Рёдер: Это не был мой первый протест. Это переворачивание моих слов.

Председатель: Есть какой-либо ещё перекрёстный допрос?

Покровский: 18 мая, на утреннем заседании суда, вы показали, что за время своей службы в качестве главнокомандующего военно-морским флотом, вы два раза подавали в отставку. Первый раз в ноябре 1938 года, когда речь шла о строительстве флота и Гитлер был недоволен этим планом и второй раз — когда Гитлер без вашего ведома разрешил своему адъютанту, являвшемуся морским офицером, жениться на какой-то девушке. Не так ли?

---

[231] Ганс-Эрих Фосс (1897-1969) – немецкий вице-адмирал. В последние месяцы 1945 был связным А.Гитлера с военно-морским флотом. Советским судом был приговорён к 25 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Рёдер: Да, но я подавал дальнейшие ходатайства об отставке, которые не были такими сенсационными, однажды в 1937, и мне кажется даже в 1935, когда у меня было плохое самочувствие. Но это были два типичных примера, которые показывают, как такие вещи случались.

Покровский: Я понял вас. В первом случае из этих двух Гитлер вас уговорил не подавать в отставку?

Рёдер: Так точно.

Покровский: А во втором случае уступил вам, но запомнил это навсегда?

Рёдер: Так точно.

Покровский: Фактически в отставку вы ушли только в январе 1943 года? Это правильно?

Рёдер: Фактически да. Но я должен добавить, что в течение войны, я чувствовал, что я не могу оставить флот, который был в такой сложной ситуации, и верил, что пользовался его доверием в определенной степени для того, чтобы я мог быть полезен.

Покровский: Утром 18 мая вы сказали здесь, в суде, по поводу отставки вашей, что вам казалось, что Гитлер в тот момент хотел от вас отделаться. Это правильно?

Рёдер: В тот период у меня сложилось впечатление, в связи с тяжестью обвинения, которое он предъявлял мне и которое противоречило его прежним суждениям, у меня создалось впечатление, что он хочет освободиться от меня и что поэтому сейчас самый благоприятный момент уйти в отставку.

Покровский: Вопрос о преемниках был разрешен таким образом, что вы назвали Гитлеру несколько фамилий?

Рёдер: Да.

Покровский: И среди них был подсудимый Дёниц? Вы назвали его фамилию?

Рёдер: Да, я назвал его фамилию в письменной форме. Я сообщил фюреру: во-первых, Карльс; во-вторых, — на тот случай, если он хочет перенести центр тяжести на подводную войну, — чтобы он назначил гросс-адмирала Дёница, который пользовался в этой области наибольшим авторитетом.

Покровский: Не кажется ли вам, после ваших ответов на мои вопросы, что тот ответ, который вы дали адвокату Латернзеру 18 мая об абсолютной невозможности уйти в отставку из генерального штаба, не является верным? Ведь можно было выходить в отставку?

Рёдер: Да, но в этом случае, конечно, было два предварительных условия. Первым было то, что Гитлер сам не хотел меня больше и я знал это, для того, чтобы не было неподчинения если бы я оставлял свой пост или иной.

Во-вторых, потому что было возможно, как я указал в разговоре изменить ситуацию мирно, чтобы флот не пострадал от неё. Если бы я ушёл из-за размолвки, тогда это оказало бы на флот очень плохое влияние, потому что могло означать определенный разрыв между флотом и Гитлером, и я в особенности придерживался единства, в тот критичный момент войны.

Покровский: Я хочу, чтобы вы правильно поняли мой вопрос.

Рёдер: Да, я понимаю…

Покровский: Я оставляю в стороне вопрос о тех предпосылках, которые могли привести к удовлетворению ходатайства об отставке. Я ставлю вопрос принципиально:

Можно или нельзя было фактически уйти в отставку? Вы же ушли в отставку с поста главнокомандующего.

Рёдер: Да, но я был на службе 15 лет, и я мог сказать ему: «Если вы обо мне так судите, тогда нет смысла нам продолжать работать». Это была благоприятная возможность, которая была допустима для меня, для моего освобождения. Но что нельзя было сделать так это бросить работу и создать впечатление о неподчинении. Этого следовало избегать любой ценой, я бы так никогда не сделал. Я был для этого слишком солдатом.

Покровский: То, что я хотел услышать от вас на свой вопрос, я услышал.

Перейдём к следующему вопросу. Вы утверждали, что всё время стремились к нормализации отношений с Советским Союзом. Это правильно?

Рёдер: Извиняюсь, я не смог понять сказанное вами.

Покровский: Вы утверждали, что всё время за время своей службы, стремились к нормализации отношений Германии с Советским Союзом. Это правильно?

Рёдер: Да, я всегда выступал за политику Бисмарка, которая заключалась в том, чтобы мы шли в ногу с Россией.

Покровский: Если я правильно понял ваши показания позавчера и в пятницу, то вам было известно уже в 1940 году о том, что Гитлер хотел напасть на Советский Союз?

Рёдер: В сентябре 1940 года я в первый раз услышал лично от Гитлера несколько высказываний о том, что он при определенных предпосылках предполагает вести войну с Россией. Он еще в своих директивах говорил об условиях для этого. Тогда таким образом он не говорил мне о том, что он, безусловно, хочет вести войну, а указывал, что мы должны считаться с возможностью войны. Это стоит в первом абзаце, а именно, что мы должны были выступить с оружием в руках против

России еще до поражения Англии, и уже в сентябре я начал делать ему представления по этому поводу.

Покровский: Не было ли такого случая, чтобы вы утверждали, что те объяснения, которые давали официальные германские органы о причинах нападения на Советский Союз, производили на вас и на других лиц впечатление целеустремленной пропаганды и действовали отталкивающе?

Рёдер: Пропаганда, проводимая Гитлером создавала впечатление? Я не совсем понял…

Покровский: Мне кажется, что вами однажды, в письменном виде была высказана такая мысль, что ОКВ и министерство иностранных дел таким образом объясняли германскому народу причины нападения на Советский Союз, что эти объяснения производили впечатление целеустремлённой пропаганды, и действовали отталкивающе. Вы не помните об этом?

Рёдер: Да, вы, очевидно, имеете в виду то, что в начале войны было сообщено по радио от имени министерства иностранных дел? Так точно, это была пропаганда Гитлера для того, чтобы объяснить немецкому народу эту войну. Относительно нарушения пакта…

Покровский: Я хочу, чтобы вы взглянули на один документ. Это документ, написанный вами, и хочу, чтобы вы сказали, написано ли в этом документе то, о чем я сейчас вас спрашиваю.

Рёдер: Где это?

Покровский: Внизу.

Рёдер: «В начале войны» — это место?

Покровский: Да.

Рёдер:

> «Изданные в начале войны пропагандистские, политические и военные статьи министерства иностранных дел и высшего командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушениями со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они носили слишком большой отпечаток определенно направленной пропаганды и производили отталкивающее впечатление». (СССР-460).

Я знаю, что в то время сам Гитлер вместе с Геббельсом составлял эти документы.

Покровский: В связи с этим вопросом у меня к вам следующий вопрос. Следует ли вас понять таким образом, что ваши расхождения с Гитлером по вопросам внешней политики и в частности агрессивных войн были

менее острыми, чем в вопросе, ну, скажем, о женитьбе морского офицера на какой-то девушке?

Рёдер: Нет. Все это проходило в совершенно другой плоскости. Это были военные вопросы, где, в конце концов, политическое решение принималось фюрером. Я очень резко выступал против его взглядов, когда речь шла о вопросах морали; но я не направлял ему никакого письменного ультиматума, потому, что так было бы не по-солдатски. Не я принимал окончательное решение, а он, в то время как в деле Альбрехта, я должен был решить – сказать «да» или «нет» – и не подписывать, то, что мне предлагали подписать.

Покровский: Вы говорите, что это вопросы морали. Не кажется ли вам, что неспровоцированное нападение на страну, с которой Германия имела договор о ненападении, тоже связан и с вопросами морали?

Рёдер: Конечно, так я себе и сказал,, что и здесь главное внимание я обратил на моральную сторону вопроса. Но, несмотря на это, как высший человек во флоте я не был в состоянии грозить отставкой в тот момент. Я был для этого слишком солдатом, чтобы так оставить флот.

Покровский: Отвечая на вопросы вашего защитника, вы заявили здесь на суде, что ваша речь, произнесенная вами 12 марта 1939 - это 169 страница русского перевода документальной книги Рёдера, милорд – где вы восхваляли Гитлера и гитлеровскую политику – не соответствовала вашим подлинным взглядам. Это верно или нет?

Рёдер: Нет, это неправильно. Я сказал, что мы имели опыт, что коммунисты и евреи с 1917 по 1920, серьезно подрывали нашу силу сопротивления и по этой причине можно понять, если национал-социалистическое правительство предпринимало определенные меры против них обоих с целью снизить их влияние, которое было чрезмерным. Смысл моих заявлений был таким и абсолютно не упоминал каких-либо дальнейших шагов, которые могли обсуждаться.

Покровский: То есть, короче говоря, сейчас, вы заявляете, что то, что было произнесено вами 12 марта 1939, соответствовало вашим взглядам и вашим мыслям. Я правильно вас понял?

Рёдер: Да, соответствовала, иначе бы я её не произнёс. Она соответствовала постольку, поскольку я осознавал, что национал-социалистическое правительство должно было некоторым образом повлиять на снижение этого влияния, которое в целом признавалось чрезмерным, и как я вчера сказал, национал-социалистическое правительство приняло Нюрнбергские законы, которые я не полностью одобрял в том, что они вели к крайностям. Но если правительство было так настроено, для меня было невозможно в публичной речи, которую я произносил по приказу правительства, выражать свои личные взгляды которые отличались. Это нужно было учитывать при обращении к нации.

Покровский: Я не склонен, сейчас…

Председатель: Вы сможете быстро закончить? Сейчас пять минут шестого.

Покровский: Мне кажется, милорд, что мне будет достаточно примерно 10 минут. У меня осталось всего три-четыре вопроса.

Председатель: Хорошо.

Покровский: [*Обращаясь к подсудимому*] В целях экономии времени я не думаю дискутировать с вами по вопросу о мотивах, в силу которых вы произнесли речь. Мне важно было, чтобы вы подтвердили то, что вы сказали, эта речь соответствовала вашим взглядам и настроениям. Переходим к следующему вопросу.

29 сентября 1941 г. ваш начальник штаба, адмирал Фрике – я кажется, правильно называю его имя? Фрикс или Фрике?

Рёдер: Так точно, Фрике был начальником штаба руководства войной на море.

Покровский: Вот этот, самый адмирал Фрике издал директиву о будущей судьбе Ленинграда. Вы знаете, о каком документе идет речь, или вам нужно его показать?

Рёдер: Нет, я знаю этот документ совершенно точно.

Покровский: Эта директива была издана с вашего согласия?

Рёдер: Я не отдавал об этом приказа, потому что не было необходимости передавать его. Могу я кратко объяснить, как так получилось. Я…

Покровский: Но именно, я попрошу вас коротко изложить.

Рёдер: Совершенно кратко, так точно. Я запросил у Гитлера, когда я услышал, что он намеревался во время войны обстреливать Ленинград, чтобы он пощадил порт и сооружения доков, потому что они были бы полезны нам позднее, так как мы смогли бы переместить наши базы на Восток в связи с британскими воздушными атаками на Балтике, но совершенно незадолго до того времени, о котором вы говорили, адмирал Фрике был в главной ставке и беседовал там с фюрером. Я не присутствовал при этой беседе. Фюрер изложил перед ним этот проект обстрела Петербурга с самолетов, причем в тех весьма преувеличенных выражениях, которые затем были включены в этот документ. Флот абсолютно не имел никакого отношения к обстрелу Ленинграда. Мы не получали об этом приказов. Мы были лишь заинтересованы в одной вещи упомянутой ранее, чтобы верфи и портовые сооружения не трогались. Фюрер проинформировал Фрике, что к сожалению он не был в состоянии сделать это, потому что атака, особенно производящаяся с самолета, не могла быть достаточно точной. Всё, что мы могли сделать, это проинформировать генерал-адмирала Карльса, чтобы он прекратил приготовления, которые он уже начал для перевода немецких рабочих и вероятно некоторых машин намеченных для использования в Ленинграде. Карльс должен об этом знать, как говорит документ, так называемое управление квартирмейстера флота должно было об этом знать, и вот почему адмирал Фрике передал это на бумаге. К сожалению, он включил в эту

бумагу выражения использованные Гитлером, которые не имели никакого отношения ко всему делу, что касалось нас, потому что мы не имели никакого отношения к обстрелам. Делая так, он не признавал какой-либо ответственности способом, в смысле одобрения этого. Он лишь верил, что он передал формулировку Гитлера в приказе.

Флот не имел никакого отношения к вопросу. Не было бы необходимости передавать его, и к сожалению и очень неуклюже, что выражение использованное Гитлером попало в документ. Однако, ничего не произошло и этот документ не передавался от генерал-адмирала Карльса нашему финскому командующему. Вот и вся история.

Покровский: Мне кажется, что несколько усложнён вопрос. Я ставил его проще. Ваш начальник штаба, начальник оперативного отдела, спускает директиву. Вы знали об этой директиве?

Рёдер: Нет.

Покровский: Вы хотите…

Рёдер: Это не директива – это можно увидеть из фотокопии – потому что письмо не представили мне для передачи, и это показывает, что оно не считалось очень важным. Это не была директива проводить какую-нибудь операцию или нечто важное. Это была просто директива прекратить всё, что могли делать в отношении баз, таким образом на самом деле ничего не случилось. Поэтому, когда адмирал Фрике передал документ, вообще ничего не случилось. Это было совершенно излишним.

Покровский: Речь идёт об уничтожении одного из крупнейших городов Советского Союза. Речь идёт о том, чтобы сравнять этот город с землей, а вы говорите, что это вопрос сравнительно мелкий, что этот вопрос мог пройти мимо вас как начальника Фрике? И вы хотите, чтобы трибунал и обвинение вам поверили?

Рёдер: Конечно. Это не вопрос обстрела Ленинграда, к которому мы вообще не имели никакого отношения. Это был небольшой вопрос, который касался нас, вопрос о том сможем ли мы в дальнейшем создать там военно-морскую базу, и сможем ли мы доставить рабочих и машины и подобные вещи в Ленинград. Это был небольшой вопрос. Обстрел Ленинграда был крупным вопросом.

Покровский: Я думаю, что трибунал сумеет правильно понять вас и сделать необходимые выводы, и из этого документа и из ваших показаний.

У меня остаётся к вам последний вопрос. Не было ли сделано вами, 28 августа 1945 года в Москве, письменное заявление о причинах поражения Германии?

Рёдер: Да, я приложил к этому усилия после краха.

Покровский: Мы передаём, милорд, этот документ трибуналу в виде выдержек, под номером СССР-460. Я хочу, чтобы для ускорения времени, вы выслушали несколько коротких отрывков из этого заявления.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам покажут, где они находятся в подлиннике, и потом вы ответите суду, правильно ли всё это было оглашено и подтверждаете ли вы это заявление.

«Моё отношение к Адольфу Гитлеру и партии. Роковое влияние на судьбу немецкого государства оказала личность Геринга…»

Вы нашли это место?

Рёдер: Так точно, у меня есть.

Покровский: «Невообразимое тщеславие…»

Симерс: Вы будете любезны дать мне копию, чтобы я мог следить?

Покровский:

> «Невообразимое тщеславие и непомерное честолюбие были его основными особенностями, погоня за популярностью и эффектом, неискренность, беспредметность и эгоизм которых не останавливали интересы государства и народа. Жажда к наживе и расточительности. Нестойкое, несолдатское поведение характеризуют его».

Потом несколько дальше:

> «Я убеждён, что Гитлер раскусил его ещё раньше, однако, продолжать его использовать, где это казалось целесообразным, нагружая его всё новыми и новыми задачами для того, чтобы не сделать его опасным для себя лично».

На странице 24 вашего документа вы даёте другую характеристику:

> «Фюрер старался показать, что его отношение ко мне является хорошим, он знал, что я пользовался почётом и доверием в действительно важных кругах немецкого народа, также как например барон фон Нейрат, граф фон Шверин-Крозиг[232], Шахт, Дорпмюллер[233] и другие, чего нельзя было сказать о Геринге, фон Риббентропе, докторе Геббельс, Гиммлере, докторе Лее».

Теперь я прошу вас найти 27 страницу.

Рёдер: Но здесь кое-что пропущено: «Также как, например, барон фон Нейрат, граф Шверин фон Крозиг, Шахт, Дорпмюллер и другие», которые были на другой стороне.

---

[232] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. Американским военным трибуналом приговорён к 10 годам лишения свободы, досрочно освобождён в 1951.

[233] Юлиус Дорпмюллер (1869 —1945) — государственный деятель Германии. Министр путей сообщения Рейха в 1937-1945. Умер находясь под арестом.

Покровский: Очевидно, вам не перевели. Я зачитывал это место. Теперь, на странице 27, это место отчеркнуто у вас карандашом, красным: «Сильное подчеркивание Дёница партийной стороны, также затрудняло его руководство морским флотом…»

Председатель: [*Прерывая*] Я думаю, трибунал может сам это прочесть, если сам подсудимый говорит, что это правда и что он это написал. Вероятно, доктор Симерс может проверить и посмотреть нет ли там неточностей.

Покровский: Хорошо, милорд. Тогда я будет иметь возможность значительно короче поставить вопрос.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я попрошу вас посмотреть отмеченное место на странице 29, где речь идёт о фельдмаршале Кейтеле и Йодле.

Вы подтверждаете всё это?

Рёдер: Что я должен сделать? Так точно, что же…

Покровский: Я просил вас просмотреть, и в отношении всего того, что я огласил и что вы сейчас просмотрели, я хочу услышать от вас ответ, подтверждаете ли вы всё это?

Симерс: Господин председатель, я полностью согласен с предложением трибунала. Однако, я хочу попросить, чтобы был представлен весь документ. У меня есть только краткая выдержка, и я был бы благодарен если бы смог увидеть весь документ. Я полагаю, что полковник Покровский с этим согласен.

Председатель: Разумеется, доктор Симерс, одна часть документа приобщается к доказательствам, и вы можете ссылаться на остальную часть документа. Вы можете приобщить остальной документ, если хотите.

Рёдер: Я сказал, что тогда я пытался найти объяснение причины нашего краха.

Покровский: Одну минуточку. Я попрошу вас сначала дать ответ, да или нет, подтверждаете ли вы это?

Рёдер: Так точно. В целом, я полностью согласен с этим суждением. Но я хочу добавить, что я написал эти вещи в совершенно иных условиях. Я не желаю вдаваться в подробности, и никогда не ожидал, что это станет публичным. Это были записи для себя, чтобы помочь мне позднее сформировать суждение. Я также хочу особо попросить, чтобы то, что я сказал о генерал-полковнике Йодле также зачитали под протокол, или где это находится, сразу после заявления о фельдмаршале Кейтеле. В отношении фельдмаршала Кейтеля, я хочу подчеркнуть, что я намеревался донести, что его манера в отношении фюрера, позволяла ему долго с ним находиться, потому, что если бы кто-то другой находился на этой должности, у кого имелись споры с фюрером каждый день или почти каждый день, тогда была бы невозможной вся работа вооружённых сил.

Это причина и объяснение которые я хотел высказать этим заявлением

Покровский: У советского обвинения больше нет вопросов к подсудимому Рёдеру.

Председатель: Подсудимый у вас есть перед собой весь документ? У вас раньше был подлинный документ?

Рёдер: Да.

Председатель: Написанный вами?

Рёдер: Нет, машинописный. Но подписанный мною.

Председатель: Тогда документ может быть передан доктору Симерсу.

Доктор Симерс, вы хотите повторно допросить помимо представленного документа? У вас есть какие-либо вопросы, которые вы хотите задать в дополнение к представленному документу?

Симерс: Да, в связи с перекрестным допросом проведённым сэром Дэвидом Максвелл-Файфом, я хочу повторно допросить, и я хочу попросить предложить сделать так после прочтения мной документа, для того, чтоб я также мог завтра разобраться с документом.

Додд: Господин председатель, мне пришло в голову по поводу этого документа – я понимаю, что трибунал распорядился вручить копии всей защите? Там есть вопросы в отношении подсудимых которые о которых защита может допросить. Они могут быть удивлены.

Председатель: Я думал, было справедливым, чтобы доктор Симер увидел документ.

Додд: Да. Я этому не возражаю. Но моя мысль о том, что в документе есть ссылка на иных подсудимых нежели представляемого доктором Симерсом. И позднее, если это документ не станет известен остальным, зачитав его или передав им в переведённой форме, они могу пожаловаться на неожиданность и нехватку времени его изучить.

Председатель: Я думаю следует сделать несколько фотокопий документа, для того, чтобы все подсудимые на кого он ссылается соответственно могли ознакомиться с положениями документа.

Додд: Я как раз думал внести такое предложение.

Председатель: Да.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 21 мая 1946*]

День сто тридцать пятый

Вторник, 21 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Рёдер возвращается на место свидетеля*]

Симерс: Адмирал, ссылаясь на ваш вчерашний допрос, я должен задать вам следующие вопросы в повторном допросе. Сэр Дэвид говорил о том факте, что до 1933 вы проводили наше перевооружение за спинами законодательных органов. Я думаю этот вопрос как таковой разъяснён, но есть один дополнительный вопрос. От кого зависело то, что представляли Рейхстагу?
Рёдер: От рейхсминистра обороны.
Симерс: И кто был тогда рейхсминистром обороны?
Рёдер: Он был членом правительства и моим непосредственным начальником. Я представлял ему все свои пожелания.
Симерс: И его имя было Грёнер, не так ли?
Рёдер: Да.
Симерс: Могу я обратить внимание трибунала на выдержку из конституции, которую я недавно предъявил как экземпляр номер Рёдер-3, согласно которой, статья 50 излагает, что рейхспрезидент отдаёт все приказы и распоряжения касательно вооруженных сил. Для подтверждения распоряжений требовалась контрассигнация[234] канцлером или ответственным министром. В результате контрассигнации принималась ответственность. В этом, нашем случае, рейхсминистр обороны был компетентным рейхсминистром; и всё, что делалось потом в связи с законодательными органами являлось вопросом компетенции правительства.

[*Обращаясь к подсудимому*] Сэр Дэвид представил вам документ С-17. Это содержание книги, написанное полковником Шерффом, называвшейся «История германского флота с 1919 по 1939». Эта книга когда-либо была написана?

[234] Контрассигнация — контрассигнации, (от латин. contra – против и assigno – ставлю печать) Подпись, скрепа министра на акте, исходящем от главы правительства, означающая, что ответственность за этот акт падает на министра.

Рёдер: Насколько мне известно, было составлено только содержание. Я полагаю, что если бы что-то было написано, тогда это бы мне представили сильно заранее, но я вообще никогда об этом не слышал.

Симерс: Могу я напомнить трибуналу, что американское обвинение, предъявляя этот документ, отмечало, что насколько им известно книга не была написана.

[*Обращаясь к подсудимому*] Мне кажется, что очень сложно основывать обвинения на содержании, но подсудимый я хочу, чтобы вы мне сказали, когда вы узнали об этом содержании?

Рёдер: Оно стало мне известно во время моего первого допроса американским обвинителем.

Симерс: Кроме того, документ D-854, который GB-460, вчера предъявили вам. Могу я вернуться к одному вопросу, поставленному сэром Дэвидом. На странице 1 сэр Дэвид зачитал следующее:

> «Как уже указывалось, почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с флотом, Версальский договор нарушался как по букве, так и в еще большей степени по своему духу еще задолго до 16 марта 1935 г., по крайней мере, в смысле подготовки к его нарушениям».

Затем сэр Дэвид спросил вас: «Вы хотите сказать, что это неправда?». Вы ответили, но не полностью закончили свой ответ, по крайней мере не стало ясно, что вы сказали ни в немецком ни в английском протоколе. Я хочу, чтобы вы сказали мне, почему вы считали, что Ассман не совсем прав в этом?

Рёдер: Это полнейшее преувеличение. Прежде всего, нарушения – как здесь подробно доказано –по большей части были небольшого характера; и только количество отклонений могло создать впечатление, что было много нарушений. Во-вторых, по существенным положениям, мы никогда не достигали квот установленных Версальским договором; фактически, мы находились ниже разрешенных цифр. Кроме того, включались только оборонительные меры, самые примитивные оборонительные меры – представление Ассмана просто большое преувеличение.

Симерс: Следовательно, вы пытаетесь сказать, что способ представления этого Ассманом «почти по всем отраслям вооружения» ошибочный?

Рёдер: Да, наверное, документ С-32 приводит его к такому выводу, потому что было так много пунктов. Однако, при ближайшем изучении они становятся самыми очень незначительными пунктами.

Симерс: В отношении важных пунктов о перевооружении, то есть строительства крупных кораблей, флот не нарушал договор, не так ли?

Рёдер: Нет, нет.

Симерс: Повторив три раза, сэр Дэвид подчеркивал тот факт, что у вы сильно доверяли Ассману. Я этому не возражаю, но помимо этого я бы хотел задать вам

дополнительный вопрос: вы так сильно доверяли Ассману, что по вашему мнению Ассман может выносить правильное юридическое суждение? Он был юристом?

Рёдер: Нет. Ассман был морским офицером, который больше не использовался на фронте. Он был очень грамотным писателем, написавшем несколько томов о Первой мировой войне. Он писал очень хорошо, но даже тома о морской войне в течение Первой мировой войны сильно корректировались заинтересованными лицами, но против его и его способности к описанию истории сказать нечего.

Симерс: Я думаю, вы помните этот вчерашний документ. Это окончательная историческая работа? Это окончательное и отредактированное издание?

Рёдер: Нет. Насколько мне известно, он до этого не дошел. Он готовил обобщения и выдержки из журналов боевых действий и протоколов.

Симерс: Ассман пишет:

> «Если, в таком свете, существовали планы по «подготовке строительства» в 1935 двенадцати 275-тонных субмарин, шести 550-тонных субмарин, и четырёх 900-тонных субмарин, тогда нужно учитывать стратегические планы правильные для того времени».

Сложив вместе 22 запланированных, и на следующий год 14 субмарин – не в результате строительства, лишь запланированные. Эти цифры верные по вашему мнению?

Рёдер: По моему мнению, они правильные. Я не уверен в единственной вещи о 900-тонном типе; я не могу это достаточно объяснить. Я не могу вспомнить, чтобы мы тогда строили 900-тонные лодки. Помимо 250-тонного типа, нашими первыми типами были 550-тонные, и только потом пошли 740-тонные лодки. Вероятно, он думал о таких, когда он говорит про 900-тонн. В действительности мы не строили 900-тонные лодки.

Симерс: Сэр Дэвид прочитал вам на странице 158 следующую фразу, которую я хочу повторить, так как она нуждается в объяснении.

> «Возможно, что именно в области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживалась границ германо-британского договора. С учетом количества тех подводных лодок, строительство которых уже началось, на 1938 год можно было запланировать строительство примерно 55 подводных лодок. В действительности было построено и начато строительством 118 подводных лодок».

Я напоминаю вам о том, что в подлиннике — это примечание 6, записка начальника бюджетного управления флота...

Рёдер: Да.

Симерс: ...от 1942 года, предположительно содержащая статистику о строительстве субмарин за прошедшие годы. Мне кажется эти цифры требуют разъяснения.

По моим сведениям, эти 55 подводных лодок соответствуют условиям

Лондонского соглашения, а именно соответствуют тем 45 процентам, которые были установлены по договору 1935 года. Вы не можете по памяти назвать точные цифры, но приблизительно это правильно?

Рёдер: Да, наверное правильно.

Симерс: Число 118, по моим данным, также хорошо обосновано. Это число, соответствующее стопроцентному, по тоннажу, отношению подводных флотов. Если бы у нас было 118 подводных лодок, то наш подводный флот был бы таким же, каким располагала в то время Англия. Это правильно?

Рёдер: Да, это верно. И верно также то, что эти остальные подводные лодки мы включили в бюджет и начали постройкой после того, как 30 декабря в Берлине мы с адмиралом Каннингемом[235] и сопровождавшими его лицами достигли дружественного соглашения о том, что в соответствии с договором мы можем строить все 100 процентов. Замечание зачитанное в начале, говорившее, что мы совершили больше всего нарушений в этой сфере, совершенная неправда. До начала войны у нас были только такие подводные лодки, которые нам было разрешено строить; то есть, первые 45 процентов и позднее 100 процентов. Конечно, это была ошибка, что мы так делали.

Симерс: Адмирал, вы только, что сказали, что это совершенная неправда. Я думаю, что даже если сэр Дэвид использовал это слово против вас, нельзя приходить к такому резкому суждению против Ассмана. Адмирал, вы не думаете, что возможно была юридическая ошибка с его стороны, когда…

Рёдер: Да, может быть.

Симерс: …он описал эти подробности и случилось то о чём он в действительности не думал, и о чём вы нам рассказали, что в 1938 появилось соглашение между Англией и Германией, согласно которому Германия могла теперь строить до 100 процентов?

Рёдер: Это вполне вероятно. Когда я сказал «неправда» я имел в виду неточность.

Симерс: Я хочу напомнить трибуналу о том, что в морском соглашении 1935 года с самого начала было предусмотрено 100 процентов и что Германия добровольно отказалась от этого, но получила право в любое время перейти к 100 процентам с обязательством известить об этом Великобританию. Таким извещением явилось то, что вы нам сейчас описали — переговоры с адмиралом Каннингемом. Правильно ли я вас понимаю?

Рёдер: Да, это было 30 декабря 1938 г., или может быть 31 декабря.

---

[235] Эндрю Каннингем (1883 — 1963) — британский военно-морской деятель, адмирал флота. В 1938-1939 начальник морского штаба.

Председатель: Утверждает ли подсудимый, что было уведомление адмиралу Каннингему 30 декабря 1938 г.? Вы это сказали? Утверждает ли он, что такое извещение было послано адмиралу Каннингему 30 декабря 1938?

Рёдер: Адмирал Каннингем приехал в Берлин для этих дружественных переговоров, предусмотренных по договору, и 30 декабря мы с ним достигли соглашения о том, что отныне вместо 45 процентов можно будет строить 100 процентов.

Председатель: Это была устная или письменная договоренность?

Рёдер: Это были переговоры между начальником штаба флота и адмиралом Каннингемом и отдельными лицами, я сейчас не могу их назвать. Я считаю, что, вероятно, был составлен протокол.

Председатель: Продолжайте.

Симерс: Господин председатель, к сожалению, я не смог найти какое-либо письменное доказательство. Мне известно лишь из экземпляра номер Рёдер-11, то есть соглашения 1935, что Германия могла увеличить тоннаж, и соглашения 37-го[236], что Германия обязывалась уведомить. В целом, уведомление в письменном виде только в дипломатических отношениях, хотя, по моему мнению, в этом случае такой обязанности не было. Переговоры, как сказал свидетель, имели место.

Рёдер: Я могу добавить, что, помимо этого вопроса о подводных лодках, был также урегулирован вопрос о двух тяжелых крейсерах, от которых мы также временно отказались. Мы хотели в тот период построить только три и просили согласия на то, чтобы мы могли теперь построить и полагающиеся нам еще два крейсера. Об этом также было достигнуто соглашение в соответствии с договором.

Симерс: Вчера вам был представлен документ С-140; это USA-51. Вы найдете его в британской документальной книге 10а на странице 104. Я снова хочу привести вам одну фразу из этого документа, которую ещё не цитировало обвинение, ни в ноябре, ни вчера. Это находится под цифрой «2-с». Там следующее заявление – я хочу добавить, что это вопрос санкций и возможных приготовлений к обороне против санкций в 1935. Я цитирую из «2-с»: «В настоящее время я запрещаю какие-либо практические приготовлении».

Свидетель, я хочу вас спросить…

Председатель: Это не 10а, 104.

Симерс: Господин Элвин Джонс был так любезен, указав мне английский перевод. Кажется – так как я имею также английский перевод – чтобы есть два документа С-

[236] Данное морское соглашение фактически является договором с подробным изложением требований к составу флотов двух государств, в то время как морское соглашение от 1935 являлось декларацией о намерениях по результатам обмена нотами.

140; у одного одна страница и у другого две. Один не озаглавлен и датирован, Берлин, 25 октября 1933. По моему мнению, документ…
Председатель: Это на странице 104?
Симерс: Нет, на странице 104 есть, как я только, что услышал от майора Элвина Джонса, другой документ, С-140, который озаглавлен «Директива для вооруженных сил на случай санкций».
Председатель: Да, и дата 25 января 1933?
Симерс: 25 октября 1935, но это канцелярская ошибка. Это 1933
Джонс: Кажется, есть другой документ, который не в документальной книге.
Симерс: Господин председатель, вероятно, я могу отметить, что документ С-140, USA-51, представленный обвинением, должно быть тот на который я ссылаюсь, потому что он соответствует протоколу; я имею в виду протокол заседания от 27 ноября. Это документ, на который я сейчас ссылаюсь.
Председатель: Это С-140 или С-141?
Симерс: С-140, тот же самый номер, и это то же что и USA-51.

Господин председатель, вероятно упрощая вопрос, я могу позднее, после сегодняшнего заседания или завтра предъявить здесь документ С-140, английский и немецкий текст.
Председатель: Прочитайте документ сейчас и вы сможете решить с господином Элвином Джонсом о правильном обозначении документа, должен ли это быть С-140 или вообще какой у него должен быть номер экземпляра.
Симерс: [*Обращаясь к подсудимому*] В версии, представленной обвинением, упоминалась подготовка к обороне против санкций. Сейчас я должен зачитать вам дальнейшую фразу, и процитировать: «В настоящее время я запрещаю все практические приготовления». Таким образом, правильно, что в 1933 вы во флоте вообще ничего не готовили?
Рёдер: Нет. В соответствии с этим приказом помимо обычного состояния готовности, ничего не разрешалось делать. Это была просто предосторожность со стороны фюрера с целью подготовить меры на случай если противник мог что-нибудь сделать.
Симерс: Поймите, причина почему я спрашиваю вас об этом заключается в том, что вчера в перекрестном допросе приготовления которые вы предположительно должны были проводить, были выдвинуты против вас.

Теперь я перехожу к документу С-189, который USA-44. Я прошу прощения за то, что затрудняю трибунал прося о том чтобы, если возможно, он снова посмотрел на документ. Он содержится в документальной книге Рёдера 10, страница 14; и, случайно, сэр Дэвид вчера снова его приобщил. Сэр Дэвид придал огромную важность двум словам «против Англии». Там под цифрой 2 сказано:

«Таким образом Ob.d.M.[237] выразил мнение, что позднее флот должен во всяком случае развиваться против Англии, и что с 1936, крупные корабли следует вооружать 35-ти сантиметровыми орудиями похожими на имеющиеся у класса «King George»

Это означало бы, что вы использовали планы англичан при строительстве кораблей класса «King George»

Таким образом, единственная причина, почему вы отмечали это заключалась в том, что вы рассматривали 35-ти сантиметровые орудия используемые классом «King George» британского адмиралтейства?

Рёдер: Да, целью любого флота того времени было знать как можно раньше, каким был крупнейший калибр орудий используемых остальными флотами. Я вчера говорил, что, сначала, мы выбрали за образец французский тип «Dunkerque», но позднее мы обнаружили, что британцы использовали до 35,6-ти сантиметров. Корабли нужно использовать, если начинается война, в своём текущем состоянии; их орудийный калибр больше нельзя изменить. Таким образом, мы всегда шли к наиболее крупному.

Симерс: Таким образом, я прав – прошу меня извинить - если я сказал, что выражение «против Британии» в этой связи неправильно грамматически, что в соответствии с правилами немецкого языка следует говорить «в отношении Англии»

Рёдер: Да, следует говорить «развиваясь относительно Англии». Вчера я говорил, что было бы совершенно бессмысленно, если бы я делал что-то такое против Великобритании перед заключением пакта.

Председатель: Доктор Симерс, это было полностью пройдено в перекрестном допросе, и подсудимый дал своё объяснение использованных слов.

Симерс: Из документа С-190, который беседа 2 ноября 1934 на борту «Emden[238]» между вами и Гитлером, сэр Дэвид предъявил вам, что Гитлер в дискуссии с вами и Герингом рассматривал расширение флота в запланированной манере абсолютной жизненной необходимостью, поскольку войну нельзя вести до тех пор, пока флот не обезопасит импорт руды из Скандинавии. Говорилось, что это следует понимать как то, что флот планировали в виду войны и в виду обеспечения импорта руды, что на самом деле означало агрессивные намерения. Вы считаете, что британский флот не планировал охранять импорт в Англию или на случай войны не был бы соответственно обеспечен?

Рёдер: Нет, об этом у меня нет ни малейшего сомнения.

---

[237] Аббревиатура от нем. oberbefehlshaber der Marine – главнокомандующий флотом.

[238] «Эмден» — немецкий лёгкий крейсер времён Второй мировой войны. Спущен на воду в 1925. Затоплен командой в конце войны.

Симерс: В этом документе упоминались шесть субмарин. Учитывая цифру, могу я попросить сказать мне о числе субмарин необходимых Германии для ведения агрессивной войны?

Рёдер: Что же, в любом случае, гораздо более чем имелось у нас в октябре 1939, множество таких.

Симерс: Господин председатель, из документа, который был предъявлен вчера, D-806, я хочу процитировать в дополнение ко второму параграфу который цитировали, первый параграф и представить его свидетелю. Это D-806, GB-462, предъявленный вчера в полдень.

[*Обращаясь к подсудимому*] Здесь говорится:

> «1). Ссылка: Программа строительства субмарин. 27 октября 1936 я принял решение относительно полного использования доступного тоннажа подводных лодок в соответствии с морским соглашением 1935 и относительно немедленного заказа на постройку Ю-41 - Ю-51».

Эти остальные субмарины были в рамках 45 процентного ограничения на которое мы были вправе в соответствии с морским соглашением 1935?

Рёдер: Да, это верно, судя по цифрам.

Симерс: Адмирал, и затем, вы подробно опрашивались об Австрии и Чехословакии. Поскольку этот предмет подробно пройден, я ограничу себя лишь одним вопросом: вы, в какое-либо время получали какие-либо задачи или приказы внешнеполитического характера от Гитлера? И спрашивал он вашего совета по внешнеполитическим вопросам?

Рёдер: У меня никогда не спрашивали совета, у меня не было внешнеполитических задач, если не считать обязанностей выполнявшихся мною в Болгарии и Венгрии после моей отставки.

Симерс: Относительно Чехословакии, то есть, касательно документа об «оставшейся Чехословакии» вас спрашивали имел ли тогда Гитлер агрессивные намерения против Праги. Я думаю, сам вопрос в том была ли его намерением агрессивная война.

В связи с этим, вас спрашивали об угрозе Геринга бомбардировать Прагу и вы совершенно верно признались сэру Дэвиду, что такая бомбардировка была бы угрозой. Сэр Дэвид прокомментировал это почти как агрессивную войну; но с целью выяснить это, я хочу, чтобы вы сказали трибуналу, когда вы узнали о планировании бомбардировки.

Рёдер: Только после того как вопрос был в целом разрешен, и только из разговора. Я не слышал объявлений и ничего не знал заранее.

Симерс: Значит, вы ничего об этом не знали до оккупации Праги?

Рёдер: Нет, потому что военные приготовления против Праги были мне совершенно неизвестны.

Симерс: Затем есть документ С-100. Господин председатель, он вчера был представлен под номером GB-464.

Председатель: 463, я понял.

Симерс: Я прощу прощения; 463.

[*Обращаясь к подсудимому*] Из этого документа я хочу процитировать вам со страницы 10. Это страница 3 приложенного документа. Я хочу представить вам следующую фразу. Я цитирую:

> «Фюрер осведомился у Ob.d.M. есть ли какие-либо особые пожелания у флота относительно голландско-бельгийского побережья. Ob.d.M. заявил, что нет, поскольку базы в рамках досягаемости с британского побережья и следовательно бесполезны в качестве подводных баз».

Свидетель, согласно этому, вы не поддерживали оккупацию бельгийских и голландских баз, ни каким-либо образом не занимали себя этим вопросом.

Рёдер: Моя точка зрения всегда заключалась в том, что из опыта Первой мировой войны Бельгия и Голландия, что касалось флота, не могли предоставить никаких полезных баз, поскольку все силы находились под контролем британских воздушных сил. В Первую мировую войну происходили серьезные бои между субмаринами выходящими из портов и эсминцами стоящими поблизости. Следовательно, я сам не был заинтересован ни в Голландии ни в Бельгии.

Симерс: Пропустим различные документы. Теперь я перехожу к D-843, GB-466. Это документ, в котором доктор Бройер из посольства в Осло выражает свой взгляд на опасность британской оккупации Норвегии не являвшейся очень большой и что определенные действия предпринимались лишь с целью спровоцировать Германию.

У меня есть ещё один вопрос об этом. Посольство в Осло, то есть, Бройер, знал об информации которой вас снабжал адмирал Канарис?

Рёдер: Что касается меня я не могу вам этого сказать. Я никогда не находился в прямом контакте с доктором Бройером, а только с военно-морским атташе, но я должен добавить, что доктор Бройер был в Осло сравнительно короткий период и видимо он в не был в особенности хорошо информирован. О заявлениях норвежских министров он точно не судил правильно.

Симерс: Разве не было приказа Гитлера, чтобы министерство иностранных дел не информировали о вероятных планах касавшихся Норвегии?

Рёдер: Да, он прямо об этом приказал, и очевидно, по этой причине рейхсминистр иностранных дел сам был очень поздно проинформирован.

Симерс: Другими словами, как вы могли понять, что посол мог не иметь информации Канариса от военных источников.

Рёдер: Нет, вряд ли.

Симерс: Затем есть ещё несколько документов D-844 и D-845. Они предполагают вам, что для Скандинавии не было опасности. Информация, которую получали вы, отличалась?

Рёдер: Да. У меня была непрерывная информация…

Председатель: Всё это было пройдено вчера, и свидетель дал тот же самый ответ.

Симерс: Мне кажется, что следующее никогда здесь не упоминалось. Было ли вам известно, что уже 5 апреля территориальные воды Норвегии были заминированы?

Рёдер: Союзники объявили об этом 7 апреля, но в действительности операции проводились несколькими днями ранее.

Симерс: Адмирал, вчера…

Председатель: [*Прерывая*] Доктор Симерс, единственное назначение повторного допроса в том, чтобы поднять вопросы в пользу вашего клиента, которые не поднимались в перекрестном допросе, то есть, объяснить что-либо то, что ещё не приводилось в перекрестном допросе. Когда он приводил такой же отчет в перекрестном допросе не хорошо ставить ему это снова при повторном допросе. Мы это слышали.

Симерс: Я думаю, что именно по этому пункту объяснение отсутствует.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вчера вас достаточно неожиданно спросили, какие технические изменения произошли с 1936 и как соответственно изменилась юридическая ситуация относительно подводной войны.

Рёдер: Да.

Симерс: Это нечто такое, на что сложно ответить за две секунды. Вы упомянули самолеты. Не могли бы вы дополнить своё заявление?

Рёдер: Да, я забыл наиболее важное из-за факта, что был оживленный спор. Важное положение в том, что обнаружение судов на море авиацией был чем-то совершенно новым и развивалось очень эффективно. Такое развитие быстро продолжалось в течение войны, пока субмарины могли очень быстро обнаруживать и преследовать.

Зимерс: Относительно D-841, который письменные показание от Диттмана, могу я, с разрешения трибунала, заявить формальное ходатайство? В этих письменных показаниях, есть следующая фраза:

> «По моему личному мнению высшие ведомства флота в Киле и остальных местах Германии имели сведения об ужасных вещах».

Председатель: Здесь «не имели сведения», а «должны были знать». Мне кажется, что в переводе «должны были знать».

Симерс: Да. У меня нет немецкого, и я не знаю о формулировке оригинала. У меня есть только английский перевод. Мне не совсем ясно как сформулирована немецкая версия. Могу я попросить трибунал…

Председатель: Документ представлен в оригинале на немецком или представлен на английском? Показание предположительно на немецком языке.

Симерс: Я полагаю, что изначально заявление было на немецком языке. Копия, что есть у меня, говорит, что это перевод на английский, но я не видел немецкого оригинала.

Максвелл-Файф: Милорд, вчера для свидетеля должна была быть немецкая копия. Мне неизвестно оригинал это или нет. Я не видел его, но полагаю, что так.

Председатель: Это не тот случай, что показание дали на немецком языке, затем перевели на английский, и затем снова на немецкий?

Максвелл-Файф: Милорд, вот почему я полагаю, что это был оригинал. Я извиняюсь за сделанное. У меня нет передо мной оригинала документа, но я полагаю, что было так. Я сейчас выясню для вас.

Председатель: Да. В чём дело, доктор Симерс?

Симерс: Мне кажется, эта фраза должна быть исключена из документа. Она не отражает факт.

Председатель: Вы имеете в виду, что вы просите исключить или…

Симерс: Да.

Председатель: Что вы скажите, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Милорд, свидетель полностью излагает факты в предыдущих параграфах письменных показаний и затем это правда, что он включает фразу «по моему личному мнению…», но суть этого заявления в том, что из этих фактов, о которых я сказал, вышестоящие подразделения флота в Киле и остальных местах Германии должны были иметь сведения об этих ужасных условиях. Человек который работал в этом подразделении германского флота и знает о связи между подразделением и штаб-квартирами в состоянии сказать имелись ли у штаб-квартиры сведения о которых он заявил. Его логический вывод имеет большую доказательственную ценность, чем вывод, который может сделать суд. Возражение заявлению о мнении там где свидетель даёт своё мнение по вопросу в котором суд равным образом способен составить мнение из таких же фактов, но важность этого заявлении в том, что он говорит «работая на передовой и будучи знакомым с цепочкой связи». Я скажу, что любой в Киле из этих фактов должен был быть способен узнать из этих фактов, о том что происходило в тех местах – значит, узловая точка, в том, позволяют ли его особые сведения выразить взгляд, который суд, не имея специальных знаний, не смог бы составить.

Председатель: Но он не должен теоретизировать факты, и если он заявляет обо всех фактах, тогда трибунал тоже будет в состоянии, как и он сформировать суждение; и трибуналу предстоит формировать суждение.

Максвелл-Файф: Милорд, это именно тот пункт который я отмечаю в своей аргументации, что есть дополнительный факт, что из-за его работы там, будучи частью цепочки военно-морского командования и он говорит об осведомлённости военно-морского командования с точки зрения кого-то кто там работал, и

следовательно, в этом он имеет своё мнение по части источников осведомлённости и необходимость конструктивных сведений дополнительный факт. Милорд, заявление о мысли человека и выражении его сведений могут быть фактом при определенных обстоятельствах, столь же значимым как и факт, как однажды выразился лорд Бовен[239].

Председатель: Да, если его сведения прямо относятся к предмету.

Максвелл-Файф: Да, милорд, в этом суть.

Председатель: Это форма экспертного доказательства.

Максвелл-Файф: Милорд, в смысле, это не так как говорит ваша светлость, по форме, это не необычная форма, но это доказательство того у кого есть особые сведения. Милорд это хорошо известное разграничение, например, в законах о клевете между лицами, у которых есть экспертные сведения и публикой в целом; и милорд, мнение кого-то имеющего особые познания о фактах должны иметь доказательственное значение в рамках статьи 19 устава. Милорд, если норма, что данный трибунал не связан техническими правилами доказательств, что-то означает, я полагаю это должно охватывать выражение мнения о таком положении как это; то есть возможность иметь сведения, которые предоставлены кем-то кто имеет особую возможность высказать подобное мнение.

Председатель: Сэр Дэвид это весьма незначительное положение, и нам нужно разрешить вопрос и сформировать своё собственное мнение об этом; и этого человека здесь нет для какого-либо рода перекрестного допроса.

Максвелл-Файф: Милорд, нет, это не так, но конечно, при всем уважении это обоюдоострая вещь. Я этим подразумеваю, что здесь он даёт письменные показания и их часть приводит к такому выводу. Я при всём уважении, полагаю, что такой вывод - заявление о факте, но, если ваша светлость так говорит, придет время, когда мы сможем спросить вашу светлость сделать этот вывод как сам по себе вопрос аргументации, но милорд, общее положение, единственная причина занимать так много времени трибунала это то, что статья 19 важный для обвинения вопрос и таким образом, мы вынуждены выступать против его принижения. Это единственная причина по которой я занимаю время трибунала.

Симерс: Господин председатель, могу я обратить внимание на одно положение. Сэр Дэвид только, что упоминал хорошо известное правовое отличие. Это то на чём я хочу обосновать свою аргументацию, разница между фактами и мнениями. Здесь это вопрос мнения и пожалуйста заметьте следующая фраза идёт ещё дальше, там свидетель приходит к юридическому мнению и он заявляет о том кто ответственный; таким образом, он выносит некого рода суждение. Кроме того, я прошу вас учесть, что это весьма малозначительный служащий, который, в конце концов, не может делать заявления о таком предвидении в отношении вышестоящих

[239] Чарльз Бовен (1835 – 1894) – английский судья.

подразделений в Киле и каких-то других местах в Германии – он достаточно расплывчат – чтобы иметь какого-либо рода сведения.

Председатель: Трибунал прервётся.

Максвелл-Файф: Милорд, прежде чем трибунал прервётся, могу я внести поправку и извиниться? Милорд, я думал, что копию на немецком языке вчера представили свидетелю – этих письменных показаний; и видимо копия была на английском языке. Оригинал письменных показаний был отправлен 6 мая; он был удостоверен по телефону полковником Филлимором и пока не прибыл. Английская копия была направлена и обработана и подлинник будет приобщён как только придёт. Милорд, я думал, что у нас был оригинал, но видимо он ещё не прибыл, но подсудимому представили английский документ.

Председатель: Вы позволите доктору Симерсу посмотреть на оригинал, как только он поступит?

Максвелл-Файф: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал внимательно рассмотрел ходатайство доктора Симерса и решил, что отрывок, которому он возражает и который он просит исключить в письменных показаниях Вальтера Курта Диттмана не будет исключен в виду статьи 19 устава. Отрывок содержит только мнение, и трибунал рассмотрит мнение в отношении ко всем доказательствам, когда они будут у трибунала и к тому времени решит о том есть ли у мнения доказательственная ценность с учетом доказательственной ценности иных доказательств.

Симерс: Тогда я…

Председатель: Доктор Симерс, могу я вам напомнить, что вы сказали, что ваш повторный допрос занял бы, как вы надеялись, около получаса?

Симерс: Да, господин председатель, я очень скоро закончу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, в связи с этим приказом о коммандос, который мы много обсуждали, сэр Дэвид вчера представил вам дело относительно атаки на корабль «Tirpitz». В этой связи я хочу вас спросить: вы вспоминаете, что в показаниях Вагнера был вопрос о британском моряке по имени Эванс?

Рёдер: Да.

Симерс: И вы также вспомните, что согласно письменным показаниям Флеша[240], номер D-864, GB-457, Флеш заявил: «Я не осведомлен о факте, что Эванс носил форму»?

[240] Герхард Флеш (1909 — 1948) — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Бергене (с апреля 1940 по октябрь 1941) и Тронхейме (с октября 1941 по май 1945). Казнён по приговору норвежского суда.

Рёдер: Да.

Симерс: Тогда мне нет необходимости предъявлять вам документ?

Рёдер: Нет, я его помню.

Симерс: Вы помните далее, что в документе СК-57, предъявленном в тот же день, что и показания Вагнера: «Британский моряк Эванс был захвачен одетым в гражданскую одежду»?

Рёдер: Да. У меня есть документ.

Симерс: И это было тем случаем, когда СД, следуя приказу о коммандос, совершило убийство при неосведомлённости флота?

Рёдер: Да. Этого человека задержало СД или полиция, а не флот. Между тем он только допрашивался адмиралом.

Симерс: Второй случай, в котором вы обвиняетесь это диверсионная атака на германские корабли возле Бордо. Я разъяснял эту ситуацию в показаниях Вагнера на днях.

Вы вспоминаете, что этот документ также заявляет, что эти люди пытались сбежать в Испанию в гражданской одежде?

Рёдер: Да, это правда.

Симерс: Адмирал, используя малые лодки, упомянутые вчера под командованием вице-адмирала Хейе, наши солдаты, когда-либо одевали гражданскую одежду?

Рёдер: Нет.

Симерс: Всегда в форме?

Рёдер: Да, всегда в форме. Эти лодки были оружием также как и субмарины, катера и т. д.

Симерс: Господин председатель, в качестве моего последнего пункта, я хочу отметить, что вчера полковник Покровский предъявил документ СССР-460, который касается московских записей.

Покровский: Милорд, в связи с тем, что вчера трибунал принял решение о вручении остальным защитникам выдержек из документа СССР-460, обвинители сегодня обменялись между собой мнениями; и обвинение Соединенных Штатов Америки, в лице мистера Додда, обвинение от Великобритании в лице сэра Дэвида и советское обвинение пришли к выводу о необходимости просить вас разрешить нам, огласить, здесь в суде с тем, чтобы это попало в стенограмму суда, те три короткие выдержки относящиеся к Дёницу, Кейтелю и к Йодлю, которые трибунал вчера счёл возможным не оглашать, принимая наш документ как доказательство. Мы поняли трибунал таким образом, что его решение было вызвано недостатком времени вчера, так как затянулось судебное заседание.

Благодаря этому, три очень важных, с нашей точки зрения отрывка, правильность которых подтвердил вчера подсудимый Дёниц[241] не попали в

[241] Очевидно имеется в виду Рёдер.

стенограмму судебного заседания. Мы просим вас, поэтому разрешить нам в течение пяти примерно минут огласить эти выдержки, чтобы они попали в стенограмму.

Председатель: Доктор Симерс, так было бы удобней всего? Вы хотите, чтобы их зачитали сейчас, для того, чтобы вы поставили по ним вопросы?

Симерс: Господин председатель, могу я сделать несколько замечаний об этом документе? Советская делегация любезно предоставила в моё распоряжение оригинал. Я вчера прочёл оригинал, и посмотрел на выдержки. Советская делегация желает сохранить оригинал, но также любезно представить вместо него фотокопию выдержек переданных в распоряжение высокого трибунала. Я полностью согласен с этим предложением, но лично я не намерен ставить какие-либо вопросы по этому документу, который мне ясен.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: И таким образом, я бы хотел попросить, чтобы вчерашняя резолюция высокого трибунала осталась в силе, чтобы это не читали, также как не читали другие документы.

Председатель: Полковник Покровский, документ изначально был на немецком языке. Предположительно он переведен на русский язык; разумеется он переведен на английский язык. До тех пор пока французские члены французского обвинения не хотят его оглашения, если он не переведен на французский язык, нет надобности занимать время трибунала зачитывая его под запись. У нас есть документ на английском языке, и мы все его прочитали.

Додд: Господин председатель, я думаю, есть одна причина. Даже если его зачитают под протокол, по крайне мере завтра будет расшифровка для подсудимых на кого он ссылается, и этот свидетель, или подсудимый, не будет на месте свидетеля. Если они хотят провести перекрестный допрос о том, что он говорил о них, тогда мы, я полагаю, вернём подсудимого для дачи показаний. Я думаю, мы потратим много времени сделав так, нежели полковник Покровский зачитает их за 5 минут. Они все услышат это, и если захотят допросить об этом, они смогут так сделать.

Председатель: Очень хорошо, очень хорошо.

Доктор Симерс, если вы не хотите задавать никакие вопросы об этом, вы можете завершить ваш повторный допрос сейчас, и затем полковник Покровский может зачитать документ. Затем любой из остальных подсудимых сможет спросить свидетеля если захочет.

Симерс: Да.

Председатель: Это не будет лучшим способом, полковник Покровский?

Покровский: Вполне, согласен.

Симерс: Господин председатель, я согласен, но мне кажется, что этот документ не нужно зачитывать, потому что господин Додд где-то ошибся сказав, что

подсудимые не знакомы с этим документом. Они и их защитники полностью с ним знакомы. Мне кажется, он всем известен, и я не думаю, что необходимо его зачитывать. Однако, в окончательном анализе, лично для меня мало разницы.

Председатель: Если защитники подсудимых не хотят его зачитывать, тогда Трибунал не хочет его оглашения до тех пор пока защитники подсудимых не захотят задать вопросы.

Кранцбюлер: Господин председатель, как защитник адмирала Дёница, я не заинтересован в зачитывании документа. Мне известен документ.

Симерс: Мне только, что подсказали, что защите известен документ и нет какой-либо ценности зачитывать его, и она не желает задавать какие-либо вопросы.

Председатель: Что же тогда, господин Додд и полковник Покровский, мне не видится необходимым зачитывать его.

Додд: Нет, ваша честь я удовлетворен,. Я не слышал защитника Кейтеля, я полагаю он удовлетворен. Я затрону это позднее – очень интересный для нас документ, конечно – меня интересовал кое-какой вопрос который может возникнуть и тоже симпатизирую желанию подсудимых не оглашать его публично.

Защитник подсудимого Шахта тоже ещё не выступал. Господин председатель, я думаю может быть правильно, если бы у нас было взвешенное заявление от каждого адвоката этих людей о том, что они не хотят оспаривать его и если так, чтобы мы могли быть совершенно уверены в том, что его не будут снова поднимать.

Председатель: Что же, я думаю, что здесь все защитники подсудимых или представлены все подсудимые, и они должны ясно понимать, то что я говорю, что принимаю это молчание, как их согласие, сказанному доктором Симерсом, о том, что они не желают чтения документа и не желают задавать никакие вопросы.

Покровский: Как я должен понять ваше решение, милорд? Могу ли я огласить эти три выдержки?

Председатель: Нет, полковник Покровский; я говорю, что, так как защитники подсудимых не желают чтения документа его не нужно читать.

Покровский: Мы придаем ему очень большое значение, милорд, ведь тут должны учитываться не только интересы защиты, но и интересы обвинения. Документ трибуналом вчера был принят, но в стенограмму попала только часть характеристик данных Рёдером. Я не вижу оснований, в силу которых не следует оглашать того, что близко знавший подсудимого Дёница, Кейтеля, Йодля свидетель Рёдер не должен был бы услышать здесь.

Председатель: Полковник Покровский и доктор Симерс, трибунал вчера распорядился, что не требуется, чтобы документ читали и трибунал придерживается этого решения в виду факта, что защитники подсудимых не желают его оглашения и не имеют по нему вопросов.

Да, доктор Симерс.

Симерс: Господин председатель, теперь я завершу свой допрос адмирала Рёдера. Я не знаю, есть ли к адмиралу Рёдеру другие вопросы.

Председатель: Есть какие-либо вопросы, которые возникли во время перекрестного допроса, которые хотят задать защитники?

Кранцбюлер: Господин председатель, я хочу задать два вопроса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, в своём перекрестном допросе вам предъявили приказы и меморандум о подводной войне.

Рёдер: Да.

Кранцбюлер: Вы считаете себя ответственным за эти распоряжения касательно подводной войны, которые вы принимали, находясь в должности главнокомандующего флотом?

Рёдер: Я считаю себя полностью ответственным за все распоряжения, изданные о подводной войне, которую вели под мою ответственность также как за любую военно-морскую операцию о которой я приказывал. Я разрабатывал эти директивы в штабе руководства войной на море и вместе с офицерами штаба руководства войной на море; я одобрял меморандум и в соответствии с ним отдавал приказы. Командир подводного флота был лишь тактическим командиром подводных лодок. Он передавал приказы и осуществлял операции в деталях.

Кранцбюлер: Адмирал, вчера сэр Дэвид обвинял вас в том, что вы не могли определить, кто в действительности отдал приказы изменить журнал подводной лодки потопившей «Athenia». Адмирал Годт[242] свидетельствовал в ответ на мой вопрос, что он отдал этот приказ по просьбе адмирала Дёница. Вам известны какие-либо факты, которые бы показывали, что данные показания адмирала Годта неправильные?

Рёдер: На самом деле я никогда не касался этого вопроса. Я лишь распорядился в трёх пунктах, которые здесь несколько раз затрагивали.

Кранцбюлер: Следовательно, вы считает показания адмирала Годта верными?

Рёдер: Я полагаю, что они верные, поскольку все сказанное им достоверно.

Кранцбюлер: Ваша честь, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

Симерс: С разрешения суда я прошу вызвать в качестве свидетеля бывшего рейхсминистра внутренних дел Зеверинга.

[*Свидетель Зеверинг занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите ваше полное имя, пожалуйста.

Зеверинг: Меня зовут Карл Зеверинг, мне 70 лет и я живу в Билефельде.

---

[242] Эберхардт Годт (1900 – 1995) - немецкий адмирал. С февраля 1943 командующий подводным флотом.

Председатель: Минуточку. Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Симерс: Господин министр, я прошу Вас указать суду, какую роль вы играли до 1933 года в социал-демократической партии и какие министерские посты вы занимали в основном в период до 1933 года?

Зеверинг: В возрасте шестнадцати с половиной лет я вступил в профсоюз. В возрасте 18 лет я вступил в социал-демократическую партию и поэтому сравнительно рано занимал почетные должности в социал-демократической партии.

В 1905 году я стал членом городского магистрата Билефельда, с 1907 по 1912 год был членом Рейхстага и вновь стал членом Рейхстага и одновременно прусского ландтага в 1919 году. Я имел мандат в Рейхстаге и в прусском ландтаге до 1933 года. Министром я был с 1920 по 1921 год в Пруссии, затем снова с 1921 до 1926 и с 1930 до 1933 года, а также в промежуточный период — с 1928 по 1930 год я был рейхсминистром внутренних дел.

Симерс: Когда и почему вы отошли от общественной жизни?

Зеверинг: От официальной общественной жизни я отошел в июле 1932 года, от политической — в тот период, когда был издан декрет о запрещении социал-демократической партии.

Симерс: Были ли вы в связи с вашим отходом от общественной жизни арестованы в 1933 году или позже, и если да, то по чьему приказу?

Зеверинг: Я был арестован в тот день, когда в Рейхстаге обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях нового правительства и я должен был уйти в отставку.

Приказ об аресте отдал министр внутренних дел в то время, Геринг, который одновременно был также президентом Рейхстага, и, если мне будет разрешено высказать свое мнение, он должен был как президент Рейхстага защищать иммунитет депутатов. Я был в нарушение иммунитета арестован в тот момент, когда я вошел в здание Рейхстага.

Симерс: Господин министр, однако Вы принимали участие в голосовании закона о чрезвычайных полномочиях?

Зеверинг: Руководство социал-демократической фракции Рейхстага заявило президенту Рейхстага Герингу протест против такого обращения со мной, в результате которого я был освобожден на время голосования. Однако голосование было уже закончено, но президент Рейхстага Геринг разрешил мне подать голос против закона о полномочиях.

Симерс: Но затем вас ведь недолго держали под стражей?

Зеверинг: На следующий день мне было приказано явиться на допрос, и на второй день я мог покинуть Берлин с предупреждением, что я должен быть на своей родине в Билефельде и быть готовым к дальнейшим допросам.

Симерс: Несмотря на ваши известные антинационал-социалистские убеждения, вы не были позже арестованы и не были, например, направлены в концлагерь, насколько мне известно?

Зеверинг: Я не был в концентрационном лагере, но этим я обязан тому уважению и почету — это я могу сказать без всякого бахвальства, — которым я пользовался у старых прусских чиновников, то есть бывших моих подчиненных. В октябре 1933 года я узнал от полицай-президента Билефельда о том, что против меня что-то хотят предпринять. Полицейское управление известило меня о том, что оно не в состоянии гарантировать мне необходимую защиту. Мне посоветовали оставить Билефельд на долгие месяцы. Я последовал этому совету и с октября 1933 года до конца марта 1934 года я проживал в Берлине под чужой фамилией, вначале у разных друзей, а позже в небольшом еврейском санатории у Ванзее. После этого мне опять-таки угрожал арест в августе 1944 года. В списке лиц, подлежащих аресту, то есть тех мужчин и женщин, которых подозревали в участии в заговоре против Гитлера, находилось и мое имя, как сказал мне один из моих знакомых в полиции.

Председатель: Вы сказали в 1944 или в 1934 году?

Симерс: В 1944 году после покушения на Гитлера 20 июля.

Зеверинг: Разрешите продолжать?

Симерс: Прошу вас.

Зеверинг: После покушения на Гитлера управлению полиции было дано распоряжение арестовать определенных лиц. В билефельдском списке этих лиц значилась и моя фамилия. Один из полицейских чиновников, которого я знал по своей прежней официальной деятельности, указал на то, что мне скоро исполнится 70 лет и что я потерял своего сына на войне. Благодаря этому указанию ему удалось добиться того, что моя фамилия была вычеркнута из этого списка.

Симерс: Кроме тех обстоятельств, которые вы только что описали, причинили ли национал-социалисты вам еще какие-либо неудобства?

Зеверинг: Другие неудобства состояли в том, что моя свобода передвижения была значительно ограничена. Меня не особенно удивляло то, что мои телефоны и корреспонденция были подвергнуты цензуре, я считал это само собой разумеющимся. Однако, кроме того, я не мог предпринимать никаких поездок, не подвергаясь наблюдению и шпионажу со стороны полицейских чиновников.

Простите, господин адвокат, я хотел бы обратить ваше внимание на следующее: кроме материального ущерба, существует еще моральный ущерб и этот моральный ущерб был в значительной степени нанесен мне национал-социалистской партией после ее прихода к власти. Одно политическое мероприятие, которое было проведено в связи с выборами в 1932 году, было использовано против

меня, я могу сказать — в уголовном смысле. Обо мне и о моем друге Брауне[243] говорили, как о ворах, укравших миллионы, и это оскорбление было распространено на членов моей семьи.

Председатель: Доктор Симерс, этот свидетель будет давать показания, которые относятся к делу подсудимого?

Симерс: Да.

Председатель: Хорошо, тогда подведите его возможно скорее к этой теме.

Симерс: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин министр, постарайтесь быть как можно более кратким в связи с этим. Конечно это правда, что вы пострадали за свои идеалы, но как основу моего допроса и ваших показаний я бы хотел установить был ли вам причинён серьёзный вред и я хотел бы, что вы коротко нам рассказали, о том был ли национал-социализм…

Председатель: Доктор Симерс, какое это имеет отношение к делу Рёдера?

Симерс: Господин председатель, моё намерение заключается в том, чтобы показать, что министр Зеверинг, после короткого описания своей жизни при нацизме может непредвзято дать совершенно беспристрастные ответы в связи с Рёдером. Поскольку он не имел никаких преимуществ, а скорее неудобства в руках нацистов и с другой стороны…

Председатель: Что же, вы достаточно рассмотрели неудобства. Переходите к вопросу который относится к Рёдеру. Он дал нам, с 1933 по 1944, довольно общий отчёт о своей жизни и этого достаточно.

Симерс: Обвинение инкриминирует подсудимому Редеру то, что он, являясь командующим военно-морским флотом, нарушал Версальский договор и притом с намерением вести агрессивные войны и, во-вторых, делал это за спиной правительства Рейха. Для того чтобы сократить допрос, разрешите коротко сообщить господину министру, что установлено — и это не оспаривается и является историческим фактом, — что Германия, создавая военно-морской флот в рамках Версальского договора, нарушала положения этого договора. Все это известно суду. Как раз перед этим правительство того времени распорядилось начать в рамках Версальского договора строительство линкора «А». В связи со строительством этого линкора возник острый внутриполитический спор. В рамках дебатов об этом линкоре свидетель произнес речь. Я имею короткую выдержку из этой речи которую я хочу предъявить вам и которую хочу прочитать. Господин председатель, это экземпляр номер Рёдер-5, находящийся в документальной книге 1, страница 13. Это фрагмент из речи бывшего рейхсминистра Карла Зеверинга в германском Рейхстаге 20 января 1928 г.

---

[243] Отто Браун (1872 — 1955) — немецкий политик, социал-демократ, министр-президент Пруссии с 1920 по 1932 годы.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин министр, в то время вы не были министром и вы произнесли эту речь как депутат социал-демократической партии?

Зеверинг: Да, это верно.

Симерс: Выдержка гласит:

> «Теперь о линкоре. По крайней мере очень странно, что правительство, которое хорошо знает, какие колоссальные суммы мы должны собрать в будущем году, выдвигает такие требования. Оно заявляет, что мирный договор разрешает это. Это так. Но мирный договор вместе с тем приказывает платить репарации. Затребованные в этом году 9,3 миллиона марок сыграют свою решающую роль лишь впоследствии. И эти последствия требуют многих сот миллионов марок, собрать которые в ближайшие годы кажется мне совершенно невозможным. Я не могу также признать военной ценности линкора, учитывая развитие военно-морского оружия. Может быть, действительно, линкоры образуют спинной хребет при обороне на море, как это утверждает правительство. Но для того чтобы создать живой боеспособный организм, к спинному хребту нужно прибавить еще и другие члены — подводные лодки и самолеты, а пока мы не имеем права их строить — линкоры и при обороне имеют очень небольшую ценность».

Правильно ли передана эта выдержка из речи, которую вы тогда произнесли?

Зеверинг: Да. Выдержка передана правильно.

Симерс: Можно ли сделать на основании этого вывод, что социал-демократическая партия и вы лично в то время придерживались того мнения, что та армия, которая была разрешена Версальским договором, не была бы достаточной для оборонительной войны?

Зеверинг: Да, это правильно.

Симерс: Я попросил бы вас несколько подробнее изложить свою позицию.

Зеверинг: То, что 100-тысячная армия, которая была разрешена для Германии, была недостаточной даже и для оборонительной войны, знал и знает, пожалуй, и сегодня всякий в Германии, кто занимался политическими вопросами. Это было плохим положением, в которое Германия попала по отношению к своему восточному соседу вследствие создания коридора. Островное положение Восточной Пруссии тогда уже вынуждало принять меры, которые я очень неохотно проводил, однако население Восточной Пруссии имело право на то, чтобы его защищали от нападений, которые угрожали с Востока. Я не говорю об агрессивной войне. Я не говорю о планах польского правительства, однако я указываю на то, что в 1919, 1920 и 1921 гг. агрессивные польские группы вступали на немецкую землю, очевидно, намереваясь поставить мир перед свершившимся фактом...

Председатель: Доктор Симерс, все эти показания мы уже слышали почти от всех подсудимых и многих из их свидетелей, и, без сомнения, трибуналу совершенно не принесет никакой пользы показание о том, что этот свидетель говорил в 1928 году или каковы были его взгляды в 1928 году.

Симерс: С позволения высокого трибунала, мне кажется, это станет ясно следующим образом. Министр Зеверинг являлся членом правительства которое провело заседание кабинета от 18 октября 1928. Я совершенно согласен с мнением суда о том, что предыдущее вы неоднократно уже слышали. Однако разрешите напомнить о том, что сэр Дэвид Маквелл-Файф еще вчера, во время перекрестного допроса, указывал, что Редер вопреки воле правительства Рейха и против воли законодательных органов нарушал Версальский договор. Следовательно, если после показаний Рёдера, обвинение настаивает на своём мнении, у меня нет никакой иной возможности доказать неправильность мнения обвинения нежели спросив свидетеля который…

Председатель: Вопрос о том, что Версальский договор был нарушен, является фактом и конечно об этом вы можете приводить показания и приводили доказательства при помощи подсудимого Рёдера, но данный свидетель не говорит по фактическому вопросу. Свидетель пытается утверждать, что Германия имела право защищаться в нарушение Версальского договора. Вот, насколько я понял, в чем заключаются его показания, а не в фактическом вопросе.

Симерс: Господин председатель, насколько я знаю юридическую…

Председатель: Доктор Симерс, класс доказательств которые сейчас представлены свидетелем не будет заслушан трибуналом. Если вы хотите доказать при помощи него факты, вы можете доказать их, но вы не можете доказывать аргументацию или его взгляды на аргументацию.

Симерс: Могла ли Германия обороняться с помощью своей армии от нападения на Силезию со стороны Польши?

Зеверинг: С помощью своей армии Германия в Восточной Пруссии в 1920 году во всяком случае не могла бы обороняться. Поэтому необходимо было защитить население Восточной Пруссии, и это было осуществлено с помощью того, что я дал свое согласие на то, чтобы оружие, найденное в Восточной Пруссии, было передано населению. Обстоятельства тогда были таковы, что даже при инспекционной поездке в Восточную Пруссию очень трудно было проехать через коридор, так что я в 1920 году предпринял эту инспекционную поездку морским путем из Штольпмюнде в Пиллау. Я привел этот факт для того, чтобы вообще показать трудности транспортировки через коридор. В 1920 и 21 германский Вермахт не мог предотвратить нападения польских мятежников в Верхней Силезии, и с сожалением скажу, и я подчеркиваю «с сожалением», что нужно было создавать некоторую самооборону для того, чтобы защищать немецкую жизнь и немецкое имущество.

Симерс: Господин министр, мероприятия по перевооружению как их хотел и как на

них рассчитывал рейхсминистр обороны Грёнер основывались на оборонительных или наступательных мыслях, насколько вам известен Грёнер?
Зеверинг: Насколько я знаком с Грёнером и его способом исполнения должностных обязанностей, всё, что он продумывал и проводил состояло в обороне.
Симерс: Значит это следует применять к броненосцу «А». Я хочу знать, почему социал-демократическая партия, которая также желала надежной обороны, выступала против строительства этого броненосца?
Зеверинг: Социал-демократическая партия в 1926 году была против строительства линкора, так как экономическое положение не позволяло делать никаких расходов, которые не были абсолютно необходимы. И, кроме того, социал-демократическая партия хотела доказать, что она делает все, что находится в ее силах для того, чтобы добиться осуществления много раз обсуждавшейся тогда проблемы разоружения. Она не считала, что строительство линкора является подходящим жестом для начала соответствующих переговоров.
Симерс: Господин министр, 28 июня 1928 г. было создано новое правительство Рейха, а именно — под руководством Мюллера в качестве рейхсканцлера, Штреземана — в качестве министра иностранных дел и вас — в качестве министра внутренних дел. Как относилось Ваше правительство к актуальной тогда проблеме разоружения всех стран, которое было предусмотрено Версальским договором, а также к актуальному вопросу о перевооружении Германии?
Зеверинг: Я уже слегка упомянул об этом. Мы в социал-демократической партии, также и после вступления в правительство Мюллера, считали, что необходимо сделать все для того, чтобы разрешить именно эту проблему. В сентябре 1928 года рейхсканцлер Мюллер вместо заболевшего министра иностранных дел Штреземана направился в Женеву для того, чтобы обсудить эту проблему на заседании Лиги Наций. Мюллер произнес весьма решительную речь, которая, однако, была весьма холодно принята государственными деятелями союзников, так что на ближайшее время нельзя было ожидать практических предложений для осуществления идеи разоружения.
Симерс: Господин министр, в июле 1928 вы говорили с рейхсминистром обороны Грёнером о бюджете и в особенности о том, что секретные бюджеты Вермахта, броненосец и тому подобное, стали известны. Какое отношение вы заняли в связи с этим и в чём заключались результаты вашей договорённости с Грёнером?
Зеверинг: Для того, чтобы ответить на данный вопрос, я бы хотел снова затронуть фрагмент из моей речи, которую вы сейчас предъявили высокому трибуналу. На то же заседание Рейхстага на котором я выступал с речью, рейхсминистр обороны Грёнер впервые явился как преемник Гесслера. Я сказал несколько прощальных слов в честь Гесслера который уходил. Я приветствовал нового министра с замечанием о том, что мои политические друзья выразят ему уважение, но, что сначала он должен был заслужить наше доверие. Наверное подумав об этом

замечании, Гренёр пришёл ко мне на первое заседание правительства Мюллера и сказал о том, что он стремился к сотрудничеству со мной. Я процитировал отрывок из «Ифигении[244]» в связи с этим: «Да прибудет с нами правда». Только полная искренность могла бы позволить полезное взаимодействие, я сказал.

Председатель: Доктор Симерс, трибунал думает, что это совершенная трата времени и эта речь свидетеля совершенно не относится к делу. Почему вы не задаете ему какие-то вопросы которые имеют какое-то отношение к делу Рёдера?

Симерс: Господин председатель, могу я напомнить вам, что обвинение предъявило обвинение в том, что восстановление проводилось при помощи секретного бюджета и что тайное перевооружение проводилось с мыслью начала агрессивных войн. Мне не совсем ясно как можно перекрёстно допрашивать свидетеля любым иным способом нежели спрашивая его о том как эти секретные бюджеты, которые в определённой степени практически идентичны нарушениям Версальского договора, рассматривали в его правительстве. Это именно то о чём я спрашиваю свидетеля.

Председатель: Данная речь на которую вы обратили наше внимание просто речь в которой он сказал о том, что не думал, что была польза от броненосцев. Это единственный смысл речи, за исключением того как это относится к тому, что не оплачены репарации. В остальном он просто говорит, что от броненосцев не было никакой пользы.

Симерс: Господин председатель, я не могу и не желаю выступать здесь. В речи которую я прочитал сказано кое-что ещё. Там сказано, что социал-демократическая партия была против строительства броненосца, ввиду экономических причин, а не ввиду стратегических причин, и что если броненосец…

Председатель: Какое это имеет отношение к обвинению в начале агрессивной войны в 1939?

Симерс: Господин председатель, я не поднимаю обвинение в агрессивной войне, обвинение делает это, но я должен защитить своего клиента от обвинения в том, что в 1928 он имел умысел ведения агрессивной войны, я утверждаю, что он не имел никакого такого умысла, что правительство Рейха знало о нарушениях договора, что правительство Рейха приняло за них ответственность, и показания министра покажут, что таковы факты которые оспаривались только вчера.

Председатель: Задавайте ему прямые вопросы о фактах. Тогда трибунал выслушает их если они относятся к делу, но трибунал считает, что доказательства о его речи которые вы рассматриваете это просто трата времени.

Симерс: Постараюсь быть кратким. В результате я задам свидетелю вопросы на которые он ответит друг за другом.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы сказали, что вы требовали от Грёнера

---

[244] Ифигения — в древнегреческой мифологии первоначально эпитет Артемиды, почитавшейся и в историческое время с этим прозвищем в Гермионе и других местах. Когда Ифигения выделилась в качестве героини, о её происхождении и обстоятельствах жизни сложились самые разнообразные легенды.

доверия и абсолютной правдивости. Вы попросили его в связи с этим просвещения о секретных бюджетах и нарушениях Версальского договора которые происходили в то время?

Зеверинг: Я особо попросил его просветить меня, поскольку в январе 1928, тогдашний рейхсканцлер Маркс[245] откровенно признал, что при капитане Ломане в управлении флота были неправильные интерпретации бюджета которые не могли соответствовать правильной бухгалтерии и политической честности.

Симерс: Что ответил Грёнер?

Зеверинг: Тогда Грёнер сказал мне, что он имел намерение обсудить эти вопросы на заседании кабинета и внести ясность в эти вопросы.

Симерс: Главнокомандующие двумя родами войск Вермахта должны были присутствовать на этом заседании?

Зеверинг: 18 октября они должны были явиться и явились.

Симерс: Господин министр, когда вы впервые встретили адмирала Рёдера?

Зеверинг: Первый официальный контакт, по моим воспоминаниям, состоялся в начале октября 1928, наверное в день, когда он нанёс мне официальный визит в связи с принятием должности.

Симерс: Как экземпляр номер Рёдер-6, я предъявил высокому трибуналу, как наверное вспомнит высокий трибунал, речь Рёдера от 23 января 1928. Было сопроводительное письмо с этим документом. Это письмо сейчас будет предъявлено свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Согласно данному документу, ваша встреча с Рёдером состоялась 5 октября 1928, 5 дней спустя после назначения Рёдера главнокомандующим флотом?

Зеверинг: Эта дискуссия наверное состоялась в тот день. Могу я сказать…

Симерс: Минуточку, господин министр. Думаю будет лучше, чтобы вы посмотрели на письмо. Там сказано: «После нашей дискуссии 5 октября…». Могу я попросить вас подтвердить высокому трибуналу, что вы сохранили данное сообщение Рёдера и это подлинная и правильная копия?

Зеверинг: Письмо которое я вам предоставил это подлинное письмо Рёдера. Оно соответствует инцидентам о которых я вам сейчас говорил.

Симерс: Значит, 5 октября состоялась эта беседа с Рёдером. Беседы между вами и Рёдером в основном соответствовали мыслям высказанным в этой речи?

Зеверинг: Да.

Симерс: Вы помните, что в этой речи Рёдер категорически заявил, что агрессивная война была преступлением?

Зеверинг: Да, я это помню.

Симерс: В связи с этой беседой вы сказали Рёдеру, что вы согласились с Грёнером в

---

[245] Вильгельм Маркс (1863 — 1946) — немецкий юрист и политик (Германская партия Центра). В 1923-24 и 1926-1928 годах занимал пост рейхсканцлера Веймарской республики.

том, что фактические нарушения Версальского договора должны были обсудить и разъяснить, и что должен был собраться кабинет?

Зеверинг: Я не помню такую деталь, но это совершенно возможно.

Симерс: Вы требовали от Рёдера того, чтобы между вами была абсолютная искренность и правдивость?

Зеверинг: От Рёдера тоже, но в особенности от армейских начальников.

Симерс: Как результат этой дискуссии с Рёдером, у вас сложилось впечатление, что вы могли работать с Рёдером удовлетворительным образом и что он говорил бы вам правду?

Зеверинг: Да, у меня сложилось такое впечатление.

Симерс: 18 октября 1928 г. произошло уже упомянутое заседание кабинета. Разрешите мне попросить вас коротко описать это заседание, с учётом того, что это приемлимо для высокого трибунала, чтобы свидетель обрисовал это заседание. Мне кажется, что описание данного заседания сэкономило бы время, нежели просьба задать отдельные вопросы. Таким образом, господин министр, будьте кратким рассказывая нам о том, что случилось.

Зеверинг: На этом заседании членам кабинета в деталях было рассказано обо всем, что можно было назвать маскировкой бюджета либо являлось нарушениями Версальского договора. Разъяснения давались, насколько я помню, командующим сухопутными силами и командующим военно-морским флотом.

Симерс: Присутствовали ли всё члены кабинета?

Зеверинг: Может быть за исключением того или иного заболевшего члена кабинета. Но это было заседание, которое обычно называют заседанием кабинета в полном составе.

Симерс: Присутствовали основные члены?

Зеверинг: Да.

Симерс: Мюллер, Штреземан присутствовали?

Зеверинг: Не могу сказать о том присутствовал ли Штреземан. Он ещё болел в сентябре и выздоровел ли он к 18 октября я не могу сказать. Но я могу добавить, что если не присутствовал господин Штреземан, разумеется кто-то ещё присутствовал как уполномоченный заместитель из министерства иностранных дел.

Симерс: Адмирал Рёдер и генерал Хейе[246] на этом заседании прямо гарантировали кабинету – как я помню под присягой – что только такие нарушения были совершены о которых они сказали?

Зеверинг: Было ли это в торжественной форме или как честное слово, я не могу сказать, но в любом случае, по просьбе рейхсканцлера и в особенности по моей просьбе они сказали, что не будет никаких дальнейших нарушений.

Симерс: Итак, они категорически заявили, что в дальнейшем нарушения

---

[246] Вильгельм Хейе (1869 – 1947) – германский военачальник. Генерал-полковник. В 1926 – 1930 начальник командования армии Германии.

Версальского договора без ведома правительства Рейха не будут иметь место?

Зеверинг: Да, в принципе это было так.

Симерс: И, кроме того, они заявили кабинету, что теперь кабинет информирован обо всем?

Зеверинг: Да.

Симерс: Это заявление было сделано?

Зеверинг: Да, такое заявление было сделано.

Симерс: Шла ли речь в отношении этого секретного бюджета и этих нарушений Версальского договора, как о значительных вещах?

Зеверинг: Я могу сказать и должен признать, что с тех пор как я занимался нарушениями Версальского договора, меня особенно интересовал объем нарушений в отношении сумм. Я хотел знать, что я могу сделать в своём качестве против тайных носителей оружия и против нелегальных организаций, и спросил о сумме, мне кажется это изложили и подтвердили позже в письменном виде сумму пять с половиной-шесть миллионов марок в этих секретных бюджетах.

Симерс: Господин министр, вы помните бюджетные цифры тех дней лучше меня. Что мы можем понять из этих цифр? Следует нам сделать вывод, что они были тяжёлыми нарушениями включавшими агрессивные намерения или можем понять, что в окончательном анализе они были просто мелочью?

Зеверинг: Я не имею бюджетных цифр как они входили в бюджеты флота и армии. Я не могу цитировать цифры по памяти. Но впечатление из этих докладов двух родов войск Вермахта заключалось в том, что это мелочь. Такое впечатление заставило меня признать определённую политическую ответственность за эти вещи, и в особенности в виду того факта, что нас заверили в том, что в будущем не случиться сокрытия бюджетных статей или других нарушений.

Симерс: Вы помните, что Грёнер на этом заседании заявил о том, что небольшие нарушения договора касались чисто оборонительных вопросов, противовоздушных орудий, береговых укреплений, и т.д.?

Зеверинг: Сегодня я не могу дать вам детали, но я могу напомнить вам, что все речи которые Грёнер произносил тогда, когда он был министром обороны были в таких же чертах. Во всех своих речах в Рейхстаге, господин Грёнер прямо заявлял о том, что он выступал за твёрдый пацифизм. В ответ на ваш вопрос, я отвечаю, что заявления Грёнера и мои собственные, были основаны на обороне и оборонительных мероприятиях.

Симерс: Другими словами, в конце этого заседания, таким образом, правительство ясно взяло на себя ответственность за эти нарушения и за секретные бюджеты в этом небольшом объеме?

Зеверинг: В том объеме, как об этом было доложено.

Симерс: Рёдер в будущем придерживался чётких директив правительства Рейха?

Зеверинг: Я не могу ответить на это положительным образом, но я могу сказать, что

я не замечал никаких нарушений со стороны флота в отношении соглашений во время пребывания меня в должности как министра внутренних дел.

Симерс: Лично вы считаете, поскольку вы вполне достаточно знаете Рёдера, что он сдержал обещание которое дал вам не прибегать к тайным нарушениям?

Зеверинг: Рёдер произвел на меня впечатление честного человека и я верил в то, что он сдержит своё слово.

Симерс: Еще один вопрос, господин министр. Может быть вы помните, что на этом заседании кабинета 18 октября говорилось об одной голландской фирме, которая занималась конструированием подводных лодок?

Зеверинг: Нет, я не могу привести вам детали дискуссии, но я могу лишь сказать, что много говорили либо на заседании кабинета или подкомитета Рейхстага или другого парламентского органа об экспериментальных мастерских, которые создавались для армии и флота в России, Швеции и Голландии.

Симерс: Чисто экспериментальных мастерских?

Зеверинг: Я могу лишь сказать, что разговоры велись в этом смысле. Были ли созданы экспериментальные мастерские, я не могу сказать по собственному опыту.

Симерс: Господин министр, Германия могла по причине правительственных дискуссий шедших в то время, надеятся на то, что однажды, несмотря на Версальский договор ей позволят строить подводные лодки?

Зеверинг: Ведущие государственные деятели…

Председатель: Доктор Симерс как он может отвечать на то, что была надежда, что им позволят строить подводные лодки? В этом заключался ваш вопрос, не так ли, была ли надежда?

Симерс: Господин председатель, я знаю, эти вопросы уже рассматривались правительствами которые вели деятельность в 1928-1932, и мне кажется, что Штреземан вёл эти дискуссии. Поскольку Штреземан уже мёртв, я бы хотел спросить об этом господина Зеверинга.

Председатель: Трибуналу это кажется просто политической сплетней.

Симерс: Господин министр, от кого зависело то, что представляли в Рейхстаг? Рёдера обвиняют в действиях за спиной Рейхстага. Кто представлял это в Рейхстаг? Рёдер делал это?

Зеверинг: Я не совсем вас понял. Кто представлял бюджет, вы имеете в виду?

Симерс: Да.

Зеверинг: Бюджет проходил через руки экспертов разных министерств и весь кабинет, и бюджет вносил в Рейхстаг кабинет.

Симерс: Вопрос рассмотрения бюджета в Рейхстаге являлся вопросом правительства Рейха, а не главнокомандующего флотом, это так?

Зеверинг: Постольку поскольку бюджет вносили в Рейхстаг, компетентный рейхсминистр занимался с основным комитетом и пленарным заседанием Рейхстага, но политическую ответственность принимал весь рейхскабинет.

Председатель: Никогда не утверждалось в отношении подсудимого Рёдера, что он вносил бюджет в Рейхстаг, ему это никогда не говорили.

Симерс: Господин председатель, вчера утверждали…

Председатель: Не спорьте! Продолжайте с другими вопросами.

Симерс: Вы помните, говорили ли вы в конце 1929 с членом правительства о различных ведущих личностях Вермахта и, что вы сделали комментарий который стал известен касательно определённых личностей?

Зеверинг: Да, правильно, что однажды, меня попросили дать личную оценку определённым военным личностям. Я назвал в связи с этим Грёнера и Рёдера.

Симерс: Господин министр, о скольких концентрационных лагерях Вы знаете?

Зеверинг: О скольких я знаю сейчас?

Симерс: Простите, не сейчас, а о скольких концентрационных лагерях знали вы до поражения Германии?

Зеверинг: Может быть, о шести, восьми.

Симерс: Господин министр, знали ли вы перед поражением или знали ли вы уже в 1944 году о массовых убийствах, которые столь часто обсуждаются здесь на этом процессе?

Зеверинг: Я узнал о концлагерях тогда, когда убийства, если так можно сказать, стали производиться профессионально и при том в связи с несколькими случаями, которые очень сильно тронули лично меня. Во-первых, как мне сообщили, в лагере Папенбург был убит полицай-президент из Альтоны, депутат Рейхстага, социал-демократ, который принадлежал к правому крылу социал-демократической партии. Другой мой друг — председатель союза горнорабочих Фриц Хуземан[247], как мне сказали, был убит в том же лагере вскоре после его заключения туда. В лагере Ораниенбург по сведениям, которые мне передали его родственники, был замучен еще один мой друг Эрнст Хайльман[248].

Дахау[249] был тогда известен и на севере Германии как концлагерь. Из Бухенвальда[250] в начале 1939 года возвратились несколько евреев-заключенных, которые рассказывали мне об этом лагере. «Колумбия хауз[251]» в Берлине я также считал концлагерем.

---

[247] Фридрих Хуземан (1873 – 1935) – немецкий профсоюзный деятель. Депутат Рейхстага в 1924-1933. При нацистах был неоднократно арестован. Спустя два дня после четвертого ареста был застрелен «при попытке побега» в лагере Эстервеге.

[248] Эрнст Хайльман (1881 — 1940) — немецкий социал-демократический политик и юрист, депутат Рейхстага с 1928 по 1933 гг. Убит в концентрационном лагере Бухенвальд.

[249] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

[250] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

[251] Концентрационный лагерь «Колумбия» - нацистский лагерь расположенный в районе Берлина Темпельхоф. Существовал в 1934-1936.

Таковы были мои сведения о лагерях и ужасах, творившихся в них до того, как лондонское радио сообщило о концлагерях. В 1944 году, разрешите рассказать и об этом случае, после отбытия трехлетнего заключения в тюрьме еще один мой друг, депутат Рейхстага Стефан Майер[252], по сведениям, которые я получил от его семьи, был отправлен в концлагерь в Линц или в районе Линца и был там убит после короткого пребывания в нем.

Симерс: Господин министр, таким образом, вы знали только об этих и аналогичных отдельных случаях?

Зеверинг: Да.

Симерс: Вы не знали о том, что на востоке ежедневно тысячи людей умерщвлялись в газовых камерах или другими методами?

Зеверинг: Я считал, что я должен сообщать суду только о тех случаях, о которых я получил, так сказать, достоверные сведения. Обо всем, что я узнал позже, а именно по рассказам — но и здесь лишь косвенно — моего друга Зегера[253] или из книги генерального интенданта Лангхофа[254], обо всем этом мне сообщалось, однако я не мог проверить правильность этих сообщений.

Симерс: Господин министр, вы и ваши партийные товарищи имели возможность…

Председатель: Доктор Симерс, вы собираетесь закончить допрос или собираетесь продолжать? Вы видите время?

Симерс: Да, я хочу оставить для решения высокого трибунала нужно ли нам прерваться. Я понимаю, что будет перекрёстный допрос, так что…

Председатель: Да, но предположительно вам известно, что за вопросы вы собираетесь задать; я не знаю.

Симерс: Не могу сказать точно какой ответ свидетеля будет дан. Ваша честь, это может занять ещё 10 минут.

Председатель: Очень хорошо. Мы прервёмся до четверти третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

[252] Стефан Майер (1889 – 1944) – немецкий политик. Социал-демократ. Умер в концентрационном лагере Маутхаузен.

[253] Герхарт Зегер (1896 — 1967) — немецкий социал-демократический политик и публицист. В 1930-1933 депутат Рейхстага.

[254] Вольфганг Лангхофф (1901 — 1966) — немецкий театральный режиссёр, актёр, писатель. В 1945-1946 генеральный интендант государственных театров Дюссельдорфа.

Председатель: Трибунал не будет заседать утром в субботу.

Итак, господин Додд, вы можете сказать нам какое положение в связи с документами подсудимых фон Шираха, Заукеля и Йодля.

Додд: Что касается Шираха, мы ожидаем решения о тех документах о которых мы слышали в субботу. Извиняюсь, это был Зейсс-Инкварт. Я не уверен, что документы готовы.

Все эти документы готовы, все они переведены и в форме книги.

Председатель: Будет нужно какое-то дальнейшее решение о них?

Додд: Господин председатель, кажется нет.

Председатель: Очень хорошо, тогда мы можем понять, что нам не нужна ещё одна аргументация по документам.

Додд: Нет, сэр, я не вижу никакой необходимости в дальнейшем обсуждении по документам фон Шираха.

В связи с Заукелем, я спросил наших французских коллег о том какая ситуация, поскольку у них основная ответственность. И, что касается обвинения, мне сказали, что господин Герцог от французского обвинения идёт сюда и сможет доложить более точно.

Председатель: Что же, тогда мы рассмотрим это позже. В любом случае Ширах готов?

Додд: Он готов продолжать.

Председатель: Очень хорошо.

Додд: Сэр Дэвид имеет сведения о подсудимом Йодле.

Максвелл-Файф: Господин Робертс.

Робертс: Милорд, положение в отношении документов Йодля такое, что доктор Яррейс ещё до Пасхи составил для меня проект книги, которая имела ряд документов, все кроме четырех были предъявлены, и таким образом нет никакого возражения их рассмотрению.

Милорд, остальные четыре короткие. Два, я думаю, подлежали возражениям на том основании, что ссылались на предполагаемые военные преступления одного из союзников. Но, милорд, они были настолько короткими, что я подумал, что лучше всего, чтобы их перевели – они на странице или где-то так – для того, чтобы, когда книги переведут и представят возражения, трибунал мог быстро разрешить вопрос.

Председатель: Что же, таким образом их всего четыре и только двум могут возражать, это можно рассмотреть, когда мы дойдем до слушания дела.

Робертс: Милорд, есть только два.

Председатель: Нам не требуется особое заслушивание об этом.

Робертс: Нет, милорд, разумеется нет. Это можно решить за несколько минут.

Экснер: Господин председатель, я хочу сказать, ещё одно слово об этих документах Йодля. У нас есть сложности с одним документом. Это письменные показания

Ломана, которые мы предъявили на немецком языке, но которые не перевели на английский язык для нас на том основании, что можно переводить только те документы какие уже приняло обвинение, и обвинение заняло точку зрения, что оно не может высказывать какое-либо мнение об этом документе, так как он не переведён на английский язык.

Я сказал об этом в коротком ходатайстве трибуналу, и я надеюсь трибунал разрешит вопрос.

Робертс: Милорд, письменные показания Ломана которые очень короткие – это относится к характеру – и на самом деле не сильно вызывают возражения, но я вынужден отметить, что в своём приказе трибунал на самом деле их не допускал. Трибунал приказал это в отношении…

Председатель: Если их приняли для перевода, это всё, что нужно.

Робертс: Милорд, я полностью согласен, это всего одна страница.

Председатель: Да, очень хорошо. Пусть переводят.

Джонс: С позволения трибунала, мне будет уместно заметить трибуналу на данной стадии дела Рёдера, что в отношении свидетеля Ломана, обвинение не желает перекрёстно допрашивать этого свидетеля в виду документов которые имеются у суда, и того факта, что вопросы рассматриваемые в его письменных показаниях были вчера рассмотрены моим учёным другом сэром Дэвидом Максвелл-Файфом, в его перекрёстном допросе Рёдера, и наконец, в виду промежутка времени.

Председатель: Кто-нибудь другой из обвинения хочет перекрёстно допросить Ломана?

Джонс: Нет, милорд.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы Ломану?

Очень хорошо, тогда я понимаю, что свидетель Ломан содержится здесь и вероятно можно направить сообщение приставу о том, что ему не нужно оставаться.

Герцог: Господин председатель, от имени французского обвинения я хочу сказать слово о документах представленных защитой Заукеля. Я не имею возражения представлению этих документов, конечно с оговоркой, что решение о них будет принято после их представления. Мы не имеем возражения переводу и представлению документов.

Председатель: Вы думаете нужно или желательно, чтобы было особое заслушивание о допустимости или это можно сделать по ходу дела подсудимого Заукеля? Сейчас я понял, что документы просматривали с целью перевода. Если вы думаете, что нужно специальное заслушивание до начала дела, о допустимости, мы хотим знать. В противном случае мы бы рассмотрели это в ходе дела, в ходе дела Заукеля.

Герцог: Господин председатель, думаю, будет достаточно, что трибунал рассмотрит эти документы во время дела подсудимого. Я не думаю, что нужно специальное

заслушивание об этих документах.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Господин министр Зеверинг, насколько я могу установить, вы не ответили достаточно ясно на один из моих вопросов.

Относительно концлагерей вы сказали, что вы слышали об отдельных случаях и назвали эти отдельные случаи. Чтобы не создалось здесь недоразумения, я хотел бы, заканчивая, задать вам вопрос относительно того, слышали ли вы что-либо о массовых убийствах, о которых говорилось на этом процессе, о том, что в Аушвице[255], например, каждый день в газовых камерах сжигалось около двух тысяч человек. Узнали ли вы об этом до окончания войны или вообще ничего не знали об этом?

Зеверинг: Об этих массовых убийствах, которые после падения гитлеровского режима, стали известны отчасти в результате публикаций в прессе, а отчасти в результате процессов, я ничего не знал.

Симерс: Господин министр, что могли предпринять вы и ваши партийные товарищи во время национал-социалистского режима против нацистского террора, о котором вы уже упоминали, поддерживала ли заграница вас в этом?

Зеверинг: Если вы ограничиваете вопрос тем, что спрашиваете, что мог сделать или сделал я и мои политические друзья после 30 января для устранения гитлеровского террора, то я должен ответить, что мы сделали очень мало. Если оказывалось некоторое сопротивление гитлеровскому режиму, то это сопротивление не было централизованным и организованным. Оно ограничивалось тем, что в отдельных городах объединялись противники нацистов для того, чтобы обдумать, каким образом можно было по крайней мере с помощью пропаганды оказать сопротивление террору в области духовной жизни. Открытый мятеж был невозможен.

В этой связи я хотел бы обратить внимание еще на следующее: 30 января я лично предпринял попытку, которая, по-моему мнению, могла оказаться эффективной в решающей борьбе против гитлеровского режима. Осенью 1931 года у меня была беседа с начальником управления сухопутных сил фон Хаммерштейном, в которой он мне заявил, что Рейхсвер не допустит, чтобы Гитлер занял пост рейхспрезидента. Я припомнил эту беседу и спросил Хаммерштейна 30 января 1933 г., желает ли он встретиться для беседы со мной. Во время этой беседы я хотел спросить его, придерживается ли он все еще того мнения, что Рейхсвер не только выскажется против режима Гитлера, но и окажет сопротивление такому режиму.

Господин Хаммерштейн попросил ответить мне, что он готов вести такие

---

[255] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

переговоры, но момент не является подходящим. Беседа вообще не состоялась.

Если вы, господин адвокат, спрашиваете меня, находили ли поддержку со стороны лиц, находившихся за границей, которых можно было бы назвать антифашистами, мои политические друзья, делавшие попытки бороться против гитлеровского режима, хотя бы с помощью пропаганды, то я должен ответить на ваш вопрос отрицательно. Мы, напротив, с большой болью часто отмечали, что представители английской Лейбористской партии не как должностные, а как частные лица были в гостях у Гитлера и, вернувшись обратно в Англию, восхваляли тогдашнего рейхсканцлера Гитлера как блюстителя мира. Я называю здесь таких людей, как Филиппа Сноудена[256] и ставшего лидером Лейбористской партии Лэнсбери[257]. Я хочу в этой связи обратить еще внимание на следующее: в году...

Председатель: Отношение политических партий других стран не имеет никакой связи с вопросами, которые мы должны решать, абсолютно никакой.

Симерс: Я думаю, что этого будет достаточно. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Латернзер: Господин министр, во время вашей служебной деятельности была ли увеличена допущенная Версальским договором численность войск, составлявшая 100 тысяч человек в мирное время?

Зеверинг: Я официальных сведений об этом не имею, но предполагаю, что это не имело места.

Латернзер: Известно ли вам что-либо о том, что в 1932 году Лига Наций согласилась или пообещала разрешить, чтобы стотысячная армия была увеличена до 300 тысяч человек?

Зеверинг: Я также не могу официально на это ответить точно, но я могу заявить в этой связи следующее: в 1932 году я получил письмо от моего партийного товарища доктора Рудольфа Брейтшейда[258], который был членом делегации при Лиге Наций. Он сообщал мне в этом письме о слухах такого рода, но это сообщение, которое...

Председатель: Доктор Латернзер, мы полагаем, что слухи не могуть иметь какого-либо отношения к процессу. Свидетель говорит, что он не может дать никаких официальных сведений, и начинает передавать какие-то слухи. Но нам не нужны никакие слухи.

Латернзер: Приняло ли увеличение численности войск от 100 тысяч до 300 тысяч человек такие угрожающие формы, что это стало обсуждаться в иностранных кругах?

Зеверинг: Доктор Рудольф Брейтшейд был членом делегации в Лиге Наций и он

---

[256] Филипп Сноуден (1864—1937) — британский политик, член Лейбористской партии и Национальной Лейбористской организации, канцлер казначейства в правительствах Рамсея Макдональда.

[257] Джордж Лэнсбери (1859 — 1940) — британский левый политик и социальный реформатор, возглавлявший Лейбористскую партию с 1932 по 1935 год.

[258] Рудольф Брейтшейд (1874 — 1944) — немецкий политик, левый либерал, впоследствии социал-демократ. Один из 96 депутатов Рейхстага — жертв национал-социализма. Погиб в концентрационном лагере Бухенвальд.

сообщил, что предполагается увеличение численности войск; это увеличение произойдет, видимо, за счет полиции. Соответственно доктор Брейтшейд меня проинформировал.

Латернзер: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

Ханзель: Господин министр, вы только что сказали нам, что ничего не знали об убийствах евреев в Освенциме до окончания войны. Знали ли вы что-либо о других мероприятиях или действиях против евреев, которые можно было бы назвать преступными?

Зеверинг: Да, я лично был свидетелем такого случая. В 1944 году один мой знакомый из Билефельда Карл Хенкель был арестован, направлен в трудовой лагерь под Эмденом и на третий день расстрелян.

Ханзель: Знаете ли вы, кто его арестовал? Какие органы подвергли его аресту?

Зеверинг: Его арестовало Гестапо в Билефельде.

Ханзель: Рассказывали ли вы об этом, как об одиночном случае или это произошло в связи с массовым мероприятием?

Зеверинг: Мне казалось, что это был отдельный случай.

Ханзель: Слышали ли вы тогда, в 1944 году, о многих отдельных случаях такого рода?

Зеверинг: В 1944 году я ничего не слышал об отдельных случаях, связанных с убийством. Правда, я слышал о каких-то транспортах из вестфальских городов, отправляющихся в неизвестном направлении.

Ханзель: Какое учреждение занималось этими транспортами?

Зеверинг: Я не могу точно сказать, я предполагаю, что Гестапо.

Ханзель: Считаете ли вы, что широкие круги населения знали о таких случаях?

Зеверинг: О депортациях?

Ханзель: Да.

Зеверинг: Да, отправка людей обычно совершалась на глазах у всех.

Ханзель: Придерживаетесь ли вы того мнения, что население было так же осведомлено, как и члены организаций, например, рядовой член СС, или вы считаете, что рядовой член СС знал больше, чем любой другой человек?

Зеверинг: Да конечно, член СС знал, какая цель преследовалась этими транспортами.

Ханзель: Однако я понял вас таким образом, что эти транспорты не сопровождались эсесовцами, Вы говорили о Гестапо?

Зеверинг: Да, я сказал, что я предполагаю, что Гестапо распоряжалось, чтобы производились аресты и грабежи, но я не уверен в том, что в этом участвовало только Гестапо.

Ханзель: А о других мероприятиях, кроме упомянутых мероприятий по отправке людей, о так называемых местных погромах, как я понимаю, вы не часто слышали?

Зеверинг: Местные погромы имели место в 1938 году.

Ханзель: Эти мероприятия, о которых мы много слышали, вы сами наблюдали или вы были дома?

Зеверинг: Я сидел дома. Я только потом был свидетелем последствий этого погрома в виде разрушенных еврейских магазинов и руин синагог.

Ханзель: Каким организациям или группам вы приписываете вину за события в ноябре 1938 года?

Зеверинг: Мое суждение, конечно, не должно считаться компетентным, но я говорю совершенно откровенно: СА или СС.

Хензель: Почему же вы думаете, что именно эти две группы были участниками?

Зеверинг: Потому что у меня на родине в Билефельде членов этих двух групп называли поджигателями синагог.

Ханзель: Кто их так называл?

Зеверинг: Население в общем называло их именно так.

Ханзель: Можете ли вы вспомнить — важно установить, по крайней мере, год — когда впервые вы узнали о концентрационных лагерях?

Зеверинг: Нет, сейчас я этого не могу вам сказать точно. Я смогу это сделать, если мне назовут целый ряд лет. Первый случай с убийством в концентрационном лагере стал мне известен, когда я узнал, что в концлагере Папенбург был расстрелян бывший депутат Рейхстага и полицай-президент из Альтоны. Это, видимо, было в 1935 или в 1936 году, точно я не знаю.

Ханзель: А позднее вы слышали о многих таких случаях или вы сами разузнавали о них?

Зеверинг: Я сам разузнал лишь только о тех случаях, которые я здесь сегодня утром указал; это те случаи, о которых я знаю настолько точно, что я могу предложить их трибуналу в качестве доказательств.

Ханзель: Говорили ли вам, что концентрационные лагеря являются местом, куда должны помещаться политические враги режима и что с ними там ничего не случится, кроме того, что их лишат свободы?

Зеверинг: Говорили ли мне это?

Ханзель: Говорили ли вам это? Слышали ли вы это?

Зеверинг: Нет, я, напротив, слышал, что население считало эти концентрационные лагеря олицетворением всего ужасного.

Ханзель: Что вы понимаете под словом «население», были ли это те слои населения, которые имели официальное отношение к партии, являлись незаметными членами партии, СА, СС?

Зеверинг: Об этом я ничего не могу сказать, потому что я разговаривал лишь только с врагами этого режима.

Ханзель: Думаете ли вы, что эти противники, с которыми вы беседовали, составляли единый фронт против всех, кто носил партийный значок или значок члена какой-нибудь организации?

Зеверинг: Нет, господин адвокат, вопрос, который вы задаете, затрагивает широкие слои населения и общечеловеческие чувства, чувство возмущения теми моментами, которые стали известны из жизни лагерей.

Ханзель: Моим вопросом я хочу выяснить, не наблюдалось ли это возмущение также и у тех людей, которые носили партийный значок?

Зеверинг: Я могу лишь только предполагать, я не могу сообщить об этом суду как о факте.

Ханзель: Находились ли эти люди под колоссальным давлением, на которое вы указывали?

Зеверинг: Они чувствовали себя, наверное, отчасти защищенными в результате своего членства в партии.

Ханзель: Думаете ли вы, что многие люди стали членами партии для того, чтобы оказаться в выгодном положении неприкосновенных лиц?

Зеверинг: Мне кажется, что да.

Ханзель: Я слышал, что сами были членом НСВ[259], это правда?

Зеверинг: Нет.

Ханзель: Это правда, что вы были арестованы после 20 июля 1944?

Зеверинг: Я уже ответил на этот вопрос этим утром. Меня не арестовывали.

Ханзель: Вас вообще никогда не арестовывали?

Зеверинг: Нет, за исключением одного случая, который я упоминал этим утром.

Ханзель: Вы, когда-либо высказали мнение о том, что то чего Германия добилась в социальной сфере после 1933, в значительной степени представляет идеи предыдущих правительств?

Зеверинг: Я высказывал это следующим образом: «Новое это хорошо забытое старое».

Ханзель: Вы считаете, что любой немец, будь то член партии, член СС или нет, должен был иметь сведения о событиях в Аушвице о которых вы сами ничего не знали?

Зеверинг: Нет. Он не обязательно мог иметь эти сведения. Я бы не заходил так далеко. Но он мог, вероятно, знать об этом.

Ханзель: И, что именно вы имеете в виду под «он мог, вероятно, знать об этом?

Зеверинг: От охранников сопровождавших транспорты. Они не всегда оставались в районе концентрационного лагеря, обычно они возвращались.

Ханзель: А если они давали присягу хранить строжайшую секретность?

Зеверинг: Тогда они ничего не могли говорить.

---

[259] «Национал-социалистическая народная благотворительность» (нем. Nationalsozialistische Volkswohlfahrt, NSV) — в нацистской Германии зарегистрированная общественная организация, основанная НСДАП 3 мая 1933 г. В годы массовой безработицы «NSV» оказывал нуждающимся семьям финансовую поддержку, начиная с 1938 года помощь «Народной благотворительности» свелась к оказанию услуг. Национал-социалистическая народная благотворительность открывала собственные детские сады, конкурировавшие с аналогичными детскими учреждениями при церкви.

Ханзель: Вам известны случаи в которых людей осудили за разговоры о таких вопросах?

Зеверинг: Нет.

Ханзель: Вы, когда-либо, что-нибудь слышали о деятельности «особых судов»?

Зеверинг: Нет, во всяком случае я ничего не слышал об этом в связи с конкретной деятельностью «особых судов».

Ханзель: Но приговоры вынесенные в отношении людей которые слушали зарубежные передачи и людей обвинённых в распространении так называемых ложных слухов, часто публиковали в газетах. Вы их никогда не читали?

Зеверинг: Нет.

Штейнбауэр: Господин свидетель, я должен задать вам только один вопрос. Вы сказали нам сегодня утром, что вы в 1919 году были членом Веймарского национального собрания. Разрешите спросить вас, какова была позиция национального собрания и, в частности, руководимой вами фракции социал-демократов в отношении проблемы, связанной с присоединением Австрии?

Зеверинг: Я во время заседаний Веймарского национального собрания был рейхскомиссаром в Рейнской области и в Вестфалии и я мог лишь редко участвовать в заседании Веймарского национального собрания. Я поэтому не знаю точно, как формулировались эти вопросы. Но мне известно, что почти все депутаты национального собрания выразили единодушно желание включить в конституцию параграф или статью, которая бы провозгласила присоединение Австрии к Германии.

Штейнбауэр: Благодарю, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Хочет ли обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Джонс: Господин министр, вы сказали трибуналу, что в 1928 подсудимый Рёдер торжественно заверил вас в том, что не будет никаких дальнейших нарушений Версальского договора без уведомления рейхскабинета. Рёдер выполнил эту гарантию?

Зеверинг: Я уже сказал этим утром, что я не могу ответить на это положительно. Я могу только сказать, что нарушения соглашения от 18 октября 1928 со стороны военно-морского командования не доходили до нашего сведения.

Джонс: Например, вы знали о строительстве в Кадисе, в Испании, 750-тонной подводной лодки под немецким руководством в 1927-1931 годах?

Зеверинг: Нет, нет.

Джонс: Милорд, источник данного заявления о факте - документ D-854.

И, господин министр, вы знали о том, что после завершения в 1931 эта подводная лодка проходила ходовые испытания под немецким руководством и с немецким личным составом?

Зеверинг: Нет, об этом я тоже ничего не знал.

Председатель: Я думаю он сказал, что не знал ни о каких нарушениях.

Джонс: Я говорю вам про определённые вопросы, и предлагаю вам, господин министр, что может быть вас обманывали в то время. Вы согласны со мной в этом?

Зеверинг: Я бы не отрицал возможности обмана, но я должен решительно заявить, что я ничего не знал о строительстве субмарины.

Джонс: Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ С-156, это новый отрывок из книги капитана Шусслера «Борьба флота с Версальским договором». Вы увидите, что следующая запись имеется на странице 43 и 44:

> «В 1930 году Бартенбах[260] принял все необходимые меры, также и в Финляндии для строительства подводных лодок в соответствии с военными требованиями германского военно-морского флота. Главнокомандующий флотом адмирал Редер исходя из отчетов начальника главного военно-морского управления, контр-адмирала Хойзингера фон Вальдегга[261], а также капитана Бартенбаха, решил послать все необходимое для строительства подводных лодок в Финляндии. Был разработан план постройки 250-тонной лодки, причем для осуществления этого проекта было достаточно полтора миллиона рейхсмарок.
>
> Основная цель заключалась в том, чтобы создать такой тип лодки, который дал бы возможность незаметно подготовить наибольшее количество соединений лодок с возможностью сборки в указанный срок».

Господин министр, вам было известно, что в 1930 году было израсходовано полтора миллиона рейхсмарок на строительство подводных лодок?

Зеверинг: Я сегодня утром заявил, что с 1928 по 1930 год я был министром внутренних дел. Я думаю, что следует уточнить эти даты. 30 марта 1930 г. я ушел со своего поста. Когда здесь вообще говорится о 1930 годе, то не исключена возможность, что все, о чем тут упоминалось, относится к периоду после 30 марта 1930 г.

Джонс: Вы сказали, что перевооружение, которое проводилось тогда, когда вы были связанны с правительством Германии, было чисто оборонительного характера? Когда вам стало понятно, что вооружение, проводимое нацистским правительством, было не оборонительного, а агрессивного характера? Когда вы пришли к этому выводу?

Зеверинг: 30 января 1933 г., потому что я и мои политические товарищи были убеждены, что выборы и назначение Гитлера на пост рейхсканцлера означало войну.

Джонс: Следовательно, вы поняли с первого дня прихода нацистов к власти, что нацистское правительство намерено было применять силу или угрозы насилия для

---

[260] Карл Бартенбах (1881 – 1949) – немецкий вице-адмирал. В 1920-1934 военно-морской консультант финского и аргентинского флотов.

[261] Эмиль Хойзингер фон Вальдегг (1880 – 1966) – немецкий адмирал. В 1928-1930 начальник штаба военно-морского командования.

достижения своих политических целей, это верно?

Зеверинг: Я не знаю, является ли одним и тем же: знать и быть уверенным. Я был убежден в этом точно так, как и мои политические товарищи.

Джонс: Я хочу задать один или два вопроса о подсудимом фон Папене. Прибегал ли подсудимый Папен к силе во время путча, который привел его к власти в июле 1932 года?

Зеверинг: Лично фон Папен не применял этой силы, но он распорядился о том, чтобы ее применили после того, как я утром 20 июля 1932 г. отказался добровольно передать свои полномочия прусского министра внутренних дел моему преемнику, назначенному фон Папеном; я заявил Папену, что я не намерен уступить, и для того, чтобы подкрепить свой протест, я заявил, что я отступлю лишь только перед силой. Это насилие было применено в моем рабочем кабинете 20 июля. Ко мне явился вновь назначенный полицай-президент Берлина в сопровождении двух полицейских офицеров. Я спросил их, имеют ли они полномочия от рейхспрезидента и рейхсканцлера для того, чтобы совершить этот акт, и, когда мне ответили утвердительно, я заявил, что сам покину учреждение, чтобы не подать знака для кровопролития.

Джонс: Когда подсудимый Папен достиг власти, он провел чистку полиции и правительства от антинацистских элементов?

Зеверинг: Да, много свидетельствовало о том, что имелось намерение очистить полицию от республиканских элементов и вместо этого привлечь в нее элементы, которые затем были бы верны Папену и национал-социалистам.

Джонс: Я хочу задать вам один или два вопроса о подсудимом Геринге.

Подсудимый Геринг сказал и запись на странице 5837 расшифровки слушаний[262], что превентивное заключение было введено в Германии до того, как нацисты пришли к власти. Это правильно?

Зеверинг: Это превентивное заключение, я хотел бы сказать, существовало теоретически и было окончательно сформулировано в статье 15 прусского полицейско-административного закона. Во время моей деятельности превентивное заключение в обычной гражданской сфере ни разу не применялось, но положения статьи 15 этого полицейско-административного закона конкретно предусматривали, что, если кто-либо подвергался превентивному аресту, он должен был в 24 часа предстать перед судом. Это ни в коей мере не идентично с тем превентивным заключением, которому в течение десятилетий подвергались мирные граждане.

Джонс: Но, конечно, в донацистское время не было концлагерей?

Зеверинг: Да, никогда.

Джонс: Сколько из ваших политических сотрудников и коллег в социал-демократической партии были убиты в концлагерях, когда Геринг был еще

[262] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2020, стр. 240.

начальником Гестапо?

Зеверинг: Очень сложно подсчитать. Можно назвать цифру 500 и можно назвать 2000. Сейчас собираются точные данные. По моим подсчетам, было уничтожено 1500 социал-демократов, профсоюзных работников и редакторов.

Джонс: А как вы думаете, сколько руководящих работников коммунистической партии было убито в концлагерях в течение периода, когда Геринг был во главе Гестапо?

Зеверинг: Я предполагаю, что если к коммунистическим руководителям причислить также профсоюзных работников, которые считали себя членами коммунистической партии, то цифра будет приблизительно такая же.

Джонс: Лично Герингу было известно об этих убийствах?

Зеверинг: Этого я не могу сказать. Если я должен буду ответить на этот вопрос, я должен сначала спросить самого себя, что сделал бы я сам в том случае, если в мои функции входило бы управление лагерями, в которых решалась судьба десятков тысяч людей.

Я не знаю, представляет ли интерес для суда, если я расскажу один или два примера из моего личного опыта.

В 1925 году я должен был основать лагерь для беженцев из Польши.

Джонс: Не беспокойтесь, господин министр, нет нужды входить в такие детали.

Зеверинг: Не нужно? Во всяком случае я считал бы, что моя основная задача заключается в том, чтобы расследовать, действительно ли в этих лагерях соблюдаются принципы человечности. У меня не было такого впечатления, что эти принципы соблюдались. Я всегда говорил моим чиновникам полиции, что полиция является слугой народа и что с каждым в указанных лагерях следует обращаться по-человечески. Я говорил им, что в Германии не должно больше раздаваться восклицания: «Берегитесь шуцманов». Я сам добивался того, чтобы чиновники охранной полиции и другие чиновники подвергались наказанию, если у меня создавалось впечатление, что охранная полиция издевалась над беззащитными заключенными.

Джонс: Вам, как министру внутренних дел, стало известно об организованном терроре СА в отношении населения Германии в период после 1921 года?

Зеверинг: О, да. В годы моей деятельности в Пруссии одной из моих важнейших задач был контроль над так называемыми «военизированными организациями». Организация СА проявила себя как самая грубая из всех «военизированных организаций». Ее члены пели такие песни, как «Дорогу коричневым батальонам», и с той же заносчивостью они пели эти песни, расчищали себе дорогу повсюду, где они не встречали достойного сопротивления. Другая грубая песня, видимо, являлась их программной песней: «Повесьте евреев, поставьте к стенке бюрократов!». И везде, где организация СА могла беспрепятственно проводить свой террор, она бесчинствовала. Она устраивала сражения в залах, где происходили собрания,

против инакомыслящих. Это не были обычные споры между политическими партиями во время предвыборной борьбы, это был организованный террор. Во время первого бойкота евреев в 1933 году организация СА устанавливала посты для того, чтобы отпугивать те слои населения, которые обычно привыкли покупать товары в определенных магазинах. Члены СА также организовали, как уже известно суду, террор против евреев 8 ноября 1938 г[263]., но и в 1930 году они разорили множество еврейских магазинов в Берлине, что, видимо, явилось своего рода прелюдией перед тем, как собрался Рейхстаг, в который, как известно, тогда вошло 107 национал-социалистов.

Джонс: Я хочу задать вам один-два вопроса относительно подсудимого Шахта.

Когда вы впервые услышали о взаимоотношениях господина Шахта с нацистскими лидерами?

Зеверинг: Я в 1931 году получил сообщение от полицейского управления Берлина о том, что состоялись совещания между господином Шахтом и лидерами НСДАП.

Джонс: Имели ли вы какую-нибудь связь с Шахтом в 1944 году?

Зеверинг: Нет. Если это вас интересует, то я могу сказать, что я даже отклонил эту связь с Шахтом. Господин Шахт был для меня ненадежным человеком в области политических вопросов, несмотря на то, что я ценил его как специалиста. Господин Шахт предал демократов, примкнув к Гарцбургскому фронту[264]. Это был не только акт, свидетельствующий о неблагодарности, так как Шахт стал президентом Рейхсбанка с помощью демократов, но и большой ошибкой, потому что он и другие, занимавшие такую же позицию в обществе, участвуя в Гарцбургском фронте, ввели, так сказать, национал-социалистов в салоны.

Я не мог поэтому установить контакт с Шахтом 20 июля 1944 г., и когда мне в марте 1943 года предложили вступить в правительство, которое должно было свергнуть Гитлера, я решительно отклонил это, сославшись на эти махинации Шахта, а также и на другие обстоятельства.

Джонс: Какая у вас была причина для этого?

Зеверинг: Я только что указал на эти причины. С моим другом Лейшнером[265], который был повешен вместе с другими молодыми социал-демократами — фон Харнаком[266], Вебером, Маасом, я обсуждал состав такого нового правительства. Лейшнер сообщил мне, что, очевидно, какой-либо генерал станет рейхспрезидентом,

---

[263] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — погром (серия скоординированных атак) против евреев во всей нацистской Германии и части Австрии 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами.

[264] Гарцбургский фронт — политический блок германских правых националистов и национал-социалистов в начале 1930-х годов. Был направлен против правительства Генриха Брюнинга, социал-демократической и коммунистической партий. Название происходит от города Бад-Гарцбург, где 11 октября 1931 года состоялась встреча участников. Блок просуществовал недолго из-за нежелания НСДАП занимать в коалиции подчинённое или даже равное положение.

[265] Вильгельм Лёйшнер (1890 — 1944) — немецкий политический и профсоюзный деятель, социал-демократ, участник заговора против Адольфа Гитлера. Казнён нацистами.

[266] Арвид Харнак (1901—1942) — немецкий юрист и антинацист, участник подпольного сопротивления в гитлеровской Германии. Казнён за шпионаж в пользу СССР.

а другой — военным министром. Я указал на то, что, вероятно, Шахту будет тогда предоставлена роль финансового или экономического диктатора, потому что уже раньше было доказано, что Шахт подходит для этого поста вследствие своих действительных или мнимых связей с американскими деловыми кругами. Эта связь между Шахтом и, выражаясь на национал-социалистическом жаргоне, плутократией и милитаризмом была настолько компрометирующей для дела демократии и, в частности, социал-демократов, что я ни при каких обстоятельствах не хотел бы быть членом кабинета, в котором Шахт должен был стать финансовым диктатором.

Джонс: Благодарю вас.

Председатель: Вы хотите допросить повторно?

Симерс: Министр Зеверинг, обвинитель сейчас говорил о строительстве подводной лодки в Финляндии и подводной лодки в Кадисе. В отношении строительства подводной лодки в Кадисе, он сослался на документ D-854. Я полагаю, что данный документ вам неизвестен.

Председатель: Что же, доктор Симерс, свидетель сказал, что ничего не знал ни в одном случае.

Симерс: Спасибо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы помните, что во время этой дискуссии адмирал Рёдер и рейхсминистр обороны Грёнер упоминали финскую подводную лодку?

Зеверинг: Я не помню.

Симерс: Вам об этом неизвестно? И теперь – главный вопрос: это правда, что договорённость от 18 октября 1928 предусматривала, что начальник военно-морского командования был обязан информировать рейхсминистра обороны и министр Рейхсвера в свою очередь информировал других министров кабинета?

Зеверинг: Насколько я помню, договорённость или обещание двух начальников командных штабов заключалось в том, что кабинет, в целом, должны были информировать о всех вопросах. Это было технически возможно только таким образом как вы указали, то есть, что рейхсминистр обороны сначала был бы информирован и, что он, в свою очередь передавал бы эту информацию кабинету.

Симерс: Таким образом, со стороны Рёдера не было никакого обязательства докладывать вам или являться в кабинет?

Зеверинг: Это была бы необычная мера, как и само заседание от 18 октября было необычным, члены кабинета состояли либо из министров или их официальных представителей.

Симерс: Таким образом, дальнейшее руководство вопросом технически осуществлял бы рейхсминистр обороны?

Зеверинг: Технически рейхсминистр обороны и политически кабинет.

Симерс: Большое спасибо. Я больше не имею вопросов к свидетелю.

Кубушок: Скажите, свидетель, на основании какого закона 20 июля 1932 г. вас

освободили от обязанностей министра внутренних дел в Пруссии?

Зеверинг: Освободили от моих обязанностей?

Кубушок: Да. Освободили от обязанностей.

Зеверинг: На основании статьи 48.

Кубушок: Кто издавал на основании статьи 48 чрезвычайные постановления?

Зеверинг: Эти чрезвычайные постановления издавались рейхсканцлером, который лишь только один имел на это право.

Кубушок: Объясняется ли тот факт, что вы были 20 июля при описанных обстоятельствах удалены из вашего учреждения тем, что уполномоченные Папена и Гинденбурга придерживались той точки зрения, что чрезвычайное постановление было законным, в то время как вы были того мнения, что не было никаких законных оснований для издания чрезвычайного постановления и что поэтому вы должны были оставаться в учреждении?

Зеверинг: Я придерживался того мнения, с которым позже согласился и Верховный суд Рейха, а именно: рейхспрезидент, конечно, вправе был издавать на основании статьи 48 постановление для поддержания порядка и спокойствия. Если он не видел в деятельности прусских министров и, в частности, в моей деятельности на посту министра полиции достаточных гарантий того, что в Пруссии будут обеспечены спокойствие и порядок, то он имел право лишить нас полицейских функций и, в частности, исполнительной власти, но у него не было права смещать нас как министров.

Кубушок: Известно ли вам, что Верховный суд Рейха 25 октября 1932 г. признал соответствующим конституции Рейха постановление президента от 20 июля 1932 г. о назначении рейхсканцлера рейхскомиссаром федеральной земли Пруссии с предоставлением ему права временами лишать прусских министров их полномочий и принимать их на себя?

Зеверинг: Я уже цитировал содержание этого решения Верховного суда Рейха.

Кубушок: Еще один вопрос. Привлекал ли господин фон Папен, будучи рейхскомиссаром, национал-социалистов в полицию в то время, когда он в области кадров произвел некоторые новые назначения?

Зеверинг: Это мне неизвестно, потому что внешне нельзя было определить политического характера полицейских чиновников. Политическое лицо, конечно, выявлялось у обер-президентов, регирунгспрезидентов и полицай-президентов, но не у простых чиновников охранной полиции.

Кубушок: Правильно ли, что фон Папен назначил на пост берлинского полицай-президента некоего Мельхера[267], бывшего полицай-президента в Эссене, следовательно, человека, который был и при вас в большом городе полицай-президентом?

Зеверинг: Да, это правильно.

---

[267] Курт Мельхер (1881 – 1970) – немецкий юрист и политик. В июле 1932 – феврале 1933 полицай-президент Берлина.

Кубушок: Благодарю вас.

Председатель: Итак, свидетель может удалиться и трибунал будет отложен.

Сколько ещё свидетелей вы имеете?

Симерс: Я имею свидетелей, барона фон Вайцзеккера и вице-адмирала Шульце-Монтинга, начальник штаба. Допрос Шульце-Монтинга займёт некоторое время, в то время как я разберусь с бароном фон Вайцзеккером за короткое время.

Председатель: Хорошо.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Если угодно уважаемому суду, можно вызвать свидетеля барона фон Вайцзеккера?

[*Свидетель фон Вайцзеккер занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё полное имя?

Вайцзеккер: Эрнст фон Вайцзеккер.

Председатель: Вы повторите за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Симерс: Барон фон Вайцзеккер, в начале войны вы были государственным секретарём министерства иностранных дел, это правильно?

Вайцзеккер: Да.

Симерс: Вы помните, что 3 сентября 1939, то есть в первый день войны между Германией и Англией, английское пассажирское судно «Athenia» было торпедировано к северо-западу от Шотландии. На борту были американские пассажиры. Потопление судна естественно произвело сенсацию. Пожалуйста расскажите трибуналу о том как этот вопрос рассматривался политически, то есть, вами.

Вайцзеккер: Я помню этот инцидент, но я не уверен в том было это британское или американское судно. В любом случае, инцидент меня сильно взволновал в то время. Я запросил штаб руководства войной на море о том могло ли германское военно-морское подразделение потопить судно. После того как это было исключено, я попросил американского поверенного, господина Александра Кирка позвонить мне и сказал ему, что ни одно германское военно-морское подразделение не могло принять участия в потоплении «Athenia». Я попросил поверенного принять во

внимание данный факт и срочно телеграфировать эту информацию в Вашингтон, добавив, что это было очень срочно в интересах двух наций – Германии и Америки.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер, вы связывались с флотом прежде чем предпринять эти шаги?

Вайцзеккер: Да.

Симерс: Вы, в этой первой беседе, лично беседовали с адмиралом Рёдером, или говорили с каким-то другим офицером?

Вайцзеккер: Я не могу сказать это сейчас, но я получил точную информацию. Извиняюсь, что не могу предоставить вам все детали. Но я получил чёткий ответ о том, что ни одно германское военно-морское подразделение не участвовало в этом. Это меня удовлетворило.

Симерс: В связи с этой темой, вы в тот же день или позднее, посещали адмирала Рёдера и обсуждали с ним данный вопрос?

Вайцзеккер: Мне кажется это правда. Я могу вспомнить. Да.

Симерс: Рёдер сказал вам между делом, что это не могла быть германская подводная лодка, поскольку отчёты поступавшие от подводных лодок говорили о том, что дистанция от ближайшей подводной лодки была слишком большой – приблизительно 75 морских миль?

Вайцзеккер: Рёдер информировал меня о том, что ни одна германская подводная лодка не могла быть замешана в этом. Он также смог сообщить мне детали, касательно расстояния от подводных лодок к той точки где было потоплено судно, но я сегодня не могу сказать вам с какой-либо уверенностью.

Симерс: Во время этой беседы с Рёдером, вы заявили о том, что следовало сделать всё, чтобы избежать войны с Соединёнными Штатами, особо сославшись на инциденты подобные потоплению «Lusitania[268]» в предыдущей войне?

Вайцзеккер: Это я точно и категорически сделал, так как в то время воспоминания о похожих инцидентах прошлого во время Первой мировой войны были в моём уме ещё яркими. Я уверен в том, что обратил его внимание на срочную необходимость избежать всех военно-морских операций которые могли вызвать распространение войны и как говорили в те дни – снизить «нейтральную сущность».

Симерс: Рёдер разделял ваше мнение?

Вайцзеккер: По моим лучшим воспоминаниям – да.

Симерс: Господин Вайцзеккер, вы убеждены в том, что Рёдер дал вам правдивые ответы в сообщении об «Athenia»?

Вайцзеккер: Конечно.

Симерс: Итак, подводная лодка номер 30 вернулась из своего боевого похода 27 сентября 1939, то есть – приблизительно три недели спустя после потопления

[268] «Лузитания» — британский трансатлантический пассажирский турбоход, принадлежавший компании Cunard Line. Корабль был торпедирован германской субмариной U-20 7 мая 1915 года и затонул за 18 минут в 19 км от берегов Ирландии.

«Athenia» и её командир сообщил, что он нечаянно потопил «Athenia». Он вовремя не отметил этот факт, но позднее был хвалился в различных радиограммах. Рёдер услышал об этом в конце сентября, и обсудил вопрос с Гитлером для того, чтобы решить молчать. Всё это уже здесь обсуждали. Я бы хотел, чтобы вы сказали мне, были ли вы информированы о впоследствии установленном факте, потопления германской подводной лодкой.

Вайцзеккер: Нет, разумеется нет.

Симерс: Вы слышали о приказе Гитлера хранить молчание?

Вайцзеккер: Естественно об этом я тоже не слышал.

Симерс: Я вручаю вам документ номер PS-3260 и должен попросить вас взглянуть на это. Это статья под названием «Черчилль потопил «Athenia», взятую из «Volkischer Beobachter» от 23 октября 1939. Вы помните эту статью?

Вайцзеккер: Да. Вероятно я могу её просмотреть.

Симерс: Господин председатель, могу я сообщить вам, для того, чтобы содействовать трибуналу, что это GB-218 в британской документальной книге номер 10а, страница 97, точнее – страница 99.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин фон Вайцзеккер вы читали эту статью. Могу я попросить вас рассказать мне, помните ли вы чтение этой статьи во время её выхода?

Вайцзеккер: Я не помню, чтобы такая статья вышла тогда.

Симерс: Тогда могу я спросить вам о вашем отношении, когда вы прочитали эту статью?

Вайцзеккер: Я считал это извращённой фантазией.

Симерс: Значит, вы осуждали эту статью?

Вайцзеккер: Естественно.

Симерс: Даже при том, что вы ещё не знали, что это была германская подводная лодка?

Вайцзеккер: Вопрос о том была это германская подводная лодка или нет, не сильно влияет на статью.

Симерс: Значит вы считали данную статью заслуживающей возражений, даже если бы это не была германская подводная лодка?

Вайцзеккер: Конечно.

Симерс: Итак, обвинение утверждает, что адмирал Рёдер настаивал на этой статье и сильно упрекает его по моральным основаниям именно по этой причине, и упрек ещё сильнее, как мы можем видеть в том, что Рёдер тогда – в отличие от вас знал о том, что это была германская подводная лодка. Вы считаете возможным такое поведение Рёдера? То, что он мог настаивать на этой статье?

Председатель: Минуточку, доктор Симерс, вы можете спрашивать свидетеля о том, что он знал, и что он делал. Вы не можете просить его спекулировать о том, что делал Рёдер.

Симерс: Господин председатель, прошу прощения. Мне казалось, что согласно утренним письменным показаниям, было бы возможно озвучивать мнение, но я конечно отзываю свой вопрос.

Председатель: О каких письменных показаниях вы говорите?

Симерс: Письменных показаниях которые я предлагал исключить о каком-либо выражении мнения в письменных показаниях Дитмана.

Председатель: Это совершенно другое дело.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер, вы тогда слышали, что Рёдер настаивал на этой статье?

Вайцзеккер: Нет, я это не слышал. Я бы в это и никогда не поверил. Я считаю, что не может быть речи, что он мог настаивать на подобной статье или, что он мог её сам написать.

Симерс: По вашим сведениям, эту статью можно отнести исключительно к министерству пропаганды?

Вайцзеккер: Я могу ответить на этот вопрос отрицательно, ни к Рёдеру и не к министерству иностранных дел.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер вы в состоянии судить о том имелись ли тяжкие пункты в исторически известных нарушениях флота против Версальского договора?

Вайцзеккер: Я могу ответить на этот вопрос только косвенно. Мне неизвестны детали. Но я с трудом считаю возможным, чтобы тяжёлые или значительные нарушения могли совершать, так как именно в военно-морских вопросах соблюдение договорённостей легче всего контролировать. Суда нельзя строить незаметно. Следовательно я должен полагать, что эти нарушения имели незначительный характер.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер, по вашему мнению, подсудимый Рёдер готовил агрессивную войну или вам известно в каком-либо случае об отношении Рёдера…

Председатель: Доктор Симерс, это именно то обвинение о котором следует решать трибуналу.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер, в феврале 1939, когда вы ехали на поезде из Гамбурга в Берлин с адмиралом Рёдером, вы с ним беседовали? И в чём заключался повод и что вы обсуждали?

Вайцзеккер: Да. Совершенно верно, что я встретил адмирала Рёдера в поезде из Гамбурга в Берлин после спуска корабля в Гамбурге. По этому поводу адмирал сказал мне, что он только, что докладывал Гитлеру о том, что было совершенно ясно, что размер флота воспрепятствует любой войне против Англии в грядущие годы. Я полагаю, что это ответ на вопрос который вы желали получить от меня.

Симерс: Это было в феврале 1939?

Вайцзеккер: Это был спуск «Bismarck».

Симерс: Значит это известно трибуналу, так как спуск «Bismarck» зафиксирован.

Вайцзеккер: Это должно было быть весной – в феврале или марте.

Симерс: Заявление Рёдера тогда произвело на вас успокаивающее влияние?
Вайцзеккер: Я услышал заявление Рёдера об этом с большим удовлетворением, потому что нельзя было…
Председатель: Что же, нас не интересует имело это успокаивающее влияние или нет.
Симерс: Вы считаете, и по самым лучшим сведениям, Рёдер – как политик или как военно-морской эксперт оказывал какое-либо влияние на Гитлера?
Председатель: Доктор Симерс, свидетель может сказать нам, что говорил Рёдер, но не может сказать нам в каком качестве он говорил, как политик или адмирал. Если вы хотите знать был ли он в форме…
Симерс: Господин фон Вайцзеккер, вы имели какие-либо беседы с Рёдером или какими-то другими высокопоставленными личностями?
Вайцзеккер: О чём?
Симерс: О влиянии Рёдера на Гитлера.
Вайцзеккер: Было хорошо известно, что политические аргументы высказываемые солдатами вряд ли вообще влияли на Гитлера, при том, что военные аргументы технического характера разумеется имели для него вес, и в таком смысле Рёдер мог оказывать какое-то влияние на Гитлера.
Симерс: Господин фон Вайцзеккер, зимой 1938-1939, обычный дипломатический ужин состоялся в Берлине и вы, насколько мне известно присутствовали на этом ужине. В связи с этим Рёдер говорил с сэром Невилом Гендерсоном о вероятном возвращении германских колоний…
Председатель: Доктор Симерс, почему бы вам не спросить его, вместо того, чтобы рассказывать ему. Вы рассказываете ему, что происходило.
Симерс: Нет.
Председатель: Да.
Симерс: Прошу прощения, это была беседа между Рёдером и сэром Невилом Гендерсоном, не между господином фон Вайцзеккером и Гендерсоном.

Я спрашиваю вас, господин фон Вайцзеккер, вы имели какую-нибудь беседу об этом с сэром Невилом Гендерсоном или другим британским дипломатом? И вы, что-нибудь знаете об их отношении?
Вайцзеккер: Я не могу вспомнить, чтобы лично говорил с кем-то из британских дипломатов по вопросу колоний. С другой стороны, я знаю, что между 1934 и 1939 вопрос колоний постоянно поднимался британским правительством, и официально, неофициально или полуофициально, и его отношение высказывалось в дружественной и примирительной манере. Мне кажется, я могу вспомнить чтение доклада о визите двух британских министров в Берлин и по этому поводу вопрос колоний также обсуждался примирительно.
Симерс: Господин фон Вайцзеккер, вы можете сказать нам, что-нибудь о поведении и репутации флота во время оккупации Норвегии?

Вайцзеккер: Оккупационным силам всегда трудно быть популярным где бы то ни было. Но в качестве единственного исключения я хочу назвать флот, насколько я слышал, пользующийся хорошей, даже очень хорошей репутацией в Норвегии. Это постоянно подтверждали мне во время войны мои норвежские друзья.

Симерс: Вы завели эту дружбу во время, когда были посланником в Осло? Когда это было?

Вайцзеккер: Я был посланником в Осло с 1931 по 1933.

Симерс: И последний вопрос. Документ D-843, был предъявлен вчера, подписанный Бройером который был с легацией Осло в марте 1940. Могу я показать вам документ?

Вайцзеккер: Мне прочитать весь документ?

Симерс: Думаю будет достаточно если вы просто взглянете на него, в особенности в середине документа.

[*Обращаясь к председателю*] Господин председатель, это GB-466 и документ предъявили вчера.

[*Обращаясь к свидетелю*] Согласно данному документу Бройер заявлял о том, что опасность британской высадки не была столь большой как предполагала противная сторона, и он говорит о мерах которые могут спровоцировать Германию. Что вы можете нам сказать об этих заявлениях Бройера? Эти заявления правильные?

Вайцзеккер: Бройер был не в легации – он сам был посланником – и я считаю, само собой, что он сообщил правильно о предмете из задачи или скорее, если можно сказать, субъективную точку зрения. Была ли она на самом деле правильной с объективной точки зрения или нет, это совершенно другой вопрос. По немецки говоря, правильно ли был информирован Бройер о намерениях противника это другой вопрос.

Симерс: Господин фон Вайцзеккер, согласно информации полученной вами впоследствии от министерства иностранных дел, сомнения Рёдера были оправданными или картина описанная Бройером была правильной?

Вайцзеккер: Должен признать, что моё личное мнение совпадало с мнением Бройера, хотя оба наши мнения впоследствии оказались неправильными и оправдались соображения флота или по крайней мере более оправдались чем мнение посланника.

Симерс: Большое спасибо.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы свидетелю?

Зейдль: Свидетель, 23 августа 1939 Пакт о ненападении был заключён между Германией и Советским Союзом. Были в тот день заключены двумя правительствами помимо данного пакта какие-нибудь другие соглашения?

Руденко: Господин председатель, свидетель вызван по определённым вопросам которые изложены в ходатайстве защитника Симерса, я считаю, что данный вопрос

который сейчас ставится со стороны защитника Зейдля никакого отношения к рассматриваемому делу не имеет, и я полагаю, он должен быть отведён.

Председатель: Доктор Зейдль, вы можете задать вопрос, тот, что вы собирались задать.

Зейдль: Господин фон Вайцзеккер, я снова спрашиваю вас, были ли заключены между двумя правительствами 23 августа 1939 другие соглашения которые не содержались в Пакте о ненападении?

Вайцзеккер: Да.

Зейдль: Где содержались эти договорённости?

Вайцзеккер: Эти договорённости содержались в секретном протоколе.

Зейдль: Лично вы читали этот секретный протокол как государственный секретарь министерства иностранных дел?

Вайцзеккер: Да.

Зейдль: У меня есть текст и посол Гаусс[269] вообще не оставил сомнений в том, что интересующие договорённости правильно изложены в данном тексте. Я покажу это вам.

Председатель: Минуточку, что за документ вы ему предъявляете.

Зейдль: Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939.

Председатель: Это не тот документ – что за документ вы представляете свидетелю? Документ который вы уже представляли трибуналу я который был отклонён. Это тот же самый документ?

Зейдль: Это документ который я предъявил трибуналу в своих документальных доказательствах и в котором трибунал отказал, предположительно, потому что я отказался разгласить происхождение и источник данного документа. Но трибунал разрешил мне предъявить новые письменные показания посла Гаусса по спорному вопросу.

Председатель: Вы это не сделали? Вы не сделали это?

Зейдль: Нет, ваша честь, я хочу прочитать данный текст для того, чтобы стимулировать память свидетеля, и спросить его в связи с этим, насколько он может вспомнить, правильно ли воспроизведены в документе секретные соглашения.

Руденко: Я хотел бы, господа судьи, заявить протест против этих вопросов по двум основаниям.

Прежде всего, мы рассматриваем дело о преступлениях наглых немецких преступников, а не исследуем внешнеполитические вопросы союзных государств. Во-вторых, документ который пытается защитник Зейдль предъявить сейчас свидетелю отклонён трибуналом, так как он является по существу документом неизвестного происхождения, скорее фальшивкой, и конечно не может быть документом имеющим силу какого-то доказательного значения.

---

[269] Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.

Зейдль: Могу я в связи с этим сказать следующее, господин председатель. Данный документ важная составная часть Пакта о ненападении предъявленного обвинением в качестве доказательства как GB-145. Если я предъявлю текст свидетелю…
Председатель: Единственный вопрос в том был ли документ отклонён трибуналом. Это документ отклонённый трибуналом?
Зейдль: Он был отклонён как документальное доказательство per se.
Председатель: Что же, значит ответ «да».
Зейдль: Но мне кажется, что есть разница в том можно ли предъявлять данный документ свидетелю во время заслушивания его показаний. Я хочу ответить на данный вопрос утвердительно, поскольку обвинение в перекрёстном допросе может предъявлять имеющийся документ свидетелю и на основе его показаний мы затем понимаем правильный ли текст и вообще сочетаются эти два текста.
Председатель: Откуда документ который вы представляете?
Зейдль: Я получил этот документ несколько недель назад от человека с союзной стороны который показался абсолютно надёжным. Я получил его лишь при том условии, что я не раскрою его происхождение, условие которое показалось мне совершенно разумным.
Председатель: Вы говорите, что получили его несколько минут назад?
Зейдль: Недель назад.
Председатель: Это тот же самый документ который вы представляли трибуналу и который отклонил трибунал?
Зейдль: Да, но трибунал также решил, что я могу предъявить ещё одни письменные показания посла Гаусса по данной теме, и решение имеет смысл только…
Председатель: Да, я знаю, но вы это не сделали. Мы не знаем, какие письменные показания подготовил доктор Гаусс.
Зейдль: Письменные показания посла Гаусса под присягой, новые, уже у меня в распоряжении, но их пока не перевели.
Додд: Господин председатель, я конечно присоединяюсь к генералу Руденко в возражении использованию данного документа. Сейчас нам известно, что он исходит от какого-то анонимного источника. Мы вообще не знаем источника, и во всяком случае не установлено, что этот свидетель сам не помнит, в чем состояло это мнимое соглашение. Я не знаю, почему он не может спросить его, если это то, что он хочет сделать.
Председатель: Доктор Зейдль, вы можете спросить свидетеля о том какие у него воспоминания о договоре не предъявляя ему документ. Спросите его о том, что он помнит о договоре или протоколе.
Зейдль: Свидетель, пожалуйста опишите содержание договора насколько вы его помните.
Вайцзеккер: Речь идёт об очень остром, далеко идущем секретном дополнении к Пакту о ненападении заключённому тогда. Охват этого документа был крайне

широким поскольку он касался раздела сфер влияния и обозначал демаркационную линию между районами, которые при определённых обстоятельствах относились к сфере Советской России и тем которые оказывались в германской сфере интересов. Финляндия, Эстония, Латвия, восточная Польша и, насколько я помню определённые районы Румынии должны были быть включены в сферу Советского Союза. Всё, что к западу от этого района попадало в германскую сферу интересов. Правда, что это секретное соглашение не сохранило свою первоначальную форму. Позднее, либо в сентябре или октябре этого же года, было внесено изменение, поправка. Насколько я помню, существенная разница в двух документах состояла в том, что Литва, или по крайней мере – большая часть Литвы, оказывалась в сфере интересов Советского Союза, в то время как польская территория на демаркационной линии между двумя сферами интересов весьма значительно отодвигалась западнее.

Мне кажется, что этим я привёл вам суть секретного соглашения и последующего дополнения.

Зейдль: Это правда, что в случае дальнейшей территориальной реорганизации, демаркационная линия была согласована по территории польского государства?

Вайцзеккер: Я не могу сказать точно, содержалось ли в этом протоколе выражение «демаркационная линия» или был термин «линия разграничения сфер интересов».

Зейдль: Но линия была проведена.

Вайцзеккер: Именно та линия которую я назвал, и мне кажется, что этой линии, как только соглашение вступило в силу, придерживались как общего правила с небольшими отклонениями.

Зейдль: Вы можете вспомнить – это мой последний вопрос – содержало ли это секретное дополнение от 23 августа 1939 договорённость о дальнейшей судьбе Польши?

Вайцзеккер: Данное секретное соглашение включало полное изменение польской судьбы. Весьма может быть, что прямо или косвенно такое изменение предусматривалось соглашением, однако я бы не стал приводить точную формулировку.

Зейдль: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель, вы видели подлинник секретного договора?

Вайцзеккер: Я видел фотокопию подлинника, возможно сам подлинник. В любом случае я имел у себя фотокопию, я имел фотокопию в своём сейфе.

Председатель: Вы бы опознали копию если бы её вам показали?

Вайцзеккер: О, да, конечно, думаю так. Подлинные подписи имелись и их можно было сразу узнать.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал рассмотрел то следует ли предъявить свидетелю документ находящийся у доктора Зейдля, но в виду того факта, что содержание подлинника указано свидетелем и другими свидетелями и тем, что неизвестно какое происхождение у документа имеющегося у доктора Зейдля, трибунал решил не предъявлять документ свидетелю. Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 22 мая 1946*]

День сто тридцать шестой

Среда, 22 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Симерс, думаю, вчера мы дошли до этапа о том хотел ли кто-нибудь из защитников задать какие-то вопросы.

Симерс: Да, мне кажется доктор фон Людингхаузен желает допросить свидетеля.

Людингхаузен: Свидетель, я хочу задать вам несколько вопросов о деятельности господина фон Нейрата как министра иностранных дел. Тогда вы являлись директором политического департамента министерства иностранных дел. Что это за даты?

Вайцзеккер: Мне кажется поздней осенью 1936 как заместитель и с весны 1937 до весны 1938 в полном объеме.

Людингхаузен: Но до этого вы уже имел повод работать с господином фон Нейратом? Осенью 1932 вы не были вместе на Конференции по разоружению в Женеве?

Вайцзеккер: Да.

Людингхаузен: Каким направлениям следовал господин фон Нейрат, и какое отношение занимал фон Нейрат к Конференции по разоружению?

Вайцзеккер: Отношение господина фон Нейрата было продиктовано нормами устава Лиги Наций которые предусматривали разоружение. Он следовал таким линиям.

Людингхаузен: Тем, что он следовал такой же политике как его предшественники на Конференции по разоружению?

Вайцзеккер: Она всегда была одинаковой.

Людингхаузен: Да, все предыдущие правительства следовали политике направленной на мир и единство, или понимание, и господин фон Нейрат продолжал эту политику от всего сердца, это неправильно?

Вайцзеккер: Я никогда не замечал ничего обратного.

Людингхаузен: Тогда – то есть в 1932 как-нибудь замечались национал-социалистические тенденции или то, что он имел симпатии к национал-социалистам?

Вайцзеккер: У меня складывалось впечатление, что не было никакой общей почвы между ним и национал-социализмом.

Людингхаузен: Вы можете кратко подытожить взгляды господина фон Нейрата в отношении внешней политики? Он мог тогда выступать за воинственную акцию или

он был представителем, признанным представителем, политики понимания и мира?

Вайцзеккер: Должен сказать, что господин фон Нейрат следовал политике мирного пересмотра, такой же политике которую проводили его предшественники. Его цель заключалась в добрососедстве, не связывая себя политически каким-то особым направлением. Я никогда не замечал никаких воинственных тенденций в его политике.

Людингхаузен: Во взглядах господина фон Нейрата была какая-нибудь перемена в 1936 году, когда вы стали одним из его ближайших сотрудников, или они всегда оставались одинаковыми?

Вайцзеккер: Они всегда оставались одинаковыми.

Людингхаузен: Его особо интересовало достижение понимания с Англией, но также и Францией, правильно?

Вайцзеккер: У меня складывалось впечатление, что господин фон Нейрат хотел прийти к пониманию со всеми сторонами.

Людингхаузен: Я хочу задать ещё несколько вопросов которые более-менее касаются его отношений с Гитлером.

По вашим сведениям об обстоятельствах, как его сотрудника, можно сказать, что он имел доверие Адольфа Гитлера всё время, когда был министром иностранных дел и также, что Гитлер позволял советовать себе и быть ведомым кем-то?

Вайцзеккер: Насколько я могу судить, он был советником, но не доверенным лицом Гитлера.

Людингхаузен: Но существовал определённый контакт между этими господами, это неправильно.

Вайцзеккер: Я вряд ли был свидетелем таких контактов.

Людингхаузен: Вы замечали, когда фон Нейрат и Гитлер встречались, часто ли они обсуждали политическую ситуацию, что нужно было делать, и что следовало делать?

Вайцзеккер: Я могу только сказать, что мы в министерстве иностранных дел сожалели о том, что контакт не был тесным, к тому же Гитлер часто отсутствовал в Берлине. Мы считали контакт слишком слабым.

Людингхаузен: Значит, нельзя говорить о тесных отношениях или очень тесном сотрудничестве с Гитлером в случае фон Нейрата.

Вайцзеккер: По моему мнению – нет.

Людингхаузен: И, по вашему мнению и согласно вашим наблюдениям, как деятельность фон Нейрата влияла на внешнюю политику? Он был ведущим человеком, и не был ли он тормозящим элементом, то есть тормозом, так сказать, там где вопросы шли вразрез с его убеждениями?

Вайцзеккер: У меня нет никаких фактических доказательств того, что на важные внешнеполитические акции этого периода повлиял фон Нейрат. Но я очень хорошо

могу представить, что определённые акции в сфере внешней политики были предотвращены…

Председатель: Минуточку. Не думаю, что нам нужно, то, что воображает свидетель. Мы не можем позволить, чтобы свидетель говорил нам о том, что он может вообразить. Думаю этот вопрос слишком расплывчатый, и неподобающий вопрос.

Людингхаузен: Во время, когда господин фон Нейрат был министром иностранных дел, какие-либо партийные власти также имели влияние на внешнюю политику, которое в свою очередь противоречило тенденциям фон Нейрата или по крайней мере не разделялось им?

Вайцзеккер: Мне кажется, был не только один, но и многие кто действовали по другому и конечно имели связь и влияние с Гитлером. Это нельзя было проверить, но вывод об этом можно сделать по результатам.

Людингхаузен: Вам известно, почему, по какой причине, Антикоминтерновский пакт[270] с Японией в ноябре 1935 был подписан не фон Нейратом, а тогдашним послом в Лондоне фон Риббентропом?

Вайцзеккер: Разве это было не в 1936?

Людингхаузен: 1936, да, правильно.

Вайцзеккер: Я полагаю, причина заключалась в том, что Гитлер всегда хотел давать некоторым людям определённую работу, и затем он выбирал среди них тех кого считал лучше всего подходящим для выполнения работы.

Людингхаузен: Фон Нейрат вообще соглашался с Антикоминтерновским пактом?

Вайцзеккер: Этого я не знаю.

Людингхаузен: В чём заключалась политика фон Нейрата в отношении кадров? Он старался сохранять в должности старых чиновников, или он приводил национал-социалистических чиновников?

Вайцзеккер: Господин фон Нейрат очень стремился сохранить старый и знакомый персонал министерства иностранных дел в министерстве иностранных дел, а также на зарубежных должностях.

Людингхаузен: Но это изменилось в момент его отставки?

Вайцзеккер: Не сразу, а позднее и постепенно.

Людингхаузен: Итак, ещё два вопроса. В чём заключалось отношение господина фон Нейрата, когда он уже не являлся министром иностранных дел и обострились судетские вопросы, осенью 1938, и какую роль он сыграл в Мюнхенской конференции?

Вайцзеккер: Я вспоминаю сцену в рейхсканцелярии за день до Мюнхенского соглашения, когда фон Нейрат очень сильно рекомендовал следовать политике

[270] «Антикоминтерновский пакт» дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин) — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала (Коминтерна, откуда, собственно, и название пакта) с целью не допустить дальнейшее распространение коммунистической идеологии в мире

умиротворения и следовать предложению Муссолини[271] о проведении конференции четырёх держав.

Людингхаузен: Вам известно, что после ухода из министерства иностранных дел было фон Нейрата запретили снабжать какой бы то ни было информацией о внешней политике?

Вайцзеккер: Думаю, я помню, что преемник господина фон Нейрата оставил себе информирование своего предшественника о внешнеполитических вопросах.

Людингхаузен: Больше нет вопросов.

Латернзер: Господин фон Вайцзеккер, вы были германским послом при Святом престоле в Риме с лета 1943?

Вайцзеккер: Да.

Латернзер: Одновременно главнокомандующим на итальянском театре войны был фельдмаршал Кессельринг[272]?

Вайцзеккер: Да, то есть, он был главнокомандующим на этом театре с 25 сентября 1943. До этого пост занимал итальянский генерал.

Латернзер: Вас часто вызывал Кессельринг, чтобы урегулировать разногласия между германской армией с одной стороны и гражданскими властями с другой?

Вайцзеккер: Была постоянная связь между фельдмаршалом Кессельрингом и моим ведомством, не только для того, чтобы сглаживать разногласия, но прежде всего предотвращать разногласия.

Латернзер: Вы, в результате своих частых контактов с фельдмаршалом Кессельрингом составили личное впечатление об отношении военных…

Председатель: Доктор Латернзер, мы не судим Кессельринга. Какое отношение к делу имеет этот вопрос?

Латернзер: Данный вопрос относится к делу, потому что в перекрёстном допросе фельдмаршала Кессельринга обвинение представило инкриминирующий материал о том, что военное руководство в Италии не соблюдало обычаи войны и законы гуманизма. Я отчётливо помню как вы, господин председатель – и это можно видеть на страницах 5803 и 5805[273] – сказали в ответ на возражение доктора Штамера, что это был материал инкриминирующий генеральный штаб. Я хочу задать настоящему свидетелю несколько вопросов об этом инкриминирующем материале.

Председатель: Если вы желаете спросить его о чём-то, что ему известно об обвинениях которые предъявлены обвинением Кессельрингу как члену

---

[271] Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

[272] Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

[273] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2020, стр. 216-217.

генерального штаба, тогда вы можете это сделать.

Латернзер: Да, господин председатель, я начал, и это должен был быть предваряющий вопрос.

Господин фон Вайцзеккер, предметы искусства из Италии на итальянском театре войны щадили и оберегали?

Вайцзеккер: Германский Вермахт, под руководством фельдмаршала Кессельринга прилагал величайшие усилия для того, чтобы пощадить и защитить здания, имущество и предметы искусства принадлежащие церкви. Это была крупная глава в деятельности штаба фельдмаршала Кессельринга и успех не заставил себя ждать.

Латернзер: Вы можете привести нам один-два особо существенных примера об этом?

Вайцзеккер: Да, есть много примеров. Я бы хотел сказать о том, что 6 месяцев или год тому назад выставка рукописей, древних книг и похожих вещей проводилась в Ватикане. Германский Вермахт нужно благодарить за спасение большей части, если не всех этих предметов.

Латернзер: Господин фон Вайцзеккер этого достаточно. Высшее военное командование в Италии обвиняется в обращении с итальянским населением с особой жестокостью и беспощадностью. Вы может сказать нам, что-нибудь фактическое, что именно со стороны высшего военного командования в Италии предпринимались особые меры для пропитания населения в период, когда продовольственная проблема была трудной?

Вайцзеккер: Данный вопрос особо относится к продовольственной проблеме?

Латернзер: Да, продовольственной проблеме в Риме.

Вайцзеккер: Что же, моя область деятельности ограничивалась только Римом. Но я могу сказать, что фельдмаршал Кессельринг однажды сказал мне, что половину его времени занимал вопрос пропитания Рима. И я знал одного из высокопоставленных военных – мне кажется его имя было Зайферт или как-то так – который с большим рвением занимался этой задачей и успешно её реализовывал.

Латернзер: Господин фон Вайцзеккер, и теперь мой последний вопрос: в результате ваших наблюдений деятельности высшего военного руководства в Италии вы должны были составить личное впечатление об этих людях. У вас сложилось впечатление, что это были искренние усилия с их стороны, чтобы соблюдать законы войны и законы гуманизма?

Вайцзеккер: Само собой, ибо в противном случае нельзя было достигнуть определённых результатов. Вероятно здесь неизвестно, что осенью 1943 Святой престол опубликовал коммюнике, официальное коммюнике, которое особо восхваляло поведение германских солдат в Риме. Кроме того, пощада Вечному городу не могла быть реализована если бы германский Вермахт не поступил так как он сделал.

Латернзер: И это являлось особой заслугой фельдмаршала Кессельринга?

Вайцзеккер: Я бы сказал, что когда будут писать историю этого времени первым в списке будет папа Пий XII[274]. Затем похвала будет соответственно, во вторых германскому Вермахту под руководством Кессельринга.

Латернзер: Большое спасибо. У меня больше нет вопросов.

Кубушок: Однажды утверждалось, что подсудимый фон Папен, который летом 1934 был назначен послом в Вене, руководил с этой должности агрессивной экспансией на всём юго-востоке вплоть до Турции, и что он, помимо прочего, предлагал соседним государствам вроде Венгрии и Польши получение территорий от планируемого расчленения Чехословакии. Такая политика на самом деле существовала?

Вайцзеккер: Извиняюсь. Я не совсем понял вопрос.

Кубушок: Такая политика, которую я описал, на самом деле существовала?

Вайцзеккер: Мои наблюдения датированы только поздним летом 1936, так как ранее я был за рубежом. Я не замечал позднее, что господин фон Папен проводил юго-восточную политику ради Вены, или что ему поручили делать это. Министерство иностранных дел не могло поручить ему такую задачу, так как он не подчинялся министерству иностранных дел.

Кубушок: И такая политика, как описанная, вообще существовала, когда вы пришли в министерство иностранных дел?

Вайцзеккер: Пожалуйста, повторите вопрос.

Кубушок: Такая экспансионистская политика со стороны Германии…

Вайцзеккер: Какая политика?

Кубушок: Агрессивная экспансионистская политика со стороны Германии на юго-восток вплоть до Турции, расчленение Чехословакии, и уступка частей Чехословакии Польше и Венгрии.

Вайцзеккер: Да. В 1939, без сомнения.

Кубушок: 1936 – в 1936.

Вайцзеккер: Нет.

Председатель: Обвинение?

Джонс: Свидетель я хочу задать вам один-два вопроса по делу «Athenia». Вы сказали трибуналу, что вы, встретились с американским поверенным и проинформировали его приблизительно в середине сентября, о том, что «Athenia» не могла быть потоплена германской подводной лодкой. Это так, не так ли?

Вайцзеккер: Я не встречался с американским поверенным в середине сентября, а в тот день, когда я услышал о потоплении, и это должно было быть 3, 4 или 5 сентября.

Джонс: Вы уже заверили до этого американских представителей в том, что германская подводная лодка не могла быть ответственной.

---

[274] Пий XII (до интронизации — Эудженио Пачелли 1876 — 1958) — Папа Римский с 2 марта 1939 года по 9 октября 1958 года

Вайцзеккер: Это правильно.

Джонс: И вы рекомендовали или даже, германское министерство иностранных дел рекомендовало о том, чтобы главнокомандующий германским флотом должен был принять американского военно-морского атташе и сказать ему тоже самое, а именно, что германская подводная лодка не топила «Athenia»?

Вайцзеккер: Это я не знаю. Я занимался только поверенным.

Джонс: Я бы хотел, чтобы вы посмотрели на новый документ, документ номер D-804, который будет экземпляром GB-477, который фрагмент из СКЛ по делу «Athenia». Вы увидите, что это доклад от Нойбаера военно-морскому атташе и он гласит:

> «Министерство иностранных дел сообщило о встрече между главнокомандующим германским флотом и американским военно-морским атташе 13 сентября 1939, передав это по телефону. Формулировка следующая:
>
> 16 сентября, около 13 часов, главнокомандующий…»

Вайцзеккер: Извиняюсь, я пока не нашёл место.

Джонс: Вероятно, вы хотите следить по английской копии, свидетель, если хотите.

Я читаю второй абзац:

> «16 сентября, около 13 часов, главнокомандующий флотом принял американского военно-морского атташе по рекомендации рейхсминистра иностранных дел и сказал ему более-менее следующее: он уже несколько дней намеревался, так как он знал – написать ему о том, что ему следует посетить его для того, чтобы высказать ему своё мнение о потоплении «Athenia», в виду продолжающегося волнения в связи с этим. Однако, он ожидал возвращения тех субмарин которые использовались для ведения войны против торгового судоходства в интересующее время и которые возможно могли быть связаны с этим, для того, чтобы лично получить доклады об их деятельности. Он решительно повторил, что потопление «Athenia» не было вызвано германской субмариной. Ближайшая к инциденту лодка находилась фактически в 170 милях от места потопления. Кроме того, инструкции о том как командирам следует вести войну против торгового судоходства в конце концов были опубликованы. До сего времени, ни в одном случае этими инструкциями не пренебрегали. Напротив, американский капитан незадолго до этого сообщал об особой учтивости и рыцарском поведении командиров субмарин».

А теперь, из этого ясно, не так ли, что германское министерство иностранных дел как можно лучше сильней всего стремилось скрыть вопрос «Athenia», не так ли?

Вайцзеккер: Нет, там нечего было скрывать.

Джонс: Когда в конце сентября вы узнали о том, что Ю-30 потопила «Athenia», нужно было многое скрывать, не так ли?

Вайцзеккер: Мне кажется, что я вчера заявил о том, что ничего не слышал об этом.

Джонс: Вы говорите, что в конце сентября, по возвращении Ю-30 не знали о том, что Ю-30 фактически потопила «Athenia»?

Вайцзеккер: Я вообще этого не помню.

Джонс: Когда вы впервые узнали, что Ю-30 потопила «Athenia»?

Вайцзеккер: Насколько я помню не во время войны.

Джонс: Но я понимаю, что вчера вы сказали, что вы думали о том, что публикация в «Volkischer Beobachter», обвинявшая господина Уинстона Черчилля в потоплении «Athenia» плод извращённого воображения, правильно?

Вайцзеккер: Именно так.

Джонс: Вы на самом деле говорите трибуналу о том, что – при том, что вы имели ответственную работу – вы говорите трибуналу, что вы не узнали подлинных фактов об «Athenia» до конца войны, когда вас в министерстве иностранных дел впервые затронул этот вопрос?

Вайцзеккер: Я уже сказал вам то, что знаю об этом. Ведь как кажется, позднее флот понял, что потопление «Athenia» было из-за акции германской субмарины, но я вообще не могу вспомнить, что меня или министерство иностранных дел информировали об этом факте.

Джонс: В любом случае, подсудимый Рёдер не предпринимал никаких шагов, чтобы исправить информацию которую передали американским дипломатическим представителям, не так ли?

Вайцзеккер: Я вообще не помню, чтобы адмирал Рёдер уведомлял меня или министерство иностранных дел об этом факте.

Джонс: Итак, в отношении подсудимого фон Нейрата.

С позволения трибунала, я не предлагаю спрашивать свидетеля о более ранней дипломатической истории, так как трибунал отметил, что желательно оставлять этот вопрос для подсудимых по мере того как они дают показания.

[*Обращаясь к свидетелю*] Но я хочу задать вам общий вопрос. Какой была самая ранняя дата в которую ответственные чиновники министерства иностранных дел, как вы, впервые поняли, что Гитлер намеревался вести агрессивную войну?

Вайцзеккер: То, что внешняя политика гитлеровского правительства была опасной я понял очень рано ещё в мае 1933, тот факт, что вероятно планировалась агрессивная война, вероятно летом 1938 или по крайней мере то, что ход внешне й политики весьма просто мог привести к войне.

Джонс: Уже в апреле 1938, внешнеполитическая обстановка была настолько напряжённой, что вы направили специальный меморандум всем германским дипломатическим представителям рассматривающий обстановку – критическую

обстановку в Германии.

Вайцзеккер: Может быть. Мне разрешат прочитать документ?

Джонс: Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ номер PS-3572, который меморандум от 25 апреля 1938, подписанный вами, и копию которого направили всем германским дипломатическим представителям. Это будет экземпляр GB-478. Этот документ гласит:

> «Поскольку работа в области подготовки к мобилизации набирает ход внутри Германии в вооружённых силах и во всех гражданских учреждениях включая министерство иностранных дел, сейчас необходимо, чтобы в данном случае правительственные учреждения за рубежом также срочно предприняли соответствующие меры в рамках компетенции».

И затем следует серия инструкций об акциях которые следует предпринимать в начальный период кризиса, или фактической мобилизации, и в предпоследнем абзаце есть настойчивое указание:

> «Я прошу глав ведомств, не ожидая дальнейших инструкций, начать рассматривать меры подлежащие принятию в области своей деятельности в чрезвычайном случае. В интересах абсолютной секретности следует строго соблюдать то, чтобы количество информированных людей было как можно меньше».

Это предполагает, не так ли, что уже в апреле 1938, вы понимали неминуемое приближение фактической мобилизации, это так?

Вайцзеккер: Могу я спросить, данный документ на самом деле датирован 1938 годом, или это 1939? Я не могу различить дату.

Джонс: Он датирован 25 апреля 1938.

Вайцзеккер: Что же, может быть.

Джонс: Итак, лично вы возражали агрессивной внешней политике Гитлера, не так ли?

Вайцзеккер: Я не совсем понял ваш вопрос.

Джонс: Лично вы возражали агрессивной внешней политике Гитлера, не так ли?

Вайцзеккер: Лично я, полностью.

Джонс: Вы стремились убедить подсудимого фон Нейрата также возражать агрессивной внешней политике Гитлера?

Вайцзеккер: Господин фон Нейрат в то время не был министром иностранных дел.

Джонс: Но он продолжал быть очень важным функционером нацистского государства, не так ли?

Вайцзеккер: Мне кажется, его влияние в этот период было ещё меньше чем раньше, но я находился с ним в контакте, и я думаю я соглашался с его мнением, а он с моим.

Джонс: И при этом он продолжал служить нацистскому государству, в частности, на

территории которая была приобретена в результате политики агрессии, разве не так?
Вайцзеккер: Я был бы благодарен если бы данный вопрос был поставлен господину фон Нейрату, нежели мне.
Джонс: Как вам угодно. Итак, вы находились в Италии и в Риме, не так ли, в марте 1944?
Вайцзеккер: Да.
Джонс: Вы давали мне кое-какие показания о поведении германских сил в Италии. Вы находились в Риме во время убийств в пещере Адриана? Вы помните этот инцидент, свидетель, не так ли?
Вайцзеккер: Да.
Джонс: Когда 320 итальянцев были убиты и 57 евреев были брошены в неё для веса. Вы находились там, когда это произошло, не так ли?
Вайцзеккер: Мне кажется, упоминали 320 заключённых которых убили в той пещере которую вы назвали.
Джонс: Да. С вами консультировались по этому поводу.
Вайцзеккер: Нет.
Джонс: Это была акция германских сил, не так ли?
Вайцзеккер: Мне кажется германской полиции, а не германских вооружённых сил.
Джонс: Свидетель, и вам известно, что было много подобных убийств совершённых СС в период германской деятельности в Италии, не так ли?
Вайцзеккер: Я не знаю о многих совершённых убийствах, но мне кажется, что германская полиция была вполне способна на это.
Джонс: Вам известно, что они осталяли запись о терроре и жестокости всякий раз оставляя свой след в Италии, это не так?
Вайцзеккер: Да, германская полиция.
Джонс: Больше нет вопросов.
Председатель: Вы хотите допросить повторно?
Джонс: Ваша честь у меня больше нет вопросов.
Председатель: Тогда свидетель может удалиться.
Симерс: Господин председатель, я могу вызвать свидетеля вице-адмирала Шульце-Монтинга.
Председатель: Да, приступайте.

[*Свидетель Шульце-Монтинг занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Шульце: Эрих Шульце-Монтинг.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил клятву на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Симерс: Адмирал, пожалуйста, расскажите нам кратко, какие должности вы занимали с 1925 по 1945, в частности на каких должностях вы служили непосредственно при адмирале Рёдере.
Шульце-Монтинг: С 1925 по 1928 я был военно-морским адъютантом рейхспрезидента Гинденбурга и как таковой одновременно вторым адъютантом начальника штаба военно-морского командования. Соответственно моё первое сотрудничество с Рёдером уходит к 1928.

С 1929 по 1933 я имел несколько фронтовых командований. С 1933 по 1937 я был адъютантом Рёдера. С 1937 по 1939 я имел несколько фронтовых командований. С 1939 по 1943 я был начальником штаба адмирала Рёдера, и до 1944 я оставался начальником штаба адмирала Дёница. В январе 1944 я был военно-морским командиром в Южной Франции до вторжения, потом командующим в Северном Тронхейме. После краха меня некоторое время использовал в деятельности британский флот. Затем осенью я был интернирован в лагере для генералов в Англии.
Симерс: Пожалуйста скажите мне, можете ли вы вспомнить, в каком месяце 1939 вы начали работать с Рёдером.
Шульце-Монтинг: Первого января 1939.
Симерс: Вы можете кратко сказать нам, что-нибуь о престиже Рёдера как военно-морского эксперта, особенно за рубежом? Я имею в виду только в военно-морских технических вопросах.
Шульце-Монтинг: Да. Мне кажется, что в результате многих лет службы с Рёдером, и многих бесед с иностранцами, я смог сформировать кое-какую идею. В конце концов, Рёдер был главой флота 15 лет. Он был известен, или даже имел имя, как военно-морской офицер и как начальник штаба последнего главнокомандующего германским императорским флотом, адмирала Хиппера, оппонента знаменитого британского адмирала Битти, в битве при Скаггераке. Он был известен…
Председатель: Свидетель, будьте любезны следить за этим светом. Когда горит жёлтый, вы говорите слишком быстро. Когда горит красный, вы должны остановиться.
Шульце-Монтинг: Он был известен своей литературной деятельностью во время «Эры Тирпица[275]», когда он редактировал «Nautikus» и позднее, после Первой мировой войны, своими двумя работами о крейсерской войне в прошлой мировой войне, за которые он получил почётную докторскую степень и которые, должен

[275] Альфред фон Тирпиц (1849 — 1930) — германский военно-морской деятель, в 1897-1916 государственный секретарь военно-морского ведомства, гросс-адмирал (27 января 1911).

сказать, обеспечили ему репутацию среди экспертов.
Симерс: Подсудимый обвиняется в строительстве флота с намерением ведения агрессивной войны и даже после того как вступил в силу Версальский договор.
Шульце-Монтинг: Это неправильно. Никогда в моих беседах с Рёдером не было мысли – даже слова об агрессивной войне. Мне кажется, что все его поступки и его указания противоречат этому.
Симерс: Возможно были какие-то идеи стратегического характера в то время пока Версальский договор был в силе, с видом на агрессивную войну?
Шульце-Монтинг: Никогда.
Симерс: В чём заключалась основная причина манёвров проводимых флотом с 1932 по 1939?
Шульце-Монтинг: Они проводились исключительно с видом на безопасность, оборону и защиту береговых вод и самого побережья.
Симерс: Война с Англией принималась за основу для каких-либо таких учений между 1932 и 1939?
Шульце-Монтинг: Нет, это никогда не делали основой, и мне кажется это бы казалось невозможным и необоснованным любому военно-морскому офицеру. Я помню, что даже в начале 1939 года Рёдер издал директиву фронтовым командирам провести учения, в которым он исключал учения направленные против Англии как невозможные. Вообще запрещалось проводить такие учения.
Симерс: Адмирал, как вам известно, сейчас подтверждается, что флот в двадцатые, с ведома парламентского правительства нарушал Версальский договор. Эти вопросы здесь много обсуждали, следовательно мы можем быть краткими.

Я хочу в целом спросить вас: из этих нарушений, которые вам известны, возможно сделать вывод об агрессивных намерениях?
Шульце-Монтинг: Нет, я считаю об этом совершенно не может быть речи. Нарушения была настолько несущественными и были основаны исключительно на обороне и защите, что я думаю невозможно составить из них агрессивные намерения.
Симерс: Вы можете кратко привести нам несколько примеров или назвать несколько случаев где происходили нарушения?
Шульце-Монтинг: Прежде всего, они ограничивались установкой береговых батарей, противовоздушных батарей, приобретением мин и похожими вещами, все из которых были исключительно с целью обороны или защиты.
Симерс: Эти нарушения Версальского договора, или скажем, небольшие нарушения, стали известными Межсоюзной комиссии в целом или частично, и эта комиссия отчасти упустила из виду эти вещи, потому что они были на самом деле мелочами?
Шульце-Монтинг: Да. Я бы сказал это была открытая тайна.
Симерс: Могу я попросить вас, адмирал, делать паузу между вопросом и ответом

для того, чтобы переводчики успевали. Делайте небольшую паузу после моих вопросов перед вашим ответом. Могу я попросить вас повторить ответ на мой вопрос в отношении комиссии?

Шульце-Монтинг: Я бы сказал, что это была открытая тайна. Это просто пропустили.

Симерс: В качестве доказательства того, что эти нарушения договора производились с намерением ведения агрессивной войны, обвинение несколько раз представляло книгу капитана цур зее Шусслера под названием «Борьба флота против Версаля». Это документ С-156. Я вручу вам подлинник. Для того, чтобы сэкономить время и снова не обременять трибунал деталями – я не хочу вдаваться в детали – я спрошу вас: что вам известно об этой книге и что вообще заставило её написать? Когда она была написана и в чём заключается ваше общее мнение о ней?

Шульце-Монтинг: Я знаю эту книгу. Она появилась в результате нападок национал-социалистического режима в 1934 и 1935, который обвинял предыдущее правительство и флот за недостаточные меры в прошлом, чтобы вооружать нацию и даже не исчерпывающее использование возможностей Версальского договора. Соответственно, тогда возникла идея опубликовать подобного рода оправдание. Данную брошюру нужно рассматривать в таком свете, своего рода оправдание за, можно сказать, халатность.

Данная брошюра позднее никогда не публиковалась или даже была отозвана из обращения, потому что, можно сказать, была довольно слабой попыткой, так как в конце концов она не содержит никаких оспаривающих пунктов которые можно квалифицировать как перевооружение.

Симерс: Данная брошюра позднее распространялась во флоте?

Шульце-Монтинг: Нет. Как я сказал, она была отозвана у кругов которые её уже имели и также сильно критиковалась.

Симерс: Книга была отозвана по приказам Рёдера?

Шульце-Монтинг: Кажется так, да.

Симерс: В результате этой книги и ещё одного документа от Ассмана, предъявлено обвинение касательно известных стремлений в связи с конструкторской фирмой в Голландии. И вчера также было сказано, что по приказу адмирала Рёдера, для Германии строили подводные лодки в Финляндии и Испании. Это правильно?

Шульце-Монтинг: Это неправильно. Подводные лодки которые разрабатывались голландской фирмой и которые строили за рубежом, строили не для германского флота, а для зарубежных стран.

Симерс: Вам известно для кого их строили? Кто получил лодку построенную в Финляндии?

Шульце-Монтинг: Кажется Турция получила одну, и одна ушла в Финляндию.

Симерс: Значит корабли строили по иностранным заказам и для зарубежной страны?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Какие вообще преимущества имел бы флот из своего сотрудничества в строительстве?

Шульце-Монтинг: Мы были только заинтересованы в сохранении опыта полученного в подводной войне во время прошлой мировой войны. Соответственно флот был заинтересован в том, чтобы строительство подводных лодок продолжалось в таких чертах.

Симерс: По вашему мнению, это запрещалось в соответствии с Версальским договором?

Шульце-Монтинг: Нет, я не знаю параграфа который запрещает нашу деятельность в зарубежных странах в таких чертах.

Симерс: В начале февраля 1933 адмирал Рёдер сделал свой первый военно-морской доклад Гитлеру. Вам известно, что Гитлер по этому поводу приводил Рёдеру в качестве основы для восстановления флота?

Шульце-Монтинг: Да, я точно помню это, потому что это был первый доклад, который тогдашний начальник штаба военно-морского командования, адмирал Рёдер сделал рейхсканцлеру Гитлеру.

Гитлер сказал Рёдеру, что основой его будущей политики должна была стать жизнь в мире с Англией и что планировалось продемонстрировать это попытавшись заключить морское соглашение с Англией. Этим он хотел сохранить германский флот сравнительно небольшим. Он желал признать британское морское превосходство ввиду её положения как мировой державы. Он бы соответственно предложил соотвествующее соотношение силы. Он хотел договорённости в отношении строительства нашего флота, и мы должны были принимать во внимание его политическую точку зрения. Рёдера впечатлили его заявления, так как они были совершенно в соответствии с его основным отношением.

Симерс: В рамках этой политики затем было заключено германо-британское морское соглашение в 1935. Флот как в целом и Рёдер в частности был удовлетворён данным соглашением или они видели в этом определённые недостатки?

Шульце-Монтинг: Рёдер и флот были крайне удовлетворены данным соглашением, при том, что мы должны были добровольно возложить на себе тяжкие ограничения за определённый промежуток времени. В результате этого соглашения, в сравнении с Вашингтонской конференцией, я хочу сказать, мы оказались в числе самых маленьких морских держав. Несмотря на это, это соглашение в целом приветствовали, потому что желали дружественных отношений с британским флотом, и считалось, что если бы мы следовали мудрой и умеренной политике, Англия в свою очередь выразила бы свою признательность.

Симерс: Вам известно, одобрял ли Гитлер в то время соглашение в такой форме и был удовлетворён им?

Шульце-Монтинг: Да, я могу это подтвердить. Рёдеру и мне довелось побывать вместе с Гитлером в Гамбурге в день заключения соглашения и Гитлер сказал Рёдеру, когда ему об этом сообщили:

> «Это самый счастливый день в моей жизни. Этим утром мой доктор сказал мне, что моя проблема с гортанью небольшая, а вечером мне приходят такие радостные политические новости».

Симерс: Адмирал, вы уже сказали, что флот приветствовал морское соглашение. Вы вспоминаете, что в 1937 году с Англией было заключено изменённое морское соглашение. Отношение флота к этому вопросу было таким же?

Шульце-Монтинг: Да, абсолютно. Морское соглашение 1937 вводило лишь одну, можно сказать, дополнительную норму. Это был обмен информацией, и мы также пришли к договорённости с британским флотом относительно фиксации тоннажа подводных лодок. У нас не было никакой причины…

Симерс: Адмирал, ссылаясь на тоннаж подводных лодок, я помню соглашение 1935: 100 процентов британского подводного тоннажа, Германия ограничивала себя 45 процентами, но оставляла право увеличить тоннаж до возможных 100 процентов, в случае чего, она должна была, однако уведомить Англию и обсудить это с британским адмиралтейством.

Такое уведомление об увеличении до 100 процентов вручалось, и если так, когда и каким образом?

Шульце-Монтинг: После того как мы достигли 100 процентов, адмирал Каннингем находился в Берлине и по этому поводу снова обсуждался этот факт. Было ли сделано дополнительно письменное подтверждение я уже не помню. Я принял это как само собой разумеющееся, потому что в этом был смысл соглашения 1937. В связи с его визитом в декабре 1938, адмирал Каннингем откровенно выразил британское согласие на 100 процентное равенство в подводных лодках. Таким образом я или даже все мы, интерпретировали его визит.

Симерс: Вы помните была ли особая беседа или беседа между адмиралом Каннингемом и Рёдером в связи с данным визитом, в которой адмирал Каннингем в целом обсуждал отношения между германским и британским флотом и между Германией и Англией?

Шульце-Монтинг: У меня сложилось личное впечатление, что Каннингем и Рёдер находились в очень дружеских отношениях. Перед отъездом Каннингема был завтрак в довольно узком кругу, и в связи с этим Каннингем выразил своё удовольствие заключению морского соглашения, завершив свою речь тостом о том, что наконец все вопросы решены и что нужно было надеятся на то, что в будущем не будет никакой войны между нашими флотами.

Председатель: Какая дата инцидента?

Симерс: Декабрь 1938. Мне кажется это правильно, адмирал?

Шульце-Монтинг: Насколько я помню, декабрь 1938.

Симерс: Я помню дату из показаний данных адмиралом Рёдером. Лично я знал о том, что это произошло в 1938.

Председатель: Что это за адмирал Каннингем?

Симерс: Не знаю, я не военно-морской эксперт. Вероятно адмирал Шульце-Монтинг может сказать нам.

Шульце-Монтинг: Доктор я не понял вопрос.

Симерс: Какой это адмирал Каннингем?

Шульце-Монтинг: Нынешний лорд Каннингем. Старший из двух.

Симерс: Господин председатель, могу заметить, что это должно было быть 30 или 31 декабря 1938, как мы, или даже Рёдер вспоминает.

[*Обращаясь к свидетелю*] С 1933 по 1939 Рёдер убеждался в том, что Гитлер не начнёт войну?

Шульце-Монтинг: Да. Рёдер был совершенно убеждён в этом. В качестве доказательства этого я могу сказать, что на самом деле ничего не изменилось в нашей строительной программе в тот период. Это было бы нужно если бы нужно было себя готовить, по крайней мере духовно, к вооружённому конфликту.

Симерс: В этом отношении строительную программу нужно было изменить если кто-то хотел вести агрессивную войну?

Шульце-Монтинг: Нужно было бы по крайней мере отдать приоритет программе строительства подводных лодок.

Симерс: Вам и ведущим военно-морским офицерам было ясно, что реальная агрессивная война начатая Германией привела бы в результате к войне с Англией?

Шульце-Монтинг: Да. Осведомлённость об этом по моему мнению доказательство того, что не планировалась агрессивная война.

Симерс: Адмирал, теперь в 1938 и 1939 состоялись инциденты которые вероятно оправдывали определённую долю скептицизма. Я хочу напомнить вам о кризисе осени 1938 по поводу Судетов, который почти привёл к войне, который тогда был предотвращён в последний момент в результате Мюнхенского соглашения. Я хочу обратить ваше внимание в особенности на оккупацию остальной Чехословакии в марте 1939, что противоречило Мюнхенскому соглашению.

Итак, в чём заключалось отношение Рёдера к данному инциденту, о чём вы должны знать так как вы говорили с ним практически каждый день.

Шульце-Монтинг: Как прямо сказал Гитлер в Мюнхене, он был заинтересован только в немецких районах Чехословакии и даже при том, что он казался остальному миру чрезмерно решительным, он на самом деле хотел вести переговоры, Рёдер и ведущие круги во флоте считали, что эти вещи решатся политически.

С оккупацией Чехословакии среди нас возникло большое беспокойство. Но мы были твёрдо убеждены в том, что Гитлер не стал бы заявлять преувеличенных требований, и что он смог бы решить вопросы политически,

потому что мы не могли вообразить, что он подвергнет немецкий народ угрозе второй мировой войны.

Симерс: Вы знали о том, что до заключения соглашения с Гахой, при довольно странных обстоятельствах, предположительно угрожали бомбардировкой Праги, или Рёдер знал, что-то об этом?

Шульце-Монтинг: Мне не кажется, что Рёдер, что-то об этом знал. Я впервые слышу об этом сейчас.

Симерс: Теперь я перехожу к документу L-79. Это речь произнесенная Гитлером 23 мая 1939, это так называемая «малая папка Шмундта».

Господин председатель, это экземпляр USA-27 и находится в документальной книге номер 10, страница 74, британской делегации. Я предъявляю документ свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Данная речь произнесенная Гитлером 23 мая 1939 была записана исполняющим обязанности адъютанта, подполковником Шмундтом. Насколько вам известно, Рёдер в тот же день подробно обсуждал с вами речь. Тогда вы являлись начальником штаба в период 6 месяцев. По вашей дальнейшей деятельности вы знакомы с типом протоколирования который привычен для военных выступлений?

Шульце-Монтинг: Эту запись на самом деле нельзя считать правдивым отчётом. Я понял из этой записи…

Председатель: Доктор Симерс, во-первых, ваш вопрос очень сильно наводящий. Вы не задали ему вопрос. Вы вложили в его уста то, что случилось. Это совершенно неправильно. Вам следовало спросить его, если вы хотели подтвердить его беседу с Рёдером, была ли у него беседа с Рёдером. Вы сказали ему, что у него была беседа с Рёдером. Цель допроса задавать вопросы, и затем он может сказать нам была ли у него беседа с Рёдером. Он не может сказать нам правдивый это отчёт или правдивая форма отчёта, когда он сам не присутствовал на встрече.

Симерс: Я желаю поблагодарить высокий трибунал и постараюсь задавать вопросы подобающе. Свидетель…

Председатель: Не только это, но трибунал не может слушать отчёт данного свидетеля, или его мнение о том правдивый это отчёт о встрече на которой он не присутствовал.

Симерс: Господин председатель, свидетель как начальник штаба, всегда видел точные стенограммы важных встреч. Ему их доставляли в соответствии со списком рассылки. Таким образом, так как данный документ имеет решающий характер, я хочу установить, получил ли Шульце-Монтинг как начальник штаба стенограмму или же он просто узнал о содержании из незамедлительного сообщения адмирала Рёдера. В этом смысл моего вопроса.

Председатель: Прошу прощения, вы имеете в виду, что хотите спросить его о том видел ли он этот документ. Да, вы разумеется можете спросить его об этом.

Спросите его, видел ли он документ.

Симерс: Ваша честь, прошу прощения, но мне кажется ответ свидетеля потерялся в переводе и если я прав…

Председатель: Забудьте про его ответ, вопрос в том, что за вопрос вы хотите задать ему, и он может ответить видел ли он, когда-нибудь документ.

Симерс: Да, я задам этот вопрос.

Адмирал, вам удалось увидеть документ в то время?

Шульце-Монтинг: Нет, я увидел его впервые здесь, в Нюрнберге.

Симерс: Откуда вы услышали содержание речи от 23 мая?

Шульце-Монтинг: Рёдер принципиально полностью меня информировал, после каждой речи или совещания, в конфиденциальном или ином порядке. Сразу после той речи, Рёдер сказал о своих впечатлениях которые противоречат так называемой стенограмме. Рёдер не имел такого, можно сказать, преувеличенно воинственного впечатления которое видно в документе. Но, с другой стороны…

Председатель: Свидетель должен сказать нам, что Рёдер сказал ему. Это то, что я вам уже говорил. Он может сказать нам то, что ему сказал Рёдер.

Симерс: Адмирал, я хочу, чтобы вы сказали нам то, что вам сказал Рёдер.

Шульце-Монтинг: Рёдер сказал мне, что Гитлер в своей речи сказал о возможности будущего конфликта с Польшей и что это противоречило тем вещам которые он обсуждал с ним наедине. То, что сама по себе речь была противоречивой, было впечатлением которое он высказал мне тогда. Он также сказал мне, что после речи у него была беседа с Гитлером наедине во время которой он обратил внимание на противоречия в этой речи. В то же время он напомнил Гитлеру о том, что он ранее ему говорил, а именно, что он бы урегулировал польский вопрос при любых обстоятельствах мирным способом. Гитлер, как он сказал, дал ему гарантию и сказал ему, что политически дело было в его руках. Тогда Рёдер спросил его, или даже обратил его внимание на такое противоречие и спросил его о том, что он намеревался делать, Гитлер ответил, как сказал мне Рёдер, следующее:

> «У меня, Гитлера, есть три способа хранить тайны. Первый, когда двое говорят наедине, второе, когда я, Гитлер, держу их при себе, третий, для будущих проблем, которые как я думаю не имеют конца».

Рёдер обратил его внимание на невозможность военного конфликта. На это, согласно Рёдеру, Гитлер ответил:

> «Это как если бы мы с вами согласились погасить долг по поводу одной марки. Итак, я, Гитлер уже заплатил вам 99 пфеннигов. Вы думаете, что из-за этого 1 пфеннига вы поведете меня в суд?».
>
> И Рёдер сказал: «Нет».
>
> «Поймите» - сказал Гитлер Рёдеру – «я получу то, что хочу политическими средствами, и я не думаю, что из-за этого последнего политического вопроса» - решения польского коридора, как мы его

называли» - «нам нужно ожидать войны с Англией».
Симерс: И это была беседа между Гитлером и Рёдером после речи?
Шульце-Монтинг: Это произошло после речи.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Адмирал, в отношении стенограммы которую я вам показал, у меня есть заключительный вопрос: лично вы, как начальник штаба, тоже получали и читали все стенограммы которые направляли Рёдеру?
Шульце-Монтинг: Да, как правило, я видел все стенограммы и доклады перед тем как передать их Рёдеру.
Симерс: Адмирал Рёдер считал – извините, я хочу задать вопрос по-другому.
В чём заключалась точка зрения Рёдера касательно флота и политики?
Шульце-Монтинг: Рёдер считал, что мы, флот, не имели никакого отношения к политике. Он следовал такому отношению как приказу и поручению старого рейхспрезидента фон Гинденбурга, который, назначая Рёдера главой флота возложил на него эту обязанность.
Симерс: Теперь я перехожу к Норвегии. В чём заключались причины побудившие Рёдера в сентябре и октябре 1939 рассматривать возможную оккупацию Норвегии?
Шульце-Монтинг: Причины заключались в докладах которые приходили от разных источников о предполагаемых намерениях оккупации Норвегии со стороны союзников. Эти доклады шли от следующих источников: первый, адмирал Канарис, который был начальниковм нашей разведывательной службы. Он докладывал Рёдеру в моём присутствии, раз в неделю информацию которая у него имелась. Во-вторых, докладов которые приходили от военно-морского атташе в Осло, корветтен-капитана Шрайбера, которые отмечали, что нарастали слухи о том, что союзники намеревались втянуть Скандинавию в войну для того, чтобы по возможности помешать экспорту руды из Швеции в Германию. Мы не считали эти доклады совсем уж невозможными, потому что, как доказывают документальные доказательства прошедшей мировой войны, Черчилль всерьез рассматривал оккупацию Норвегии.
Симерс: Имелись ещё источники для подобных докладов?
Шульце-Монтинг: Адмирал Карльс, главнокомандующий Северной группы получал похожие доклады которые он передавал устно и в письменном виде.
Симерс: Вы помните какие-нибудь детали из этих докладов которые вы бы могли кратко нам привести?
Шульце-Монтинг: Да. Были доклады касательно присутствия британских авиаэкипажей, притворявшихся гражданскими. Были доклады о союзных офицерах осматривающих норвежские мосты, виадуки и тоннели на пути к шведской границе,

что принималось за указание на то, что планировалась перевозка большой материальной части и снаряжения. И не последнее, были доклады о тайной мобилизации шведских войск из-за предполагаемой угрозы рудным районам.

Симерс: Какая опасность возникала для Германии в связи с этим?

Шульце-Монтинг: Если бы Норвегия на самом деле была оккупирована, ведение войны в Северном море стало бы почти невозможным и было бы очень трудным в Балтийском море. Импорт руды весьма вероятно был бы прекращён. Угроза с воздуха стала бы ужасной для северной Германии и восточных территорий. В долгосрочной переспективе Северное море и Балтика были бы полностью заперты, что в конце концов привело бы к полному проигрышу войны.

Симерс: Что делал адмирал Рёдер с учётом этих соображений?

Шульце-Монтинг: Он докладывал Гитлеру о своих сомнениях и обращал его внимание на угрозы.

Симерс: Когда был сделан доклад?

Шульце-Монтинг: Если я правильно помню, осенью 1939.

Председатель: Доктор Симерс, до отложения, говорите очень медленно, ввиду того, что питание электрической записи прервалось и то, что происходит в суде невозможно записать и таким образом мы полагаемся только на стенографическую запись которую нельзя сверить с электрической записью. Вы понимаете? Таким образом я хочу, чтобы вы говорили медленнее чем обычно.

Симерс: Когда было совещание между Гитлером и Рёдером на котором Рёдер впервые отмечал эти угрозы?

Шульце-Монтинг: В октябре 1939.

Симерс: Согласно журналу боевых действий это совещание состоялось, что вы конечно не вспомните навскидку, 10 октября. В любом случае, вы наверное имеете в виду это совещание.

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Тогда Гитлер, как результат этого совещания, принял окончательное решение?

Шульце-Монтинг: Нет, никоим образом.

Симерс: Дискуссии об этой теме затем постепенно продолжались между Гитлером и Рёдером?

Шульце-Монтинг: Нет. Никаких дальнейших дискуссий в таких чертах не было, вероятно до конца года. Только, когда указанные мной доклады получали в нарастающем количестве тему снова затронули.

Симерс: Вам известно, что в декабре 1939 Квислинг приехал в Берлин и также беседовал с Рёдером?

Шульце-Монтинг: Да, это мне известно, и я принял участие в этой встрече.

Симерс: Что Квислинг сказал Рёдеру?

Шульце-Монтинг: Квислинг пришёл по рекомендации Розенберга и сказал, что он

имел важные новости военного и политического характера. Он подтвердил, более-менее, вещи которые мы уже знали.

Симерс: На этом совещании обсуждались только военные угрозы?

Шульце-Монтинг: Обсуждались только военные вещи, совещание было очень коротким.

Симерс: Не обсуждались никакие политические вопросы?

Шульце-Монтинг: Нет, вообще нет.

Симерс: Вам известно, когда Рёдер впервые встретился с Квислингом?

Шульце-Монтинг: В связи с этим визитом.

Симерс: Рёдер тогда имел какие-то близкие связи с Розенбергом?

Шульце-Монтинг: Нет, он знал его между прочим, видел его несколько раз.

Симерс: Розенберг ранее информировал Рёдера об отношениях между Розенбергом и Квислингом?

Шульце-Монтинг: Нет, по моим сведениям, нет.

Симерс: Что сделал Рёдер, когда Квислинг подтвердил доклады Канариса и из других источников?

Шульце-Монтинг: Так как вещи о которых мы подозревали подтверждались из Норвегии, Рёдер считал это настолько серьёзным, что он сразу же пошёл к Гитлеру.

Симерс: Вам также известно, что он предложил Гитлеру?

Шульце-Монтинг: Гитлер захотел лично поговорить с Квислингом.

Симерс: И это произошло?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Окончательное решение касательно Норвегии было принято в декабре 1939?

Шульце-Монтинг: Нет, Гитлер распорядился о том, чтобы была проведена теоретическая подготовка контрмер по германской высадке в Норвегии. Приказ, окончательный приказ, насколько мне известно не был отдан вплоть до марта.

Симерс: Высадка в Норвегии - предприятие, которое вы и Рёдер считали крайне рискованным или оно считалось абсолютно безопасным?

Шульце-Монтинг: Нет, Рёдер и господа из штаба руководства войной на море, а также фронтовые командиры считали это предприятие очень рискованным. Я помню речь Черчилля в парламенте, когда он сказал, после вопроса об этом, что он не верил в то, что германский флот смог бы пойти на такой риск перед лицом британского флота.

Симерс: Вам известно, когда, приблизительно Черчилль сделал такое заявление?

Шульце-Монтинг: Мне кажется это было между 7 и 9 апреля.

Симерс: 1940?

Шульце-Монтинг: Да, 1940.

Симерс: В чём заключалась ваша оценка рисков потерь штаба руководства войной на море?

Шульце-Монтинг: Рёдер сказал Гитлеру, что ему придётся пойти на возможно полную потерю флота, и что если операции пройдут успешно ему следует быть готовым к потере около 30 процентов использованных сил.

Симерс: И сколько потеряли?

Шульце-Монтинг: Около 30 процентов.

Симерс: В виду риска утраты всего флота, Рёдер выступал за эту операцию?

Шульце-Монтинг: Нет. Он считал нейтральное отношение со стороны Норвегии более лучшим чем идти на такой риск.

Симерс: Обвинение утверждало, что Рёдер и штаб руководства войной на море рекомендовал оккупацию Норвегии из желания славы и престижа. Что вы на это скажете?

Шульце-Монтинг: Желание славы не в характере Рёдера. Планы для операций которые ложились к нему на стол содержат почерк решимости, но и тщательного планирования. Нельзя разрабатывать планы вплоть до минут охватывающие расстояние от германских портов до Нарвика, что почти как от Нюрнберга до Мадрида, и нельзя использовать флот против превосходящего британского флота ради славы.

Рёдер сказал штабу руководства войной на море и фронтовым командирам, что он должен провести эту операцию вопреки всем правилам войны, потому что существовала необходимость сделать это.

Симерс: Когда на самом деле состоялась подготовка военной операции в штабе руководства войной на море?

Шульце-Монтинг: Февраль 1940.

Симерс: В течение периода с декабря 1939 по март 1940 вы продолжали получать доклады от источников которые упоминали?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Эти доклады содержали явные указания на место высадок или вы не видели деталей об этом.

Шульце-Монтинг: Да, они охватывали район между Нарвиком через Берген к Тронхейму, из Бергена в Осло.

Симерс: Рёдер – извините, я хочу задать вопрос по-другому: в чём заключалась основа которую предложил Рёдер Гитлеру для отношений между Германией и Норвегией?

Шульце-Монтинг: На это я бы хотел…

Симерс: Извините, я имею в виду период после проведения операции и оккупации Германией Норвегии.

Шульце-Монтинг: Рёдер говоря с Гитлером выступал за мирную политику. Он постоянно предлагал, чтобы был заключён мир с Норвегией. Он соглашался в этом с германским главнокомандующим в Норвегии, генерал-адмиралом Бёмом, в то время как Тербовен, который руководил политическими делами, в чём-то не соглашался.

Симерс: Серьёзные конфликты возникали в связи с этим между Тербовеном и его гражданской администрацией с одной стороны и Рёдером и Бёмом и его коллегой, корветтен-капитаном Шрайбером с другой?

Шульце-Монтинг: Были очень сильные разногласия и споры всё время доходившие до Гитлера. Тогда Гитлер сказал Рёдеру, что он не может заключить мир с Норвегией из-за Франции.

Симерс: Адмирал, вы сказали: «Из-за Франции». Из-за того, что нельзя было также заключить мир с Францией, и в чём заключалось отношение Рёдера в связи с этим?

Шульце-Монтинг: Рёдер выступал за то же самое в отношении Франции.

Симерс: И, что он говорил?

Шульце-Монтинг: Он пытался организовать совещание с адмиралом Дарланом для того, чтобы способствовать этим делам. Он отмечал Гитлеру, когда шло укрепление атлантического побережья, что было бы лучше и практичнее заключить с Францией мир нежели нести неоправданные жертвы ради её защиты. Гитлер ответил, что он полностью согласен, но из-за Италии он не мог заключить мирного договора с Францией.

Симерс: Беседы между Рёдером и Дарланом состоялись?

Шульце-Монтинг: Да, рядом с Парижем.

Симерс: Вы присутствовали?

Шульце-Монтинг: Нет, адмирал Шульце, командующий во Франции.

Симерс: Рёдер говорил вам, были ли благоприятными результаты беседы?

Шульце-Монтинг: Да, он сказал мне об очень благоприятных результатах.

Симерс: Рёдер сообщил об этом Гитлеру?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: И несмотря на это, Гитлер отказался?

Шульце-Монтинг: Принимая во внимание Муссолини.

Симерс: По вашим сведениям, партия или руководство СС при помощи Гейдриха пытались бороться с Рёдером?

Шульце-Монтинг: Гейдрих постоянно пытался дискредитировать Рёдера и флот перед Гитлером с помощью порочащих достоинство замечаний или шпионя, либо приводя шпионов в офицерский корпус или в казино или давая ложную интерепретацию или искажённые новости. От этих нападок Рёдер защищал себя умело и успешно.

Симерс: Почему партия была против Рёдера?

Шульце-Монтинг: Это вопрос на который очень трудно ответить. Мне кажется, в основном потому, что во-первых, были разногласия в религиозной области. Многие командиры перед выходом в море обращались к Рёдеру за помощью для того, чтобы во время их отсутствия религиозная свобода их родственников не ущемлялась.

Симерс: Когда возникли первые разногласия между Рёдером и Гитлером, и в течение какого периода Рёдер попросил своей отставки?

Председатель: Нам доложил об этом сам подсудимый, не так ли? Рёдер сказал нам, когда он попросил об этом. Не было перекрёстного допроса об этом.
Симерс: Тогда могу я вас спросить, по каким причинам Рёдер остался?
Шульце-Монтинг: Во-первых, потому что сам Гитлер попросил его остаться, и дал ему гарантии неприкосновенности флота. Кроме того, тогда были дискуссии об объединении военно-морского и торгового флота в одно министерство и направлении партийцев в это министерство. В этом мы видели не усиление, а ослабление нашей боевой силы. Кроме того, во время этого периода случился разрыв в преемниках, ввиду болезней или потерь.

И не последнее, Рёдер оставался на войне из чувства ответственности и патриотизма.
Симерс: Лично вы просили Рёдера остаться в должности?
Шульце-Монтинг: Да. Я часто и очень серьезно был вынужден просить Рёдера. Лично мне Гитлер однажды приказал явиться в рейхсканцелярию.
Симерс: Когда это было?
Шульце-Монтинг: В начале 1939, когда он объяснял мне свою позицию в долгой беседе и попросил меня убедить Рёдера остаться. Более того, он пользовался доверием во флоте. Старшие офицеры и сотрудники флота устно и письменно просили меня попытаться убедить Рёдера не уходить. С 1928 он руководил флотом твёрдой рукой вопреки всем политическим неурядицам.
Симерс: Адмирал, могу я снова вернуться к вашей беседе с Гитлером в начале 1939? Вы говорили с Гитлером наедине?
Шульце-Монтинг: Да, это была частная беседа приблизительно в полтора часа.
Симерс: Гитлер говорил вам, что-нибудь о своих политических планах?
Шульце-Монтинг: Нет, не о политических планах в том смысле, что мы называем политикой, но он пытался сгладить политические разногласия с Рёдером. Он сказал мне, что не нужно принимать близко к сердцу каждое его слово. Его посетители были правы, но только после того как они уходили, он доставал протоколы и свидетелей, все, что он хотел это обратиться к эмоциям своих слушателей и направить их в нужно русло, но не связывать себя словами. В будущем он обещал постараться дать флоту самостоятельность во всех технических вопросах.
Симерс: Вы сказали «не принимать близко к сердцу каждое слово». Адмирал, речи Гитлера, когда-либо точно записывали, то есть, стенографисты?
Шульце-Монтинг: Да, но насколько мне известно, только в последней части войны. Гитлер был против протоколирования его слов, потому как каждый кто слушал его, возвращался домой с его мнением. Лично он не хотел привязываться к тексту, он думал вслух и хотел донести это слушателям, но он не хотел, чтобы его отдельные слова воспринимали буквально. Я очень часто говорил об этом с Рёдером. Мы всегда знали чего ожидали от нас, но мы никогда не знали о том, чего думал или хотел сам Гитлер.

Симерс: Если Гитлер не хотел записи своих слов, как получилось, что он согласился во время войны, чтобы его выступления записывали стенографисты?

Шульце-Монтинг: Я вам уже говорил, что возникало слишком много недопониманий, и что Гитлер как и те кто ему докладывал считали, что каждый убеждал остальных в его мнении. Потом они начали вести стенограммы. Стенограммы которые вели были личными впечатлениями тех кому не давали указания их вести, но кто делал это по собственной инициативе.

Председатель: Про какое время говорит свидетель? Он сказал, что до этого стенограммы вёл по личной инициативе человек который их записывал. О каком времени он говорит?

Симерс: С какого времени, по вашим воспоминаниям, эти записи вели стенографисты?

Шульце-Монтинг: Кажется с 1942.

Симерс: С 1942?

Шульце-Монтинг: Может быть 1941. В любом случае во время войны.

Симерс: Но ваша беседа с Гитлером была в январе 1939?

Шульце-Монтинг: Да, январь 1939.

Симерс: Адмирал, как позднее выглядели стенографические записи? Вы их когда-либо видели?

Шульце-Монтинг: Мы постоянно просили фрагменты из стенограмм и пытались сравнить их с подготовленным текстом и они тоже содержали противоречия.

Симерс: Итак, я перехожу к периоду, когда Гитлер готовил войну против России, и я собираюсь показать вам директиву 21 от 18 декабря 1940, касательно плана Барбаросса.

Господин председатель, это документ номер PS-446, экземпляр USA-31, в документальной книге британского обвинения номер 10а, страница 247.

[*Обращаясь к свидетелю*] Обвинение утверждало, что Рёдер или штаб руководства войной на море принимали участие в разработке этой директивы, это правильно?

Шульце-Монтинг: Нет, неправильно. Флот не имел никакого отношения к разработке этой директивы.

Симерс: Рёдер имел какие-нибудь предыдущие сведения о плане Гитлера напасть на Россию, до того как получил эту директиву?

Шульце-Монтинг: Да, в результате устного сообщения Гитлера Рёдеру, приблизительно в середине августа 1940 – или октябре 1940.

Симерс: Октябрь 1940. Рёдер сообщил вам о его совещаниях с Гитлером касательно России и какое отношение он занял на этих совещаниях?

Шульце-Монтинг: Рёдер полностью меня информировал, потому что переспектива войны с Россией была слишком серьёзной, чтобы с лёгкостью это принять. Рёдер категорически возражал любому плану войны против России, и я хочу сказать, по

моральным причинам из-за того, что Рёдер считал, что пакт с Россией нельзя нарушать до тех пор пока другая сторона не даст для этого повода. И такого насколько знал Рёдер не было в октябре. Этот экономический договор – как мы его называли – по нашим сведениям был почти на 90 процентов за счёт флота. Мы дали России тяжелый крейсер, тяжёлую артиллерию для крейсеров, артиллерийские запасные части, двигатели для подводных лодок, запасные части подводных лодок и ценные оптические инструменты для использования на субмаринах. Кроме того, Рёдер считал, что нельзя было превращать в оперативный театр Балтийское море. Балтийское море было нашей областью учений, можно сказать. Всех наших кадет готовили там, вся наша подводная подготовка проходила в Балтийском море.

Мы уже частично оголили балтийское побережье от батарей и личного состава с целью защиты норвежского и французского побережья. У нас были очень небольшие запасы нефти, производство синтетической нефти пока не шло на полную. Флот должен был передать свои резервы промышленности и сельскому хозяйству. Соответственно, Рёдер сильно возражал ведению войны против России.

Симерс: Адмирал, обвинение считает, что Рёдер возражал назначению даты войны против России и делает вывод из журнала боевых действий в котором на самом деле записи ссылаются на дату. Это правильно?

Шульце-Монтинг: Нет, неправильно. После получения директивы 21, под названием Барбаросса, Рёдер снова обратился к Гитлеру в связи с войной против России, и также изложил свои мысли в меморандуме. Он пытался убедить Гитлера в следующем: Польша сокрушена, Франция оккупирована и по военным причинам, вторжение в Англию не обсуждалось. Он ясно сказал, что теперь настало время, когда дальнейшее ведение войны не может быть решающим на континенте, в Атлантике. Таким образом, он сказал ему, что он должен был сконцентрировать имевшиеся силы с единственной целью: ударить по стратегическим точкам империи, в особенности по линиям снабжения Британских островов для того, чтобы вынудить Англию пойти на переговоры, или, если возможно, заключить мир. Он предложил, как говорилось ранее, что нужно следовать политике мира с Норвегией, мира с Францией и тесного сотрудничества с русским флотом, что предусматривал экономический договор, и перепродавать оборудование для субмарин или субмарины. Он сказал, что решение или дата для решения уже не оставались для нас, потому что мы не имели необходимой морской мощи и что в случае длительной войны, угрозу участия Соединённых Штатов тоже нужно было учитывать, и что следовательно война не могла быть решена на европейском континенте и по крайней мере в обширных русских степях. Эту точку зрения он продолжал представлять Гитлеру до тех пор пока находился в должности.

Симерс: Адмирал, вы в начале сказали, что Рёдер протестовал, как вы выразились принципиально, по моральным причинам, то есть, по причинам международного права.

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Почему это не записали в журнал боевых действий в то время как другие указанные вами причины можно найти в журнале боевых действий? По крайней мере они на это сслыаются.

Шульце-Монтинг: На это я могу ответить, или по крайней мере дать вам объяснение. Рёдер, принципиально, никогда не критиковал политическое руководство в присутствии господ из штаба руководства войной на море или фронтовых командиров. Следовательно, он не говорил мне и остальным о частных беседах которые имел с Гитлером, за исключением того, когда это было нужно по военным причинам.

Симерс: Когда осуществлялась подготовка флота, на основании директивы 21 которая перед вами? Вы это помните?

Шульце-Монтинг: Мне кажется приблизительно тремя месяцами спустя.

Симерс: В любом случае, разумеется после директивы?

Шульце-Монтинг: Да, после директивы.

Симерс: Она осуществлялась на основании этой директивы?

Шульце-Монтинг: На основании этого, да.

Симерс: Эта директива уже была окончательным приказом или была просто предупредительной стратегической мерой?

Шульце-Монтинг: По моей оценке это не следует считать приказом, и это можно видеть из пунктов IV и V.

Симерс: Каким образом?

Шульце-Монтинг: Пункт V говорит, что Гитлер всё ещё ожидает докладов главнокомандующих. И Рёдер также докладывал Гитлеру после получения этой директивы.

Симерс: Пункт IV, если вы снова посмотрите, также соответствует вашему мнению?

Шульце-Монтинг: Да, абсолютно. Слова «предупредительные меры» подчеркнуты.

Симерс: Предупредитльные меры для чего?

Шульце-Монтинг: В случае войны с Россией.

Симерс: Что же, думаю, адмирал, поскольку вы упоминали это сами, вам следует прочитать фразу которая после слов «предупредительные меры».

Шульце-Монтинг: «В случае изменения Россией своего отношения, она…»

Председатель: Вы не можете спорить с собственным свидетелем о смысле слов. Он дал ответ.

Симерс: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Рёдер считал, в какое-нибудь время, что он смог разубедить Гитлера от неудачных планов против России?

Шульце-Монтинг: Да. После того как он сделал в то время доклад, он вернулся и сказал: «Мне кажется я отговорил его от его плана». И сначала у нас сложилось

такое впечатление, потому что в следующие месяцы не было никаких совещаний об этом, по моим сведениям, даже в генеральном штабе.

Симерс: Могу я очень кратко спросить вас про Грецию. Согласно документу С-152, который я вам покажу, Рёдер подготовил Гитлеру доклад от 18 марта 1941, в котором он просил о том, что следовало оккупировать всю Грецию. В чём заключались причины заставившие высшее командование, то есть, Рёдера и вас внести такое предложение?

Шульце-Монтинг: Когда Рёдер попросил разрешение, как сказано в журнале боевых действий, на оккупацию всей Греции, даже в случае мирного урегулирования, мы, по моим воспоминаниям, уже три месяца имели директиву которая касалась оккупации Греции, и когда…

Симерс: Извините. Это была директива номер 20? Я покажу её вам. Эту вы имеете в виду?

Шульце-Монтинг: Да, «Марита», она.

Симерс: Господин председатель, это документ номер PS-1541, экземпляр GB-13 в документальной книге британского обвинения 10а, страница 270. Это директива номер 20, план «Марита» от 13 декабря 1940.

[*Обращаясь к свидетелю*] Адмирал, что заставило Рёдера, кроме той точки зрения которую уже объяснил Гитлер, просить по поводу этого конкретного вопроса снова в марте месяце, то есть, 18 марта?

Шульце-Монтинг: Британская высадка уже состоялась на юге Греции несколько дней до этого.

Симерс: Эта высадка требовала оккупировать всю Грецию?

Шульце-Монтинг: Да, абсолютно по стратегическим причинам. Угрозу оккупации с моря или с воздуха, или формирование балканского фронта против Германии, или угрозу с воздуха нефтяным районам, нужно было устранить при любых обстоятельствах. Могу я только напомнить вам о Салоникской операции[276] в Первую мировую войну. Мне кажется это была похожая ситуация.

Симерс: Здесь снова обвинение говорит, что этим руководило желание завоеваний и славы. Это правильно?

Шульце-Монтинг: Я хочу ответить тем, что слава требует достижений, и я не знаю, что флот мог бы завоевать Средиземноморье. Мы не имели там ни одного человека и не единого корабля, но Рёдер, конечно, по стратегическим причинам указанным мной, должен был так рекомендовать Гитлеру.

Симерс: Нарушения нейтралитета со стороны Греции были известны вам до этого времени, до нашей оккупации Греции?

Шульце-Монтинг: Нас информировали о том, что в 1939, некие греческие политические и военные круги находились в тесной связи с союзным генеральным

[276] Имеется в виду высадка в октябре 1915 года англо-французского экспедиционного корпуса в Греции во время Первой мировой войны.

штабом. Мы знали о том, что греческие торговцы находились на британской службе. Таким образом, мы были вынуждены считать греческих торговцев которые плавали в запретной зоне в Англии вражескими судами. И, мне кажется, в начале 1940, или середине 1940, мы получили информацию о том, что союзники намеревались высадиться в Греции или создать балканский фронт против Германии.
Председатель: Трибунал отложен.

[*Объявлен до 14 часов*]

Вечернее заседание

Симерс: Адмирал, так как последний пункт в моих вопросах касался России, я хочу показать вам документ предъявленный советским обвинением, документ СССР-113. Данный документ сообщение штаба руководства войной на море от 29 сентября 1941 Северной группе, то есть, генерал-адмиралу Карльсу. В пункте II сказано, что в результате беседы между адмиралом Фрике и Гитлером: «Фюрер решился стереть город Санкт-Петербург с лица земли». Рёдера обвиняют в невозражении такому ужасающему намерению и обвиняют из-за того, что штаб руководства войной на море передал это сообщение. Адмирал, я спрашиваю, вы знали об этом сообщении в 1941?

[*Обращаясь к председателю*] Прошу прощения, господин председатель, я хочу заметить, что в данный момент, с сожалением скажу, у меня нет фотокопии документа. Я попытался получить её. Только, что я получил её, и я хочу предъявить сейчас фотокопию, нежели письменную копию.

Шульце-Монтинг: Кажется у меня подлинник?
Симерс: Нет, адмирал, это копия, точная копия фотокопии со всеми пунктами и названиями, подготовленная для моего собственного использования.

Вы знакомились с этим произведением в 1941?

Шульце-Монтинг: Я не знал его в 1941, мне сейчас его предъявили впервые.
Симерс: Вы считаете, адмирал Рёдер видел это сообщение до того как его отправили, при том, что вы сами его не видели?
Шульце-Монтинг: Это было бы чудом. Все сообщения которые я представлял адмиралу Рёдеру проходили через мои руки. Они всегда имели пометку, либо «главнокомандующий уведомлен надлежащим образом», и имели мои инициалы для

того, чтобы удостоверить эту пометку или «данный приказ или данная директива подлежат передаче главнокомандующему» и в данном случае также ставились мои инициалы. Данный приказ и эту копию которую вы сейчас мне показали я никогда раньше не видел, я не знаком с ней, и считаю невозможным, что адмирал Рёдер должен был видеть её, потому что 29 сентября 1941, я был в добром здравии и исполнял свои обязанности в Берлине.

Симерс: Адмирал, что вам известно по вопросу Ленинграда и флота?

Шульце-Монтинг: Я вспоминаю, что на так называемых ежедневных дискуссиях об общей обстановке один из офицеров штаба руководства войной на море докладывал о намерениях армии относительно будущего Ленинграда – не Петербурга. Потом Рёдер высказал желание, чтобы во время операций держали в уме, что Ленинград должен при любых обстоятельствах попасть в наши руки целым, так как нам требовались верфи и прилегающая территория для военно-морского строительства, и он желал, чтобы армия была срочно проинформирована о таком пожелании, потому что в виду возрастающей угрозы воздушных атак, мы намеревались перевести часть наших судостроительных средств на Восток.

Тогда, мы уже начали, если я правильно помню, перевозить сооружения из Эмдена на Восток и кроме того, хотели как того желал Рёдер, потом эвакуировать Вильгельмсхафен и перевезти сооружения как можно восточнее. Он прямо подчеркивал, что город тоже нужно оставить как можно нетронутым, потому что иначе там не было бы места для проживания рабочих. Это всё, что я могу правдиво сказать вам о Ленинграде.

Симерс: Вам известно, что это пожелание Рёдера было отклонено Гитлером из-за того, что он сказал, что это невозможно?

Шульце-Монтинг: Нет, я не помню, что это дело снова поднималось. Так как операции на Севере вскоре прекратились, мне кажется.

Симерс: Остальные высшие офицеры говорили вам, вообще что-нибудь об этом документе?

Шульце-Монтинг: Нет, я никогда ничего не слышал об этом документе, как и не видел причины с кем-то его обсуждать.

Симерс: Господин председатель, если трибунал согласен, я хочу предъявить документ который одобрен мне, экземпляр Рёдер-111, ввиду его связи с данной проблемой. Это находится в моей документальной книге 6, страница 435. Это письменные показания контр-адмирала Ганса Бютова[277] от 21 марта 1946. Я хочу прочитать этот документ поскольку он очень короткий.

Председатель: Какая это страница?

Симерс: Страница 435 в документальной книге 6, экземпляр номер Рёдер-111. Он гласит следующее:

---

[277] Ганс Бютов (1894 – 1974) – контр-адмирал германского флота. С апреля 1939 по май 1942 командир торпедных катеров в Финском заливе.

«В течение периода с 20 июня 1941 по 20 октября 1941, а именно, период на который ссылается документ СССР-13, (1), UK-45, я дислоцировался в Финляндии как военно-морской командир. Я находился в подчинении генерал-адмирала Карльса, главнокомандующего Северной группой. Я заявляю, что интересующий документ СССР-13 (1), UK-45, сообщение от 29 сентября 1941 направленное штабом руководства войной на море Северной группе и его содержание никогда не доводились до моего сведения, что без сомнения должно было быть если бы генерал-адмирал Карльс передал письмо подчинённым ему ведомствам. Насколько мне известно, никто в моём командовании не получал данное сообщение.

Лично я впервые узнал об этом приказе Гитлера в ноябре 1945 в связи с беседой с доктором Симерсом, защитником адмирала Рёдера.

Остальные офицеры, в особенности военно-морские офицеры, никогда не говорили со мной об этом приказе. Таким образом ясно, что остальные командиры тоже не имели никаких сведений об этом приказе».

Затем есть удостоверение и подпись старшего военно-морского судьи кому были даны эти письменные показания.

Адмирал, тогда я хочу перейти к новой теме, предполагаемой агрессивной войне которую Рёдер предположительно планировал против Америки. Рёдер, когда-либо пытался настроить Японию начать войну против Америки?

Шульце-Монтинг: Нет, никогда. Мы вообще никогда не имели никаких военных дискуссий с Японией до её вступления в войну. Напротив, он отговаривал Гитлера от войны с Америкой в виду английского военно-морского превосходства и её сотрудничества с Америкой.

Симерс: По каким причинам, вы, Рёдер и высшее командование в особенности предупреждали Гитлера?

Шульце-Монтинг: Прежде всего, по причинам указанным ранее, причинам общей стратегии которые мотивировали Рёдера в течение всего хода войны. Рёдер в основном рассматривал противника на море, а не на суше. Если бы к Англии добавилась крупнейшая морская держава мира, которая и так превосходила нас, тогда война приобрела бы для невыносимый масштаб.

Кроме того, из докладов нашего военно-морского атташе в Вашингтоне, вице-адмирала Виттхофта[278], Рёдер был очень хорошо информирован об огромном потенциале в распоряжении Соединённых Штатов.

Тоже самое можно сказать в связи с конверсией обычной экономики в

[278] Роберт Витхофт-Эмден (1886 – 1960) – немецкий вице-адмирал. В 1933-1941 военно-морской атташе посольства Германии в США.

военную экономику, такие огромные расходы на верфи и сооружения, как заявлял Витхофт за несколько месяцев до войны, позволяли строить суда на миллионы тонн каждый месяц. Эти цифры были очень красноречивым и в тоже время пугающим предостережением для нас, чтобы недооценивать военный потенциал Соединённых Штатов.

Симерс: Обвинение считает, что нужно сделать обратный вывод из того факта, что Рёдер 18 марта 1941, согласно журналу боевых действий, предложил о том, чтобы Япония должна была атаковать Сингапур.

Шульце-Монтинг: По моему мнению, это была абсолютно правильная мера и правильное предложение, которое согласуется с доводами Рёдера. Он был заинтересован в нанесении ударов по важным стратегическим центрам Англии. То, что он старался облегчить нашу ситуацию это понятно и самоочевидно. Но, он никогда не предлагал, чтобы Япония должна была выступить войной против Америки, а скорее против Англии.

Симерс: Были, какие-нибудь дискуссии об этих стратегических вопросах в то время, между вами и Рёдером с одной стороны и японскими военными властями с другой?

Шульце-Монтинг: Нет, я уже сказал, что до вступления Японии в войну никогда не было никаких военных дискуссий с Японией. Японское отношение было очень сдержанным.

Симерс: Рёдер, когда-либо обсуждал тот факт, что Япония должна атаковать Пирл-Харбор?

Шульце-Монтинг: Нет. Мы услышали об этом впервые по радио.

Симерс: Адмирал, во время вашей деятельности в высшем командовании флота или во время вашей деятельности как командующего в Тронхейме, вы имели какие-нибудь сведения об обращении с союзными пленными со стороны германского флота?

Шульце-Монтинг: Я могу ответить, что я не знаю ни одного случая в котором с союзными военнопленными, до тех пор пока они находились под контролем флота, обращались иначе чем порядочно и по-рыцарски. Я могу сослаться на показания английского командира мини-подлодки, которая атаковала «Tirpitz» в Альтафъорде, который после возвращения из плена в Англию, дал интервью прессе в связи с награжением Крестом Виктории. В этом интервью он упоминал особое рыцарство и корректное обращение которое он получил от командира «Tirpitz».

По собственному командованию в Норвегии я могу сказать о случае, когда с членами норвежского движения сопротивления обращались также по-рыцарски и корректно. Мне пришлось изучать эти случаи в присутствии британских властей и корректность обращения стала очевидной.

Симерс: Когда вам пришлось изучать это по приказу британского военного правительства?

Шульце-Монтинг: После капитуляции.

Симерс: Я прошу прощения, не военного правительства, а британского флота.

Шульце-Монтинг: Британского флота в Тронхейме, в то время пока я был командующим.

Симерс: И случаи которые там изучали, сначала вы, а затем компетентый британский адмирал, не оспаривались?

Шульце-Монтинг: Не оспаривались. Военно-морской офицер передал их мне на хранение, и я должен был представить выводы следственных судов в письменном виде.

Симерс: И результат…

Шульце-Монтинг: Результат был хорошим, подобающим и не вызвал никаких протестов.

Симерс: И результат был представлен компетентному британскому офицеру?

Шульце-Монтинг: Да, это было именно по его приказу, чтобы я сделал это.

Симерс: Адмирал, здесь подробно рассматривали случай «Athenia» и он известен трибуналу. Таким образом, для того, чтобы сэкономить время, я хочу мимоходом затронуть этот случай. Я хочу, чтобы вы сказали мне: высшее командование знало, вы и Рёдер знали в начале сентября 1939 о том, что «Athenia» была потоплена германской подводной лодкой?

Шульце-Монтинг: Нет. Командир подводных лодок сообщил 3-го, что «Athenia» не могла быть потоплена германской подводной лодкой, поскольку, если я правильно помню, ближайшая лодка находилась приблизительно в 70 морских милях.

Симерс: Когда вы узнали о том, что германская подводная лодка потопила «Athenia»?

Шульце-Монтинг: Мне кажется 2 или 3 недели спустя, после возвращения этой подводной лодки.

Симерс: Господин председатель, я бы хотел сослаться на документ, согласно которому датой было 27 сентября.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам известно это заявление государственного секретаря фон Вайцзеккера 3, 4 или 5 сентября о том, что это не была германская подводная лодка? Когда было установлено, что это на самом деле германская подводная лодка, что сделал Рёдер?

Шульце-Монтинг: Предположение о том, что это не германская подводная лодка было поначалу оправданным и государственный секретарь фон Вайцзеккер таким образом действовал добросовестно, как и мы. После того как эта заслуживающая сожаления ошибка стала известной, Рёдер сообщил о данном факте Гитлеру. Гитлер затем отдал приказ, что он не хочет, чтобы заявление министерства иностранных дел опровергали. Он приказал, чтобы участники, то есть, те кто знал, должны были дать клятву хранить молчание, мне кажется, до конца войны.

Симерс: Вы давали клятву о молчании?

Шульце-Монтинг: Лично ни я, ни адмирал Рёдер не давали никакой клятвы,. В высшем командовании мы были единственными, как мне кажется, за исключением адмирала Фрике кто имел сведения об этом, мы наверное должны были брать присягу.
Симерс: По приказу Гитлера вы были обязаны взять присягу от остальных кто знал об этом?
Шульце-Монтинг: Да. Я считаю, что это был экипаж подводной лодки, постольку поскольку он знал об этой ошибке.
Симерс: Обвинение вменяет адмиралу Рёдеру не сообщение барону фон Вайцзеккеру того, что на самом деле это была германская подводная лодка и не сообщение американскому военно-морскому атташе: «Извините, это в конце концов была германская подводная лодка».
Шульце-Монтинг: Такие мысли приходили и нам, но мы думали о том, что нужно было избежать всяческих противоречий которые могли возникнуть и привести к чёрному юмору в Америке. Раздувание данного дела сильно бы воздействовало на общественные чувства. Например, я помню, случай с «Lusitania» во время Первой мировой войны. Развивать это дело снова спустя несколько недель и возбуждать общественное мнение и затем вынуждать вступить в войну имело бы мало смысла.
Симерс: И в этом заключался ход мыслей который заставил Гитлера издать это распоряжение?
Шульце-Монтинг: Такой ход мыслей мы тоже разделяли.
Симерс: Вы сказали, что это не нужно было раздувать, но к сожалению, как вам известно, это дело снова раздули. 23 октября 1939 в «Volkischer Beobachter» вышла очень неудачная статья под названием «Черчилль потопил «Athenia». Вы помните эту статью?
Шульце-Монтинг: Да, конечно. Эта статья была опубликована без уведомления Рёдера и без уведомления или участия флота. Даже сегодня я не знаю кто был автором этой статьи. Она возникла в министерстве пропаганды, и Рёдер и остальные в высшем командовании флота были возмущены, не столько тем, что эту тему снова раздули, а скорее из-за тона статьи, так как умышленно или нет – мы не знали как – это было неправильное изложение.

Мы были обязаны хранить молчание. В какой мере министерство пропаганды проинформировал об этом Гитлер, мы не знали. Мы также не имели никакой возможности поговорить об этом с министерством пропаганды и были совершенно удивлены, когда статья вышла несколько недель спустя в «Volkischer Beobachter». Таким образом мы были глубоко возмущены, особенно Рёдер, потому что это фундаментально противоречило его принципам, чтобы ведущего государственного деятеля атаковали ехидным образом, и кроме того, факты полностью искажались. И ещё – это тоже может быть важно – это включало оппонента которого Рёдер никак не хотел унижать перед немецкой публикой, так

как Рёдер слишком серьёзно воспринимал его, и это был, как мне кажется, никто иной как Черчилль.

Симерс: И последний вопрос: министерство пропаганды звонило вам или Рёдеру до выхода этой статьи?

Шульце-Монтинг: Нет, нет.

Симерс: Тогда я хочу перейти к последнему вопросу своего допроса. Это последний пункт.

Председатель: Доктор Симерс, это уже шестой последний вопрос который вы задаёте.

Симерс: Прошу прощения, господин председатель, должно быть неправильно перевели. Предыдущий вопрос был последним вопросом по проблеме «Athenia». Итак, это на самом деле последний вопрос который я желаю задать.

[*Обращаясь к свидетелю*] Обвинение вменяет адмиралу Рёдеру не поддержку генерал-полковника барона фон Фрича после изгнания последнего и оправдания судом, и вменяет Рёдеру не использование своего влияния на восстановление Фрича в должности и восстановления его достоинства. Это правильно?

Шульце-Монтинг: Нет, неправильно. Рёдер передал мне все свои материалы по судебному разбирательству против генерал-полковника фон Фрича где-то в начале 1939 для хранения в сейфе. Тогда он сказал мне о том какое впечатление на него произвело разбирательство и то, что он сделал генерал-полковнику фон Фричу предложение о полной реабилитации, вплоть до восстановления в предыдущей должности. Фон Фрич поблагодарил его за это и лично сказал ему, что он бы никогда не принял свою бывшую должность, что он бы не смог рассматривать возвращение после того, что случилось, в чём заключалась причина, что он попросил Рёдера не предпринимать в связи с этим никаких усилий.

Кроме того, Фрич и Рёдер были в хороших отношениях – не сказать, что они были друзьями, но я часто видел Фрича в доме Рёдера после его отставки.

Симерс: Благодарю, адмирал.

Господин председатель, больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать какие-нибудь вопросы?

Кранцбюлер: Адмирал Шульце-Монтинг, вы говорили о корректном обращении с пленными в связи с подводной атакой на «Tirpitz». Вы имеете в виду атаку в ноябре 1943 в Альтафъорде?

Шульце-Монтинг: Да, эту.

Кранцбюлер: Это была двухместная подводная лодка?

Шульце-Монтинг: Была это двухместная или трёхместная подводная лодка, я не знаю, но это была мини-подлодка. Несколько подводных лодок атаковали одновременно. Какие-то из них потопили, и командира который успешно, как мне

кажется, поставил свою магнитную мину взяли в плен.

Кранцбюлер: И с этим командиром обращались в соответствии с Женевской конвенцией[279]?

Шульце-Монтинг: Абсолютно.

Кранцбюлер: Спасибо.

Председатель: Обвинение желает перекрёстно допросить?

Джонс: Свидетель, сперва я хочу спросить вас об эпизоде «Athenia». Я понимаю, вы согласны с тем, что статья в «Volkischer Beobachter» была полностью бесчестной, лживой и недостоверной.

Шульце-Монтинг: Я ничего не услышал по-немецки.

Джонс: Я повторю свой вопрос. В отношении «Athenia» - теперь слышите меня?

Шульце-Монтинг: Да.

Джонс: В отношении статьи в «Volkischer Beobachter» об «Athenia», вы согласны с тем, что это совершенно бесчестная публикация?

Шульце-Монтинг: Да, я согласен с тем, что это была бесчестная публикация, неправдивая и недостойная.

Джонс: Вероятно если вы наденете наушники – у меня есть к вам ряд вопросов, боюсь – это будет более удобно для той работы, что нам нужно сделать.

И вы говорите, что подсудимый Рёдер думал, что это было бесчестным?

Шульце-Монтинг: Да, он тоже так думал.

Джонс: Что он предпринял, чтобы выразить своё недовольство?

Шульце-Монтинг: В данном случае он оценивал государственные интересы выше чем газетную статью. Государственные интересы требовали того, чтобы во всяком случае нужно было избегать любых осложнений с Соединёнными Штатами.

Джонс: Кажется это характерно со стороны Рёдера, что в течение истории с 1928 до 1943, что за это время он ставил то, что было интересами нацистского государства выше моральных устоев, чести и публичного достоинства, это не так?

Шульце-Монтинг: Мне так не кажется. Мне кажется, что здесь он действовал так как действовал бы хороший патриот.

Джонс: Поймите, в отношении вторжения в Россию например, вы сказали трибуналу, что и по моральным и по стратегическим мотивам, Рёдер выступал против вторжения в Россию. Почему он не ушёл в отставку?

Шульце-Монтинг: В ответе я должен упомянуть первый ответ Гитлера на заявления Рёдера против войны с Россией. Этот ответ заключался в том, что он не видел никакой возможности избежать конфликта по следующим причинам:

Во-первых, из-за личного впечатления которое произвел на него, Гитлера, визит Молотова, который состоялся тем временем. Под «тем временем» я имею в

---

[279] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

виду между директивой и исполнением директивы.

Во-вторых, тем фактом, что русские предположительно не только затягивали экономические переговоры, но как выражался Гитлер вели их методом вымогательства.

В-третьих, так как он был информирован германским генеральным штабом. Русское развёртывание войск принимало такие угрожающие пропорции, что он, Гитлер, не мог ждать первого удара от противной стороны из-за воздушной угрозы Бранденбургу и столице и силезской промышленности. Тогда, конечно Рёдеру пришлось понять, что он не мог опровергнуть эти аргументы или доказать обратное.

Джонс: Вы не предлагаете, что вы думали, что война между Германией и Россией была оборонительной в том, что касалось Германии, не так ли?

Шульце-Монтинг: Нет, мы считали, что развёртывание войск на обеих сторонах дошло до такой точки, что вот-вот грянет буря, и что с военной точки зрения любой кто видит конфликт неизбежным, естественно хочет иметь преимущества которые возникают из первого удара.

Джонс: Вторжение в Россию было жестокой агрессией со стороны нацистской Германии, вы это сейчас признаёте, не так ли?

Шульце-Монтинг: Да, я это признаю.

Джонс: Я хочу, чтобы вы подумали, если хотите, о документе L-79, который в британской документальной книге 10, страница 74. Это протокол совещания Гитлера 23 мая 1939, который вы обсуждали в своих показаниях в основном допросе этим утром. Я понял, что вы читали этот протокол, свидетель?

Шульце-Монтинг: Могу я взглянуть? Я раньше никогда не видел этот протокол. Если меня должны спросить об этом, я бы хотел целиком его прочитать.

Джонс: Что же, свидетель, вам не нужно затруднять себя этим. Вы давали этим утром показания о дискуссии с Рёдером об этом совещании. Рёдер сказал вам, что Гитлер говорил 23 мая 1939, например:

> «Не стоит вопрос пощады Польше и нам осталось решение напасть на Польшу при первой возможности. Мы не можем ожидать повторения чехословацкого дела. Будет война».
>
> Далее, страница 76 сообщения:
>
> «Фюрер сомневается в возможности мирного урегулирования с Англией. Мы должны быть готовы к конфликту… Таким образом Англия наш враг, и конфликт с Англией будет войной не на жизнь, а на смерть».
>
> И дальше предпоследний абзац:
>
> «Голландские и бельгийские воздушные базы нужно оккупировать вооруженными силами. Заявления о нейтралитете следует игнорировать».

Итак, я предлагаю вам, что эти заявления Гитлера представляли политику рассматриваемую Гитлером, и что политика фактически осуществлялась на поле боя. Это не так?

Шульце-Монтинг: Прежде всего, я должен поправить ошибку. Я думал, что вы показали мне запись о России, а не о Польше. Я видел это в разном виде, и подумал есть ещё один протокол. Если это тот же самый протокол который я упоминал этим утром, тогда я должен снова заявить, что Рёдер не соглашался с воинственной формулировкой этого протокола как записано Шмундтом.

Джонс: Один момент, свидетель, если позволите. Я прочитал определённые выдержки из этого документа, который как я понимаю вам перевели. Вы согласны со мной в том, что эти фрагменты представляют рассматриваемую в то время Гитлером политику и что фактически эта политика проводилась на поле боя?

Если вы наденете наушники – я знаю это сложно. Просто отодвиньте их назад если хотите говорить. Итак, посмотрим можете ли вы ответить на мой вопрос.

Шульце-Монтинг: Я бы хотел заметить в связи с этим, что Гитлер в своих речах преследовал определённую цель. В подготовке к войне он видел средство политического давления, и фразой «война нервов» (которую используют не только в Германии, а повсеместно на самых отдалённых европейских границах), он пытался найти средство предотвратить войну с помощью средств давления. Данный документ сам по себе содержит противоречия которые приводят к выводу, что он сам не всерьёз думал о том, что начнётся война. Я могу доказать это сказав, например, что он говорит о том, чтобы генеральный штаб или генеральные штабы не занимались этим вопросом, но в конце он говорит, что все рода Вермахта должны совместно изучать проблему. Он говорит, что война с Польшей ни в коем случае не должна привести к войне с Англией, политики должны понимать это. Но в следующем абзаце написано: «Но если война на самом деле начнётся, я решительными ударами приду к быстрому решению». В следующем абзаце он снова говорит: «Но мне нужно 10-15 лет для подготовки», и в заключительном абзаце сказано: «Строительная программа флота не будет изменена».

Таким образом, если Гитлер в то время на самом деле был серьёзным в своей речи, то есть в том, что вскоре начнётся вооруженный конфликт с Польшей, тогда он бы не воскликнул, что у нас будет время до 1943 и, во-вторых, что не должно быть никаких изменений по части флота. Скорее он бы сказал Рёдеру, хотя бы в частном порядке: «Спешно готовьте подводную программу, потому что я не знаю как пойдет дело».

Джонс: Но фактически, в это же время до последней детали разрабатывался Fall Weiss, не так ли? То есть операция против Польши.

Шульце-Монтинг: Операция была подготовлена так, что, когда её отменили в последнюю минуту, мы подумали, что не сможем связаться с нашими силами в море по радио. Мы считали это крайней политикой оказания давления в форме войны

нервов. Поскольку в последнюю минуту всё было отменено мы верили в то, что без сомнения, это всего лишь средства давления, а не вступление в войну. Как только мы услышали пушки мы убедились в том, что войну уже не предотвратить. Лично мне кажется…

Джонс: Если бы вы сокращали свои ответы как можно сильнее, было бы гораздо удобнее.

Я хочу перейти от Польши к Норвегии. Первое совещание подсудимого Рёдера в связи с Норвегией состоялось 10 октября, как вы нам сказали. Я хочу, чтобы вы послушали протокол этого совещания, который находится в ежедневнике адмирала Ассмана. Это датировано 10 октября 1939:

«Главнокомандующий флотом называет завоевание бельгийского побережья не имеющим преимущества для подводной войны; ссылается на норвежские базы».

Я предлагаю вам, что интересы германского флота в Норвегии проявили себя в то время с точки зрения наличия баз субмарин, это не так?

Шульце-Монтинг: Могу я сначала взглянуть на документ? Он мне неизвестен.

Джонс: Вы увидите подлинник дневника, если хотите убедиться в том, что я правильно читаю.

[*Документ передали свидетелю*]

Шульце-Монтинг: В данной фразе, я не вижу никаких воинственных намерений. Прямо сказано, что он придаёт значение получению норвежских баз.

Джонс: Это то, что я вам говорю. И вам известно, что 3 октября подсудимый Рёдер направил анкету о возможности расширения оперативной базы на север и о базах которые было бы желательно получить для германских сил?

Милорд, я ссылаюсь на документ С-122. Документ С-122 в документальной книге 10а на странице 91.

Если вы посмотрите на этот документ, свидетель, вы увидите во второй фразе:

«Необходимо установить, возможно ли получить базы в Норвегии при помощи объединённого давления России и Германии с целью фундаментального улучшения нашего стратегического и оперативного положения. Подлежат изучению следующие вопросы…».

И затем идут эти вопросы:

«Какие места в Норвегии можно считать базами?

Можно получить базы при помощи военной силы вопреки воле Норвегии, если этого невозможно добиться без борьбы?

Каковы возможности обороны после оккупации?

Имеется необходимость разворачивать гавани полностью как базы или

они могут иметь решающие преимущества лишь как центры снабжения? (Командир подводных лодок считает такие гавани крайне полезными как базы снабжения и обеспечения для атлантических подводных лодок на временной стоянке)».

И наконец:

«Какие решающие преимущества имелись бы для ведения войны на море в приобретении базы в северной Дании, например Скагене?».

Итак я предлагаю вам, что эти документы ключевые для германского вторжения в Норвегию. Вы с этим не согласны?

Шульце-Монтинг: Нет, я не вижу никаких агрессивных намерений в этих чисто оперативных планах и соображениях в обдумывании того какие базы нужно принимать во внимание для ведения войны. Этим утром я сказал о том, что по моим лучшим сведениям, генерал-адмирал Карльс уже в сентябре направил Рёдеру письмо об этом в котором он выражал свою озабоченность и высказывал свои стратегические идеи и планы в случае союзной оккупации Норвегии.

Джонс: Источник информации которую подсудимый Рёдер получал, вы обсуждали этим утром, но одним источником который вы не привели был норвежский предатель Квислинг. Отношения между подсудимым Рёдером и ним были очень близкими, не так ли?

Шульце-Монтинг: Между Рёдером и Квислингом вообще не было никакого контакта до декабря 1939, тогда Рёдер встретил Квислинга впервые в жизни и никогда снова не видел.

Джонс: Но после декабря агент Квислинга Хагелин был очень частым посетителем подсудимого Рёдера, не так ли?

Шульце-Монтинг: Мне не кажется, что Хагелин, когда-либо приходил к Рёдеру до визита Квислинга, если не ошибаюсь. Думаю он впервые посетил Рёдера, когда сопровождал Квислинга.

Джонс: Да, но потом Рёдер находился в очень близком контакте с движением Квислинга, предательством Квислинга, не так ли?

Шульце-Монтинг: Нет. Рёдер вообще не имел никакого отношения к движению Квислинга.

Джонс: Вам известен человек, Эрих Гизе, Вальтер Георг Эрих Гизе, который был административным сотрудником адъютантства верховного главнокомандующего флотом в Берлине?

Шульце-Монтинг: Я не уловил имя.

Джонс: Гизе, Г-и-з-е. Он был – часть его обязанностей заключалась в том, чтобы принимать посетителей верховного главнокомандующего. Он был помощником адъютанта верховного главнокомандующего, и он был уволен со своего поста в апреле 1942. И несомненно вы вспомните человека.

Шульце-Монтинг: Будьте любезны снова назвать мне имя? Хотя мне его

произнесли, я не уловил. Это норвежец?

Джонс: Это германский гражданин, сотрудник верховного командования флота. Часть его обязанностей заключалась в том, чтобы принимать всех посетителей верховного главнокомандующего, принимать просьбы о беседах, и готовить список просителей для верховного главнокомандующего. Итак вы посмотрите на письменные показания этого человека, документ D-722, что будет экземпляром GB-479.

Председатель: Свидетель пока не ответил?

Джонс: Пока нет, милорд.

Шульце-Монтинг: Теперь у меня есть имя. Человек о котором вы говорите находился в приёмной адъютанта. Не этот человек решал кого пускать к адмиралу, а я. Я спрашивал просителей по какой причине они пришли. Господин Хагелин не посещал Рёдера до визита Квислинга, то есть, не до декабря 1939.

Джонс: Я это не предлагаю, а я предлагаю, что после декабря 1939 была очень тесная связь между Рёдером и движением Квислинга. Я прочитаю вам данный фрагмент из письменных показаний этого человека. Со страницы 3, милорд, английский текст:

> «Я могу заявить следующее о подготовке которая привела к акции против Дании и Норвегии: частые приглашения главнокомандующим господина Хагелина и ещё одного господина, чьё имя я сейчас не могу вспомнить, партийного сотрудника внешнеполитического управления партии, как правило их сразу же принимали. Я также получил указания о том, что если господин Хагелин явиться лично, я всегда должен сразу вести его к главнокомандующему. Вскоре я узнал из журнала и из бесед в моём кабинете, что он был конфиденциальным норвежским агентом. Господин из внешнеполитического управления который часто сопровождал его и чьё имя я сейчас не помню, тоже беседовал со мной и доверял мне, поэтому я узнал о дискуссиях Рёдера-Розенберга и подготовке к норвежской кампании. Согласно всему, что я услышал, я могу сказать, что идея этого предприятия исходила от Рёдера и получила полное одобрение Гитлера. Всё предприятие маскировалось под предлогом мероприятия против Голландии и Бельгии. Однажды сам Квислинг явился к главнокомандующему с Хагелином и был сразу же принят. Корветтен-капитан Шрайбер из военно-морского резерва, который позднее был военно-морским атташе в Осло и очень хорошо знал об условиях в Норвегии, тоже играл роль во всех этих переговорах. Он сотрудничал с партией Квислинга и своими агентами в Осло».

Шульце-Монтинг: Это неправда, что господина Хагелина принимал адмирал Рёдер. Господин Гизе не может иметь об этом никакой информации, потому что он

находился через два кабинета. Если бы он отметил, что его принимал я, это было бы в каком-то смысле правильно. Факт в том, что тогда, после визита Квислинга-Хагелина, я сказал о том, что если бы он снова проезжал Берлин и имел какую-нибудь военно-морскую политическую информацию в связи с этим, я бы хотел, чтобы он предоставил мне эту информацию.

Джонс: Вы говорите, что подсудимый Рёдер никогда не встречался с Хагелином?

Шульце-Монтинг: Он не встречался с ним до визита Квислинга в декабре. Потом он его больше не принимал.

Джонс: Но фактически он принял Хагелина и взял его к Гитлеру 14 декабря, не так ли?

Шульце-Монтинг: Его сопровождал Квислинг, это правильно. Но он не имел никакой особой беседы с Рёдером наедине.

Джонс: Вы сказали – вы сказали этим утром о совещании между Квислингом и Рёдером 12 декабря 1939 и предложили, что политику не обсуждали на этом совещании.

Шульце-Монтинг: Под словом «политика» я имею в виду политику в национал-социалистическом смысле, то есть, национал-социалистическую политику с норвежской стороны и с нашей стороны. Обсуждались только военно-морские политические вопросы.

Джонс: Но я не веду с вами дискуссию о политике. Я рассматриваю хорошо знакомое немецкое выражение о том, что политика это продолжение войны другими средствами. Но если вы посмотрите на документ С-64, вы увидите, что 12 декабря обсуждались политические проблемы. Вы увидите, что политические проблемы обсуждались 12 декабря. Вы видите этот доклад Рёдера Гитлеру. Это находится на странице 31 документальной книги 10а, в котором Рёдер пишёт во втором параграфе:

> «В результате русско-финского конфликта, антигерманский настрой в Норвегии силён как никогда. Английское влияние очень сильное, в особенности из-за Хамбро[280], президента Стортинга (еврея и друга Хор-Белишы[281]) который сейчас всемогущ в Норвегии. Квислинг убеждён в том, что существует договорённость между Англией и Норвегией о возможной оккупации Норвегии, в случае чего Швеция также выступит против Германии. Угроза оккупации Англией очень велика – возможна очень скоро. С 11 января 1940, Стортинг и соответственно норвежское правительство неконституционны

---

[280] Карл Йоаким Хамбро (1885—1964) — норвежский политик, десять раз избиравшийся депутатом. Представлял Консервативную партию Норвегии. Президент Стортинга (парламента) в течение двадцати лет, в 1940 году сыграл важную роль в организации сопротивления вторгнувшимся в страну нацистам, организовав эвакуацию из страны короля Хокона VII и правительства.

[281] Лесли Исаак Хор-Белиша (1893 — 1957) - британский государственный деятель, военный министр Великобритании в 1937-1940.

> поскольку Стортинг в нарушение конституции, продлил полномочия на год».

Политику очень много обсуждали на этом совещании, не так ли? Вы сказали о том, что подсудимый Рёдер стремился к миру с Норвегией. Это был мир с Норвегией под руководством предателя Квислинга?

Шульце-Монтинг: В ответ на ваш первый вопрос я бы хотел сказать, что в протоколе сказано:

> «Главнокомандующий флотом отмечает, что в связи с такими предложениями мы никогда не можем знать в какой степени заинтересованные лица хотять продвигать цели собственной партии, и в какой степени их интересуют германские интересы. Следовательно требуется осторожность».

Данная запись в документе который вы сейчас мне представили соответствует тому, что я пытаюсь сказать, то есть, что никакие партийные вопросы или вопросы зависящие от договорённости в идеологических чертах не должны были урегулировать между Рёдером и Квислингом. По этой причине я сказал о том, что Рёдер не обсуждал с ним политику, а просто фактические дела. То, что Квислинг в момент своего представления должен был упоминать определённые вещи в качестве своего рода преамбулы это самоочевидно. Но он отмечает фактор опаски и спрашивает: «Чего хочет этот человек? Он хочет работать с партией или на самом деле хочет остаться в стороне?».

Джонс: В любом случае, подсудимый Рёдер предпочёл доклады Квислинга докладам германского посла в Осло, которые совершенно отличались от докладов предателя Квислинга. Это так, не так ли?

Шульце-Монтинг: Мне кажется, что Рёдер никогда не видел докладов германского посла в Осло. Во всяком случае мне такие доклады неизвестны.

Джонс: Трибунал имеет документы по данному вопросу. Я его не развиваю. Далее я хочу спросить вас об отношениях с Соединёнными Штатами Америки. Когда германское адмиралтейство впервые узнало о намерении Японии атаковать Соединённые Штаты?

Шульце-Монтинг: Я могу говорить только за себя и Рёдера. Насколько мне известно, это не было известно до момента нападения на Пирл-Харбор.

Джонс: Но вы получили сообщение от вашего германского военно-морского атташе в Токио перед нападением на Пирл-Харбор, указывающее на то, что ожидалось нападение на Соединённые Штаты, не так ли?

Шульце-Монтинг: Пирл-Харбор? Нет.

Джонс: Но против сил Соединённых Штатов. Посмотрите на документ D-872, который будет экземпляром GB-480. Вы поймете, что это фрагменты из журнала боевых действий германского военно-морского атташе в Токио. Первая запись датирована 3 декабря 1941:

«18 часов. Военно-морской атташе расширил приглашение нескольким офицерам японского военно-морского министерства. Беседа перешла к тому, что переговоры в Вашингтоне следует считать полностью проваленными и что, совершенно очевидно, начало акций на юге со стороны японских вооружённых сил следовало ожидать в ближайшем будущем».

И затем 6 декабря 1941:

«Беседа с фрегаттен-капитаном Шиба».

Итог беседы доведен до Берлина в следующей телеграмме:

«Военно-морской атташе, 1251. Военная тайна:

1. На прошлой неделе Америка предложила Пакт о ненападении между Соединёнными Штатами, Англией, Россией и Японией. В виду Тройственного пакта[282] и его высоких требований, Япония отказала в данном предложении. Таким образом переговоры полностью провалились.

2. Вооруженные силы предвидели подобное развитие и согласились направить Курусу[283] лишь для того, чтобы создать у людей впечатление тем, что все средства были исчерпаны.

3. Вооруженные силы три недели назад решили, что война неизбежна, даже если Соединённые Штаты в последнюю минуту пойдут на существенные уступки. Предприняты соответствующие меры».

И затем – я не читаю весь документ, и в конце сказано:

«Состояние войны с Британией и Америкой к рождеству точно будет».

Предположив, что сигнал дошёл до вас до 8 декабря, вы ознакомились с планами вероломной японской атаки на Соединённые Штаты, не так ли?

Шульце-Монтинг: Я не совсем уловил это. Я уже сказал, что мы не имели никакого контакта с японскими экспертами или атташе в Берлине. Я утверждал, что мы впервые узнали об инциденте Пирл-Харбор по радио, и я не могу понять в чём разница от того, что военно-морской атташе в Токио 6 декабря сказал нам о своих предчувствиях, или же он изложил выводы о будущем конфликте из источников информации которые мы не могли контролировать. Это не имеет никакого отношения к уведомлению японцами Берлина о нападении на Америку.

Джонс: И вы говорите, что не имели никаких бесед в Берлине с японским атташе?

Шульце-Монтинг: По моим сведениям не было никаких официальных совещаний

---

[282] Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

[283] Сабуро Курусу (1886 – 1954) – японский дипломат. В 1939-1941 посол Японии в Германии. В ноябре 1941 специальный посланник на переговорах с США предшествовавших нападению на Пирл-Харбор.

между двумя адмиралтействами, то есть, официальных оперативных совещаний между штабом руководства войной на море и штабом японского адмиралтейства.

Председатель: Господин Элвин Джонс, перед тем как вы перейдете от этого документа, думаю вам следует прочитать параграф 5.

Джонс: Милорд, параграф 5, гласит:

> «5. Дополнение – военно-морской атташе:
> У нас не имеется никаких точных деталей о «часе икс» начала восточного наступления. Однако, все доказательства указывают на то, что это можно ожидать в течение трёх недель, одновременной атакой на Сиам, Филлипины и Борнео.
> 6. Посол не имеет никаких сведений о передаче телеграммы, но знаком с её содержанием».

Теперь я хочу…

Председатель: В связи с тем, что сказал свидетель, я не знаю, правильно ли я его понял, но то, что я записал это то, что он сказал, что германское адмиралтейство впервые узнало о намерении атаковать Пирл-Харбор, после Пирл-Харбора, не то, что о Пирл-Харборе узнали по радио. Это было первое указание которое они имели о нападении.

Джонс: Так, милорд.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, я предлагаю вам, что вы прекрасно знали о японском намерении атаковать Соединённые Штаты до инцидента с Пирл-Харбор.

Шульце-Монтинг: Я не знаю подчеркиваете ли вы Пирл-Харбор или тот факт, что за два дня до нападения на Пирл-Харбор мы получили телеграмму из Токио о том, что нужно рассчитывать на конфликт. Меня спросили знали ли мы о факте нападения на Пирл-Харбор, и на это я сказал: «Нет». Я сказал, что у нас не было никаких совещаний в Берлине между штабом руководства войной на море и штабом японского адмиралтейства. То, что вы мне представляете…

Джонс: Я просто хочу это рассмотреть, но я хочу прочитать вам то, что говорил об этом ваш главнокомандующий, потому что это не то, что говорите вы. На допросе адмирала Рёдера от 10 ноября 1945 (документ D-880, GB-483) его спросили:

> «Вопрос: Подобные вопросы разрешались людьми из министерства иностранных дел или же во взаимодействии с высшим командованием флота и ОКВ»?
> И ответом подсудимого Рёдера было:
> «Нет, переговоры вело министерство иностранных дел и со стороны японских дипломатов был этот делегат Осима[284], который был

[284] Хироси Осима (1886 — 1975) — барон, генерал Императорской Армии Японии, посол Японии в нацистской Германии во время Второй мировой войны. Осужден на Токийском процессе к пожизненному лишению свободы. Помилован в 1955.

офицером. Он вёл переговоры в министерстве иностранных дел как делегат, но помимо этого он был достаточным экспертом, чтобы изучать эту вещь с военной точки зрения. Военные власти задолго до этого вели переговоры с военными и военно-морскими атташе о потребностях и других вещах в которых нуждались японцы…Всё это обсуждали и прорабатывали с военными и военно-морскими атташе».

Это как раз версия отличная от той которую привели вы, свидетель, не так ли? Итак, есть ещё два вопроса которые я хочу рассмотреть.

Я не знаю будет ли удобным, милорд, короткий перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Джонс: С позволения трибунала, в отношении фрагмента допроса подсудимого Рёдера который я прочитал, я хотел внести ясность в то, что подсудимый тогда в целом занимался взаимодействием между германскими властями в Берлине и японскими представителями. Я не хочу, чтобы у суда сложилось впечатление, что это были прямые переговоры о вторжении в саму Америку. Я не хочу вводить суд в заблуждение в данном вопросе.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы знали о расстреле в декабре 1942 военно-морским подразделением относившемся к германскому военно-морскому офицеру в Бордо двух британских королевских моряков которые приняли участие в рейде на судоходство в устье Жиронды?

Шульце-Монтинг: Я узнал об этом позднее.

Джонс: Вы видели запись об этом расстреле в журнале боевых действий СКЛ?

Шульце-Монтинг: Нет, здесь в Нюрнберге защитник показывал мне запись, но я не знаю был ли это журнал боевых действий штаба руководства войной на море.

Джонс: И защитник Дёница и защитник Рёдера предполагают, что запись в D-658 которая содержала фразу: «Мера будет в соответствии с особым приказом фюрера, но это вместе с тем нечто новое в международном праве поскольку эти солдаты были в форме», то, что эта запись была не из журнала боевых действий СКЛ. Итак, вы знакомы с инциалами подсудимого Рёдера, не так ли?

Я хочу, чтобы вы взглянули на подлинник D-658, для того, чтобы можно было установить без всякой вероятности, что данную вещь включили в журнал боевых действий СКЛ. Я предъявлю фотокопию подлинника если трибунал мне позволит, потому что подлинник нужен для других целей. D-658 был GB-229, и может быть удобно назвать фотокопии подлинников D-658(а) и GB-229(а). Это журнал боевых действий СКЛ, не так ли?

Шульце-Монтинг: Да, я опознаю его как таковой.

Джонс: И СКЛ прекрасно знакомо это ужасное убийство людей в Бордо, не так ли?

Шульце-Монтинг: Из журнала боевых действий я могу видеть – такое у меня

впечатление, что после 9 декабря их проинформировали о факте расстрела.

Джонс: И их лаконичный комментарий состоял…

Шульце-Монтинг: В коммюнике вооруженных сил сказано: «В соответствии с коммюнике вооруженных сил, два солдата были застрелены». Это можно видеть в журнале боевых действий СКЛ и я это признаю.

Джонс: И гуманный комментарий СКЛ это: «Это нечто новое в международном праве, поскольку солдаты были в форме».

Есть последний вопрос о котором я хочу вас спросить: вы утверждаете, что германский флот вёл на море чистую войну?

Шульце-Монтинг: Я утверждал, что германский флот вёл очень чистую войну и это не имело никакого отношения к тому, что здесь сказано в журнале СКЛ, как о взятом из коммюнике вооруженных сил, что два солдата были застрелены и это было в соответствии со специальным приказом отданным фюрером который здесь цитировали, как добавляет штаб руководства войной на море, это было чем-то новым в истории морской войны. Это тоже…

Джонс: Я перехожу к другому вопросу, но вы в целом говорите…

Шульце-Монтинг: Могу я сказать в заключение, что данный посткриптум доказан и что флот, в данном случае Рёдер, не имел никакого влияния на эти вопросы. Если вы спрашиваете меня о том одобрял ли я этот приказ или нечто подобное, я выскажу своё личное мнение о вопросах которые обсуждал я и Рёдер.

Джонс: Но вам известно, что Рёдер был главнокомандующим флотом и кто же мог иметь влияние в Германии как не главнокомандующий? Здесь вопрос прямо отражающий честь германских вооруженных сил и несмотря на умышленное отрицание защиты Женевской конвенции для этих британских моряков, он продолжил оставаться в должности, после их умышленного убийства.

Шульце-Монтинг: Это вопрос мнения. Я могу сказать следующее: факт в том, что в этой войне, впервые применялась форма саботажа, будь то за линией фронта при помощи воздушных высадок или иначе.

Джонс: Минуточку. Эти моряки были в форме. Ваш собственный доклад в журнале боевых действий так говорит.

Шульце-Монтинг: Нужно прокомментировать тот приказ который издали раньше. Преамбула этого приказа говорила о том, что поскольку были сведения о приказах союзным солдатам или – я уже не помню точную формулировку – поскольку этим солдатам отдали приказы не озадачивать себя взятием в плен германских пленных, а скорее расстреливать их при выполнении своей работы в так называемых рейдах коммандос, нужно было издать следующие директивы.

Тогда я обсуждал вопрос с Рёдером, конечно, я мог высказать своё личное мнение. Я чувствовал, что я могу верить этой преамбуле, потому что я считал, что если я использую, скажем так, саботаж за линией фронта, тогда конечно я не могу озадачивать себя пленными, потому что это бы исключало элемент неожиданности.

Таким образом, если войска из трёх-пяти человек, так называемые коммандос, направлены за линию для того, чтобы уничтожить вражеские сооружения, тогда конечно они не могут обременять себя пленными не идя на риск собственного убийства или обнаружения до того как они осуществят свою операцию. Таким образом я считал эту преамбулу совершенно заслуживающей доверия, и я прямо говорил об этом.

Джонс: И вы думаете, что расстрел этих двух моряков следовательно полностью оправдан? Такая ваша позиция в данном вопросе, не так ли? Просто скажите: «Да» или «нет», я не буду спорить с вами.

Шульце-Монтинг: Я так не утверждал. Скорее я сказал, здесь факт о котором нас проинформировало только коммюнике вооружённых сил, и что Рёдер и высшее командование не слышали об этом пункте. Вот, что я сказал.

Джонс: Итак, последний вопрос о котором я хотел вас спросить, вы отметили, что по вашему мнению Германия вела на море чистую войну. Я хочу, чтобы вы посмотрели на новый документ D-873, который будет GB-481, который журнал подводной лодки Ю-71, от даты 21 июня 1941, когда подсудимый Рёдер был главнокомандующим германским флотом. Вы видите, что запись гласит:

> «Замечена спасательная шлюпка норвежского моторного танкера «John P. Pederson[285]» дрейфующая под парусом. Трое выживших лежат истощенные под палаткой и показались только во время подхода подводной лодки. Они заявили о том, что их судно было торпедировано 28 дней назад. Я отказал в их просьбе взять на борт, обеспечил шлюпку пищей и водой и дал им курс и дистанцию до исландского побережья. Экипаж и шлюпка находились в таком состоянии, в виду погоды, что вряд ли имелись какие-то переспективы спасения». – подпись: Флашенберг[286]».
>
> Такой была ваша концепция чистой войны на море?

Шульце-Монтинг: Я замечу, что командир сделал всё, что мог, в виду погоды которую он описал, когда сказал, что в виду плохой погоды он не мог спасти их. Он бросил им продовольствие в мешке и дал им курс к побережью. Я не знаю, что в этом негуманного. Если бы он оставил их без продовольствия и курса, тогда мы могли бы предъявить обвинения.

Джонс: Но он мог взять их на борт, вам известно. Было три человека…

Шульце-Монтинг: Нет, мне кажется вы не можете судить об этом. Только сам командир может судить об этом, человек ответственный за подводную лодку. Я бы посмотрел на погоду, потому что сказано: «среднее волнение». Это могло также…

Джонс: Но поймите, здесь командир подводной лодки должно быть говорил с этими

---

[285] «Йон Педерсен» - норвежский танкер. Спущен на воду в 1930. Потоплен торпедами подводной лодки Ю-94 20 мая 1941 года.

[286] Вальтер Флашенберг (1908 – 1994) – немецкий подводник. В 1940-1942 командир подводной лодки Ю-71.

людьми и физически возможно было взять их на борт, но оставил их своей судьбе, вам известно, прекрасно известно, что он оставил их умирать.

Шульце-Монтинг: Нет, вовсе нет. Тогда бы ему не пришлось оставлять им продовольствие и давать им курс к берегу. Что заставляет вас считать, что они должны были умереть? В результате…

Джонс: Последняя фраза ясно указывает на то, что капитан подводной лодки знал, что оставляет их умирать. Я предлагаю вам, что он мог взять их на борт и должен был сделать это если в нём оставались остатки гумманости.

Шульце-Монтинг: Нет, я не знаю состояние подводной лодки, была ли лодка в состоянии взять пленных на борт. Мне кажется вы никогда не видели условия на подводной лодке, в противном случае вы бы так не судили. Учитывая то, что экипаж подводной лодки недели находится под водой и использует любой уголок пространства, нельзя просто сказать, что было бы гуманным актом взять на борт дополнительных людей. Кроме того, сам командир говорит о том, что вряд ли есть шанс на спасение ввиду подгодных условий.

Джонс: Больше нет вопросов, милорд.

Симерс: Адмирал, у меня есть некоторые вопросы касательно некоторых пунктов которые господин Элвин Джонс предъявил вам. Вам показали запись из документа Ассмана от 10 октября 1939 с утверждением о том, что из этого можно видеть, что Рёдер хотел оккупировать Норвегию только для того, чтобы иметь норвежские базы. Я хочу прочитать вам полную запись и хочу, чтобы вы выразили позицию о документе в целом:

> «Фюрер согласен с тем, что полное использование только двух линкоров которые мы имеем в настоящее время не требуется. Россия предложила базы рядом с Мурманском…
>
> Вопрос осады Англии: фюрер и главнокомандующий флотом согласны с тем, что все возражения нейтралов нужно отвергать, даже в виду угрозы вступления США в войну, что кажется вероятным при продолжении войны.
>
> Чем более жестоко вести войну тем скорее будет эффект, тем короче война.
>
> Объемы крупной программы производства субмарин. Фюрер отказывается от предложения о строительстве или покупке субмарин у России по политическим причинам. Главнокомандующий флотом заявляет об отсутствии преимуществ для подводной войны в результате завоевания бельгийского побережья, ссылаясь на ценность норвежских баз – Тронхейм – при помощи русского давления. Фюрер рассмотрит вопрос». (документ D-879, экземпляр GB-482).

Адмирал, согласно общему содержанию, это полностью вносит ясность в норвежскую проблему?

Шульце-Монтинг: Нет, не совсем.

Симерс: Я прав, делая вывод о том, что здесь рассматривали ряд вопросов и только один стратегический вопрос в отношении Норвегии…

Джонс: С позволения вашей светлости, перевод дошёл до нас как «никакого преимущества от норвежских баз» и перевод в документе: «Рёдер подчеркивает значение приобретения норвежских баз». Вероятно если быть аккуратнее, я не говорю это в каком-то критическом смысле – самом аккуратном переводе записи, это может быть важным.

Председатель: Что…у этого есть номер экземпляра?

Джонс: Нет, милорд. Это запись из дневника Ассмана.

Председатель: Да, я знаю. Но я хочу знать номер экземпляра.

Джонс: Я подготовил фрагмент и номер экземпляра присвоен этим вечером, милорд.

Председатель: Это будет GB-482, не так ли?

Джонс: Да, милорд, это так, GB-482.

Симерс: Господин председатель, дата одинаковая, я прошу прощения если это не совпадает, но документ из которого я читал получен при содействии господина Элвина Джонса.

Председатель: Вам лучше изучить вопрос перевода и урегулировать это.

Джонс: Да, ваша светлость.

Симерс: Адмирал, во всяком случае, обе записи от 10 октября, то есть, одно и тоже совещание. Я прав говоря о том, что соответственно было много стратегических вопросов, ни об одном из которых нельзя сказать, что он был рассмотрен полностью и окончательно?

Шульце-Монтинг: Нет, мне кажется, что данный комплекс вопросов не имеет никакого отношения к обширной дискуссии между Гитлером и Рёдером касательно оккупации Норвегии. Затрагивали норвежский вопрос, оккупацию Норвегии, и затем начали обсуждать какие-то пункты которые Рёдер обычно вносил в свой блокнот. Кроме вопроса о том нужна ли оккупация Норвегии или нет, случайно затронули вопрос захвата баз за границами германской территории в тот же день.

Симерс: Следовательно обсуждался Мурманск который предложила Россия.

Шульце-Монтинг: От России до Бельгии – всё вдоль побережья, везде где были возможности и преимущества для нашей подводной стратегии.

Симерс: Если во фразе журнала боевых действий в связи с совещанием между Рёдером и Гитлером отмечены цитаты, это означает, что эти слова использовал Гитлер? Можно так полагать?

Шульце-Монтинг: Если сказано…

Джонс: С позволения вашей светлости, перевод проверили, и подлинник гласит: «Рёдер подчеркивает значение приобретения норвежских баз» как совершенно правильный перевод.

Председатель: Продолжайте, доктор Симерс.

Шульце-Монтинг: Доктор Симерс, я понял, мне высказаться об этом?

Симерс: Да, вы что-то хотели добавить к этому?

Шульце-Монтинг: Да. Я понимаю, что другой господин сейчас заметил, что Рёдер предположительно обратил внимание Гитлера на необходимость приобретения баз подводных лодок и в связи с этим один раз сказал о русском содействии, а также о возможности приобретения баз у Норвегии. Но это не раскрывает никаких агрессивных намерений.

Симерс: Господин председатель, для того, чтобы сэкономить время, я также попросил доктора Кранцбюлера проверить перевод. Немецкий текст как я хочу прямо сейчас заметить, гласит: «Главнокомандующий флотом отмечает ценность выигрыша норвежских баз». Это нечто иное нежели английский перевод. Но я хотел бы вернуться к этому позже.

[*Обращаясь к свидетелю*] Адмирал, господин Элвин Джонс затем предъявил письменные показания Вальтера Гизе. Я был бы благодарен если бы вы снова на них взглянули. Это D-722. Первая строка гласит:

> «Я родился в Штеттине 24 ноября 1900, сын бригадира каменщиков Эрнста Гизе».

Затем сказано:

> «Я сидел в приёмной главнокомандующего в качестве помощника адъютанта».

Затем сказано, в том же самом абзаце:

> «Я получал журнал от адъютанта в полдень после окончания совещания и закрывал его в общем сейфе».

Затем на второй странице сказано:

> «Я лично не имел большого контакта с главнокомандующим. Это заключалось в том, что я просто представлял ему или забирал у него совершенно секретную переписку».

Адмирал, я прав подразумевая, что таким образом Гизе был своего рода курьером?

Шульце-Монтинг: Да. Для того, чтобы освобождать офицеров мы заполняли большое количество малозначительных должностей гражданскими, людьми которым мы доверяли. Работа с сейфом или охрана ключа на самом деле были задачей второго адъютанта, которого пришлось использовать где-то ещё.

Гизе был унтер-офицером во флоте многие годы и 12 лет был служащим во флоте и таким образом, имел кое-какую практику в ведении дел.

Председатель: Всё это сказано в документе. Если в документе есть, что-то неточное вы можете ему это предъявить. Но всё это изложено в документе, именно так как сказал адмирал. Вы тратите время трибунала повторяя это.

Симерс: Господин председатель, мне кажется, то, что представил господин Элвин

Джонс тоже было в документе. То, что имеет значение это интерпретация и свидетель очень четко сослался на это. Если я ошибаюсь, прошу прощения. Мне казалось, что я тоже имел право в повторном допросе сослаться на некоторые пункты в документе.

Председатель: Если вы хотите, вы обратите его внимание на параграфы.

Шульце-Монтинг: Я могу быть очень кратким.

Гизе не имел никакой внутренней информации о фактах и даже если бы он без разрешения смотрел в стенограмму адъютанта, которая не была стенографической записью, а просто записями для помощи адъютанту, он бы не мог сложить правильное впечатление не принимая участия в совещании. И не ему было решать в приёмной кого допускать к главнокомандующему, а скорее адъютанту или мне. Он даже не знал кого должны были впускать. И это голословное заявление или предположение, когда он говорит о том, что человек похожий на Хагелина встречался с Рёдером каждый раз вместо того, чтобы сначала увидеть меня. Кстати, Хагелин приходил ко мне наверное, пять или шесть раз.

Симерс: Вам кажется Гизе присутствовал, когда Рёдер беседовал с Гитлером?

Шульце-Монтинг: Гизе? Нет, никогда. Гизе сидел в приёмной и занимался телефонными звонками Рёдера.

Председатель: Доктор Симерс, здесь никто не предлагает, что он там был. Господин Элвин Джонс не говорил, что этот человек Гизе присутствовал во время бесед между Рёдером и фюрером или Рёдером и Хагелином.

Симерс: Господин председатель, это в его письменных показаниях, и в письменных показаниях сказано, как я хочу отметить, на странице 5: «Согласно всему, что я слышал, я могу сказать, что идея этого мероприятия исходила от Рёдера и встретила довольное согласие Гитлера».

Откуда он мог это знать?

Шульце-Монтинг: Я могу подчеркнуть, что даже я, как начальник штаба не присутствовал на этих частных совещаниях и господин Гизе должен был находится у телефона и не имел никакого другого способа получения информации кроме как дав волю своему воображению.

Симерс: Этого достаточно, благодарю. Сейчас я перехожу к документу D-872. Это журнал военно-морского атташе в Японии, в связи с которым вам сказали, что 7 декабря вам должно было быть известно, что Япония нападёт на Америку. Телеграмма которую называли от 6 декабря. Когда эта телеграмма поступила в ваше ведомство?

Шульце-Монтинг: Вы имеете в виду, когда я мог её лично получить?

Симерс: Да, или Рёдер.

Шульце-Монтинг: Не раньше следующего утра.

Симерс: Это было бы 7 декабря.

Шульце-Монтинг: Как самое раннее. В данном случае начальник штаба

руководства войной на море по оперативным причинам должен был решить, чтобы телеграмму представили сразу или нет.

Симерс: Адмирал, вы помните документ?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: В документе упоминался Пирл-Харбор?

Шульце-Монтинг: Нет. Я пытался объяснить, что Пирл-Харбор не имел никакой связи с этой телеграммой от адмирала Веннекера[287] и что Веннекер полагался на информированные источники и на свои предположения или сформулировал свои предположения в телеграмме на основе своей информации без каких-либо чётких фактов.Такие телеграммы получали постоянно. Иногда эти предположения были верными, иногда нет.

Симерс: Адмирал, обвинение предъявило её, чтобы доказать, что с Японией состоялись военные переговоры. Я прав говоря о том, что это было единственное сообщение касательно возможного развития?

Шульце-Монтинг: Да, конечно. Я уже пытался объяснить, что не было никаких военных переговоров между штабами адмиралтейств. Скорее военно-морскому атташе поручили изучить и передать всю ценную информацию которая к нему поступила.

Симерс: Затем вам показали документ который не был предъявлен, допрос Рёдера от 10 ноября 1945. Могу я попросить взглянуть вниз страницы 5 этого документа который я вам вручил и отрывок который читали на странице 6?

Председатель: Господин Элвин Джонс, у этого должен быть номер, не так ли?

Джонс: Милорд, это будет GB-483.

Симерс: В этом документе, страница 5 снизу, упоминался документ С-75?

Шульце-Монтинг: Нет.

Симерс: Адмирал, мне кажется вы ошиблись, или же я ошибся.

Шульце-Монтинг: У меня английская копия, вы имеете в виду английский?

Симерс: Да, английская копия, потому как этого не существует на немецком языке.

Шульце-Монтинг: Вы имеете в виду последний абзац?

Симерс: Мне кажется последняя строчка или предпоследняя строка. Номера страниц очень трудно прочитать. Может быть у вас неправильная страница.

Господин председатель, данный допрос, касается документа С-75. Мне кажется свидетель скоро её найдёт. Документ недавно упоминали и в соответствии с пожеланием недавно высказанным трибуналом, я предъявляю С-75, это директива номер 24 о сотрудничестве с Японией, и полный текст документ Рёдер-128. Трибунал вспомнит, что британская делегация…

Председатель: Его уже предъявили, С-75, разве его не приобщали?

Симерс: Я его приобщаю сейчас, С-75.

---

[287] Пауль Веннекер (1890 – 1979) – немецкий адмирал и дипломат. В 1935-1937, 1940-1945 военно-морской атташе Германии в Японии.

Председатель: Нет, разве его не приобщали? Разве его не приобщали в качестве доказательства?

Симерс: Вы можете вспомнить, что обвинение предъявило документ С-75 как USA-151…

Председатель: Что же, это всё, что я хотел знать. Если его уже приобщили, не нужен новый номер, разве не так?

Симерс: Господин председатель, могу я напомнить вам, что новый номер требуется, потому что первая часть была предъявлена обвинением.

Джонс: Его уже приобщили как USA-151, милорд.

Председатель: Что же, думаю мы не присваеваем свежие номера, доктор Симерс, частям документов которые уже приобщили. Если документ приобщили, тогда там где вы хотите использовать свежую часть документа она имеет такой же номер как старый номер, вот и всё.

Симерс: Но, господин председатель, если обвинение в своём документе приобщило только первые три параграфа тогда я не могу…

Председатель: Да, я знаю, я прекрасно это знаю, что же, но вы полностью вправе приобщить любую часть документа. Вопрос только в том какой номер нужно присвоить и думаю, могу ошибаться – что до настоящего времени мы не присваивали новые номера документам которые уже приобщили, хотя свежие части документов предъявляли.

Джонс: Милорд, положение с С-75 такое, что весь подлинник был предъявлен как USA-151, но только фрагмент из подлинника включили в английскую документальную книгу которую предъявили суду.

Председатель: Да, понимаю. Всё, что меня интересовало было номером. У него номер USA-151 и я думал наша практика такова, что нужно продолжать иметь этот номер. Вы можете предъявить любую часть какую желаете, и если это вопрос перевода, несомненно обвинение передаст это отделу переводов и переведёт для вас, но вы пытаетесь присвоить новый номер, вот и всё.

Симерс: Снова прошу прощения, но меня недавно попросили заново представить документ и отсюда возникло недопонимание. В таких обстоятельствах, услышав что он полностью предъявлен, я могу отозвать его, я был бы благодарен если бы трибунал тоже получил полный перевод документа на английский язык, а не только первые два параграфа.

[*Обращаясь к свидетелю*] Адмирал, вы нашли это?

Шульце-Монтинг: Да, это на странице 7 как вы думали, а не на странице 5. Документ ссылается…

Симерс: Извиняюсь. Правильно, что допрос относится к документу С-75?

Шульце-Монтинг: Да.

Симерс: Документ С-75, адмирал, директива номер 24, касательно сотрудничества с Японией и сказано: «Следующие правила применяются: наша общая военная цель

быстро нанести поражение Англии и соответственно удержать США вне войны».

Кроме того, документ также упоминает тот факт на который я недавно ссылался, о том, что Япония должна оккупировать Сингапур.

Итак, Рёдер, 10 ноября 46-го высказал свою позицию в отношении этого, и согласно следующей странице документа, он сказал то, что вам предъявил господин Элвин Джонс. Могу я попросить вас снова взглянуть на это? Здесь сказано, на странице – я думал это было на странице 6, может быть вверху страницы 8…

Шульце-Монтинг: Вверху страницы 8. Я не знаю английский язык также хорошо как немецкий, но я бы перевёл это: «Если в этом нуждается Япония…»

Симерс: Если я правильно помню, слово «нуждается».

Шульце-Монтинг: Да, он использует слово «нужда» - «и прочие вещи, вещи в которых нуждаются японцы».

Симерс: То есть, японские нужды и иные вещи которые требуются Японии. Следовательно беседа указанная Рёдером не касалась стратегических пунктов?

Шульце-Монтинг: Нет, это две совершенно разных вещи.

Симерс: Таким образом ответ Рёдера касался чисто вопроса снабжения и материалов.

Шульце-Монтинг: Да, чисто вопросов снабжения и материалов…

Симерс: Спасибо.

Шульце-Монтинг: …которые мы имели со всеми флотами не только с японским.

Симерс: Тогда я перехожу к приказу о коммандос о котором вы уже свидетельствовали. Я хочу предъявить вам следующее: вам показали документ D-658 который говорит, что согласно коммюнике вооружённых сил солдат казнили, что солдаты носили форму и что приказ фюрера был чем-то новым в международном праве. Мне кажется, что военно-морской командир в западной Франции сообщил об этом и это содержалось в коммюнике вооружённых сил. Человек который составлял журнал боевых действий написал: «Новая вещь в международном праве». Я не военный, но я хочу спросить вас, вы бы считали такую ссылку критикой приказа?

Шульце-Монтинг: Мне кажется, что я должен ответить на вопрос следующим образом: обычно факт казни не вносили в журнал боевых действий по оперативным вопросам.

Председатель: Я не думаю, что это на самом деле вопрос в который мы можем вдаваться, думает ли он, что эта запись была критикой приказа.

Шульце-Монтинг: Мне кажется он хотел установить, что это было чем-то новым.

Симерс: Адмирал, забудьте. Фактический вопрос. Обвинение снова утверждает, что это касается солдат в форме. Коммюнике Вермахта объявило казнь 9 декабря. Казнь, как я уже показал в другой связи, не состоялась до 11 декабря. Я представляю вам документ UK-57, и прошу вас посмотреть на второй абзац под цифрой 4. Заголовок цифры 4 гласит: «Саботаж против германских кораблей рядом с Бордо»; затем

сказано: «12 декабря 1942» и далее мы читаем:

> «Из субмарины сообщники шли по двое в надувных лодках до устья Жиронды. Они носили особую оливково-серую форму. После проведения взрывов они потопили свои лодки и попытались при помощи французских гражданских, сбежать в Испанию в гражданской одежде».

Эти солдаты вели себя корректно в соответствии с нормами международного права?

Шульце-Монтинг: По моему мнению, нет.

Симерс: Тогда у меня больше нет вопросов.

Шульце-Монтинг: Если бы у них была чистая совесть, им бы не потребовалась гражданская одежда.

Симерс: Извините, вот последний вопрос:

Лично вы, в высшем командовании получали запрос или какую-нибудь информацию перед казнью которую провели по прямому приказу фюрера?

Шульце-Монтинг: Нет, ни запрос ни информацию.

Кранцбюлер: Господин председатель, обсуждался вопрос о том правильно ли перевели документ касательно Норвегии. Я выясню, что это за номер. Английский перевод у меня не идентичен немецкому подлиннику. Он значительно отличается. Это документ GB-482.

Я прочитаю немецкий текст который по моему мнению отличается от английского перевода.

> «Главнокомандующий флотом заявляет: завоевание бельгийского побережья не даёт никакого преимущества нашей подводной войне; ценность представляет выигрыш норвежских баз (Тронхейм) при помощи русского давления. Фюрер рассмотрит вопрос».

Председатель: Доктор Кранцбюлер, на самом деле не сэкономит ли время, если бы мы представили фразу которую как вы говорите неправильно перевели комитету экспертов в отделе переводов?

Кранцбюлер: Господин председатель…

Председатель: На самом деле этот не тот вопрос на который нужно тратить наше время.

Кранцбюлер: Прошу прощения, я не знал, что это нужно будет снова исследовать.

Председатель: Думаю лучше, чтобы это изучили и затем удостоверили перевод.

Кранцбюлер: Прошу прощения, господин председатель. У меня лично имеется вопрос к свидетелю.

Адмирал, документ D-873 был предъявлен вам ранее. Это был журнал Ю-71 и касался снабжения троих норвежцев в спасательной шлюпке. Запись была от 21 июня. Я уже представил это трибуналу под номером Дёниц-13, на странице 23 моей документальной книги, заявление вышеуказанного командира Флашенберга.

Согласно этому заявлению данная субмарина вышла в море 14 июня. Это было к западу от Норвегии. Вы можете сказать мне, таким образом эта подводная лодка 21 июня вела операции или вернулась?

Шульце-Монтинг: Вы имеете в виду по памяти?

Кранцбюлер: Нет, учитывая даты.

Шульце-Монтинг: Вела операции.

Кранцбюлер: Вела операции. Как вам известно, данная субмарина была 500-тонным судном. Лодка подобного размера в состоянии вести операции несколько недель с тремя дополнительными людьми на борту?

Шульце-Монтинг: Мне кажется, нет. Я не достаточно эксперт, чтобы решительно судить о том вес скольких дополнительных человек на борту может означать что касалось экспериментов по триммированию и подобных вещей, но кроме этого, мне не кажется, что такая небольшая лодка, которая вышла в море для операций, может загрузить себя в пути пленными. Я считаю это невозможным.

Кранцбюлер: Спасибо.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Симерс: Тогда, с разрешения суда, свидетель может удалиться.

[*Обращаясь к председателю*] Господин председатель, в соответствии с моим заявлением в начале данного дела, я уже предъявил большую часть документов во время допроса. С разрешения трибунала могу я приступить как можно быстрее к оставшимся документам с небольшими сопутствующими заявлениями.

Я предъявляю трибуналу экземпляр номер Рёдер-18, фрагмент из документальной книги 2, страница 105, фрагмент из книги которую Черчилль написал в 1935 под названием «Great Contemporaries[288]». Я прошу трибунал вынести о содержании судебное уведомление. Черчилль отмечает то, что есть две возможности, что нельзя сказать будет ли Гитлер человеком который начнет ещё одну мировую войну или же он будет человеком который восстановит честь и мир в умах великой немецкой нации и вернёт её безмятежной, полезной и сильной в плеяду европейской семьи наций.

Как экземпляр номер Рёдер-20 я предъявляю короткий фрагмент из «Mein Kampf[289]» Адольфа Гитлера в связи с тем фактом, что обвинение сказало о том, что из этой книги можно видеть, что Гитлер намеревался вести агрессивные войны. Я покажу в своей заключительной речи, что можно понять из этой книги. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление о коротком фрагменте на странице 154: «Для такой политики есть единственный союзник в Европе – Англия».

Экземпляр номер Рёдер-21, речь Гитлера в Рейхстаге 26 апреля 1942,

---

[288] «Великие современники» (англ.)

[289] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

показывающая то как увеличивалось сокращение прав в Германии и то как диктатура становилась всё более могущественной.

Документальная книга 4, экземпляр номер Рёдер-65, предназначена облегчить мою аргументацию, Гаагское соглашение о правах и обязанностях нейтралов в морской войне. Это мне требуется для моей заключительной речи в связи с экземпляром номер Рёдер-66, заявление о мнении доктора Мозлера в документальной книге 4, страница 289, первый документ.

Председатель: Вы можете указать нам страницы?

Симерс: Страница 289, господин председатель. Это первая страница документальной книги 4.

Председатель: Да.

Симерс: Затем я прошу трибунал быть любезным, чтобы принять документальную книгу 5, поскольку остальные документы предъявлены. Я предъявляю как экземпляр номер Рёдер-100, документальная книга 5, страница 437, документ из «Белой книги» касательно «совершенно секретной» встречи французской военной комиссии 9 апреля 194 в присутствии Рейно[290], Даладье, Гамелена, генерала Жоржа[291], министра военно-морского флота, министра колоний и министра авиации. Это касается предложения адмирала Дарлана о вступлении в Бельгию. Предложение была поддержано генералом Гамеленом, а также министром национальной обороны и войны. На странице 442 есть упоминание похода в Голландию и наконец Люксембург. Поскольку высокий трибунал имеет сведения о содержании дискуссии из документов, я не хочу читать никакие детали. Я просто прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом. Я также хочу отметить, что на странице 443 этого очень длинного документа упоминается оккупация гавани Нарвика и намерение удерживать шахты Галливаре.

Теперь я предъявляю экземпляр номер Рёдер 102, в этой же самой документальной книге, страница 449. Это приказ 2-го бельгийского пехотного полка от 13 апреля 1940 касательно информации о дружественных войсках и строительстве укреплённых позиций. Из этого документа можно видеть, что дружественные войска это союзники.

Затем я предъявляю экземпляр Рёдер-103, страница 452, которая французский документ от 16 апреля 1940 из ставки, касательно мер железнодорожной перевозки французских войск в Бельгию.

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление обо всех этих документах, которые я подробно не читаю.

Тоже самое относится к экземпляру номер Рёдер-104, документальная

---

[290] Жан Поль Рейно (1878 — 1966) — французский политик и юрист периода между двумя мировыми войнами, сторонник экономического либерализма, яростный противник Германии. Предпоследний премьер-министр Франции в период Третьей республики, вице-президент Демократического альянса (правоцентристской партии).

[291] Альфонс Жорж (1875 – 1951) – французский генерал. Главнокомандующий северо-восточным фронтом Франции в 1939-1940.

книга 5, страница 455, который приказ от 19 апреля 1940 2-й британской дивизии касательно мер безопасности в Бельгии. Там мы находим директиву схожую с той, что в документе предъявленном обвинением, директива о создании контакта с бельгийскими гражданскими властями.

Экземпляр номер Рёдер-105, документальная книга 5, страница 459, заявление люксембургского гражданина которое показывает, что 200 человек, французские солдаты в форме, вошли в Бельгию на бронемашинах за 7 дней до начала германо-бельгийских боевых действий.

С позволения трибунала, я изначально не планировал представлять на данном процессе ничего о характере моего клиента, потому что, я считал, что адмирал Рёдер и дома и за рубежом, пользовался большим уважением. Первый судебный обзор против Рёдера не повлиял на такое намерение. Незадолго до презентации это судебное досье изменили, сделав значительно более тяжким и содержащим моральные обвинения которые серьёзно вредят и оскорбляют честь Рёдера. Я не сомневаюсь в том, что высокий трибунал поймет почему в таких обстоятельствах я прошу позволить предъявить кое-какие документы одобренные мне, которые касаются характера Рёдера. Я предъявляю экземпляр Рёдер-119, документальная книга 6, страница 514. Это письма от фрау фон Позер адресованное мне. Это не письменные показания и вполне осознанно я представил подлинник, потому что по моему мнению это окажет более непосредственное и прямое впечатление нежели письменные показания о которых я должен попросить как защитник.

Похожим образом, есть довольно длинное письмо от профессора, доктора Зейбта который обратился ко мне по собственной инициативе. Я предъявляю экземпляр номер Рёдер-120, документальная книга 6, страница 517. Я был бы благодарен трибуналу если бы он принял об этом письме судебное уведомление. Для того, чтобы сэкономить время я воздержусь от его чтения, поскольку оно занимает шесть страниц.

Затем я предъявляю экземпляр Рёдер-122, документальная книга 6, страница 526, письмо от господина Эриха Каца, которое я предъявляю с его приложениями и прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление. Это представляет один из примеров в котором Рёдер вмешался лично, используя своё влияния и положение, он использовал бланк главнокомандующего флотом, чтобы вмешаться в интересах господина Каца которого атаковали как еврея – и на самом деле смог защитить его. Господин Кац направил мне эти документы по собственной инициативе для того, чтобы выразить свою благодарность.

Как экземпляр Рёдер-123 я предъявляю письмо от Гюнтера Якобсена которое касается похожего случа. Якобсен тоже, без моего запроса, обратился ко мне для того, чтобы свидетельствовать о том, что Рёдер спас его отца, которого как еврея обвинили в расовом нарушении из концентрационного лагеря Фюльсбюттель,

мне кажется в то время это ещё была тюрьма, таким образом Якобсен смог эмигрировать в Англию где он живёт сейчас.

Я предъявляю экземпляр номер Рёдер-124, письменные показания…

Руденко: Господин председатель, я должен сделать следующее заявление: все четыре документы названные сейчас доктором Симерсом представляют собой частные письма от отдельных лиц в адрес доктора Симерса, это не показания данные под присягой, это не ответы при опросе тех или иных лиц, и поэтому у меня эти документы вызывают сомнения с точки зрения их доказательной силы и с точки зрения того могут ли вообще они быть допущены как доказательства, мы очень много получаем писем от отдельных лиц, и если бы мы представили трибуналу как доказательства то это бы представило большую трудность для трибунала разобраться в том где правда, где неправда, и насколько они имеют доказательную силу. В силу этих обстоятельств я лично высказываюсь против того, чтобы эти документы были приобщены как доказательства по делу Рёдера.

Симерс: Милорд, могу я…

Председатель: Трибунал не считает, что вопрос достаточно важен, чтобы настаивать на доказательствах под присягой. Документы допущены.

Симерс: Как экземпляр номер Рёдер-124 я предъявляю письменные показания Конрада Лоттера. Письменные показания очень короткие и с разрешения трибунала я хочу прочитать эту одну страницу:

> «Гросс-адмирал Рёдер всегда казался мне человеком воплощающим славные традиции старого имперского флота. Это особо правдиво в отношении его жизненной философии. Как человек и как офицер он во все времена был лучшим образцом.
>
> В 1941, когда антихристианская политика гитлеровского режима шла на полную в Баварии, когда закрывались монастыри и в воспитании молодёжи сильно проявлялась нетерпимость всякой вере, я направил адмиралу меморандум на 12 страницах в котором представлял ему свои возражения такой политике. Адмирал Рёдер сразу же вмешался. В результате его посредничества, меня вызвали к гауляйтеру и министру внутренних дел Вагнеру[292] в Мюнхен. После серии дискуссий между церковными, правительственными и партийными властями было достигнуто соглашение со следующими результатами: сохранялась школьная молитва, и т.д., кроме того, 59 священников которых оштрафовали на 500 марок каждого, помиловали.
>
> Закрытие монастырей также прекратилось в то время. Гауляйтер Вагнер вынужден был…»

---

[292] Роберт Вагнер (1895 — 1946), партийный и государственный деятель эпохи «нацистской Германии», гауляйтер (25 марта 1925 — 8 мая 1945) и рейхсштатгальтер (5 мая 1933 года — 8 мая 1945) Бадена, шеф гражданского управления оккупированного Эльзаса (2 августа 1940 года — 8 мая 1945), обергруппенфюрер НСКК. Казнён по приговору французского суда.

Председатель: Доктор Симерс, все эти документы нам недавно читали.

Симерс: Очень хорошо. Тогда я прошу трибунал вынести об остальном судебное уведомление.

Я также предъявляю два документа, экземпляр номер Рёдер-125 и экземпляр номер Рёдер-126. Номер 125 это письменные показания бывшего рейхсминистра обороны, доктора Отто Гесслера, и номер Рёдер-126, письменные показания военно-морского капеллана Ронненбергера. Я прошу вас принтять судебное уведомление о последнем документе.

Я бы хотел, чтобы мне позволили прочитать короткие письменные показания доктора Гесслера, поскольку они содержат не только нечто о личном характере, но также замечания касательно обвинений против Рёдера.

> «Я, Гесслер, лично знал бывшего адмирала, доктора Рёдера с середины двадцатых, когда я был рейхсминистром обороны. Рёдер тогда был инспектором образовательной системы флота. Я всегда знал Рёдера как безупречного человека с рыцарским характером, как человека полностью сознающего свой долг. Что касается предмета обвинительного заключения, я знаю очень мало.
>
> Рёдер регулярно посещал меня после моего освобождения из заключения Гестапо в марте 1945, когда я лежал в госпитале Хедвиг в Берлине и также он организовал мою перевозку домой, так как я был болен и совершенно истощен. Я рассказал ему о плохом обращении которое я пережил, в особенности пытки. Он был неожиданно удивлён и возмущён этим. Он сказал, что сообщит об этом фюреру. Я сразу же попросил его воздержаться от этого, так как перед пыткой мне официально сказали, что всё, что происходит, происходит по прямому приказу Гитлера. Более того, я точно знал, что меня бы сразу заново арестовали, поскольку при своём освобождении я подписал хорошо известное заявление и даже не мог получить подтверждение своего ареста, для того, чтобы купить билет домой.
>
> Я ничего не слышал о тайном перевооружении флота, ни во время пребывания в должности ни позднее. Во время моего пребывания в должности, до января 1928, адмирал Рёдер так или иначе не имел ответственности, так как тогда не являлся начальником военно-морского командования.
>
> Во время национал-социалистического режима моё бывшее ведомство меня игнорировало и относилось с пренебрежением. Одним из немногих исключений был доктор Рёдер. До 1939 помимо прочего он три раза приглашал меня на крейсер «Nurnberg[293]» хотя я два раза

[293] «Нюрнберг» — лёгкий крейсер Кригсмарине времён Второй мировой войны. Развитие проекта «Лейпциг». Последний лёгкий крейсер германского флота. Спущен на воду в 1934. После окончания войны передан СССР. В

отказывался. Во время визита в июне 1939 он лично приехал в Киль, чтобы выразить мне уважение. Тогда мы также обсуждали политическую ситуацию. Я выразил подход, что нападение на Польшу означало бы европейскую войну. Рёдер положительно заявил, что он считал, что не может быть речи, что Гитлер нападёт на Польшу. Когда это позже случилось, я объяснял себе это тем, что Гитлеру нравилось ставить даже высшее военное руководство перед свершившимся фактом».

Затем есть заявление «под присягой» и подпись нотариуса.

Что касается экземпляра номер Рёдер-126 от главного военно-морского капеллана Ронненбергера, я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом поскольку слишком поздно читать его. Это фактическое описание и обзор церковных вопросов и религиозных вопросов на флоте.

Господин председатель, на этом, за исключением трёх пунктов я могу завершить своё дело. Отсутствуют ещё два опросных листа, которые пока не вернулись. Я прошу разрешения предъявить их как только их получу.

Затем, есть свидетель, генерал-адмирал Бём который уже одобрен, но который ввиду болезни пока не может явиться. Британская делегация через сэра Дэвида любезно согласилась с тем, что при необходимости данный свидетель может быть допрошен позднее. Могу я попросить трибунал оставить этот вопрос открытым, и если возможно разрешить опросить адмирала Бёма позднее. Я хочу отметить, что это не такой большой комплекс вопросов как в случае адмирала Шульце-Монтинга, что известно трибуналу из материала который я предъявил.

На этом моё дело Рёдера завершено.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 23 мая 1946*]

Советском Союзе именовался «Адмирал Макаров».

День сто тридцать седьмой

Четверг, 23 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель: По документам подсудимого Зейсс-Инкварта, трибунал допускает следующие документы которым возражали: номер 11, номер 47, номер 48, номер 50, номер 54 и номер 71.

Остальные документы которым возражали отклонены. Я перечислю их: номер 5, номер 10, номер 14, номер 19b, номер 21, номер 22, номер 27, номер 31, номер 39, номер 55, номер 60, номер 61, номер 68, номер 69.

На этом всё.

Дюбост: Господин председатель прошлым вечером в конце заседания защитник адмирала Рёдера предъявил ряд документов включая документ Рёдер-105 из документальной книги 5. Данный документ фрагмент из германской «Белой книги», номер 5. Это показания пожилого человека 72 лет, местного люксембуржца, который жил в Бельгии только 6 месяцев и который подтверждает, что в апреле 1940 он видел в Бельгии 200 французских солдат. Эти солдаты, как он сказал были французами в бронемашинах.

Я должен попросить трибунал позволить мне заявить возражение данному документу номер 7 из «Белой книги» номер 5, подлинник которого так и не был предъявлен и даже не воспроизведён в «Белой книге», как и в случае с рядом документов в германской «Белой книге». Необходимо, чтобы от имени Франции и Бельгии – формальный, категорический протест был заявлен такому утверждению. Ни в какое время до вторжения в Бельгию германских войск никакие французские войска не ступали на бельгийскую землю. Чтение данного документа, номер Рёдер-105 из документальной книги 5 адмирала Рёдера позволяет понять как возникла ошибка в показаниях Грандижана которого цитировали.

Я уже говорил трибуналу, что этому человеку 72 года и он из Люксембурга. На вопрос заданный ему германскими властями о том как он опознал виденных им солдат как имевших французскую национальность, он ответил:

> «Я был совершенно уверен в том, что это были французские солдаты, потому что я хорошо знаю их форму. Более того, я опознал солдат, из-за языка на котором они со мной говорили».

Что касается формы, трибуналу известно, что когда происходили события, бельгийская армия имела форму такого же цвета как и французская армия и шлем такой же формы. Что касается языка, трибуналу известно, что большая часть бельгийского населения которая проживает вдоль люксембургской границы говорит

по-французски, и бельгийские солдаты призванные в этих округах говорят по-французски.

Трибунал конечно помнит, что данный свидетель который очень старый человек, прожил в Бельгии только 6 месяцев и вероятно имел очень ограниченный опыт отношений с бельгийцами – и в особенности с бельгийской армией.

В любом случае, от имени Франции и от имени Бельгии мы утверждаем, что до 10 мая 1940 никакие французские войска, ни огранизованные французские войска не проникли в Бельгию, и что отдельные лица которые поехали в Бельгию были там интернированы.

Председатель: Да, доктор Симерс?

Симерс: С позволения трибунала, могу я очень кратко ответить?

Данный вопрос касается документа из «Белой книги» о которой уже было принято решение и которую мне одобрили. Я предлагаю, чтобы обвинение попросили представить подлинник если оно оспаривает правильность данного документа. В этом я согласен с решением трибунала согласно которому следует заявлять ходатайство о представлении подлинника если он доступен, или ходатайство следовало заявить для того, чтобы любой кто имеет подлинник представил его. Насколько мне известно, обвинение имеет подлинник, поскольку все подлинные документы находились в министерстве иностранных дел в Берлине или альтернативном месте хранения и все подлинники этих «Белый книг» попали в руки союзников.

Председатель: Что вы имеете в виду под «подлинниками»? Подлинник, как я полагаю, это подлинник «Белой книги». Это вы имеете в виду?

Симерс: Сейчас, господин председатель, я имею в виду подлинник из материалов данного суда.

Председатель: Что же, это исходит из «Белой книги». Я полагаю это напечатанный документ, я не полагаю, что он содержит подлинное заявление этого люксембуржца.

Симерс: «Белая книга» это сборник многочисленных документов и единственные подлинные документы находятся у министерства иностранных дел, отчасти они были из материалов французского генерального штаба и отчасти они были материалами судебных разбирательств. Относительно содержания данного документа…

Председатель: Господин Дюбост, вы предлагаете, что мы должны исключить документ, но трибунал конечно же примет во внимание те факты на которые вы обращаете наше внимание.

Дюбост: Это ходатайство о том, что трибунал должен отказать в допуске этого документа, господин председатель. В то же время это протест против утверждения сделанного защитой о том, что французские солдаты нарушили бельгийский нейтралитет в течение апреля месяца. Надеюсь трибунал позволит добавить мне несколько слов в пояснение. «Белая книга» которую мы здесь имеем состоит из двух

частей. Первая часть воспроизводит тексты, а вторая часть приводит фотокопии этих текстов. В первой части, которая просто воспроизводит тексты, находится документ который я прошу трибунал исключить из материалов дела. Мы искали вторую часть, которая приводит фотокопии документов в первой части и не нашли её. Мы заявляем трибуналу, что подлинник документа, который мы просим трибунал исключить не воспроизведен в германской «Белой книге», поскольку он не находится во второй части.

Симерс: Господин председатель, мне кажется, что всё пояснение господина Дюбоста сводится к вопросу ценности документа в качестве доказательства, а не к вопросу допустимости документа. То, что данный документ в порядке кажется мне совершенно ясным, поскольку это материалы судебного разбирательства на котором допрашивали определённого человека, Грандижана. Всё сказанное господином Дюбостом больше ссылалось на содержание документа нежели чем на вопрос его ценности как доказательства. Могу я поэтому попросить, чтобы документ был допущен, как было сделано до сих пор, и попросить, чтобы был принят во внимание тот факт, что документ имеет ценность в связи с другими документами одобренными мне и доктору Хорну в его документальной книге в связи с Голландией и Бельгией.

Если во второй части документальной книги нет фотокопии…

Председатель: Что же, доктор Симерс и господин Дюбост, трибунал рассмотрит возражение которое заявили.

Симерс: Господин председатель, могу я просто сказать, что если фотокопии нет в книге как говорит господин Дюбост, тогда это ввиду того, что материалы дела подлинника были на немецком языке, и факсимиле тех кто готовил подлинный текст на французском языке, то есть, те документы которые в подлинной версии на французском языке. Если нужно я буду ходатайствовать о гехаймрате фон Шнидене как свидетеле о данном материале, поскольку он в то время был информирован о всех подобных материалах и помогал в работе по составлению книги.

Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит возражение.

Кранцбюлер: Господин председатель, с разрешения трибунала я хочу сказать, что опросный лист американского главнокомандующего флотом, адмирала Нимица доступен. Я получил его позавчера и между тем его передали переводчикам для перевода. С разрешения трибуналу, я бы хотел предъявить его сейчас, в связи с делами адмирала Дёница и адмирала Рёдера.

Председатель: Обвинение видело его?

Кранцбюлер: Да.

Председатель: У вас есть копии для нас?

Кранцбюлер: Меня проинформировали, что копии для трибунала будут переданы генеральным секретарём.

Председатель: До тех пор пока у нас нет копий, документ не следует читать. Его

следует отложить пока у нас не будет пяти копий.
Кранцбюлер: Есть две копии на английском и одна на французском.

Я представляю документ как номер Дёниц-100.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, советские члены трибунала не имеют копии документа переведённой на их язык, поэтому вы представите его позднее.

Защитник подсудимого фон Шираха представит своё дело?

Заутер: Уважаемый трибунал, прежде всего я предлагаю провести допрос самого подсудимого фон Шираха, и в ходе этого допроса, как только возникнут отдельные пункты, я обращу ваше внимание на часть, касающуюся документальной книги. После допроса подсудимого я вызову четырех свидетелей, и в конце я намерен представить оставшиеся документы, постольку, поскольку эти документы не будут представлены во время допроса подсудимого фон Шираха. Господин председатель, я предполагаю, что вы согласны с такой процедурой.

Теперь я вызываю первым для дачи показаний Бальдура фон Шираха.

[*Подсудимый Бальдур фон Ширах занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы повторите за мной следующую клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего.

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком языке*]

Заутер: Свидетель, какого числа вы родились?
Ширах: 9 мая 1907.
Заутер: Значит, несколько дней назад вам исполнилось 39. Вы женаты 14 лет; это правильно?
Ширах: Да.
Заутер: И у вас есть четверо детей, чей возраст…
Ширах: 4, 8, 11 и 13 лет.
Заутер: В Третьем Рейхе вы в основном действовали в качестве руководителя молодежи?
Ширах: Да.
Заутер: Какие должности вы занимали в связи с этим, то есть, должности в партии и правительстве – также, пожалуйста, скажите о том как долго вы занимали эти должности?
Ширах: Начиная с 1929, я был руководителем национал-социалистического студенческого союза[294]. В 1931 я стал югендфюрером НСДАП, сначала в штабе

[294] Национал-социалистический союз студентов Германии — партийная организация НСДАП в Германии (1926—1945), объединявшая в своих рядах студентов-членов и являвшаяся её структурным подразделением.

верховного командования СА; в 1932 рейхсляйтером НСДАП по молодёжному воспитанию; в 1933, рейхсюгендфюрером, сначала в подчинении министра внутренних дел доктора Фрика. В 1934, я занял такую же должность в подчинении рейхсминистра образования Руста[295]. В 1936 рейхсюгендфюрер стал самостоятельным органом Рейха, и в таком качестве я непосредственно подчинялся фюреру и рейхсканцлеру.

Заутер: Итак, какие из ваших должностей были партийными и какие из упомянутых вами были должностями Рейха?

Ширах: Партийными должностями были югендфюрер НСДАП, и рейхсляйтер по молодёжному воспитанию. Правительственные должности: рейхсюгендфюрер, сначала в подчинении министра внутренних дел, как я описал или в подчинении министра образования, и затем самостоятельная должность.

Заутер: Свидетель, вы были удалены с некоторых из этих должностей в 1940. Какие должности в руководстве молодежью вы утратили в 1940, и какие должности вы занимали до конца?

Ширах: В 1940 я оставил должность руководителя молодежи, то есть я оставил должность рейхсюгендфюрера НСДАП, но я оставался в должности рейхсляйтера по молодёжному воспитанию и тем самым нёс ответственность за немецкую молодежь. Я получил в качестве дополнительной новой должности пост гауляйтера Вены, который совмещался с правительственной должностью рейхсштатгальтера Вены и также рейхскомиссара обороны XVII военного округа.

Заутер: Свидетель, сейчас мы хотим вернуться к вашей деятельности в качестве югендфюрера. Здесь есть ваши письменные показания датированные 4 декабря 1945, PS-3302. В этих письменных показаниях в декабре вы заявили обвинению, что вы признаёте себя ответственным за всё воспитание в Третьем Рейхе.

Ширах: Это верно.

Заутер: Когда вы заявляли о виновности, у вас было впечатление, что следующий рейхсюгендфюрер, Аксман[296] мертв?

Ширах: Да.

Заутер: Вы думали, что он умер в последних битвах войны?

Ширах: Да, я был убежден в том, что он погиб в Берлине.

Заутер: Свидетель, между тем, вы узнали из газетных сообщений, что ваш преемник в качестве рейхсюгендфюрера, этот человек Аксман, всё ещё жив. Это правильно?

Ширах: Да.

Заутер: Тогда вы сегодня хотите безоговорочно поддержать эти письменные

---

[295] Бернгард Руст (1883 — 1945) — государственный и партийный деятель Третьего рейха, министр науки, воспитания и образования Пруссии (с 22 апреля 1933), министр науки, воспитания и народного образования Рейха (1 мая 1934 — 30 апреля 1945), руководитель «Национал-социалистических учебных институтов» (с 1 февраля 1934), гауляйтер Южного Ганновера — Брауншвейга (1 октября 1928 год — ноябрь 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1936). Покончил жизнь самоубийством в конце войны.

[296] Артур Аксман (1913 — 1996) — политик нацистской Германии, руководитель немецкой молодёжной организации Гитлерюгенд (1940—1945), рейхсляйтер. Американским судом был приговорён к трём годам лишения свободы.

показания относительно вашей личной ответственности в качестве югендфюрера или сегодня вы хотите в каком-либо отношении её ограничить?

Ширах: Я никоим образом не хочу ограничивать эти письменные показания. Хотя в течение последних лет своей жизни Гитлер отдавал молодёжи приказы, о которых мне неизвестно, и также мой преемник Аксман, в особенности в 1944, отдавал приказы с которыми я не знаком, поскольку отношения между нами была прерваны из-за событий войны, я настаиваю на этом заявлении, которое я сделал в ожидании того, что трибунал будет считать меня единственным человеком ответственным в руководстве молодёжью, и что никакой другой молодёжный руководитель не предстанет перед судом за действия за которые я принял ответственность.

Заутер: Свидетель, теперь меня интересует знать о том являлись ли принципы и директивы, которые вы получали от партии или любого правительственного ведомства формулой для вашего молодежного воспитания; или же принципы вашего молодёжного воспитания вытекали из опыта вашей собственной юности и круга молодёжных руководителей того времени.

Ширах: Последнее верно. Конечно, воспитание Гитлерюгенда[297] являлось воспитанием основанным на национал-социалистической идее. Но в особенности воспитательные идеи не исходили от Гитлера, они также не исходили от остальных руководителей партии; они исходили от самой молодежи, они исходили от меня, и они исходили от моих помощников.

Заутер: Вероятно теперь вы будете любезны объяснить трибуналу более подробно то как вы сами пришли к тем принципам и тому типу молодежного воспитания, основанном на вашем собственном образовании, вашем личном развитии и тому подобном?

Ширах: Мне кажется, что мне проще всего будет так сделать очень кратким очерком истории моей юности и также в этой связи описанием молодежных организаций с которыми я вступал в контакт. Таким образом, я сэкономлю много времени в своих дальнейших заявлениях.

Мой отец был профессиональным офицером в полку гвардейских кирасиров[298] кайзера. Я родился в Берлине, и спустя год мой отец ушел в отставку и переехал в Веймар, где он принял в управление Веймарский национальный театр[299]. Таким образом, я рос в Веймаре и этот город, который был в определенном смысле

---

[297] Гитлерюгенд (сокращенно, HJ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

[298] Кирасиры (в буквальном переводе — латники, фр. cuirasse — латы) — род тяжелой кавалерии, одетой в кирасы. Появились в XVI веке во многих странах Европы как тяжёлая кавалерия, созданная в целях компенсации малочисленности рыцарской кавалерии и одетая в относительно недорогие неполные латы, покрывавшие две трети тела — с головы до колен, и называвшиеся кирасирскими, от которых к XIX веку постепенно остались только шлем и кираса.

[299] Немецкий национальный театр и Государственная капелла в Веймаре — самый известный театр Веймара, объединяющий, как следует из названия, две организации: театр и оркестр. Немецкий национальный театр располагает в городе в целом шестью сценическими площадками.

родным городом всех немцев, я считаю своим родным городом. Мой отец был обеспеченным; наш дом многое давал для интеллектуального и художественного развития, прежде всего в литературной и музыкальной сферах, но помимо этого и за рамками образовательных возможностей нашего дома, сама атмосфера города, атмосфера классического и постклассического Веймара повлияла на моё развитие. Прежде всего, это было genius loci[300], занимавшее моё воображение. Непосредственно из-за этого опыта моей юности позже я приводил молодёжь обратно, год за годом, в Веймар и к Гёте[301]…

Заутер: Господин фон Ширах могу я вас сейчас прервать?

Господин председатель, в этом документе номер Ширах-80, есть – на странице 133 документальной книги Шираха – краткий отчет о культурном съезде Гитлерюгенда в Веймаре. Это является отчетом за 1937, но подсудимый уже сказал вам, что такие культурные съезды Гитлерюгенда каждый год проводили в Веймаре, городе Шиллера[302] и Гёте. В этом докладе, документ 80 документальной книги Шираха, там например, дискуссия о речи подсудимого о важности Гёте для национал-социалистического воспитания молодежи. В этой связи, он говорит, что тогда Ширах заявлял, я цитирую…

Председатель: Доктор Заутер, вам не требуется это читать. Это ссылается на Гёте, вот и все.

Заутер: Господин фон Ширах, в таком случае, вы продолжите?

Ширах: Это был не только ежегодный культурный съезд, но и ежегодная встреча руководства Гитлерюгенда, которая проходила в Веймаре. Помимо этого здесь также было то, что мы называли «Веймарские фестивали немецкой молодежи».

Важно то, что в этой речи я цитировал фразу из Гёте, которая в определенной степени, стал лейтмотивом всей моей воспитательной работы: «Молодежная мода сама освежается молодежью[303]».

Даже мой худший враг не может отрицать факт, что я был для молодого поколения немецкого народа не только пропагандистом национал-социализма, но также пропагандистом Гёте. Некий господин Цимер[304] дал длинные письменные показания, в которых он ругает молодежное воспитание ответственным за которое был я. Мне кажется, что господин Цимер сделал свою работу слишком поверхностно. В его описании немецкого национального воспитания он должен был, по крайней мере, принять во внимание мои воспитательные усилия, призванные

---

[300] Место гения (лат.) – в классической римской мифологии дух-хранитель местности. С 1789 по 1832 в Веймаре жил и творил немецкий поэт И. Гёте.

[301] Вольфганг Гёте (1749—1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель, философ и естествоиспытатель.

[302] Фридрих фон Шиллер (1759 —1805) — немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач, представитель направлений Буря и натиск и романтизма в литературе, автор «Оды к радости», изменённая версия которой стала текстом гимна Европейского союза.

[303] Цитата из произведения И. Гёте «Максимы и размышления» (1833)

[304] Грегор Цимер (1899 – 1982) – американский учитель, писатель и журналист. С 1929 по 1939 проживал в Берлине руководя американской школой.

направлять молодежь к жизни и творчеству Гёте.

Я вступил в свою первую молодежную организацию, когда мне было 10 лет. У меня тогда был такой же возраст, как у юношей и девушек, которые позднее вступали в Юнгфольк[305]. Эта молодёжная организация, в которую я вступил, являлась так называемой «Лигой молодых немцев[306]», которую основал граф фон Гольц[307], бойскаутской организацией. Граф фон дер Гольц и Гезелер[308], впечатленные британским бойскаутским движением[309], сформировали в Германии отряды следопытов, и один из таких отрядов следопытов был в составе только, что названной «Лиги молодых немцев». Они играли важную роль в воспитании немецкой молодежи до 1918 или 1919.

Однако, наиболее существенным для моего развития, было время, которое я провел в учебном лагере. Это было воспитательное учреждение, руководимое известным воспитателем Германом Литцем[310]. Там я обучался таким способом, который я позднее, на совершенно иной основе…

Председатель: Доктор Заутер, вы думаете, что образование самого подсудимого каким-либо образом материально для заслушивания трибуналом? Воспитание, в котором он участвовал это материальный вопрос. Как он участвовал, а не как его учили.

Заутер: Господин председатель, вместе с тем подсудимый просит вас позволить ему такие заявления, в особенности с точки зрения, что ими он хочет показать вам, что принципы, согласно которым он осуществлял молодёжное воспитание приходили к нему не от Гитлера и не из партийного источника, но в результате опыта его собственной юности. На самом деле в этом кое-какое значение для трибунала в исследовании вопроса: согласно каким принципам подсудимый направлял молодежное воспитание, и как он пришел к таким принципам? Подсудимый просит разрешения объяснить это.

Председатель: Что же, доктор Заутер, подсудимый уже занял значительное время, рассказывая нам о своей ранней юности и своём образовании, и трибунал думает, что это следует сократить, и что не настолько много времени требуется тратить на образование подсудимого. Как я вам указал, для нас материально то какое воспитание он давал немецкой молодёжи, а не его собственное образование.

Заутер: Господин председатель, мы, конечно, выполним ваше пожелание.

[*Обращаясь к подсудимому*] Господин фон Ширах, будьте любезны делать

---

305 Юнгфольк — младшая возрастная группа организации Гитлерюгенд, в которой состояли мальчики от 10 до 14 лет. Члены организации именовались пимпфами.

306 «Лига молодых немцев» - с 1924 Союз патриотической молодёжи. Немецкая молодёжная организация основанная в 1911. Занималась спортивной и допризывной подготовкой молодёжи. В 1933 вошла в состав Гитлерюгенда.

307 Кольмар фон дер Гольц (1843 — 1916) — прусский генерал-фельдмаршал.

308 Готлиб фон Гезелер (1836—1919) — прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Меца, организатор бойскаутского движения в Германии.

309 Британская молодёжная организация основанная в 1907.

310 Герман Литц (1868 — 1919) — классик немецкой педагогики; один из сторонников «нового воспитания». Последователь Жан-Жака Руссо и Й.Г. Песталоцци.

заявления как можно короче?

Ширах: Да, я могу быть очень кратким.

Заутер: Пожалуйста, продолжайте.

Ширах: Идея Литца заключалась в том, чтобы дать молодёжи воспитание, которое бы позволило им видеть в школе образ государства. Школьное сообщество было государством в миниатюре и в этом школьном сообществе развивалось самоуправление молодежи. Я лишь хотел также мимоходом указать, что он, применял идеи задолго до него разработанные Песталоцци[311] и великим Жан-Жаком[312]. Всё современное образование, конечно, восходит к Руссо, будь то вопрос Германа Литца или бойскауты, следопыты или немецкое движение «Wandervogel[313]». В любом случае, эта идея самоуправления молодежи школьного сообщества дала мне идею собственного руководства молодёжи.

Моя задумка заключалась в том, чтобы привлечь младшее школьное поколение к идеям придуманным Фрёбелем[314] 80 лет назад. Литц хотел с самых ранних школьных лет влиять на молодежь.

Вероятно, я могу очень кратко сказать, что когда в 1898 Литц начал воспитательную работу, британский майор Баден-Пауэлл[315] окруженный мятежниками в южноафриканском городе, готовил подростков разведке в лесах и этим заложил основу своему бойскаутскому движению, и то, что в тот же самый год, в 1898, Карл Фишер[316] из Берлин-Стиглица основал движение ««Wandervogel».

Заутер: Свидетель, я думаю, что эта глава, которая просто историческое описание, в соответствии с пожеланием председателя, вероятно может быть закончена сейчас. Если я вас правильно понял, вы имеете в виду, что те принципы, которые вы позднее применяли в качестве рейхсюгендфюрера стали вам знакомы в вашей собственной юности от молодёжного движения того времени. Правильно?

Ширах: Да, в основном, да. Основные принципы моей последующей работы шли оттуда.

Заутер: Есть ещё одно положение, о котором я хочу узнать в этой связи. Это воспитание тогда имело какие-либо политические или антисемитские тенденции и как случилось, что вы попали в политику?

Ширах: Нет, эта воспитательная работа не имела политических и категорически никаких антисемитских тенденций, потому что Литц выходец из кругов вокруг

---

[311] Иоганн Песталоцци (1746 — 1827) — швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII — начала XIX века, внёсший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

[312] Жан-Жак Руссо (1712 —1778) — французский философ, писатель, мыслитель эпохи Просвещения. Также музыковед, композитор и ботаник. Виднейший представитель сентиментализма.

[313] «Перелётная птица» — наименование различных немецких и немецкоязычных (Австрия, Швейцария, Люксембург) культурно-образовательных и туристических молодёжных групп и клубов, впервые появившихся в 1896 и существующих по сей день.

[314] Фридрих Фрёбель (1782 — 1852) — немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, создатель понятия «детский сад».

[315] Роберт Баден-Пауэлл (1857 — 1941) — британский военачальник, основатель скаутского движения и гайдовского движения. Менее известен как писатель и художник.

[316] Карл Фишер (1881 – 1941) – основатель движения пешего туризма в Германии.

демократа Наумана[317], из кружка Дамашке[318].

Заутер: Но как вы попали в политику?

Ширах: Между тем разразилась революция. Мой отец…

Заутер: Революция 1918-1919[319]?

Ширах: Да, революция 1918-1919. Моего отца красные вышвырнули с должности. В Веймаре собралось Национальное собрание[320]. Была учреждена республика. У нас была парламентарная система, у нас была демократия, или то, что в Германии считали демократией – я сомневаюсь в этом. Это был приблизительно 1923. Я был тогда дома. Это был период общего волнения, нужды, разочарования; многие респектабельные семьи стали нищими из-за инфляции, и рабочие и граждане теряли свои сбережения. Имя «Гитлер» появилось в связи с событиями 9 ноября 1923[321]. Тогда было нельзя получить о нём точную информацию. Тот суд впервые проинформировал меня и людей моего поколения о том, чего хотел Гитлер. Тогда я не являлся национал-социалистом. Вместе с некоторыми ребятами моего возраста я вступил в молодежную организацию под названием «Knappenschaft[322]». Она была некоторым образом связана с народным движением, но не связана с какой-либо партией. Принципами этой организации были просто товарищество, патриотизм и самоконтроль. Тогда там было около 100 ребят из моего города, которые, в этой молодёжной организации, боролись против поверхностных тенденций молодёжи послевоенного периода и против легкомысленной жизни которую вели подростки.

В этом кружке, шестнадцатилетним я впервые вступил в контакт с социализмом, так как там я встречал молодёжь любого статуса, рабочих парней, мастеров, молодых служащих, фермерских сыновей. Но там среди нас были также те кто был постарше, которые уже устроились в жизни, и кое- кто был на мировой войне. Из дискуссий с этими товарищами я впервые осознал всю суть последствий Версальского договора. Ситуация с молодежью тогда была такой: школьник имел перспективу вырваться в работающие студенты, и затем он по всей вероятности становился членом академического пролетариата так как возможность академической карьеры для него практически вообще не существовала. Молодой рабочий не имел перспективы устроиться подмастерьем. Для него не было ничего

---

[317] Фридрих Науман (1860 — 1919) — германский политический деятель, монархист и социал-либерал, бывший пастор. Один из основателей немецкого Веркбунда (общества объединявшего различных представителей интеллигенции).

[318] Адольф Дамашке (1865 – 1935) – немецкий педагог и политик. Теоретик и практик земельной реформы.

[319] Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 в Германской империи. Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 года, кульминационным моментом — провозглашение республики в полдень 9 ноября, днем формального окончания — 11 августа 1919 года, когда президент республики Эберт подписал Веймарскую конституцию.

[320] Веймарское учредительное собрание или Германское национальное собрание 1919 года — парламент в Германии, принявший новую конституцию и учредивший в стране так называемую Веймарскую республику.

[321] «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

[322] «Горняки» - немецкая молодёжная организация.

кроме ужасающей нищеты безработицы. Этому поколению никто бы не помог, пока бы оно само себе не помогло.

Заутер: И этот кружок к которому вы принадлежали шестнадцатилетним парнем, затем, постепенно дрейфовал к течению национал-социализма?

Ширах: Да, и совершенно естественным путём.

Заутер: Как это случилось?

Ширах: В центральной Германии были беспорядки. Мне лишь требуется упомянуть имя бандитского коммунистического лидера Макса Гёльца[323], чтобы отметить какие тогда имелись условия. И даже после наступления спокойствия, всё ещё преобладали условия делавшие невозможным проводить патриотические митинги, потому что они обыкновенно срывались коммунистами. К нам обращались молодые люди с просьбой обеспечить охрану на этих патриотических митингах, и мы так делали. Некоторых из нас при этом ранили. Одного из нас, некого Гершера убили коммунисты. Таким же образом проводилось большое число национальных митингов, которые иначе не могли проходить в Веймарской республике, также и национал-социалистические митинги; и в возрастающей степени именно такие митинги, мы должны были охранять из-за коммунистического террора направленного против них.

В результате такой охранной деятельности я встретил ведущих национал-социалистов – сначала ораторов, естественно, не лично. Я слышал выступавшим графа Ревентлофа[324]; я думаю также слышал Розенберга; я слышал выступавшим Штрайхера и слышал первые ораторские попытки Заукеля, который вскоре стал гауляйтером национал-социалистической партии в Тюрингии.

Председатель: О какой дате он говорит?

Заутер: Это период 1924, то есть через год после Гитлеровского путча.

Свидетель, таким образом, кружок членом которого вы были, попал под национал-социалистическое влияние. Это также поддерживалось чтением, чтением национал-социалистической литературы?

Ширах: Конечно, мне неизвестно, что читали мои товарищи, за исключением одной книги, которую я должен прямо привести. Мне известно лишь то, что я читал сам; я был заинтересован тогда в трудах байройтского мыслителя, Чемберлена[325], в «Основах девятнадцатого века», в трудах Адольфа Бартельса[326], в его «Введении во всемирную литературу» и «Историю германской национальной литературы». Там были работы…

Председатель: Я вам уже сказал, что мы не хотим знать полную историю

---

[323] Макс Гёльц (1889 — 1933) — немецкий революционер, один из активных участников и организаторов революционных восстаний в Германии в 1920—1921 годах.

[324] Эрнст цу Ревентлоф (1869 – 1943) – немецкий офицер флота, журналист и национал-социалистический политик.

[325] Хьюстон Чемберлен (1855 — 1927) — англо-немецкий писатель, социолог, философ, один из основоположников расизма.

[326] Адольф Бартельс (1862 —1945) — немецкий прозаик, журналист и поэт, профессор, историк литературы, предвестник и приверженец немецкого национал-социализма и антисемитизма.

образования подсудимого. Теперь он приводит нам серии книг, которые он читал, но мы вы этом не заинтересованы.

Заутер: Господин председатель, очень хорошо.

Ширах: Я должен лишь сказать в одном фразе, что это были работы, которые не имели явной антисемитской тенденции, но в которых антисемитизм был красной нитью. Решающей антисемитской книгой прочитанной тогда, повлиявшей на моих товарищей…

Заутер: Пожалуйста…

Ширах: … была книга Генри Форда[327] «Всемирное еврейство»; я прочёл её и стал антисемитом. В те дни эта книга произвела настолько сильное впечатление на меня и моих друзей, потому что мы видели в Генри Форде олицетворение успеха, образец прогрессивной социальной политики. В обездоленной и несчастной Германии, молодежь смотрела на Америку, и помимо этого великого благодетеля, Герберта Гувера[328], Генри Форд был тем, кто олицетворял для нас Америку.

Председатель: Доктор Заутер, трибунал думает, как уже дважды говорилось, что образовательные влияния на подсудимого, совершенно к нам не относятся. Я не хочу говорить это снова, но до тех пор, пока вы не сможете контролировать подсудимого и направлять его, я буду вынужден остановить его показания.

Заутер: Но, господин председатель, трибунал не интересует, для суждения о личности этого подсудимого, узнать о том как подсудимый стал национал-социалистом и как подсудимый стал антисемитом? Я думал…

Председатель: Нет, трибунал это не интересует.

Заутер: Свидетель, тогда как вы встретили Гитлера и как получилось, что вы вступили в партию?

Ширах: Я должен сказать, что я стал национал-социалистом не из-за антисемитизма, но из-за социализма. Я встретил Гитлера уже в 1925. Он только, что вышел из Ландсберга-на-Лехе, его заключение завершилось, и он там выступил. Это был повод, когда меня ему представили. Программа по национальному сообществу, которую он развивал, воздействовала на меня настолько сильно, потому что в ней я нашел в большем масштабе то, что я ощущал меньшим образом в товариществе моей молодёжной организации. Он показался мне человеком, который прокладывал путь в будущее для нашего поколения. Я верил, что с ним можно предложить этому молодому поколению перспективу работы, счастья. И в нём я видел человека, который освободит нас от оков Версаля. Я убеждён, без Версаля восхождение Гитлера к власти никогда бы не состоялось. Этот диктат привёл к диктатуре.

Заутер: Свидетель, когда вы стали членом партии?

Ширах: Я стал членом партии в 1925. Я вступил тогда же в СА, со всеми своими

[327] Генри Форд (1863 — 1947) — американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей по всему миру, изобретатель, автор 161 патента США.

[328] Герберт Гувер (1874 — 1964) — 31-й президент США с 1929 по 1933, от Республиканской партии.

товарищами.

Заутер: Вам тогда было 18?

Ширах: Да.

Заутер: Почему вы вступили в СА?

Ширах: СА осуществляли охрану митингов, и мы просто продолжали в СА, как части партии, деятельность, которую мы осуществляли ранее в своей молодёжной организации.

Заутер: Свидетель, в 1926, то есть, когда вам было 19 лет, в Веймаре был партийный съезд?

Ширах: Да.

Заутер: Насколько мне известно, вы лично говорили с Гитлером по этому поводу; это верно?

Ширах: Да. Годом ранее я лично говорил с Гитлером. По этому поводу, была ещё одна встреча. Он произносил речи разнородной массе митинговавшей в Веймаре, и он снова вернулся в Веймар в тот же год для выступления перед меньшим кругом. Вместе с Рудольфом Гессом он посетил дом моих родителей и по этому поводу он предложил, чтобы я учился в Мюнхене.

Заутер: Почему?

Ширах: Он думал, чтобы я сам узнал о самом ядре партии и думал, чтобы я, таким образом, познакомился с партийной работой. Но тут я хочу сказать, что тогда я не имел никакого намерения становиться политиком. Вместе с тем, я, конечно, был очень сильно заинтересован, в знакомстве с движением в том месте, где оно возникло.

Заутер: Затем вы отправились в Мюнхен, и обучались там?

Ширах: Да, тогда я отправился в Мюнхен. Сначала я не занимал себя партией. Я был занят изучением немецких трудов и историей искусства; я писал и вступил в контакт со многими людьми в Мюнхене, которые в действительности не были национал-социалистами, но которые принадлежали, должен сказать, к периферии национал-социалистического движения. Тогда я жил в доме моего друга, издателя Брукмана[329]…

Заутер: Затем в 1929 вы стали главой движения в университетах. Я думаю, вы были избраны, а не выдвинуты, на этот пост?

Ширах: Ситуация в начале была такой: я присутствовал на партийных митингах в Мюнхене; в салоне Брукмана я встречал Гитлера и Розенберга и многих других людей, которые позднее играли важную роль в Германии. И в университете я вступил в университетскую группу национал-социалистической лиги немецких студентов.

Председатель: Да, продолжайте.

---

[329] Гуго Брукман (1863 — 1941) — немецкий издатель. Поддерживал национал-социалистическое движение с его зарождения, состоял в НСДАП и считался влиятельным покровителем Адольфа Гитлера.

Заутер: Господин фон Ширах продолжайте, вы только, что сказали, что вы вступили в университетскую группу в Мюнхене. Пожалуйста, вы продолжите?

Ширах: Да, и я также начал принимать активное участие в этой группе. Я там рассказывал перед моими товарищами, сначала о своей собственной работе в литературной области и затем я также стал давать студентам лекции о национал-социалистическом движении. Я организовывал встречи Гитлера со студентами в Мюнхене, и затем я был избран членом генерального студенческого комитета, АСТА[330], и в результате такой деятельности среди студентов я все больше и больше шёл к партийному руководству. В 1929, человек, который тогда был так называемым рейхсляйтером национал-социалистического студенческого союза ушел в отставку, и возник вопрос о том, кому следует передать руководство всеми университетскими группами. Тогда Рудольф Гесс, от имени фюрера, опросил все университетские группы в национал-социалистическом университетском движении и большинство этих групп отдали свои голоса за меня в качестве главы национал-социалистического студенческого союза. Этим объясняется любопытный факт, что я был единственным партийным руководителем, который был избран в руководство партии. Это нечто такое чего никогда не случалось в истории партии.

Заутер: Вы имеете в виду, что все остальные были выдвинуты, и только вы избраны?

Ширах: Я был избран, и затем утвержден в должности.

Заутер: И если я прав, вы были избраны на студенческом митинге в Граце в 1931.

Ширах: Это неправильно. Это ошибка. Я сейчас лишь говорю о национал-социалистическом университетском движении; я вернусь к этому положению позднее.

Теперь я был руководителем национал-социалистического университетского движения, и я реорганизовал это движение. Я начал свою работу в качестве оратора. В 1931 я был…

Председатель: Разумеется достаточно то, что он стал руководителем. На самом деле, не очень важно был он избран или нет.

Заутер: Господин председатель, я всё время прилагаю усилия сократить его речь. Но вероятно я могу задать ещё один вопрос, относящийся к этому предмету.

Свидетель, затем в 1931, насколько мне известно, вы были избраны президентом генерального конгресса австрийского и немецкого студенчества, включающего все партии, и я думаю избраны, единогласно. Это верно?

Ширах: Это неправильно.

Заутер: Господин фон Ширах, тогда кратко это поясните.

Ширах: Это неправильно. На митинге общегерманского конгресса немецкого

---

[330] Генеральный студенческий комитет (сокр. от нем. Allgemeiner Studierendenausschuss) - студенческая организация в Германии в которой студенчество осуществляет самоуправление, а также представляет интересы студентов в отношении с университетами.

студенчества в 1931, на котором были представлены все германские студенты и все австрийские студенты и судетско-немецкие студенты, один из моих соратников, которого я предложил в качестве руководителя был единогласно избран главой общей студенческой группы. Это было очень важным делом для молодёжи и для партии. За два года до захвата власти вся академическая молодежь единогласно отдала свои голоса за национал-социалиста. После этого студенческого съезда в Граце, я с Гитлером…

Председатель: Я думаю было бы подходящим временем прерваться.

Заутер: Очень хорошо.

[*Объявлен перерыв*]

Заутер: Свидетель, до перерыва мы остановились на том факте, что в 1929, вы были избраны руководителем академической молодёжи. Два года спустя, Гитлер сделал вас рейхсюгендфюрером. Как состоялось это назначение?

Ширах: После студенческого митинга в Граце в 1931, успех которого был очень неожиданным для Гитлера, я провел с ним совещание. В ходе этой встречи Гитлер упомянул наш предыдущий разговор. Тогда он спросил меня, как получилось, что национал-социалистическое университетское движение развивается так быстро, в то время как остальные национал-социалистические организации отставали в своём развитии.

Я сказал ему, что нельзя возглавлять молодёжные организации как приложение к политической партии; молодежь должна была возглавляться молодёжью, и я раскрыл ему идею молодёжного государства, ту идею, которую пришла ко мне из опыта школьного сообщества, школьного государства. И впоследствии Гитлер в 1931 спросил меня, хочу ли я принять руководство национал-социалистической молодёжной организацией. Она включала молодёжные ячейки, затем «Гитлерюгенд» и национал-социалистическую студенческую организацию, которая также тогда существовала. Несколько людей уже попробовали свои силы в руководстве этими организациями: бывший оберстфюрер, руководитель СА Пфеффер[331], рейхсляйтер Бух[332], и безрезультатно.

Я согласился и стал тогдашним рейхсюгендфюрером НСДАП временно сотрудником штаба высшего фюрера СА Рёма[333]. В этой должности, в качестве рейхсюгендфюрера НСДАП в штабе Рёма у меня было звание группенфюрера СА и

---

[331] Франц Пфеффер фон Заломон (1888—1968), руководитель Штурмовых отрядов (СА) (1 ноября 1926 года — 29 августа 1930 года), обергруппенфюрер СА.

[332] Вальтер Бух (1883 — 1949) — партийный деятель НСДАП, председатель Высшего партийного суда НСДАП (ноябрь 1927 — май 1945). Рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934), группенфюрер СА (18 декабря 1931). Американским судом был приговорён к 5 годам трудовых лагерей. Покончил жизнь самоубийством после освобождения из лагеря.

[333] Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей».

такое звание сохранилось у меня, когда через полгода, я стал самостоятельным в своей должности. Это также объясняет факт, что я обергруппенфюрер СА. Я получил это звание много лет спустя, как почетное. Однако, я не имел формы СА – даже после 1933.

Заутер: Тогда в 1931, вы стали рейхсюгендфюрером НСДАП?

Ширах: Да.

Заутер: Конечно, это была партийная должность?

Ширах: Да.

Заутер: Затем в 1932 вы стали рейхсляйтером? В то время вам было 25 лет. Как это произошло?

Ширах: Я уже сказал, что я высказал Гитлеру мнение, что молодёжь не может быть приложением к другой организации, молодёжь должна быть самостоятельной; она должна сама себя вести; она должна стать независимой; и выполнением обещания, которое Гитлер дал мне, стало то, что спустя полгода, я стал самостоятельным рейхсляйтером.

Заутер: Самостоятельным рейхсляйтером, значит, вы подчинялись непосредственно руководителю партии Гитлеру?

Ширах: Да.

Заутер: Тогда на какие материальные средства создавалась ваша молодёжная организация?

Ширах: Средствами, внесенными самой молодёжью.

Заутер: И как эти фонды пополнялись? Сборами?

Ширах: Юноши и девушки вносили членские взносы. Часть этих членских взносов оставалась в так называемых отделах окружного руководства, которые соответствовали гауляйтерству в партии или району СА. Другая часть шла рейхсюгендфюреру. «Гитлерюгенд» финансировал свои организации своими собственными средствами.

Заутер: Тогда, меня интересует следующее: «Гитлерюгенд», который вы создали и которому было дано имя Гитлера, получил свою значимость только после захвата власти и только в результате захвата власти, или каким был предыдущий размер этой, созданной вами молодёжной организации?

Ширах: Уже в 1932, до захвата власти, «Гитлерюгенд» был крупнейшим молодёжным движением в Германии. Тут я хочу добавить, что отдельные национал-социалистические организации, которые я основал, когда принял должность рейхсюгендфюрера были объединены в одно крупное единое молодёжное движение. Это молодёжное движение было сильнейшим молодёжным движением в Германии задолго до нашего прихода к власти.

2 октября 1932 «Гитлерюгенд» провёл митинг в Потсдаме. На этом митинге собрались более чем 100 000 молодёжи со всего Рейха без предоставления партией одного пфеннига. Средства было внесены самими молодыми людьми. Лишь

по численности участников можно понять, что это было крупнейшее молодёжное движение.

Заутер: Свидетель, обвинение предъявило своё обвинение, что позднее, после захвата власти – мне кажется в феврале 1933 – вы приняли рейхскомитет по германским молодёжным организациям. Это верно, и против кого была направлена эта акция?

Ширах: Это верно. Рейхскомитет по молодёжным организациям был не более чем статистическим ведомством, которое подчинялось рейхсминистру внутренних дел. Этим ведомством управлял отставным генералом, генералом Фогтом, который позднее стал одним из моих способнейших помощников. Принятие этого рейхскомитета было революционным актом, мерой, которую молодежь проводила для молодёжи, так как с того дня отсчитывалась реализация идеи молодёжного государства в государстве. Я не могу сказать чего-либо ещё об этом.

Заутер: Обвинение далее вменяет вам, свидетель, роспуск так называемого «Grossdeutscher Bund[334]» в 1933, то есть, после захвата власти. Чем был «Grossdeutscher Bund», и почему вы его распустили?

Ширах: «Grossdeutscher Bund» был молодёжной организацией, или скорее союзом молодёжных организаций, с пангерманскими тенденциями.

Следовательно, я удивлен, что обвинение вообще приводит роспуск этой организации как обвинение.

Заутер: Многие члены этого «Grossdeutscher Bund» были национал-социалистами. Не существовало существенных различий между некоторыми молодёжными группами, объединенными в этой организации и Гитлерюгендом. Это верно?

Ширах: Я хотел единства, а «Grossdeutscher Bund» хотел продолжать какое-то отдельное существование. Я возражал этому, и были публичные споры между адмиралом фон Трота[335], руководителем ««Grossdeutscher Bund» и мной, и в конце «Grossdeutscher Bund» был включен в нашу молодёжную организацию. Я точно не помню, запрещал ли я формально эту организацию; я знаю лишь, что члены приходили ко мне, и что между адмиралом фон Трота и мной имела место дискуссия, согласование. Адмирал фон Трота до своей смерти был одним из горячих спонсоров моей работы.

Заутер: Как происходило подавление марксистской молодёжной организации?

Ширах: Мне кажется, если правильно помню, что подавление марксистских молодёжных организаций, происходило в связи с подавлением профсоюзов. У меня нет об этом каких-либо точных документов. Но в любом случае, с юридической точки зрения, в 1933, я не был уполномочен приказывать о подавлении такого рода. Это должен был делать министр внутренних дел. Де юре я имел право запрещать

---

334 «Великогерманский союз» - объединение молодёжных организаций основанное в марте 1933 как противовес «Гитлерюгенду» в июне 1933 вошёл в состав «Гитлерюгенда».

335 Адольф фон Трота (1868 —1940) — немецкий военно-морской деятель, адмирал, командующий флотом. С марта 1919 по октябрь 1920 начальник адмиралтейства флота Рейха.

молодёжные организации, только после 1 декабря 1936. О том что марксистские молодёжные организации должны были исчезнуть мне было известно заранее, и говоря об этом приказе, о подавлении как таковом, я могу лишь сказать, что немецкая рабочая молодежь нашла реализацию своих социалистических идей, не при марксистских правительствах Веймарской республики, но в сообществе «Гитлерюгенда».

Заутер: Свидетель, сначала вы были рейхсфюрером НСДАП; это была партийная должность. И после захвата власти, вы стали рейхсюгендфюрером; это была государственная должность. На основании этой государственной или национальной должности, вы также имели юрисдикцию и ответственность за школьную систему, к примеру, за начальные школы?

Ширах: Для школьной системы в Германии только рейхсминистерство науки, образования и культуры было единственным авторитетом. Моя область была воспитанием вне школ вместе с домом и школой, как сказано в законе от 1 декабря 1936. Однако, у меня были некоторые школы, так называемые школы Адольфа Гитлера[336], которые не находились под государственным надзором. Они были творениями более позднего периода. И во время войны, при помощи детской эвакуационной программы, то есть, организации с помощью которой мы заботились о молодых людях из крупных городов, которым угрожали бомбардировки – я был ответственным за образование в лагерях где размещались эти дети. Но в целом ответ на вопрос по компетенции в школьной системе Германии отрицательный.

Заутер: Эта молодёжь, которая должна была обучаться вне школ называлась «Гитлерюгендом», ГЮ.

Членство в «Гитлерюгенде» было обязательным или добровольным?

Ширах: Членство в «Гитлерюгенде» было добровольным до 1936. В 1936 был принят уже упоминавшийся закон, касавшийся ГЮ, который делал всю немецкую молодёжь членами ГЮ. Однако, инструкции по исполнению данного закона, были приняты только в марте 1939, и только во время войны, в мае 1940, у рейхсюгендфюрера рассматривалась и обсуждалась публично мысль проводить призыв немецкой молодёжи. Могу я отметить, что мой заместитель Лаутербахер[337], в то время, когда я был на фронте, заявил на публичном митинге – мне кажется во Франкфурте в 1940 – что теперь после 97 процентов молодежной возрастной группы добровольцев для Гитлерюгенда, оставалось необходимым отобрать остававшиеся 3 процента при помощи призыва молодёжи.

Заутер: Господин председатель, в этой связи, могу я сослаться на два документа из документальной книги Шираха. То есть номер Ширах-51.

---

[336] Школы с уклоном в изучение фольклора, политики, всего с 1933 по 1945 было создано 12 подобных школ.

[337] Хартман Лаутербахер (1909 — 1988) — партийный, политический и государственный деятель эпохи «Третьего Рейха», заместитель рейхсюгендфюрера НСДАП, начальник штаба Гитлерюгенда (22 мая 1934 года — 8 августа 1940 года), гауляйтер Южного Ганновера — Брауншвейга (2 декабря 1940 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), группенфюрер СА (20 апреля 1940 года), обергебитсфюрер (5 июля 1933 года).

Председатель: Я не совсем понял, что сказал подсудимый. Он сказал, что членство было добровольным до 1936, что затем был принят закон о ГЮ и нечто имевшее отношение к исполнению закона не публиковалось до 1939. Он так сказал?

Заутер: Да, это правильно. До 1936 – господин председатель – членство в «Гитлерюгенде» было абсолютно добровольным. Затем в 1936 был принят закон о ГЮ, который предусматривал, что юноши и девушки должны состоять в «Гитлерюгенде». Но меры по его применению были определены подсудимым только в 1939, что означает, что вместе с тем на практике, до 1939 членство было на добровольной основе.

Председатель: Подсудимый, это так?

Ширах: Да, это правильно.

Заутер: Господин председатель, и эти факты, которые я только, что представил, также можно увидеть из двух документов документальной книги Шираха, номер Ширах-51, на странице 91, и номер Ширах-52 на странице 92. В последнем документе…

Председатель: Доктор Заутер очень хорошо, я принимаю это от вас и от подсудимого. Я лишь хотел это понять. Вы можете продолжать.

Заутер: И во втором документе также сделано упоминание о 97 процентах добровольно вступивших в ГЮ, о которых говорил подсудимый, а значит оставалось лишь 3 процента. Могу я продолжить:

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, в чём заключалось отношение родителей детей к вопросу о том должны ли дети вступать в ГЮ или нет? Что говорили родители?

Ширах: Конечно, были родители, которые не хотели вступления своих детей в ГЮ. Всякий раз, выступая с речами по радио к родителям или молодёжи, многие сотни родителей направляли мне письма. Среди этих писем были те, которые высказывали свои возражения ГЮ, или выражали этим своё недовольство. Я всегда считал это особым подтверждением доверия ко мне этих родителей. Тут я хочу сказать, что никогда, если родители удерживали своих детей от вступления, я не оказывал никакого принуждения и не оказывал на них никакого давления. Сделав так, я бы потерял всё доверие, данное мне родителями Германии. Такое доверие было основой моей воспитательной работы.

Мне кажется, что по этому поводу, я должен сказать, что концепция, что любая молодёжная организация, может быть создана и вести деятельность, и успешно действовать, в результате принуждения молодёжи, абсолютно ложная.

Заутер: Свидетель, подростки, которые не вступали в «Гитлерюгенд» страдали от каких-либо притеснений по этой причине?

Ширах: Подростки, которые не вступали в «Гитлерюгенд» ущемлялись в том, что не участвовали в наших лагерях, наших походах, наших спортивных сборах. Они были в определенном смысле отстраненными от жизни молодёжи, и существовала

опасность, что они могут стать ипохондриками.

Заутер: Но не существовало определенных профессий, для которых членство в ГЮ было предварительным условием для работы в таких профессиях?

Ширах: Конечно.

Заутер: Какими были профессии?

Ширах: Например, профессия учителя. Совершенно ясно, что учитель не мог учить молодёжь, пока он сам не знал о жизни этой молодёжи, и значит, мы требовали, чтобы молодые учителя, те которых готовили к учительству, должны были пройти ГЮ. Учитель начальных классов должен был быть знаком с жизненным путём учеников, которые были у него под надзором.

Заутер: Но было немного таких профессий, в то время как для остальных профессий членство в ГЮ не было предварительным условием допуска. Такой была ситуация?

Ширах: Я не могу на это подробно ответить. Мне кажется, что обсуждение этого даже невозможно, потому что вся молодёжь находилась в «Гитлерюгенде».

Заутер: Свидетель, вам известно, что обвинение также обвинило подсудимых в оправдании фюрер-принципа. Следовательно, я спрашиваю вас:

Фюрер-принцип также действовал в ГЮ, и в какой форме он использовался в ГЮ? Я хочу напомнить вам, что я имею в виду тот фюрер-принцип, о котором мы слышали в показаниях.

Ширах: Конечно, ГЮ был построен на фюрер-принципе; единственное, общая форма руководства молодежью в основном отличалась от иных национал-социалистических организаций. Например, мы установили в молодёжном руководстве откровенно обсуждать все интересующие нас вопросы. На наших встречах окружных руководителей были оживленные дебаты. Даже я сам воспитывал своих помощников в духе противоречия. Конечно, однажды мы, обсуждая, дебатировали о мерах, и я отдал приказ или директиву, что прекратило дебаты. Молодёжные руководители – то есть молодые руководители юношей и девушек – за годы совместной работы и службы общему делу, стали едиными для тысяч. Они стали друзьями. Очевидно, что в группе такого рода исполнение приказов и директив имело место способами совершенно отличными от способов военной организации или какой-либо иной политической организации.

Заутер: Свидетель…

Ширах: Могу я, кое-что добавить?

Руководство основанное на естественном авторитете, таком, какой мы имели в молодёжной организации это нечто совершенно не чуждое молодежи. Такое руководство в молодёжной организации никогда не перерождалось в диктатуру.

Заутер: Свидетель, вы обвиняетесь в подготовке молодёжи военным образом, и в этой связи, указывалось на факт, что ваш ГЮ носил форму. Это правильно, и почему ГЮ носил форму?

Ширах: Я заявлял о своём мнении об этом во многих примерах. Мне кажется,

существуют документы иллюстрирующие это. Я всегда описывал форму ГЮ как одежду товарищества. Форма была символом сообщества без классовых различий. Рабочие юноши носили такую же одежду, как и сын университетского профессора. Девушка из обеспеченной семьи носила такую же одежду как ребенок поденщика. Отсюда форма. Эта форма вообще не имела никакого военного значения.

Заутер: Господин председатель, в этой связи, могу я попросить вас принять судебное уведомление о документе номер Ширах-55 из документальной книги Шираха, затем номере Ширах-55а и 117, в которых подсудимый фон Ширах, многие годы выражал письменно и непрерывно такие же линии мысли, которые он выражает сегодня.

Господин председатель, я хочу лишь разрешения поправить ошибку в документе 55, на странице 98. Сильно ниже, под названием «страница 77» цитата из книги Шираха. Там сказано:

«Даже сын миллионера не имеет никакой другой власти…»

Мне, не известно нашли ли вы отрывок. Это на странице 77 цитируемой книги, и страница 98 документальной книги, номер Ширах-55. Есть цитата внизу страницы:

«Даже сын миллионера не имеет никакой другой власти…». Следует читать «одежды», а не «власти». Немецкое слово «власть» меняется на слово «одежда».

Таким образом, я прошу заменить слово «власть», на слово «одежда».

Свидетель, тогда я продолжу допрос. Вы обвиняетесь в подготовке молодёжи к войне, психологически и педагогически. Вы предположительно участвовали в заговоре с такой целью, заговоре в результате которого национал-социалистическое движение приобрело тотальную власть в Германии и наконец, запланировало и осуществило агрессивные войны. Что вы можете об этом сказать.

Ширах: Я не участвовал ни в каком заговоре. Я не могу считать участием в заговоре, если я вступил в национал-социалистическую партию. Программа этой партии была одобрена; она публиковалась. Партии было разрешено принимать участие в выборах. Гитлер не говорил – ни он, ни кто-либо из его соратников – «Я хочу получить власть в результате государственного переворота». Снова и снова он публично заявлял, не только однажды, но сотни раз: «Я хочу побороть эту парламентарную систему законными средствами, потому что из года в год она ведет нас к нищете». И я сам как самый молодой депутат Рейхстага республики говорил своим 60 000 избирателей похожие вещи на предвыборной кампании.

Не существовало ничего, что может подтвердить факт о заговоре, ничего, что обсуждалось за закрытыми дверями. Что мы хотели это откровенности перед нацией, и до тех пор, пока печатную прессу читали по всему миру, каждый за рубежом мог быть проинформированным об этих целях и задачах.

Что касается приготовлений к войне, я должен заявить, что я не принимал

участия ни в каких совещаниях или принятии приказов, которые бы указывали на подготовку к агрессивной войне. Мне кажется это можно было понять, из слушаний в этом суде.

Я могу заявить лишь, то, что я не участвовал в заговоре. Мне также не кажется, что здесь был заговор; мысль о заговоре противоречит идее диктатуры. Диктатура не сговаривается; диктатура командует.

Заутер: Свидетель, что делало руководство «Гитлерюгенда» для подготовки молодёжи к войне и подготовки для военных задач?

Ширах: До ответа на этот вопрос, мне кажется, я должен кратко объяснить о разнице между военной и допризывной подготовкой.

Военная подготовка, по моему мнению, это обучение с оружием, полностью проводимое военнослужащими, то есть, офицерами, с оружием войны и без. Допризывная подготовка, в самом широком смысле, вся подготовка, которая предшествует времени военной службы; в отдельных случаях это специальная подготовка к военной службе. Мы, в «Гитлерюгенде», были противниками любой военной муштры молодёжи. Нам не нравилась такая муштра для молодёжи. Я не привожу здесь личное мнение, но мнение тысяч моих соратников.

Это факт, что я отверг молодежные группы обороны, которые ранее существовали в Германии, и не позволял продолжать работу молодёжных групп обороны внутри ГЮ. Я всегда сильно возражал против любой игры в солдатики в молодёжной организации. При всём своём уважении к профессии офицера, я всё же не считаю офицера пригодным к руководству молодёжью, потому что тем или иным путём, он всегда применяет тон муштры и формы военного руководства молодёжью.

Такова причина, почему я не имел никаких офицеров в качестве своих помощников в «Гитлерюгенде». В связи моим отказом использовать офицеров в качестве молодёжных руководителей, меня жестко критиковал Вермахт. Я хочу отметить, что это не шло от ОКВ; фельдмаршал Кейтель в особенности хорошо понимал мои идеи. Однако в Вермахте снова и снова, слышалась критика насчет общего оппозиционного отношения молодёжного руководящего корпуса к наличию офицеров в качестве руководителей молодёжной организации. Принцип «молодёжь ведёт молодёжь» никогда не нарушался в Германии.

Если мне сейчас четко отвечать на вопрос о том готовилась ли молодёжь к войне или обучалась ли она в военном смысле, в заключение, я должен сказать, что основные усилия всей молодёжной работы в Германии выражались в профессиональной конкуренции, проффесиональных школах, в походах и спортивных соревнованиях. Физическая подготовка, которая вероятно некоторым образом, может рассматриваться подготовкой к военной службе, занимала небольшую часть нашего времени.

Я хочу привести тут пример: Например, гебит или округ, «Гитлерюгенда»,

гебит Гессен-Нассау, который в то же время был одинаковым как гау партии, распределял свои фонды в 1939 следующим образом: 9/20 на культурную работу; 3/20 на спорт и физическую подготовку; 3/20 для гражданской обороны, и остальные задачи и учреждения, 5/20.

На этой же территории, в 1944 – то есть, за 1 год до конца войны – для культурной работы, 4/20; на спорт и оборонную подготовку, 5/20; на гражданскую оборону и остальные задачи, 6/20; и для эвакуации детей в сельскую местность, 5/20.

В этой связи я хочу кратко упомянуть, что в том же районе с 1936 по 1943, не производилось расходов на расово-политическое воспитание; в 1944 была запись о 20 марках с человека на расово-политическое воспитание для ознакомления с иллюстрированной книгой о наследственности и венерических заболеваниях. Однако, в том же самом округе, в одном и том же городе, в тоже самое время, молодёжи были выделены 200 000 марок для посещения театров.

На вопрос, касающийся допризывной или военной подготовки мне нельзя ответить без описания малокалиберных тировых стрельб. Малокалиберная стрельба была спортом немецкой молодёжи. Она находилась в рамках международных правил спортивной стрельбы. Малокалиберная стрельба в соответствии со статьей 177 Версальского договора не запрещалась. В этой статье прямо сказано, что стрелковым клубам, организациям спортинга[338] и пешего туризма запрещалось готовить своих членов в обращении с вооружениями. Однако, малокалиберная винтовка не вооружение. Для нашей спортивной стрельбы мы использовали винтовку похожую на американский 22-й калибр. Она использовала магазин 22-калибра Флобера[339] для коротких и длинных дистанций.

Тут я хочу сказать, что вся наша снайперская подготовка и остальная так называемая допризывная подготовка собрана в руководстве под названием «Служба ГЮ». Эта книга была напечатана и продавалась не только в Германии, но также была доступна за рубежом.

Британская комиссия по образованию в 1938 высказала суждение об этой книге в образовательной брошюре номер 109. С разрешения трибунала, я хочу кратко процитировать, что говорилось об этом в образовательной брошюре. Я цитирую на английском:

> «Несправедливо сказать, что это, по сути, более милитаристская работа, чем какое-либо тщательное, исчерпывающее и обширное руководство по подготовке бойскаута. Точнее, почти сорок страниц,

---

[338] Стендовая стрельба — один из подвидов стрелкового спорта. Соревнования по стендовой стрельбе проводятся на открытых стрельбищах. Стрельба ведётся из гладкоствольных ружей дробовыми зарядами по специальным мишеням-тарелочкам.

[339] Патрон Флобера — разновидность патронов кольцевого воспламенения, в которых отсутствует пороховой заряд, а роль метательного вещества выполняет капсюльный состав. Первый образец такого боеприпаса был создан в 1845 году французским оружейником Луи Флобером.

посвящены теории и практике стрельбы из малокалиберной винтовки и воздушной винтовки, но в них нет ничего, из чего можно было бы сделать исключение, и худшее, что можно сказать о них, это то, что они могут быть с уверенностью рекомендованы вниманию любого бойскаута, желающего получить свой значок меткости».

Что касается духовного отношения «Гитлерюгенда», я могу лишь сказать, что оно определенно не было милитаристским.

Заутер: Мы, вероятно, вернёмся позднее к этому в другом вопросе. Вы сказали, что «Гитлерюгенд» готовился с винтовками Флобера, или малокалиберными винтовками, как они также назывались. «Гитлерюгенд» также готовился с пехотными винтовками или даже пулемётами или автоматами?

Ширах: Разумеется, нет.

Заутер: Вообще нет?

Ширах: Ни один немецкий парень, до войны, не готовился с оружием, военным оружием, будь то пехотная винтовка, пулёмет или пехотное орудие; ни с ручными гранатами какого-либо вида.

Заутер: Господин председатель, в документальной книге Шираха есть несколько документов показывающих, что отношение подсудимого фон Шираха касательно вопроса военной или допризывной подготовки «Гитлерюгенда» было точно таким же, как он заявил сегодня, в особенности, то, что он сам высказывался против любой военной муштры, солдатского языка, и всех таких вещей.

Эти документы в основном в документальной книге Шираха: 55, затем 122, 123, 127, 127а, 128 и 131. Я прошу вас принять судебное уведомление об этих документах. Они содержат в целом такие же заявления, которые кратко высказал господин фон Ширах.

Господин фон Ширах, в связи с так называемой военной подготовкой молодёжи, я бы хотел знать какое влияние имели СА на обучение молодёжи?

Ширах: Вообще никакого. СА попытались получить влияние на воспитание и подготовку молодёжи.

Заутер: Каким образом?

Ширах: Это был январь 1939. Тогда я был в Дрездене, где я готовил представление, которое показывало современную гимнастику для девушек. Я это отчетливо помню. Пока я там находился, мне показали газету в которой содержалось распоряжение Гитлера, согласно которому две взрослые возрастные группы «Гитлерюгенда» должны были получать допризывную подготовку в СА. Я сразу же заявил этому протест и после своего возвращения в Берлин я не смог отменить распоряжение, так как этого нельзя было сделать по причинам престижа Гитлера, но отменил его в части касавшейся молодёжи.

Заутер: Господин председатель, этот инцидент содержится в документе в

документальной книге Шираха, Ширах номер 132. Это заявление из «Das Archiv[340]», полуофициального журнала. Я хочу сослаться на это как на доказательство; и в отношении вопроса стрелковой подготовки я хочу задать подсудимому ещё один вопрос.

Какую часть во всей подготовке ГЮ занимала стрелковая практика? Это было очень существенной частью или существенной?

Ширах: К сожалению, у меня здесь нет документального материала, который позволит мне точно ответить. Но в любом случае, она не была существенной частью подготовки в ГЮ.

Заутер: Снайперская подготовка заходила как-нибудь дальше, согласно вашему опыту и наблюдениям, чем снайперская подготовка в иных нациях?

Ширах: Снайперская подготовка молодёжи в остальных странах заходила гораздо дальше, гораздо дальше, чем в Германии.

Заутер: Вам это известно из ваших собственных наблюдений?

Ширах: Я знаю это от многих своих помощников, которые постоянно проводили подробные исследования о подготовке в других странах, и я знаю об этом по своим собственным наблюдениям.

Председатель: Вы думаете к делу относится тот факт, что остальные нации готовили снайперов? Я не уверен, правда ли это, но во всяком случае, это не относится к делу.

Заутер: Свидетель, тогда я перехожу к другому вопросу. Обвинение утверждает, и я цитирую:

> «…что тысячи юношей готовились ГЮ военным образом к работе флота, военно-морской авиации и танковых войск и что более семи тысяч учителей подготовили более миллиона «Гитлерюгенда» снайперской стрельбе».

То есть цитата обвинения ссылалось на какую-то встречу в 1938 году. Тут я хочу, чтобы вы заявили о своей позиции относительно вопроса, вопроса специальных подразделений «Гитлерюгенда».

Ширах: Обвинение ссылается, если я не ошибаюсь, на речь, которую произнес Гитлер. Как Гитлер пришёл к таким цифрам, касательно подготовки, я не могу сказать. Относительно подготовки в специальных подразделениях я могу лишь сказать и документально подтвердить следующее:

В 1938 году моторизованный «Гитлерюгенд» – то есть особое подразделение нашей молодёжной организации, которое как думает обвинение получило допризывную подготовку в танковых войсках – в 1938 моторизованный «Гитлерюгенд» имел у себя 328 машин.

Заутер: Во всей Германии?

Ширах: Во всей Германии. Здесь было 3270 частных автомобилей членов их семей,

---

[340] «Архив» - немецкий журнал издающийся с перерывами с 1925 по настоящее время.

которые конечно, были в их распоряжении для работы; и 2000 автомобилей НСКК. В 1938, 21 000 юношей имели свои водительские удостоверения. Мне кажется, но я в этом не уверен, что вдвое больше подростков получили водительские права в 1937 – то есть, водительские права на легковой автомобиль. Эти цифры сами по себе показывают, что моторизованный «Гитлерюгенд» не получал предварительной допризывной подготовки для наших танковых войск. Моторизованный «Гитлерюгенд» имел мотоциклы; они совершали путешествия по пересеченной местности. Это правильно. То, что они узнавали, таким образом, было конечно тоже полезно для армии, когда этих юношей позже призывали в моторизованные подразделения, но это неправда, что юноши, которые были в моторизованном «Гитлерюгенде» направлялись в армию. В этом отношении вообще не существовало принуждения. Моторизованный «Гитлерюгенд» был создан не по просьбе Вермахта, но он уже создавался в годы борьбы – задолго до захвата власти, просто из естественного желания юношей владевших мотоциклом и желавшим его водить. Так, мы сформировали наш моторизованный ГЮ, мы использовали этих юношей как посыльных между палаточными лагерями и мы использовали их в качестве водителей наших младших руководителей, и позднее с целью дать им регулярную подготовку в особенности в сведениях о моторах, двигателях, мы заключили соглашение с НСКК, который имел моторные училища и мог готовить юношей.

Остальные подразделения были созданы таким же способом. Лётный ГЮ, например, никогда ни имел никаких самолётов. У нас были только планеры. Весь «Гитлерюгенд» имел один самолет, и это была моя собственная маленькая машина Клемма[341]. Кроме этого, «Гитлерюгенд» имел только модели самолётов и планеров. «Гитлерюгенд» не только учил своих членов использованию планеров на холмах Рёна и везде, но также тысячи юношей из Англии и остальных стран. Мы имели планеристские лагеря, в которых молодые англичане бывали нашими гостями, и мы даже имели лагеря в Англии.

Заутер: Морской ГЮ, вероятно имел военные корабли?

Ширах: Морской ГЮ, конечно, не имел ни одного военного корабля, но время от времени наш бывший главнокомандующий флотом Рёдер, любезно передавал нам старый катер и на нём мы выходили в море.

Юноши, например, которые жили в городе таком как Берлин, возле Ванзеи, и занимались греблей, становились членами морского ГЮ. Поступая в Вермахт они не попадали во флот лишь из-за того, что были в морском ГЮ, но как и многие шли в армию и воздушные силы, и это были также с остальными особыми подразделениями.

Заутер: Свидетель, следовательно, вы говорите, что, по вашему мнению «Гитлерюгенд» не готовил военным образом к войне?

---

[341] Авиастроительная компания Клемма — ныне не существующая немецкая авиастроительная компания 1920-х — 1930-х годов, известный производитель лёгких и спортивных самолётов.

Ширах: Я хочу быть совершенно точным в этом. Подготовка в этих особых подразделениях велась таким способом, что в действительности у неё было допризывное значение. То есть, чтобы ни узнал юноша в морском «Гитлерюгенде», независимо от того хотел ли он использовать позднее это как спортсмен или действительно хотел пойти во флот, основные принципы были ценными в качестве допризывной подготовки. Если рассматривать эти особые подразделения ГЮ, можно установить, что на самом деле здесь имела место допризывная подготовка, но не военная подготовка. Молодежь не готовили к войне ни в одном месте ГЮ, их даже не готовили к военной службе, потому что молодёжь не шла прямо из «Гитлерюгенда» в армию. Из «Гитлерюгенда» они шли в Трудовую службу[342].

Заутер: И как долго они были в Трудовой службе?

Ширах: Полгода.

Заутер: И только потом они шли в Вермахт?

Ширах: Да.

Заутер: Однако в этой связи, обвинение использовало соглашение которое было подписано между руководством ГЮ и ОКВ в августе 1939 и которое представлено обвинением в качестве документа PS-2398. Каковы факты об этом соглашении между вами и ОКВ?

Ширах: Я не могу вспомнить никаких подробностей. Между фельдмаршалом Кейтелем и мной по моим воспоминаниям, не было обсуждения касавшегося соглашения, но мне кажется, мы подготовили его в результате переписки. И я бы хотел сказать, что в течение всего времени с 1939 по 1945, только одна или две беседы по полтора часа состоялись между фельдмаршалом Кейтелем и мной. Однако, соглашение, вытекало из следующих соображений: мы в «Гитлерюгенде» стремились, и это было также стремлением ведущих людей в Вермахте, ничего не включать в подготовку относящееся к последующей военной подготовке. Однако, по ходу времени, со стороны военных возникло возражение, что молодёжь не должны учить чему-то, что позднее пришлось бы исправлять в Вермахте. Я думаю, например, о компасе. Армия использовала пехотный компас, «Гитлерюгенд», в спорте на пересеченной местности, использовал разнообразные компасы. Конечно, было совершенно бессмысленно, что молодёжные руководители должны были готовить своих ребят, например, маршировать по компасу Безара если позднее, в своей подготовке в качестве призывников ребята изучали нечто иное. Обозначение и описание почвы также следовало приводить в соответствие с такими же принципами в «Гитлерюгенде» как и в армии, и значит к таким же самым принципам в «Гитлерюгенде» и поэтому было подписано соглашение в результате которого, как мне кажется, тридцать или шестьдесят тысяч руководителей ГЮ были

---

[342] Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе.

подготовлены в спорте на пересеченной местности. В этом спорте на пересеченной местности подготовка с вооружением не практиковалась.

Заутер: Господин председатель, теперь я перехожу к другой главе. Может быть сейчас лучше прерваться.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

[*Подсудимый Ширах вернулся на место свидетеля*]

Заутер: Свидетель до перерыва мы говорили о вопросе военной или допризывной подготовки молодёжи. И теперь я перехожу к похожей главе; то есть вопросу о том оказывали ли вы каким-либо образом как югендфюрер, в своих статьях, речах и приказах влияние на молодых людей психологически подготовляя их к агрессивной войне с целью сделать их в результате этого милитаристами.

Ширах: Нет, никогда в своих речах к немецкой молодёжи, или чем-то ещё, что я излагал для молодёжи при помощи приказов и директив, я не готовил немецкую молодёжь к войне, никогда, даже в ближайшем кругу своих соратников, не высказываясь подобным образом. Все мои речи находятся в собрании «Das Archiv» по крайней мере, существенное содержание. Значительная часть моих речей также собрана в книге «Revolution der Erziehung», которая представлена трибуналу.

Все эти доказательства показывают, что я никогда не говорил молодёжи о стране в таком смысле, это бы прямо противоречило всем моим целям о сотрудничестве с молодёжью остальных наций.

Заутер: Господин председатель, вероятно, в этой связи я могу обратить ваше внимание на документ, который в документальной книге Шираха под номером Ширах-125, я повторяю, 125 – и также 126, где Ширах выражает своё мнение по вопросу поддержания мира и отвергает войны. Я прошу трибунал принять судебное уведомление об этих документах в качестве доказательств.

Свидетель, вы только что сказали о взаимодействии вашей должности рейхсюгендфюрера и германского «Гитлерюгенда» с молодёжью других стран. Вы можете дать нам более подробное объяснение об этом, в особенности, с какими молодёжными организациями иных наций вы сотрудничали, с какими вы пытались общаться, и каким способом и в какой степени?

Ширах: Начиная с 1933 и в возрастающей степени год за годом, я прилагал усилия стараясь добиваться обмена лагерями с молодёжными организациями остальных стран. Сюда в Германию часто прибывали в качестве наших гостей группы английской молодёжи, французской молодёжи, бельгийской молодёжи и

молодёжных групп многих иных стран, в особенности, конечно Италии. Я помню, что за один год, я думаю в 1936, здесь было приблизительно 200 000 зарубежной молодёжи, которая ночевала в наших молодёжных хостелах[343].

Вероятно, в этой связи важно сказать, что молодёжная система хостелов, которую я принял в 1933, развивалась мной и наконец, сформировала часть международной системы молодёжных хостелов, президентом которой был иногда немец, иногда англичанин. Международное соглашение о молодёжных хостелах позволяло подросткам нашей нации оставаться ночевать в молодёжных хостелах принимающих наций.

Лично я прилагал усилия для достижения понимания с молодёжью Франции. Я должен сказать, что это была моя любимая идея. Я думаю, что мои бывшие помощники помнят, как настойчиво я работал над реализацией этой идеи. Я издавал периодику своих молодёжных руководителей на французском языке; мне не известно было ли это больше одного раза, но один раз это точно было, что подобным образом укреплялось взаимопонимание между французской и немецкой молодёжью.

Я поехал в Париж и пригласил детей одной тысячи ветеранов Первой мировой войны приехать в Германию. Я очень часто встречал французских гостей в Германии. Но помимо и более этого взаимопонимания с Францией, которое в конечном итоге также вело к сложностям между фюрером и мной, я сотрудничал со многими, многими остальными организациями.

Вероятно, я могу добавить, что германо-французское взаимодействие касательно молодёжи в особенности, поддерживал посол Понсе[344] в Берлине, премьер Шотан[345], и остальные французские личности, которые писали в моей периодике именно об этом. Я обменивался взглядами с молодёжными руководителями по всему миру, и я сам предпринимал долгие путешествия, посещая молодёжные организации в остальных странах и устанавливая с ними контакты. Война прекратила эту работу. Я не хочу опускать здесь упоминание, что целый год я продвигал всю молодёжную программу под лозунгом «Взаимопонимание» и что во всех своих речах перед молодёжью я пытался направить и воспитать в ней лучшее взаимопонимание с остальными нациями.

Заутер: Это правда, что например, даже в течение последних месяцев перед войной, я думаю даже зимой 1937-1938 и снова 1938-1939, вы встречали много крупных делегаций английской молодёжи в горнолыжных лагерях «Гитлерюгенда» и что в

---

[343] Хостел (англ. Hostel — общежитие) — европейская система размещения, предоставляющая своим постояльцам на короткий или длительный срок жильё, представляющее собой, как правило, спальное место без дополнительных удобств в комнате.

[344] Андре Понсе (1887 – 1978) – французский политик и дипломат. С 1931 по 1938 посол Франции в Германии.

[345] Камиль Шотан (1885 — 1963) — французский политический деятель (в 20-30-х гг. один из руководителей радикалов), юрист, в 1930 и 1933—1934 премьер-министр Франции. Во время второго министерства Шотана было заключено первое временное советско-французское торговое соглашение, предоставившее советскому торгпредству дипломатический статус.

ответ также в течение этих лет значительные делегации руководителей «Гитлерюгенда» и членов «Гитлерюгенда» направляли в Англию для того, чтобы люди могли узнать и понять друг друга?

Ширах: Да, это верно. В Германии были бесчисленные лагеря зарубежной молодёжи и очень много лагерей немецкой молодёжи за рубежом, и я сам часто посещал такие лагеря или встречал делегации из них.

Я хочу добавить, что ещё в 1942 я предпринял попытку взаимодействия с молодёжью Франции. Тогда сложность лежала в отношении Муссолини. Я поехал в Рим и при помощи вмешательства Чиано[346], долго разговаривал с Муссолини и убедил его отозвать возражения приглашению всех французских групп в Германию.

К сожалению, когда я доложил о таком результате нашему министру иностранных дел, Гитлер отказал. Во всяком случае, так сказал господин фон Риббентроп.

Заутер: Из статьи 1938 в газете «Das Archiv», я, например понял, что в течении этого года вы помимо прочего пригласили 1000 детей французских ветеранов войны прибыть в лагеря «Гитлерюгенда» в Германии и германо-французские горнолыжные лагеря. Это верно?

Ширах: Да, я уже сказал вам об этом.

Заутер: Другая статья, например, показывает, мне кажется в 1939, у вас был воздвигнут особый мемориал, я думаю в Шварцвальде[347], когда какие-то члены английской молодёжной организации случайно погибли во время игр.

Ширах: Да.

Заутер: Господин председатель, подсудимый ранее упоминал, что рядом с Берлином он возвел особый дом для этих целей под названием «Зарубежный дом Гитлерюгенда». Могу я представить трибуналу оригинал, фотографии этого «Зарубежного дома», в качестве документа номер Ширах-120, и могу я попросить трибунал посмотреть на эти фотографии, потому что в них…

Председатель: Мы совершенно готовы принять это от вас, не смотря на дом. Конкретный архитектурный стиль на нас не повлияет.

Заутер: Да, но если вы не посмотрите на эти фотографии, тогда вы не узнаете как был обставлен дом, и вы не увидите, что в этом доме, например, не было ни единой свастики, ни единого портрета Гитлера, или подобных вещей. Это вновь показывает принятие во внимание взглядов зарубежных гостей.

Господин председатель, в этой связи, могу я также попросить вас принять судебное уведомление о ряде документов, все из которых ссылаются на усилия подсудимого фон Шираха достичь взаимопонимания между молодёжью Германии и молодёжью остальных наций. Это документы в документальной книге Шираха у

---

[346] Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Расстрелян фашистами за предполагаемую измену.

[347] Шварцвальд (нем. Schwarzwald — «чёрный лес») — горный массив в земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии.

которых номера с Ширах-99 и Ширах-107 включительно, затем документы с Ширах-108 до 113, и также документы Ширах-114 до 116 включительно, и затем документы Ширах-117, 119, 120. Все эти документы относятся к тому же самому предмету.

Свидетель, когда вы приглашали такие делегации из зарубежных молодёжных организаций в Германию, что-либо касавшееся германских учреждений и организаций, в особенности касательно «Гитлерюгенда», когда-либо держали в тайне от этих делегаций или как это было?

Ширах: Нет, принципиально, зарубежным молодёжным руководителям, которые желали узнать о наших учреждениях показывали все без ограничения. В прошлом в Германии фактически не было учреждений немецкой молодёжи, которые не показывали бы нашим зарубежным гостям. Также так называемая допризывная подготовка демонстрировалась им во всех подробностях.

Заутер: И затем в 1939 началась Вторая мировая война. В течение последних месяцев до этого, вы серьезно ожидали войны или чем вы себя тогда занимали?

Ширах: Я был твёрдо убежден, что Гитлер не позволит войне начаться. Я считал, что он не обманывал себя в том, что западные державы настроены серьезно. До того дня пока война не началась, я твердо верил, что войны можно избежать.

Заутер: Вы обсуждали с военными руководителями или политическими личностями опасность войны и перспективы поддержания мира?

Ширах: Нет; фактически, я хочу здесь и сейчас рассказать о своих дискуссиях с военными личностями.

Я уже заявлял, что за период 12 лет – то есть с 1933 по 1944 или 1945, то есть, 13 лет – у меня была, вероятно, одна или возможно две беседы с фельдмаршалом Кейтелем. Я помню, что одна из них касалась полностью личного вопроса.

В течение того же периода у меня была, я думаю, лишь одна единственная дискуссия с адмиралом Рёдером, и адмирала Дёница я встретил впервые здесь в Нюрнберге.

Я вообще никогда не никаких официальных дискуссий с генерал-полковником Йодлем, и я говорил с фельдмаршалом фон Бломбергом, если я правильно помню, возможно, дважды по полчаса. У меня вообще не было официальных дискуссий с бывшим верховным главнокомандующим армией, фон Фричем. Я был его гостем лишь по одному поводу, когда он бежал в лыжных соревнованиях за армию, и он любезно пригласил меня, потому что знал, что я интересуюсь лыжным спортом.

С его преемником фон Браухичем, у меня был общий разговор по вопросам образования, когда я выступал перед молодёжью Кёнигсберга в 1933. Мне кажется, позднее, я посещал его однажды по официальным делам, и мы обсуждали вопрос, у которого не было особой значимости для воспитания молодёжи. Это был

какой-то технический вопрос.

Такими были дискуссии, которые я вёл с военными личностями. Фактически, вместе с этим я должен сказать, что у меня не было времени на совещания. Я возглавлял организацию включавшую 8 миллионов человек и мои обязанности в этой организации были такими, что у меня не было времени на участие в совещаниях и дискуссиях в Берлине, даже если бы меня на них допускали, чего не случалось.

Заутер: Свидетель, с 1932 вы были рейхсляйтером. Это означает, что вы принадлежали к высшему уровню руководителей в партии. В качестве рейхсляйтера, вы информировались Гитлером, его заместителем, или иными личностями о политической ситуации?

Ширах: Я думаю, что Гитлер приглашал рейхсляйтеров и гауляйтеров, в среднем, дважды в год на совещание, во время которого он ретроспективно обсуждал политические события. Никогда ни в какое время Гитлер заранее не обсуждал с этими людьми будущее, ни политическое, ни военное.

Заутер: Значит, если я правильно понял ваш ответ, вы всегда удивлялись этим внешнеполитическим последствиям.

Ширах: Да.

Заутер: Тоже самое относится к вопросу австрийского аншлюса?

Ширах: Да. Я услышал об аншлюсе Австрии, который я конечно с энтузиазмом приветствовал, по радио, если я правильно помню, во время поездки на машине из моей академии Брюнсвика[348] в Берлин. Я продолжил свою поездку в Берлин, сразу сел на поезд, и следующим утром прибыл в Вену. Там меня встречали молодые люди: молодёжные руководители, кто-то из них долгое время был в тюрьмах или в концентрационном лагере Вёллерсдорф[349], и также многие женские молодёжные руководители, которые также испытывали трудности.

Заутер: А что насчет похода в Чехословакию?

Ширах: Как и любой другой германский гражданин, я услышал об этом по радио, и не знал ничего большего, чем другие граждане узнали по радио.

Заутер: Вы как-либо, принимали участие в переговорах относительно Мюнхенского пакта с Чемберленом и Даладье в 1938?

Ширах: Нет.

Заутер: И каким было ваше мнение?

Ширах: Я относился к этому соглашению как основанию для мира, и моим твердым убеждением было то, что Гитлер сохранит это соглашение.

Заутер: Вам что-либо известно о переговорах с Польшей в 1939?

Ширах: Нет, я услышал о переговорах, которые привели к войне, лишь в этом зале

---

[348] Историческое английское название немецкого города Брауншвейга.
[349] Концентрационный лагерь, для содержания антигосударственных элементов созданный правительством Австрии в 1935.

суда. Я был просто знаком с той версией переговоров, о которой официально объявляли по радио или министерство пропаганды и следовательно я не знал, больше, чем то, что знали остальные немецкие граждане. Версия о которой Гитлер объявил в Рейхстаге рассматривалась мной абсолютной правдой, и я никогда в ней не сомневался, или, по крайней мере, я не сомневался в ней до 1943, и все, что я услышал об этом было для меня ново.

Заутер: Свидетель, обвинение помимо прочего, предъявило вам обвинение в том, что в вашей книге, «Die Hitlerjugend-Idee und Gestalt[350]» - господин председатель, у которой номер PS-1458 – вы использовали выражение «жизненное пространство» и «восточное пространство» и что, сделав так вы приветствовали или считали необходимыми для Германии завоевания на Востоке, то есть за счет Советской России и Польши.

Что вы об этом скажете?

Ширах: В этой моей книге, «Die Hitlerjugend-Idee und Gestalt» слово жизненное пространство по моим сведениям вообще не использовалось. Использовалось лишь слово «восточное пространство», и я думаю в этой связи со службой прессы на Востоке. В примечании в связи с описанием задач колониальной консультативной комиссии рейхсюгендфюрера, есть заявление о том, что в качестве результата деятельности этой колониальной консультативной комиссии необходимо обращать внимание молодёжи на эксплуатацию восточной территории – и это означало малонаселенную восточную территорию Германии – что не следовало упускать из вида.

Это было временем, когда мы в молодёжных организациях в особенности занимались проблемой «утечки с земли» то есть, миграции вторых и третьих крестьянских сыновей из деревни в города. Я сформировал специальное молодёжное движение для борьбы с этой тенденцией, сельскую службу, задачей которой было остановить этот поток молодёжи из сельской местности в города и также дать жилье в городах молодёжи оставившей сельскую местность.

Конечно, я никогда не думал о завоевании русской территории, потому что всегда занимаясь историей, моя политическая точка зрения заключалась в том, что политика касательно взаимной безопасности с Россией, которая была нарушена с увольнением Бисмарка, должна была быть возобновлена. Я считал нападение на Советский Союз самоубийством для немецкой нации.

Заутер: Свидетель, вы, как рейхсюгендфюрер, имели право докладывать непосредственно Гитлеру?

Ширах: Да, это правда, но, правда в том, что более или менее доклады поступали только на бумаге. Для точной картины: до захвата власти я часто лично докладывал Гитлеру. В 1932 он достаточно часто объявлял о своём намерении поужинать со мной вечером, но ясно, что в присутствии моей жены и остальных гостей,

[350] «Гитлерюгенд» – идея и форма» (нем.)

политические вопросы не обсуждались, в особенности не вопросы, выпадающие на мою область. Вероятно, только время от времени, я мог затронуть предмет который интересовал меня в связи с воспитанием.

В 1933, насколько я помню, я дважды лично ему докладывал, однажды относительно финансирования молодёжного движения, и второй раз в связи с партийным съездом 1933. В течение следующих лет мои доклады в среднем были один или два раза в год, так как соответственно Гитлер обращался со мной также как и с большинством людей, которые ему докладывали. Из 15 разных пунктов о которых я хотел ему доложить, я мог рассмотреть 3 или 4, и остальные приходилось исключить, потому что он прерывал меня и крайне настойчиво тщательно прорабатывал вещи, которые больше всего его интересовали.

Тогда я попытался помочь себя, взяв модели молодёжных зданий, виды на гигантские стадионы и молодёжные хостелы, которые я установил в зале рейхсканцелярии, и когда он осматривал их, я пользовался возможностью задать ему два или три вопроса.

Я должен заявить здесь, думаю я в долгу за это перед немецкой молодёжью, что Гитлер проявлял очень мало интереса к воспитательным вопросам. Что касается образования, то я почти не получал от него предложений. Единственный раз, когда он вносил реальные предложения которые касались атлетической подготовки, мне кажется, в 1935, когда он говорил мне, что я должен понять, что бокс следует сильнее распространять среди молодёжи. Я так и делал, но он никогда не присутствовал на молодёжном боксерском поединке. Мой друг фон Чаммер-Остен[351], рейхсспортфюрер, и я, очень часто пытались убедить его сходить на другие спортивные состязания, в особенности лыжные соревнования и чемпионат по хоккею на льду в Гармише, но кроме Олимпийских игр[352], невозможно было убедить его присутствовать.

Заутер: Немного раньше вы рассказали нам, об этой так называемой военной или допризывной подготовке, заявив, что, если вообще можно было говорить о такой подготовке, она играла очень небольшую роль в подготовке Гитлерюгенда.

Могу я попросить вас рассказать нам, не очень долго, но лишь в точных фразах, в чём, по вашей мысли, заключалась главная цель вашей программы молодёжного воспитания. Будьте очень кратким.

Ширах: Палаточные лагеря.

Заутер: Палаточные лагеря?

Ширах: Походы, строительство молодёжных хостелов и молодёжных домов.

Заутер: Что вы имеете в виду под «походами»?

Ширах: Молодёжные походы, индивидуальные или в группах, также строительство

---

[351] Ганс фон Чаммер-Остен (1887 – 1943) – немецкий спортивный чиновник. С 1933 по 1943 рейхсспортфюрер Германии.

[352] XI летние Олимпийские игры проводились в Берлине (Германия) с 1 по 16 августа 1936 года.

больше и больше молодёжных хостелов. Только за один год мной были построены более чем 1000 домов и молодёжных хостелов в Германии. Затем была дополнительная профессиональная подготовка, и затем то, что я называл «Трудовой олимпиадой», а именно, ежегодные профессиональные соревнования Рейха, добровольные соревнования между всей молодёжью обоих полов, которая хотела участвовать. Фактически участвовали миллионы. Затем наши крупные спортивные соревнования Рейха, чемпионаты по всем видам спорта, наша культурная работа и развитие наших песенных групп, наших театральных групп, молодёжных концертных хоров, и развитие наших молодёжных библиотек, и затем нечто, что я хотел упомянуть в связи с борьбой с миграцией из сельской местности, сельская служба с группами сельской помощи, та молодёжь, которая по идеалистическим причинам работала в сельской местности, даже городские парни – чтобы показать крестьянским парням, что сельская местность в действительности более красива, нежели город, что даже городской юноша временно отказывается от жизни в городе посвящая себя земле и пахоте. Затем, в качестве величайшего коммунального достижения молодёжи, я должен упомянуть зубное протезирование и регулярные медицинские осмотры.

Такими, в нескольких обобщающих словах были основные задачи, которые имели наши молодёжные организации, но никоим образом не все.

Заутер: Господин председатель, эти идеи, эти мысли, и эти цели подсудимого фон Шираха содержатся в ряде документов, которые находятся в документальной книге Шираха, и которые являются выдержками из его работ, речей и приказов. Я ссылаюсь на документальную книгу Шираха, номера с Ширах-32 по 39, с 44 по 50, с 66 по 74(а), с 76 по 79, и наконец, с 80 по 83.

Все эти документы касаются задач, которые подсудимый Ширах только, что описал вам, и я прошу трибунал принять судебное уведомление о подробностях в этих документах.

[*Обращаясь к подсудимому*] Есть лишь одно положение в программе «Гитлерюгенда», если я могу его так назвать, с которым я хочу разобраться, потому что оно особо предъявлено против вас в обвинительном заключении. То есть ваше сотрудничество с лигой юристов[353], то есть, ваше занятие правом. В этой связи я хочу знать, почему вы, рейхсюгендфюрер, вообще были заинтересованы в юридических вопросах. К чему вы стремились и чего вы достигли? Пожалуйста, вы расскажите нам об этом, потому что это подчеркивается в обвинительном заключении.

Ширах: Могу я вам напомнить, что молодёжь государства воспринималась мной как государство молодёжи. В этом молодёжном государстве были представлены все занятия и все профессии. Моё сотрудничество с лигой юристов было в силу

[353] Национал-социалистическая организация юристов - существовавшая в Германии в 1936-1945 профессиональная организация объединявшая лиц занимающихся юридическими профессиями

необходимости готовить юрисконсультов для нашей работы с той молодежью, которой они могли предоставлять необходимую правовую помощь. Я настаивал на том, чтобы такие руководители «Гитлерюгенда», которые изучали право должны были возвращаться в организацию для занятий с такими задачами внутри организации.

Из такого типа подготовленной крупной организации внутри молодёжи возник эквивалент равный врачебной организации внутри молодёжной организации, наша медицинская организация включала приблизительно 1000 врачей, мужчин и женщин. Эти правоведы помогали штабу, в округах и остальных подразделениях нашей молодёжной организации, применяя на практике те требования, которые я впервые провозгласил в ранние дни нашей борьбы до захвата власти, и которых я достиг позднее в государстве, а именно, требование свободного времени и оплачиваемых отпусков для молодых рабочих.

Такая правовая работа с нашей молодежью привела к основанию семинаров по молодёжному праву и трудовому молодёжному праву, и т. д., закрепленных за университетами Киля и Бонна. В особенности это привело к результату, что эти требования, которые я озвучил в речи в 1936, перед комитетом по ювенальному праву Академии германского права[354], могли быть осуществлены на практике.

Заутер: Момент.

[*Обращаясь к трибуналу*] Эта речь отрывки которой воспроизведены в документальной книге Шираха, номер Ширах-63. Они скопированы из «Das Archiv» октября 1936.

Господин фон Ширах, вероятно вы можете нам очень кратко рассказать, какие социальные требования вы, как рейхсюгендфюрер, заявляли относительно молодёжи. Вы ранее сказали «свободное время». Что вы этим подразумеваете?

Ширах: В первую очередь, сокращение рабочего времени для молодых людей, отмена ночной работы для молодых людей, фундаментальный запрет детского труда, увеличение выходных, и трёхнедельный оплачиваемый отпуск каждый год.

В 1937 в Лигнице я отмечал, что тогда 50 процентов молодых рабочих вообще не имели выходных, и что только 1 процент имел от 15 до 18 дней ежегодно. С другой стороны в 1938, я провёл закон об охране труда молодёжи, которым запрещался детский труд, повышался возраст несовершеннолетия с 16 до 18 лет, запрещалась ночная работа, и осознавая моё требование увеличенных выходных, в то же самое время применялся, по крайней мере, пятнадцатидневный ежегодный отпуск для подростков. Всего этого я смог добиться. Это была лишь часть того, чего

---

[354] Академия Германского Права, научное учреждение. Создана 26.6.1933 по инициативе Г. Франка, который и стал её президентом. Законом 11.7.1934 определена цель Академии: разработка новых принципиальных основ германского законодательства "в общих областях права и хозяйства". В 1937 в составе Академии насчитывалось 5 комитетов по различным областям права, в ней работало более 300 сотрудников. Членами Академии были все ведущие германские юристы, а также политические и государственные деятели, имевшие отношение к законотворчеству.

я хотел добиться.

Заутер: Это были требования, которые содержатся в следующих документах в документальной книге: с Ширах-40 по 41 и с 60 по 64. Я прошу трибунал принять о них судебное уведомление.

Свидетель, теперь я перехожу к другой проблеме, и это ваше положение в партии. Недавно нам показывали схему, приводящую четкую картину организации партии. Эта схема правильная, или каким было ваше положение в партии?

Ширах: Моё положение в партии неправильно отражено в схеме, по крайней мере, что касается командных каналов. Согласно схеме, которую здесь вывесили, канал командования был от рейхсляйтера молодёжного воспитания к начальнику партийной канцелярии, и оттуда к Гитлеру, и от Гитлера к рейхсюгендфюреру партии. Конечно, это ошибочная картина.

Я не находился в рейхсляйтунге, чтобы направлять свои приказы через гауляйтеров к крейсляйтерам, но в качестве представителя и главы молодёжного движения, а значит если вы хотите правильно описать моё положение и положение моей организации в механизме НСДАП, вы на самом деле должны составить пирамиду, вершина которой, то есть моё положение в рейхсляйтунге, была бы выше рейхсляйтера. Я был единственным лицом в молодёжном движении, которое было связано с партией.

Заутер: А остальные руководители и нижестоящие в молодёжном движении?

Ширах: Какие-то из них могли быть членами партии, но не все. В любом случае, они не были членами гауляйтунга или крейсляйтунга. Весь штаб молодёжного движения, вся молодёжная организация, находился в стороне от партии как подразделение.

Заутер: Свидетель, в качестве рейхсюгендфюрера, вы были гражданским служащим?

Ширах: Да.

Заутер: И, мне кажется, с 1 декабря 1936, вы были начальником высшего ведомства Рейха?

Ширах: Я стал гражданским служащим только с 1 декабря 1936.

Заутер: С каким титулом?

Ширах: Рейхсюгендфюрер.

Заутер: В качестве начальника высшего ведомства Рейха, вы действовали независимо от министра внутренних дел и министра образования?

Ширах: Да, в конце концов в этом заключалась цель создания самостоятельного ведомства Рейха.

Заутер: Соответственно как говорилось, вы стали членом рейхскабинета?

Ширах: Я уверен, что нет. Я здесь впервые услышал, что я предположительно был членом кабинета. Я никогда не участвовал в заседаниях кабинета. Я никогда не получал распоряжений какого-либо рода, которые бы могли сделать меня членом

кабинета. Я никогда не получал приглашений присутствовать на заседаниях кабинета. Я никогда не считал себя членом кабинета и мне кажется, что министры тоже не считали меня членом.

Заутер: Вас каким-либо образом информировали о решениях принятых рейхскабинетом, например, вам направляли стенограммы заседаний.

Ширах: Нет. Решения принятые рейхскабинетом постольку поскольку они принимались после 1 декабря 1936, привлекали моё внимание тем же самым образом, как и остальных высших чиновников или служащих Рейха, которые читали «Reichsgesetzblatt[355]» или «Reichsministerialblatt[356]». Протоколы или стенограммы мне никогда не направляли.

Заутер: Когда вы стали высшим ведомством Рейха, вы получили штат который вам требовался для руководства, или как вы получили для себя этот штат?

Ширах: Несколько молодёжных руководителей работавших ряд лет в моём штабе были сделаны мной гражданскими служащими. Я не получил ни одного чиновника от какого-либо министерства для работы с вопросами относившимся к молодёжной организации. Всё высшее ведомство Рейха, если я правильно помню, включало не более чем пять чиновников. Это было самое маленькое из высших ведомств Рейха, то чем я в особенности горжусь. Мы осуществляли очень большую задачу при минимальном штате.

Заутер: Свидетель, и теперь я хочу перейти к довольно обширному предмету и это письменные показания Грегора Цимера, которые вы уже упоминали. Это очень длинные письменные показания, которые были представлены обвинением под документальным номером PS-2441.

Свидетель, что вы скажете о подробностях в отношении этих письменных показаний? Вам они известны? Вам известен этот человек Грегор Цимер?

Ширах: Нет.

Заутер: Вы поняли кто он, и откуда он получил эти предположительные сведения?

Ширах: Я понял, из письменных показаний господина Цимера, что до войны он был директором американской школы в Берлине, и что он написал книгу, которая видимо, касалась молодёжи и школьного образования в Германии. Эти письменные показания это выдержка из книги.

Эти письменные показания как таковые, если взять их во всей их полноте, имеют больше значение как пропаганда чем стороннее суждение.

Я хочу начать с цитирования кое-чего на первой странице, что страница письменных показаний Цимера, и в последнем абзаце сказано, что между еврейскими детьми идущими в эту школу и местными подростками происходили уличные драки вне американской школы. Я не занимался проблемами этой школы,

---

[355] «Правительственная газета» - газета правительства Германии издававшаяся в Германии с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

[356] «Министерская газета» - ряд газет официально публиковавших подзаконные акты профильных министерств.

которые имелись у самой школы, потому что она не являлась частью моего ведомства. Но эти уличные драки происходили вне школы, и я думаю, кое-что о них скажу. Я никогда не слышал ничего подобного о таких драках, но при любых обстоятельствах я должен был бы о них слышать, потому что в течение большей части 1938, я был в Берлине. Я должен был о них услышать сначала от самой молодёжной организации, потому что старшие молодёжные руководители были обязаны докладывать мне, если такие инциденты происходили.

Далее, я бы услышал об этом от министерства иностранных дел, если бы подростков из американской колонии унижали, протесты точно шли бы через посольство министерству иностранных дел, и эти протесты, несомненно, были бы переданы мне сразу же или доведены до меня по телефону.

Я могу лишь представить, что всё дело очень большое преувеличение. Американский посол Уилсон[357] даже завтракал со мной – я думаю весной 1939, и я не думаю, что я ошибаюсь с датой – в Гатов.

Заутер: В зарубежном доме?

Ширах: В зарубежном доме.

И мы лично обсуждали ряд предметов. Мне кажется, что по этому поводу или потом он точно бы упоминал такие инциденты если бы они произошли в действительности, таким образом, как их описал господин Цимер.

Заутер: Мне кажется, я могу перейти к странице 2, где…

Председатель: Доктор Заутер, сколько из этого документа зачитывало обвинение? Насколько мне известно, очень мало.

Заутер: Прошу прощения?

Председатель: Сколько из этих письменных показаний зачитало и представило в качестве доказательств обвинение?

Заутер: Господин председатель, я не могу вам сказать навскидку. Но судя по практике, я должен полагать, что если документ предъявлен трибуналу, судебное уведомление принимается трибуналом о документе в целом.

Председатель: Это не так. Мы заявляли снова и снова, что мы принимаем судебное уведомление о документах, которые зачитывают трибуналу, до тех пор, пока не будут получены документы с полным переводом. Я полагаю, этот документ был предъявлен в ходе представления доказательств обвинения, и вероятно тогда была зачитана одна фраза. Мне неизвестно как много было зачитано; но вам и подсудимому самим известно.

Додд: Господин председатель, был зачитан лишь один абзац.

Председатель: Один абзац?

Додд: Один полный абзац и вероятно один короткий на странице 21.

Председатель: Да, я понял.

Додд: Я думаю, обвинение использовало часть с речью в Гейдельберге.

---

[357] Хью Уилсон (1885 — 1946) — американский дипломат. В марте – ноябре 1938 посол США в Германии.

Председатель: И это единственная часть из них, которая была оглашена, то есть, таким образом, их единственная часть предъявлена в качестве доказательства.

Ширах: Вероятно достоверности ради, и я не буду подробно рассматривать обвинения, содержащиеся в этих письменных показаниях – мне можно позволить сказать, с единственным исключением, все ежегодные лозунги «Гитлерюгенда» ложно воспроизведены в этих письменных показаниях и что несмотря на это Грегор Цимер клянётся в правильности своего заявления.

Председатель: Не будет ли лучше, если вы хотите ответить на эти письменные показания, чтобы вы обратили внимание подсудимого на ту часть, которую зачитывали? Тогда он сможет на это ответить.

Заутер: Господин председатель, в письменных показаниях Цимера которые как сказал мне подсудимый явно подстрекательский документ, упоминались ежегодные лозунг которые предположительно выпускались подсудимым, то есть, лозунги для работы в следующем году.

Председатель: Предъявлен один фрагмент из данного документа. Если вы хотите предъявить остальное, вы вправе так сделать. Но я подумал, что для вас было бы лучшим способом ответить на предъявленный отрывок. Остальное из письменных показаний не в составе доказательств.

Заутер: Господин председатель, в таком случае моему клиенту пришлось бы выбрать худшее из возможного, потому что в остальных отрывках которые не использовало обвинение…

Председатель: Я сказал, что если хотите вы можете использовать остальные отрывки.

Заутер: Конечно, но я хочу подтвердить, что заявления господин Цимера не верные, вот почему я обсуждаю с подсудимым лишь вопрос о ежегодных лозунгах. Это единственный пример.

Председатель: Доктор Заутер, подсудимый видимо говорит, что письменные показания недостоверные, из-за лозунгов на которые они ссылаются. Этого недостаточно для вашей задачи?

Заутер: Да, но я намерен подтвердить, что заявления господина Цимера неправда. Подсудимый утверждает, что заявления содержащиеся в этих письменных показаниях неправда. А я пытаюсь доказать вам, что фактически господин Цимер умышленно заявил и поклялся в неправде.

Председатель: Доктор Заутер, уверен, есть один отрывок из письменных показаний, который в составе доказательств, вы можете разобраться очень коротко с вопросом доверия персоне давшей письменные показания.

Заутер: Свидетель, этот господин Цимер, в своих письменных показаниях, сделал заявления относительно ежегодных лозунгов…

Ширах: Да.

Заутер:… которые вы принимали для Гитлерюгенда. Как эти ежегодные лозунги

формулировались, трибунал может легко понять из письменных показаний. Теперь я попрошу вас рассказать нам как формулировались ежегодные лозунги «Гитлерюгенда» в ваше время, то есть, с 1933 по 1940.

Ширах: Господин Цимер упоминал лозунг на странице 15 английского документа. Господин Цимер сказал, что в 1933 лозунгом для немецкой молодёжи был «один Рейх, один народ, один фюрер». Он, вероятно, имел в виду «Один народ, один Рейх, один фюрер». Действительно 1933 год был годом «Единства».

Заутер: Что вы имеете в виду под «единством»?

Ширах: Год в котором немецкая молодёжь вступала в ряды единой организации.

Заутер: Теперь я хочу пропустить несколько лет и перейти к 1938 году. Каким был лозунг «Гитлерюгенда» на 1938?

Ширах: 1938 был годом «Взаимопонимания»

Заутер: Годом «Взаимопонимания»?

Ширах: Господин Цимер говорит, что лозунгом был «Каждый юноша лётчик».

Заутер: И затем в 1939, каким был лозунг?

Ширах: Это был год «Заботы о здоровье».

Заутер: Год «Заботы о здоровье»?

Ширах: Согласно господину Цимеру, это был «Гитлерюгенд на марше».

Заутер: И наконец, 1940, ваш последний год?

Ширах: Это был год «Инструктажа». Но он назвал его «Мы выступаем против Англии».

Но я хочу добавить, что первый лозунг, «один народ, один Рейх, один фюрер», о котором Цимер говорит, что он был официальным лозунгом 1933 для немецкой молодёжи, возник впервые в 1938, когда Гитлер поехал в Австрию. До этого, этот лозунг вообще не существовал. Он никогда не был лозунгом немецкой молодёжи.

Заутер: Свидетель, мы должны выполнить пожелание трибунала и больше не вдаваться в письменные показания Цимера, за исключением одного положения которое использовало обвинение в обвинительном заключении против вас в связи с обвинением в антисемитизме. Я пропускаю дальнейшие заявления господина Цимера и перехожу к той речи в Гейдельберге. Прежде всего, скажите мне, то о чём говорил Цимер и затем вы можете дать свои комментарии об этом.

Ширах: Цимер сказал, что во время встречи со студентами в Гейдельберге – я думаю тоже в конце 1938 или начале 1939 - я произнес речь против евреев в связи со съездом национал-социалистического студенческого союза. Он сказал, что по этому поводу я хвалил студентов за разрушение синагоги в Гейдельберге, и что построил перед собой студентов и вручил им награды и приказы о повышении.

Прежде всего, я уже ссылался на свою деятельность в студенческом движении. По просьбе заместителя фюрера, Рудольфа Гесса, в 1934, я передал ему руководство студенческим движением. Он назначил рейхстудентфюрера и после

этого я не выступал на каких-либо студенческих митингах.

Насколько я помню, я посещал Гейдельберг в течении лета 1937 и там я говорил с группой молодёжи. Это было за 1 или 1 ½ года до даты Цимера. И по одному поводу я присутствовал на фестивальной пьесе в Гейдельберге.

Заутер: Всё это не относится к делу.

Ширах: Я не припоминаю какого-либо такого митинга у студентов, и я не вспоминаю, что когда-либо публично заявлял о моих взглядах на еврейский погром 1938. Я выскажусь по другому пункту, что я говорил как рейхсюгендфюрер по этому поводу.

Цимер говорит – я перевожу с английского текста – он говорит, что: «Настанет день, когда студенты Гейдельберга встав плечо к плечу с легионами остальных студентов склонят мир к национал-социалистической идеологии».

Я никогда так не говорил перед молодёжью, на публике или даже в небольшом кругу. Это не мои слова, я такого не говорил. Я вообще не имел полномочий вручать студентам награды или приказы, и т. д. Медалей поощрявших студентов не существовало. Все награды жаловались главой государства.

Лично я имел право пожаловать золотую молодёжную награду, и я думаю делал так всего около 230 раз, почти всех людей имевших заслуженное признание в сфере образования, но не неизвестных студентов.

Заутер: Свидетель, важное положение в ваших показаниях это рассказать нам о том верно ли, что речь, произнесенная в конце 1938 перед студентами Гейдельберга, в которой оратор ссылался на разрушение синагог, не произносилась вами, потому что тогда вы не имели никакого отношения к студенческому движению. Это верно?

Ширах: Я не имел никакого отношения к студенческому движению, и я не помню, чтобы я выступал на таком митинге. Я считаю, что не может быть речи, что такой митинг студентов вообще состоялся. Я не делал таких заявлений.

Заутер: У вас есть письменные показания?

Ширах: Да. Я сейчас не могу найти этот отрывок.

Заутер: Где-то там сказано, то что я перевёл на немецкий, а именно, про «маленького толстого студенческого руководителя». Вы нашли отрывок? Там так сказано?

Ширах: Да, так.

Заутер: Что же, тогда очевидно «маленький, толстый студенческий руководитель» нельзя к вам отнести.

Господин председатель, могу я в этой связи, обратить ваше внимание на письменные показания находящиеся в документальной книге Шираха под номером Ширах-3, и которые настоящим я предъявляю трибуналу. Это письменные показания Гёпкен, которая начиная с 1 мая 1938 была секретаршей подсудимого фон Шираха и которая, в этих письменных показаниях под цифрой 16 – которые на странице 22 документальной книги – указывая точные подробности – заявляет под

присягой, что во время, которое здесь касается подсудимого, он вообще не находился в Гейдельберге.

Я не считаю, что мне необходимо зачитывать часть из письменных показаний. Я прошу трибунал вынести о них судебное уведомление.

Председатель: Думаю, подошло время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Заутер: Свидетель, в иной связи вы говорили о том факте, что вы не считали офицеров подходящими в качестве молодёжных руководителей. Меня интересует знать о том, сколько членов руководящего корпуса «Гитлерюгенда» в 1939 к началу войны были офицерами запаса вооруженных сил.

Ширах: Я сужу о том, что руководящий корпус ГЮ имел около 1300 руководителей. Это были руководители банов, руководители округов или регионов, и соответствующий штат помощников. Из этих 1300 молодёжных руководителей от 5 до 10 человек были офицерами запаса.

Заутер: И сколько действующих офицеров было тогда в вашем штате или в руководящем составе?

Ширах: Действующие офицеры не являлись молодёжными руководителями и не могли быть молодёжными руководителями.

Заутер: Почему нет? Это содержалось в правилах?

Ширах: Да. Офицерам не разрешалось быть членом партии или какого-либо из её органов или дочерних организаций.

Заутер: Кто был ответственным перед вами за физическое воспитание и спортивные программы в «Гитлерюгенде»?

Ширах: Обергебитсфюрер фон Чаммер-Остен, который также был рейхсспортфюрером. В олимпийский год он очень близко сотрудничал со мной и добровольно подчинил себя мне в декабре или ноябре 1936. Он был ответственным передо мной за всё физическое воспитание юношей и девушек.

Заутер: Этот господин фон Чаммер-Остен, который был хорошо известен в международном спортивном мире, был по профессии офицером?

Ширах: По моим воспоминаниям он был офицером в Первую мировую войну. Затем он ушел из армии и был по профессии фермером. Позднее он занимался только вопросами физического воспитания и спорта. Один из его братьев был действующим офицером.

Заутер: Фон Чаммер-Остен стал офицером во время Второй мировой войны?

Ширах: Нет, не стал.

Заутер: Вы помните это? Советское обвинение здесь предъявляло документ, а именно доклад из Львова, в котором говорилось, что «Гитлерюгенд» или ведомство рейхсюгендфюрера проводило курсы для молодых людей из Польши, и эти молодые

люди готовились в качестве агентов, шпионов, парашютистов. Вы сегодня заявляли, что вы несёте полную ответственность за ваше руководство. Я прошу вас что-нибудь нам сказать об этом.

Ширах: В нашей молодёжной организации мы совершенно не имели возможностей по подготовке шпионов. Вербовал ли Гейдрих со своей стороны, без моего ведома и без ведома моих помощников, молодых агентов в Польше и использовал их в своей разведывательной службе, я не могу сказать. Лично я не проводил шпионской подготовки, у меня не было курсов для агентов, в конце концов, у меня не было воздушных сил. Подготовка такого рода могла проводиться только в воздушных силах.

Заутер: Значит вы, как рейхсюгендфюрер, как вас называли позднее рейхсляйтер по молодёжному воспитанию, никогда не знали о таких вещах до процесса? Вы можете заявить об этом под присягой?

Ширах: Об этом я могу заявить под присягой. Я хочу добавить, что незадолго до войны молодые беженцы из Польши прибывали к нам в больших количествах, но они, конечно, не возвращались обратно в Польшу. Преследование немцев в Польше это исторический факт.

Заутер: Свидетель, обвинение утверждает, что в песне «Гитлерюгенда» пелось: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир»; то есть предположительное название этой песни, и что этим предположительно выражалась воля Гитлерюгенда к завоеванию, это верно?

Ширах: В песне поётся, в оригинальном тексте, который был написан Гансом Бауманом[358] и также включенном здесь в документальную книгу: «Сегодня нас слышит Германия, а завтра весь мир». Но мне также стало известно, что эту песню время от времени, пели в такой форме, которая здесь упоминалась. По этой причине я запретил исполнение песни, отличающейся от оригинального текста. Я также запретил, спустя годы, песню «Победоносно мы покорим Францию» к исполнению Гитлерюгендом.

Заутер: Вы полностью запретили последнюю песню?

Ширах: Да.

Заутер: Принимая во внимание ваших французских гостей?

Ширах: Не принимая во внимание гостей, а потому что она противоречила моим политическим концепциям.

Заутер: Господин председатель, таким образом, я предъявляю правильный текст, который я взял из песенника. Это номер Ширах-95 из документальной книги Шираха.

В связи с вопросом о том планировал ли «Гитлерюгенд» допризывную

---

[358] Ганс Бауманн (1914 — 1988) — немецкий поэт и композитор, автор множества популярных песен нацистского периода. После войны отдалился от своего нацистского прошлого, был драматургом, детским писателем, переводчиком.

подготовку молодёжи, я хочу задать следующие дополнительные вопросы. Физическая и спортивная подготовка молодёжи относилась только к юношам, господин фон Ширах?

Ширах: Нет. Разумеется, все молодые люди получали физическую подготовку.

Заутер: Также и девушки?

Ширах: Да.

Заутер: Это верно, что ваши усилия направленные на физическую подготовку и физическое укрепление молодёжи также применялись к физически ограниченным и слепым и другим молодым людям, которые с самого начала не могли быть использованы для военных задач?

Ширах: Очень рано в нашу работу в «Гитлерюгенде» я включил слепых и глухих, и инвалидов. У меня была периодика, специально издаваемая для слепых и имелись книги для них на Брайле[359]. Мне кажется, что «Гитлерюгенд» был единственной организацией в Германии, которая заботилась об этих людях за исключением особых организаций НСВ и тому подобных.

Заутер: Господин председатель, в связи с этим я прошу, чтобы вы приняли уведомление о документе Ширах-27 из документальной книги Шираха. То есть длинной статье озаглавленной «Допуск физически ограниченных молодых людей в «Гитлерюгенд», в которой упоминались глухие, умственно отсталые и в особенности упоминалась их подготовка, чтобы позволить им заниматься профессией.

Додд: Я весь день воздерживался от каких-либо возражений, но я думаю, что этот допрос зашёл очень далеко. Мы не предъявили этому подсудимому обвинения в отношении слепых, глухих, хромых и заик. Он продолжает уходить к бойскаутам и мы не улавливаем каких-либо относящихся к делу примеров между нами и подсудимым. В таком темпе, боюсь, мы никогда не продолжим.

Председатель: Доктор Заутер, мы выслушали нечто вроде долгого отчета о подготовке в «Гитлерюгенде». Вы не думаете, что теперь вы можете продолжить с чем-нибудь более конкретным? У нас сложилась честная концепция о том, в чём заключалась подготовка в «Гитлерюгенде» и у нас имеются все эти документы.

Заутер: Господин председатель, я попытаюсь, следовать вашим пожеланиям насколько это возможно.

Свидетель, это верно, что вы лично вмешивались у Гитлера для предотвращения воссоздания кадетских корпусов в качестве учреждений чисто военной подготовки?

Ширах: Да, это верно. Я предотвратил воссоздание таких кадетских корпусов.

Заутер: Теперь я перехожу к следующей главе. Подсудимый обвинен в разрушении протестантских и молодёжных организаций. Что вы скажете в ответ на это?

---

[359] Шрифт Брайля — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми.

Ширах: Первое, следующее: я хотел, как я уже объяснял, унификации всей молодёжи. Я также хотел включить протестантские организации, которые не были очень крупными по численности, и многочисленные крупные католические организации в «Гитлерюгенд», в особенности, потому что некоторые из этих организаций не ограничивали себя религиозными вопросами, но соревновались с «Гитлерюгендом» в физической подготовке, походах, лагерях и тому подобном. В этом я видел угрозу идее немецкого национального образования, и прежде всего, я чувствовал, что среди самих молодых людей была сильная тенденция к «Гитлерюгенду». Выход из религиозных организаций это факт. Также было много священнослужителей, которые считали, что, наверное развитие должно следовать в следующем направлении: вся молодёжь в «Гитлерюгенде»; религиозная забота о молодёжи у священнослужителей; спорт и политика у молодёжных руководителей.

В 1933 или 1934 – но я думаю это было уже в 1933 – епископ Рейха Мюллер[360] и протестантский епископ Оберхайдт обратились ко мне по своей собственной инициативе и предложили включить протестантские молодёжные организации в «Гитлерюгенд». Конечно, я был очень рад этому предложению и принял его. Тогда у меня не было мысли, что существовала оппозиция епископу Рейха Мюллеру внутри протестантской церкви. Я выяснил это гораздо позже. Я верил, что я действовал при согласии и от имени евангелической церкви, и остальные епископы, которые сопровождали меня, усиливали такое убеждение. Даже сегодня я всё ещё верю, что добровольно включая протестантскую молодёжь в молодёжное государство, Мюллер действовал в соответствии с волей самого большинства протестантской молодёжи и в моёй прежней деятельности в качестве югендфюрера я часто встречал бывших руководителей из протестантских молодёжных организаций, которые занимали у меня ведущие позиции и работали в моей молодёжной организации с великим энтузиазмом и самоотдачей.

В результате такого включения протестантской молодёжи – я хочу это отметить – духовному управлению молодёжью не препятствовали; никогда не было ограничения церковных служб в Германии, как тогда так и позднее. Поскольку протестантская молодёжь была включена на основании соглашения между церковью и «Гитлерюгендом», практически существовало только разногласие о молодёжном воспитании между католической церковью и «Гитлерюгендом».

В мае или июне 1934 я лично попросил принять участие в переговорах по конкордату[361] Рейха, потому что я полностью хотел устранить разногласия между католической церковью и «Гитлерюгендом». Я считал соглашение в данной области очень важным и фактически мне позволили участвовать в этих переговорах,

---

[360] Людвиг Мюллер (1883 — 1945) — германский религиозный деятель: первоначально один из лидеров Немецких христиан, затем — епископ церкви Рейха. Покончил жизнь самоубийством после поражения Германии.

[361] Конкордат — по канонической терминологии договор между папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом

которые состоялись в июне 34-го в министерстве внутренних дел под председательством рейхсминистра внутренних дел Фрика. С католической стороны принимали участие в переговорах архиепископ Грубер[362] и епископ Бернинг[363]; и тогда я лично предложил формулу для сотрудничества, которая встретила одобрение с католической стороны, и я верил, что я нашел основу для соглашения в этой сфере.

Совещание было, к сожалению прервано вечером 29 июня, и 30 июня 34-го мы узнали о так называемом «путче Рёма[364]» и переговоры так и не возобновлялись. Это не моя вина, и я не несу за это ответственности. Гитлер просто не хотел принимать последствия конкордата. Я лично желал заключения этого соглашения, и верил, что представители церкви поняли в этих переговорах и некоторых следующих совещаниях со мной, что сложности не исходят от меня. В любом случае епископ Бернинг приходил ко мне, кажется в 1939. Мы обсуждали текущие вопросы между молодёжным руководством и церковью. Мне кажется, что тогда у него также сложилось впечатление, что я не был тем, кто хотел создавать трудности.

Тогда возникали сложности из возрастающего сильного влияния Мартина Бормана, который всячески пытался предотвратить любого рода договорённость между партийными ведомствами и церковью или между молодёжным руководством и церковью.

В ходе спора о руководстве религиозными молодёжными организациями и их включении, возникали оживленные дискуссии. Я сам выступал на различных встречах. Церковью также принимались заявления, которые согласно положению дел, были более или менее острыми. Но в связи с этим предметом я не делал никаких заявлений враждебных религии за время своей жизни.

Заутер: Свидетель, это верно, что в 1937, вы заключили соглашение с церковью о том, чтобы «Гитлерюгенд», принципиально, не действовал по воскресеньям в церковное время, для того, чтобы дети могли присутствовать на религиозных службах, и далее, что в связи с этим соглашением, вы оказались в весьма затруднительном положении?

Ширах: Это верно.

Заутер: Вы расскажите нам об этом очень коротко?

Ширах: Мне не кажется, что можно говорить, что это было соглашение с церковью. Если я правильно помню, я издал распоряжение основанное на различных письмах полученных мною от священнослужителей – которое в очень большой степени учитывало пожелания, высказанные в этих письмах. Тогда я принял это распоряжение, и я понимаю из многих письменных показаний, которые были

---

[362] Конрад Грубер (1872 – 1948) – немецкий католический священнослужитель.
[363] Герман Бернинг (1877-1955) – немецкий католический священнослужитель.
[364] «Ночь длинных ножей» (Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

недавно мне направлены молодёжными руководителями, что это распоряжение аккуратно соблюдалось.

В связи с моим отношением, сложности возникли в партийной канцелярии. Борман, конечно был энергичным противником такой важной договоренности с церковью, и сам Гитлер – мне не известно было ли это связано с распоряжением, но в любом случае, в связи с разрешением спора между молодёжным руководством и церковью – однажды меня упрекали.

Заутер: Свидетель, у меня здесь есть небольшая книга, озаглавленная «С новым 1944», с подзаголовком «Рождественский подарок военной службе социального обеспечения от рейхсляйтера фон Шираха». Я предъявляю эту книгу, в качестве документа номер Ширах-84 трибуналу для судебного уведомления. На странице 55 фотография Мадонны. На странице 54 христианская поэма написанная подсудимым под названием «Баварская рождественская кроватка». В нижней части на странице 54 есть знаменитая «Весбрюнская молитва[365]», старейшая молитва на немецком языке, датированная восьмым веком.

Свидетель, это также правильно, что в связи с христианским содержанием этой книги у вас были сложности с рейхсляйтером Борманом; и если так, то в чём они заключались?

Ширах: Это правильно. Я преподнёс этот рождественский подарок, мне кажется, 80 000-100 000 солдат и отправил его на фронт в конце 1944. Я прямо не слышал чего-либо от Бормана, но он внезапно попросил 10 копий этой книги и я был проинформирован людьми, которые были рядом с фюрером в его ставке, что он использовал эту книгу с целью настроить Гитлера против меня.

Я хочу добавить, что за всё время своей жизни, в любом случае постольку поскольку я писал стихи, я высказывался таким же образом в этой поэме. Также в связи с поэмами, «Флаг гонимых», которой к сожалению у меня здесь нет, но которая распространялась среди молодёжи в очень крупном издании, где можно найти мои революционные поэмы, там есть поэмы о христианском содержании, которые однако, не перепечатывались партийной прессой в газетах и следовательно не стали настолько известными как мои другие стихи. Но я хочу высказаться достаточно четко, что я был противником религиозных молодёжных организаций, и я желаю так же разъяснить, что я не был противником христианских религий.

Заутер: Не противником?

Ширах: Конечно, нет.

Заутер: Вы вышли из церкви?

Ширах: Несмотря на многочисленные намёки Бормана, я никогда не уходил из церкви.

Заутер: Господин председатель, могу я попросить трибунал принять судебное уведомление о документах Ширах-85-93, включительно, из документальной книги

[365] Старейшая немецкая молитва рукопись которой датирована 814 годом.

Шираха. Все эти документы из периода, когда он был рейхсюгендфюрером и показывают его отношение к церкви.

Ширах: Могу я кое-что добавить?

Заутер: Как вам угодно.

Ширах: Что касалось моего религиозного отношения, я всегда отождествлял себя с мыслями, высказанными в «Wilhelm Meisters Wanderjahre[366]» о религиях в целом и значении христианской религии в частности. Тут я хочу сказать, что в своей работе в качестве воспитателя я ошибся во мнении, что позитивное христианство[367] существовало вне Германии.

Однако, я никогда не делал никаких антихристианских заявлений, и я хочу здесь сказать, впервые публично, что в ближайшем окружении «Гитлерюгенда» я всегда выражал самую однозначную веру в личность и учение Христа. Перед воспитателями школы Адольфы Гитлера – факт которому естественно не позволили дойти до партийной канцелярии – я говорил о Христе как величайшем лидере в мировой истории и заповеди «возлюби ближнего» как универсальной идее нашей культуры. Мне кажется, что также есть несколько показаний молодёжных руководителей об этом в вашем владении господин защитник.

Заутер: Да, я буду ссылаться на них позднее. Я хочу теперь начать новую главу. В 1940 вы были уволены с рейхсюгендфюрера?

Ширах: Да.

Заутер: И вашим преемником был Аксман, который уже упоминался. Но вы остались связаны с молодёжным воспитанием через какую должность?

Ширах: Через должность рейхсляйтера по молодёжному воспитанию.

Заутер: И мне кажется, в дополнение к этому вы получили другой титул?

Ширах: Да, я стал заместителем фюрера по инспекции «Гитлерюгенда».

Заутер: Это было лишь титулом, или своего рода должностью?

Ширах: Должность рейхсляйтера касалась работы с молодёжью в партийном секторе. Рейхсюгендфюрер – это был Аксман как мой преемник – также имел сферу деятельности в государстве, и я также стал компетентным за это в силу назначения меня инспектором.

Заутер: Как состоялось ваше увольнение с рейхсюгендфюрера, и почему вы были назначены именно в Вену в качестве гаулейтера? Что вы можете об этом сказать?

Ширах: В конце французской кампании, в которой я участвовал как пехотинец, я был в Лионе, когда пришла радиограмму из ставки фюрера, и командир моей роты сказал мне, чтобы я явился в ставку фюрера. Я сразу же туда отправился; и в ставке фюрера, которая тогда располагалась в Шварцвальде, я встретил фюрера

---

[366] «Годы учения Вильгельма Мейстера» (нем.) – роман И. Гёте.

[367] «Немецкие христиане» — движение, организованное в мае 1932 года сторонниками национал-социализма среди немецкого духовенства Евангелической церкви Германии. Возглавлялось Людвигом Мюллером. Представители движения были согласны с расовыми идеями национал-социалистов; они публично заявляли, что христиане, имеющие еврейских предков, являются христианами в новозаветном смысле, но не немецкими христианами.

беседующего с министром иностранных дел фон Риббентропом. Может быть, четверть часа или 20 минут я ждал пока беседа не завершилась и затем сразу явился к фюреру, и там, снаружи, перед зданием казино где позднее все вместе обедали, он держал меня около 10 минут.

Мне следовало предложить ему преемника для руководства молодёжью. Он планировал, чтобы я принял рейхсгау Вена. Я сразу же предложил своего помощника Аксмана, который не был человеком, который оправдывал физическую или военную подготовку, но занимался социальной работой среди молодёжи, и что было наиболее важно для меня, он принял это предложение…

Председатель: Доктор Заутер, нам необходимо вдаваться в качества Аксмана? Трибуналу материально знать о том, каким был его преемник?

Заутер: Аксман? Аксман был преемником в качестве рейхсюгендфюрера.

Председатель: Я спросил вас о том, является ли материальным для трибунала знать о качествах Аксмана. Мы не имеем к ним никакого отношения.

Заутер: Господин фон Ширах, вы можете быть более кратким в этом, не так ли?

Ширах: Затем Гитлер сказал, чтобы я продолжал работать в качестве рейхсляйтера по молодёжному воспитанию, и что я должен в то же время принять должность инспектора по делам молодёжи и чтобы я отправился в Вену в качестве преемника Бюркеля[368]. В Вене, особенно в культурной области, возникли серьезные трудности и, следовательно, я должен был обратить своё внимание на положение культурных учреждений, в особенности театров, художественных галерей, библиотек и тому подобного; и я особо должен был заняться рабочим классом. Я заявил возражение, что я смогу вести такую культурную работу лишь независимо от Геббельса и Гитлер мне тогда пообещал, что эта независимость будет полностью обеспечена, но он не сдержал это обещание в дальнейшем.

И напоследок он сказал, что он отправляет из Вены еврейское население, что он уже проинформировал Гиммлера или Гейдриха – я не помню точно, что он сказал – о своём намерении или, по крайней мере, тогда проинформировал их. Вена должна была стать немецким городом, и в этой связи он даже говорил об эвакуации чешского населения.

На этом разговор завершился. Я не получал иных указаний для этой должности, и затем мы поужинали вместе как обычно. Затем я взял отпуск и поехал в Берлин, чтобы поговорить со своими помощниками.

Заутер: Вена рассматривалась тогда, если я правильно информирован, наиболее сложным гау в Рейхе это верно?

Ширах: Вена была самой сложной проблемой имевшейся среди гау.

Заутер: Почему?

Ширах: Потому что – я узнал подробности только от других лиц в Берлине, после

---

[368] Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. В 1938-1938 занимал руководящие должности в Австрии.

получения своей задачи от Гитлера – в Вене население значительно протрезвело после того как волна первоначального энтузиазма после аншлюса пошла на убыль. Господин Бюркель, мой предшественник, привёл многих чиновников в Вену извне, там была введена германская система управления, которая вообще не являлась более практичной или эффективной чем австрийская,. Это привело к некоторой забюрократизованности в административной сфере, и Бюркель начал церковную политику, которая была более чем неудовлетворительной. Под его руководством проходили демонстрации. По одному случаю был поврежден дворец архиепископа. О театрах и остальных культурных местах не заботились как следовало. Вена почувствовала сильное разочарование. До того как я это понял, я был проинформирован, что если говоришь в трамвае с северо-немецким акцентом, венцы занимают недружественное отношение.

Заутер: Свидетель, какие обязанности были у вас или какие должности вы занимали в Вене?

Ширах: В Вене я имел должность рейхсштатгальтера, которая включала две администрации, муниципальную администрацию и государственную администрацию. Дополнительно, я был рейхскомиссаром обороны XVII военного округа, но только до 1942. В 1942, военный округ был разделён, и каждый гауляйтер военного округа стал рейхскомиссаром обороны своего гау.

Заутер: И тогда вы также были гауляйтером?

Ширах: Да, был также гауляйтером, высшим чиновником партии.

Заутер: Другими словами, вы представляли город, государство и партию, всё сразу – высшую власть в городе, государство и партию в Вене?

Ширах: Да. Теперь ситуация в управлении была такой, что там был официальный представитель ответственный за государственные дела, а именно, регинругспрезидент, для муниципального управления был ещё один представитель, бургомистр; в партии, заместитель гауляйтера Вены имевший титул гауляйтера.

Я не хочу приуменьшать свою ответственность за гау, объясняя это, и хочу защитить исключительно эффективного заместителя гауляйтера который там был. Я лишь хочу сказать это с целью разъяснить своё положение.

Заутер: Свидетель каким в действительности было ваше положение в качестве рейхскомиссара обороны? Это была военная должность, или в чём она заключалась?

Ширах: Это вообще не была военная должность. Рейхскомиссар обороны был просто главой гражданской администрации, в отличие от ситуации преобладавшей в Первую мировую войну, в которой глава гражданской администрации назначался и подчинялся командующему генералу; в этой войне рейхскомиссар обороны взаимодействовал с ним, но не подчинялся.

Задачами рейхскомиссара обороны – по крайней мере, то есть как я понимал свои задачи – были с определенными интервалами, координация наиболее волнующих проблем продовольственной экономики, транспорта – то есть, местного

и дальнего сообщения, обеспечение углём, и регулирование цен для гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, всё это относилось к XVII военному округу.

Для этой цели было несколько встреч– мне кажется всего три. В 1942 состоялась реорганизация которую я уже упоминал. Борман победил в споре против рейхсмаршала. Рейхсмаршал считал, что рейхскомиссар обороны должен быть комиссаром обороны всего военного округа. Борман хотел, чтобы каждый гауляйтер был комиссаром обороны и это привело к разделению. С 1942 я был только рейхскомиссаром обороны Вены.

Заутер: Свидетель, кажется, что тогда было принято распоряжение – будьте любезны сказать мне, когда вы были о нём проинформированы – а именно, распоряжение рейхсляйтера Бормана о том, чтобы гауляйтеры не собирались более чем по два.

Ширах: Это не распоряжение Бормана это приказ Гитлера.

Заутер: В чём заключались его основные положения?

Ширах: Я должен кратко это объяснить. Из-за того факта, что рейхскомиссариат был разделен, я время от времени должен был встречаться с рейхсштатгальтерами других провинций для того, чтобы обсуждать самые важные вопросы, в особенности касавшиеся нашей продовольственной экономики. Однако, мне кажется, это было в 1943, доктор Лей прибыл ко мне в Вену и передал мне официальный приказ от фюрера, согласно которому считалось незаконным – так он это выразил – чтобы гауляйтеры собиралась больше чем вдвоём на совещаниях.

Тогда я молча посмотрел на доктора Лея, и он сказал:

> «Да, это не касается только вас. Есть ещё один гауляйтер, который созвал совещание с более чем двумя и сам подобный факт уже рассматривается в качестве возможного мятежа или заговора».

Заутер: Свидетель, когда вы находились в Вене, вам поручили ещё одну задачу, которая занимала много вашего времени? Пожалуйста, кратко опишите нам это.

Ширах: Я только приступил к работе в Вене, когда в октябре 1940, я получил приказ явиться в рейхсканцелярию.

Заутер: Будьте любезны описать это очень кратко.

Ширах: И там сам Гитлер поставил мне задачу проведения эвакуации всей немецкой молодёжи из районов угрожаемых воздушными атаками, и одновременно провести эвакуацию матерей и детей, и он сказал, что это следует начать в Берлине и затем постепенно охватить весь Рейх. Он сказал, что воспитание имело сейчас второстепенное значение, главной вещью было поддерживать нервную энергию молодёжи и поддерживать жизнь. Однако, я сразу же попросил, чтобы мне дали возможность создавать образовательные организации, и так было сделано.

Я не желаю говорить о подробностях, но одно из требований которое я заявил сразу же – это важно в связи с обвинительным заключением заключалось в том, что не следовало создавать трудности участию молодых людей в церковных

службах. Мне это пообещали, и это очень четко высказывалось в моих первых директивах по эвакуации детей. Молодёжные руководители, которые работали в этой области моей организационной работы это подтвердят.

Заутер: Подобная эвакуация детей в сельскую местность была очень обширной задачей, не так ли?

Ширах: Это была самая сложная задача, и с психологической точки зрения самая трудная работа, которую я когда-либо выполнял. Таким способом я перевёл миллионы людей, я обеспечивал их продовольствием, образованием, медицинской помощью, и тому подобным. Конечно, эта работа занимала меня полностью или в большей степени только первые годы. После этого я подготовил своих помощников к подобной работе.

Заутер: Позднее, как слышал от вас, вы пытались время от времени докладывать Гитлеру о ваших успехах и о проблемах требующих решения. Как часто в течение всех лет войны вам позволяли обсуждать эту важную область работы с Гитлером?

Ширах: Господин защитник, боюсь я вас поправлю. Я никогда не пытался докладывать Гитлеру о своих успехах, но только о своих проблемах.

Заутер: Проблемах, да.

Ширах: В целом о программе эвакуации детей я смог доложить ему лишь дважды, первый раз в 1940, после получения под контроль всей программы, и второй раз в 1941, когда эвакуация приняла очень крупные пропорции.

И о Вене я мог докладывать только в редких случаях, и в 1943 возможность докладов уменьшилась вместе с нарушением отношений, которые я опишу позднее.

Заутер: Затем, в течение вашей службы в Вене вы стали председателем общества любителей книги Вюрцбурга.

Ширах: Эта почетная должность, Съезд любителей книги Вюрцбурга назначил меня председателем германского общества любителей книги.

Заутер: Ваша честь, Ширах – номер Ширах-1 из документальной книги ссылается на этот предмет, и я приобщаю его в качестве доказательств. Это письменные показания старого антифашиста, Карла Клингспора[369], почетного члена общества, который предоставил ценную информацию о характере фон Шираха.

Господин фон Ширах, и в дополнение, мне кажется, вы были председателем юго-восточного европейского общества, это верно?

Ширах: Да.

Заутер: Вкратце, в чём заключалась миссия этого общества?

Ширах: В качестве своей задачи оно имело улучшение торгово-экономических отношений, с юго-востоком. Его функции были существенными в сфере исследований и презентаций.

Заутер: Свидетель, в чём заключалась ваша основная венская деятельность?

---

[369] Карл Клингспор (1868 – 1950) – немецкий книгоиздатель.

Ширах: Моей принципиальной деятельностью в Вене была социальная и культурная работа, как я уже объяснял ранее.

Заутер: Социальная работа и культурная работа?

Ширах: Они являлись двумя полюсами, которые преобладали во всей моей политической жизни.

Заутер: Теперь я перехожу к отдельным обвинениям предъявленным вам обвинением, касательно этого периода в Вене. Помимо прочего вас обвиняют в участии в так называемой программе рабского труда, и я прошу вас высказать свою позицию об этом, и в этой связи также разобрать директиву номер 1 генерального уполномоченного по распределению рабочей силы от 6 апреля 1942, которая была предъявлена, мне кажется, как документ PS-3352. Пожалуйста, начинайте.

Ширах: Может быть, будет лучше начать с распоряжения, которым гауляйтеры были назначены уполномоченными по распределению рабочей силы при генеральном уполномоченном.

Заутер: 6 апреля 1942.

Ширах: В документальном материале этого документа содержится не более чем то, что гауляйтеры могли вносить предложения и направлять запросы в компетентные учреждения по распределению рабочей силы. Но они несли ответственность – мне, неизвестно было ли это в том или ином распоряжении– по надзору за питанием и расселением, и т. д., зарубежных рабочих. Это питание и расселение, и т. д., зарубежных рабочих было – в моём гау и мне также кажется, во всех остальных гау Рейха – в руках Германского трудового фронта[370].

Гаубман Германского трудового фронта в Вене докладывал мне очень часто об условиях в гау среди немецких рабочих и зарубежных рабочих. Он часто сопровождал меня в инспекционных поездках на предприятия и из своих собственных наблюдений я могу описать впечатление о жизни там зарубежных рабочих в Вене насколько я мог их видеть.

Я хорошо помню, например, мой визит на крупную мыловарню, где я видел бараки, в которых жили русские и французские женщины. Они имели более лучшие комнаты, чем были у венских семей, которые жили вшестером или ввосьмером в обычной однокомнатной квартире с кухней. Я помню другую инспекцию, где я видел место проживания русских рабочих. Там было чисто и опрятно, и среди русских женщин, которые там были, я заметил добродушных, упитанных и видимо удовлетворенных. Я знал об обращении с русскими домашними рабочими из круга своих знакомых и от знакомых многих помощников и здесь, также, я слышал, и отчасти сам наблюдал, что с ними чрезвычайно хорошо обращались.

Позвольте мне сказать в целом о Вене как о месте для зарубежных

---

[370] Германский трудовой фронт - в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей. Существовал с 1933 по 1945 гг.

рабочих. Доставка зарубежных рабочих с юго-востока в Вену это вообще не проблема. Кому-то нравилось ехать в Вену, также как другому нравилось ехать в Париж. Я видел очень много французов и француженок работавших в Вене, и тогда я с ними беседовал. Я также беседовал с французскими мастерами на фабриках. Они жили как арендаторы где-то в городе, также как и другие частные лица. Можно было видеть их в Пратере. Они проводили своё свободное время также как и делали наши местные рабочие.

В течение моего времени в Вене, я организовал больше фабричных кухонь чем были в каком-либо другом гау Германии. Зарубежные рабочие часто посещали эти кухни также как и местные рабочие.

Об обращении в руках населения, я могу лишь сказать, что население города, которое веками привыкло работать совместно с зарубежными элементами, любого рабочего прибывшего извне встречало хорошо.

О действительно плохих условиях мне никогда не рассказывали. Время от времени мне докладывали о том, что шло не так там или тут. Обязанностью гаубмана Трудового фронта заключалась в том, чтобы докладывать мне. Затем я немедленно отдавал распоряжение со своего стола по телефону в региональное продовольственное учреждение или учреждение по квотам, чтобы обеспечить материалом, о кухнях или отопительном оборудовании, или всем чем угодно. В любом случае, по всем жалобам поступавшим мне, в 24 или 48 часов принимались меры.

Пока мы на этом предмете я хочу привести своё впечатление об использовании рабочей силы в целом. Я не ответственный за ввоз рабочей силы. Я могу лишь сказать, что то, что я видел в результате директив и приказов от генерального уполномоченного, а именно со-подсудимого Заукеля, всегда следовало линии гуманного, достойного, справедливого и чистого обращения с рабочими, которых нам вверили. Заукель буквально наводнил свои ведомства такими директивами.

Я считал своим долгом заявить об этом в своих показаниях.

Заутер: Эти зарубежные рабочие, которые были в гау Вена и за кого вы не считаете себя ответственными, использовались в промышленности вооружений или где-то ещё?

Ширах: Большую часть использовали в сельском хозяйстве, кого-то в продовольственной промышленности. Был ли кто-то из них непосредственно в промышленности вооружений я не могу сказать. Промышленность вооружений не была доступна мне во всех своих отраслях, даже при моих функциях как гауляйтера, потому что там были промышленные военные процессы, которые держали в тайне даже от рейхсштатгальтера.

Заутер: Свидетель, в связи с предметом еврейского принудительного труда, зачитывали письмо, документ PS-3803. Мне кажется, это рукописное письмо от

подсудимого Кальтенбруннера Блашке[371]. Блашке, мне кажется, был вторым бургомистром Вены.

Ширах: Он был бургомистром Вены.

Заутер: Это письмо от 30 июня 1944. В этом письме Кальтенбруннер информирует Блашке о том, что он приказал, чтобы несколько эвакуационных транспортов направили в Вену-Штрассхоф. «Там четыре транспорта» - он говорит в письме - «с почти 12 000 евреев, которые прибудут в несколько следующих дней». В этом письме такого много. Его дальнейшее содержание единственно важное, потому что оно говорит в конце – и я цитирую:

> «Я прошу тебя, обсудить дальнейшие подробности с управлением государственной полиции в Вене, оберштурмбанфюрером СС доктором Эбнером[372] и оберштурмбанфюрером СС Круми[373] от зондерайнзацкомманды Венгрия, который находится в Вене».

Вы имели какое-либо отношение к этому предмету, и если так, то какое?

Ширах: Мне не известно о переписке между со-подсудимым Кальтенбруннером и бургомистром Вены. По моим сведениям лагерь Штрассхоф вообще не в гау Вена. Он совершенно в другом гау. Следовательно назначение «Вена-Штрассхоф», ошибка. Между этими двумя проходит граница.

Заутер: И тогда вы были проинформированы о самом вопросе, или только здесь в зале суда?

Ширах: Я узнал о вопросе лишь в зале суда, но я помню, что делалось упоминание об использовании еврейских рабочих в связи с постройкой юго-восточного укрепленного вала[374]. Однако, юго-восточный укрепленный вал не находился в районе рейхсгау Вена. Он был проектом для района гау Нижний Дунай, Нижняя Австрия или Штирия. Я не имел никакого отношения к строительству юго-восточного вала; это находилось в руках доктора Юри[375], то есть, ОТ…

Заутер: ОТ это организация Тодта[376]?

Ширах:… Организации Тодта. И с другой стороны границы он находился в руках доктора Юбиррейтера[377], гауляйтера Штирии и его технических помощников.

---

[371] Ганс Блашке (1896–1971) — австрийский политик. Бургомистр Вены с 30 сентября 1943 по 6 апреля 1945.

[372] Карл Эбнер (1901–1983) — сотрудник Гестапо, до 1 декабря 1944 заместитель начальника управления Гестапо в Вене. Австрийским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Помилован в 1953.

[372] Герман Крумей (1905–1981) — сотрудник специальной группы А.Эйхмана осуществлявший депортацию евреев из Венгрии в концентрационные лагеря. Немецким судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Освобождён досрочно.

[374] Юго-восточный вал – запланированная система немецких укреплений идущая от Малых Карпат и озера Нойзидлер на юг вдоль реки Драва.

[375] Хуго Юри (1887 — 1945) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер и рейхсштатгальтер Нидердонау (Нижний Дунай), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Покончил жизнь самоубийством при наступлении Красной армии в Австрии.

[376] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта 18 июля 1938 года.

[377] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941

Заутер: Таким образом, я могу подытожить ваше заявление как означающее, что вы не имели никакого отношения к таким вещам, потому что это были вопросы, которые не касались вашего гау.

Ширах: Да. Я не могу понять какая связь должна быть у них с гау Вена. Намеревался ли бургомистр выделить каких-то из этих рабочих для специальных задач в Вене мне неизвестно. Мне неизвестно о вопросе.

Заутер: Свидетель, в той же самой связи был представлен ещё один документ, PS-1948, документ подшитый к делу от 7 ноября 1940. Это была дата, когда уже несколько месяцев вы были гауляйтером Вены и это, также касается принудительного труда евреев, которые были пригодны к работе. Этот документ в деле написан на бланке под заголовком «рейхстштагальтер Вены» и видимо спорное примечание написано доктором Фишером. Кто такой доктор Фишер? Какое отношение, вы как рейхсштатгальтер имели к этому предмету? Что вам об этом известно?

Ширах: Прежде всего, доктор Фишер мне лично неизвестен. Я не хочу оспаривать такую возможность, что я мог принимать его однажды и что я его не запомнил, но я не знаю, кто такой доктор Фишер. В любом случае, он не был экспертом работавшем в моём центральном аппарате. Я полагаю, что он мог быть чиновником, потому что его имя также появляется в связи с другим документом. Вероятно, он был личным консультантом регинрунгспрезидента. Записка показывает, что этот чиновник использовал мой личный бланк, и он был вправе так делать. Мне кажется, несколько тысяч человек в Вене были вправе использовать такой бланк, согласно правилам немецких служб.

В этой записке он привёл телефонный разговор с Гестапо из которого можно понять, что главное управление безопасности Рейха – то есть Гейдрих – было ведомством, которое решало, согласно внутренним директивам Гестапо, об использовании еврейской рабочей силы.

Регинрунгспрезидент хотел знать об этом больше, но мне кажется из этого нельзя сделать вывод, о том что как заключило обвинение я был проинформирован о жестокостях совершаемых Гестапо. Сомнительно был ли я вообще в Вене в то время. Я хочу напомнить вам о моих других задачах, которые я описывал ранее.

Однако, если я был там, я точно не занимал себя с работой по очистке улиц. Но я хочу сказать, что разнообразие моих задач заставило меня создать организационную структуру, которой не существовало ни в одном другом гау, а именно, центральное управление рейхсляйтера.

Заутер: Вероятно, вы расскажите нам, до сегодняшнего завершения, о том приблизительно, сколько чиновников в Вене вам подчинялись.

Ширах: Я полагаю, что могло быть около 5000 чиновников.

года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

Заутер: Господин председатель, мне продолжить? Уже 5 часов.
Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 24 мая 1946*]

День сто тридцать восьмой

Пятница, 24 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый фон Ширах вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Защитник подсудимого Бормана присутствует?
Бергольд: Да.
Председатель: Не будет ли удобно, чтобы вы представили свои документы в 10 часов вторника?
Бергольд: Да. Согласен.
Председатель: Будет ли это удобно для обвинения?
Максвелл-Файф: Разумеется, милорд.
Председатель: Вполне удобно, не так ли?
Бергольд: Да, конечно.
Заутер: Уважаемый суд, вчера мы остановились на документе номер PS-1948. Это, если вы вспомните, меморандум некого доктора Фишера о телефонной беседе, состоявшейся с сотрудником тайной государственной полиции, штандартенфюрером Хубером[378] из Вены, и ссылается на принудительный труд еврейской молодёжи. Особое упоминание было сделано про использование евреев в расчистке снесенной синагоги. В связи с этим меморандумом я хочу задать ещё один вопрос подсудимому Шираху.

[*Обращаясь к подсудимому*] Когда эти синагоги были разрушены в Вене? Это было во время вашей ответственности, или в другое время?
Ширах: Синагоги в Вене были разрушены за 2 года до получения мной должности в Вене.
Заутер: Свидетель, теперь я перехожу к главе об антисемитизме – которому согласно вашему вчерашнему признанию – вы следовали в своей юности. Я хочу знать, в чём заключалось ваше отношение, когда вы вступали в партию и когда вы стали партийным чиновником, к практическому воплощению этого антисемитизма.
Ширах: Согласно моему мнению – в 1924-1925 – евреи должны были быть полностью исключены из гражданской службы. Их влияние в экономической жизни должно было быть ограничено. Я верил в то, что еврейское влияние на культурную

---

[378] Франц Хубер (1902 – 1975) – сотрудник Гестапо, начальник полиции безопасности и Гестапо Вены в 1938-1944. В 1955-1964 сотрудник ЦРУ США.

жизнь следовало ограничить. Но для творцов уровня, например, Макса Рейнхардта[379], я всё ещё представлял возможность свободного участия в культурной жизни. Это, мне кажется, точно отражает мнение, которого я мои товарищи придерживались о решении «еврейской проблемы» в 1924-1925 и в последующие годы.

Позже, когда я возглавил высшую школу молодёжного движения, я выдвинул требование о так называемом numerus clausus[380]. Моё желание заключалось в том, чтобы евреям позволяли учиться только на пропорциональной основе сопоставимой с их процентом от общего населения. Мне кажется, можно понять из этого требования, о numerus clausus, известной всему поколению студентов того периода, что я не верил в полное исключение евреев из художественной, экономической и научной деятельности.

Заутер: Свидетель, я представил документ, документ Ширах-136, в документальной книге Шираха, который содержит заявления чиновника ведомства рейхсюгендфюрера об обращении с еврейской молодёжью контрастирующие с христианской молодёжью. Вам известно, какое отношение ведомство рейхсюгендфюрера занимало тогда к еврейской молодёжи?

Ширах: Мне кажется, что мы рассматриваем распоряжение 1936 года.

Заутер: Осени 1936?

Ширах: Осени 1936. Согласно ему, еврейские молодёжные организации существовали под официальным надзором рейхсюгендфюрера, который контролировал всю молодёжь Германии, и еврейская молодёжь могла бы осуществлять своё собственное молодёжное воспитание автономно.

Заутер: Сказано, что в этом распоряжении, inter alia [381]– я процитирую только одну фразу из документа Ширах-136 из документальной книги Шираха:

> «Сегодня в своей молодёжи, иудаизм уже принимает, то особое, изолированное положение, свободное в собственных границах, которое иудаизм займёт внутри германского государства и в экономике Германии и которое он уже занял в большой степени».

Свидетель, в то же самое время, или незадолго до того, были приняты так называемые Нюрнбергские законы, те расовые законы, которые здесь часто упоминаются.

Вы помогали принятию этих законов, и как вы лично судили об этих законах?

Ширах: Я не принимал участия в подготовке этих законов. В моей комнате в отеле

---

[379] Макс Рейнхардт (настоящее имя Максимилиан Гольдман;1873 — 1943) — австрийский режиссёр, актёр и театральный деятель, который с 1905 года и до прихода к власти нацистов в 1933 году возглавлял Немецкий театр в Берлине.

[380] «Ограниченное число» (лат.) – принцип набора студентов в высшие учебные заведения предусматривающий квоты для поступающих исходя из различных цензов.

[381] Между прочим (лат.)

«Deutscher Hof[382]», здесь в Нюрнберге, я был удивлен обнаружив бумажку заявлявшую, что на следующий день должно состояться заседание Рейхстага и что оно пройдет в Нюрнберге. На том заседании Рейхстага, на котором я присутствовал, были провозглашены Нюрнбергские законы. Мне не известно до настоящего дня кто их подготовил. Я полагаю, что Гитлер сам определил их содержание. Я не могу сказать о них большего.

Заутер: Вы можете заявить под присягой, и с чистой совестью, что до опубликования этих законов вы не знали о планировании таких законов, при том, что вы были рейхсюгендфюрером и рейхсляйтером?

Ширах: Да.

Заутер: После провозглашения этих законов в Нюрнберге, как вы лично представляли будущее развитие еврейской проблемы?

Ширах: Я должен сказать, прежде всего, что фактически, мы вообще не ожидали таких законов. Мне кажется, что вся молодёжь страны тогда считала еврейскую проблему решенной, поскольку с 1935 больше не было вопроса о каком-либо еврейском влиянии. После опубликования этих законов мы считали, что теперь, точно сказано последнее слово о еврейской проблеме.

Заутер: Вкратце, свидетель, вы обвинены в подстрекательстве и влиянии на молодёжь страны. Следовательно, я спрашиваю вас: в качестве рейхсюгендфюрера вы подстрекали молодёжь на антисемитские эксцессы, или же вы, в качестве рейхсюгендфюрера, и в особенности на митингах Гитлерюгенда, произносили какие-либо разжигающие антисемитские речи?

Ширах: Я не произносил никаких разжигающих антисемитских речей, поскольку я пытался, и как рейхсюгендфюрер и как воспитатель молодёжи, не подбрасывать дров в костер; ни в своих книгах, ни в речах – за исключением речи в Вене, на которую я сошлюсь позднее и которая не произносилась тогда, когда я был рейхсюгендфюрером – я не делал никаких разжигающих заявлений антисемитского характера.

Я не буду выставлять себя посмешищем говоря здесь о том, что я не был антисемитом, я был – хотя никогда сам не обращался к молодёжи в таком смысле.

Заутер: Ведомство рейхсюгендфюрера, публиковало официальный ежемесячник «Воля и сила, ведущее издание национал-социалистической молодёжи». Выдержки из этой официальной публикации ранее предъявлены трибуналу в документальной книге.

Теперь меня интересует знать: это, правда, что некие партийные власти непрерывно требовали от вас, чтобы вы опубликовали в этой официальной публикации югендфюрера особый антисемитский выпуск с целью показать молодёжи страны путь, которому следовать в будущем, и каким было ваше

[382] Отель «Немецкая усадьба» - построенный в 1915 г. в Нюрнберге являлся резиденцией Гитлера в городе с 1925 по 1938.

отношение к такому требованию?

Ширах: Это правда, что рейхсминистр пропаганды непрерывно требовал от моего главного редактора, чтобы такой антисемитский номер был опубликован. Получив доклад от главного редактора я неизменно отказывался выполнить такую просьбу. Мне кажется, что главный редактор уже подписал письменные показания под присягой по этому поводу.

Заутер: Свидетель, вопрос антисемитизма также включает ваше отношение к «Der Sturmer[383]», газете издаваемой вашим со-подсудимым, Штрайхером. Вы распространяли эту антисемитскую газету «Der Sturmer» внутри вашей организации, и вы как-либо далее её распространяли?

Ширах: «Der Sturmer» не распространялся в молодёжной организации. Мне кажется, что за единственным исключением тех молодых людей, которые жили в гау…

Заутер: Гау Франкония?

Ширах: Да, гау Франкония – что остальная немецкая молодёжная организация вообще никогда не читала «Der Sturmer». Газету явно отвергали все молодёжные руководители – как юноши так и девушки – в моей организации.

Заутер: Свидетель, тогда, я должен указать вам на то, что обвинение вменяет, по одному случаю, написание предисловия к этой газете, этой антисемитской газете «Der Sturmer». Вам об этом известно, и что вы скажете об этом?

Ширах: Я могу сказать об этом следующее. Я всегда находился в тесном сотрудничестве с прессой, фактически, я сам выходец из прессы. Своей пресс-службе, в качестве рейхсюгендфюрера, я давал точные указания, чтобы все просьбы от газет гау о предисловии, или чём-то подобном от меня принципиально одобряли. Таким образом, везде где газета гау отмечала юбилей – вероятно десятую или двенадцатую годовщину своего существования, или публиковался какой-то особый номер – тогда эксперты в моей пресс-службе готовили проект и вместе с внушительным томом вечерней почты представляли мне для подписи. Таким образом, могло случиться, что я подписал предисловие к «Der Sturmer» которое, конечно, было газетой местного гау. В противном случае я не вспоминаю эпизода.

Заутер: Соответственно вы не можете вспомнить готовили ли вы это короткое предисловие сами, либо же его подготовил один из ваших экспертов и представил вам для подписи?

Ширах: Мне точно кажется, что я не готовил его сам, потому что такие короткие предисловия – как уже говорилось – всегда представляли мне. Я сам писал свои газетные статьи, но никогда не предисловия с таким описанием.

Заутер: Свидетель, поскольку мы только, что упомянули имя Штрайхера, я

---

[383] «Штурмовик» — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером. Выходил в конце недели. В нём печатались преимущественно статьи, лозунги и карикатуры, возбуждающие ненависть к евреям; публиковались также материалы против католиков, крупных капиталистов, коммунистов и других «врагов Рейха».

напомню вам об очень уродливой иллюстрированной книге[384], которая предъявлена здесь обвинением. Эта иллюстрированная книга распространялась среди молодёжи с вашего согласия, или что вам об этом известно?

Ширах: Конечно, данная книга не распространялась среди молодых людей. Не может быть речи, что ведомству ГЮ передали бы такую книгу для молодёжи. Кроме того, иллюстрированные книги издательской фирмы «Sturmer» мне неизвестны. Я конечно, не компетентен, чтобы говорить об обучении в школах, но я также хочу сказать от имени образования в школах, что я не верю, что эта иллюстрированная книга когда-либо представлялась в какой-либо школе вне этого гау. В любом случае, книга и похожие работы издательской фирмы «Sturmer» как, правило, не распространялись среди молодых людей и молодёжных организаций. То, что я уже сказал, когда осуждал «Der Sturmer» также относится и к этим книгам - а именно, что руководящий состав «Гитлерюгенда» категорически отвергал написанное в таком изложении.

Заутер: Свидетель, вы также видели, как антисемитский вопрос постепенно развивался, и как он в итоге привёл к хорошо известным антиеврейским погромам ноября 1938. Вы сами, каким-либо образом, участвовали в этих антиеврейских погромах ноября 1938?

Ширах: Я лично никак не участвовал, но я участвовал в мюнхенском заседании…

Заутер: Каком заседании?

Ширах: Заседании, которое традиционно проводилось 9 ноября каждого года в память о тех, кто пал 9 ноября 1923. Я не принимал участия во всех дискуссиях того дня. Но я помню речь Геббельса в связи с убийством фом Рата[385]. Эта речь была определенно разжигающего характера, и из этой речи можно было спокойно полагать, что Геббельс намеревался начать какую-то акцию. Он предложил – но это я выяснил лишь позднее – отдать подробные указания для этой акции прямо из своего отеля в Мюнхене рейхсминистерству пропаганды. Я присутствовал на мюнхенском заседании, также как и мой начальник штаба Лаутербахер, мы оба отвергли акцию. ГЮ, как крупнейшая национал-социалистическая организация, вообще не использовалась в антиеврейских погромах 9, 10 и 11 ноября 1938. Я помню один инцидент в котором молодёжный руководитель, не обратившись к моему берлинскому ведомству провёл какую-то местную пропаганду, чтобы принять участие в демонстрации и позднее был вызван на этот счет мной. После 10 ноября я снова несколько дней был в Мюнхене и посетил, inter alia, несколько разрушенных предприятий и вилл. Это произвело на меня ужасное впечатление, и под таким впечатлением я дал указания всему молодежному руководству, региональным руководителям, если я правильно помню – другими словами, всем

---

[384] Имеется в виду книга «Не верь лису в поле, а еврею в клятве».

[385] Эрнст фом Рат (1909 — 1938) — германский дипломат. 9 ноября на него было совершено покушение евреем Г. Гершпаном.

высшим ответственным молодёжным руководителям – прибыть в Берлин и там, в обращении к этим молодёжным руководителям, я описал инциденты 9 и 10 ноября как позор нашей культуры. Я также ссылался на это как преступную акцию. Мне показалось, что все коллеги присутствующие по этому поводу ясно запомнили как я был взволнован, и что я говорил им, чтобы моя организация, как тогда так и в будущем, никогда не совершила бы подобного.

Заутер: Вы ранее назвали один отдельный случай, в котором руководитель ГЮ, подчиненный вам, участвовал в какой-то акции. Вам известны другие случаи в ноябре 1938, и после, в которых подразделениям ГЮ фактически предлагали участвовать в антиеврейских погромах?

Ширах: Нет, мне не известно об остальных случаях. Единственная вещь, о которой я услышал здесь были отдельные парни или группы молодёжи, призванные на улицы местными властями, которые не являлись ГЮ. В большинстве случаев эти парни были просто снова отправлены домой молодёжными руководителями. Организация никогда не использовалась, и я придаю огромное значение тому заявлению, что молодёжные организации, которые включали больше членов, чем сама партия со всеми дочерними организациями, никогда не вовлекалась в такие инциденты.

Заутер: Свидетель, по крайней мере, вы понимали, из инцидентов в ноябре 1938, что развитие в Германии принимает иную направленность от ожидаемого вами курса – если мы судим о вашем предыдущем описании. Как вы, после ноября 1938 представляли дальнейшее решение еврейской проблемы?

Ширах: После событий 1938 я осознал, что единственный шанс для еврейства в поддерживаемой государством эмиграции, в виду настроя Геббельса, мне казалось реальным, что похожие ночные акции могли время от времени возникать в таких условиях юридического беззакония. Это была одна из причин, почему идея Гитлера о закрытых еврейских поселениях в польском Генерал-губернаторстве[386], о которой он говорил мне в своей ставке в 1940, была мне ясна. Я думал, что евреям было бы лучше в близких поселениях в Польше, чем в Германии или Австрии, где они оставались уязвимыми перед причудами министра пропаганды, который был главным столпом антисемитизма в Германии.

Заутер: Это правда, что вы сами, везде имея возможность обратиться к Гитлеру, приводили ему свои собственные позитивные предложения по расселению евреев в некой нейтральной стране, при гуманных условиях?

Ширах: Нет, это неправда.

Заутер: Как же так?

Ширах: Я хочу полностью внести ясность в этот вопрос. Я вчера упоминал о том, как я докладывал Гитлеру и как он мне говорил о том, что венских евреев следует

---

[386] Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

отправить в Генерал-губернаторство. До этого, я никогда не думал об эмиграции евреев из Австрии и Германии для расселения в Генерал-губернаторстве. У меня была лишь мысль о еврейской эмиграции в страны где евреев хотели принять. Но по плану Гитлера, как он существовал – и мне кажется, что тогда идея уничтожения евреев ещё не пришла ему на ум – этот план по расселению звучал совершенно разумным для меня – разумным тогда.

Заутер: Но мне кажется, что в 1942, вы предлагали попытаться, через такого рода ведомство вашего друга доктора Колина Росса[387], предложить Гитлеру, чтобы евреям из Венгрии и балканских государств позволили эмигрировать в некую нейтральную страну, забрав свои вещи и движимое имущество.

Ширах: Это было позднее. Я уже не помню, когда точно, но в любом случае это было после оккупации Венгрии. Среди бесчисленных предложений, которые я вносил фюреру и министру иностранных дел через Колина Росса было одно о том, чтобы всё еврейское население Венгрии вывезли в нейтральные страны. Если свидетель Штеенграхт[388] заявил здесь, что эта идея обсуждалась в министерстве иностранных дел и что она исходила от министерства иностранных дел, тогда он вероятно заблуждается. Идея возникла в дискуссиях, проходивших между мной и Россом и затем приняла форму меморандума. Но – и это особо важно – об этом докладывали устно министру иностранных дел, который в ответ, проинформировал Колина Росса, в связи с последующим визитом, что фюрер определенно отверг предложение.

Заутер: Эмиграцию в нейтральные страны зарубежья?

Ширах: Да, в нейтральные страны зарубежья.

Заутер: Свидетель, большинство венских евреев, были – как вам самому известно – депортированы из Вены. В 1940, когда вы стали гауляйтером Вены – или позднее, вы когда-либо получали директиву от Гитлера о том, чтобы вы сами осуществили эту депортацию евреев из Вены или чтобы вам следовало принять участие в депортации?

Ширах: Я никогда не получал никакой такой директивы. Единственная директива, которую я получил в связи с депортацией еврейского населения Вены была запросом от Гитлера спрашивающим о количестве евреев проживавших тогда в Вене. Это количество, которое я забыл, возникло у меня в памяти из-за документа предъявленного мне обвинением. Согласно этому документу я докладывал Гитлеру, что в Вене проживало 60 000 евреев. Вероятно, эта цифра пришла из регистрационной службы. В былые времена всего около 190 000 евреев жили в

---

[387] Колин Росс (1885 — 1945) — австрийский журналист, военный корреспондент и инженер. Один из наиболее популярных авторов произведений о путешествиях на немецком языке периода между двумя мировыми войнами. С 1933 года использовал свои поездки для пропаганды национал-социализма. Покончил жизнь самоубийством в конце войны.

[388] Адольф Штеенграхт фон Мойланд (1902 — 1969) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии, государственный секретарь МИДа (31 марта 1943 года — май 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Вене. Это, мне кажется, была самая большая цифра. Когда я прибыл в Вену, там было 60 000 евреев. Депортация евреев была мерой непосредственно приказанной, по приказам Гитлера или Гиммлера и там в Вене существовало отделение главного управления безопасности Рейха, или местный отдел Гиммлера-Гейдриха, который осуществлял эти меры.

Заутер: Кто был ответственным за это ведомство?

Ширах: Главой этого ведомства был – что я выяснил сейчас, я не знал этого имени тогда – некий Бруннер[389].

Заутер: Штурмфюрер СС?

Ширах: Штурмфюрер СС, доктор Бруннер.

Заутер: Тот, который, несколько дней назад приговорён к смерти? Вам это известно?

Ширах: Я вчера об этом услышал.

Заутер: Вы отдавали какие-либо приказы этому Бруннеру, который был руководителем СС, либо могли вы давать ему какие-либо указания?

Ширах: Мне было совершенно невозможно остановить депортацию евреев или соответственно как-то повлиять. Однажды, уже в 1940, я сказал начальнику моего регионального управления продовольственного снабжения, чтобы мы следили за тем, чтобы депортируемым еврейским людям предоставляли достаточно продовольствия. Часто, когда евреи писали мне с просьбой об исключении из депортации, я направлял своего адъютанта или какого-нибудь помощника, чтобы повлиять на Бруннера для того, чтобы было сделано исключение для этих людей. Большего я сделать не мог. Но я откровенно признаю, здесь и сейчас, что я считал, что эта депортация была в действительности в интересах еврейства, по причинам, которые я уже приводил в связи с событиями 1938.

Заутер: СС, которые в Вене также были ответственными за эвакуацию евреев, направляли дальнейшие доклады о том, как и в какой степени производилась эта эвакуация евреев?

Ширах: Нет. Следовательно, я также не в состоянии заявить о том, когда завершилась депортация евреев и были ли вывезены из Вены все 60 000 либо только их часть.

Заутер: Газеты в Вене вообще, что-либо сообщали об этих депортациях евреев, о степени депортаций и посягательствах возникавших в этой связи?

Ширах: Нет.

Заутер: Ничего? Свидетель, но я должен представить вам документ, который

---

[389] Алоиз Бруннер (1912— 2001 или 2010) — бывший гауптштурмфюрер СС, один из главных соратников Адольфа Эйхманна при осуществлении так называемого «Окончательного решения еврейского вопроса». В качестве руководителя специальных отрядов СС Бруннер с 1939 по 1945 год был ответственным за депортацию более чем 100 тысяч евреев из Вены, Берлина, Греции, Франции и Словакии в лагеря смерти Третьего рейха. В 1946 в связи с тем, что он был перепутан с однофамильцем Антоном Бруннером, которого впоследствии казнили за военные преступления предположительно сумел скрыться в Сирии.

предъявлен обвинением. Это документ номер PS-3048, выдержка из венского издания «Volkischer Beobachter», о речи, которую вы, свидетель, произнесли 15 сентября 1942 в Вене, и в которой появилась фраза – я цитирую из газеты:

> «Каждый еврей который орудует в Европе угроза для европейской культуры. Если меня обвинят в депортации десятков тысяч евреев из этого города, когда-то европейского мегаполиса еврейства, в восточные гетто, я бы ответил: «Я смотрю на это как активный вклад в европейскую культуру».

Так гласит цитата из вашей речи, которая в остальном не содержит никаких антисемитских заявлений с вашей стороны. Свидетель, учитывая ваши предыдущие заявления, я намерен спросить вас: вы произнесли эту речь, и как вы пришли к ней, несмотря на ваше основное отношение, которое вы нам ранее описали?

Ширах: Во-первых, я хочу сказать, что я произнёс эту речь. Цитата правильная. Я так говорил. Я должен стоять на том, что я сказал. Хотя план по депортации евреев был планом Гитлера, и я не был ответственным за его исполнение, я произнес эти слова, о которых я теперь искренне сожалею, но я должен сказать, что я морально отождествил себя с этой акцией только из чувства неуместной лояльности к фюреру. Так я сделал, и этого не отменить. Если я объясню, как я пришел к этому, я могу лишь ответить, что тогда я уже находился «между молотом и наковальней». Мне кажется, это также станет ясной из моих дальнейших заявлений, что с определённого момента времени Гитлер был против меня, партийная канцелярия была против меня, и очень много членов самой партии были против меня. Я постоянно слышал от сотрудников партийной канцелярии которые высказывали это гауляйтеру Вены, и из заявлений, сделанных в окружении Гитлера, что можно было составить впечатление – и это можно ясно осознать из моего отношения и моих действий – что я также больше не высказывался публично в обычной антисемитской манере тем или иным способом, и у меня просто нет оправдания. Но вероятно это может служить в качестве объяснения, того что я пытался сам выпутаться из этой болезненной ситуации высказываясь так, как я сегодня не могу оправдать.

Заутер: Свидетель, в этой связи я хочу спросить вас – вы только, что говорили о болезненной ситуации, в которой вы оказались в Вене. Это, правда, что сам Гитлер, по различным поводам лично и жестоко вас упрекал, из-за вашего отношения в Вене не являвшегося достаточно энергичным, в том что вы стали слишком слабым и слишком уступчивым, что вам следовало заниматься интересами партии, и что вам следовало одобрять строжайшие методы? Свидетель, вы тогда так делали?

Председатель: Доктор Заутер, я полагаю, что вы понимаете, что вы ставите вопросы в самой наводящей форме, что вы ставите вопросы, которые предполагают ответ подсудимого, и такие вопросы не могут дать – ответы на такие вопросы не

могут быть весомее, чем ответы, данные на вопросы не в наводящей форме.

Заутер: Свидетель, Гитлер лично обращался к вам из-за вашего поведения в Вене, и какое отношение вы заняли?

Мне кажется это не предлагающий вопрос.

Председатель: Я думаю как раз такой. Я должен думать, что это наводящий вопрос. Он говорит, что он был в очень сложной ситуации. Вы можете его попросить объяснить в чём заключалась сложность ситуации.

Заутер: Очень хорошо. Свидетель тогда вы ответите на этот вопрос?

Ширах: Защитник, я не могу, в любом случае, принять вопрос в той форме в которой вы его ранее поставили.

Разногласия между мной и Гитлером возникли в основном из-за художественной выставки, и разрыв между Гитлером и мной в 1943 был сначала результатом разногласий в культурной политике. В 1943 я был вызван в Бергхоф где Гитлер, в присутствии Бормана, жестоко меня критиковал насчет моей культурной работы и буквально сказал, что я возглавляю в Германии культурную оппозицию ему. И далее, в ходе разговора он сказал, что я мобилизовал против него духовные силы Вены и Австрии и духовные силы молодых людей в культурных областях. Он сказал, что он именно об этом очень хорошо знает. Он прочитал какие-то из моих речей, в основном дюссельдорфскую речь, он выяснил, что я разрешал в Веймаре и Вене художественные выставки декадентского характера, и он предложил мне альтернативу, либо я немедленно прекращаю подобную оппозиционную работу – тогда все могло остаться в прошлом – или он прекратит всякое правительственное субсидирование Вены.

Эта сцена произвела на меня пугающее впечатление, так как она представляла для меня нарушение данного Гитлером слова, поскольку он давал мне абсолютную свободу действий, поручая мне венскую миссию. Затем я осознал, что он испытывает ко мне ледяную ненависть, и что за этими заявлениями по культурной политике кроется что-то ещё. Был ли он неудовлетворён любой деталью того как я исполнял свои полномочия в Вене, я не знаю. Сам он редко высказывался о таких вопросах. Я узнавал об этом от его окружения.

Потом я – и это привело к полному и окончательному разрыву между Гитлером и мной – несколько недель после получения этого приказа, если можно его так назвать, получил странное приглашение для меня и супруги провести какое-то время в Бергофе. Тогда я наивно поверил, что Гитлер пожелал сократить разрыв между нами и давал мне знать, тем или иным образом, что он зашел слишком далеко. В любом случае, к концу трёхдневного визита – я сократил своё пребывание – я обнаружил, что это было фундаментальной ошибкой с моей стороны. Тут я ограничу себя лишь несколькими положениями. Я намеревался – и я также осуществил своё намерение – упомянуть, по крайней мере три положения во время своего визита. Одним было положение к России, вторым был еврейский вопрос, и

третьим было отношение Гитлера к Вене.

Я должен заявить, начав с того, что Борман издал распоряжение, адресованное мне, и вероятно всем остальным гауляйтерам, запретив любое вмешательство с нашей стороны в еврейский вопрос. То есть, мы не могли просить у Гитлера за евреев или полуевреев. Об этом также говорилось в распоряжении. Я упоминаю это, поскольку это проясняет вещи.

В первый вечер моего пребывания в Бергхофе, по подходящему случаю, я сказал Гитлеру, что я считал, что свободная и автономная Украина послужит Рейху лучше, чем Украина под руководством насилия господина Коха[390]. Это было все, что я сказал, не больше ни меньше. Зная Гитлера как знал я, было чрезвычайно опасным даже такое замечание. Гитлер ответил сравнительно спокойно, но подчёркнуто резко. В тот же вечер, или возможно на следующий, был затронут еврейский вопрос согласно плану разработанному мной с моей женой. Поскольку мне было запрещено упоминать такие вещи в разговоре, моя жена привела фюреру описание опыта который был у неё в Голландии. Однажды ночью в своей спальне отеля она стала очевидцем депортации еврейских женщин Гестапо. Мы оба считали, что такой опыт её поездки и её описание могли изменить отношение Гитлера ко всему еврейскому вопросу и обращению с евреями. Моя жена привела очень решительное описание такое как мы теперь можем прочитать в газетах. Гитлер молчал. Все остальные свидетели этого разговора, включая моего тестя, профессора Гофмана[391], тоже молчали. Молчание было ледяным, и спустя короткое время Гитлер просто сказал: «Это чистая сентиментальность». Это всё. Дальнейшего разговора вечером не было. Гитлер ушёл раньше обычного. У меня сложилось впечатление, что теперь возникла неприемлемая ситуация. Затем люди в окружении Гитлера сказали моему тестю, чтобы теперь я опасался за свою безопасность. Я намеревался покинуть Бергхоф как можно скорее не доводя до открытого разрыва, но я у меня не получилось.

Затем на следующее утро пришёл Геббельс и там, в моём присутствии, без моего предисловия по теме, был поднят предмет Вены. Я естественно был вынужден протестовать против заявлений которые вначале сделал Геббельс о венцах. Затем фюрер начал говорить с - я могу сказать, невероятной и неограниченной ненавистью против народа Вены. Вынужден признать, здесь и сейчас, что даже если люди Вены проклинают меня сегодня, я всегда дружественно к ним относился. Я не скажу большего чем то, что Йозеф Вайнхебер[392] был одним из

[390] Эрих Кох (1896 — 1986) — нацистский военный преступник, деятель НСДАП и Третьего рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944), почетный обергруппенфюрер СА и почетный обергруппенфюрер СС (1938). Польским судом был приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

[391] Генрих Гофман (1885 — 1957) — немецкий фотограф, получивший известность как личный фотограф Адольфа Гитлера.

[392] Йозеф Вайнхебер (1892 — 1945) — австрийский поэт-лирик, писатель и эссеист. Покончиль жизнь самоубийством

моих ближайших друзей. Во время этой дискуссии, я, в соответствии со своим долгом и чувствами, выступал за людей находящихся в моей компетенции в Вене.

В 4 часа утра, между прочим, Гитлер внезапно сказал нечто, что я хочу повторить по историческим причинам. Он сказал: «Вена никогда не признавала великогерманского союза». Гитлер никогда не любил Вену. Он ненавидел её людей. Мне кажется, что ему нравилась Вена, потому что он отмечал архитектурный стиль зданий в Ринге[393]. Но каждый кому известна Вена знает, что настоящая Вена архитектурно готическая, и что здания на Ринге на самом деле не показатель.

Заутер: Свидетель, я считаю, что этот предмет имеет мало отношения к обвинительному заключению – пожалуйста, придерживайтесь обвинительного заключения.

Ширах: Сейчас я закончу. Я лишь хочу сказать, что в результате этой дискуссии возник полный разрыв – или даже взрыв – с Гитлером в ту самую ночь около 4 часов 30 минут, я взял отпуск и покинул Бергхоф несколько часов спустя. С этого времени у меня больше не было бесед с Гитлером.

Я должен теперь сослаться на кое-что ещё в этой связи. Рейхсмаршал Геринг давая показания, упоминал моё письмо, которое Гитлер показывал ему, и господин фон Риббентроп заявил, что он присутствовал при разговоре во время которого Гиммлер предложил Гитлеру, чтобы я предстал перед Народным судом[394], что в действительности означало, что меня следует повесить. Я должен добавить ещё одну вещь: то, что Геринг сказал о моём письме в основном, правда. В этом письме я написал ему в подобающей манере о семейных отношениях. Я также написал одну фразу, о том, что считал войну с Америкой катастрофой.

Заутер: Когда это письмо было написано?

Ширах: 1943, вскоре после моего пребывания в Бергхофе. Это заявление не содержало ничего особенного, поскольку Гитлер даже без…

Председатель: Он всё ещё не привёл дату его пребывания в Бергхофе.

Заутер: Господин председатель, он сказал 1943. Он только, что сказал 1943.

Председатель: В 1943 двенадцать месяцев.

Заутер: Мне кажется, вы можете указать нам месяц.

Ширах: Мне кажется, что беседа в Бергхофе была весной, и что письмо, хотя я не скажу вам, когда точно, было написано летом.

Заутер: Летом 1943?

Ширах: Да, 1943, но я не могу сказать точно, когда было написано письмо. Письмо было корректным. Оно было написано от руки, и секретари его не читали. Оно

во время битвы за Вену.

[393] Рингштрассе (нем. Ringstraße — букв. «Кольцевая улица», Ринг) — крупная улица в Вене, опоясывающая центральный район — Внутренний Город.

[394] Народная судебная палата — высший чрезвычайный судебный орган Третьего рейха. Создан декретом от 24 апреля 1934 года, вскоре после Лейпцигского процесса, как чрезвычайный суд, занимавшийся рассмотрением дел о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях. Члены суда назначались Адольфом Гитлером на пятилетний срок.

отправилось с курьером главе государства.

Заутер: Гитлеру лично?

Ширах: Гитлеру. Также возможно, что оно было адресовано для передачи Борманом. Я не могу точно вспомнить. Оно ушло с курьером и это письмо не содержало ничего, кроме необходимого разъяснения ответов на вопросы, поставленные мне в циркуляре упомянутом Герингом в его заявлении здесь. Это письмо вызвало у Гитлера абсолютную ненависть ко мне, и примерно в тоже самое время в отношении меня было открыто дело в главном управлении безопасности Рейха. Это было из-за факта, что я описал небольшому кругу политических руководителей – высокопоставленных политических руководителей – внешнеполитическую ситуацию, такой как я ее, видел, как я привык делать с дней своей молодости. Одним из этих руководителей был офицер разведки СС доложивший о том, что я сказал, и затем было открыто дело. Был собран материал с целью подвести меня под суд. Тем, что я не предстал перед судом, я единственно и исключительно обязан тому обстоятельству, что и в армии и дома мои товарищи из молодёжного руководства твёрдо меня отстаивали, и любые слушания против меня могли вызвать проблемы. После 20 июля 1944 моя ситуация стала очень опасной. Поэтому мои друзья в армии, передали в моё распоряжение роту избранных людей. Они находились в подчинении бывшего адъютанта генерал-полковника Фромма[395]. Рота непосредственно подчинялась мне. Она осуществляла мою охрану и оставалась со мной до конца.

Заутер: Эта рота которую вы только, что назвали была от Вермахта передана в ваше распоряжение вместо полицейской охраны ранее предоставленной вам.

Ширах: Да.

Заутер: Свидетель, я ещё раз сошлюсь на вашу венскую речь от сентября 1942. В этой речи вы говорили о депортации десятков тысяч евреев в восточные гетто. Вы не говорили об уничтожении или убийстве евреев. Когда вы выяснили, что план Гитлер был нацелен на уничтожение или разрушение?

Ширах: Защитник, если бы тогда я знал, что-нибудь о разрушении – то есть уничтожении евреев – я не сидел бы здесь сегодня. Насколько я помню, я услышал об уничтожении евреев впервые из следующего инцидента.

Доктор Росс встретил меня…

Заутер: Кто?

Ширах: Доктор Колин Росс прибыл в Вену в 1944 и сказал мне, что через зарубежную прессу он получил информацию о том, что на Востоке массовые убийства евреев осуществляются в большом масштабе. Затем я попытался понять все, что я мог. Я выяснил, что казни евреев в Вартегау производили в газовых фургонах. Эти расстрелы на Востоке…

---

[395] Фридрих Фромм (1888 —1945) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. Командующий армией резерва (1939—1944). Казнен за участие в заговоре 20 июля.

Председатель: Доктор Заутер, о каком гау он говорил? Гау Варт?

Заутер: Вартегау, милорд.

Ширах: Вартегау.

Заутер: Это гау, округ на польской границе. Это район на востоке Германии, - В–а–р–т-е–г–а–у – на западе Польши, возле Силезии.

Свидетель, пожалуйста, продолжайте коротко:

Ширах: Казни, расстрелы на русской территории, упоминавшиеся в документах представленных в ходе перекрестного допроса по делу Кальтенбруннера, были мне тогда неизвестны. Позднее – это было до 1944 – я услышал о расстрелах в гетто на русской территории и связывал их с таким развитием на фронте, поскольку я думал о возможности вооруженных восстаний в гетто. Я ничего не знал об организованном уничтожении, которое описали нам в этом суде.

Заутер: Тогда, если я услышал вас правильно, вы были проинформированы об этих событиях впервые с 1944 вашим другом, доктором Колином Россом, который знал об этом из сообщений зарубежных газет?

Ширах: Да.

Заутер: Вы всё еще помните месяц?

Ширах: Это я не скажу.

Заутер: В любом случае это должно было быть в 1944?

Ширах: Этого я не скажу. Но мне кажется, я должен кое-что ещё об этом объяснить. Я спрашивал себя, как можно было это предотвратить? И я всё ещё спрашиваю себя, день за днём, что я сделал, чтобы это предотвратить? Я могу лишь ответить, что практически ничего, поскольку с 1943 я был политическим трупом.Кроме той попытки в 1943 в Бергхофе, я вообще ничего не мог сделать.

Заутер: Ничего?

Ширах: Ничего.

Заутер: Свидетель, я хочу в этой связи спросить вас о принципиальном вопросе. Вы вчера признали, что вы стали антисемитом – и это соответствовало вашей концепции – с самой вашей юности. Вы, в перерыве, слышали показания Хёсса[396], командира Аушвица, который сообщил нам, что только в этом лагере, мне кажется, убили от 2 500 000 до 3 000 000 невинных людей, в большинстве евреев. Что сегодня, означает для вас название Аушвиц?

Ширах: Это величайшее, самое дьявольское массовое убийство известное истории. Но это массовое убийство совершил не Хёсс, Хёсс был просто палачом. Казнь была приказана Адольфом Гитлером, что очевидно из его последней воли и завещания. Завещание подлинное. Я держал фотокопию в своих руках. Он и Гиммлер вместе совершили это преступление, которое на все времена, останется в анналах истории.

---

[396] Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 - 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС. Казнён по приговору польского суда.

Это преступление позорящее каждого немца.

Молодёжь Германии невиновна. Наша молодёжь была антисемитски настроена, но её не призывали к уничтожению еврейства. Не сознавали и не представляли, что Гитлер осуществлял это уничтожение ежедневным убийством тысяч невиновных людей. Молодёжь Германии которая сегодня стоит в недоумении среди руин своей родной земли, ничего не знала об этих преступлениях, как и не желала их. Она вообще невиновна в том, что Гитлер делал с еврейством и немецким народом.

В связи с делом Хёсса я хочу сказать следующее. Я воспитывал это поколение с верой и верностью Гитлеру. Молодёжная организация которую я построил, носила его имя. Я верил, что я служу лидеру, который сделает наш народ и молодёжь нашей страны великими, счастливыми и свободными. Миллионы молодёжи нашей страны, вместе со мной, видели своей окончательной целью национал-социализм. Многие погибли за это. Перед богом, перед немецкой нацией и перед немецким народом я в одиночку несу вину за подготовку наших молодых людей, для человека которого я многие годы считал безупречным, как в качестве лидера, так и в качестве главы государства, создавая для него поколение, которое смотрело на него также как я. Моя вина в том, что я воспитывал молодёжь Германии для человека, который убивал миллионами. Я верил этому человеку, это всё, что я могу сказать в своё оправдание и для характеристики моего отношения. Это моя собственная – моя собственная личная вина. Я был ответственным за молодёжь страны. Я был наделен властью над молодыми людьми, и вина только на мне. Молодое поколение невиновно. Оно росло в антисемитском государстве, управляемом антисемитскими законами. Наша молодёжь была связана этими законами и не видела ничего преступного в расовой политике. Но если антисемитизм и расовые законы могли привести к Аушвицу, тогда Аушвиц должен означать конец расовой политике и смерть антисемитизма. Гитлер мёртв. Я никогда его не предавал, я никогда не пытался его свергнуть, я оставался верным своей клятве офицера, молодёжного руководителя, и чиновника. Я не был его слепым соратником, я не был оппортунистом. Я был убежденным национал-социалистом со своих ранних дней – как таковой, я также являлся антисемитом. Гитлеровская расовая политика была преступлением, которое привело к катастрофе 5 000 000 евреев и всех немцев. Молодое поколение не несёт вины. Но тот кто, после Аушвица, всё ещё держится за расовую политику окажется сам виновным.

Это то, что я считаю своим долгом сказать в связи с делом Хёсса.

Заутер: Господин председатель, вероятно, будет удобно прерваться?

Председатель: Доктор Заутер, как долго будет продолжаться допрос подсудимого?

Заутер: Мне кажется, это займет около 1 часа.

Председатель: Я не услышал.

Заутер: Мне кажется, это займет ещё около часа – самое большее час. Господин

председатель, вы меня слышите?
Председатель: Да, сейчас я вас слышу. Мы уже долго слушаем вас.
Заутер: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Заутер: Господин председатель, после данного заявления подсудимого фон Шираха, я бы с радостью исключил все дальнейшие вопросы, но обвинение предъявило четкие обвинения против данного подсудимого и я боюсь, что если он кратко не озвучит мнение по этому предмету, эти обвинения будут считаться молчаливо принятыми. Я постараюсь быть как можно более кратким.

Свидетель, вы только что, описали впечатления, полученные от этих слушаний в трибунале. Вы сами когда-либо посещали концентрационный лагерь?
Ширах: Да.
Заутер: Когда, и по какой причине?
Ширах: Как показал ранее трибуналу свидетель Хёлльригель[397], я посещал концентрационный лагерь Маутхаузен[398] в 1942. Показания, данные другим свидетелем Маршалеком[399] о том, что мой визит был в 1944, неправильные. Я также упоминал это, когда я был интернирован, в июне 1945 и в ходе своего предварительного допроса в Нюрнберге.
Заутер: До показаний Хёлльригеля?
Ширах: Да.
Председатель: Перевод прошёл как «интернированный в июне 1940», это правильно?
Заутер: 1945, господин фон Ширах, не в 1940?
Ширах: Да. Я попал в добровольное интернирование в 1945.
Заутер: Тогда вы можете уверенно заявить, что вы посещали Маутхаузен в 1942?
Ширах: Да.
Заутер: По какой причине и как…
Ширах: Там было заседание…
Заутер: Один момент…
Председатель: Что он имеет в виду под «добровольным интернированием»?
Заутер: Подсудимый фон Ширах жил тогда в Тироле под вымышленным именем, и в месте где он жил – вероятно, подсудимый Ширах сам может, но очень коротко, рассказать нам как случилось это добровольное интернирование.

[397] Алоиз Хёллригель (1909 – 1948) – унтершарфюрер СС. Сотрудник концентрационного лагеря Маутхаузен. Казнён по приговору американского трибунала.
[398] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).
[399] Ганс Маршалек (1914 – 2011) - австрийский социалист и член движения сопротивления. В 1941-1945 был заключённым в концентрационном лагере Маутхаузен.

Ширах: Тогда я был всё ещё на свободе и отправил письмо, через своего личного адъютанта, местному американскому командиру, заявлявшее, что я хочу добровольно сдаться, с целью предстать перед союзным судом. Это было в июне 1945. Офицер CIC[400] позднее выяснил где я живу, и сказал мне, что я могу оставаться там. Лично я был убежден, что мог оставаться ненайденным там, и где-то ещё, годами – сколько бы я захотел.

Заутер: Господин фон Ширах, сейчас мы вернёмся к вашему посещению Маутхаузена, которое вы сказали с определенностью и под присягой было в 1942. Это правильно?

Ширах: Мне кажется дата приведенная свидетелем Хёлльригелем правильная. Я достаточно точно знаю, что дата приведенная Маршалеком неправильная.

Заутер: Значит это было не в 1944?

Ширах: Вероятно в 1942. Поэтому я могу подтвердить показания Хёлльригеля. В Линце была встреча различных ведомств Остмарка[401]. Там были совещания по экономическим и аграрным проблемам, и поздно вечером мы поехали в концентрационный лагерь Маутхаузен по просьбе гауляйтера Айгрубера[402]. Тогда я был довольно удивлён, что гауляйтер был даже в состоянии пригласить нас туда. Я полагал, что он ранее пообщался со службами СС, и что причина приглашения Айгрубера заключалась в том, что он желал построить там винтовочную фабрику или что-то подобное. В любом случае, я уже точно не помню, это как то было связано с производством на предприятиях Steyr[403].

Заутер: Кто показывал вам и что вы видели?

Ширах: Нам показывал комендант лагеря.

Заутер: Как его зовут?

Ширах: Его имя – как уже упоминалось здесь – было Цирайс[404] или как-то так.

Заутер: Фюрер СС?

Ширах: Эсэсовский комендант лагеря. И я хочу теперь привести вам свои первые впечатления. Территория лагеря была очень большой. Я сразу спросил спросил, сколько заключенных там было. Мне кажется было сказано о 15 000 или 20 000. В любом случае, цифра варьировалась между 15 000 и 20 000. Я спросил какого-рода заключенные там были и получил ответ, который всегда давался при вопросах о концентрационных лагерях – а именно, что две трети заключенных были опасными

---

[400] Аббр. с англ. Корпус контрразведки (Counter Intelligence Corps, CIC) — спецслужба Армии США во время Второй мировой войны и в начале холодной войны. Его функции были переданы Корпусу разведки армии США в 1961 году, а в 1967 году — Разведывательному управлению армии США.

[401] Термин «Восточная марка» или «Остмарк» применялся в Третьем рейхе в отношении Австрии после её аншлюса в 1938 году, позднее был заменён на термин альпийские и дунайские рейхсгау.

[402] Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1 апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала.

[403] «Штайр» — австро-венгерская и австрийская компания, существовавшая в 1864—2001 годах, занимавшаяся производством огнестрельного оружия, военной техники, автомобилей, велосипедов, мотоциклов и самолетов.

[404] Франц Цирайс (1905 — 1945) — комендант концентрационного лагеря Маутхаузен в 1939-1945 гг. Умер после ранения при попытке побега.

уголовниками собранными из тюрем и исправительных учреждений и доставленными для работы в лагере; что оставшаяся треть предположительно включала политических заключенных и людей виновных в государственной измене и предательстве страны, с которыми, это факт, обращались с исключительной жесткостью военного времени.

Заутер: Вы, в этом лагере, убедились, в характере обращения, обеспечения заключенных жильём, продовольственной ситуации, и т. д.?

Ширах: Я застал одну раздачу еды и понял, что, для условий лагеря, продуктовый паек был нормальным и адекватным. Затем я посетил крупный карьер, однажды знаменитый и теперь печально известный, в котором веками добывали строительный камень для Вены. Там не велось работы, поскольку рабочий день закончился, однако, я посетил работы по обработке камня. Я видел строительство исключительно хорошо оснащенной стоматологической клиники. Эта клиника была показана мне, потому что я спросил Цирайса о медицинской помощи организованной в лагере. Я добавлю, что, во время этого визита, я в целом задавал такие же вопросы, которые я использовал во время всех своих визитов в лагеря молодёжных организаций – то есть, достаточное продовольствие, медицинская помощь, количество людей в лагере, и т. д.

Нас приняли в большой комнате, в которой музыку исполняли заключенные. Они вместе составляли довольно крупный симфонический оркестр, и мне сказали, что по вечерам выходных они могли развлекать себя, каждый согласно своим собственным вкусам. В этом случае, например, заключенные, которые желали играть музыку собирались в этой комнате. Тенор пел по этому поводу – в частности я это запомнил.

Затем я спрашивал об уровне смертности и нам была показана комната с трупами. Я не могу вам сказать под присягой здесь и сейчас, видел ли я крематорий или нет. Маршалек свидетельствовал об этом. Однако, я не был бы удивлен если бы там в таком большом месте настолько удаленном от города был крематорий или кладбище. Это само собой разумеется.

Заутер: Господин фон Ширах, во время этого официального визита в сопровождении коменданта лагеря Цирайса, вы вообще выяснили, что-нибудь о плохом обращении или жестокостях, или пытках которые предположительно применялись в лагере? Вы можете ответить на вопрос кратко – возможно «да» или «нет».

Ширах: Если бы так было дело, я конечно постарался бы, что-нибудь с этим сделать. Но у меня сложилось такое впечатление, что всё было в порядке. Я, например смотрел на заключенных, и я помню, что видел среди прочих, знаменитого бегуна на средние дистанции Пельтцера[405], который был известен как

[405] Отто Пельтцер (1900 — 1970) — немецкий легкоатлет, добившийся наибольших успехов в беге на короткие и средние дистанции, а также журналист, спортивный тренер, в лагере находился после осуждения за гомосексуализм.

сексуальный извращенец. Он был наказан, потому что он, по бесчисленным случаям, свободно совершал сексуальные домогательства против молодых в своей сельской школе.

Я спросил Цирайса: «Как можно выйти из этих концентрационных лагерей? Вы также постоянно освобождаете людей?». В ответ он привёл ко мне четверо или пять заключенных, которые согласно ему, были бы освобождены на следующий день. Он спросил их в моём присутствии: «Вы всё собрали, и вы готовы к своему освобождению?» - на что, излучаясь радостью они ответили: «Да».

Заутер: Свидетель, вы можете вспомнить, спрашивали ли вы также коменданта лагеря Цирайса о политических заключенных из вашего венского гау – то есть, из города Вены – помещенных в лагерь? И тогда у вас были группа политических заключенных из Вены представленная вам?

Ширах: Защитник, вы уже ставили этот вопрос мне в ходе опроса, и я могу лишь сказать вам под присягой следующее: я не могу вспомнить, но вы можете принять как должное, что в связи с таким поводом, я точно спрашивал о заключенных из моего гау. Но я не могу вспомнить. Господин Маршалек упоминал это в своих показаниях, и я считаю это вероятным.

Я хочу в связи с этим визитом, добавить следующее: мне всегда трудно вспоминать о Маутхаузене…

Заутер: Что вас затрудняет?

Ширах: После мая 1945 я слышал в бесчисленных радиосообщениях о Маутхаузене и остальных концентрационных лагерях, и я читал всё что могло попасть в мои руки при помощи письменных сообщений о Маутхаузене – всё что появлялось в прессе – и я всегда размышлял над вопросом: «Вы видели, что-либо, что могло указывать на массовое уничтожение людей?». Я, например, читал на днях о приводных ремнях для перевозки трупов. Я их не видел.

Я должен добавить, что я также посещал Дахау, я не должен этого забывать. В 1935, вместе со всей руководящей группой партии, я нанёс визит в Дахау из Мюнхена. Визит был результатом возражений против мер существовавшего превентивного заключения высказывавшихся определенными политическими лидерами заместителю фюрера Гессу, который в свою очередь, передал эти возражения Гиммлеру, который соответственно направил приглашение для участия в инспекции Дахау. Мне кажется, что тогда в Дахау были, 800 или 1000 заключенных.

Я не участвовал во всём официальном визите, так как я общался с некоторыми из гауляйтеров, которым показывали лагерь. Я видел совершенно превосходные комнаты в Дахау и в частности из-за того, что предмет меня заинтересовал, мне было показано здание в котором размещалась лагерная библиотека. Я видел, что там были хорошие медицинские возможности. Затем – и мне кажется, этот факт нужно упомянуть – после визита я говорил со многими гау –

и рейхсляйтерами о впечатлении, сформированном у них в Дахау. Все впечатления, полученные там были о том, что все сомнения в гиммлеровском превентивном заключении были определенно развеяны и каждый из заключенных в лагере, в целом, был лучше обустроен для чем было бы в государственной тюрьме. Таким было моё впечатление о Дахау в 1935, и должен сказать, что со времени того визита я не беспокоился об условиях в концентрационных лагерях. В заключение, я чувствую, что должен добавить следующее:

До момента окончательного краха, я твёрдо верил, что мы имели 20 000 человек в лагере Маутхаузен, 10 000 в Ораниенбурге[406] и Дахау – ещё двух крупных лагерях, о существовании которых было мне известно и один их которых я посещал – и возможно ещё 10 000 в Бухенвальде, рядом с Веймаром, я знал лагерь по названию, но никогда не посещал. Следовательно, я делал вывод, что у нас, грубо говоря в лагерях было 50 000 человек, о которых я твёрдо верил, что две трети из них составляли рецидивисты, осужденные и сексуальные извращенцы, и одну треть составляли политические заключенные. И я пришёл к такому выводу в основном, потому что я сам никогда не отправил ни единой души в концентрационный лагерь и парил в иллюзиях, что остальные действовали также. Я даже не мог представить, когда я услышал – сразу после краха – что сотни тысяч людей в Германии считались политическими нарушителями.

Есть кое-что ещё, что можно сказать в целом о вопросе концентрационных лагерей. Поэт Ганс Каросса[407] оставил мне письменные показания, и эти письменные показания содержат отрывок об издателе которого я освободил из концентрационного лагеря. Я желаю упомянуть это, потому что это один из многих типичных случаев, в которых можно было оказать влияние на освобождение из концентрационного лагеря, но затем он никогда рассказывал вам, о том, как с ним обращались в лагере. По ходу этих лет, я получал много писем от людей, чьи родственники находились в концентрационных лагерях. В Вене был установлен день, когда любой из населения мог попасть ко мне на приём, и я мог говорить с тысячами людей из каждого класса и положения.

По одному такому случаю ко мне обратился кто-то, кто просил меня лично освободить некого друга или родственника в концентрационном лагере. В таких случаях я обычно писал письмо в главное управление безопасности Рейха – сначала господину Гейдриху и позднее господину Кальтенбруннеру – и через некоторое время меня информировали о том освобождён заключенный или нет, согласно тяжести обвинений предъявленных ему. Но освобожденные заключенные никогда не говорили мне о своём опыте в лагере. Никто никогда не видел, кого-либо с кем плохо обращались, и вот почему я сам, и многие другие в Германии со мной,

[406] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

[407] Ганс Каросса (1878 – 1956) – немецкий автор романов и коротких рассказов. Поэт.

вообще не могли вообразить условия в концентрационных лагерях.

Заутер: Господин председатель, эти письменные показания поэта Ганса Кароссы, только что названные подсудимым, это документ номер Ширах 3(а). Я повторяю Ширах 3(а) из документальной книги Шираха. Это письменные показания под присягой поэта Кароссы, и я прошу трибунал приобщить всё содержание документа к доказательствам. В последнем абзаце, сделано упоминание о случае только что рассказанном подсудимым – то есть, освобождении издателя по имени Шуркампа[408] из концентрационного лагеря.

Председатель: У вас есть страница?

Заутер: Страница 25 документальной книги, документ номер Ширах 3(а) – Ганс Каросса. Остальное в этом документе касается человеческого впечатления доктора Кароссы о подсудимом, и защиты подсудимым фон Ширахом жертв политического преследования.

Свидетель, о скольких концентрационных лагерях вам было известно?

Ширах: Я лишь перечислю их: Ораниенбург, Дахау, Бухенвальд и Маутхаузен.

Заутер: В вашем собственном гау был концентрационный лагерь?

Ширах: Нет.

Заутер: В связи со всей группой вопросов обращения с евреями, я перейду к приказам предположительно отданным в вашем присутствии коменданту лагеря в марте 1945. Это документ номер PS-3870, представленный обвинением. Согласно этому документу, Гиммлер в марте 1945 предлагал, отдать директиву о том, чтобы евреи с юго-восточного вала должны были быть отправлены в Маутхаузен. Вы имели какое-либо отношение к этому?

Ширах: Я могу сказать вам по памяти именно то, что тогда сказал Гиммлер.

Гиммлер прибыл в Вену ближе к середине, или концу марта, для беседы с командующим группой армий «Юг». По этому поводу – командующий группой армий «Юг», конечно, не располагался в Вене, он приказал всем рейхсштатгальтерам Остмарка собраться в Вене и дать им полную власть по применению военного положения в будущем, поскольку Вена и некоторые другие гау Остмарка должны были стать прифронтовыми зонами. На этом совещании Гиммлер сказал своему адъютанту вызвать Цирайса, пока бумаги о полномочиях печатали в соседней комнате. Так получилось, что я второй раз в своей жизни встретил Цирайса.

И теперь Гиммлер, не так как сказал Маршалек, говорил Цирайсу, чтобы евреи маршировали на ногах от юго-восточного вала в Маутхаузен, но он сказал своему адъютанту, что-то, что меня сильно удивило. Он сказал:

> «Сейчас я хочу, чтобы евреи, работающие в промышленности были доставлены на лодках, или если возможно на автобусах при наиболее

---

[408] Петер Шуркамп (1891 – 1959) – крупный немецкий книгоиздатель. В 1944-1945 находился в концентрационном лагере Ораниенбург.

благоприятных продуктовых условиях и с медицинским уходом, и т. д., в Линц или Маутхаузен».

Я не совсем помню, говорил ли он о том, что их следовало забрать в Маутхаузен, но он также сказал Цирайсу:

«Пожалуйста, позаботьтесь об этих евреях и обращайтесь с ними хорошо, они мои наиболее ценные активы»

Из этого заявления с самого начала я предположил,– это было самое первое мимолётное впечатление – что Гиммлер желал так или иначе меня обмануть, и затем мне стало ясно, что такими инструкциями он имел определенные внешнеполитические намерения, в последние мгновения войны, подчеркивая превосходное обращение с евреями.

Следовательно, то, что Маршалек сказал о принуждении их к ходьбе пешком неправильно. Как я уже упоминал, Гиммлер, при любых обстоятельствах хотел наилучшего обращения с евреями. У меня сложилось такое впечатление – и позднее это подтверждалось другими вещами, которые я услышал – что он желал, до последней минуты, вообще обелить себя таким обращением с евреями.

Заутер: Это был конец марта 1945?

Ширах: Это был конец марта 1945, по поводу, когда полномочие по применению военного положения были даны штатгальтеру Остмарка.

Заутер: Следовательно, непосредственно перед крахом?

Ширах: Да.

Заутер: Свидетель в связи с вашей деятельностью в Вене также есть обвинение, предъявленное вам в о том, что вы принимали участие в преследовании церкви. Это обвинение поддерживается исключительно, насколько я вижу документом номер R-146. Я повторяю, R-146, который уже предъявлен обвинением.

Это, свидетель, письмо адресованное свидетелем доктором Ламмерсом, которого ранее заслушивали перед трибуналом, рейхсминистру внутренних дел датированное 14 марта 1941, и далее, циркуляр от Бормана, адресованный всем гауляйтерам, датированный 20 марта 1941.

Я хочу услышать ваши комментарии по обоим этим письмам, поскольку в частности письмо доктора Ламмерса говорило об имуществе принадлежащим врагам народа и государства, в то время как циркуляр Бормана от 20 марта 1941 упоминал конфискацию церковного имущества – монастырской собственности – и т. д. Вам известно к чему привели эти письма и какое участие вы сами играли в этом вопросе?

Ширах: Документ, написанный доктором Ламмерсом правильный. Сопроводительное письмо Бормана ссылалось на церковное имущество, я ссылался на имущество врагов народа и государства, так как это было техническое выражение того времени. Я хочу упомянуть в этом предмете, что когда я прибыл в Вену в 1940, конфискация такого имущества уже шла; возник спор между гауляйтером и

рейхсминистром финансов. Рейхсминистр финансов хотел передавать конфискованное имущество Рейху, в то время как я считал, что это имущество следовало оставлять во владении гау.

Насколько я могу вспомнить, я был вовлечен в этот вопрос только из-за следующих конфискаций: принц Шварценберг[409] владел собственностью, большая часть которой находилась в регионе Верхний Дунай, меньшей частью был знаменитый венский дворец. Теперь этот принц Шварценберг отказался, в присутствии какого-то германского генерального консула, или зарубежного консула, возвращаться в Германию и служить в армии. Соответственно его собственность была конфискована. В интересах Рейха я намеревался сохранить это имущество в рейхсгау Вена и предотвратить его передачу Рейху. У меня нет передо мной материалов, а значит я не могу по памяти дать вам какую-либо информацию об иных, похожих акциях.

Я не ответственен за конфискацию в остальных австрийских гау. Но об одной вещи я могу здесь заявить– а именно, что я положил конец всем конфискациям по всему Рейху. Когда через посредника, женщина из австрийского конвента обратилась ко мне за помощью, я попросил своего тестя, действуя за спиной Бормана объяснить Гитлеру разрушительность политических эффектов, которые имели бы эти конфискации и попросить его отдать приказ прекратить их. Это получилось, и когда приказ был передан, Борман также выступил против моего тестя. С тех пор я никогда не имел дальнейшей возможности доводить этот вопрос до сведения фюрера.

Заутер: Свидетель, не так ли, вы достаточно объяснили ваше отношение к письму доктора Ламмерса от 14 марта 1941. Чтобы освежить вашу память я хочу зачитать первую фразу этого письма. Это письмо от Ламмерса датированное 14 марта 1941, документ номер R-146, говорящее, я цитирую:

> «Рейхсштатгальтер и гауляйтер фон Ширах совместно с доктором Юри и Айгрубером, недавно пожаловались фюреру о том, что рейхсминистр финансов всё ещё считает, что захват имущества принадлежащего врагам государства и народа следует направлять в пользу Рейха, а не в пользу рейхсгау».

Такова цитата.

И из-за этого инцидента обвинение вменяет вам участие в преследовании церкви в Вене. Я должен попросить вас рассказать нам о том, какое в действительности отношение вы имели к вопросу.

Ширах: Что же, церковь в Вене действительно преследовали при моём предшественнике Бюркеле, и это можно подтвердить. Я вчера упомянул демонстрации перед дворцом архиепископа. Но со дня моего прибытия в Вену,

[409] Адольф Шварценберг (1890 – 1950) – чешский аристократ немецкого происхождения. Крупный землевладелец и филантроп.

антицерковные демонстрации с характерной политической агитацией больше не происходили. Непосредственно после моего прибытия я понял от всех политических чиновников и всех остальных моих коллег в гау и потребовал, чтобы они никогда, ни письменно, ни устно, не высказывали чего-либо похожего на оскорбления религиозных чувств других людей. Мне кажется, что этот факт был с благодарностью принят населением Вены. С того дня больше не было действий против церкви. Сколько церковного имущества было изъято в соответствии с законом об особых военных контрибуциях, законе который также применялся к иному имуществу – я не могу вам сказать без документальных доказательств.

Заутер: Свидетель, мы можем понять из этого документа, что вы должны были говорить о предмете лично с Гитлером …

Ширах: Да.

Заутер:… потому что оно говорит, что рейхсштатгальтер и гауляйтер фон Ширах жаловался Гитлеру о предмете. Вы до сих пор об этом ничего не сказали.

Ширах: Да, лично я, во время визита Гитлера в Вену где он подписывал Юго-восточный пакт, сказал ему, что считал, что конфискованное имущество принадлежит гау, а не Рейху. Это было моей точкой зрения той, которая казалась мне совершенно правильной.

Заутер: Свидетель, обвинительное заключение далее вменяет вам наличие некого рода связи с СС, соответственно повышение в СС, и т. д. Вы сами когда-либо были членом СС?

Ширах: Нет.

Заутер: Гиммлер, руководитель СС, имел какое-либо влияние на молодёжные организации и воспитание молодёжи?

Ширах: Нет.

Заутер: Были пополнения в СС, в особенности в руководящем составе СС, производившиеся из ГЮ, и если так почему?

Ширах: Пополение во всех руководящих составах в Германии производилось из молодёжи. Наша молодёжная организация была государственным учреждением. Вероятно, вы сейчас ссылаетесь на соглашение, которое я заключил с Гиммлером о патрулях?

Заутер: Да, это также играет роль в связи с этим.

Ширах: Подобные соглашения…

Заутер: Один момент, господин фон Ширах. Это соглашение включено в документы обвинения как номер PS-2396. Я повторяю PS-2396, в котором находится особое заявление – и я хочу получить ваши комментарии по предмету - о том, что СС получали пополнения от патрульной службы ГЮ, предположительно по соглашению от октября 1938. Пожалуйста, расскажите нам об этом и объясните нам, чем в действительности была патрульная служба.

Ширах: Патрульная служба была одним из особых подразделений ГЮ, которую я

вчера забыл назвать. Патрульная служба была молодёжной службой поддержания порядка. Она включала выдающихся достойных парней, у которых не было полицейских обязанностей – сейчас я ссылаюсь на документальные доклады, которые я получал, но которые следили за общим поведением молодых людей, проверяя их форму, контролируя визиты юношей в таверны; и их обязанностью было инспектировать хостелы ГЮ на чистоту и опрятность, следить за походами молодых людей и молодёжными хостелами в стране. Они стояли в охране и поддерживали порядок на массовых митингах и демонстрациях. Они следили за палаточными лагерями и сопровождали конвои. Их использовали в поисках пропавшей молодёжи. Они давали советы путешествующей молодёжи, присутствовали на станциях, где предполагалось защищать молодых людей от преступных элементов, и прежде всего, охранять национальную собственность – то есть, например леса, поля, – и следить за тем, чтобы они были в безопасности от пожара.

Поскольку Гиммлер мог создать проблемы для этого отряда молодёжной организации, я был заинтересован в признании полицией моей патрульной службы; в силу моей идеи о государстве молодёжи как молодёжном государстве, полиция не должна была использоваться против молодёжи, но эти молодые люди должны были поддерживать порядок внутри самих себя. Этот принцип был созвучен с тем, что можно судить о громадном снижении подростковой преступности с 1933 до начала войны.

Заутер: Свидетель…

Ширах: Один момент, я ещё не закончил. После этого соглашение…

Председатель: Доктор Заутер, уверен мы услышали достаточно об этом подразделении. Весь вопрос документа в том, что они использовались для пополнения СС, не так ли? В этом суть обвинения.

Заутер: Да, патрульная служба…

Председатель: Мы довольно долго слушали описание того, каким образом они защищали молодёжь. Уверен мы достаточно об этом услышали.

Заутер: Господин председатель, эти так называемые подразделения упоминались обвинением как средство подготовки к войне – то есть, средство для военной подготовки молодых людей. В этой связи упоминались все эти особые подразделения, и следовательно мы считали необходимым, чтобы подсудимый проинформировал вас, чем была на самом деле эта патрульная служба. Господин председатель, но я могу немедленно снять эту тему.

Председатель: Мы слышали о том, то чем они были довольно долго.

Заутер: Очень хорошо.

Свидетель, из каких ведомств СС в основном призывало ведущие пополнения?

Ширах: С целью убедиться в своих руководящих пополнениях, СС основало свои

собственные школы, которые были полностью вне моего влияния. Они являлись так называемыми национал-социалистическими институтами подготовки[410].

Заутер: В связи с СС, обвинение, свидетель, упомянуло дальнейшее соглашение между вами и рейхсфюрером СС Гиммлером и соглашение от декабря 1938, представленное в качестве документа номер PS-2567, так называемая «Земельная служба[411]» ГЮ. Почему это соглашение было заключено с рейхсфюрером СС?

Ширах: Очень сложно дать краткий ответ. Рейхсфюрер СС был крестьянином со степенью агронома. В свои студенческие дни он принадлежал к так называемому «движению Артаман[412]» чья программа заключалась в предотвращении ухода с земли, и он в особенности добивался сотрудничества СС с трудовыми крестьянскими группами ГЮ, которые выполняли такую же работу как и группы «Артаман» в прошлом.

В заключение, я хочу сказать о «земельной службе» и патрульной службе, что на молодых людей не оказывалось никакого принуждения для вступления в СС. Любой парень из патрульной службы, конечно, свободно становился членом СА или НСКК – и часто так делал – или же политическим руководителем также как и любой другой юноша из трудовой крестьянской группы или «Гитлерюгенда».

Заутер: Свидетель, обвинительное заключение заявляет inter alia, что политическим руководителям была адресована директива требовавшая, чтобы руководители «Гитлерюгенда» – то есть, руководители подчиненные вам – использовались в их штабах. Что вы об этом скажете?

Ширах: Я могу только сказать в ответ на это, что эта одна из многих попыток партийной канцелярии привести молодёжное руководство в политическое руководство. Практическим результатом директивы было то, что ряду молодёжных руководителей были даны незначительные обязанности в качестве адъютантов. Они жаловались мне, и я отозвал их с этих постов. Это исторический факт, что в Германии не было реального перетока из молодёжной организации в политическое руководство. Я могу лично назвать тех молодежных руководителей, которые перешли в политическое руководство, немногих из них.

Заутер: Свидетель, советское обвинение представило документ, документ номер СССР-6, который доклад от комиссии Лемберга[413]. Соответственно упоминался следующий факт. Француженка Ида Вассо, глава приюта для стариков в Лемберге, письменно свидетельствовала – я лишь процитирую суть письменных показаний –

---

[410] НАПОЛАС, НПЕА, Национал-политические учебные заведения — система политических учебных заведений в «Третьем рейхе».Созданы после прихода национал-социалистов к власти 20 апреля 1933 года для подготовки из молодых нацистов руководящих кадров НСДАП, СС, СА. Первые школы были учреждены в Кёслине, Плёне и Потсдаме. Учебный процесс был основан на программах прусских кадетских корпусов. В НАПОЛАС принимались чистые в расовом отношении подростки в возрасте 11-18 лет.

[411] «Земельная служба Гитлерюгенда» - подразделение Гитлерюгенда предусматривающее 4 годичную подготовку по сельскохозяйственным направлениям.

[412] «Крестьянин» - немецкое националистическое аграрное движение созданное в 1923. Отстаивало идеи расовой чистоты.

[413] Немецкое название города Львов.

что детей из гетто передавали «Гитлерюгенду», и что этих детей ГЮ использовали в качестве живых мишеней в своей тренировочной практике. За всё время, что вы действовали в качестве рейхсюгендфюрера, вы когда-либо слышали о таких нарушениях или эксцессах?

Ширах: Нет. Здесь мы рассматриваем, первое и единственное обвинение в преступлениях совершенных ГЮ, которые довели до моего сведения. Не существовало коммандос ГЮ, ни на востоке, ни на западе способных совершить такие преступления. Я считаю заявления совершенной неправдой, и это всё что я могу сказать о предмете.

Заутер: Свидетель, в ходе своего допроса ваш коллега подсудимый, доктор Шахт, упомянул предложение сделанное в его время господином Иденом[414], о лишении СС, СА и ГЮ их военного характера если остальные державы согласятся на разоружение. Что вам известно о таких предложениях или переговорах?

Ширах: Мне неизвестно о таком предложении, что касалось «Гитлерюгенда». Я считаю, что не может быть речи, что какое-нибудь подобное предложение было получено господином Иденом относительно ГЮ, так как Гитлер сам не рассматривал ГЮ в качестве военной или даже полувоенной организации. Разоружение ГЮ фактически никогда не могло иметь места, поскольку единственным оружием носимым «Гитлерюгендом» был палаточный нож, эквивалент бойскаутского ножа у пимпфов Юнгфолька.

Заутер: Свидетель, обвинение далее вменяет вам то, что вы в 1933, заключили соглашение с ФДА[415] – аббревиатура для «Verein fur das Deutschtum im Ausland». Это правда? И в чём заключалось ваше намерение при заключении этого соглашения?

Ширах: Это правда. Я не желаю высказывать мнение о целях и задачах ФДА. Мне кажется, что защитник подсудимого Фрика уже это сделал. Я сошлюсь на эти заявления и просто скажу, что моё естественное желание заключалось в том, чтобы включить в ГЮ в многочисленную группу парней принадлежащих к ФДА. Большинство этих юношей, более того, обучались в общественных школах, и моё второе стремление заключалось в том, чтобы поставить некоторых из своих соратников в совет ФДА чтобы быть своевременно информированными о молодых людях за рубежом.

Заутер: Обвинение далее вменяет вам основание так называемых школ Адольфа Гитлера, в которых обучали молодёжных руководителей для национал-социалистического государства и для партии. Что вы можете сказать на это

---

[414] Энтони Иден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, аристократ, член консервативной партии Великобритании, в 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

[415] «Ассоциация по зарубежным культурным отношениям» - в 1933 по 1945 организация по вербовке немцев постоянно проживающих в зарубежных государствах.

обвинение?

Ширах: Можно много сказать об этом обвинении, но я должен ограничить себя лишь существенными замечаниями.

Школы Адольфа Гитлера были основаны в качестве школьных подразделений ГЮ. Они были основаны на средства доктора Лея переданные в моё распоряжение, когда я рассказал ему о своих планах по подготовке предоставляемой мной. Эти школы не намечались для подготовки руководителей исключительно для партии, но служили подготовке молодёжи для всех профессий. Я сам часто говорил с этими юношами об их образовании и всегда им говорил: «Вы можете выбрать любую профессию какую захотите. Ваша подготовка в этих школах не возлагает обязательств, ни моральных ни других, становиться политическим руководителем». Де факто, относительно мало политических руководителей возникли в школах Адольфа Гитлера. Очень много ребят стало докторами, чиновниками, и т. д. Я не могу привести какие-либо цифры по памяти, но в сообщениях полученных от молодых людей, включая заявления от учителей в школах Адольфа Гитлера, показано их отношение к этому положению обвинительного заключения. И я хочу попросить, чтобы, по крайней мере 50-60 из этих многочисленных письменных показаний, которые подтверждают всё сказанное мной, были бы представлены в поддержку моих заявлений.

Заутер: Свидетель, ещё один вопрос на иную тему. Вы когда-либо получали какие-либо так называемые целевые фонды, или что-либо подобное от Гитлера или из других источников?

Ширах: Нет, я никогда не получал каких-либо целевых фондов.

Заутер: Вы когда-либо получали такие подарки, как ценные полотна или другие дорогие подарки?

Ширах: Единственной вещью, которую Гитлер мне дал, была его фотография по поводу моего тридцатого дня рождения.

Заутер: Его фотография – предположительно с несколькими словами в посвящение?

Ширах: Да.

Заутер: Теперь у меня есть несколько завершающих, очень коротких вопросов, для того чтобы задать вам – они ссылаются на последние дни вашей деятельности в Вене. Вы уже упоминали, в связи с визитом Гиммлера в Вену в конце марта 1945, что вы тогда получили от Гиммлера так называемые полномочия по объявлению военного положения. Если я вас правильно понимаю, вы в вашей функции рейхскомиссара обороны, были управомочены созывать военно-полевой трибунал?

Ширах: Да, и это делало меня хозяином жизни и смерти.

Заутер: Насколько мне известно, этот военно-полевой суд предполагался лишь для принятия смертных приговоров?

Ширах: Да.

Заутер: Вы когда-либо созывали этот военно-полевой суд в Вене, и назначали в него

членов?

Ширах: Я назначил членов в военно-полевой трибунал. Видный юрист был председателем. Я никогда не созывал военно-полевой трибунал и никогда не утверждал смертный приговор. Если я правильно помню, военно-полевой трибунал местного военного коменданта вынес четыре смертных приговора четырём военным предателям. Мой военно-полевой трибунал никогда не собирался и никогда не выносил смертного приговора.

Заутер: У вас имелась какая-либо связь с военным трибуналом?

Ширах: Нет. Комендант Вены, конечно был председателем отдельного суда, а я был главой военно-полевого трибунала «Ширах».

Заутер: Вы сказали, что вы имели видного юриста в качестве вашего председателя?

Ширах: Да.

Заутер: Какая у него была профессия?

Ширах: Я думаю, что он был председателем окружного суда, или чего-то такого рода. Я совершенно не могу вспомнить. Я забыл.

Заутер: Значит, он был официальным венским судьей?

Ширах: Да.

Заутер: Вы отдали свой приказ в Вене взорвать жизненно важные фабрики или уничтожать как часто происходило в остальных гау, например, здесь в Нюрнберге?

Ширах: Нет. Это ускользнуло от моих сведений, что я должен признать, насколько далеко эти бесцельные и разрушительные меры исполнялись в военном секторе и секторе промышленности вооружений, следуя прямым указаниям правительства Рейха. Например, закладка динамита в мосты была военной предосторожностью. Приказ никогда не исходил от меня. Гитлер оставил за собой право отдавать приказы о взрывах мостов на Дунае. Начальник группы армий «Юг» Рендулич[416], перед подрывом этих мостов, консультировался со ставкой фюрера по телефону.

Заутер: Когда вы сами покинули Вену?

Ширах: Я оставил Вену после отхода последних частей из города и после перевода командного пункта 2-го корпуса 6-й танковой армии СС в район Нижний Дунай.

Заутер: Когда это было?

Ширах: Это было – извините, я не могу вспомнить навскидку. Это было ближе к концу битвы за Вену.

Заутер: И теперь мой последний вопрос к вам. Вам известен приказ исходивший от партийного руководства и из кругов партийной канцелярии о создании движения «Werewolf[417]» для борьбы с продвигавшимися войсками. Каким было ваше

---

[416] Лотар Рендулич (1887 — 1971) — немецкий и австрийский военный деятель, военный преступник, генерал-полковник (1944 год). Американским трибуналом осуждён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[417] Вервольф (волк-оборотень) — немецкое ополчение для ведения партизанской войны в тылу наступающих войск противника, созданное в самом конце Второй мировой войны. Оно также было задействовано при обороне городов. Формировалось из стариков и подростков в возрасте 14—16 лет. Ополченцы проходили краткий курс начальной военной подготовки, оказания медицинской помощи, использованию местности для ведения боевых действий, диверсионной тактике ведения боевых действий. Были распущены преемником Гитлера Дёницем.

отношение к этому движению?

Ширах: Я запретил какую-либо организацию «Werewolf» в моём гау, но во избежание недопонимания я должен сказать вам, что там был молодёжный батальон, батальон фольксштурма, который назывался «Werewolf», но не было подразделения «Werewolf». Я непреклонно отказался, как для молодых людей, так и взрослых, разрешать в какой-либо форме участвовать в боях вопреки указаниям международного права.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-либо другой из защитников хочет задать какие-либо вопросы?

Тома: Свидетель, каким было отношение Розенберга, уполномоченного фюрера по идеологическому воспитанию партии к рейхсюгендфюреру?

Ширах: Мне кажется, что начальник управления по идеологическому воспитанию присутствовал у рейхсюгендфюрера в среднем, на двух, вероятно трёх встречах в год, где также присутствовали руководители по воспитанию других партийных организаций. Эти встречи проходили под председательством рейхсляйтера Розенберга. По таким случаям как мне говорил начальник управления, Розенберг не излагал общих директив и инструкций, а просил доклады о воспитательной работе в отдельных организациях.

Тома: Розенберг выбирал отдельные предметы для чтения лекций на таких встречах?

Ширах: Это мне точно неизвестно. На этих встречах представителей молодёжного руководства, на которых Розенберг выступал раз в год, он обычно выбирал образовательные темы, темы касавшиеся воспитания характера. Он, например, говорил об одиночестве и товариществе, насколько я помню, о личности, чести и т. д.

Тома: Розенберг на этих встречах упоминал еврейскую проблему и религиозный вопрос?

Ширах: Во время этих заседаний молодёжного руководства он никогда не произносил каких-либо речей против евреев, как и, насколько я помню, никогда не затрагивал предмета религий – по крайней мере, в моём присутствии. Я обычно слышал его выступавшем о предметах как я их перечислил.

Тома: Свидетель, вы читали «Миф двадцатого века» Розенберга? И если так, когда?

Ширах: Нет, я начал читать его, но я не прочёл всю книгу.

Тома: «Миф» Розенберга производил какое-либо впечатление на молодых людей или производил на остальных похожий эффект как и на вас?

Ширах: Молодёжные руководители точно не читали «Миф двадцатого века».

Тома: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто либо ещё из защитников остальных подсудимых хочет задать вопросы? Или вероятно нам лучше прерваться сейчас.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Серватиус: Свидетель, вы уже заявляли в связи с директивой Заукеля относительно использования рабочей силы, что вы были наводнены такими директивами. Эти директивы исполнялись?

Ширах: По моей информации, я могу это подтвердить. У меня сложилось впечатление, что функционеры администрации по распределению рабочей силы чувствовали, что они должны строго следовать приказам Заукеля, и на тех промышленных предприятиях, которыея я посещал, я мог убедиться в том, что требования предъявлявшиеся в директивах фактически выполняли.

Серватиус: Лично Заукель предпринимал шаги, чтобы удостовериться в том, что эти вещи исполняются?

Ширах: Да. Я помню, что Заукель однажды приехал в Вену – я думаю в 1943 – и что по этому поводу он обращался ко всем своим функционерам по распределению рабочей силы и устно повторял то, о чем он говорил в своих директивах. Он говорил в частности о зарубежных рабочих, требуя для них справедливости; и я помню, что по этому поводу он даже говорил им о такой же обуви как у немецких рабочих.

Серватиус: У меня есть ещё несколько вопросов о политических руководителях. Как информировались политические руководители уровня гауляйтеров? Гауляйтеры имели отдельные беседы с фюрером, в особенности в связи с собраниями гауляйтеров?

Ширах: Нет. После сбора гауляйтеров, фюрер всегда собирал сравнительно большой круг также как он делал в своих речах. Разговоров в подлинном смысле слова не существовало. Он всегда произносил речи. Устанавливались даты, на которых гауляйтеры могли беседовать с Гитлером почти сошедшие на нет с началом войны.

Серватиус: Гауляйтер не мог обратиться к Гитлеру лично и попросить о беседе?

Ширах: Он мог попросить о беседе, но не мог её добиться, он получал ответ от Бормана, обычно в форме телеграммы. Это случалось со мной очень часто, потому что я делал такие просьбы, можно было попросить передать письменные пункты желаемые к обсуждению, после которых либо получался ответ или не получалось такого.

Серватиус: Свидетель, здесь было представлено письмо как документ D-728, подписанное или с инициалами гауляйтера Шпренгера[418]. Вы были здесь, когда его предъявляли и вам известен документ. У меня есть два вопроса относительно него.

Вам, что-либо известно о списке, который был составлен, содержащим имена тех, кто страдал от сердечных и лёгочных заболеваний, которые должны были быть устранены из населения?

Ширах: Нет, мне об этом ничего не известно.

Серватиус: Или вы должны были вносить такие предложения фюреру?

Ширах: Нет.

Серватиус: По моему мнению этот документ также содержит ошибку, которая уже здесь упоминалась, а именно, слово «господин» в качестве формы обращения. Это письмо было адресовано «господину ортсгруппенфюреру» и в тексте было сделано повторное упоминание о «господине крейсляйтере и ортсгруппенфюрере». Я спрашиваю вас, выражение «господин» было привычно в партийном языке?

Ширах: Нет, я никогда не знал партийного документа за исключением этого единственного, который я считаю подделкой, в котором использовался термин «господин».

Серватиус: Следовательно, вы считаете, что само обращение подтверждает, что документ фальшивый?

Ширах: Да.

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Штейнбауэр: Господин фон Ширах, вашим предшественником в качестве гауляйтера был Йозеф Бюркель. Какого рода отношения существовали между Бюркелем и Зейсс-Инквартом?

Ширах: Я могу лишь повторить то, что общеизвестно в партии об отношениях между ними. Они были чрезвычайно плохими, и у всех нас было впечатление, что с самого начала Бюркель работал над удалением Зейсс-Инкварта.

Штейнбаэур: Какой из этих двух имел в своих руках власть?

Ширах: Несомненно, Бюркель.

Штейнбаэур: Кто, по вашему мнению и согласно с подлинной информацией полученной из материалов, ответственен за преследование евреев в Вене?

Ширах: Гитлер.

Штейнбауэр: Хорошо. Вы сказали Гитлер, но Гитлер не находился в Вене. Кто исполнял его приказы в Вене?

Ширах: По моему мнению, эти приказы исполнялись – даже во время Бюркеля и Зейсс-Инкварта – тем же самым человеком, которого уже упоминали сегодня и который между тем осужден к смерти – доктором Бруннером.

Штейнбауэр: Хорошо. Вы осведомлены, что Зейсс-Инкварт непрерывно

---

[418] Якоб Шпренгер (1884 – 1945) – нацистский политический деятель. Гауляйтер Гессен-Нассау в 1933 – 1945. Покончил жизнь самоубийством в конце войны.

протестовал Бюркелю о чрезмерно жестоких мерах и спорил с Бюркелем из-за этого?

Ширах: Я ничего не могу об этом сказать. Я не знаю.

Штейнбауэр: Моего клиента обвинили в документе о подарке Адольфу Гитлеру гобеленов, среди них гобеленов бывших во владении императора. Вам об этом, что-либо известно?

Ширах: Мне это известно: в крупной коллекции гобеленов в Вене, было два изображающих победу Александра[419]. Худшие экземпляры были переданы взаймы рейхсштатгальтером Зейсс-Инквартом рейхсканцелярии, где они висели в приемной.

Штейнбауэр: Значит это было взаймы, а не явным подарком, который представлял утрату для Вены?

Ширах: В каталоге коллекции гобеленов этот образец отмечен как займ.

Штейнбауэр: Вы осведомлены, что остальные гобелены были в распоряжении Рейха – то есть, распоряжении Адольфа Гитлера – от Зейсс-Инкварта?

Ширах: Нет, я не был осведомлён.

Штейнбауэр: Но может быть вам известно, кто забрал остальные гобелены и шитьё?

Ширах: Я полагаю, что вы намекаете на Бюркеля.

Штейнбауэр: Да.

Ширах: Я не знаю о том забрал ли что-то Бюркель. Когда я принял своё назначение в Вену, я выяснил, что Бюркель забрал из императорского хранилища мебели ряд предметов мебели, включая, мне кажется, какие-то ковры, не для себя лично, но для венского дома, который он намеревался создать в гау Саарпфальц как своего рода клуб.

Поэтому я обратился в компетентное ведомство в Берлине - я не знаю был ли это рейхсминистр финансов или рейхсминистр культуры– и когда я не добился там своего, я обратился к самому Гитлеру. В конце концов я успешно добился приказа, чтобы Бюркель вернул эти предметы в Вену, я не могу сказать с уверенностью, вернулись ли эти предметы фактически. Я знаю, что он получил указания вернуть их, и я полагаю, что эти предметы вернули позднее.

Штейнбауэр: Хорошо. Вам известно из заявлений, которые сделал ваш защитник, что австрийцы яростно ненавидели Бюркеля по ряду очень хороших причин и что честности ради следует признать, что многие вещи, включая, например, снабжение города продовольствием, улучшились после вашего прихода. По этой причине мне кажется, наиболее важным полностью внести ясность в наиболее серьезное обвинение против вас. Как рейхскомиссар обороны вы были ответственным за

419 Александр Македонский (Александр III Великий, предположительно 20/23 июля или 6/10 октября 356 года до н. э — 10/13 июня 323 года до н. э) — царь Древней Македонии из династии Аргеадов (с 336 года до н. э.), выдающийся полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.

уничтожение наиболее ценных памятников в Вене. Я спрашиваю вас: 2 апреля, когда ваш заместитель Шарицер[420] и инженер Блашке, национал-социалистический бургомистр, хотели объявить Вену открытым городом как предложила Красная армия, вы возражали им и отдали приказы, чтобы Вена оборонялась до последнего? Или кто отдал этот приказ?

Ширах: Ни Блашке, ни Шарицер ни высказывали взгляда о том, что Вена должна быть объявлена открытым городом. Там был…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, трибунал понимает, что вы представляете подсудимого Зейсс-Инкварта?

Штейнбауэр: Да, из-за военных преступлений и в свете заговора он ответственен за всё и главное обвинение против подсудимого фон Шираха следует прояснить – то есть, мы должны понять, кто в действительности отдал этот приказ, который причинил столько вреда.

Председатель: Что же, но вы только, что сказали, что вы не задаёте вопросы в защиту Зейсс-Инкварта, но в защиту фон Шираха. Я не думаю, что трибунал на самом деле должен продолжать защиту фон Шираха продолжая с вопросами другого защитника. Мы уже значительное время посвятили его защите представленной доктором Заутером.

Штейнбауэр: Тогда я не буду ставить этот вопрос.

Вы также помните, какое отношение занимал Зейсс-Инкварт к церковным вопросам, которыми занимался Бюркель?

Ширах: Я знаю лишь то, что доктор Зейсс-Инкварт, в целом говоря, считался человеком, связанным с церковью. Это привело его к конфликту с Бюркелем, что для меня совершенно очевидно. Я не могу вдаваться в подробности.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Додд: Господин свидетель, мы поняли, что этим утром вы сделали по своему характеру признательное заявление, по крайней мере, в отношении преследования евреев; и вероятно, в то время как эта часть, высказана достаточно храбро, я думаю, есть много того, о чём вы не сказали, вероятно, по недосмотру.

Теперь я желаю, чтобы вы рассказали трибуналу о том факт это или нет, что ваша ответственность за молодых людей в Германии при национал-социалистах фундаментально касалась их превращения в действительно хороших национал-социалистов, в смысле превращения их в фанатичных политических последователей.

Ширах: В качестве воспитателя я рассматривал своей задачей воспитание молодых людях хорошими гражданами национал-социалистического государства.

Додд: И пламенными последователями и верующими в Гитлера и его политику?

Ширах: Мне кажется, я уже говорил этим утром, что я воспитывал нашу молодёжь,

---

[420] Карл Шарицер (1901 – 1956) – австрийский политик и член СС. В 1938-1945 заместитель гауляйтера Вены. Австрийским судом был приговорён к конфискации имущества.

чтобы следовать за Гитлером. Я этого не отрицаю.

Додд: Хорошо. И в то время как вы говорили нам, что у вас не имелось первоочередной ответственности за образовательную систему, я уверен вы не отрицаете того, что за всю остальную деятельность, которая могла затрагивать молодых людей вы были ответственны в первую очередь?

Ширах: Моей ответственностью было внешкольное воспитание.

Додд: И, конечно, в школах единственными людьми, которые могли учить молодых людей были те, кто был политически выдержан в следовании гитлеровскому мнению и убеждениям и учил национал-социализму?

Ширах: Учительский состав в немецких школах не был определенно однородным. Большая часть учительского состава принадлежала к поколению, которое не обучали в национал-социалистических линиях и не принадлежало национал-социализму. Молодых учителей обучали национал-социалистическим принципам.

Додд: Что же, в любом случае, конечно вы не говорили, что молодые люди в общеобразовательной системе Германии всё время находились под руководством тех, кто был политически выдержан, и разумеется после одного или двух лет правления Гитлера и его последователей, не так ли?

Ширах: Пожалуйста, вы повторите вопрос? Я не совсем понял.

Додд: Я пытаюсь сказать вам, что у вас не было каких-либо сомнений или что в вашей общеобразовательной школьной системе Германии надзор осуществлялся, по крайней мере, по большей части, людьми, которые были политически надёжны постольку, поскольку это касалось национал-социализма.

Ширах: Меня не волновало об этом говорить. За управлением образованием в Германии надзирал рейхсминистр Руст, который – и это факт – по причинам плохого здоровья проявлял очень мало интереса к своим официальным обязанностям. Многие тысячи возрастных людей использовались в управлении образованием. Они получили свои назначения задолго до дней национал-социалистического государства и оставались на своих местах.

Додд: Меня не волнует, были ли они старыми или молодыми или как долго они находились на должностях. Они все приносили присягу Гитлеру, не так ли?

Ширах: Это верно; постольку, поскольку они были гражданскими служащими, они все приносили присягу.

Додд: Розенберг имел очень значительное влияние на молодых людей в Германии, не так ли?

Ширах: Мне так не кажется. Я думаю, вы оцениваете влияние моего со-подсудимого Розенберга на молодёжь совершенно ошибочно – что означает вы его переоцениваете. Розенберг определенно имел некоторое влияние на многих людей, которые интересовались философскими проблемами и были в состоянии понять его работы. Но я должен оспаривать степень влияния, которую вы ему приписываете.

Додд: Вы публично говорили по одному случаю, что путь Розенберга был путём

«Гитлерюгенда», не так ли?

Ширах: Мне кажется это было в 1934…

Додд: Не волнуйтесь о том, когда это было. Вы это говорили или нет?

Ширах: Я это говорил.

Додд: Когда это было?

Ширах: Это было в Берлине, на молодёжном вечере. Но позднее сам я вёл молодёжь в совершенно ином направлении.

Додд: Что же, мы рассмотрим это позднее. Но в любом случае, по этому поводу в Берлине, когда у вас была крупная группа ваших молодёжных руководителей, по крайней мере вы старались как лучше, чтобы они поняли, что путь Розенберга был тем путём которому они должны следовать?

Ширах: Но это были те же самые молодёжные руководители, которые позднее получали от меня иные инструкции.

Додд: Что же, я намерен сказать, что так могло быть. Мы дойдем до этих иных инструкций, но по этому поводу и тогда, постольку поскольку, что касалось вас, вы хотели их понимания в том, что они должны следовать пути Розенберга, не так ли?

Ширах: Да, но этот путь затрагивал одно достаточно чёткое положение, которое тогда обсуждалось, а именно, вопрос религиозных молодёжных организаций. В этом положении Розенберг и я соглашались, в то время как в во многих иных мы расходились, и на такое положение ссылалось данное заявление.

Додд: Путь Розенберга, разумеется, не был путём молодёжи остающейся верной своим религиозным обязательствам или учениям, не так ли?

Ширах: Я бы не хотел так говорить.

Додд: Что вы имеете в виду? Вы не знаете?

Ширах: Я могу сказать столько много слов, о том, что я никогда не слышал Розенберга делавшего какое-либо заявление в отношения, о том, что молодые люди должны были быть неверными своим религиозным убеждениям.

Додд: Что же, я тоже не знаю, чтобы он когда-нибудь это говорил, но я думаю, вам прекрасно известно, как и многим остальным, кто был вне Германии все эти годы, что Розенберг был жестоким противником организованных религиозных организаций. Вы этого не отрицаете, не так ли?

Ширах: Принципиально я точно это не отрицаю, но я не думаю, что это можно так выразить. Розенберг никоим образом не пытался повлиять на выход молодёжи из религиозных обществ.

Додд: И позднее, в действительности - теперь вы не намерены сказать, что позднее, и вероятно тогда, тайным и косвенным путём вы играли в игру Розенберга, организуя молодёжные мероприятия в часы, когда проходят церковные церемонии?

Ширах: Я абсолютно отрицаю, что таким образом я работал против церкви. В 1933-34, я был в основном занят религиозными молодёжными организациями. Вчера я это здесь объяснял.

Додд: Я знаю. Вы просеивали их, и рано или поздно они все должны были присоединяться к вашей молодёжной организации. Но сейчас я говорю не об этом. Что я пытаюсь сказать - и думаю, вы должны согласиться – что на значительный период времени вы сделали действительно невозможным для молодых людей определенных религий присутствовать на своих церковных службах, потому что они совпадали с вашими молодёжными мероприятиями присутствие, на которых было принудительным.

Ширах: Нет, это неправильно.

Додд: Вы говорите, нет? Разве католические епископы публично не возражали такого рода вещам, и вы об этом не знали, как знал я?

Ширах: Я не могу этого вспомнить.

Додд: Вы вспоминаете каких-либо католических священнослужителей возражавших факту, что вы планировали свои молодёжные мероприятия на утро воскресенья, когда их священнослужители проводили службы?

Ширах: С течением времени, как я вчера объяснял, многие священнослужители также обращались ко мне лично или публично жаловались, что молодёжной службой и принятой ею формой им затруднено их духовное пастырство и вот почему я урегулировал вопросы в такой форме как показано в документе представленном моим защитником суду вчера.

Додд: Что же, я не думаю, что это, по сути, ответ; и вероятно я могу помочь вам вспомнить то, что ваша организация особо предусматривала, чтобы эти молодые люди, которые принадлежали к церкви, не могли идти в форме, что было очень полезной вещью, не так ли, потому что они не могли, выходя из церкви вообще присутствовать на молодёжных собраниях, если бы они пошли домой переодеваться.

Ширах: Но во многих приходах церковные власти запрещали молодым людям в форме заходить в церковь.

Додд: Что же, я не собираюсь спорить с вами об этом. Ваш ответ в том, что вы не помните какой-нибудь частой и сильной критики и возражений от церковных людей в частности о воскресной утренней программе. Вы так хотите это оставить?

Ширах: Разумеется, я не это имел в виду. Были периоды сильного трения, периоды жарких споров, также как и в целом был бурный период в молодёжной организации. Позднее, все эти вещи были удовлетворительно разрешены и пришли в порядок.

Додд: Итак, я понял, вы также говорили, что, во всём том, что вы могли делать с молодыми людьми в Германии в течение лет, когда вы их контролировали, вы точно не готовили их в каком-нибудь смысле по-военному, в любом смысле, обычно придаваемом военными, это так?

Ширах: Это верно.

Додд: Что же, теперь давайте посмотрим. Как звали вашего личного эксперта по прессе, или консультанта, если вы предпочитаете такой термин?

Ширах: Экспертом по прессе, который со мной долго работал, был господин Кауфман[421].

Додд: И вы фактически спрашивали его, у вас есть его опросный лист, не так ли, который должен быть предъявлен. Я полагаю, что вам об этом известно?

Ширах: Я, знаю, что мой защитник ходатайствовал об этом, но мне неизвестно какие ответы дал Кауфман.

Додд: Что же, вам известны вопросы, которые ему задали, не так ли?

Ширах: Я их не помню.

Додд: Что же, вероятно я напомню вам один или два, чтобы вы вспомнили. Вы спросили его, был ли он вашим личным консультантом по прессе. И вы спросили его, является ли правдой, что вы лично давали ему указания о том, что вы хотели опубликовать в прессе, и в частности в молодёжной прессе. Вы помните, эти вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Додд: Но вы не знаете ответы; не так ли?

[*Ответа не последовало*]

Додд: Что же, вам известно, что в сентябре 1942 он разместил официальную публикацию СС о молодых людях и молодёжи Германии?

Ширах: Я не могу вспомнить статью.

Додд: Что же, я думаю, что вам лучше на неё посмотреть. Это документ PS-3930. Господин председатель, он стал USA-853.

Итак, этот документ, который я показываю вам, это телеграмма, конечно, сообщение по телетайпу, «рейхсштатгальтеру Вены». Вы увидите вверху, что оно было вами получено 10 сентября 1942, и прилагало копию по предмету содержания этой статьи для редакции «Schwarzes Korps[422]». Если помните это журнал СС.

Итак, вы увидите, прочитав его, и в самой первой части оно заявляет, что высокопоставленный офицер, который вернулся из Севастополя в Берлин говорил, что подростки, которых можно было увидеть 4 года назад марширующими в шортах по немецким городам поющими «Да, флаг больше чем смерть» были девятнадцатилетними, которые брали город Севастополь.

Статья продолжает говорить, что парни выкладываются в бою, что они обещают петь и что национал-социалистическое движение выдвинуло молодое поколение, наполнив их верой и самоотрицанием, и тому подобное. И затем

[421] Карл Кауфман (1872 – 1951) – немецкий писатель, археолог с 1933 сотрудничал с «Гитлерюгендом».

[422] «Чёрный корпус» — официальный печатный орган СС. Издавался с 1935 по 1945.

остальное продолжает, по сути, говоря, что тогда были люди, которые возражали вашей программе потому, что вы пытались сделать этих подростков сильными.

Чёткое значение этого в том, что теперь вы просили себе признания, за кое-что сделанное в превращении их в хороших девятнадцатилетних бойцов, которые взяли Севастополь, не так ли? Вы просили себе признания, я скажу в этой статье за подготовку такого рода девятнадцатилетних ребят.

Ширах: У меня до сих пор не было сведений об этой статье.

Додд: Что же сделайте это сейчас. Разумеется, вы можете о ней поговорить.

Ширах: Это то, что я хотел сделать. Господин Кауфман тогда только, что вернулся с Восточного фронта и под впечатлением того, что он ощутил там он написал то, что появилось в этой статье, которую я не смогу зачитать полностью.

Додд: Что же она в действительности не очень длинная. Действительно я зачитал, то, что я думаю, является самыми важными частями касательно вас.

Ширах: То, что молодёжь готовилась военным образом мне кажется, не упоминается не в одной фразе во всей статье.

Додд: Я знаю. Я просто спросил, было ли это фактом, что вы требовали в этой статье признания за кое-какой значительный факт, что эти девятнадцатилетние ребята были такими хорошими бойцами в России. Это всё о чём я вас спрашиваю.

Ширах: Я уже говорил вам, что я хотел готовить молодёжь становиться хорошими гражданами, и что я хотел готовить их хорошими патриотами, которые позднее выполняли свой долг на поле боя.

Додд: Хорошо.

Ширах: И также должны были выполнять свой долг на поле боя.

Додд: Что же, тогда ваш ответ, да, вы требовали признания за тот факт, что они были хорошими бойцами. Итак, в этом вопросе нет уловки. Он просто предварительный, и я хочу понять, но я думаю, вы можете сказать «да». И случайно эта песня, «Флаг дороже, чем смерть» была песней, написанной вами, не так ли?

Ширах: «Песня о флаге», которую я построил на припеве «флаг дороже смерти». Это правда.

Додд: Вы еще в довоенные дни опубликовали целый ряд песен для молодежи в песеннике?

Ширах: Было издано много песенников для молодежи. Я не знаю их все.

Додд: Нет, я тоже, но я спрашиваю вас о том факт ли это, что вы публиковали песенники для молодых людей.

Ширах: Как культурная служба так и пресс-служба рейхсюгендфюрера публиковали такие книги. Конечно, я сам не просматривал каждую песню, но в целом мне кажется, что там появлялись только такие песни, которые пела молодёжь.

Додд: Хорошо. У нас имеются некоторые выдержки из одного такого песенника, и я хочу сослаться только на одну из них. Помните ли вы песню:

«Вперед, вперед[423]», которую вы написали сами, кстати; вы написали ещё одну. Вы помните эту песню?

Ширах: «Вперед, вперед» — это гимн молодежной организации.

Додд: Хорошо. Вы её написали?

Ширах: Да.

Додд: Эта песня, несомненно, содержит сильно возбуждающие призывы, предназначенные для молодежи, в которых говорится об их военном долге?

Ширах: Гимн молодёжной организации? Я этого не нахожу.

Додд: Слова, подобные таким, как: «Мы — будущие солдаты. Все, что против нас, падет от наших кулаков. Фюрер, мы принадлежим вам» и т. д. Вы помните это?

Ширах: Я не говорил: «Мы – будущее солдаты», как я сейчас услышал на английском, но здесь сказано, что — «Мы солдаты будущего».

Додд: Хорошо.

Ширах: «Солдаты будущего», «носители будущего».

Додд: Хорошо, но это ещё одна из ваших песен, не так ли?

Ширах: Это революционная песня датированная периодом борьбы, она не ссылается на войну между, скажем Германией и иными державами, но на борьбу, которую мы вели внутри страны с целью достичь нашей революции.

Додд: Хорошо, мы поняли. Вы помните песню: «Вы видите зарю на Востоке»? Вы помните эту песню?

Ширах: Это не моя песня.

Додд: Это одна из песен, которая была включена в сборник песен «Гитлерюгенд», не так ли?

Ширах: Это старая песня СА, которую пели в 1923—1924 гг.

Додд: Это возможно. Я вас спрашиваю только, действительно ли эта песня была включена в ваш официальный песенник молодежи?

Ширах: Да.

Додд: В этой песне вы всячески поносили евреев, не правда ли?

Ширах: Это мне неизвестно, я хотел бы посмотреть эту песню.

Додд: Помните ли вы вторую строфу: «В течение многих лет люди были порабощены и направлялись по ложному пути, предатели и евреи господствовали над ними»? Помните ли вы следующие слова в этой песне: «Люди, к оружию!»

Ширах: Да, но я не знаю точно, было ли это напечатано в песеннике для молодежи.

Додд: Я могу вас заверить, что эта песня напечатана в песеннике. Он имеется у нас, и если вы хотите, то можете посмотреть.

Ширах: Это очень известная песня СА, которую пела молодежь. Потому она и помещена в сборнике песен для молодежи.

Додд: Хорошо, это то, что я хотел понять. Меня не волнует, как она появилась.

[423] «Вперед, вперёд» - маршевая песня «Гитлерюгенда» и позднее гимн организации. Текст песни написан в 1933 Б.фон Ширахом на музыку О. Боргмана.

Подобную песню вы имели в своём песеннике для молодых людей.
Ширах: Я хочу сказать ещё одну вещь. Этот песенник, имеющийся здесь у меня, издан в 1933 году.
Додд: Да?
Ширах: Я не думаю, что об организации молодежи, созданной мною, можно судить лишь по 1933 году.
Додд: Я тоже этого не думаю, но мы нашли его в 1945 году.
Ширах: Позднее мы издали другие песенники с совершенно другими песнями.
Додд: Да, я собираюсь через минуту к ним перейти.

Этот песенник был PS-3763, USA-854. Он привлёк моё внимание в четвертой строфе, в последней строчке, говорится: «Германия, проснись! Смерть еврейству! Народ, к оружию!»
Ширах: Один момент, пожалуйста; где это?
Додд: В английском тексте, в четвёртой строфе. Я не знаю где она должна быть; это на странице 19, я скажу, немецкого текста. Вы нашли?
Ширах: Нет.
Додд: Что же, может быть в документе ошибка. В любом случае, мы найдем это для вас. Однако, вы помните песню, не так ли? Вы не отрицаете, что в ней сказано: «Смерть евреям», и тому подобное, в этой песни?
Ширах: Это ведь та песня, которая начинается словами: «Вы видите зарю на Востоке?».
Додд: Да, правильно.
Ширах: Да.
Додд: Это всё, что я хотел узнать.
Ширах: Эта песня не в этой книге.

[*Книгу передают подсудимому*]

Додд: У нас есть для вас несколько ваших песенников.
Ширах: Да, но между ними есть большая разница. Эта книга, которая не содержит песню, это официальное издание опубликованное рейхсюгендфюрером. Как я сказал, она не содержит песню. Однако, она появляется в песеннике опубликованном Тоннерсом, фирмой музыкальных издателей в Кёльне, под названием «Песни «Гитлерюгенда». Однако, эта книга, не является официальным сборником изданным рейхсюгендфюрером. Любая издательская фирма в Германии могла публиковать такие книги.
Додд: Хорошо, я приму это, но вы точно не хотите отрицать, что книга использовалась, не так ли? И это то, что мы пытались установить.
Ширах: Это мне неизвестно. Я не знаю, использовалась ли эта книга «Гитлерюгендом».

Додд: Вам известна та, которая содержится в опубликованной вами?

[*Ответа не последовало*]

Додд: Что же, в любом случае, я хочу указать вам на это. Я не призываю, и не пытаюсь предложить вам вопросами, что какая-либо одна из этих песен сама по себе готовила молодых людей в Германии к войне; скорее, то, что я пытаюсь показать это то, что в отличие от показаний данных вами вчера, вы делали нечто большее чем просто давали этим юношам и девушкам играть в игры.
Ширах: Мои вчерашние заявления точно не предполагали, что мы лишь давали им играться в игры. На каждую подобную песню приходится бесчисленное множество других.
Додд: Да, знаю, но это те, которые мы сейчас рассматриваем. Помните ли вы песню о «Знамени, обагренном кровью»? «Барабаны гремят по всей земле»?
Ширах: Всё это песни «Wandervogel» и молодёжной лиги[424]. Они являются песнями, которые пели во времена республики, песнями которые не имеют никакого отношения к нашему времени.
Додд: Минуточку.
Ширах: Они являлись песнями, которые не имели никакого отношения к нашему периоду.
Додд: Вы думаете, что любой, в дни республики, пел марши «Гитлерюгенда»?
Ширах: О какой это песни? Я её не знаю.
Додд: Именно этой, «Барабаны гремят по всей земле». Вы действительно не помните какие-либо их этих песен?
Ширах: Конечно, я знаю достаточное количество этих песен, но большая часть самых важных – целая группа – шли от старого «Zupfgeigenhansl[425]» движения «Wandervogel» и от молодёжной лиги. То, что СА пели эти песни само собой разумеется.
Додд: Да, я не сомневаюсь, что они пели, но откуда бы они не исходили, вы использовали их для этих молодых людей. И эту песню «Барабаны гремят по всей земле» вы написали сами, не так ли?
Ширах: «Барабаны гремят по всей земле», да, мне кажется, что я написал такую песню.
Додд: Хорошо; это точно не очень древний образец, не так ли?
Ширах: Она была задолго до захвата власти.
Додд: Итак, вероятно вы также помните, что по одному поводу фельдмаршал фон

[424] «Лига молодых немцев» - с 1924 Союз патриотической молодёжи. Немецкая молодёжная организация основанная в 1911. Занималась спортивной и допризывной подготовкой молодёжи. В 1933 вошла в состав Гитлерюгенда.
[424] «Собрание» - песенник движения «Перелётная птица» изданный впервые в 1904.

Бломберг написал статью для ежегодника «Гитлерюгенда». Вы это помните?
Ширах: Нет.
Додд: Что же, это было не очень давно. Это было в 1938. Я полагаю, в тот год вы по-любому читали ежегодник вашей организации?
Ширах: Это можно принять как данность, но я действительно не могу вспомнить, что написал фельдмаршал фон Бломберг.
Додд: Что же, хорошо. Я хочу, чтобы вы взглянули на этот документ; это PS-3755. Господин свидетель, я думаю это на странице 134 того текста, что есть у вас; и на страницах 148-150 вы найдёте статью, «Воспитание немецкой молодёжи для войны», или даже, в ней сказано «работа по воспитанию немецкой молодёжи для войны» доктора Штелльрехта[426]. И затем он продолжает приводить цитату. Вы это нашли? «Дух борьбы это высочайшее достоинство солдата». И тому подобное.

Вы нашли цитату Бломберга? Я это хочу знать.
Ширах: Да.
Додд: И затем статья Штелльрехта также содержащаяся там, после цитаты.
Ширах: Да.
Додд: Теперь, когда вы спуститесь на несколько строчек ниже, вы точно увидите такую фразу: «Следовательно, это неумолимое и непреклонное требование, которое фельдмаршал фон Бломберг предъявляет к молодым людям, марширующим в колоннах «Гитлерюгенда», и тому подобное.

В те дни в 1938 году вы, по крайней мере, думали о будущей военной службе для «Гитлерюгенда»; об этом также думал и фельдмаршал фон Бломберг? Именно этот вопрос я желал бы выяснить.
Ширах: В нашем государстве была обязательная военная подготовка.
Додд: Я знаю.
Ширах: Само собой разумеется, что мы как воспитатели заботились о физическом развитии молодежи для того, чтобы они могли быть хорошими солдатами.
Додд: Вы не делали чего-либо большего, чем это? Вы хотите, чтобы суд так это понял?
Ширах: Вчера я вам описывал, то что мы ещё делали при обучении стрельбе из винтовки, спорту на пересечённой местности и подготовке особых подразделений.
Додд: Господин председатель, это USA-856.

Да, я знаю, что вы говорили нам вчера, что, всё то, что могло быть, точно не было какого-либо рода военной подготовкой.

Этот человек Штелльрехт был связан с вами, не так ли?
Ширах: Доктор Штелльрехт имел «управление по физической подготовке» в «Гитлерюгенде» под руководством рейхсспортфюрера фон Чаммера-Остена[427]. Это

---

[426] Хельмут Штелльрехт (1898 – 1987) – немецкий национал-социалистический политик и пропагандист. С 1934 по 1939 работал в ведомстве рейхсюгендфюрера.
[427] Ганс фон Тшаммер-Остен (1887 – 1943) – немецкий спортивный чиновник. С 1933 по 1943 рейхсспортфюрер Германии.

управление было одним из 21 управлений рейхсюгендфюрера.

Додд: Он был связан с вами?

Ширах: Да.

Додд: И вы также использовали кое-что из него в качестве вашей защиты; это в вашей документальной книге. Вам известно, о чём это?

Ширах: Да, это заявление сделанное доктором Штелльрехтом, в котором он говорит о воспитании молодёжи для обороны и физической подготовки и говорит, что ни единого юношу в Германии не готовили с вооружениями.

Додд: Я это знаю, и поэтому хочу, чтобы вы посмотрели на другое заявление, сделанное им другого числа.

Господин председатель, это документ PS-1992, и мы предъявляем его как USA-439.

Вы помните, когда он произносил речь перед военными в январе 1937, в то время когда он был связан с вашей организацией «Гитлерюгенд»? Вам известна речь, на которую я ссылаюсь?

Ширах: Я не присутствовал по случаю речи и не считаю себя ответственным за какое-либо заявление, которое он мог в ней сделать.

Додд: Что же, это ваше заявление, но вероятно остальные чувствовали по-иному. В любом случае, я спрашиваю вас, вы были осведомлены или нет об этой речи, и скажите нам, знали ли вы о ней заранее? Вам известна речь о которой я говорю, не так ли?

Ширах: Я не могу вспомнить информирование о факте, что он говорил на курсах по национальной и политической подготовке для вооруженных сил; но меня могли о ней проинформировать. Речь, сама…

Додд: Что же, мне кажется, что вы очень настойчиво отрицали ответственность за неё до того как узнали, что он говорил.

Ширах: Я не хочу делать такое заявление. Между доктором Штелльрехтом и мной возникли споры насчёт некой тенденции, которую он демонстрировал в отношении оборонной подготовки, потому что я чувствовал, что он слишком на ней настаивал в своём ведомстве. Также возникали споры с остальными ведомствами рейхсюгендфюрера, которые окончательно привели к его увольнению из ведомства рейхсюгендфюрера.

Додд: Что же, в любом случае, он был в вашем штабе, когда он произносил эту речь и я желаю, чтобы теперь вы посмотрели на страницу – что же, у меня она на странице 3 английского, и на странице 169 текста имеющегося у вас; и она начинается в самом низу английской страницы. Абзац гласит:

> «Что касается чисто военного воспитания данная работа уже велась в годы сотрудничества и очень широко. Результатом изложен в написанной мной книге, регулирующей будущую работу в военном воспитании вплоть до мельчайших подробностей подготовки и

которая, при нашем взаимном согласии включат введение и предисловие рейхсминистра обороны и рейхсюгендфюрера».

И затем следующий абзац:

«Основная идея данной работы всегда представлять юноше то, что относится к конкретному этапу его развития» - и тому подобное».

И я хочу, чтобы вы теперь перешли к фразе, где сказано:

«По этой причине ни одному юноше не дают вооружение, просто потому, что это не служит полезной цели в его развитии. Но, с другой стороны, имеется смысл давать им малокалиберные винтовки для подготовки. Так как в военной подготовке существуют определённые задачи которые подходят только для взрослых мужчин, так есть и другие тренировочные задачи более подходящие юношам».

И затем, переходя дальше в английском тексте, следом за последним абзацем, страница 170 вашего текста, вы найдёте в предпоследнем абзаце то, что говорит доктор Штелльрехт:

«Данная картина цель всестороннего воспитания, которое начинается с подготовки юноши в играх и заканчивается его военной подготовкой».

И затем, снова переходя к пятой странице английского текста, и я думаю это на странице 171 вашего текста, предпоследний абзац, говоря о пешем походе, он говорит, что:

«…всё ещё имеет обширную задачу…потому что это единственный способ, благодаря которому юноша может познакомиться с отечеством, за которое ему однажды придётся сражаться».

Двигаясь по этой статье, наконец, я хочу обратить ваше внимание на страницу 6 английского текста и страницы 174 и 175 вашего текста. В последнем абзаце английского текста, вы найдете фразу, которая говорит:

«Таким образом, пик подготовки это подготовка с винтовкой. Вряд ли это можно недооценивать, потому что стрельба это вопрос практики, нельзя начать слишком рано. Результат которого мы хотим добиться с течением времени, чтобы винтовку чувствовали в руках немецкого юноши также естественно, как и ручку».

Теперь, переходя на следующую страницу, страница 7 английского текста и страница176 вашего текста. Ваш доктор Штелльрехт больше говорит о стрельбе поскольку она «соответствует желаниям юношей»; и затем он продолжает говорить:

«Вместе с общей подготовкой существует особая подготовка для новых пополнений воздушным силам, флоту и моторизованным войскам. Подготовительный курс для этого создан в сотрудничестве с компетентными ведомствами вооруженных сил…на как можно более широкой основе, и предоставляется местная кавалерийская

подготовка».

И я полагаю это на следующей странице вашего текста, но это предпоследний абзац английского текста – я хочу обратить ваше внимание на эту фразу – или две из последнего абзаца в английском тексте: «Военное воспитание и идеологическое воспитание проводят совместно». Английский текст говорит «философское», но я думаю, что эта ошибка в переводе и в действительности там «идеологическое». И вы видите фразу в следующем абзаце:

> «Воспитание молодёжи должно проводиться так, чтобы сведения и принципы на которых организованы государство, и вооруженные силы нашего времени и на которых они основываются, полностью проникли в умы отдельных людей для того, чтобы от них никогда не отрекались и чтобы они оставались руководящими принципами всю жизнь».

Господин свидетель, и последний абзац этой речи,– я желаю, чтобы вы посмотрели на него, потому что я думаю, вы вчера использовали термин «игровой», если я не ошибся, и по-любому доктор Штелльрехт, немного ранее в своей речи. Здесь то, что он сказал военным в тот день: «Господа, вы можете видеть, что задачи нынешнего молодёжного воспитания далеко выходят за рамки «игр».

Теперь, вы уверены, что не имели какого-либо рода программы по военной подготовке в вашей молодёжной организации?

Ширах: Я могу видеть, из этого документа, который мне нужно полностью прочитать для того, чтобы ответить правильно, что доктор Штелльрехт, скажем мягко, рассматривал себя очень важным. Значение доктора Штелльрехта для воспитания молодёжи и значение должности которую он занимал в руководстве молодёжью явно были не настолько велики как подразумевал этот подготовительный курс для военнослужащих вооружённых сил. Ранее я уже говорил о спорах возникавших между доктором Штелльрехтом и мной на счёт его преувеличений и в особенности степени в которой он переоценивал ценность стрелковой подготовки и то, что он называл «военной подготовкой», и что эти разногласия во мнениях наконец привели к его увольнению и уходу со службы у рейхсюгендфюрера. Он был одним из многих глав управлений, и значение его особой деятельности не было настолько большой как он представил это в своём заявлении. Я думаю, я вчера объяснил, что перед молодёжным руководством стояло большое количество задач. Я также смог указать на приблизительную пропорцию допризывной подготовки или военной подготовки, как её называет господин Штелльрехт, в сравнении с остальными формами подготовки. Но этот документ также ясно заявляет, что тут не было намерения участия в военной подготовке, как я вчера говорил. Когда он говорит, что каждый немецкий юноша должен учиться обращаться с винтовкой также просто как с ручкой, это высказывание мнение, с которым я себя лично не могу отождествить.

Додд: Что же, конечно, у вас есть свой взгляд на это, но я думаю хорошо, что мы вывели на свет тот факт, что вы сами предложили трибуналу заявление Штелльрехта в своей собственной документальной книге. Вы конечно осведомлены об этом, не так ли? Вы, конечно, хотите, чтобы мы поняли, что Штелльрехт достоверен, когда вы цитируете из него, но не достоверен, когда мы цитируем из него, это так?

Ширах: Я вообще не имел этого в виду. Он специалист в баллистике и уличном спорте, конечно, он представлял свои задачи, что естественно для человеческой природы, как самые важные в молодёжной подготовке. Наверное, начальник другого ведомства должен был описывать культурную работу или занятия соревновательными дисциплинами, что могло быть, как самые важные аспекты молодёжной подготовки. В любом случае, решающими заявлениями для воспитания немецкой молодёжи были не замечания Штелльрехта сделанные во время курсов для офицеров, а мои собственные замечания для молодёжных руководителей.

Додд: Я лишь хочу напомнить вам, что через год после произнесения этой речи, вы написали предисловие к его книге, не так ли?

Ширах: Мне кажется, это предисловие было написано для книги «Гитлерюгенд на службе».

Додд: Я скажу, что это было через год после написания этой речи, которая была представлена и опубликована в Германии. Он не только произнёс речь, но также оформил её в форме брошюры, не так ли?

Ширах: Я не могу точно вспомнить.

Додд: Что же, я могу сказать вам, если вы посмотрите на переданный вам документ. Я думаю, вы поймете. Что же, в любом случае, мы перейдем вместе. Вчера вы сказали трибуналу, что заявление от 21 февраля 1938 в «Volkischer Beobachter», приписываемое Гитлеру, некая загадка для вас; вы не знали откуда он взял свои цифры. Господин свидетель вы поняли, что я сказал?

Ширах: Да.

Додд: И вам известно, на что я сослался в ваших вчерашних показаниях, на цитату Гитлера из «Volkischer Beobachter»?

Ширах: Да.

Додд: Что не так в этих цифрах?

Ширах: Я думаю, что эти цифры являются преувеличенными и я думаю, что в тексте, который является переведённым текстом у меня есть ошибки. Наверное, он получил эти цифры от ведомства доктора Штелльрехта, или как то так. Я представляю, что заявления относительно вооруженных сил тут, наверное, добавлены им самим; вывод, что несколько тысяч или десятки тысяч сдали на водительские права на самом деле неправильный, также как неправильно сделать вывод из факта, что несколько десятков тысячь парней получивших водительские удостоверения означает то, что их готовили как танковые войска.

Додд: Что же, понимаете, мы так не говорили. Поймите, что это был ваш фюрер, который говорил так в феврале 1938, и то о чём я спросил заключалось в том, что я вероятно желаю, чтобы мы прошли это и вы смогли рассказать трибуналу о том в чём и в какой степени ошибка. В феврале 1938 года Гитлер, как об этом сообщалось в прессе, сказал, что 45 тысяч юношей это ваш военно-морской Гитлерюгенд. Считаете ли вы эту цифру слишком большой и вовсе неправильной?

Ширах: Нет, она правильная.

Додд: Правильная?

Ширах: Это правильно.

Додд: Далее он сказал, что в моторизованном Гитлерюгенде насчитывалось 60 тысяч юношей. Что вы можете сказать об этой цифре?

Ширах: Она правильная.

Додд: И далее он сказал, что в качестве кампании поощрения авиации 55 тысяч членов «Юнгфольк» обучались группами планеризму. Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: Планеризм и моделирование самолётов в молодёжной организации с – можно мне снова привести цифру – 50 000 молодых лётчиков?

Додд: 55 000.

Ширах: 55 тысяч, да, это правильно.

Додд: Это правильно. Затем он говорит: «74 тысячи членов «Гитлерюгенда» организованы в авиационные соединения». Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: Вы сказали «лётные части»; они являлись «ависоединениями» групп лётчиков «Гитлерюгенда», которые – как я снова должен подчеркнуть – занимались только планеризмом и строительством самолётных моделей. Такое большое число могло тогда быть.

Додд: Правильна ли эта цифра — 74 тысячи?

Ширах: Возможно.

Додд: Наконец, он говорит: «Только в одном 1937 году 15 тысяч юношей сдали испытания по управлению планерами». Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: Она, очевидно, также правильная.

Додд: Таким образом, у вас не было с Гитлером никаких расхождений по поводу этих цифр?

Ширах: Нет.

Додд: И, наконец, он говорит: «Сегодня 1,2 миллиона юношей из организации «Гитлерюгенд» под руководством 7 тысяч инструкторов прошли регулярный курс обучения по стрельбе из малокалиберной винтовки». Имеется ли ошибка в этой цифре, и в чем она заключается?

Ширах: Возможно, она правильная – конечно, у меня нет документального подтверждения, что у нас было 7 000 молодых людей, которые проводили подготовку по стрельбам малокалиберной винтовкой. Я вчера обсуждал эти

малокалиберные стрельбы. Хорошо известно, что мы это осуществляли.
Додд: На самом деле вы не оспариваете никакие из этих цифр. Тогда, по вашим лучшим сведениям это правда, не так ли?
Ширах: Моё возражение касалось замечания, которое я помню в связи с речью, упоминавшей танковые силы.
Додд: Что же, у нас такого нет, но если у вас есть, мы с радостью посмотрим на это. Но это речь «Volkischer Beobachter» предъявленная обвинением, тогда когда представляли дело против вас, там нет ничего про танки.
Ширах: Мне кажется причина в том, что перевод документа с английского на немецкий неправильный.
Додд: Что же, в любом случае, мы согласны в том, что Гитлер был, не очень далёк в своих цифрах, когда он произносил речь?
Ширах: Нет, я думаю цифры, которые вы только что привели правильные.
Додд: Хорошо. Далее, в ежегоднике «Гитлерюгенда» за 1939 год Штелльрехт, ваш сотрудник, занимавшийся вопросами подготовки, употребил то же самое выражение. Вы помните это? «Обращение с винтовкой должно быть так же естественно, как для каждого обращение с ручкой».
Ширах: 1939?
Додд: Да, сэр.
Ширах: Можно назвать месяц?
Додд: Что же, это в ежегоднике «Гитлерюгенда» за 1939 год, на странице 227. Если вы хотите посмотреть на это, я с радостью вам покажу.
Ширах: Нет, спасибо. Мне не нужно на него смотреть. Если он уже раньше сказал так, то очень возможно, что он повторит это.
Додд: Да. Поймите, значение этого для нас в том, что это спустя 2 года после произнесения им этой речи, 1 год спустя после написания вами предисловия к его книге, и я полагаю спустя некоторое время, после того как вы поняли, что он – как вы сказали – ненадёжный?
Ширах: Нет, я этого не говорил. Напротив, он был надёжным человёком, но между нами возникли разногласия во мнениях, потому что я не соглашался с ним по вопросу преувеличенной допризывной подготовки.
Додд: Что же…
Ширах: Я считал стрелковую подготовку как составляющую только часть нашей подготовки, и не самую существенную часть, а он уделял этому слишком много внимания.
Додд: Хорошо. Но вы позволяете ему писать в ежегоднике и спустя 2 года после произнесения им речи, он сделал такое же заявление для чтения молодыми людьми, о том, что они должны обращаться с винтовкой также как с ручкой. Вы заявили какие-нибудь возражения, когда книга вышла в печать? Я полагаю, вы должны были…

Ширах: Я не видел книги до её опубликования…

Додд: Вы заранее не читали её?

Ширах: …и в частности у меня не было никаких возражений .

Додд: Вы возражали, когда вы читали в этой самой книге и на той же самой странице тому, что Вермахт подарил вашему «Гитлерюгенду» в 1937, 10 000 малокалиберных винтовок?

Ширах: Нет, я был очень рад получить этот подарок от вооруженных сил. Так как в любом случае мы проводили малокалиберные стрельбы. Я был благодарен за каждую винтовку, полученную нами, потому что у нас было всегда меньше того, чем требовалось для подготовительных задач.

Додд: И вы были разочарованы, когда вы также прочитали в том же самом ежегоднике, что не было нехватки в тирах:

> «С начала организованной стрелковой подготовки осенью 1936, 10000 стрелковых инструкторов получили разрешение на стрельбу в выходные дни и на особых курсах, и эти цифры увеличиваются на несколько тысяч каждый год».

Вы помните это в вашем ежегоднике за 1939?

Ширах: Я это не помню, но я думаю, что, наверное вы представили правильные факты; я не буду это оспаривать. Швейцария предоставляет своим молодым людям гораздо более интенсивную стрелковую подготовку, чем делали мы и так делали многие другие страны.

Додд: Да, я знаю.

Ширах: Я не отрицаю, что наших молодых людей готовили к стрельбе.

Додд: Я надеюсь, что вы не сравниваете себя со Швейцарией.

Ширах: Нет.

Додд: Господин председатель это документ PS-3769; он станет USA-857.

Далее, мы слышали о том соглашении, которое вы и подсудимый Кейтель заключили в 1939 году, незадолго до того, как началась война с Польшей. Это было в августе 1939 года.

Господин председатель, это уже в качестве доказательства, как USA-677.

Это было 8 августа, не так ли – или 11-е; извиняюсь.

Ширах: Я не помню точно. То, что это соглашение не имеет никакого отношения к войне и не может иметь, показывает тот факт, что оно было заключено в августе 1939 года.

Додд: Вы говорите, что это соглашение не имело никакого отношения к войне, хотя оно и было заключено за три недели до нападения на Польшу?

Ширах: Если бы это соглашение имело какое-либо значение для войны, то его следовало бы заключить значительно раньше. Уже тот факт, что оно было заключено лишь в августе, показывает, что мы не думали о войне. Если бы мы были заинтересованы в том, чтобы подготовить молодежь к войне, то мы заключили бы

его уже в 1936—1937 гг.

Додд: Во всяком случае, согласитесь ли вы с тем, что это соглашение, заключенное между вами и Кейтелем, несомненно, имело отношение к обучению молодежи стрелковому делу и к армии?

Ширах: Это соглашение, насколько я помню, относилось к обучению на пересеченной местности.

Додд: Хорошо, в таком случае я лучше покажу вам этот документ и зачитаю из него отдельные выдержки, если вы не помните, что это соглашение имело определенное отношение к вопросу об обучении молодежи стрелковому делу.

Ширах: Я думаю, что там сказано, что обучение на пересеченной местности должно в будущем достигнуть такого же объема в обучении молодежи, как и стрелковый спорт. Я не знаю, правильно ли я передаю содержание по памяти.

Додд: Я сейчас кратко изложу вам то, о чем там говорится. Там говорится, что вы уже имели 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи, проходивших ежегодное обучение в условиях полевой обстановки. Вся фраза в целом гласит следующее:

> «В школах для руководителей гитлеровской молодежи, в особенности в двух рейхсшколах, где проводилось обучение стрелковому делу и спортивная подготовка в условиях полевой обстановки, а также и в районных школах для руководящего состава, 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи ежегодно проходят полевые учения…».

и что это соглашение дает вам возможность приблизительно удвоить это число.

Ширах: Да.

Додд: И далее говорится о том, как вы должны расквартировать этих людей и т. д.

Ширах: Да.

Додд: Итак, это имеет какое-то отношение к вашей программе обучения стрелковому делу, не так ли?

Ширах: Я объяснял, что ранее я даже видел это.

Додд: Что же, тогда я вас неправильно понял. Я думал, что вы сказали, что это не имело…

Ширах: Нет, нет, я это объяснял. Я сказал, что обучение молодежи на пересеченной местности должно занять такое же место в программе, как и обучение стрельбе. Однако и здесь речь идет не о подготовке руководителей молодежи на офицерские посты, а об обучении на местности руководителей молодежи, которые, после короткого обучения на курсах – мне кажется, они длились 3 недели, возвращались в свои отряды. Молодой человек от 16 не мог готовиться в военных рамках в тот период времени, и это не являлось задачей соглашения.

Додд: Конечно, вы не хотите сейчас нас уверить в том, что вы и Кейтель заключили в августе 1939 года соглашение о проведении спортивного бега по пересеченной

местности, не так ли? Вы серьезно говорите это?

Ширах: Я совершенно серьезно сейчас утверждаю, что в то время я ничего не знал о войне, о будущей войне. Я вчера говорил…

Додд: Что же, но вы…

Ширах: И мне тоже не кажется, что фельдмаршал Кейтель подготовил это соглашение, я думаю, что один из его помощников разработал его вместе с доктором Штелльрехтом. Если бы у него было какое-нибудь значение для войны, об этом бы точно не объявили в августе в официальной публикации.

Додд: Что же, теперь, послушайте. Взгляните на первый абзац, в котором говорится о цели этого соглашения и вероятно мы сможем положить конец этой дискуссии.

> «Между верховным командованием вооруженными силами и рейхсюгендфюрером было заключено соглашение, явившееся результатом тесного сотрудничества между начальником высшего командования Вермахта генералом Кейтелем и рейхсюгендфюрером фон Ширахом: это соглашение предусматривает сотрудничество с вооруженными силами в военном воспитании «Гитлерюгенда».

Как вы видите, здесь ничего не говорится о проведении кросса или других занятиях спортом, не так ли?

Ширах: Я хотел бы разъяснить кое-что: то, что вы сейчас цитируете, не относится к тексту соглашения, а является комментарием редактора этого сборника «Das Archiv».

Додд: Я не собираюсь дальше читать, но я предоставляю трибуналу право решать, имеет ли это отношение только к спорту или это связано с военным обучением молодежи.

Председатель: Я думаю сейчас подходящее время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что отсутствует подсудимый Рёдер.

Додд: Господин свидетель, вы согласны с тем, что время от времени члены «Гитлерюгенда» пели песни и также вели себя в манере явно враждебной организованным религиозным учреждениям?

Ширах: Я не намерен отрицать, что отдельные члены вели себя таким образом в начальные годы национал-социалистического государства, но я хочу добавить короткое пояснение.

В ранние годы я принял в своё движение миллионы молодых людей из марксистских организаций и атеистического движения, и т. д.; и конечно, невозможно было за промежуток времени 2 или 3, или 4 лет полностью дисциплинировать всех их. Но я думаю, что могу сказать, после определенной даты, скажем 1936, такого рода вещи больше не происходили.

Додд: Что же, я думал, вероятно мы всё равно можем сказать, что в 1935 подобная вещь происходила и вероятно сэкономим какое-то время? Вы с этим согласны? Они пели песни, такие как, «Папа и раввин должны уступить, мы хотим неверующими быть» и подобные вещи. Вы с этим знакомы? Вам известно, что подобная вещь привлекла внимание министра юстиции из органов прокуратуры в Бадене.
Ширах: Нет.
Додд: Вам известно, что они пели песню, опубликованную в песеннике «Blut und Ehre[428]» в песне поётся: «Мы хотим убить попа, пронзив копьём; красного петуха поселив на крыше монастыря[429]». Вам известна эта старая песня?
Ширах: Эта песня датируется Тридцатилетней войной[430] и пелась молодёжным движением многие, многие годы, даже до Первой мировой войны.
Додд: Я знаю, вы это мне уже говорили. Я пытаюсь сократить это. Вы согласны, что ваши люди пели её в 1933, 1934 и 1935, в такой степени, что когда священнослужители возражали, они оказывались под критикой прокуратуры? Это было настолько важно.
Ширах: Я знаю, как я уже сказал, что эта песня датирована Тридцатилетней войной. Её иногда пела молодёжь в 1933-1934. Я пытался отменить эту песню, но я не могу привести какой-нибудь информации об особых жалобах, которые подавали на неё.
Додд: Я не думаю, что мы выяснили, что эти песни были включены в книгу которую вы опубликовали в «Гитлерюгенде», чтобы петь в те дни. Вы с эти согласны?
Ширах: Я думаю это возможно, так как многие годы эта песня включалась в каждый сборник. Эта песня впервые появилась в песенниках движения «Wandervogel» в 1898.
Додд: На самом деле меня не очень интересует история. Всё, что я пытаюсь установить это то, что в вашем песеннике для молодых людей присутствовала эта песня, что её пели, и что когда христиане жаловались, их преследовала прокуратура.
Ширах: Я должен оспорить последний пункт.
Додд: Что же, мне нужно предъявить этот документ.

Это номер PS-3751. Это выдержки из журнала прокуратуры, журнала министра юстиции. И это станет USA-858.

Итак, самая первая запись, которая вам показали, это запись из журнала министра юстиции о католическом викарии[431] Пауле Вазмере[432] касательно

[428] «Кровь и честь» (нем.) – официальный девиз «Гитлерюгенда»
[429] Wir sind des Geyers schwarzer Haufen (с нем. — «Мы — чёрный отряд Гайера») — немецкая песня об участнике Крестьянской войны в Германии Флориане Гайере и его подчинённых, известных как «Чёрный отряд». Создана спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны и обрела популярность в народе, позднее была политизирована.
[430] Тридцатилетняя война — военный конфликт за гегемонию в Священной Римской империи и Европе, продолжавшийся с 1618 по 1648 год и затронувший в той или иной степени практически все европейские страны. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками империи, но затем переросла в борьбу против доминирования Габсбургов в Европе.
[431] Викарий — в исторических церквях епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении епархиальному епископу.
[432] Пауль Вазмер (1901 – 1988) – немецкий священник. При нацистском режиме провел 62 месяца в тюрьме и

уголовного разбирательства в отношении него, вопрос о том должен ли быть предложен Розенбергом уголовный приговор из-за клеветы. Викарий в своей проповеди процитировал песню певшуюся молодыми людьми. Я только, что цитировал несколько строк о ««Папа и раввин должны уступить, вместе с евреями» и тому подобное. Министр юстиции в своём журнале продолжает говорить, что этот католический викарий также цитировал из «небольшого песенника опубликованного Бальдуром фон Ширахом» стихи со следующим текстом:

«Бог на небесах нам конечно сказал
Чтоб священника его с радостью мы поразили».

И тому подобное:

«Прочь с твоим копьём, шагаем вперёд».

И далее он цитирует то, что вы говорили: «Путь немецкой молодёжи Розенберг». Итак, это то, из-за чего он попал в трудности, и всё о чём я вас спрашиваю – и всё о чём спрашивал – вы не хотите признать, что люди которые критиковали использование подобной вещи молодыми людьми под вашим руководством, возможно, подлежали, и во многих случаях фактически обвинялись? Поймите, вчера вы сказали трибуналу, что вы никогда прямо не вмешивались в дела церкви, католической или протестантской.

Ширах: Процитированная песня, у которой припев «Kyrieleis», что само по себе показывает, что является очень старой песней…

Додд: Могу я прервать вас…

Ширах: … может быть, включённой в песенник «Blut und Ehre». Я, конечно, не осведомлён, что священника обвинили за критику. Это нечто новое, о чём я узнал впервые.

Додд: Хорошо. Посмотрите на страницу 192 того же самого журнала, и вы увидите где архиепископ Падерборна[433] сообщал об инциденте от 12 мая. В этом случае он просил, чтобы было сделано, что-нибудь, чтобы остановить подобную вещь, и есть довольно отвратительная небольшая песенка о монахе и монашке, и тому подобном, которую пели молодые люди; и затем продолжается рассказ о том, что случилось с архиепископом, когда он вышел на площадь и что делал «Гитлерюгенд», какими именами его называл, он говорит, что в тот день семь руководителей «Гитлерюгенда» присутствовали в городе и они были в гражданской одежде. Вы хотите сказать, что никогда не слышали о таких вещах?

Ширах: Я знаю об инциденте. Я вызывал компетентного руководителя района по имени Ланганке[434] в связи с этим. У меня было много проблем в связи с

концентрационном лагере Дахау.

[433] Архиепархия Падерборна — архиепархия Римско-Католической церкви с центром в городе Падерборн, Германия. В митрополию Падерборна входят епархии Эрфурта, Фульды, Магдебурга . Кафедральным собором архиепархии Падерборна является Собор святого Либория.

[434] Густав-Адольф Ланганке (1912 – 1941) – активист нацистского молодёжного движения. В 1934-1941 гебитсфюрер молодёжи округа Вестфалия. Погиб в воздушном бою.

инцидентом. Поэтому, я попрошу своего защитника спросить свидетеля Лаутербахера, который занимал должность штабфюрера и знаком с подробностями. Некоторые строчки песни процитированной вами сейчас, вызваны сильно ожесточёнными чувствами среди населения в то время – какие-то из этих строчек цитировали здесь – насчёт вымогательства зарубежной валюты некоторыми священниками. Вот почему пели эту сатирическую песню.

Я бы хотел сказать в заключение, что я полностью и очевидно не одобрял отношение этих молодёжных руководителей. Всё дело в том, как я уже сказал, один из тех инцидентов которые уходят в годы, когда мне пришлось принять в свою организацию много молодёжи из других организаций и с совершенно другой интеллектуальной подготовкой.

Додд: Хорошо, переверните на страницу 228 этого журнала, и вы увидите где капеллан Генрих Мюллер и городской священник Франц Рюммер были под подозрением, потому что сказали в кругу католического духовенства, что «Гитлерюгенд» пел определённую песню на партийном съезде в 1934:

«Удалому «Гитлерюгенду»
Вера не нужна
Адольф Гитлер фюрер наш
И опора наша
Не нарушит эти узы стародавний грешный поп
Дети Гитлера теперь мы раз и навсегда»

Подождите пока я не закончу.

Ширах: Я не нашёл место.

Додд: Это страница 228, a и b, извиняюсь. Может быть, вы всё же вспомните песню, если я вам прочитаю. Вы помните строки, в которых сказано: «За Хорстом Весселем[435] пойдем вместо Христа»?

Ширах: Я впервые вижу эту песню. Я не знаю эту песню.

Додд: Хорошо, я не собираюсь её зачитывать. Вы заметили, что в журнале есть запись, в последнем абзаце которой сказано:

> «Главный военный прокурор заметил, что нет никакого сомнения в том, что спорную песню пели или распространяли в кругах «Гитлерюгенда», он думает, что заявление о том, что эту песню пели на партийном съезде, то есть, в некоторой степени на глазах и с согласия высших партийных чиновников, нельзя отрицать».

Ширах: Третья строфа гласит:

«Я не христианин ни католик
Но чтобы не случилось, пойду за СА».

Мы поняли, что это не молодёжная песня. Если молодые люди пели эту

---

[435] Хорст Вессель (1907 — 1930) — нацистский активист, штурмфюрер СА, поэт, автор текста «Песни Хорста Весселя».

песню, я очень сильно об этом сожалею. Эту песню точно не пели на фестивале молодёжи на партийном съезде в 1934, как сказано здесь.

Додд: Хорошо.

Ширах: Я сам читал все программы молодёжных мероприятий на партийном съезде.

Мне эта песня неизвестна, я никогда её не слышал, и я не знаю текста.

Додд: Вы заметите, что в последней строке сказано: «Бальдур фон Ширах возьми меня тоже!»

Единственное что разумеется удивительно для обвинения это слышать то, что вы как руководитель молодёжи говорите, что вы не знали, что разумеется в те годы были большие сложности между священнослужителями всех церквей Германии и молодёжной организацией в Германии.

Ширах: То, в чём я хочу внести ясность трибуналу это, что в молодёжном движении был период бурь и потрясений, период развития, и что об организации нельзя судить по действиям нескольких отдельных лиц или групп в тот же самый год, когда они стали членами организации. О результатах воспитательной работы нельзя судить до истечения какого-то времени. Возможно, что группа молодёжи, которая вступила в наши ряды из атеистического движения в 1934, сочиняла и пела такие песни. В 1936 они бы так, разумеется, не делали.

Додд: Что же, давайте посмотрим на то, что вы делали в 1937. Вам известна публикация «Радость, дисциплина, вера»? Вам известна эта методичка по культурной работе в ваших молодёжных лагерях?

Ширах: Пожалуйста, я хочу на неё посмотреть.

Додд: Я покажу её вам, но прежде всего сначала я хочу спросить вас: вам известна публикация? Вам известно, то о чем я говорю и на что ссылаюсь?

Ширах: Я не знаю все наши публикации. У нас было такое огромное количество публикаций, что пока я не увижу своими глазами я не смогу высказаться.

Додд: Хорошо, я приму ваш ответ, что вам она неизвестна не глядя на неё. Что вам её покажем. Эта, помимо прочего, имеет программу на неделю в одном из ваших лагерей, предлагаемую серию программ. И снова я задаю вам вопрос и может мы сможем это сократить.

Разве не факт, что в ваших лагерях вы пытались сделать Гитлера и бога более чем партнёрами и в частности пытались направить религиозное отношение молодых людей к вере в то, что Гитлер послан на землю богом, и он божественно назначен в Германии?

Что же, прежде всего, ответьте, и затем мы сможем посмотреть на программу.

Ширах: Нет. Я никогда не сравнивал Гитлера и бога, и я считаю это богохульством и всегда считал такое сравнение богохульством.

Это правда, что в течение долгого периода лет, которые я верил Гитлеру, я

видел в нём человека ниспосланного богом, чтобы повести людей. Это правда. Мне кажется любого великого человека в истории – и в прошлом я считал таким Гитлера– можно считать посланцем бога.

Додд: Это документ PS-2446, USA-859.

Я не собираюсь проходить его с вами полностью, но я хочу обратить ваше внимание на некоторые особые места.

Прежде всего, на странице 64 имеются имена людей предлагавшиеся в качестве девизов, я полагаю, я полагаю вы бы скажете, на день. Все они политические или военные герои Германии, как я ожидаю, не так ли?

Ширах: Арминий[436], Гейзерих[437], Брауншвейг…

Додд: Вам не нужно их всех зачитывать. Если нет, скажите «нет», если да, скажите «да». Я просто спросил вас, были ли все они военными или политическими героями Германии.

Ширах: Я не знаю можно ли охарактеризовать принца Луи Фердинанда Прусского[438] просто как героя войны. Он был настолько же художник насколько и офицер.

Додд: Хорошо. Я перехожу с этого и принимаю ваш ответ, что они не являлись.

Давайте перейдем к утреннему воскресному празднику на странице 70 вашего текста, ближе к концу. В частности я хотел обратить ваше внимание на это в виду того, что вы ранее этим вечером говорили о Розенберге:

> «Если нет никого кто может произнести короткое обращение – было бы неплохо и привлекут внимание – отрывки из «Mein Kampf» или из речей фюрера или работ Розенберга».

Вы нашли?

Ширах: Да, нашёл.

Додд: Что же, вы всё ещё говорите, что Розенберг и его работы не имели никакого отношения к «Гитлерюгенду» Вы предлагали, что, для воскресного утреннего чтения, они могли послушать эти благотворные философские работы, не так ли?

Ширах: Ничего не доказывает тот факт, что такая ссылка сделана в одной из многочисленных методичек по культурной работе какому-то штату воспитателей, кто присутствовал на этих двухгодичных дискуссиях о Розенберге которые я уже упоминал. Думаю вам придётся долго искать прежде чем вы найдете именно такой отрывок в одной из многих молодёжных книг.

Додд: Позвольте мне кое-что об этом спросить. Вы здесь находите одну строчку для утреннего воскресного праздника про священнослужителя, капеллана, священном

---

[436] Арминий (16 год до н. э. — ок. 21 года) — вождь германского племени херусков, нанёсший римлянам в 9 году одно из наиболее серьёзных поражений в Тевтобургском Лесу.

[437] Гейзерих (около 389—24 или 25 января 477) — король вандалов в 428—477 годах, создатель государства вандалов и аланов в северной Африке. В его правление вандалами и аланами был разграблен Рим в 455 году.

[438] Фридрих Людвиг Христиан Прусский (1772 — 1806) — прусский принц, композитор и командир эпохи Наполеоновских войн, генерал-лейтенант (21 мая 1799).

писании, или что-то относящееся к религиозным учреждениям и скажите трибуналу где это.

Ширах: Здесь точно нет ничего такого.

Додд: Это ваша утренняя воскресная программа?

Ширах: «Гитлерюгенд» был государственной молодёжной организацией, и моя цель заключалась в том, чтобы разделять религиозное и государственное воспитание. Молодой человек, который хотел идти в церковь мог пойти туда после утреннего праздника – это была функция лагеря – или до неё, согласно тому хотел ли он присутствовать на мессе или на протестантской службе; и по этим воскресеньям, на которых он был в лагере – весь лагерь длился 3 недели на природе – он был полностью волен посещать церковь дома со своими родителями или остальными друзьями.

Додд: Хорошо.

Председатель: Господин Додд, я думаю справедливо сказать, что сразу после слов «страница 71» там есть три строки, о которых можно сказать как имеющих отношение к религии.

Додд: Да, я намерен их процитировать. Это оставалось на потом. Я буду рад сделать это сейчас если ваша честь предпочитает это.

Председатель: Нет.

Додд: Я хочу обратить ваше внимание на историческую басню, которую предлагали молодёжи в данном лагере, на странице 89 вашего текста или 90, и на странице 6 английского текста.

Итак, я не собираюсь читать всю басню, но я думаю, что вы согласитесь с тем, что она мягко скажем смешная, для евреев, других политических партий в Германии. Она ссылается на «Исидор, Исидор», во вступительных строках, и продолжает: «Жалок бедный Михаэль как прислужник евреев». В другой строчке: «Банде и еврею дал он пинок».

И затем ваши партийные молодёжные руководители предлагают, чтобы теперь должен был быть – что же это –театр теней:

> «Нос Исидора должен быть преувеличен, немец Михаэль должен быть представлен обычным образом; коммунист как буря на баррикадах; социал-демократ с воздушным шариком; человек Партии центра[439] с иезуитским капюшоном и реакционер с цилиндром и моноклем».

Кстати вы когда-нибудь видели один из таких спектаклей?

Ширах: Я не могу найти текст, который вы только, что процитировали на странице 89.

Додд: Я, наверное, дал вам неправильную страницу. Мне сейчас сказали, что это на

---

[439] Партия Центра, Партия католического Центра — политическая партия в Германии, одна из самых влиятельных в период Германской империи и Веймарской республики. Выражала интересы католической части населения страны. Основана в 1870. Самораспустилась в 1933.

154 странице вашего текста – даже, 155.

Ширах: Да.

Додд: Что же, я просто хочу знать об этой предложенной части программы для этих ваших молодых людей.

Ширах: Я бы хотел кое-что сказать, в целом о вопросе касательно этой книги. Я написал предисловие, и я принимаю ответственность за её содержание. Заранее я не читал книгу во всех подробностях, и я не желаю оспаривать факт, что в лагерях формировался лагерный цирк, как он назывался, в котором политические карикатуры представляли в форме театра теней.

Додд: Вам известно, что один из ваших подростков написал Штрайхеру письмо рассказывающее, что он видел на подобном спектакле. Вам об этом известно? Я покажу вам письмо немного позже, лишь для того, чтобы продемонстрировать, что это имело место, и что ваш молодой человек написал об этом Штрайхеру.

И на последней странице английского текста, на воскресенье, 19 июля – я думаю это страница 179 вашего текста – девиз дня это «Наше служение Германии богоугодная служба». И это было вашим лозунгом использованным в остальные воскресенья, и как отметил трибунал, на странице 70 вашего текста сказано:

> «…что данная воскресная утренняя церемония не нацелена на представление споров или конфликтов с религиозной точки зрения, но наполняет жизнь и людей отвагой и силой выполнять свои великие и малые задачи при помощи неопровержимой веры в божественную силу и идеологию фюрера и его движения».

Итак, нигде и никогда вы не ссылались на бога, также упоминая Гитлера или руководителей партии?

Ширах: Будьте любезны указать на отрывок, который вы сейчас цитировали?

Додд: Это на странице 70, сразу внизу вашей страницы 70.

Ширах: Да, тут сказано:

> «…что это не направлено на представление споров или конфликтов с религиозной точки зрения, но наполняет жизнь и людей отвагой и силой выполнять свои великие и малые задачи при помощи неопровержимой веры в божественную силу и идеологию фюрера и его партии».

В конце концов, это не означает сравнение Гитлера с богом, но мне кажется, что в ответе, данном несколько минут назад я определил своё отношение.

Додд: Давайте посмотрим, так ли это. В своей книге «Революция в образовании» на странице 148, вы помните это заявление: «Флаг Третьего Рейха» - мы начнём всю фразу:

> «Напротив, служение Германии кажется нам…служением богу. Знамя Третьего Рейха кажется нам Его знаменем и фюрер народа это спаситель которого он послал, чтобы спасти нас от бед и опасностей в

которые нас на самом деле втянули самые ханжеские партии недееспособной германской республики».

Ширах: Пожалуйста, я бы хотел увидеть оригинал этого текста, пожалуйста.

Додд: Хорошо.

Ширах: Здесь я читаю:

«Мы считаем, что мы служим Всемогущему, когда своей молодой силой мы стремимся снова сделать Германию единой и великой. Подтверждая верность нашей родине, мы не видим ничего, что можно считать противоречащим Его вечной воле. Напротив, служение Германии кажется нам подлинным и искренним служением богу. Знамя Третьего Рейха кажется нам его знаменем; и фюрер народа это спаситель которого он послал, чтобы спасти нас от бед и опасностей в которые нас на самом деле втянули самые ханжеские партии недееспособной германской республики».

Это Партия центра старой республики и другие похожие организации религиозного и политического характера. Я написал это. Я действительно не вижу, чего-либо, что можно составить как обожествление фюрера. Для меня, служение своей стране было служением всемогущему.

Додд: Хорошо, если это ваш ответ – я понимаю это иначе. Давайте перейдем к чему-то ещё для того, чтобы мы могли двигаться дальше. Я не хочу упустить показать вам, если вам нужно показать, это сообщение Штрайхеру. Это уже представлено трибуналу британской делегацией, британским обвинителем. Думаю из него читали, не предъявляли, как мне сказали.

В любом случае, вам об этом известно, господин свидетель? Вам известно о письме которое юноши и девушки молодёжного хостела[440] в Гроссмюллене написали Штрайхеру в апреле 1936, когда они рассказали ему о том как видели евреев, «каждое воскресенье наш руководитель показывает сценку о евреях в своём кукольном театре».

Я лишь хочу знать были ли вы осведомлены об этом.

Ширах: Я бы хотел сказать в связи с этим, что национал-социалистический дом молодёжи в Гроссмюллене, который здесь упоминался, не был учреждением «Гитлерюгенда», но как мне кажется, был детским садом управляемым национал-социалистической организацией социального обеспечения или какой-то другой организацией.

Это типично для писем заказанных издателем «Der Sturmer[441]» в целях

[440] Хостел (англ. Hostel — общежитие) — европейская система размещения, предоставляющая своим постояльцам на короткий или длительный срок жильё, представляющее собой, как правило, спальное место без дополнительных удобств в комнате.

[441] [441] «Штурмовик» — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гаулейтером Франконии Юлиусом Штрейхером. Выходил в конце недели. В нём печатались преимущественно статьи, лозунги и карикатуры, возбуждающие ненависть к евреям; публиковались также материалы против католиков, крупных капиталистов, коммунистов и других «врагов Рейха».

привлечения.

Додд: Секундочку. Вы не приняли все молодёжные хостелы в 1933?

Ширах: Да.

Додд: Что же, что вы имеете в виду, говоря, что в 1936 этот национал-социалистический молодёжный хостел в Гроссмюллене не являлся частью организации «Гитлерюгенда»?

Ширах: Здесь сказано, что-то об усадьбе, а не хостеле. Я не знаком с выражением «усадьба». Это должно ссылаться на дом управляемый национал-социалистической организацией социального обеспечения или национал-социалистической женской лигой[442]. У нас были только «молодёжные дома» и «хостелы».

Додд: Что же, вас не удивляет, что по случайному совпадению в вашей программе для одного из ваших лагерей вы предлагаете спектакль, в котором еврей изображён с большим носом и его высмеивают и учат детей не любить его и смеяться над ним, и что из молодёжного лагеря подросток пишет Штрайхеру говоря о том, что она и юноши и девушки видели такой спектакль?

Ширах: Это письмо не написано из какого-либо молодёжного лагеря.

Додд: Что же, я принимаю это если это ваш ответ.

Ширах: Я не отрицаю, что эта кукольная пьеса демонстрировалась и что это письмо было написано, но мне кажется, что связь, так сказать, притянута за уши. Связь очень отдаленная.

Додд: Вы думаете, связь с высмеиванием евреев очень отдалённая и притянута за уши.

Ширах: Нет. Я оспариваю заявление о том, что это учреждение «Гитлерюгенда». Мне кажется, на самом деле это дневные ясли управляемые национал-социалистической организацией социального обеспечения или чем-то похожим.

Додд: Что же, может быть объяснение в том, что все молодые люди в Германии видели такие спектакли. Но, в любом случае, я хочу рассмотреть с вами последний вопрос по данной теме.

Этим утром ваш защитник опрашивал вас о конфискации монастыря, мне кажется, это было в Австрии, когда вы там были, Клостернойбурга. Вы помните?

Ширах: Этим утром мы обсуждали дворец графа Шварценберга. Это не был монастырь. Это было имущество частного гражданина.

Додд: Что же, документом на который ссылался защитник доктор Заутер был R-146, USA-678. Это было письмо от Бормана всем гауляйтерам, и оно начинается говоря, что ценное церковное имущество следовало захватывать в Италии и Австрии. Оно было подписано Борманом. И затем также в том документе, который был письмом Ламмерса говорилось, что были какие-то споры о том нужно ли было захваченное

---

[442] Национал-социалистическая женская организация — женская организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Была создана в октябре 1931 года в результате слияния ряда национальных и национал-социалистических женских организаций. Организация была подчинена национальному партийному руководству НСДАП.

церковное имущество передавать Рейху или оставить в вашем гау. Вы помните это, не так ли? Что же, теперь, в 1941 вы захватывали там монастыри, не так ли, в Клостернойбурге? Клостернойбург, вам известно, на что я ссылаюсь. Я мог неправильно это произнести.

Ширах: Да. Известный Клостернойбург, знаменитый монастырь, служивший как получатель коллекций предметов искусства изъятыз из нашего музея искусств.

Додд: Да. Итак, каким было тогда оправдание вашего захвата монастыря?

Ширах: Я уже не могу привести вам точные подробности в отношении этого. Мне кажется, что было очень мало людей в монастыре, что большое здание больше не использовали в наиболее возможной степени, и что нам срочно требовалось больше пространства для расширения опытной станции руководимой в сотрудничестве с государственной школой виноградарства. Мне кажется, вот почему этот монастырь был конфискован.

Додд: Хорошо. Я собираюсь попросить вас посмотреть на документ PS-3927, и я желаю, чтобы вы вспомнили, что этим утром вы говорили трибуналу, что вы прекратили конфискацию из церквей и церковного имущества в Австрии. Когда вы посмотрите на этот документ, я желаю напомнить вам ваши показания.

Председатель: Вы приобщаете М-25 в качестве доказательства или нет?

Додд: Господин председатель, я желаю так сделать. Это USA-861. И тот, что PS-3927, станет USA-862.

Итак, первая страница документа показывает, что он отмечен как секретный. Он датирован 22 января 1941. Это письмо, адресованное Дельбрюгге[443] в вашей организации в Вене.

Он говорит, что он слышит о возможности получить школу Гитлера, которую также пытается получить город Гамбург, и что он хочет рассматривать монастырь Клостернойбург в качестве места для школы Гитлера в Вене. Это письмо, написанное Шарицером, вашим заместителем, как вы его вчера описывали.

Итак, он приложил сообщение, письмо по телетайпу от Бормана; и если вы перевернёте страницу, вы увидите, что оно датировано 13 января. Борман говорит это строго конфиденциально:

> «Ясно, что население не выказывает какого-либо неудовлетворения, когда монастырские здания используются для службы в общеполезных целях».
>
> Он продолжает говорить:
>
> «Их перевод в госпитали, реабилитационные центры, воспитательные учреждения, школы Адольфа Гитлера, можно рассматривать в качестве службы общеполезной цели».

Итак, это сообщение было датировано 13 января, и ваш заместитель написал письмо 23-го.

---

[443] Ганс Дельбрюгге (1902-1982) – бригадефюрер СС. Регинрунгспрезидент Вены в 1940-1945.

Итак, переверните ещё одну страницу, и вы найдете доклад Гестапо о монастыре, датированный 23 января 1941, адресованный вашему помощнику Дельбрюгге. Я желаю, чтобы вы посмотрели туда где сказано: «Устный приказ от 23 января 1941». Видимо кто-то в вашей организации, вы или ваши помощники, устно попросили Гестапо передать доклад об этом монастыре в тот самый день, когда вы писали в Берлин прося, чтобы его рассматривали как школу Гитлера.

В этом докладе Гестапо есть некоторые обвинения против жителей этого монастыря, но я прошу вас перевернуть далее и вы найдёте то, где вы написали приказ о передаче монастыря школе Адольфа Гитлера к 22 февраля 1941. Я покажу вам, его, если вы хотите посмотреть на него, но этот приказ содержит ваши инициалы – страницы с 15 по 17 фотокопии имеющейся у вас.

Итак, вы придумали оправдание для захвата этого монастыря, не так ли, когда вы в действительности хотели его для школы Гитлера, и у вас не было каких-либо обоснований для его захвата. И вы взяли у Гестапо доклад, и затем вы никогда не ссылались на причину, что Гестапо подстроило это для вас.

Ширах: Лично я как глава этих школ естественно всячески стремился создать такую школу в Вене. В то же время идея высказанная здесь о взятии Клостернойбурга и размещении одной из школ Адольфа Гитлера в нём пришла мне в голову, и, наверное, я обсуждал это с господином Шарицером, но я полностью отказался от идеи. Клостернойбург никогда не превращался в школу Адольфа Гитлера.

Додд: Нет. Но и никогда не был возвращён церковным людям, не так ли?

Ширах: Нет. Поскольку музейное пространство доступное в Вене не являлось достаточным для очень крупных коллекций, мы хотели превратить этот монастырь в дополнительный крупный музей, который был бы открыт публично. Мы начали осуществлять этот план, и часть коллекций была переведена в здание. К тому же, нам требовались укрепленные подвалы этого монастыря для сохранения многих культурных ценностей, которые должны были защищать от бомбардировок.

Мне пришло в голову, что мы можем разместить школу Адольфа Гитлера в этом здании и я обсуждал возможность с одним или двумя своими коллегами и затем отказался от неё: во-первых, потому что я бы себя плохо чувствовал если бы мы разместили школу Адольфа Гитлера в здании которое ранее было на святой земле, и во-вторых, потому что мы сильно нуждались в монастыре для иных целей.

Мне нечего добавить к моему объяснению.

Додд: Вы заметили дату всей операции и сообщения от Бормана. Когда вы впервые выяснили, что Борман был антирелигиозным и антицерковным как вы сказали трибуналу?

Ширах: Борман…

Додд: Просто скажите нам, когда вы это поняли.

Ширах: Я это и хотел сделать. Борман показал свои антирелигиозные взгляды наиболее четко в 1943, но они начали проявляться уже в 1937.

Додд: И когда от него была эта телеграмма? 1941?

Ширах: 1941.

Додд: Свидетель, когда вы впервые начали обсуждать дела с Гиммлером?

Ширах: Я встретил Гитлера…

Додд: Гиммлера.

Ширах: Я встретил Гиммлера в 1929 году, когда я однажды явился к партийному руководителю. Он был тогда руководителем пропаганды в партии; это было нашей первой встречей.

Додд: Я не хотел вас спрашивать об этом, хотя интересно знать, когда вы впервые с ним встретились. Меня, по существу, интересует вот что: когда вы и ваши молодежные группы впервые установили с ним деловые отношения? Под словами «деловые отношения» я имею в виду, например, такое мероприятие, как набор молодых людей в бригады СС «Мертвая голова[444]».

Ширах: Я думаю, что объяснял это утром. В соглашении, год заключения которого я не помню, условие о патрульной службе было, кажется, изложено одним из первых. В общем, это не было обеспечением пополнения лишь для соединений «Мертвая голова», а вообще для всех полицейских частей так называемых «особых соединений» полиции.

Додд: В течение какого времени вы продолжали направлять юношей из вашей организации молодежи в СС? Может быть, вы помните, до какого времени эта программа претворялась в жизнь?

Ширах: Я насильно не гнал молодых людей в СС, а я разрешил СС, как и всякой другой организации, вербовать своих членов среди молодежи.

Додд: Я вас не об этом спрашиваю. Я спросил, когда, по вашему мнению, вы фактически в последний раз оказывали помощь Гиммлеру в наборе юношей из молодежи Германии при помощи вашей молодежной организации? Мне не нужна точная дата. Вы можете сказать приблизительно.

Ширах: С 1940 года я постоянно стремился к тому, чтобы перевести молодежь в соединения СС. Войска СС производили среди молодежи очень значительную вербовку, которая продолжалась до последнего дня войны. Я не мог предотвратить такого призыва.

Додд: Вы, конечно, знали, для какой цели их использовали в конце и в середине войны?

Ширах: Я знал, что все юноши, которые были призваны или добровольно пошли на фронт, должны были сражаться.

Додд: Я говорю сейчас не о сражении, а кое о чем другом. Вы знали о том, что происходило на Востоке, и вы знали, из кого состояла охрана концентрационных лагерей, не так ли?

Ширах: Этим утром я свидетельствовал, что я знал о событиях на Востоке. О том,

---

[444] Отряды «Мёртвая голова» — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха.

что молодежь, которая вступила в войска СС во время войны, использовали для охраны; концентрационных лагерей, я не знал.

Додд: Вы не знали, из кого состояла охрана, хотя вы сами посетили два концентрационных лагеря?

Ширах: Это была охрана, которая не принадлежала к войскам СС.

Додд: Я знаю, но ваше соглашение с Гиммлером предусматривало главным образом набор молодежи в соединения СС «Мертвая голова».

Ширах: Когда я заключал это соглашение, я не знал, что Гиммлер осуществлял охрану концентрационных лагерей с помощью соединений «Мертвая голова». Кроме того, тогда я считал концентрационные лагери
чем-то вполне нормальным. Я говорил это этим утром.

Додд: Вчера вы сообщили трибуналу, что, примерно, только в 1944 году вы узнали об истреблении. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Первый вопрос. Как вы об этом узнали? Вы фактически узнали об этом только от Колина Росса?

Ширах: Я сказал, что об этом я узнал через Колина Росса...

Додд: Хорошо.

Ширах: И что, я, кроме того, задавал много вопросов всем доступным мне людям, чтобы узнать об этом что-либо конкретное.

Додд: На самом деле я спрашиваю вас, было ли вам известно об этом из каких-либо других источников, помимо Колина Росса. Вы можете ответить довольно просто. Мы знаем, что вы узнали об этом от Росса. Можете ли вы назвать кого-нибудь другого, кто также сообщил вам об этом?

Ширах: Я не мог получить какой-либо действительно точной информации.

Додд: Хорошо.

Ширах: Большинство людей не имели информации. Я лишь получал положительную – то есть, подробную – информацию из Вартегау.

Додд: Итак, фактически, вы же получали регулярные отчеты относительно истребления евреев, не правда ли?

Ширах: Эти…

Додд: Я имею в виду письменные доклады.

Ширах: Эти отчеты, два из которых были представлены здесь, в зале суда, направлялись рейхскомиссару обороны, одному из его экспертов. Этот эксперт передавал экземпляры дальше, как мне кажется, инспектору или начальнику полиции охраны порядка.

Я видел экземпляр, который был представлен по делу Кальтенбруннера, он ранее никогда не был у меня в руках.

Додд: Вы хотите сказать, что вам не было известно, что эти отчеты поступали в ваше ведомство?

Ширах: Я не видел этого экземпляра.

Додд: Хорошо.

Ширах: Моим ведомством было центральное управление, а не должность рейхскомиссара обороны. Дела рейхскомиссара обороны официально вёл регинрунгспрезидент, чей личный советник обрабатывал все ежедневно поступавшие и отправлявшиеся материалы. Моя почта направлялась в центральное управление.

Додд: Вы были рейхскомиссаром обороны в этой области, не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: Это был совершенно секретный отчет СС, который не разглашали по всей Германии?

Ширах: Я не знаю, сколько экземпляров этого доклада было разослано.

Додд: Всего было 100 экземпляров. Вы получили 67-й экземпляр.

Ширах: И эти экземпляры, как я заключаю на основании подлинника, который я видел, были направлены не мне, а уполномоченному советнику, господину Фишеру.

Додд: А кто был этот господин Фишер?

Ширах: Я уже говорил этим утром, что у меня нет идеи кем был господин Фишер. Я полагаю, что это был эксперт регинрунгспрезидента, эксперт по делам обороны.

Додд: Ну, хорошо. Теперь я хочу вам показать некоторые документы из вашего же собственного архива.

Господин председатель, у нас нет полного перевода, потому что некоторые из них обнаружены слишком поздно (Документ PS-3914).

Но я думаю, что вы с готовностью признаёте это оригиналом из ваших дел. И здесь вы найдёте – и я обращаю ваше внимание на страницу – нечто, что напомнит вам о том кем был доктор Фишер.

Итак, думаю на странице 29 вы найдете здесь фамилии тех лиц, которые работали при совете обороны Рейха; среди этих фамилий имеются фамилии Фишера вместе с генералом Штюльпнагелем[445], генерал-майора Готье[446], доктора Фёрстера. Вы нашли? Это был ваш совет обороны Рейха, который вы время от времени посещали, довольно часто встречались с этими людьми и я покажу вам документы об этом, если вы решите это отрицать.

Ширах: Пожалуйста, минуточку. Пожалуйста, вы повторите мне страницу?

Додд: Страница 29, это меморандум, датированный 28 сентября 1940.

Ширах: Теперь есть.

Додд: Вы находите фамилию доктора Фишера в числе лиц, которые были рекомендованы для вашего совета обороны? Его фамилия, между прочим, стоит последней. Там имеется также его подпись. Именно он рекомендовал вам всех остальных.

Председатель: Господин Додд, можно помедленнее?

---

[445] Отто фон Штюльпнагель (1878 – 1948) – немецкий офицер. Командующий рядом подразделений немецкой армии в оккупированной Франции.

[446] Теофиль Готье (1881 – 1953) – генерал-лейтенант Люфтваффе. В 1938-1944 инспектор вооружений XVII военного округа.

Додд: Да.

Ширах: Его имя двадцатое имя в списке: «Регингрунгсрат доктор Фишер, эксперт по вопросам обороны Рейха» - другими словами, эксперт приданный регинрунгспрезиденту. Я, наверное, видел его на той или иной встрече. Я понял, что он вёл стенограмму. Однако, я должен признать, что у меня нет личных воспоминаний об этом господине. Я не могу при упоминании имени Фишера никого себе представить. Но я ясно вижу, что он был тем, кто принимал почту для рейхскомиссара обороны, и, возможно, он также вел протокол.

Додд: Хорошо.

Ширах: Какую-либо другую функцию – он был лишь регинрунгсратом - он не мог осуществлять в этом кругу лиц уже из-за своего небольшого чина.

Додд: На странице 31 того же документа вы найдете другую ссылку на доктора Фишера, и на этот раз на этом документе имеются ваши инициалы. Это список членов совета обороны Рейха. В списке двадцать человек, и последней фамилией стоит фамилия Фишера. В конце документа есть ваши инициалы, которые, по-видимому, показывают, что вы одобрили этот список. Вы это видите?

Ширах: Да, я должен был поставить свои инициалы на этом списке.

Додд: И вы одобрили состав членов, не правда ли?

Ширах: Я вовсе не хочу утверждать, что я не узнал бы Фишера, если бы его указали мне. Он был чиновником, ведущим протокол, и при том большом количестве людей, которое присутствовало на таких заседаниях, он ничем не бросился мне в глаза. К тому же таких заседаний по обороне было очень мало. Во всяком случае — и это мне кажется решающим — он не делал мне лично докладов, он делал доклады регинрунгспрезиденту.

Додд: Как же вы могли не встретиться с ним? Вы ведь в 1940 году регулярно посещали совещания совета обороны Рейха. У нас имеются некоторые документы, и я хотел бы показать их вам. В этих документах точно отражается то, что вы заявили на заседании этого совета.

Ширах: Да, я и говорю, что он, наверное, вел протокол.

Додд: Да, конечно, и поэтому вы встречались с ним неоднократно в период между 1940 годом, то есть когда был составлен этот протокол, и 1942 годом, то есть до того времени, когда стали присылаться отчеты СС об истреблении. Он, вероятно, был знаком с вами в течение двух лет до того, как был получен первый имеющийся у нас отчет от 1942 года, и он был одним из двадцати членов вашего совета.

Ширах: Я думаю, что я должен описать, из кого состоял этот комитет по обороне Рейха. Там была группа генералов, руководящих генералов на командных постах в сухопутных и воздушных силах, там были различные гауляйтеры, там были упомянутые здесь лица: доктор Путт, представитель экономического штаба и другие лица, которые здесь перечислены. В этом большом кругу людей находился также чиновник, ведущий протокол, который был одним из многих чиновников моего

ведомства. Эти заседания — я думаю, что вы установили это, — имели место очень редко. Фишер не делал мне постоянно докладов, он также не представлял мне протоколов заседаний, а доклад делал мне регинрунгспрезидент.

Додд: Не думаете ли вы, что Генрих Гиммлер или Рейнхард Гейдрих посылали эти отчеты об истреблении, происходившем на Востоке, лицам, не имеющим никакого значения в Германии?

Ширах: Эти доклады, если бы они были предназначены для меня, пересылались бы прямо ко мне. Вообще, я сегодня уже сказал, что я вовсе не оспариваю того, что я узнал о расстрелах евреев на Востоке, правда, в очень позднее время. Я видел в этом связь с военными событиями. Сами доклады мне не были представлены, и если бы они были мне представлены, то на них были бы определенные пометки, которые я немедленно бы узнал.

Додд: Хорошо, давайте посмотрим. Они, конечно, были адресованы вам и для сведения Фишеру.

Теперь я вам докажу, что вы получали еженедельные отчеты. Вы их видели? Что вы скажете на это?

Ширах: Еженедельные отчеты?

Додд: Да.

Ширах: Еженедельные отчеты я получал в огромных количествах из самых различных инстанций.

Додд: Нет, я говорю об одном определенном виде отчетов. Я говорю об отчетах, получавшихся вами от Гейдриха и Гиммлера.

Ширах: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Додд: В таком случае, взгляните сюда. У нас имеется 55 таких докладов. Они все здесь идут в хронологическом порядке, и Фишер не имеет к ним никакого отношения. На отчетах имеется штамп вашей канцелярии, а также имеется пометка о том, когда они были получены,

В них, кстати, говорится — посмотрите на них — говорится о том, какая участь постигла евреев на Востоке.

Ширах: Всё это наверное – я не могу на них посмотреть прямо сейчас. Эти доклады направлены от начальника полиции безопасности в ведомство рейхскомиссара обороны. Они, я вижу это по первому документу, приняты не мной. Напротив, здесь имеется подпись регинрунгспрезидента, я не получал этих докладов, иначе здесь стояла бы моя подпись.

Додд: Согласно примечанию, их получал доктор Дельбрюгге, являвшийся вашим главным помощником. Кстати, мне кажется, что необходимо разъяснить трибуналу, что оба ваших главных помощника являлись бригадефюрерами СС, не так ли?

Ширах: Я уже упомянул и без этого, что доктор Дельбрюгге был одним из доверенных лиц Гиммлера.

Додд: А он был вашим главным помощником. Именно это я хочу сказать. Другой

ваш помощник тоже был бригадефюрером СС.

Ширах: Но я думаю, что эта констатация доказывает как раз обратное тому, что вы хотите доказать по делу против меня.

Додд: Я продолжу обсуждение вопроса о еженедельных отчетах, но я хотел бы спросить у вас о следующем: между вами и Гейдрихом существовали довольно дружественные отношения?

Ширах: Я узнал Гейдриха, когда он был протектором в Праге и прислал мне приглашение как президенту юго-восточного европейского общества о созыве съезда, я сделал то, что он хотел. Но в тесных личных отношениях я с Гейдрихом не находился.

Додд: Считали ли вы его хорошим государственным деятелем в то время, когда он ввел в Чехословакии систему ужасного террора?

Ширах: У меня было такое впечатление, что Гейдрих, как он выразился во время моего пребывания в Праге, хотел проводить политику взаимопонимания, в первую очередь, по отношению к чешским рабочим.

В нем я тогда, собственно, не видел представителя политики террора. Во всяком случае, у меня нет никаких практических сведений о событиях в Чехословакии. Я совершил только один этот визит, или возможно ещё один.

Додд: Вы послали телеграмму «Дорогому Мартину Борману», когда был убит Гейдрих? Вы помните об этом? Вы послали эту телеграмму человеку, который, как я понимаю, не был у вас в 1942 году на хорошем счету? Вы помните, когда Гейдрих был убит в Праге чешскими патриотами?

Ширах: Да.

Додд: Вы помните, что вы сделали, когда вы об этом узнали?

Ширах: Уже не помню точно.

Додд: Может быть, если я оглашу вам эту телеграмму, то вы вспомните.

> «Рейхсляйтеру Борману. Берлин. Партийная канцелярия, очень срочно. Для немедленного ознакомления.
>
> Дорогой Мартин Борман,
>
> я прошу, чтобы о следующем доложили фюреру. Зная чешское население и его настроение как в Вене, так и в протекторате, я обращаю твоё внимание на следующее:
>
> Вражеские державы и британская клика вокруг Бенеша[447] долго чувствуют горечь от общего сотрудничества, найденного среди чешских рабочих и их вкладе в немецкую военную экономику. Они ищут средства настроить чешское население и Рейх друг против друга. Атака на Гейдриха несомненно была запланирована в Лондоне.

---

[447] Эдвард Бенеш (1884 — 1948) — государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии в 1935—1948 годах. Руководитель чехословацкого зарубежного Сопротивления в годы Второй мировой войны

Британское вооружение нападавшего предполагает парашютирование агентов. Лондон надеется в результате этого убийства принудить Рейх к чрезвычайным мерам с целью добиться движения сопротивления среди чешских рабочих. С целью предотвратить появление у мира мнения, что население протектората находится в оппозиции Гитлеру, этим актам должно быть немедленно присвоено британское авторство. Самым эффективным действием явился бы внезапный и сильный налет на какой-либо культурный центр Англии, а мир должен быть оповещен, что это не что иное, как «месть за смерть Гейдриха». Это само по себе должно заставить Черчилля немедленно воздержаться от начала в Праге мероприятий ведущих к восстанию. Ответом Рейха на атаку в Праге будет в глазах мирового мнения контрнаступление.

Предполагается, что следующая информация завтра будет дана прессе относительно покушения на жизнь Гейдриха».

И затем вы продолжаете говорить, что это была работа британских агентов исходящая из Британии. Вы подписали его «хайль Гитлер, твой Ширах».

Вы помните, что вы послали эту телеграмму Борману?

Ширах: Я только что услышал английский перевод. Пожалуйста, я хочу посмотреть на немецкий оригинал.

Додд: Очень хорошо.

Председатель: Господин Додд, вы прочли, я думаю, британский «прибрежный» город, не так ли?

Додд: Нет, господин председатель, я имел в виду «культурный».

Председатель: Да, я так и понял.

Додд: Между прочим, господин свидетель я обращу ваше внимание, на слово «культурные». Вы выражали такой большой интерес к культуре.

Председатель: Было бы правильным сейчас прерваться, или вы хотите продолжить?

Додд: Я надеялся, что смогу завершить. Я не хочу тратить много минут, но у меня есть один или два достаточно важных документа, которые я представлю свидетелю.

Господин председатель, если мы прервёмся, могу я попросить, чтобы свидетель ночью не говорил со своим защитником? Я думаю это исключительно честно при перекрестном допросе свидетеля, чтобы у него не было беседы со своим защитником.

Ширах: Я бы хотел сказать об этом документе…

Заутер: Господин председатель, я хочу внести ясность в вопрос о том правомочен ли я как защитник говорить со своим клиентом. Господин Додд некоторое время назад запретил мне говорить со своим клиентом, я согласился. Но если, мне говорят, что я не должен говорить со своим клиентом до завершения перекрестного допроса и перекрестный допрос продлится до понедельника, это значит, что я не смогу поговорить со своим клиентом завтра или послезавтра. Но, с для того, чтобы

осуществлять свою защиту, я должен иметь возможность обсудить со своим клиентом все положения затронутые сегодня.

Додд: Господин председатель, я отзываю свою просьбу. Я на самом деле забыл, что мы уходим до понедельника. Я не думаю, что это обычное правило, но я думаю, это представляет некоторую сложность для защитника.

Я хочу быть честным с трибуналом. Во время перерыва доктор Заутер подходил к месту свидетеля и говорил с ним, в таком случае я не думаю, что он должен говорить с ним во время перерыва в перекрестном допросе.

Председатель: Что же, это британское правило, но я думаю в сложившихся обстоятельствах нам лучше позволить доктору Заутеру…

Додд: Я совершенно согласен. Я думал, мы завтра продолжим, но я не хочу мешать его консультациям на выходных.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 27 мая 1946*]

День сто тридцать девятый

Понедельник, 27 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Ширах вернулся на место свидетеля*]

Додд: Господин председатель, я бы хотел удостовериться, что я приобщил следующие документы в качестве доказательства: PS-3914, который станет USA-863; PS-3943, USA-864; и PS-3877, USA-865.
Додд: Господин свидетель, на закрытии заседания в пятницу мы лишь передали вам копию сообщения телетайпом Мартину Борману. Я прочитал вам это по системе передачи. Теперь я желаю спросить вас отправили ли вы это сообщение Борману.
Ширах: Да, я отправил сообщение по телетайпу, и я хочу дать объяснение в этой связи. Первое…
Додд: Могу я прервать вас лишь на минуту и попросить, чтобы недолго пока мы будем беседовать сегодня, чтобы вы ждали немного перед вашим ответом. Думаю это бы помогло переводу. Не думаю, что у нас будут какие-нибудь затруднения этим утром. Я попытаюсь сделать тоже самое, и вероятно сегодня мы будем работать лучше.
Ширах: Тогда, прежде всего, я хочу объяснить, почему я обратился к Борману с «твой» в дружеской форме. Борман и я были земляками, я знал его с Веймара, но немного. И когда в 1928 или 29-м он приехал в Мюнхен, он нанёс мне визит, и потому что он был старше, он предложил мне, чтобы мы называли друг друга на «ты». Мы поддерживали эту форму до 1943, когда по его собственной инициативе он отменил это и обращался ко мне в своих письмах только «вы»

Итак, текст сообщения телетайпом: шёл третий год войны; и чешское население как в Протекторате Богемия и Моравия так и в Вене оставалось совершенно спокойным; в Протекторате условия были почти такими же как в мирное время. У меня в Вене было много чешского населения, и как результат покушения на жизнь Гейдриха я опасался, что в Протекторате могут быть беспорядки, которые несомненно будут иметь серьезные последствия для Вены. Это было время продвижения германских войск на Керченском полуострове; и это было время, когда мы не могли себе позволить случаться чему-либо в тылу нашего фронта. И одновременно с новостями об убийстве протектора, я получил официальное уведомление о том, что покушение, как упоминалось в документах, осуществлено британскими агентами и с британским оружием.

В течение того же месяца мы услышали, и это также упоминалось в коммюнике Вермахта, что британские бомбардировщики бомбили жилые районы в Гамбурге и Париже и атаковали немецкие культурные места в Киле. И таким образом, я предложил меру репрессалии, чтобы установить перед миром британскую вину в этом покушении и предотвратить серьезные беспорядки в Чехословакии. Это всё, что я должен сказать. Это сообщение по телетайпу подлинное.

Могу я сейчас также прокомментировать сложность перевода, которая возникла во время последнего перекрестного допроса в пятницу? Тогда немецкое слово «избавитель» было переведено на английский «спасителем». Это выражение, которое я использовал в своей книге, когда я описывал фюрера как «избавителя», и сложность кроется в переводе этого слова на английский: его можно перевести на английский язык только как «спаситель». Но заново переведённое на немецкий язык «спаситель» означает «Heiland[448]». Для того, чтобы выяснить, что немецкое «Retter» выражает в английском языке, я должен использовать пояснительную фразу. Если я скажу, что точный перевод это «избавитель», тогда подлинное значение слова ««Retter» ясно изложено; и нет ничего богохульного в сравнении или описании главы государства как «избавителя». Но если бы я написал на немецком языке, что глава государства был «Heiland», тогда конечно это было бы богохульством.

Председатель: Подобное пояснение следует оставить для повторного допроса. Это не тот вопрос, которым следует прерывать перекрестный допрос.

Додд: Сейчас я хотел бы задать вам два вопроса об этой телеграмме. Думали ли вы о конкретных культурных центрах в Англии, как например, о Кембридже, Оксфорде, Стратфорде, Кентербэри?

Ширах: Нет, у меня с этим не связано никакого определенного представления. Я думал, что следовало взять один объект, аналогичный тем, которые подверглись бомбардировке английских самолетов в Германии.

Додд: Лишь бы это был культурный центр. Вы думали о том, что происходило в Германии или о том, что произошло с Гейдрихом?

Ширах: Я думал о культурных зданиях в Германии, которые атаковали, и я хотел предложить это в качестве возможности дать ясно понять, что убийство Гейдриха не совершено чешским населением, а чешскими эмигрантами из Лондона при британской поддержке. В этом ответном ударе на третьем году войны следовало объединить ответ на покушение на Гейдриха с ответом на покушение на культурные центры в Германии.

Додд: В этой телеграмме вы не делали никаких ссылок на якобы имевшие место предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии. Нет?

Ширах: Об этом уже сообщалось в сводке Вермахта, и это было общеизвестным.

Додд: Это не то, о чем я вас спрашиваю. Я спрашиваю вас о том, действительно ли

---

[448] «Избавитель» (нем.)

вы не делали никаких ссылок в этой телеграмме на предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии и не говорили о том, что бомбежка культурного центра в Англии вызвана предполагаемой бомбежкой культурного центра Германии? Вы очень ясно
указали, что вы хотели бомбить культурные центры в Англии из-за того,
что случилось с Гейдрихом?

Ширах: Мне не нужно было вовсе указывать на бомбардировки германских культурных центров, так как всей германской общественности
был известен этот факт из сообщений о ежедневных налетах английских бомбардировщиков.

Додд: Я полагаю, что в то время вы очень хорошо знали репутацию Гейдриха, не правда ли?

Ширах: Не это не правильно. В этом случае я рассматривал Гейдриха как представителя нашего Рейха в Богемии и Моравии, а вовсе не как начальника Гестапо.

Додд: Знали вы о его репутации в Германии, по крайней мере в то время?

Ширах: Я знал, что он был начальником Гестапо, но я не знал, что он совершал те зверства, о которых стало известно позднее.

Додд: Вам не было известно о том, что его считали «террором Гестапо»?

Ширах: Это выражение, которое использовала вражеская пропаганда по отношению к нему.

Додд: Вы все еще думаете, что это — «пропаганда»?

Ширах: Нет.

Додд: Значит, вы услышали только через вражескую пропаганду, что его называли «террором Гестапо» до того, как он был убит в 1942 году?

Ширах: Нет, этого я не хочу сказать.

Додд: Как вы об этом узнали?

Ширах: Я хочу здесь констатировать только, что протектор Гейдрих для меня был другим лицом на этом третьем году войны, а не начальником Гестапо. Здесь речь шла о политическом мероприятии.

Додд: Вы не ограничились этим предложением — бомбить Англию, не правда ли? Вы помните, что вы еще предлагали некоторое время спустя?

Ширах: Нет, этого я не помню.

Додд: Помните ли вы что-нибудь о том, что вы предлагали в порядке так называемой расплаты за убийство Гейдриха?

Ширах: Я не помню.

Додд: Вы предлагали эвакуацию всех чехов из Вены, не так ли?

Ширах: Это предложение не было сделано лично мною, оно относится к замечанию о Вене, сделанному фюрером в 1940 году, когда я докладывал ему в его главной ставке. Мне кажется, что я уже упоминал в своих показаниях, что он сказал: «Вена

должна стать немецким городом; и евреи и чехи должны быть постепенно эвакуированы из Вены». Это я уже отмечал в своих показаниях.

Додд: Мой вопрос заключался в следующем: верно ли, что несколько дней спустя после убийства Гейдриха вы предложили эвакуацию всех чехов из Вены, как возмездие за убийство Гейдриха?

Ширах: Я не помню этого, возможно, что я, взволнованный этим событием, которое меня очень обеспокоило, и сказал что-либо подобное.

Додд: Я предлагаю вам посмотреть на документ PS-3886, господин председатель, который станет USA-866.

Итак, этот документ включает выдержки из протокола заседания городского совета Вены от 6 июня 1942, как вы видите на странице 9 оригинала. Присутствовали вы, и согласно этим записям, вы говорили в качестве рейхсляйтера Бальдура фон Шираха, и переходя ниже по странице, вы найдете это заявление:

> «Наконец, он» - имеетесь в виду вы – «изложил, что уже в к концу лета или осени этого года все евреи должны быть удалены из города, и что удаление чехов пройдет попутно, поскольку это необходимый и правильный ответ на преступление совершенное против заместителя рейхспротектора Богемии и Моравии».

Вы помните, что так говорили?

Ширах: Я точно не помню, но я считаю эти протоколы подлинными, и они вероятно представляют смысл сказанного мной тогда. Я был очень сильно взволнован смертью Гейдриха. Я опасался серьезных проблем в Богемии и Моравии, и выражал свои опасения. Суть вещи в том, что после спокойного изучения этого плана я его отверг, и более ничего не делал в этом отношении.

Додд: Хорошо, во всяком случае, я считаю, что все это совершенно ясно, и я вас спрашиваю, согласны ли вы с тем, что вы сделали по крайней мере два предложения: первое — о бомбардировке культурных английских центров, и второе — об эвакуации всех чехов из Вены, в связи с убийством этого человека — Гейдриха?

Ширах: Что я выразил такую мысль об эвакуации чехов из Вены, — это верно. Равно как исторический факт то, что я отверг эту идею и никогда её не осуществлял. Верно, что я сделал предложение подвергнуть бомбардировке британский культурный центр в качестве ответа на убийство Гейдриха и на бесчисленные бомбардировки немецких культурных центров на третий год войны, время когда ставкой были жизненно важные интересы немецкого народа.

Додд: Между прочим, Гитлер также предлагал полномасштабную эвакуацию чехов из Чехословакии в качестве наказания за убийство Гейдриха, не так ли?

Ширах: Мне это неизвестно.

Додд: Теперь я хочу перейти к кое-чему ещё и понять сможем ли мы пройти это достаточно быстро этим утром. Вы вспоминаете, что в пятницу мы немного

поговорили о ваших отношениях с СС и с Гиммлером, мне хочется спросить вас, является ли фактом то, что вы работали в тесной связи с Гиммлером и его СС почти с самого начала, почти что до самых последних дней вашего режима в Вене? Я хочу, чтобы вы ответили на этот вопрос.

Ширах: На этот вопрос я охотно ответил бы очень подробно.

Додд: В данное время этот ответ не требует больших деталей. Но позднее, если вы считаете, что можете дать необходимое объяснение, я уверен, что вам будет предоставлена такая возможность. Прежде всего скажите трибуналу, действительно ли вы тесно сотрудничали с Гиммлером и его СС, начиная с самого начала вашей государственной службы и до самого ее конца?

Ширах: Тесного сотрудничества в том смысле, что Гиммлер якобы имел существенное влияние на воспитание, не существовало.

Додд: Остановимся тут ненадолго. Не является ли фактом то, что Гиммлер назначил свой персонал СС в вашу молодежную организацию для подготовки молодежи? Вы можете ответить очень просто. Назначил или не назначил?

Ширах: В целях обучения?

Додд: Да.

Ширах: Об этом мне ничего неизвестно. То, что действовали, может быть, офицеры связи, в этом нет ничего необычного, так как практически во всех министерствах и организациях имелись офицеры связи. Но я не помню ничего такого, что вы сейчас подразумеваете.

Додд: Я полагаю, что нам нужно это выяснить прежде всего. Посмотрите на документ PS-3931 который новый документ, господин председатель, который станет USA-867.

Теперь, господин свидетель если вы посмотрите на этот документ, то вы увидите, что это письмо, которое вы посылали «дорогому члену партии Борману» в августе 1941 года. Это очень длинное письмо. Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать его полностью, но я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые места из этого письма, это, возможно, освежит вашу память в отношении вопросов, связанных с СС.

Предварительно один вопрос: СА предложили заняться в 1941 году некоторыми отраслями обучения молодежи, летом 1941 года?

Ширах: Я сказал еще раньше в своих показаниях – я думаю в четверг - мне кажется, что это было в 1939 году весной, СА предприняли попытку взять на себя допризывную подготовку молодежи двух старших возрастных групп и такие попытки повторялись и в 1941 году.

Додд: Да, я знаю, что вы жаловались Борману на это, когда писали это сообщение. Вы припоминаете теперь, уже только при взгляде на это письмо, — а вся суть письма в этом, — что вы жаловались на попытку СА непосредственно полностью руководить обучением некоторых групп молодежи в гитлеровской молодежной

организации?

Ширах: Я не могу говорить о таком длинном письме по телетайпу не прочитав его.

Додд: Что же, давайте посмотрим. Если вы перевернёте на вторую страницу английского текста – у вас там нет страниц; я думаю всё идёт вместе. Всё это телетайп, но это не очень далеко от его первой части. Прежде всего, я хочу, чтобы вы нашли заявление о том, что «Гитлерюгенд» считала необходимым с самого начала сделать партию ответственной за руководство и организацию ее военной подготовки». Вы нашли этот отрывок?

Ширах: Нет.

Додд: Что же найдите абзац пронумерованный (1) вашего телетайпа, маленькая арабская. Вы найдете, где начинается нумерация (1), (2), (3), и тому подобное. Господин свидетель, вы это нашли?

Ширах: У меня есть римская цифра I.

Додд: Хорошо. Это то на, что я хочу обратить ваше внимание. Если мы найдём место, в котором сойдемся, тогда мы сможем продолжать. Вы нашли номер (1) где сказано, что « так как больше года проект соглашения, направленный СА в котором запрашивается, чтобы кадры СА обеспечивали военную подготовку молодёжи» и что руководство СА не выполнило эту просьбу.

Теперь, вы перейдёте ниже, давайте посмотрим, в номере (3), и следом за (3), наверное, ниже ещё длинных трёх или четырёх абзацев, вы найдёте – кстати, это заглавные буквы, то, на что я хочу обратить ваше внимание, я полагаю это заглавные буквы в немецком языке:

> «Я был бы счастлив, если бы СА предоставила в мое распоряжение персонал для осуществления этой цели, подобно тому, как это обычно делают СС и полиция в течение долгого времени»:

Господин председатель, на английском языке, это внизу страницы 4 и вверху страницы 5.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы нашли эту фразу?

Ширах: Да, я нашел.

Додд: Вы там говорите, что вы были бы счастливы, если бы СА предоставила в ваше распоряжение персонал для осуществления этой цели, как это делали СС и полиция уже в течение долгого времени, и вы ссылаетесь на подобную подготовку молодежи, которая уже проводилась и вы ссылались – если вы прочитаете вначале параграфа прямо перед этой фразой – на подготовку молодых людей. Вы говорите о гитлеровских школах и о подготовке гитлеровской молодежи. Теперь совершенно ясно, не так ли, что вы действительно пользовались помощью СС в соответствии с вашими собственными методами, помощью СС и полиции в течение долгого времени прежде чем вы послали такое письмо?

Ширах: Во время войны — да. Ведь с 1939 года мы вели войну, и с начала войны у нас были лагери довоенного обучения, и для этих лагерей я искал руководителей;

сухопутные силы не могли направить в мое распоряжение достаточного числа военных руководителей. СА также не могла этого сделать. СС могла предоставить в мое распоряжение несколько молодых офицеров. Это могла сделать и полиция.

Додд: Следовательно, только с начала войны у вас появились люди из СС и полиции для подготовки вашей молодежи, да?

Ширах: Я не думаю, чтобы мы использовали военных руководителей СС еще для чего-нибудь. Как я уже показал, у нас был корпус руководителей, созданный из самой молодежи.

Додд: Я снова вас спрашиваю, вы хотите, чтобы трибунал вас понял так, что только с начала войны вы пользовались помощью персонала СС и полиции, который был назначен для подготовки молодежи?

Ширах: На этот вопрос я не могу ответить совершенно точно по такой причине: например у нас был тренировочный лагерь для лыжной практики, и было совершенно возможно, что один из инструкторов был членом СА или СС, и только по случайности он был лучшим спортсменом в этой сфере. Но я не могу подумать о том, что такое сотрудничество существовало повсеместно.

Додд: Вы можете сказать, что у вас не было персонала СС, назначенного для подготовки вашей молодежи? Я не говорю об отдельных инструкторах, например, лыжного спорта, я говорю о постоянной программе, согласно которой осуществлялась помощь со стороны СС в подготовке молодежи.

Ширах: В этом письме впервые была затребована помощь, которая была необходима в целях военного обучения. Больше я не знаю ни одного момента, где имело бы место сотрудничество.

Додд: Известен ли вам термин «Heuaktion[449]?»

Ширах: «Сбор урожая»? Я не могу этого вспомнить, я не понимаю, что вы под этим подразумеваете.

Додд: Но вы же каждый день сидите в суде. Вы разве не помните, что обвинением было представлено доказательство в связи с делом Розенберга и действием, называемым акцией «Heuaktion»?

Ширах: Нет, в настоящий момент я не могу этого сказать, я не помню этого.

Додд: Вы разве не помните о разговорах в суде о том, как захватывали молодежь на Востоке и насильственно отправляли ее в Германию, 40 или 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет? Вы помните это, не правда ли? Тогда говорилось о том, что одной из целей этого мероприятия было уничтожить биологическую потенциальную возможность этих людей. Вы не знаете, о чем я говорю?

Ширах: Это акция, о которой я вспоминаю только в связи с этим процессом. Но по служебной линии единственно что я могу сказать, это то, что Аксман во время войны, я не помню, в каком году сообщил мне, что он направил на заводы

---

[449] «Сбор урожая» - операция по вывозу в Германию от 40 000 до 50 000 польских детей в возрасте от 10 до 14 лет для работы на предприятиях Юнкерса или в организации Тодта.

Юнкерса[450] в Дессау большое количество русской молодежи в качестве подмастерьев и учеников в мастерских и что эта молодёжь была чрезвычайно хорошо размещена и получала хороший уход. До этого я не занимался этой акцией, но в начале своих показаний я заявил, что за то, что сделала молодежь во время войны, я беру на себя ответственность, и я не отказываюсь от этого. Однако, я не думаю, что молодёжь в этом случая ответственна и я вспоминаю показания подсудимого Розенберга о том, что он выполнял запросы армии и военных соединений в данном деле.

Додд: У нас имеется документ, который уже представлен как доказательство USA-871. Трибунал с ним ознакомился. Я хочу обратить ваше внимание на то, что здесь говорится: «Розенберг согласился с программой захвата от 40 до 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и перевоза их в Рейх»; там же говорится, что эта программа могла быть выполнена при помощи руководства гитлеровской молодежи через посредство бюро министерства Розенберга. Здесь также говорится, что некоторые группы молодежи должны были быть переведены в СС и вспомогательные части СС. Теперь я хочу спросить вас, что именно вы знаете об этой программе и какое участие принимала гитлеровская молодежь в осуществлении этой программы?

Ширах: Об этой программе я не могу сказать больше того, что я уже сказал.

Додд: Вы отвечали за использование в войне гитлеровской молодежи, не так ли?

Ширах: Использование немецкой молодежи в войне проводилось по приказам рейхсюгендфюрера. Из того, что я знаю, я могу дать лишь общую, но не детальную информацию.

Додд: Скажите, я снова вас спрашиваю, были ли вы назначены и выполняли ли вы обязанности лица, ответственного за использование в войне молодежи Германии? У меня есть документ, который показывает ваше назначение, если вы хотите на него посмотреть.

Ширах: Я вовсе не хочу этого оспаривать. В 1939 и 1940 годах, когда я был руководителем молодежи, я сам руководил этой работой.

Додд: Я говорю о назначении, которое имело место еще позднее в 1939 или 1940 году. Вы были назначены фюрером в его ставке в марте 1942 года ответственным за использование в войне германской молодежи, не правда ли?

Ширах: Я прошу показать мне этот документ, я точно не помню, но считаю, что это возможно.

Додд: Хорошо. Это PS-3933, который стал USA-868. Но прежде всего: вы не знаете о том, что вы были назначены ответственным за использование в войне германской

---

[450] Юнкерс — авиастроительная компания Германии, основанная Хуго Юнкерсом в Дессау как фирма Junkers&Co производившая газоотопительные котлы, охладители и вентиляторное оборудование. К авиастроению компания приступила после начала Первой мировой войны. К началу Второй мировой войны компания являлась крупнейшей в Германии и осуществляла разработку и строительство многих конструкций, внесших существенный вклад в историю мировой авиации.

молодежи? Вам нужно показать документ?

Ширах: Нет. Я не могу лишь по памяти сказать дату. Я считаю, что я с 1939 года ведал вопросами использования молодежи в войне.

Додд: Хорошо. Это то, что я хотел установить, — факт о том, что вы были ответственны и продолжали быть ответственным за это до самого конца войны. Я понял, что вы сказали минуту назад, что рейхсюгендфюрер был ответственным, нежели чем вы?

Ширах: Нет. Я сказал, что я могу дать вам общую, но не особую информацию, потому что практическое применение военного использования было вопросом Аксмана; однако, я хочу минимизировать свою ответственность таким образом.

Додд: Очень хорошо. Я думаю, что нам достаточно ясно, что вы фактически были назначены на эту должность, как бы вам ни хотелось теперь «замять» эту ответственность. Когда вы впервые стали ответственны за использование молодежи в войне?

Ширах: Насколько я помню, с 1939 года, то есть с самого начала войны, я отвечал за это, но я теперь вижу, что это распоряжение не подписывалось до 1942.

Додд: Хорошо; мы согласны в том, что с этой даты марта 1942, вы были ответственным. Теперь прошу вас посмотреть на другой документ.

Ширах: Один момент, могу я объяснить кое-что в этой связи? Я не знаю подписал ли Гитлер это распоряжение в 1942; я не знаю, когда оно было подписано. В этом документе Аксман говорит мне: проект распоряжения теперь направлен начальнику рейхсканцелярии, который запросит официального одобрения от заинтересованных ведомств Рейха, и затем Борман…

Додд: На самом деле, вам его не нужно читать. Что вы сейчас хотите сказать? Может быть, вы скажете, что он не был подписан, или может вы не были назначены, или вы собираетесь сказать, что вы были назначены? Будьте любезны ответить на вопрос?

Ширах: Вообще нет. Но я действительно не могу сказать о дате публикации этого распоряжения в марте 1942. Может быть, его не публиковали до мая.

Додд: Я ни придавал большого значения дате. Я хочу, чтобы вы взглянули на документ USA-869. Это сможет помочь вашей памяти; это телеграмма, которую подсудимый Розенберг послал доктору Ламмерсу — в ставку фюрера 20 июля 1944, и вы увидите, что в первом абзаце говорится следующее:

> «В связи с соглашением между рейхсмаршалом как главнокомандующим воздушными силами, рейхсфюрером СС, рейхсюгендфюрером, и министром оккупированных восточных территорий производится набор молодежи следующих национальностей: русской, украинской, белорусской, литовской и татарской на добровольных началах для гражданской обороны в Рейхе».

Это и есть та самая программа, за которую вы несли в то время ответственность. Затем, идя дальше, я хочу обратить ваше внимание на третий абзац, который напомнит вам о том мероприятии «Heuaktion», документ о котором уже представлен в качестве доказательства. Эта телеграмма гласит:

> «На базе предложений военных учреждений захват и передача молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и отправка ее на территорию Рейха будет иметь место (Heuaktion) в части оперативного района, поскольку молодёжь в оперативном районе не представляет значительной проблемы».

И затем дальше:

> «Целью этого мероприятия является дальнейшее использование молодежи включением ее в молодежное движение Рейха и подготовка подмастерьев для германской экономики в форме, которая соответствует соглашению с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы с белорусской молодежью, которое уже дает свои результаты».

Я обращаю ваше особое внимание на последнюю фразу: «которое уже дает свои результаты».

И в последнем предложении, в следующей фразе, говорится: «...эта молодежь должна быть использована позднее в оккупированных восточных территориях как особенно надежная строительная сила».

Вы можете видеть, что в последнем абзаце говорится следующее: «Акции, указанные в пунктах 1 и 3», которые я только что зачитывал, «известны фюреру». И здесь также есть кое-что о помощи СС в отношении этих акций.

На следующей странице документа имеется телеграмма рейхсфюреру СС, рейхсюгендфюреру, рейхсминистру внутренних дел и в конце — бюро гауляйтеров, то есть это тем, кому полагалось получить этот документ.

Что же, вам известно о захвате молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и о передаче ее вашим молодежным организациям в Германии в годы войны и о том, как многие тысячи молодежи были похищены? Вы знаете об этом?

Ширах: Я уже ранее сказал, что я не хочу ограничивать ответственность, которую я несу за это, но что я лишь позже узнал об этом. Рейхсюгендфюрером в том году был не я, а другое лицо, и оно заключало эти соглашения с рейхсфюрером СС и с главнокомандующим воздушными силами. Но мои собственные меры…

Додд: Позднее вы были рейхсляйтером по делам молодёжи Германии, не так ли? И вы также были офицером по военному использованию молодёжи Германии в то самое время?

Ширах: Я был в Вене, и дата 20 июля 1944. Вы помните, что исторические события того времени занимали всех чиновников Германии в величайшей степени. Позднее я слышал о вопросе от Аксмана, и я знаю, что сбор, подготовка, пропитание и всё

обращение с русской молодёжью было действительно превосходными.

Додд: Вы также знаете, что даже в этот час силы союзников пытаются найти тысячи этих молодых людей и вернуть их на родину. Знаете ли вы, что в сегодняшних газетах указывается, что 10 тысяч молодежи еще не обнаружено?

Ширах: Я не думаю, что речь идет о той молодежи, которая была размещена в домах для подмастерьев и которая в исключительно упорядоченных условиях получала очень хорошую профессиональную подготовку.

Додд: Поймите, это совершенно ясно из документа PS-345, что эта программа фактически действовала. Письмо от Розенберга так говорит. Он говорит «уже показывает результаты». И значит, ваша молодёжная организация должны была иметь какое-нибудь отношение к отправке этого сообщения.

Ширах: Я этого вообще не отрицал. Молодежные руководители действовали в рамках работы рейхсминистерства по оккупированным восточным территориям. И на основе того, что я услышал во время данного суда, я прекрасно понимаю, что генералы на Востоке говорили, что молодых людей следует забирать из зоны боевых действий. Мысль была в том, что подростки от 10 до 14 лет должны были вывозиться подальше от фронта.

Додд: С помощью СС?

Сейчас я хочу показать вам другой документ, PS-1137, который даст вам некоторое представление, если вы не помните, о том, что именно сделали с этой молодежью и как много её было вовлечено.

Он станет USA-870.

Председатель: Господин Додд, есть параграф внизу страницы 1 этого документа, которая относиться к другому подсудимому.

Додд: Да, ваша честь, извиняюсь; я это упустил. Для полноты протокола я это сейчас зачитаю.

Господин свидетель, я обращу ваше внимание, если могу, на этот документ PS-345, для того, чтобы вы осведомились о том, что я читаю. Вы увидите, что в последнем абзаце письма Розенберга к Ламмерсу мы находим следующую фразу:

> «Я узнал, что гауляйтер Заукель будет в ставке фюрера 21 июля 1944г. Я прошу, чтобы это было согласовано с ним и затем представлено в форме доклада фюреру».

Заукель также принимал участие в этом захвате молодежи от 10 до 14 лет, вы знаете об этом?

Ширах: Об этом я ничего не знаю и не могу дать никаких сведений.

Додд: Этот документ начинается письмом генерала, он датирован 27 октября 1944 г. и заканчивается отчетом бригадного генерала гитлеровской молодежи, носящего фамилию Никель[451]. Кстати, вы знаете Никеля? Н–и–к–е–л–ь?

---

[451] Зигфрид Никель (1913 – 1977) – нацистский политик. В 1942-1945 занимал ряд должностей в молодёжных структурах на оккупированных территориях СССР.

Ширах: Имя мне знакомо, возможно, что я знаю его лично, но в данный момент у меня нет никакого представления, связанного с этим именем. Он был не бригадным генералом, а гауптбаннфюрером.

Додд: Хорошо. Кто бы он ни был, он был одним из руководителей вашей молодежной организации. Это все, что я стараюсь установить.

Но, во всяком случае, если вы посмотрите на этот документ, то увидите, что он отчитывается в захвате этой молодежи на оккупированной восточной территории; это — октябрь 1944 года. Этот документ начинается следующими словами: «5 марта 1944 г. я получил приказ открыть учреждение для набора молодежи с 15 до 20 лет из населения оккупированных восточных территорий для использования в военной промышленности Рейха».

Далее он дает цифру и рассказывает, где он начал свою работу: в Литве, Эстонии, Латвии, на Восточном фронте, среднем секторе, южном секторе Восточного фронта. Затем идет следующая страница, на которой говорится о том, как их распределили, — тех, кого захватили:

«1383 русские вспомогательные СС, 5953 украинские вспомогательные СС, 2354 белорусские вспомогательные СС; 1012 литовские вспомогательные СС».

Затем он переходит к воздушному флоту: 3000 эстонские вспомогательные воздушные силы и т. п. Некоторых взяли во флот.

Я не собираюсь зачитывать вам всего; но это уже дает вам представление о том, как распределялись эти юноши и девушки. Вы можете заметить, что значительное число было использовано в СС.

Ширах: Да, но гауптбаннфюрер Никель на этом письме поставил штамп, на котором написано: «Министр по делам оккупированных восточных территорий». Он действовал в этом случае не по поручению рейхсюгендфюрера, а по поручению министра по делам восточных оккупированных территорий.

Додд: Я хочу попросить вас посмотреть на страницу 6. Я думаю это страница 5 вашего немецкого оригинала. Вы найдете то место, где перечисляется то, что делал персонал Никеля для осуществления этой задачи. У него были члены гитлеровской молодежи, которые следующим образом выполняли свои функции: 5 общих руководителей, 71 руководителей немецкой молодежи, работающих переводчиками и помощниками инструкторов, 26 руководителей СС, 234 человека младшего командного состава войск, шоферы и переводчики СС. А из личного состава воздушных сил у него было 37 офицеров, 221 человек младшего командного состава и т. д.

Оказало ли напоминание об этой программе, в которой ваша молодежь принимала участие, какую-либо помощь вашей памяти? Вспоминаете ли вы сейчас несколько больше?

Ширах: Этот документ совершенно не помогает моей памяти, потому что я услышал об этом впервые из этого документа. Я не был информирован о

деятельности министра по делам восточных оккупированных областей в России. Я не знаю, какие поручения руководитель гитлеровской молодежи Никель имел в министерстве по делам восточных оккупированных областей. Я беру на себя ответственность за то, что было произведено по моим приказам, а за то, что было сделано по приказам других, должны отвечать другие.

Додд: Позвольте мне показать вам кое-что о вашем ответе, который вы только, что дали. Этот персонал, о котором я прочёл, вам известно, был лишь частью программы. На последней странице документа вы увидите, насколько широка была область, в которой развертывалась деятельность Никеля. Он взаимодействовал в согласии с молодежными организациями в Нидерландах, в адриатическом оперативном командовании «Гитлерюгенда», южном оперативном командовании «Гитлерюгенда» в Словакии и Венгрии, специальном командовании лейтенанта Нагеля в лагерях беженцев в самой Германии, а затем, что довольно интересно, с полевыми управлениями в Вене.

Это то место, где вы тогда находились, не так ли? А вы говорите трибуналу, что вы ничего не знали об этой программе и об участии в ней ваших руководителей гитлеровской молодежи.

Ширах: Мне Никель не делал докладов, и я не получал ни письменных, ни устных сообщений. Его доклад, как видно из этого письма, был представлен рейхсминистру по делам восточных оккупированных областей В какой степени об этом информировался рейхсюгендфюрер, мне неизвестно. Я сам не знаю об этих событиях. То, что я об этом знаю, я уже точно изложил в своих показаниях. Это относится к заводам Юнкерса, к профессиональному обучению, которое проходила эта молодежь в Германии. Больше я ничего об этом не знаю.

Додд: Обратите также внимание, что группы вашего «Гитлерюгенда» были в Польше и даже в Северной Италии. А сейчас я снова спрашиваю вас, рейхсюгендфюрера, руководителя, отвечавшего за использование молодежи в войне, гауляйтера Вены, принимая во внимание то, что часть этой программы осуществлялась в Вене, а вся эта программа проводилась в таких широких размерах, — вы все еще хотите, чтобы трибунал вам поверил, что вы ничего об этом не знали?

Ширах: Я ничего не знаю об этом, но я беру на себя за это ответственность.

Додд: Вы в своём прямом допросе говорили трибуналу, что написали письмо в «Sturmer» Штрайхера.

Господин председатель, я хочу приобщить его в качестве доказательства, для того, чтобы трибунал видел как оно появилось на обложке «Der Sturmer»

Вероятно – господин свидетель, если вы хотите на него взглянуть, вы конечно можете. Это USA-871. Я лишь хотел, чтобы вы посмотрели на него до его приобщения. Вам оно во всяком случае известно.

Ширах: Я уже сделал об этом заявление на днях.

Додд: Да, я не желаю далее вдаваться в него. Господин свидетель, о чём я вас хочу

спросить это: я ясно вас понял, когда я сказал, что из ваших показаний мы поняли, что Гитлер приказал эвакуировать евреев из Вены и что вы в действительности не предлагали ему этого и не желали осуществлять это? Это честное понимание ваших показаний день или два назад?

Ширах: Я заявлял на днях, и повторяю это, что идея эвакуации евреев из Вены была идеей Гитлера, о которой он сообщил мне в 1940 в своей ставке. Далее, я хочу внести ясность, я заявил, что после тех ноябрьских дней 1938 я на самом деле считал, что было бы лучше, если бы еврейское население собиралось в близких поселениях, чем постоянно выступало мишенью пропаганды Геббельса и его организованных акций. Я также говорил, что я отождествил себя с акцией предложенной Гитлером, но не проводил её.

Додд: Итак, вы были на встрече в ставке фюрера в октябре 1940. Присутствовал подсудимый Франк и печально известный Кох, о котором мы много слышали. Вы помните эту встречу?

Ширах: Я уже точно не помню.

Додд: Итак, вы имеете в виду, что вообще не вспоминаете встречу?

Ширах: В октябре 1940 я был в рейхсканцелярии, потому что тогда я организовывал эвакуацию молодёжи. Возможно, что за обедом…

Председатель: Вас спросили о том, помните ли вы в частности встречу в октябре 1940 с некими людьми. Вы её помните или нет?

Ширах: Я её не помню. Если мне покажут документ тогда я смогу это подтвердить.

Додд: Очень хорошо; это то, что хотел знать. Сейчас я вам покажу документ СССР-172. Он был частично прочитан в суде полковником Покровским. Обратите внимание на следующее. Господин Мартин Борман составил эти записи, а значит, я полагаю, он также там был. Там говорится, что 2 октября после обеда в кабинете фюрера началась беседа относительно положения в Генерал-губернаторстве:

> «Обращение с поляками и объединение уже одобрено фюрером в некоторых районах Томашува и Петрикау».
>
> И дальше:
>
> «Беседа началась, когда рейхсминистр Франк информировал фюрера о том, что деятельность в Генерал-губернаторстве проходит весьма успешно. Евреи Варшавы и других городов уже заперты в гетто, а Краков скоро будет очищен от них. Рейхсляйтер фон Ширах, который сидел рядом с фюрером, заметил, что у него все еще есть более 50 тысяч евреев в Вене, которых Франк должен будет взять у него. Член партии Франк сказал, что это невозможно. Тогда гауляйтер Кох указал, что у него тоже до сих пор имеются непереведенные евреи и поляки из области Цихенау, но эти поляки и евреи, конечно, должны теперь быть приняты генерал-губернатором».

И затем Франк также протестовал против этого; он сказал, что для этого

нет жилищных условий – я не цитирую прямо, я не хочу зачитывать всё – и о том, что не хватает иных средства. Вы теперь помните об этом совещании?

Ширах: Теперь я освежил это в своей памяти.

Додд: И вы полагали, что у вас имеется 50 тысяч евреев, которых вы должны перевезти на территорию Франка из Вены?

Ширах: В такой формулировке это неверно. Фюрер спросил меня, сколько евреев еще в Вене. Об этом я уже говорил в своих показаниях ранее. В документе записано, что тогда еще имелось 60 тысяч евреев в Вене. Во время этой беседы, обсуждавшей вопрос о поселении евреев в Генерал-губернаторстве, я также сказал, что нужно еще перевезти из Вены 60 тысяч евреев в Генерал-губернаторство. Я уже сказал вам ранее, что вследствие событий в ноябре 1938 года я считал правильным этот план фюрера о переселении евреев в замкнутую область поселения.

Додд: А теперь, позднее, как вам известно из USA-681 касательно запроса вашего защитника, Ламмерс направил вам в Вену сообщение и сказал, что фюрер решил после получения одно из докладов подготовленных вами, что 60000 евреев в Вене следовало депортировать как можно скорее, и это было всего 2 месяца спустя после совещания которое прошло у вас с Франком и Кохом и Гитлером, не так ли?

Ширах: Да, фюрер ведь с 1937 года поддерживал мысль — я нахожу, что это видно из записей Хоссбаха — о выселении еврейского населения. Мне об этом было сообщено в августе 1940 года, когда я явился к нему по случаю моего назначения гауляйтером Вены. Он у меня спросил, сколько евреев в Вене. Я ответил на этот вопрос. Он хотел переселить евреев в Генерал-губернаторство.

Додд: Сколько евреев вы фактически выселили из вашей области пока вы были гауляйтером?

Ширах: Прежде всего, проведение этой акции осуществлялось не мной, и я не знаю, сколько евреев из 60 тысяч, проживавших в Вене, было выселено оттуда.

Додд: Имеете ли вы какое-нибудь представление о том, куда они делись?

Ширах: Мне было сообщено, что старики направляются в Терезиенштадт[452], остальные — в Польшу. Я даже один раз, мне кажется, в связи с назначением меня рейхсштатгальтером или по случаю доклада об эвакуации детей, спросил Гитлера, чем должны заниматься эти евреи. Он мне ответил — в соответствии с их профессиями.

Додд: Хорошо, мы позднее перейдем к этому. Вы помните, не правда ли, что они были посланы, во всяком случае, некоторые из них в города Ригу и Минск, и вы были уведомлены об этом? Вы помните, что вы получили такие сведения?

Ширах: Нет.

Додд: Посмотрите на документ PS-3921. Это сообщение об эвакуации евреев. Из

[452] Терезиенштадт — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим или другие лагеря смерти и были убиты.

него видно, что 50 тысяч евреев должны были быть высланы в области Минска и Риги, и вы как рейхскомиссар обороны получили копию этого отчета, и если вы посмотрите на последнюю страницу, вы увидите инициалы вашего первого заместителя из СС Дельбрюгге, а также печать вашей канцелярии при получении документа.

Ширах: Я вижу лишь, что Дельбрюгге занес это событие в документы. На них имеется надпись z. d. A.[453] в материалах.

Додд: И он вам не рассказал об этом отчете, касающемся евреев, хотя вы и говорили с Гитлером об этом, об их выселении из вашей области? По-видимому, ваш первый заместитель не удосужился сообщить вам об этом? Вы говорите, чтобы мы вас именно так поняли?

Ширах: Да.

Додд: Но тогда посмотрите на другой документ, который прольет свет на этот вопрос. Это документ USA-808, который уже был представлен в качестве доказательства, где говорится о том, что произошло с евреями в Минске, в Риге, и который также поступил в вашу канцелярию, если вы это помните. Может быть, нет необходимости снова вам показывать этот документ? Вы помните этот документ — это один изежемесячных отчетов от Гейдриха, где говорится, что в Риге было 29 тысяч евреев, но это число было доведено до 2500. Вообще же 33 210 евреев были расстреляны специальным подразделением — айнзацгруппой. Вы помните об этом?

Ширах: Во время прошедших двух дней я просмотрел эти месячные отчеты и относительно их должен сказать в принципе следующее: на первой странице имеются инициалы Др. Фшр, это — инициалы Фишера, а сверху написано не мной, а моим чиновником от имени регирунгспрезидента «в дело».

Додд: Я не говорю о том, что ваши инициалы стоят на подобных документах, я говорю, что эти документы прибыли в ваше управление и поступили к одному из ваших главных помощников.

Ширах: Если бы они мне были бы представлены, там была бы пометка: «представлено рейхсляйтеру», и ниже была бы пометка референта. Если бы я принял их к сведению, то там стояли бы мои инициалы с пометкой «K.g».

Додд: Да. Я хочу напомнить вам дату отчета — это февраль 1942 года. Я хочу напомнить, что также и здесь Гейдрих сообщал, сколько евреев они убили в Минске. Затем однажды вы произнесли речь в Польше о польской или восточной политике Германии. Вы помните об этом?

Ширах: В Польше?

Додд: Да, в Польше.

Ширах: В Польше в 1939 году я был некоторое время проездом, а позже, мне кажется, не бывал там.

Додд: Сегодня утром у вас что-то исключительно плохая память. Вы не помните

---

[453] Аббр с нем. zu den Akten (в дело)

свою речь в Катовицах 20 января 1942 г.?

Ширах: В Верхней Силезии?

Додд: Да, в Верхней Силезии, вы помните эту речь?

Ширах: Да я припоминаю, в Катовицах я произнес речь.

Додд: Говорили ли вы о гитлеровской политике на восточных территориях?

Ширах: Я не помню, что я тогда сказал. Я произносил много речей.

Додд: Что же, я попрошу, чтобы вам показали D-664, который стал USA-873. Вы обращались тогда к партийным руководителям и к руководителям германской молодежи?

Ширах: Да.

Додд: В седьмом абзаце говорится о задачах германской молодежи на Востоке. «Гитлерюгенд» должен был проводить политическое обучение согласно принципам восточной политики фюрера, и вы говорили о том, что чрезвычайно благодарны фюреру за то, что он заставил германский народ повернуться лицом к Востоку, потому что Восток был судьбой ваших людей. Что вы тогда понимали под восточной политикой фюрера и вообще хорошо ли вы ее понимали в то время?

Ширах: Речь была произнесена в Верхней Силезии в благодарность за то, что мы получили обратно эту область.

Додд: Я спрашивал вас, понимали ли вы тогда достаточно хорошо «восточную политику» фюрера, когда вы произносили эту речь?

Ширах: Тогда я, естественно, под впечатлением нашей победы над Польшей и возвращения германской земли относился положительно к политике на Востоке.

Додд: Вы не только ее поддерживали, я хочу знать, действительно ли вы ее понимали?

Ширах: Я не знаю, как я могу ответить на этот вопрос. По-видимому, Гитлер понимал под политикой на Востоке нечто совершенно иное, чем я.

Додд: Но суть моего вопроса заключается в том, что он говорил с вами об этом, не правда ли, до того, как вы произнесли свою речь?

Вы лучше снова взгляните на документ СССР-172, который находится у вас в руках. Вы обнаружите, что после того, как вы, Франк, Кох и Гитлер закончили разговор о выселении евреев из Вены, фюрер тогда сказал вам, что он намеревается сделать с поляками. Это не очень красивая история, но вы все-таки посмотрите на этот документ.

Ширах: Гитлер говорит здесь:

> «Идеальная картина такова: поляк имеет право иметь лишь небольшие участки земли, которые в известной степени, обеспечивают питание только ему и его семье. Все остальные средства, которые ему нужны на одежду, дополнительное питание и т. д. он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство — это главная контора по найму неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных

рабочих; существование этих рабочих обеспечивалось бы, так как их всегда можно использовать как дешевую рабочую силу. О сельскохозяйственных рабочих для Польши больше не будет речи».

Додд: Разрешите мне прочесть вам те места, которые, мне кажется, вы пропустили:

«Фюрер затем подчеркнул, что поляки, в отличие от германских рабочих, рождены для тяжелого труда...» и т. д. «Жизненный уровень в Польше должен быть и оставаться чрезвычайно низким».

И затем на следующей странице:

«Мы, немцы, с одной стороны, имеем перенаселенные промышленные районы и, с другой стороны, мы нуждаемся в рабочей силе в сельском хозяйстве. Там мы можем использовать поляков. Для достижения этой цели имеются достаточные ресурсы в Генерал-губернаторстве, так что каждый год мы можем фактически получать оттуда рабочую силу. Следует помнить, что не должно быть никаких польских земельных собственников. Как бы это ни звучало жестоко, там где они есть, они должны быть уничтожены. Насколько я понимаю, нельзя также допускать смешения крови с поляками».

Далее, он еще раз подчеркнул, что:

«над поляками должен быть один господин — это немцы. Два хозяина не могут существовать одновременно. Все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Вы, как вы заявили трибуналу, представитель культуры. Можете ли вы сейчас сказать, какое впечатление на вас произвела политика фюрера, изложенная им в такой форме?

Ширах: С этим намерением фюрера я никогда не был согласен, я разговаривал с ним относительно политики на Украине в 1943 году. В 1942 году я говорил в Катовицах перед немецким населением, но я не подозревал об этой жестокой польской политике Гитлера.

Додд: Но вы знали об этом, когда вы произносили вашу речь, не так ли?

Ширах: После двух лет я уже не помнил об этом, и я не имел этого в виду, когда произносил свою речь.

Додд: Вы забыли, что Гитлер сказал вам, что он должен уничтожить польскую интеллигенцию, что вы должны были быть господами этих людей, что они должны продолжать жить на очень низком уровне? Это все так легко исчезло из вашей памяти?

Ширах: В этой речи в Катовицах, о которой я хорошо помню, я говорил о совершенно других вещах, и я полагаю, что обвинение имеет стенограмму этой речи. Ее и надо было предъявить здесь. Здесь же только небольшие выдержки из нее.

Додд: Но видите ли, дело в том, что, зная, в чем заключалась восточная политика, я хотел бы, чтобы вы сказали трибуналу, как вы могли пропагандировать и восхвалять эту политику среди групп молодежи во время своего выступления в Катовицах?

Ширах: Политика, которую я рекомендовал в своей речи руководителям молодежи, это не была та политика, о которой говорил Гитлер.

Додд: Вы сказали в своей речи, что это была политика фюрера и вы, знали, какова она была, но я не буду больше настаивать, если вы отвечаете таким образом.

Ширах: Об этом я уже говорил. Может быть, я очень часто следовал политике Гитлера в силу ошибочной преданности ему. Я знаю, что это было неверно.

Додд: Это то, что я хочу знать. Вы действовали, не правда ли, в порыве преданности фюреру. Сейчас вы признаете, что это было ошибочным, и это все, о чем я вас спрашиваю; и если вы скажете это трибуналу, я буду вполне удовлетворен.

Ширах: Да, я готов признать это.

Додд: Не должны ли вы сказать трибуналу, что все эти вопросы, затронутые в вашем письме в «Der Sturmer», касавшиеся еврейского народа, которые вы ставили перед молодежью, и это медленное, но верное стимулирование расовой ненависти к евреям, сотрудничество с СС, ваше обращение с евреями в Вене, все это то, за что вы несете ответственность?

Ширах: Нет.

Додд: Наконец, господин председатель я хочу представить как доказательство несколько отрывков из еженедельных отчетов СС, о которых я кратко говорил. Они должны быть представлены трибуналу. Их
всего 55, и следуют они неделя за неделей. На всех имеется штамп учреждения подсудимого, поскольку он их получал. Затем имеются ежемесячные отчеты, начиная с того времени, как они стали выходить; они
поступали ежемесячно.

У нас нет всех их переведённых или мимеографированных[454], и если подсудимый пожелает взять какие-либо из них мы их конечно, предоставим. Из этих отчетов мы выбрали некоторые примеры для того, чтобы проиллюстрировать характер этих еженедельных отчетов.

Я хотел бы их представить: начиная с 1 мая 1942г. — отчет № 1, отчет № 4, отчеты № 6, 7, 9, 38, 41, 49.

Сейчас я хочу разъяснить вам этот вопрос. Кроме заявлений, касавшихся того, что произошло с евреями, вы найдете в этих еженедельных отчетах ряд обзоров о действиях партизан на Востоке. Эти отрывки преимущественно связаны с тем, что происходило с евреями; у нас мало отчетов, относящихся к деятельности партизан. Однако все же у нас имеются отчеты о действиях партизан, а не евреев, так что мы хотим, чтобы не было никаких сомнений в том, как мы используем эти

---

[454] Ротатор (от лат. rotator — вращатель), или мимеограф, или автокопист, или циклостиль — машина трафаретной печати, предназначенная для оперативного размножения книг малыми и средними тиражами.

еженедельные отчеты. Я хочу только спросить вас в отношении этих еженедельных отчетов: признаете вы сегодня, что вы получали их каждую неделю в вашем учреждении?

Ширах: Это ведь не мое учреждение. У меня было центральное бюро. Референт этого бюро, которым руководил регирунгспрезидент, переписывал, как это следует из заметок и что сможет подтвердить всякий

сведущий немецкий чиновник, переписывал документ, бюро представляло его регирунгспрезиденту, а тот писал на нем: «в дело» — и ставил на нем свои инициалы. Так что я мог совсем не знать этих документов.

Додд: Минуточку. Вы были рейхскомиссаром обороны этих территорий? Не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: И это ваша печать на этих еженедельных отчетах, да?

Ширах: Да.

Додд: Так что же вы тогда говорите, что это не ваше учреждение?

Ширах: Корреспонденция, которую я получал, подобно тому, как она поступает в бюро министра, попадала ко мне в центральное управление. Если она была получена, там должны иметься соответствующие отметки. Теперь я понимаю, что регирунгспрезидент, учитывая мою загруженность работой, дела, которые не имели никакого отношения к Вене и к моей деятельности и носили лишь информационный характер и касались событий в России — на 90 процентов они касались борьбы с партизанами в России, — вообще не представлял мне.

Додд: Я снова вас спрашиваю, как я уже много раз делал во время этого допроса, был ли Дельбрюгге, который ставил свои инициалы на этих отчетах, вашим главным заместителем? Да или нет?

Ширах: Да. Он был одним из моих трех заместителей.

Додд: И он был также членом СС и значит это был ваш ещё один принципиальный помощник, как мы спрашивали на днях.

Ширах: Дельбрюгге был одним из высших командиров СС, он был особо доверенным лицом рейхсфюрера СС.

Додд: Как получилось, что он работал с вами?

Ширах: Он был назначен мне туда.

Додд: Господин председатель, я не думаю, что необходимо зачитывать какие-либо выдержки из этих еженедельных докладов. Они переведены на четыре языка и - что же, меня неправильно проинформировали. Я думал они были переведены. Тогда я думаю было бы лучше, если мы переведём их и представим их позднее нежели тратить время зачитывая их сейчас.

У меня больше нет вопросов.

Председатель: Вы хотите провести повторный допрос? Нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Александров: Вы признаете, что «Гитлерюгенд» ставила своей задачей внедрение фашистской идеологии немецкой молодежи и детям, начиная с десятилетнего возраста?

Вы слышите меня?

Ширах: Я понял вопрос в таком смысле: признаю ли я, что я прививал «Гитлерюгенду» в возрасте от 10 до 14 лет фашистские идеи?

Как я уже говорил в своих показаниях несколько дней назад, я считал своим долгом и своей обязанностью воспитать немецкую молодежь гражданами национал-социалистического государства…

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вам совершенно не нужно повторять то, что вы уже говорили во время предыдущих допросов. Отвечайте только на вопрос: вы признаете, что вы прививали гитлеровской молодежи идеи Гитлера? Да или нет?

Ширах: Я не могу ответить на это «да», потому что это относится к фашизму. Между фашизмом и национал-социализмом есть большая разница. Поэтому я не могу ответить «да». Я воспитывал немецкую молодежь в национал-социалистическом духе. На это я отвечаю: «Да».

Александров: Я хочу теперь, чтобы вы подтвердили мне ваши показания, которые вы дали на допросе 16 ноября 1945 г. Вы тогда сами следующим образом определили свое личное отношение к Гитлеру (цитирую ваши показания): «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился к всему тому, что он говорил и писал, как к откровению[455]». Кончаю цитату. Вы подтверждаете эти показания?

Ширах: Я не говорил такого, и это не тот протокол, который мне предъявляли. Я никогда не говорил о Гитлере как о божестве. Вы меня тогда спросили, был ли я восторженным приверженцем Гитлера. Я ответил утвердительно на этот вопрос. Я имел в виду время, когда я впервые стал участником этого движения. Я никогда не приводил этого сравнения, которое сейчас здесь приводится, сейчас я возражаю переводу, и я никогда не говорил о том, что я верил в Гитлера как в божество.

Александров: Вы меня неправильно поняли. Здесь о божестве никакой речи не идёт. В ваших показаниях записано (я повторяю): «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился к всему тому, что он говорил и писал, как к откровению».

Подтверждаете вы эти показания или нет? Отвечайте прямо на вопрос.

Ширах: Перевод не совсем точный. Могу я попросить вас снова задать вопрос?

Александров: Пожалуйста. Я цитирую ваши показания: «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился к всему тому, что он говорил и писал, как к

---

[455] Переводчик ошибочно перевёл сказанное как «видел в нём божество». Примечание по IMT, том XIV, стр. 517.

откровению». Правильно?

Ширах: Меня обвиняют в том, что я сказал: «Я был восторженным приверженцем Гитлера и считал всё сказанное и написанное им воплощением истины». Я так это понял, и я должен сказать, что я никогда не произносил такой бессмыслицы.

Серватиус: Могу я дать объяснение этому переводу? Я думаю, что по-немецки было бы правильно: «Я рассматривал сказанное Гитлером манифестом истины», а не «воплощением истины», тогда это будет понятно. Есть ошибка в переводе.

Александров: Ваш защитник, вам помог теперь, чтобы вы могли ответить на мой вопрос?

Ширах: Генерал, это был не мой защитник, а защитник подсудимого Заукеля. Если бы это перевели «манифестом истины», тогда конечно весь отрывок имеет смысл, и также грубо соответствует тому, что я говорил вам, когда я описывал период своей юности.

Александров: Хорошо.

В своей книге «Гитлерюгенд» вы писали, цитирую со страницы 17: «Книга Гитлера «Моя борьба» была нашей библией». Вы это подтверждаете? Вы это писали?

Ширах: Но я кое-что прибавил в своей книге «Гитлерюгенд – его судьба и организация». Я хочу сказать, прежде всего, что я написал эту книгу. Я написал её…

Александров: Господин свидетель, я вас перебиваю. Мне не нужно таких пространных объяснений, я хотел бы, чтобы вы ответили, написана эта фраза в вашей книге или нет?

Ширах: Я только что подтвердил это, но к этому подтверждению я должен дать разъяснение, которое я и хочу сейчас сделать. Я говорил в моей книге, которую я писал в 1933 году и которая была опубликована в 1934 году, следующее: «Мы не могли еще в подробностях обосновать наше мировоззрение. Мы просто верили. И, когда появилась книга Гитлера «Mein Kampf», эта книга стала библией, которую мы учили почти наизусть, чтобы суметь ответить на вопросы сомневающихся и располагающих большим материалом критиков».

Да, я тогда так писал. Это правильно.

Александров: Теперь я хочу задать вам один уточняющий вопрос. Вы признаете, что «Гитлерюгенд» была политической организацией, которая под руководством НСДАП проводила политику этой партии среди немецкой молодежи?

Ширах: «Гитлерюгенд» была крупной воспитательной организацией на политической основе, но я не могу признать, что её вела партия; она велась мною. Я был членом партийного руководства, и в этом смысле можно говорить о партийном влиянии. Но я не вижу причины подтверждать это, поскольку я уже свидетельствовал об этом.

Если смысл вашего вопроса в этом, я это подтверждаю.

Александров: Я это имел в виду как раз.

Я напомню вам теперь, какие задачи ставил Гитлер в деле воспитания немецкой молодежи. Об этом говорится в книге Раушнинга[456]. Эта книга представлена уже трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-378. Цитирую со страницы 252 этой книги. Начало цитаты:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

Кончаю цитату.

И вы воспитали немецкую молодежь в соответствии с этими требованиями Гитлера, вы это признаете? Отвечайте…

Ширах: Я не признаю того, что пишет господин Раушнинг. Я совершенно случайно был свидетелем одного разговора между Гитлером и Раушнингом и должен сказать: то, что он пишет в своей книге, является неправильной передачей высказываний Гитлера. Между прочим я был лично свидетелем такого разговора.

По вопросу о воспитании Гитлер мне не давал таких директив, которые господин Раушнинг трактует как задачи «Гитлерюгенда», поставленные передо мной Гитлером.

Александров: От вас не требуется таких пространных объяснений. Я прошу более кратко отвечать на задаваемые вопросы, чтобы сократить время допроса. Вы здесь утверждали что «Гитлерюгенд» не воспитывала в немецкой молодежи духа милитаризма и не подготовляла ее к будущим агрессивным войнам. Я напомню вам некоторые ваши высказывания из той же вашей книги «Гитлерюгенд»; на странице 83 этой книги, говоря о младшем поколении «Юнгфольк», вы писали:

«Они носители национал-социалистского характера. Торговцы игрушками волнуются, что этим детям не нужно более игрушек. Их интересуют походные палатки, копье для метания, компас и карта. Это особенность нашей молодежи. Все, что против нашего единства, должно быть предано огню».

Не руководствовались ли этими вашими директивами воспитанные «Гитлерюгенд» солдаты немецкой армии, поджигая дома мирных жителей на оккупированных территориях? Это написано в вашей книге, то, что я сейчас прочитал?

Ширах: То, что здесь лежит передо мной, написано в моей книге, а того, что мне перевели, — в ней нет.

Александров: Внесите свои поправки.

Ширах: Могу я прочитать правильный фрагмент:

---

[456] Герман Раушнинг (1887 —1982) — немецкий политический деятель, музыкальный критик и плодовитый писатель-политолог.

«Торговцы игрушками жаловались мне, что эти мальчики, речь идёт о Юнгфольк, не хотят более иметь дело с игрушками; их интересуют географические карты, компасы, плащ-палатки и копья для метания. Я не могу помочь этим торговцам игрушками, потому что время индейцев, давно прошло. Что такое «Старый Шаттерхэнд[457]», что такое охотник в прериях Америки в сравнении с нашим войсковым командиром. Жалкий, пыльный образец из деревянного сундука наших отцов. Не только торговцы детскими игрушками жалуются теперь, но и фабриканты, производящие детские шапочки. Кто сейчас носит школьную фуражку? Кто теперешние школьники, мальчики или девочки? В некоторых городах мальчики собрались вместе и публично сожгли школьные фуражки. Фактически, сжигание—это специальность новой молодежи. Границы малых государств Рейха также были превращены в пепел огнем молодежи.

Это простая, но героическая философия; все, что против нашего единства, должно быть брошено в пламя».

Генерал это выражение, из «бури и натиска[458]» в котором молодёжь нашла своё особое единство.

Александров: Философия сводится, по вашему мнению, к тому, что дети должны перестать играть в игрушки, а заниматься какими-то другими делами. Так? Что это несвойственно детям. Правильно я вас понял. Я не вижу существенной разницы между моей цитатой и тем, что вы прочитали сейчас сами.

Ширах: Могу я сказать, что я думаю, что военная подготовка молодёжи в Германии гораздо отстаёт от Советского Союза.

Александров: Это неуместное сравнение. Цитирую дальше вашу книжку. На странице 98, говоря о молодых гитлеровцах, вы писали:

«Они стремятся быть солдатами политики, воплощающими старую гвардию нацизма, убедительнее всех других организаций в Германии. Их образец Адольф Гитлер».

Это вы писали?

Ширах: Я не нашёл место, это страница 98?

Председатель: Генерал, свидетель признал, что он написал всю книгу, не так ли?

Александров: Чтобы особо не задерживать, перейдем к следующему вопросу.

Вы уже говорили здесь о созданной «Гитлерюгенд» специальной организации моторизованной гитлеровской молодёжи, вы утверждали, что эта

---

[457] Олд Шаттерхенд (англ. Old Shatterhand — старина «Разящая рука») — персонаж ряда произведений Карла Мая, праведный белый человек, друг индейцев.

[458] «Буря и натиск» (нем. Sturm und Drang) — период в истории немецкой литературы (1767—1785), связанный с отказом от культа разума, свойственного классицизму, в частности классицизму 18 века, в пользу предельной эмоциональности и описания крайних проявлений индивидуализма, интерес к которым характерен для предромантизма.

организация ставила перед собой только спортивные цели. Я вас правильно понял, когда вы здесь об этом говорили?

Ширах: В связи с обучением моторизованных отрядов гитлеровской молодежи я говорил о занятиях спортом и езде на пересеченной местности. Я сказал также, что я признаю, что моторизованные отряды гитлеровской молодежи обучаются в духе допризывной подготовки. Я ничего в этом не оспаривал.

Председатель: Генерал, в перекрестном допросе господина Додда свидетель очень долго рассказывал об этих вопросах особых подразделениях гитлеровской молодёжи и нет ничего хорошего в том, чтобы снова это проходить.

Александров: Господин председатель здесь остался невыясненным ряд моментов имеющих существенное значение, в частности последующими вопросами это будет ясно.

Вам было известно, что к концу 1938 года организация моторизованной гитлеровской молодежи состояла из 92 отрядов, численностью в 100 тысяч юношей?

Ширах: Состояла ли она из 92 отрядов, я сейчас на память не могу сказать, потому что слово «отряды» - таким был перевод – не обозначало никаких наших подразделений «Гитлерюгенда». Я в своих показаниях своему защитнику или господину Додду говорил об общей численности моторизованных отрядов «Гитлерюгенд» и приводил самые точные данные, относящиеся к 1938 году.

Александров: Я говорю о 1938 годе и называю цифру 100 тысяч юношей, которые состояли в организации моторизованной гитлеровской молодёжи. И хочу, чтобы вы это подтвердили. Вам известно было об этом?

Ширах: Я не могу на память сказать, объединяли ли в 1938 году моторизованные отряды гитлеровской молодежи 100 тысяч юношей или нет. Может быть, их было 60 тысяч, а может быть, и 120 тысяч. Я не знаю этого, у меня нет данных об этом.

Александров: Я называю эту цифру, пользуясь данными приведенными в журнале «Das Archiv». Я напомню вам теперь о задачах этой организации как они изложены в этом же журнале«Das Archiv» за ноябрь-декабрь 1939. Цитирую:

> «Предварительная подготовка юношей должна происходить в специальных учебных отрядах, далее обучение в специальных моторизованных спортивных школах национал-социалисткого моторизованного…».

Я цитирую эту выдержку по книге документов защиты, документ номер 20, страница 50 русского текста. Начинаю цитату. Повторяю её:

> «Предварительная подготовка юношей должна происходить в специальных учебных отрядах, далее обучение в специальных моторизованных спортивных школах национал-социалисткого моторизованного корпуса, но это относиться только к молодёжи, которая достигла возраста 17 или старше. Подготовка включает помимо автотехнической подготовки, умение добывать огонь и

овладение искусством ориентировки на местности, а также подготовку в области мировоззрения. Гитлеровские юноши которые успешно прошли курс принимаются в национал-социалистский моторизованный корпус для его пополнения».

Кончаю цитату.

Это мало похоже на то, что вы называете спортивными целями? Вы согласны с этим?

Председатель: Генерал, мы слышали долгий перекрёстный допрос об этих особых подразделениях и мы на самом деле не хотим больше об этом слушать. Если у вас есть какие-нибудь вопросы по новым предметам, с которыми не разобрался господин Додд, мы с радостью их заслушаем, но мы не хотим слышать о том было ли 60 000 или 70 000 или 100 000 или 120 000 в моторизованных подразделениях «Гитлерюгенда»

Александров: Я привожу те данные, которые здесь ещё не приводились.

Председатель: Генерал, мы не хотим это слушать. Мы не хотим это заслушивать.

Александров: Я перехожу к следующему вопросу.

Вами было издано наставление по подготовке членов «Гитлерюгенд», так называемая «Hitlerjugend» im Dienst[459]». В этом наставлении были предусмотрены такие занятия с молодежью: теория оружия, теория стрельбы, упражнения по прицеливанию, учебная стрельба, строевая подготовка, топографическая подготовка, прикладная

топография, упражнения на местности. Кроме того, в приложении даны:

памятка для пользования походным компасом и памятка для пользования угломером. Вам известно это наставление? По вашему мнению, оно также не преследовало цели боевой подготовки немецкой молодежи?

Ширах: Я про «Гитлереюгенд на службе» говорил уже здесь очень подробно в своих показаниях в четверг и, в частности, о подготовке по стрельбе, которая в моей книге занимает сорок страниц, и в связи с этим заметил, что это обучение стрельбе проводилось по правилам, установленным для международной спортивной стрельбы из мелкокалиберных винтовок, и что британская комиссия по образованию рекомендовала всем бойскаутам[460] эту книгу и эти правила. Для этих целей я издал эту книгу, которая служила для воспитания гитлеровской молодежи. Я уже говорил это на днях.

Александров: Вы отрицали здесь, что «Гитлерюгенд» играл немаловажную роль в создании «пятой колонны» на территории Польши. Подобные же методы применялись и на территории Югославии. Правительством Югославии предоставлено в распоряжение советского обвинения документы, устанавливающие

---

[459] Гитлерюгенд на службе (нем.)

[460] Британская молодёжная организация основанная в 1907.

Якоб Авендер (1898 – 1975) – руководитель движения «Обновление» в королевстве Югославия в 1935-1941

участие немецко-фашисткой молодежи под руководством «Гитлерюгенд» в создании «пятой колонны» на территории Югославии. Вам об этом известно что-нибудь? Вы знаете что-нибудь по этому поводу?

Ширах: Гитлеровская молодежь никогда не участвовала в деятельности «пятой колонны» ни в Югославии, ни где-либо в другом месте.

Александров: Я приведу выдержки из официального югославского правительственного доклада. Этот документ уже был предъявлен трибуналу под номером СССР-36, цитирую со страницы 3 русского текста этого документа:

> «Правительство Рейха и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. С 1920 года они имеют свою массовую организацию «Союз культуры». Уже в 1932 году доктор Якоб Авендер[461] стоял на точке зрения фашизации «Союза культуры», и в 1935 году он становится во главе активной молодежи, которая вскоре после этого стала называться «обновленцами».
>
> Вам известно что-либо по этому поводу?

Ширах: Относительно тех сведений, о которых вы сейчас упоминали, я ничего не могу сказать. Я понял только то, что Боле[462] имел там некоторых руководителей молодежи в качестве своих уполномоченных, но я ничего точно по этому поводу не знаю. По предмету Югославии я могу сказать вам из своей предыдущей деятельности, что мои отношения с югославской молодёжью были очень дружескими и добрыми в довоенном периоде.

Александров: Меня не это интересует. Я постараюсь вам помочь, приведу несколько выдержек из дополнительного доклада югославского правительства, который предъявлен трибуналу под номером СССР-357. На странице 7 русского текста этого доклада записано. Читаю:

> «Начиная с 1928 года между «фольксдейч[463]» в нашей стране начинается ориентировка в направлении нацизма и первые партии молодежи начинают ездить в Германию на специальные курсы».

Далее, на странице 8-а: «Позднее, но до войны с Советским Союзом, большинство из них поступило офицерами в немецкую армию. Кроме того, из молодёжи и более старых людей сформирована дивизия СС «Принц Евгений[464]». Вы отрицаете эти факты?

Ширах: Я некоторые из этих фактов признаю, а некоторые отрицаю. Могу я это

---

[461] Якоб Авендер (1898 – 1975) – руководитель движения «Обновление» в королевстве Югославия в 1935-1941.

[462] Эрнст Боле (1903 — 1960) — партийный и государственный деятель Третьего Рейха, гауляйтер, руководитель Зарубежной организации НСДАП, государственный секретарь рейхсминистерства иностранных дел Германии, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы.

[463] Фольксдойче (нем. Volksdeutsche) — обозначение «этнических германцев» до 1945 года, которые жили в диаспоре, то есть за пределами Германии. В отличие от «рейхсдойче» (нем. Reichsdeutsche, «германцев рейха»), принадлежность к «фольксдойче» («германскость») устанавливалась по отдельным признакам — по «семейной истории» (были ли родители немцами), по немецкому языку как родному, по имени, по церковным записям и т. п.

[464] 7-я добровольческая горная дивизия СС «Принц Ойген» сформирована в марте 1942 из фольксдойче Хорватии, Сербии, Венгрии и Румынии, названа в честь принца Евгения Савойского.

объяснить?

Александров: Скажите.

Ширах: С 1933 я пытался добиться хороших отношений с югославской молодёжью.

Александров: Кроме того?

Ширах: Начиная с 1936 или 1937 я расширял приглашения югославским молодёжным группам, также как и молодёжным группам всех европейских стран, для посещения и инспектирования немецких молодёжных учреждений. Югославские молодёжные группы действительно прибывали в Германию в ответ на мои приглашения. О вступлении югославской молодежи в немецкую армию я ничего не знаю. Я могу только сказать, что в то время, когда в Югославии правил принц Павел[465] — регент Югославии, наблюдалось очень тесное сотрудничество с югославской молодежью. Во время войны мы поддерживали хорошие отношения, как с сербской так и с хорватской молодёжью. Немецкая молодёжь посещала Сербию и Хорватию, и в то же время сербская и хорватская молодёжь посещала немецкие молодёжные лагеря, учебные школы немецких молодёжных руководителей, и тому подобное, и осматривали наши учреждения. Я думаю, это всё, что я могу об этом сказать. Но у нас были дружеские отношения не только с Югославией, но также со многими остальными странами.

Александров: Вы меня неправильно поняли. Я говорю не о югославской или хорватской молодёжи, я говорю о молодежи из немецкого нацменьшинства, которая проживала на территории Югославии, из которой при участии «Гитлерюгенд» подготавливались кадры для создания «пятой колонны» в Югославии для подрывной работы, для укомплектования войсковых соединений СС и вооруженных сил. Вот, о чем я говорю. Эти факты вам известны?

Ширах: Я знаю, что в Югославии имелась немецкая молодежь точно так же, как она имелась в Румынии и в Венгрии. Я знаю, что эта молодежь чувствуя свою принадлежность к «Гитлерюгенду», и я думаю совершенно естественно, что при вступлении немецких войск приветствовала их. Как далеко зашло сотрудничество между этими войсками и молодежью, я не могу сказать, но то, что это существовало было совершенно естественным. Конечно, это нельзя рассматривать военным сотрудничеством, но скорее родом сотрудничества, который всегда существует между оккупационными войсками и молодёжью той же самой страны или национальности как членов этих войск. Но это не имело никакого отношения к шпионажу или похожему.

Александров: Но дивизия СС «Принц Евгений», которая была сформирована на территории Югославии, она в значительной части была укомплектована из гитлеровской молодежи, из числа нацменьшинств в Югославии, и это имело место в результате соответствующей подготовки «Гитлерюгенд»? Это вы признаёте?

[465] Павел Карагеоргиевич (1893 — 1976) — регент Югославии с 9 октября 1934 по 27 марта 1941, в период малолетства короля Петра II.

Ширах: Я не знаю, из кого были сформированы дивизии СС, их было очень много. Возможно, что они на местах формировались из немецкой молодежи, но точно я не могу сказать, потому что я не знаю.

Александров: Теперь я приведу выдержки из двух немецких документов, они еще не предъявлялись трибуналу. Первая выдержка — из книги доктора Зепп[466], фольксгруппенфюрера в Югославии, под названием «Речи и статьи». Он писал в этой книге. Читаю:

> «Вся наша национальная работа до 1 сентября 1939 г. зависела от помощи Рейха. Когда первого сентября вспыхнула война и вначале казалось невозможным получать помощь и дальше, была опасность, что вся наша работа должна будет прекратиться».
>
> И далее:
>
> «Тот факт, что я почти всю немецкую национальную группу в бывшем югославском государстве передал в распоряжение фюрера и, что дал ему столько добровольцев-солдат, делает меня лично необычно гордым».
>
> Конец цитаты.

Выдержки из этой книги я представляю трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-459. Вторая выдержка — из статьи «Мы в Батчке», которую написал в 1943 году Отто Колер — баннфюрер немецкой молодежи в этой области. Я представляю этот документ трибуналу под номером СССР-456. Отто Колер писал в этой статье:

> «90 процентов нашей молодежи находится в рядах гитлеровской организации немецкой молодежи за границей».

Эти высказывания не убеждают вас, что в действительности подрывная деятельность по созданию «пятой колонны», фашизации немецкого меньшинства и формирования из него войсковых соединений проводилась на территории Югославии при участии «Гитлерюгенд»? Ответьте, да или нет?

Ширах: Нет. Но я бы хотел прокомментировать эти документы. Этот доктор Зепп Янко, который как сказано был руководителем фольксдойче в Югославии не известен мне ни лично ни по имени. Я посещал Югославию несколько раз в прошлом, но ни в 1937, когда мне кажется я был там в первый раз, ни позднее в 1938, когда я посещал принца-регента Павла, я не занимался там молодёжью фольксдойче или её руководством. В тех визитах я говорил только с молодёжью югославской национальности. Это всё, что я скажу о первом документе, который в целом вообще не относится к молодёжи.

Второй документ, который подписан неким Отто Колером, который называет себя «руководителем ДЮ» - вероятно немецким молодёжным руководителем – в подразделе 7 этого документа, я могу лишь сказать, что это взято

[466] Йозеф (Сэпп) Янко (1905 – 2001) – руководитель дунайско-швабской культурной ассоциации немцев Югославии.

из книги о немецкой молодёжи в Венгрии, которая вышла в 1943. В Батчке у нас имелось самое крупное поселение немцев, люди которые жили там 150 или 200 лет, и этот молодёжный руководитель организовал там немецкую молодёжь с одобрения венгерского правительства и венгерского министра образования и при сотрудничестве венгерских властей. Это была совершенно законная мера, и не существовало разногласий между двумя странами…

Александров: Достаточно.

Ширах: …эти молодые люди не являлись членами немецкого «Гитлерюгенда», но они принадлежали к венгерским молодёжным группам немецкого меньшинства в Венгрии.

Александров: А имперское руководство «Гитлерюгенд» к подобным организациям «Гитлерюгенд заграницей» разве не имело никакого отношения?

Ширах: Конечно, мы навещали эту молодёжь. Когда, например, я был гостем в Будапеште, венгры сами спросили меня, хочу ли я посетить деревни и молодёжь немецкого меньшинства. Ни регент, ни кто-либо иной в правительстве не заявил этому никаких возражений. Не было никакой причины, чтобы я просил немецких молодёжных руководителей организовывать шпионаж в Венгрии. С тем же успехом я мог бы спросить венгерских молодежных лидеров с которым я был в очень хороших отношениях.

Александров: Но, кто осуществлял руководство заграничными организациями «Гитлерюгенд»? Ведь в составе имперского руководства «Гитлерюгенд» имелся специальный заграничный отдел. Не входило ли это в его функции, а именно руководство заграничными организациями «Гитлерюгенд»?

Ширах: Это неверно. Зарубежный отдел рейхсюгендфюрера, был, если я могу так сказать, «зарубежным отделом» молодого поколения. Задача заграничного отдела молодежи состояла в том, чтобы поддерживать связь с молодежными организациями других стран приглашая молодёжных руководителей из-за рубежа, организуя туры зарубежных молодёжных организаций по Германии, и организовывать визиты немецкой молодёжи в другие страны, и организовывать визиты немецкой молодёжи в другие страны, в сотрудничестве с министерствами иностранных дел иных стран; в подобном случае, зарубежный отдел рейхсюгендфюрера обращался в министерство иностранных дел, и министерство иностранных дел обращалось к послу или представителю заинтересованной страны. Организация зарубежной молодёжи на которую вы сослались была организацией подчиненной организации немцев зарубежья, главой которой был гауляйтер Боле, которого уже заслушивали в этом суде. Это зарубежная молодёжь включала немецкие национальности, которые формировали подразделения «Гитлерюгенда» в странах где они проживали. Например, в Будапеште дети немецкой колонии, начиная с детей немецкого посланника…

Председатель: Подсудимый, конечно, не требуется произносить об этом длинную

речь.

Александров: Вы, наверное, слишком подробно и пространно объясняли. Следующий вопрос. В министерстве восточных оккупированных территорий был создан в составе первого главного управления специальный отдел молодежи. Что вам известно о деятельности этого отдела и в каких отношениях он находился с имперским руководством «Гитлерюгенд»? Отвечайте, пожалуйста, кратко.

Ширах: Насколько мне известно, при создании министерства по делам оккупированных восточных территорий рейхсляйтер Розенберг выразил тогда свое желание рейхсюгендфюреру, чтобы он назначил ему сотрудника для работы в отделе молодежи в его министерстве. Этот сотрудник был выделен и включен затем в состав министерства, где он руководил отделом молодежи, за что и нес, конечно, ответственность перед этим министерством. Больше я ничего по этому поводу не могу сказать. Отчеты этого отдела я не получал.

Александров: Что же, имперским руководством «Гитлерюгенд» был выделен представитель в министерство оккупированных восточных территорий, и этот представитель не отчитывался в своей деятельности перед руководством «Гитлерюгенд». Так получается?

Ширах: Генерал, я хотел сказать, что начальник этого отдела или, как он там назывался, — чиновник министерства по делам восточных территорий, который был послан туда «Гитлерюгенд», не делал мне никаких докладов,

но, разумеется, своему непосредственному начальнику у рейхсюгендфюрера он давал отчет. Рейхсюгендфюрер находился, как известно, в Берлине, и я полагаю, что сотрудники штаба рейхсюгендфюрера постоянно поддерживали связь с этим представителем.

Александров: Понятно. Таким образом, мероприятия, которые проводились отделом молодежи в министерстве оккупированных территорий, они проводились согласованно с руководством «Гитлерюгенд». Правильно?

Ширах: Мероприятия, которые там проводились, осуществлялись по указаниям рейхсминистра, который был непосредственным начальником своих чиновников. В той мере, в какой речь шла о мероприятиях, непосредственно касавшихся молодежных организаций и тому подобного, этот соответствующий чиновник или руководитель молодежи, по всей вероятности, обращался за инструкциями к рейхсюгендфюреру и соответствующим образом докладывал ему. Ответственность за деятельность этого руководителя молодежи, действовавшего в составе министерства, возлагалась на министерство, а не на того, кем он был послан туда.

Александров: Понятно. На вопрос вашего защитника об участии «Гитлерюгенда» в зверствах во Львове вы заявили, что сообщение по этому поводу французской подданной Иды Вассо, которое приведено Государственной Чрезвычайной Комиссией, является неправильным.

Господин председатель, советскому обвинению представилась

возможность допросить Иду Вассо. Об этом ходатайствовал и защитник подсудимого Шираха. Я представляю трибуналу выдержки из показаний Иды Вассо от 16 мая 1946 г. и прошу приобщить этот документ под номером СССР-455 к делу. Оглашаю эти выдержки.

> «Зверствами над еврейским, польским и советским населением города Львова занимались не только взрослые немцы и старые нацисты, но и юная немецкая молодежь в лице представителей организованной во Львове фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд». Эти молодчики, одетые в униформу и вооруженные охотничьими ножами, палашами и часто пистолетами, целыми оравами рыскали по городу, врывались в еврейские квартиры и производили в них полное опустошение, убивая всех застигнутых ими в квартирах взрослых и детей. Они часто останавливали на улицах города показавшихся им подозрительными детей и с криком: «Ты жид или ты жидовка!» - убивали их на месте. Эта гитлеровская молодежь занималась специальной разведкой по установлению еврейских квартир, выискивала скрывавшихся евреев, устраивала засады и нападения на прохожих, убивая одних из них на месте как евреев, а других волокли за собой и сдавали гестапо, причем часто их жертвами были и поляки, русские, украинцы и граждане других наций. Этот террор со стороны взрослых и молодых немцев свирепствовал до последних дней пребывания их в Львове. Это особенно было заметно при проведении «акции гетто», когда систематически и планово истреблялись дети различных возрастов, находившиеся в специально созданных детских еврейских домах, куда, как только собиралось в них достаточное количество детей, врывались гестаповцы и эсэсовцы сопровождаемые «гитлерюгендовцами».

Таким образом, гитлеровская молодежь, состоявшая на службе в немецкой армии, СС и Гестапо, участвовала во всех этих и им подобных злодеяниях, вы это признаете?

Ширах: Я не верю ни одному слову из того протокола, который вы только что зачитали.

Александров: Это ваше дело.

Господин председатель, я предъявляю трибуналу еще один документ под номером СССР-454. Это выдержки из показаний военнопленного немецкого солдата Герта Бруно Книтель. Герт Бруно Книтель родился в 1924 году в городе Пенник, Саксония, по профессии он шапочник. С 1938 года Книтель являлся членом «Гитлерюгенд». Его сестра Урсула также состояла членом национал-социалистского

союза немецких девушек. В 1942 году, то есть в возрасте 18 лет, Герт Книтель был призван в немецкую армию. Таким образом, это типичный рядовой представитель гитлеровской молодёжи, и именно поэтому его показания представляют интерес. Вот что он рассказывает о своей службе в немецкой армии.

Читаю:

«Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса».

Заутер: Господин председатель, я должен возразить использованию этого документа, копию которого мы только, что получили. Из этой копии не видно, что документ был в действительности подписан, имеет ли он присягу или кто подготовил этот документ, который выглядит как сообщение. Я должен возражать этому документу, до тех пор пока эти вопросы не будут разъяснены.

Господин председатель, вероятно в связи с этим, я могу прокомментировать ещё один документ, который содержит показания Иды Вассо – написанное трудно прочитать. Я полагаю, что эта свидетельница соответствует французской гражданке Иде Вассо, которой давно с разрешения трибунала был направлен опросный лист. Мы постоянно ожидаем ответы на этот опросный лист, и сегодня мы получаем этот доклад датированный 16 мая 1946, который видимо ссылается на ту же самую свидетельницу. Очевидно…

Председатель: Я не совсем понял, что вы сказали. Вы сказали, что вы направили опросный лист человеку, которое предположительно подготовило этот документ?

Заутер: Высокий трибунал одобрил опросный лист для француженки, Иды Вассо, я произнесу её имя, В–а–с–с–о. Эта француженка, Ида Вассо, которая работала в учреждении во Львове, и которая упоминалась в докладе львовской комиссии. Господин председатель, вероятно, вы помните, что один из этих докладов говорит, что детей забирали из гетто и передавали «Гитлерюгенду» и что «Гитлерюгенд» использовал этих детей в качестве живых мишеней. Это заявление свидетельницы Иды Вассо. И я уверен, что это то же самое лицо, которое теперь упоминается в докладе от 16 мая 1946. Характерная вещь это, то что в докладе от 16 мая 1946, она не отвечает на вопросы, которые изложены в опросном листе, но делает дальнейшие предположения, которые очевидно не содержались в предыдущем докладе львовской комиссии. Это очень загадочное дело, и мне кажется, что было бы несправедливо к подсудимому фон Шираху если бы я не обратил ваше внимание на эти противоречия.

Александров: Разрешите я дам пояснения?

Председатель: Генерал, мы бы хотели подробно вас выслушать, в ответ на сказанное доктором Заутером.

Александров: Ида Вассо, выдержки из показаний которой мною представлены, является несомненно тем самым лицом о котором говорит доктор Заутер. Мне даже неизвестно, куда и кем и в каком порядке был направлен опросный лист Иде Вассо, через нас это не делалось. Ида Вассо была разыскана и допрошена по нашей

собственной инициативе, причем это удалось сделать, как вы видите, только 16 мая. Поскольку опросный лист нам не поступал, мы его и не направляли и не могли направить, потому что допрос был произведен лишь после того…

Председатель: У меня есть документ только на немецком языке и вообще не видно, что документ подписан или подготовлен лицом по имени «Вассо». Я не знаю, имеет ли он какое-либо отношение к тому, что предположительно сказала Ида Вассо.

Александров: Этот документ подписан. Сейчас я оглашу это.

Председатель: Я сказал, что он не подписан Вассо.

Александров: Этот документ подписан Ида Вассо-Том и следующие подписи лиц, которые производили допрос, начальник следственного отдела прокуратуры Львовской области, Крыжановский, и прокурор Львовской области, Корнетов. Допрос произведен 16 мая 1946.

Председатель: Посмотрите на документ и посмотрите правильный ли он.

Александров: Это выписка из протокола допроса Иды Вассо.

Председатель: Это тот же самый документ?

Александров: Да, этот самый, который мы представляем трибуналу.

Председатель: У вас есть оригинал?

Александров: Нет, это выписка из протокола, заверенная начальником документальной части советского обвинения полковником Каревым. Это не подлинный протокол допроса. Это выписка из этого допроса.

Председатель: Вы говорите, что этот документ допустим в соответствии со статьей 21 или что вы скажете о нём?

Александров: Мы его представляем. Если трибунал считает необходимым чтобы был истребован самый подлинный протокол, а он находится сейчас находиться во Львове, то это через непродолжительное время можно сделать. Но поскольку допрос произведен 16 мая, наверное, самый подлинный протокол ещё не могли получить. Если трибунал не удовлетворяет эта выписка, то дополнительно мы имеем полную возможность представить протокол в целом.

Председатель: Вы скажите нам, что это за документ? Это письменные показания? Это присяга? Она дана чиновнику из Советского Союза?

Александров: Здесь имеется в выписке из протокола отметка об ответственности за дачу ложных показаний, по статье 89 Уголовного кодекса Украинской ССР предупреждена. Это соответствует процессуальным требованиям установленным в Советском Союзе, таким образом, предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний при допросе Иды Вассо было выполнено, было сделано. И об этом имеется соответствующая отметка в протоколе.

Председатель: Вы говорите, что этот документ подпадает под статью 21 устава?

Александров: Да, но если трибунал сочтёт необходимым, мы дополнительно можем представить подлинный протокол. А сейчас я прошу принять выписку из этого протокола официально заверенную начальником документальной части.

Председатель: Доктор Заутер, какого числа ваш опросный лист был разрешен трибуналом и какого числа он был направлен этому лицу?

Заутер: Господин председатель, опросный лист содержит дату 11 апреля.

Александров: Опросный лист, господин председатель, не мог быть направлен, потому что не было известно местонахождение свидетельницы Вассо. И о местонахождении мы сами узнали только в последнее время.

Председатель: Вы имеете в виду, что опросный лист не представляли лицу которое сделало данное заявление?

Александров: Этот опросный лист не поступил и не мог поступить по назначению, потому что, я повторяю, до самого последнего времени не было известно о том, где находится свидетельница Вассо.

Председатель: Когда вы выяснили, где была свидетель, можно было вручить опросный лист.

Александров: Это интересно, это можно сделать и сейчас если это необходимо.

Заутер: Господин председатель, могу я отметить следующее: эта женщина, Ида Вассо, была во Львове, когда делалось заявление упоминавшееся в докладе комиссии это ясно из сообщения. Мне кажется это СССР-6, но я не совсем уверен. Теперь, 16 мая этого года, эта женщина Ида Вассо, также находилась во Львове и её местонахождение не было неизвестно, поскольку её допросили в тот же день. Я обсуждал опросный лист, который был направлен Вассо с обвинением, сначала говорили, что вопросы были предполагающими или что-то было не в порядке. Но мы договорились и я изменил вопросы, который я представил высокому трибуналу в соответствии с пожеланиями обвинения, таким образом, если бы советская делегация пожелала, Ида Вассо могла быть допрошена в любое время. Характерно, что в этом последнем заявлении, эта женщина свидетельствовала нечто совершенно иное чем изложено в её предыдущем заявлении, и нечто совершенно другое, чем то, о чём её спрашивали в опросном листе. Думаю было бы полезнее если бы Иду Вассо допросили здесь.

Председатель: Минуту, какое предыдущее заявление вы имеете в виду? Что за предыдущие заявления вы имеете в виду?

Заутер: Заявление в докладе комиссии из города Львова. Это сообщение комиссии как-то здесь читали, и он говорит, что «Гитлерюгенд» совершал неслыханное против детей, мой опросный лист, который одобрил трибунал, касался этого положения.

Председатель: Генерал, опросный лист доктора Заутера, показывали свидетельнице Вассо?

Александров: Нет, его никуда не направляли. Этот опросный лист свидетельнице не направлялся. Разрешите немножко вернуться к истории этого вопроса, чтобы внести ясность. Советское обвинение представило трибуналу документ, сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев во Львовской

области, в этом документе приводилось заявление свидетельницы Иды Вассо; её никто не допрашивал тогда, в котором она сообщила, что она была свидетельницей того как гитлеровская молодёжь в качестве мишеней использовала малолетних детей. Этим ограничивалась цитата из её заявления в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии. Этот документ был принят. После этого, по нашей инициативе – опросный лист от доктора Заутера к нам не поступал, и мы его не направляли – было установлено местонахождение Иды Вассо. И в дополнение к тому заявлению которое она подала Чрезвычайной комиссии, она была допрошена уже следственными органами, вот сейчас выдержки из этого её допроса от 16 мая мною и представлены трибуналу, там она сообщает некоторые подробности относительно поведения членов «Гитлерюгенда» во Львове.

Председатель: Генерал, всё мы это понимаем, но вопрос таков: почему, если опросные листы были допущены трибуналом и просмотрены обвинением и были датированы где-то апрелем, почему свидетель при допросе в мае, не видел этих опросных листов? Данный документ датирован 16 мая 1946, не так ли доктор Заутер? – Доктор Заутер говорит нам, что опросные листы допущены трибуналом и датированы апрелем.

Александров: Я не знаю, куда доктор Заутер направлял свой опросный лист. Через нас он этого не делал и я вновь повторяю, что мы этого опросного листа не направляли и не могли направить, потому что у нас не было данных о том, где находится свидетельница Вассо. По нашему поручению были приняты меры к установлению её местонахождения и как только это было выполнено она была допрошена, это произошло 16 мая.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Генерал, трибунал не допустит данный документ в настоящее время, но желательно, чтобы вы представили подлинный документ одновременно с ответами на опросный лист, о котором распорядился трибунал, и трибунал запросит у генерального секретаря доклад о вопросе в целом.

Александров: Господин председатель, я имел возможность в перерыве переговорить с доктором Заутером. Он направит нам опросный лист, и мы примем меры к тому, чтобы получить необходимые ответы от свидетельницы. Требование трибунала о представлении подлинника допроса свидетельницы будет выполнено в самое ближайшее время.

Председатель: Боюсь, это не прошло через переводчиков

Повторите, то, что вы сказали.

Александров: Хорошо. Я повторяю. В перерыве я имел возможность переговорить с доктором Заутером. Он передаст мне опросный лист и будут приняты меры к тому, чтобы получить необходимые ответы от свидетельницы в самое ближайшее время. Кроме того требование трибунала о представлении подлинного протокола показаний свидетельницы Вассо также будет выполнено в самом непродолжительном времени.

Разрешите продолжать допрос?

Председатель: Да.

Александров: Я остановился на показаниях Герта Бруно Книттель. Вот, что рассказывает он о своей службе в немецкой армии:

> «Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса, устраивать облавы в населённых пунктах в поисках партизан или вообще недовольных установленным немцами режимом, для того чтобы арестовывать их и расстреливать. Наша третья рота встретила и расстреляла в лесу пять человек. Эти лица, возможно, и не были партизанами, а просто граждане, которые ходили в лес по делам. Но у нас был приказ расстреливать всех, кого встретим в лесу. Мы так и поступали.
>
> Во время облавы в местечке Лишайск в июне 1943, всё местечко было окружено с тем, чтобы никто не мог не въезжать ни выезжать. Снаружи возле каждого…»

Председатель: Вы проводите перекрестный допрос подсудимого фон Шираха, который был в Вене. Какое отношение к нему имеет документ?

Александров: Это показания одного из членов «Гитлерюгенд» о его участии в злодеяниях во время службы в немецкой армии на оккупированных территориях. Этот документ переведён на немецкий язык. Я могу его не зачитывать. Я хотел бы, чтобы свидетель Ширах ознакомился с этим документом. Вы прочитали этот документ? Я к вам обращаюсь?

Ширах: Да, я прочитал документ. Этот человек Книттель, который свидетельствовал здесь, не был членом «Гитлерюгенда», а принадлежал к Трудовой службе или подразделению армии. Ранее в его жизни, как и все остальные молодые немцы, он являлся членом «Гитлерюгенда». Он так заявляет, но в данном случае он действовал как военнослужащий некоего подразделения вооруженных сил, в не как член «Гитлерюгенда»…

Александров: Вы прочитали?

Ширах: Все показания выглядят малодостоверными. Например, он упоминает партию «Гитлерюгенд».

Александров: Вы прочитали все эти показания?

Ширах: Да.

Александров: Прочитали? У меня в связи с этим вопрос к вам. Вы признаете, что участие немецкой молодежи в подобных злодеяниях было обусловлено соответствующим воспитанием ее и подготовкой в «Гитлерюгенд»?

Ширах: Нет. Этого я не признаю.

Александров: У меня два последних вопроса. До какого времени вы занимали пост имперского наместника Вены и рейхсляйтера по руководству молодёжью?

Ширах: Я был главой молодёжного воспитания с 1931 и рейхсштатгальтером города Вены с 1940.

Александров: Меня интересует, до какого времени, до какого момента?

Ширах: Я занимал оба этих поста до краха.

Александров: Вы здесь подробно рассказывали о своём разрыве с Гитлером в 1943 году. Вы говорили, что с этого момента вы даже стали политическим мертвецом. Между тем вы продолжали занимать ваши посты до самого конца.

Ширах: Это ошибка. Я описал последствия, которые были для меня в своём заявлении в четверг или пятницу…

Александров: Таким образом, ваш разрыв с Гитлером это только разрыв на словах, а на деле он не имел для вас никаких фактических последствий?

Ширах: Это ложь. Я описал последствия, которые были для меня в своём заявлении в четверг или пятницу, и я также упоминал, что тогда до самого последнего момента, я хранил свою присягу данную Гитлеру в качестве югендфюрера, в качестве чиновника, и в качестве офицера.

Александров: У меня вопросов больше нет.

Заутер: Господин председатель, для того, чтобы ускорить слушания, я хочу поставить подсудимому фон Шираху два коротких вопроса.

Первый вопрос, свидетель: в ходе перекрестного допроса вас спросили о том, отдавали ли вы приказ удерживать Вену до самого последнего момента и оборонять город до последнего человека. Насколько я помню, вы ответили на вопрос отрицательно. Итак, меня интересует знать в этой связи то какие приказы вы отдали вашим подчиненным в последние дни в Вене - я имею в виду заместителя гауляйтера Шарицера и тогдашнего бургомистра Блашке?

Ширах: Приказ оборонять Вену исходил от Гитлера. Оборона Вены была вопросом военных властей, то есть, коменданта города Вена, военного командира, который был ответственным за 6-ю танковую дивизию СС…

Заутер: Как его звали?

Ширах: Зепп Дитрих[467], и офицер командующий группой армий «Юг» генерал-полковник Рендулич.

---

[467] Йозеф (Зепп) Дитрих (1892 — 1966) — немецкий военачальник времён Третьего Рейха, оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС, обергруппенфюрер СА (01.07.1934), член НСДАП. После войны американским и немецким судами приговаривался к различным срокам лишения свободы.

Заутер: Они отдавали приказы?

Ширах: Выполняя приказ, который Гитлер отдал им относительно обороны Вены, они обороняли Вену.

Заутер: Свидетель, какие приказы, вы отдали своим подчиненным в связи с этим?

Ширах: По обороне Вены я отдал только такие приказы как относящиеся к фолькштурму, или касавшиеся продовольственного обеспечения города и похожих вопросов за которые я был ответственным. Лично я не имел никакого отношения к обороне города. Даже работа по уничтожению, которая была необходима в ходе военной обороны города подчинялась приказам исходящим из ставки фюрера и передана офицеру командующему группой армий, и городскому коменданту.

Заутер: Свидетель, мой второй вопрос: в вашем перекрестном допросе вас спрашивали о документе PS-3763. Это документ который касался песен молодёжи, в котором обвинение увидело иное отношение нежели то, которые вы излагали. Вы желаете дополнить показания по этому положению?

Ширах: Да, я должен это кратко дополнить.

Заутер: Пожалуйста.

Ширах: Обвинение вменяет мне некую песню, песню начинающуюся: «Мы чёрные тучи Гайера, хей, хо»; хор который продолжает: «На копьё их, на пику, красного петуха на крышу монастыря». И одна строфа говорит: «Мы заплачем так громко о том, что хотим убить священника».

Это христианская песня.

Заутер: Как же так?

Ширах: Это видно из чётвертой и пятой строф. Это песня протестантских крестьян под руководством Флориана Гайера[468].

Четвёртая строфа: «Ни замка, ни аббатства, ни монастыря. Для нас ничего не имеет значения кроме священного писания». Следующая строфа: «Мы хотим один закон для принца и крестьянина».

Протестантизм тоже, однажды был революцией. Мятежные крестьяне пели эту песню; и это может служить примером, эта песня 16-го века, как и некоторые песни французской революции. Эту песню можно использовать в качестве примера, чтобы показать то, как вначале, революции более радикальные нежели терпимые.

Заутер: Господин председатель, я хочу завершить свой допрос подсудимого фон Шираха. Большое вам спасибо. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто были вашими основными помощниками в Вене?

Ширах: Прежде всего, начальник моего центрального управления, Гёпкен; во-вторых, регинрунгспрезидент доктор Дельбрюгге; в-третьих, бургомистр Блашке; и в-четвёртых, Шарицер. Они были моими главными сотрудниками.

Председатель: Было четверо, не так ли?

---

[468] Флориан Гайер (1490 —1525) — немецкий рыцарь и дипломат, один из предводителей Крестьянской войны в Германии, действовал в Швабии.

Ширах: Да.

Председатель: И они занимали всё своё время работой в вашем ведомстве?

Ширах: Не все они. Заместитель гауляйтера уже функционировал при моём предшественнике, Бюркеле. Бургомистр Блашке, насколько я помню, впервые стал бургомистром в 1943. Его предшественником был господин Юнг[469]. Регинрунгспрезидент, доктор Дельбрюгге, принял свою должность в 1940, после моего прибытия в Вену. Он был направлен мне из Рейха.

Председатель: Что же, тогда, с того времени как вы приняли эту должность в Вене эти четыре человека работали с вами, это верно?

Ширах: Да, я хочу также упомянуть, что глава центрального управления, Гёпкен, сперва действовал при мне в качестве адъютанта и принял свою должность в качестве начальника, лишь когда бывший начальник этого ведомства, обергебитсфюрер Мюллер, лишился жизни при бомбардировке.

Председатель: Кто из этих четырёх отмечал инициалами эти еженедельные доклады получаемые вашим ведомством?

Ширах: Это был регинрунгспрезидент, доктор Дельбрюгге.

Председатель: Дельбрюгге?

Ширах: Да.

Председатель: И в то время, что он их получал, он работал в вашем ведомстве в качестве одного из ваших основных помощников?

Ширах: Он был моим заместителем в государственной администрации.

Председатель: Это было ваше ведомство?

Ширах: Это было одно из моих ведомств.

Председатель: Да, один из департаментов вашего ведомства?

Ширах: Да, могу я добавить, с помощью пояснения, что там были различные управления: государственная администрация, муниципальная администрация, партийное управление и рейхскомиссариат обороны. Рейхскомиссариат обороны и государственная администрация были объединены, что касалось их представительства. Всё остальное координировалось в центральном управлении.

Председатель: Что же, в каких департаментах находился основной помощник, который мог ставить инициалы на этих документах? Какой департамент он возглавлял?

Ширах: Он занимал ключевую должность в ведомстве рейхсштатгальтера как начальника государственной администрации.

Председатель: Гражданской администрации?

Ширах: Да, гражданской государственной администрации.

Председатель: Он был заместителем рейхскомиссара обороны?

Ширах: Да.

Председатель: И вы были рейхскомиссаром военного округа номер XVII, не так ли?

---

[469] Филлип Юнг (1884 – 1965) – немецкий национал-социалистический политик. С 1940 по 1943 бургомистр Вены.

Ширах: Да.
Председатель: И он был вашим заместителем в этом военном округе?
Ширах: Да.
Председатель: Он получал и ставил инициалы на этих докладах в этом ведомстве, не так ли?
Ширах: Да.
Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

[*Подсудимый фон Ширах покидает место свидетеля*]

Заутер: Господин председатель, с вашего разрешения я хочу вызвать на трибуну свидетеля, свидетеля Лаутербахера.

[*Свидетель Лаутербахер занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Лаутербахер: Хартман Лаутербахер.
Председатель: Это ваше полное имя?
Лаутербахер: Лаутербахер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Присаживайтесь.
Заутер: Господин Лаутербахер, я уже обсуждал с вами данный вопрос в тюрьме, это правильно?
Лаутербахер: Да.
Заутер: Пожалуйста делайте паузу после каждого вопроса перед своим ответом для того, чтобы переводчики успевали.
Лаутербахер: Да.
Заутер: Когда вы родились?
Лаутербахер: 24 мая 1909.
Заутер: 1909?
Лаутербахер: Да, 1909.
Заутер: Вы женаты?
Лаутербахер: Да.
Заутер: У вас трое детей?
Лаутербахер: Да.
Заутер: Какая у вас профессия?

Лаутербахер: Фармацевт.
Заутер: Аптекарь?
Лаутербахер: Да.
Заутер: Вы в американской тюрьме?
Лаутербахер: В английской тюрьме.
Заутер: С какого времени?
Лаутербахер: С 29 мая 1945.
Заутер: Обвинение допрашивало вас по данному вопросу?
Лаутербахер: Нет.
Заутер: Когда вы стали чиновником, то есть, штатным сотрудником «Гитлерюгенда»?
Лаутербахер: Я стал штатным сотрудником «Гитлерюгенда», когда был назначен гебитсфюрером района Вестфалия-Нижний Рейн.
Заутер: И, когда это было?
Лаутербахер: В апреле 1932.
Заутер: Апрель 1932. Это был возраст 23?
Лаутербахер: Да, в возрасте 23.
Заутер: До этого вы являлись членом ГЮ?
Лаутербахер: Да. Я был…
Заутер: Пожалуйста, медленнее и всегда ждите до своего ответа пока вопрос не закончен.
Лаутербахер: Да.
Заутер: Я спросил вас являлись ли вы уже членом «Гитлерюгенда», когда приняли штатную должность в 1932 году.
Лаутербахер: Да. Когда мне было 13 лет, в 1922 я вступил в то, что тогда было известно как молодёжная национал-социалистическая организация. Затем, когда мне было 18 лет, в 1927 году, я принял обязанности унтерфюрера в своей родной провинции Тироль…
Заутер: И официально вы были…
Лаутербахер: …затем я работал в почётном качестве в Брюнсвике с 1929 по 1932, и позднее я получил штатную должность.
Заутер: То есть с 1932?
Лаутербахер: Да.
Заутер: В чём заключалось ваше положение в 1932 году? Какую должность вы тогда получили?
Лаутербахер: В 1932 мне доверили руководство районом известным как Вестфалия-Нижний Рейн.
Заутер: Когда вас направили к подсудимому фон Шираху?
Лаутербахер: 22 мая 1934.
Заутер: Какой была ваша должность в его подчинении?

Лаутербахер: Штабсфюрер.

Заутер: Сколько вы оставались штабсфюрером?

Лаутербахер: До августа 1940.

Заутер: Я полагаю до того времени пока он не ушёл с должности рейхсюгендфюрера?

Лаутербахер: Да.

Заутер: Когда вы приняли штатную должность в ГЮ, вы уже отслужили в армии?

Лаутербахер: Нет.

Заутер: Значит вы не являлись офицером?

Лаутербахер: Нет.

Заутер: Вы нам сказали, кажется, что с 1934 вы являлись штабсфюрером рейхсюгендфюрера. Какие задачи имел штабсфюрер рейхсюгендфюрера. Пожалуйста расскажите нам кратко, чтобы мы могли понять в чём заключалась ваша компетенция.

Лаутербахер: Как указывает титул штабсфюрера, в первую очередь я был начальником штаба рейхюгендфюрера. В данном качестве я имел задачу заниматься общими директивами рейхсюгендфюрера, в частности касательно ведомств «Гитлерюгенда» и регионов, постольку поскольку югендфюрер не делал это сам. Я должен был координировать различные ведомства рейхюгендфюрера и в частности заниматься вопросами организационного и кадрового характера.

Кроме того, в 1935-1939 я совершил ряд поездок за рубеж по просьбе фон Шираха.

Заутер: Кто был заместителем рейхсюгендфюрера, когда он не мог действовать лично?

Лаутербахер: Я был его заместителем в случаях, когда он не мог принимать личное участие.

Заутер: Тогда, видимо, вы были первым человеком в руководстве молодёжью Рейха после Шираха?

Лаутербахер: Да.

Заутер: Ваши отношения с фон Ширахом были чисто официальными, или вы также были друзьями?

Лаутербахер: Наша связь не ограничивалась только официальными вопросами, мы были также друзьями, и наши личные отношения не прервались с назначением Шираха в Вену.

Заутер: Господин Лаутербахер, вам кажется – касательно этих дружеских отношений которые вы имели с фон Ширахом, что он скрывал от вас определённые вещи, или вы убеждены в том, что касалось официальных вопросов он не имел от вас тайн?

Лаутербахер: Я всегда был, и убеждён сегодня в том, что фон Ширах ставил меня в известность обо всех своих намерениях и воспитательных мерах.

Заутер: Значит он от вас ничего не скрывал?

Лаутербахер: Нет, он ничего от меня не скрывал. Если Ширах имел дискуссии с Адольфом Гитлером в ранние годы, он всегда сразу же сообщал мне о них.

Заутер: Свидетель, в 1939 началась Вторая мировая война. Подсудимый фон Ширах в последние несколько лет до начала мировой войны, имел какие-нибудь дискуссии с вами в которых он высказывал взгляд на то, что молодёжь нужно воспитывать для войны, другими словами, что в воспитании молодёжи нужно принимать во внимание нужды и потребности будущей войны? Что обсуждалось между вами и Ширахом по этому поводу до войны?

Лаутербахер: Возможность войны никогда не обсуждалась. Между делом я посещал партийные съезды в компании фон Шираха, и в связи с этим Адольф Гитлер произносил речь, я только – в связи с этими съездами у меня имелось чёткое и неизменное впечатление о том, что Адольф Гитлер и национал-социалистический Рейх решили поддерживать мир и следовать мирным курсом. Вот почему мне никогда не приходило в голову, что молодёжь нужно особо готовить к войне.

Заутер: Свидетель, вы как штабсфюрер рейхсюгендфюрера, имели в целом какие-нибудь сведения о переписке которая поступала или направлялась им?

Лаутербахер: Я всегда видел всю официальную почту.

Заутер: В почте которая приходила Шираху в его ведомство, вы видели, что-нибудь про директивы для рейхсюгендфюрера от Гитлера, от партийного руководства, от ОКВ, или от любого другого ведомства, государственного или партийного, относительно подготовки к войне?

Лаутербахер: Нет, ни открытого ни замаскированного.

Заутер: Свидетель, мы уже слышали об основных функциях молодёжного воспитания в течение последних нескольких дней. Господин председатель, мне не кажется, что мне нужно детально проходить эти предметы. Свидетель тот человек который лучше всего способен дать нам информацию, но я думаю, что могу рассмотреть вопрос молодёжного воспитания.

Председатель: Думаю так. Думаю вышесказанных фактов достаточно.

Заутер: Спасибо. Тогда я могу сразу перейти к другому предмету.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы сказали, что вы не являлись солдатом. Ширах придавал значение включению в ряды своих сотрудников определённого количества офицеров, или по крайней мере людей которые отслужили военную службу и которые могли быть использованы как инструкторы? Пожалуйста будьте кратким.

Лаутербахер: Нет, сначала, то есть, в ранние годы периода развития, фон Ширах отказался от офицеров в качестве руководителей молодёжи по идеологическим и воспитательным основаниям. Цель и задача «Гитлерюгенда» заключалась в социалистическом сообществе и социалистическом государстве, и старорежимный офицер, представитель реакционной эпохи был бы абсолютно несовместим.

Заутер: Абсолютно несовместим? Вы имеете в виду…

Лаутербахер: С принципами воспитания которые Ширах установил для «Гитлерюгенда».

Заутер: Свидетель, вы у вас есть какая-нибудь мысль о том всегда ли Ширах отвергал такое предложение, или скажем по-другому, вам известно соглашался ли он, когда военные власти пытались повлиять на характер молодёжного руководства? Вероятно вы можете кратко на это ответить.

Лаутербахер: Даже в 1933 предпринимались попытки ввести офицеров в «Гитлерюгенд» в качестве руководителей. Насколько я владею информацией, два офицера получили назначения в «Гитлерюгенде» до моего периода как штабсфюрера, более менее по прямым приказам Гитлера. Они были совершенно неспособны совладать с молодёжью, думаю я прав говоря о том, что их появление оказалось полным провалом.

Заутер: Что с ними случилось?

Лаутербахер: Ширах пошёл к Адольфу Гитлеру и добился увольнения этих господ, с его помощью Гитлер подготовил директиву которая говорила о том, что офицеры не должны занимать должности в «Гитлерюгенде».

Заутер: Не было никаких дальнейших попыток навязать откуда-нибудь офицеров или кого-то другого?

Лаутербахер: О, да. В 1936 и 1937, и затем снова в 1938, предпринимались попытки повлиять на воспитание в «Гитлерюгенде» при помощи так называемых офицеров связи. Но эти попытки тоже не удались, и до самого конца в «Гитлерюгенде» не было никаких офицеров которые были ответственными перед какими-нибудь властями кроме Шираха, кроме бывших руководителей «Гитлерюгенда» которые отслужили в армии и получили офицерские звания.

Заутер: Если я правильно вас понимаю, свидетель, вы хотите сказать – и пожалуйста подтвердите, правильно ли я вас понял, что Ширах отвергал такие попытки. Это правильно?

Лаутербахер: Да.

Заутер: Свидетель, почему «Гитлерюгенд» носил форму – и девочки тоже?

Лаутербахер: Форма вероятно не совсем правильный термин для одежды членов «Гитлерюгенда». Это был по характеру больше национальный костюм который носили члены молодёжных организаций существовавших до «Гитлерюгенда», не только в Германии, но и в других странах. Более того, Ширах стремился к тому, чтобы все мальчики и девочки должны были, как он высказывался, носить одежду социалистического сообщества.

Заутер: Социалистического сообщества. Это вообще означает сообщество – всех мальчиков и девочек из каждого класса немецкого общества без всякого различия?

Лаутербахер: Без всякого различия по происхождению, вере и чему-то ещё.

Заутер: Или богатых или бедных?

Лаутербахер: Да.

Заутер: «Гитлерюгенд» владел оружием и его готовили использовать военное оружие? Вы должны знать об этом.

Лаутербахер: Нет, их не готовили к использованию военного оружия в течение периода, когда я и Ширах занимали должности.

Заутер: «Гитлерюгенд» имел, в частности танки, броневики и тому подобное, поскольку ссылались на подготовку юношей в так называемом «моторизованном «Гитлерюгенде» в связи с вопросом особого подразделения – танки, броневики?

Лаутербахер: Нет, по моим сведениям «Гитлерюгенд» никогда не получал никакой подготовки в броневиках, танках или чём-то подобном, даже после пребывания Шираха в должности. В любом случае…

Председатель: Доктор Заутер, факты указанные подсудимым о вооружении «Гитлерюгенда» и их подразделениях не подвергались перекрёстному допросу. Вам не нужно вдаваться в это. Господин Додд не предлагал, что они имели танки.

Заутер: Благодарю, господин председатель. Тогда я вероятно смогу быть более кратким.

Господин Лаутербахер теперь я перехожу к отношению подсудимого фон Шираха к еврейскому вопросу. «Гитлерюгенд» каким-либо образом участвовал в еврейских погромах ноября 1938?

Лаутербахер: Думаю я могу ответить на ваш вопрос чётким «нет».

Заутер: Господин Лаутербахер, вы говорили мне что-то о речи подсудимого фон Шираха несколько дней спустя после 9 ноября 1938, по предмету еврейских погромов. Скажите мне, когда и кто произнёс эту речь и в чем заключалось содержание речи.

Лаутербахер: Фон Ширах находился в Мюнхене 10 ноября 1938, а я находился в Берлине. Ширах дал мне по телефону указание сказать районным руководителям «Гитлерюгенда», чтобы их организации ни при каких обстоятельствах не принимали участия в этих антиеврейских демонстрациях, и созвать встречу всех этих руководителей, чтобы услышать конкретное заявление по данному поводу. Эта встреча состоялась 15 ноября 1938.

Заутер: Где?

Лаутербахер: В Берлине. Ширах попросил этих районных руководителей доложить ему и высказал своё удовлетворение докладами о том, что «Гитлерюгенд» не был вовлечен в эти эксцессы. Затем он описал указанные эксцессы в своей речи. Я помню эту речь крайне хорошо, так как она была особо впечатляющей. Он описал эти погромы как позор нашей культуры и самоунижение. Он сказал, что такие вещи можно ожидать от нецивилизованных людей, но не от немецкого народа. Он продолжил говорить, что из-за этих демонстраций мы противопоставили себя не только миру в целом, но и всем достойным людям в самой Германии. Он опасался, что дома возникнут серьёзные политические трудности, как и трудности внутри

самой партии. Как мы знаем, партия вовсе не была единодушной в своём суждении об этих событиях. Очень большая группа членов партии и партийного руководства осуждала эти эксцессы.

Заутер: Пожалуйста скажите нам, что тогда сказал Ширах. Меня больше интересует это.

Лаутербахер: Фон Ширах тогда дал молодёжному руководству особые указания воздерживаться от демонстраций похожего характера в будущем, независимо от того какими могли быть обстоятельства и осудил всякое использование насилия в образовательных целях. Он завершил мероприятие, запретив «Гитлерюгенду» читать газету «Der Sturmer» на вечерах или по другим поводам.

Заутер: В связи с этим, господин Лаутербахер, он, что-нибудь говорил о необходимости уничтожения многочисленных культурных сокровищ, сокровищ искусства, имущества принадлежащего народу, и т.д., и он не приводил определённых примеров этого?

Лаутербахер: Да. В качестве особо наглядного примера, он привёл покушение, которое по крайней мере отчасти осуществилось, чтобы ограбить еврейскую фирму Бернхаймеров[470], торговцев искусством в Мюнхене.

Заутер: Мюнхен?

Лаутербахер: Да. Он привел этот пример молодёжному руководству, чтобы проиллюстрировать опасные и непоправимые посягательства совершённые на вотчину нашей культуры и наши культурные сокровища в результате этих демонстраций.

Заутер: Это правда, что сразу же после этой берлинской речи о которой вы нам рассказали, подсудимый фон Ширах заставил отдать чёткие указания по телефону из Берлина, через ваше ведомство, отдельным ведомствам «Гитлерюгенда»?

Лаутербахер: Это состоялось уже 10 ноября, день спустя после мюнхенской встречи. Это не имело никакого отношения к встрече районных руководителей, которая состоялась приблизительно 15 ноября.

Заутер: Господин Лаутербахер, я полагаю, что, пока шло время, вы присутствовали на многих речах подсудимого фон Шираха своим подчинённым, или «Гитлерюгенду» и что вы слышали много этих речей. Подсудимый фон Ширах бывал гонителем евреев по этим или другим поводам? Он предлагал, чтобы против евреев использовали насилие? В чём заключалось его отношение?

Лаутербахер: Да, я должен был слышать все важные речи произнесенные фон Ширахом перед руководящим составом «Гитлерюгенда» и в связи с этими речами, я никогда не слышал, чтобы он призывал к насилию, что в любом случае было чуждо его характеру. В любом случае, я не могу вспомнить, чтобы фон Ширах, когда-либо призывал молодёжное руководство, прямо или косвенно, принять участие в

[470] Отто Бернхаймер (1877 – 1960) – немецкий коллекционер и торговец искусством. После погромов 9 ноября 1938 эмигрировал из Германии.

насильственных актах любого рода против кого-либо.

Заутер: Что Ширах обычно говорил произнося одну из своих многих речей адресованных молодёжи? Вкратце, основную тему.

Лаутербахер: Нужно разумеется делать разницу между длинными речами, которые он произносил на публичных демонстрациях и речами которые он произносил перед руководителями «Гитлерюгенда».

В речах адресованных к руководителям он всегда обсуждал основные политические и идеологические задачи и задачи социальной политики, культурной политики, профессиональную подготовку которую он поручал «Гитлерюгенду».

Заутер: Итак, господин Лаутербахер, мы перейдём к другой теме. Ширах заставил вас покинуть церковь?

Лаутербахер: Нет.

Заутер: Вы покинули церковь?

Лаутербахер: Мне не кажется, что господин фон Ширах вообще знал, к какому религиозному верованию я принадлежал или же покинул церковь или нет. Я покинул церковь в 1937 или 1938, не находясь под влиянием и никем не вынуждаемый.

Заутер: Ширах призывал своих сотрудников уходить из церкви, насколько вам известно?

Лаутербахер: Нет.

Заутер: Ширах подвергал нападкам христианство или настраивал других нападать на него в связи со своими многочисленными речами, которые как вы сказали слышали?

Лаутербахер: По таким случаям Ширах всегда говорил молодёжи уважать религиозные убеждения и характеризовал атеизм как зло, не только однажды, а много раз. В своих речах фон Ширах яростно критиковал, например, атлетические клубы существовашие до и после 1933 в связи с различными церквями и требовал единства молодёжи, но по таким случаям он не атаковал христианство или религиозные убеждения других на публике или в частном порядке.

Заутер: Господин Лаутербахер, в течение времени, когда подсудимый фон Ширах был рейхсюгендфюрером, намечались переговоры с римско-католической церковью с видом на заключение конкордата, для того, чтобы отношения между государством и церковью были урегулированы соглашением. Вам известно принимал ли участие фон Ширах в этих переговорах о конкордате и многое ли он преодолел для того, чтобы прийти к взаимопонимаю с церковью на основе удовлетворяющей обе стороны?

Лаутербахер: Да. В 1933 и 1934 Ширах проводил многочисленные дискуссии с представителями церкви, епископом Рейха Мюллером от протестантсткой церкви и представителем Фульдской конференции епископов, епископом Бернингом из Оснабрюка. Я помню, что Ширах стремился провести разграничительную линию

между их полномочиями и компетенцией на такой основе как: «кесарю кесарево, а богу богово».

Заутер: Свидетель, у меня ещё один вопрос: вам известно на самом ли деле фон Ширах пытался прийти к взаимопонимаю между «Гитлерюгендом» лидером которого он являлся, и молодёжью других стран, и можете сказать нам, например, что он делал и какие шаги предпринимал с этой целью?

Лаутербахер: Создание сердечного взаимопонимания между немецкой молодёжью и молодёжью мира в целом несомненно являлось одной из тех задач которые Ширах постоянно подчеркивал своим молодёжным руководителям, и у меня всегда было впечатление, что данная задача была, как я почти могу сказать, его особой страстью. Лично я, по его приказам – и вероятно я ключевой свидетель именно этого – посещал разные европейские страны, с 1935, по крайней мере раз в год и иногда два или три раза в год, для того, чтобы я мог быть на связи с существующими молодёжными организациями и с организациями бойцов Первой мировой войны, для того, чтобы быть с ними на связи.

Заутер: Каких стран?

Лаутербахер: Можно правдиво сказать,что «Гитлерюгенд» стремился контактировать со всеми странами Европы, и лично я, по прямому приказу фон Шираха несколько раз посещал Англию, там я встречался с лидером британских бойскаутов и его коллегой, но также…

Председатель: Не думаю, что это спорные факты. Это всего лишь вывод который следует сделать из фактов на которые полагается обвинение. Таким образом вам не нужно снова вдаваться в факты про связь «Гитлерюгенда» с зарубежной молодёжью.

Заутер: Да, господин председатель.

Свидетель, вы слышали о том, что эти факты не оспариваются. Следовательно мы можем перейти к другой теме. Вы были штабсфюрером «Гитлерюгенда» при рейхсюгендфюрере. Вам известно поддерживало ли руководство «Гитлерюгенда» шпионов или агентов за рубежом, или же готовило людей для так называемой «пятой колонны», думаю вам известно, что это значит – в других странах, или же он доставлял в Германию молодых людей для подготовки парашютистами и затем возвращал их в свои страны. В течение всего периода вашей должности штабсфюрера, вы, когда-либо знали, что-то такое?

Лаутербахер: «Гитлерюгенд» не имел шпионов, агентов или парашютистов, чтобы действовать в любой стране Европы. Я бы обязан был знать о таком факте или таком мероприятии в любом случае.

Заутер: Даже если бы Ширах предпринял такое мероприятие за вашей спиной, вам кажется, что вы должны были обязательно знать об этом по каналам докладов районных руководителей и похожим каналам?

Лаутербахер: Я бы неизбежно узнал об этом или заметил это в этих районах в связи

с многочисленными поездками.

Заутер: Тогда, свидетель я бы хотел перейти к другой теме. Недавно вы говорили мне о некой дискуссии. После польской кампании, это должно было быть предположительно в конце сентября или начале октября 1939, и до самой кампании во Франции, у вас была встреча с подсудимым фон Ширахом в вашей резиденции в Берлин-Далеме, в связи с которой подсудимый фон Ширах озвучил своё отношение к войне. Вы кратко опишите эту бесед суду?

Лаутербахер: Да. Фон Ширах пришёл увидеться со мной в конце сентября или начале октября 1939. Он посетил мой дом, который я занимал в то время в Берлине. Беседа очень быстро перешла на войну и Ширах сказал, что, по его мнению, эту войну нужно было предотвратить. Тогда он считал ответственным за представление Гитлеру неадекватной или ложной информации министра иностранных дел. Он сожалел о том, что Гитлер и ведущие люди государства и партии ничего не знали о Европе и в целом мире и вели Германию к войне не имея никакого представления о последствиях.

Тогда он считал, что если войну нельзя будет закончить в самое короткое время, мы её проиграем. В связи с этим он ссылался на огромный военный потенциал Соединённых Штатов и Англии. Он сказал – и я очень хорошо помню высказывание, что эта война была нечестной и что если немецкий народ не должен был быть втянут в катастрофу в результате этого, фюреру нужно было сообщить об угрозе возникающей для Германии если бы Америка вмешалась, как посредством поставок товаров или в результате фактического вступления в войну.

В то время мы рассматривали тех кто мог сообщить об этом Гитлеру, кто, фактически, мог хотя бы получить к нему доступ. Ширах предложил как-нибудь постараться представить Колина Росса в присутствии Адольфа Гитлера. Колин Росс должен был привлечь внимание Гитлера к угрожавшей катастрофе и сообщить Гитлеру факты. Это нужно было сделать за рамками компетенции министра иностранных дел и в отстуствие министра иностранных дел. Тогда Колина Росса ещё не было в Германии. Я помню, что когда он вернулся, он был представлен в присутствии Гитлера при помощи Шираха.

Заутер: Свидетель, вы расскажете нам больше о дискуссии которую как вы сказали состоялась в 1939. Я бы хотел вашего ответа на вопрос: как получилось, что он выбрал именно доктора Колина Росса? Как вам пришла в голову мысль о нём?

Лаутербахер: Я уже упоминал, что у лидеров национал-социалистического государства и партии почти полностью отсутствовали сведения о мире и в целом зарубежных странах, и соответственно полагались на этого человека, который казалось много видел в мире. Колин Росс между тем посещал встречи руководителей «Гитлерюгенда» до 1939 и обращался к ним…

Заутер: Про что?

Лаутербахер: …и таким образом он был известен Шираху и «Гитлерюгенду».

Заутер: Какими были темы которые он обсуждал с «Гитлерюгендом»?
Лаутербахер: Колин Росс говорил о своём опыте на каждом континенте.
Заутер: Как Колин Росс стал известен «Гитлерюгенду»? По этому случаю вы тоже говорили о том стоило ли пытаться найти решение еврейской проблемы, для того, чтобы было проще прийти к взаимопонимание с другими странами и если так на какой основе?
Лаутербахер: Да. В ходе этой беседы Ширах ссылался на эксцессы 9 ноября 1938 и на речь которую он произнёс сразу после этого, и сказал, что в таких обстоятельствах естественно было бы крайне трудно начинать дискуссию с Америкой, что нам нужно было попытаться заранее, если позволяли обстоятельства – и он пожелал предложить это Гитлеру во время беседы…
Председатель: Доктор Заутер, трибунал не думает, что на самом деле важно вдаваться в частные дискуссии Шираха с данным свидетелем. Если он может сказать, что-то про то, что делал Ширах, это другое, но сейчас свидетель просто повторяет свои дискуссии с Ширахом которые были ничем кроме частной дискуссии.
Заутер: Свидетель, какие шаги фактически предпринял Ширах в направлении мира, или сокращения войны, в результате таких дискуссий с вами? Он предпринял какие-нибудь шаги и в чём заключались эти шаги?
Лаутербахер: Да, как он позднее мне говорил, Ширах использовал любую возможность в начале войны, чтобы убедить Гитлера в необходимости дискуссии с Америкой, и с такой целью, он на самом деле привёл Колина Росса к Гитлеру, как он мне потом говорил. Колин Росс находился с Гитлером несколько часов. Когда Колин Росс посетил меня в Ганновере он рассказал мне об этой дискуссии и в связи с этим сказал, что Гитлер сильно задумался. Однако, он также сказал, что вторая дискуссия которая была запланирована с Гитлером не воплотилась в жизнь, так как, по его версии, министерство иностранных дел протестовало против подобной информации.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Заутер, трибунал считает, что данный свидетель весьма подробно рассматривает вопросы которые являются малозначительными и трибунал желает, чтобы вы обратили его внимание на нечто действительно важное.
Заутер: Господин председатель, в любом случае у меня есть ещё лишь один вопрос.
Свидетель, один последний вопрос. Вы не находились с Ширахом с 1940. Мне кажется вы стали гауляйтером.
Лаутербахер: Да.
Заутер: Ширах уехал в Вену. Но в 1943 вы снова имели с ним долгую беседу, в

основном о том почему Ширах не ушёл со своего поста. Моя причина задать данный вопрос заключается в том, что один из членов обвинения уже обсуждал сегодня данный вопрос. Вы расскажите нам кратко какие причины тогда привёл Ширах, чтобы оставаться на своём посту и не уходить в отставку, и в чём заключились его взгляды в 1943 – я имею в виду в то время?

Лаутербахер: В марте 1943, когда я совершал неофициальный визит в Вену у меня состоялась очень долгая беседа с Ширахом. Тогда Ширах говорил очень пессимистично о перспективах войны и сказал мне, что скора нам придётся сражаться рядом с Веной, в Альпах и вдоль Рейна. По этому поводу он сказал о том, что он долгое время не может увидеть Адольфа Гитлера, что у него нет никакой возможности докладывать ему, как было раньше, и что начальник партийной канцелярии Борман постоянно препятствовал его встрече и беседе наедине с фюрером, и что таким образом он уже вообще не имел никакой возможности обсуждать с Гитлером венские вопросы или общие вопросы. В связи с этим он также заявил о том, что Борман приходил к нему с возражениями и жалобами каждый день, отменяя приказы и директивы изданные им как гауляйтером Вены, и что ввиду всего этого, он не мог оставаться в должности и нести ответстенность.

В заключении этой беседы, в ходе которой мы рассматривали всевозможные варианты, он сказал о том, что так как он дал клятву верности Гитлеру он чувствовал себя обязанным оставаться в должности, чтобы ни случилось и что прежде всего, он не мог не взять ответственность в нынешней военной обстановке, чтобы бросить население гауляйтером которого его назначили.

Он видел грядущую катастрофу, но сказал, что даже его отставка или любая акция которую он мог предпринять не имела бы никакого влияния на руководство государства или самого Гитлера и что он таким образом, останется верным своей клятве как солдат и останется в должности.

Заутер: Господин председатель, на этом мой допрос свидетеля завершён.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать ему какие-нибудь вопросы?

Серватиус: Свидетель, вы были гауляйтером Ганновера с 1940?

Лаутербахер: Да, с декабря 1940.

Серватиус: В данном качестве вы также были уполномоченным по рабочей силе?

Лаутербахер: Да.

Серватиус: В вашем гау было много зарубежных рабочих?

Лаутербахер: Да, было очень много зарубежных рабочих в моём округе. Это было в основном на предприятиях «Герман Геринг» которые создали рядом с Брюнсвиком.

Серватиус: Вы должны были присматривать за ними?

Лаутербахер: Да, мои задачи как уполномоченного по рабочей силе ограничивались надзором за зарубежными гражданскими рабочими.

Серватиус: Вы получали от Заукеля инструкции по данному поводу?

Лаутербахер: Я, как и все остальные гауляйтеры НСДАП постоянно получал инструкции Заукеля в связи с вербовкой рабочей силы, то есть, относительно благополучия этих гражданских рабочих.

Серватиус: В чём заключились эти инструкции?

Лаутербахер: Инструкции которые я получал как гауляйтер состояли почти исключительно из повторявшихся требований делать всё для того, чтобы удовлетворять зарубежных рабочих в вопросах проживания, питания, одежды и культурного обеспечения.

Серватиус: Это воплощалось на практике?

Лаутербахер: Естественно это осуществлялось в рамках существовавших возможностей.

Серватиус: Вы инспектировали лагеря или фабрики где работали эти рабочие?

Лаутербахер: Да, я лично инспектировал такие лагеря и в особенности фабрики в своих официальных поездках. Кроме этого, я имел в качестве своего гауинспектора человека от Германского трудового фронта который оказывал мне содействие в данной задаче по таким поводам.

Серватиус: Вы или ваш гауинспектор выявляли существование шокирующих условий.

Лаутербахер: Да. После воздушных налётов от которых Ганновер и Брюнсвик особенно сильно страдали с 1943, я обнаруживал условия в лагерях зарубежных рабочих, точно также как в жилых кварталах немецких людей, такие что я бы назвал, вероятно не шокирующими, но конечно очень серьёзными, и после этого я насколько мог например пытался ремонтировать повреждённые жилища или строить новые.

Серватиус: Вы наблюдали какие-нибудь злоупотребления за которые были непосредственно ответственными отдельные предприятия или надзорные ведомства?

Лаутербахер: Да, я помню два таких случая.

Несколько фирм в Ганновере сформировали своего рода промышленное объединение, своего рода союз и создали лагерь для своих зарубежных рабочих. Уполномоченные из этих фирм были ответственными за этот лагерь. Однажды гауинспектор из Германского трудового фронта сообщил мне о том, что жилищные условия не соответствуют полученным инструкциями и попросил у меня разрешения вмешаться, то есть, чтобы взять ответственность за этот общий лагерь на Германский трудовой фронт. Я поставил ему такую задачу, и когда-то потом он сообщал о том, что эти затрудения преодолели.

Предприятия «Герман Геринг» представляют ещё один такой пример. Поскольку здесь я говорю под присягой, я должен упомянуть факт, что фирма во многих отношениях пренебрегала инструкциями Заукеля. В одном случае они самостоятельно вербовали рабочих, вне компетенции трудовой администрации

через свои отделения в Украине и других странах. Эти рабочие прибыли в Ватенштедт, в район под наздором исполнительного комитета партии, за рамками квоты установленной уполномоченным по труду и соотвественно вне его компетенции.

У меня лично имелись значительные трудности в доступе на производство и лагерь. Будучи гауляйтером и уполномоченным, я никак не мог…

Председатель: Минуточку. Какое это имеет отношение к подсудимому Заукелю?

Серватиус: Я спросил его о злоупотреблениях которые он выявлял, ибо обязанность уполномоченного по вербовке зарубежных рабочих заключалась в том, чтобы выявлять где имелись такие плохие условия и сообщать о них, чтобы они в конце концов доводились до Заукеля. Он обобщил и описал предприятия «Герман Геринг».

Председатель: Доктор Серватиус, вы должны его останавливать. Вам известно о чём вы спросили.

Серватиус: Свидетель, вы выявили существование злоупотреблений в лагере?

Лаутербахер: Я не смог попасть в лагерь, потому что вход был запрещён.

Серватиус: Заукель лично выступал перед рабочими вашего гау?

Лаутербахер: Нет, не в период моего пребывания в должности. Но он часто посылал представителей.

Серватиус: Сейчас у меня есть несколько вопросов от имени политического руководства которое я представляю.

Вы получили особые указания от фюрера при вашем назначении гауляйтером?

Лаутербахер: Нет. Когда я был назначен гауляйтером меня просто представил господин Гесс как гауляйтера во время сбора гауляйтеров. Но я не получил никаких особых указаний в связи с этой встречей, и в течение…

Председатель: Свидетель, ответ «нет» и вам не ничего не нужно к этому добавлять.

Серватиус: Вы позже беседовали с фюрером? Вы получали от него особые или тайные указания?

Лаутербахер: Я видел фюрера только на встречах гауляйтеров и никогда не имел с ним никаких официальных дискуссий.

Серватиус: Вам, что-нибудь известно о деятельности блокляйтеров? В частности, я хочу спросить вас: их использовали как шпионов?

Лаутербахер: Нет.

Серватиус: Однако кажется весьма широко распространено убеждение в том, что блокляйтеры действовали в качестве шпионов и информаторов и об этом заявило обвинение. Вероятно СД использовало блокляйтеров с этой целью?

Лаутербахер: СД имело собственных агентов которые были неизвестны партии. В любом случае, у блокляйтеров не имелось указаний работать с СД.

Серватиус: Не было никакой картотеки противников партии?

Лаутербахер: Не в партийных организациях. Насколько мне известно данную картотеку вела тайная полиция, что стало известно в связи с заговором 20 июля 1944.

Серватиус: Партия использовала агентов для шпионажа которые могли не быть блокляйтерами, но которые работали на вас как гауляйтера?

Лаутербахер: Нет.

Серватиус: Больше нет вопросов.

Додд: Свидетель, когда вы вступили в СС?

Лаутербахер: Я был произведен в бригадефюреры СС 2 августа 1940, в связи с моим назначением заместителем гауляйтера.

Додд: Я не услышал ваш ответ, когда вы впервые вступили в СС. Пожалуйста вы это повторите?

Лаутербахер: 2 августа 1940.

Додд: Вы вообще не принадлежали к этой организации до этой даты?

Лаутербахер: Я не являлся членом СС до этой даты, но я служил в Ваффен-СС как солдат, с 26 мая 1940 по сентябрь 1940.

Додд: И затем вы стали обергруппенфюрером СС, не так ли?

Лаутербахер: 20 апреля 1944.

Додд: И когда вы поступили в штаб Гиммлера?

Лаутербахер: Я никогда не был членом штаба Гиммлера.

Додд: Вы не поступили туда в январе 1944, или в какую организацию рейхсфюрера СС вы поступили? Вероятно я использовал неправильный термин «штаб». Есть какое-то другое название для этого. Вы не были каким-то образом связаны с Гиммлером?

Лаутербахер: Нет, я никогда не имел никаких эсэсовских назначений.

Додд: Вы имели какую-нибудь связь с рейхсфюрером СС с января 1944?

Лаутербахер: В октябре 1944 рейхсфюрер СС проезжал в своем специальном поезде в Бад Пирмонт, в связи со встречей западногерманских гауляйтеров и высших руководителей СС и полиции. Я имел приказы присутствовать, и в ходе встречи я с ним беседовал.

Додд: Это не то о чём я спрашивал, но оставим это. Вы стали обергруппенфюрером СА в 1944, как и обергруппенфюрером СС?

Лаутербахер: Думаю я стал обергруппенфюрером СА в 1944 или 1943.

Додд: Вы также были членом Рейхстага в 1936, не так ли?

Лаутербахер: Да.

Додд: И членом партии, я полагаю, вы сказали с 1927, правильно?

Лаутербахер: С 1927.

Додд: И членом Гитлерюгенда или НСДАП с 1923?

Лаутербахер: Я вступил в «Гитлерюгенд» в 1927. «Гитлерюгенд» не был создан до 1927.

Додд: Что же, когда бы это ни было, молодёжную организацию партии, вот, что я имею в виду. Сколько людей вы публично повесили являясь гауляйтером Ганновера?

Лаутербахер: Я не понял вопрос.

Додд: Я сказал: сколько человек вы публично повесили являясь гауляйтером Ганновера?

Лаутербахер: Я никогда никого не вешал публично.

Додд: Вы в этом уверены.

Лаутербахер: Да.

Додд: Сколько человек вы послали в концентрационные лагеря?

Лаутербахер: Я мог передать 5 или 10 человек обычным судам за нарушения правил военной экономики. И в одном случае, который я очень хорошо помню, было два человека которые отказались…

Додд: Что же, меня не интересуют детали. Просто скажите скольких вы послали.

Лаутербахер: Было двое. Я не знаю направили ли их в концентрационные лагеря, потому что лично я не мог их арестовать. Об аресте решал Берлин.

Додд: Вам известен человек по имени Гук, Г-у-к, Хейнрих Гук[471]?

Лаутербахер: Гук – нет. Сейчас я не помню имя.

Додд: Полицейский комиссар вашего гау или в вашем гау.

Лаутербахер: Нет, я его не знал.

Додд: Я хочу спросить: вы однажды повесили одного зарубежного рабочего из восточных стран, публично повесили на рыночной площади и оставили его на весь день, являясь там гауляйтером?

Лаутербахер: Нет. Где это предположительно случилось?

Додд: Это предположительно случилось в Хильдесхайме.

Лаутербахер: Нет.

Додд: В марте 1945, незадолго до конца войны.

Лаутербахер: Нет. Это мне неизвестно. Я никогда не давал никаких таких указаний.

Додд: Вы приказали отравить или расстрелять 400 или 500 заключенных незадолго до взятия города союзной армией?

Лаутербахер: Нет, мне это предъявляли в Лондоне, и думаю я внёс ясность.

Додд: Значит вам известно о чём я говорю?

Лаутербахер: Да, исправительное учреждение в Гамельне.

Додд: Вам известно, что крейсляйтер говорит, что вы приказали отравить их либо синильной кислотой или стрихнином или же их должны были расстрелять?

Вам известно об этом, не так ли?

Лаутербахер: Мне говорили об этом в Лондоне.

Додд: И так говорит не только ваш крейсляйтер, но и Рихард Ротер, который был

---

[471] Хейнрих Гук (1905 - ?) – гауптштурмфюрер СС. В 1942-1944 сотрудник отдела Гестапо в Ганновере и Хильдесхайме.

инспектором тюрьме в Гамельне, подтверждает, что был отдан приказ о том, чтобы их либо расстреляли или отравили, вам это тоже известно?

Лаутербахер: Я никогда не отдавал такой приказ.

Додд: Я спрашиваю вас, известно ли вам о том, что эти люди связанные с вами дали присягу как и вы. Вы видели эти письменные показания, не так ли?

Лаутербахер: Мне рассказывали об этом в Лондоне, но мне также говорили о том, что заключённых этого исправительного учреждения ни отравили ни расстреляли, а отправили в тыл.

Додд: Да, отправили, но не из-за вас, а из-за того, что ваши люди отказались исполнять ваши приказы, это не так?

Лаутербахер: Я ничего об этом не знаю, я ничего об этом не знаю, потому что я не был в Гамельне и уже не гауляйтер.

Додд: Вы видели эти письменные показания, поэтому я не думаю, что есть какая-нибудь необходимость вручать их вам, но я собираюсь предъявить их в качестве доказательств.

Лаутербахер: Я получил заявление крейсляйтера, доктора Крамера[472] в Лондоне и ответил на него.

Додд: Очень хорошо. Значит вам известно, что он говорит?

Я предъявляю этот D-861 как экземпляр USA-874, господин председатель. Этот документ состоит из 7 письменных показаний от людей связанных с данным свидетелем, когда он был гауляйтером и имеет отношение к его поведению пока он был там гауляйтером.

Председатель: Как вы полагаете это доказательство относится к делу?

Додд: Я предъявляю его в связи с достоверностью данного человека, или скорее её отсутствием. Не думаю, что они имеют какое-нибудь прямое отношение к делу, кроме как показывают, что он за человек, как мы заявляем, и что трибунал должен иметь данную информацию до того как будет рассматривать весомость его показаний.

Мой друг, господин Элвин Джонс сейчас напомнил мне, что конечно же это имеет отношение к вопросу руководящего состава нацистской партии членом которого он является. Однако, мне это не пришло в голову. Однако, я желаю предъявить данный документ в связи с таким основанием.

Председатель: Где люди которые дали письменные показания?

Додд: Господин председатель, мне нужно выяснить. Я не знаю. Они под арестом, по крайней мере некоторые из них в британской зоне здесь в Германии.

Заутер: Господин председатель, вы сейчас выясняли где эти люди которые дали письменные показания. Вероятно я могу помочь вам внести ясность в эти вопросы.

---

[472] Йозеф Крамер (1904 – 1980) – нацистский политик. В 1941-1944 глава ряда районов в оккупированной Польше. В 1945 заместитель крейсляйтера Гамельна. Британским судом был приговорён к семи годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Этот Йозеф Крамер которого обвинение приводит как ведущего свидетеля против свидетеля Лаутербахера был приговорён к 7 годам лишения свободы английским судом где-то 8 или 10 дней тому назад именно по той причине о которой сказал обвинитель. Господин Лаутербахер ничего не знает о вопросе, но совершенно случайно я читал сообщение об этом процессе в немецкой газете и сообщение у меня с собой. В этой статье от 2 мая сего года, сказано, что бывший крейсляйтер Гамельна, доктор Йозеф Крамер приговорён судом 5-й британской дивизии к 7 годам лишения свободы. Цитирую из статьи:

> «При приближении союзных войск Крамер отдал приказ ликвидировать заключённых исправительного учреждения Гамельна. «Ни один опасный заключённый и не один иностранец не должен попасть в руки противника» было его приказом. «Их всех нужно отравить синильной кислотой или если это невозможно их нужно расстрелять».

Такой была формулировка приказа отданного экс-крейсляйтером Йозефом Крамером и теперь его используют как свидетеля против моего свидетеля. Сообщение говорит о том, что сотрудники исправительного учреждения, которые выступили в качестве свидетелей заявили о том, что несмотря на данный приказ доктора Крамера они отказались ликвидировать заключённых. Остальное не интересует, но я думал, что вероятно это может быть важно для трибунала, при рассмотрении данного вопроса, чтобы понять как этот бывший крейсляйтер вёл себя в действительности. Господин председатель, если вам интересно, газетный отрывок хотя он на немецком языке можно незамедлительно вам представить.

Додд: Господин председатель, могу я сказать, что это полностью подтверждает документ, то есть, Крамер говорит, что он сделал это, что он передал приказы, но он получил их от этого человека. Это поддерживает нас. Это никак нам не вредит, что касается ценности документа.

Просмотрев их, думаю лучше всего если я предъявлю самый первый и последний. Как я ожидаю, есть несколько других в этой группе от которых не будет особой пользы. Я отзываю всё кроме первого и последнего и предъявляю только письменные показания Крамера и письменные показания Гука.

Председатель: Господин Додд, трибунал не считает, что эти документы следует допускать. Во-первых, что касается достоверности данного свидетеля, он не считает, что его ответы на вопросы достоверности следует оспаривать другими доказательствами. Что касается руководящего состава, он считает, что эти документы являются доказательством одного конкретного преступления.

Додд: Очень хорошо, господин председатель.

Свидетель, я понял, вы сказали, что никогда не слышали, чтобы подсудимый фон Ширах говорил, когда-нибудь, что-то оскорбительное о еврейском народе и напротив, вы слышали как он довольно открыто высказывался после

событий 9 ноября 1938. Я правильно вас понял?

Лаутербахер: Да, он однозначно критиковал жестокости на встрече гауляйтеров. У него не было сомнений в том, что…

Додд: Не нужно снова это проходить. Я лишь хотел удостовериться правильно ли вас понял.

Полагаю вы читали ежегодник «Гитлерюгенда» за 1938 год, как заместитель рейхсляйтера.

Лаутербахер: Сейчас я не помню данную книгу. Могу ли я на неё взглянуть?

Додд: Конечно, я не ждал, что вы захотите. Я лишь хотел удостовериться в том, что вы её читали. Полагаю вы всегда читали свой ежегодник?

Лаутербахер: Нет.

Додд: Что, вы его не читали?

Лаутербахер: Не могу вспомнить, нет.

Додд: Что же, у вас не было принято читать ежегодник? Скажем так.

Лаутербахер: Ежегодник составял отдел прессы и я не имел никакого влияния на детали журналистской подготовки наших газет, журналов и ежегодников. Я не помню эту книгу, по крайней мере, что касалось антисемитских жестокостей, или силовой политики.

Додд: Что же я в любом случае покажу вам её и обращу ваше внимание на статью в ежегоднике касательно еврейского народа. Вам известно на что я ссылаюсь? Там где их обвиняли в кровопролитии миллионов в истории. Как я полагаю, так сказано после храбрых заявлений подсудимого в ноябре 1938, поскольку это за весь 1938 год. Вы найдете статью на которую я ссылаюсь на странице 192.

Лаутербахер: Да.

Додд: Вы видели статью раньше?

Лаутербахер: Нет. Этот ежегодник не имел никакого официального характера, это было частное предприятие со стороны издателей.

Додд: Минуточку. Что вы имеете в виду под «не имел официального характера»? Это был ежегодник «Гитлерюгенда»?

Лаутербахер: Этот ежегодник не издавался официально «Гитлерюгендом», а партией. Я никогда не видел его до публикации.

Додд: Его публиковало центральное издательство НСДАП, не так ли?

Лаутербахер: Да это правильно, я это понимаю.

Додд: Он назывался «Ежегодник «Гитлерюгенда» и вы много лет последовательно выпускали его, не так ли? Я не говорю лично вы, но имею в виду партию и «Гитлерюгенд».

Лаутербахер: Нет. Этот ежегодник составлял и публиковал каждый год господин указанный там, или другие, может быть так.

Додд: Я знаю. Я просто пытаюсь установить то, что это был ежегодник «Гитлерюгенда» и единственный который выходил, и выходил каждый год. Это не

так?

Лаутербахер: Данная книга выходила каждый год, но я снова повторяю, что он не имел никакого официального характера, и мне не кажется…

Додд: Что же, что бы придало ему официальный характер?

Лаутербахер: Если бы здесь было сказано: «Публикуется рейхсюгендфюрером» - это бы имело официальный характер.

Додд: А фактически сказанное: «Опубликовано центральным издательством НСДАП» не придает такой характер, правильно?

Лаутербахер: Разумеется нет.

Додд: Вы не издавали никаких других публикаций по характеру ежегодника, за исключением этого?

Лаутербахер: Каждый год издавали календарь.

Додд: Что же, разумеется я не говорю о календаре, я говорю о докладе или книге.

Лаутербахер: Нет.

Додд: Вы всё ещё говорите трибуналу, что это не был ежегодник «Гитлерюгенда» и единственный, что публиковали в Германии?

Лаутербахер: Повторяю, что данный ежегодник не имел никакого официального характера.

Додд: Что же, после прочтения данной цитаты, вы так же думаете, что Ширах, как рейхсюгендфюрер, решительно не говорил оскорбительно о евреях, или подобные беседы не вели под его руководством?

Лаутербахер: Фон Ширах никогда не оставлял никакого сомнения в своём антисемитском отношении до тех пор пока был рейхсюгендфюрером.

Додд: Вам известна речь которую он произёнс в 1942, когда он хвалился депортацией евреев из Вены? Вы знакомы с этой речью?

Лаутербахер: Нет, я не знаю эту речь. В это время я был в Ганновере, а Ширах был в Вене.

Додд: Да. Он был коллегой гауляйтером в то время.

Вы, когда-либо получали какие-нибудь доклады о том, что происходило с евреями на Востоке?

Лаутербахер: Никогда. Я никогда не имел доступа к докладам СС, циркулярам СС или приказам.

Додд: Вы депортировали евреев из своего гау?

Лаутербахер: Когда я приехал в гау в декабре 1940 евреи уже эмигрировали.

Додд: Их там уже не было ко времени вашего приезда?

Лаутербахер: Да.

Додд: Вы, когда-нибудь слышали о том, что гауляйтеры получали доклады от Гейдриха или от Гиммлера о том, что происходило с евреями на Востоке? Кто-нибудь из ваших коллег гауляйтеров, когда-нибудь говорил вам, что он регулярно получал доклады, скажем помесячно или еженедельно?

Лаутербахер: Нет. Доклады Гиммлера не были более доступны гауляйтерам чем были доступны почётным фюрерам СС. Как обергруппенфюрер СС я никогда не получал доклад или указание от Гиммлера.

Додд: С этими докладами Гиммлера обращались весьма аккуратно, не так ли?

Я спрашиваю вас – как обергруппенфюрер СС, я полагаю вы кое-что знаете об этом - с этими докладами обращались очень аккуратно, докладами Гейдриха и Гиммлера?

Лаутербахер: Как обергруппенфюрер СС я никогда не получал никаких докладов от Гиммлера, и я знаю, что Гиммлер направлял все доклады касавшиеся конфиденциальных или внутренних вопросов СС только СС и полиции, то есть, фюрерам СС на службе в СС, но никогда почётным фюрерам.

Додд: Итак, на самом деле я спросил о том обращались ли с докладами, когда их направляли очень аккуратно. Вам известен ответ на это?

Лаутербахер: Не знаю. Не знаю как обращались с этими докладами.

Додд: Какой была репутация Гейдриха, что касалось вас в 1942? Вы хорошо о нём думали или думали очень плохо до того как его убили?

Лаутербахер: Я знал Гейдриха только по встрече с ним в ведомстве рейхсюгендфюрера, и у меня сложилось хорошее впечатление о его личности. Сейчас я вынужден иметь другое мнение о нём, но лишь потому, что теперь я знаю о его делах.

Додд: Что он делал в ведомстве рейхсюгендфюрера в те случаи, когда вы с ним встречались? Какие у него были там дела?

Лаутербахер: Он вмешивался по собственной инициативе и при помощи своих ведомств в случаях гомосексуализма. Ширах запрещал это и говорил ему, что эти вопросы прежде всего входили в нашу компетенцию.

Додд: Вы сидели на всех этих совещаниях с Гейдрихом, не важно сколько их было, не так ли?

Лаутербахер: Я принимал участие в одном совещании по вопросу гомосексуализма в «Гитлерюгенде».

Додд: Скажите нам: из того, что вы видели и слышали там, вам показалось, что Гейдрих и Ширах были очень дружны, или находились в дружеских отношениях?

Лаутербахер: Это совещание состоялось не с фон Ширахом, а с одним из сотрудников ведомства рейхсюгендфюрера, который как начальник юридического управления «Гитлерюгенда» вёл беседу с Гейдрихом.

Додд: Вы, когда-либо присутствовали, когда Гейдрих беседовал с фон Ширахом? Вы, когда-либо присутствовали?

Лаутербахер: Нет.

Додд: Гейдрих, когда-либо говорил с вами или даже, фон Ширах, когда-либо говорил с вами о Гейдрихе?

Лаутербахер: Нет, я не могу это вспомнить.

Додд: Господин председатель, у нас больше нет вопросов.
Председатель: Доктор Заутер?
Заутер: Спасибо, у меня больше нет вопросов.
Председатель: Свидетель может удалиться.
Заутер: С разрешения председателя, я вызываю своего следующего свидетеля, Густава Гёпкена.

[*Свидетель Гёпкен занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, назовите своё полное имя?
Гёпкен: Густав Дитрих Гёпкен.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Заутер: Господин Гёпкен, я уже допрашивал вас по делу Шираха, когда вы были в тюрьме?
Гёпкен: Да, вы уже допрашивали меня.
Заутер: Сколько вам лет?
Гёпкен: Мне 36.
Заутер: Чем занимается ваш отец?
Гёпкен: Мой отец докер.
Заутер: А вы?
Гёпкен: Я был разносчиком газет, докером, вольным студентом и спортинструктором.
Заутер: Спортинструктором. Вы в американских руках, не так ли?
Гёпкен: Да, я пленный в американских руках.
Заутер: С какого времени?
Гёпкен: С 19 мая 1945.
Заутер: Обвинение допрашивало вас по данному вопросу?
Гёпкен: До настоящего времени обвинение меня не допрашивало.
Заутер: Когда вы вступили в «Гитлерюгенд»?
Гёпкен: Я вступил в «Гитлерюгенд» в 1933.
Заутер: Вы вступили в «Гитлерюгенд» в 1933? Сколько вам тогда было лет?
Гёпкен: Мне было 23.
Заутер: В каком качестве вы вступили?
Гёпкен: Сначала как обычный член. В сентябре 1933 я стал унтербаннфюрером в «Гитлерюгенде».

Заутер: Унтербаннфюрером в сентябре 1933?
Гёпкен: Да, в сентябре 1933.
Заутер: Это была оплачиваемая должность или почётная?
Гёпкен: С 1933 по 1935 я работал спортинструктором в «Гитлерюгенде».
Заутер: И в 1935?
Гёпкен: В 1935 я поступил в правительственные ведомства в Потстдаме как эксперт по физподготовке в школах.
Заутер: Но это не имело никакого отношения к «Гитлерюгенду», не так ли?
Гёпкен: В Потсдаме я также командовал потсдамским отделением и местным штабом «Гитлерюгенда».
Заутер: Таким образом вы являлись гражданским служащим или даже, государственным служащим и кроме того почётным фюрером «Гитлерюгенда»?
Гёпкен: С 1935 по 1939 я был гражданским служащим в правительственных учреждениях Потсдама, а также командовал отрядом «Гитлерюгенда» и штабом в Потстдаме в почётном качестве.
Заутер: Следовательно летом 1939 вы поступили в молодёжное руководство Рейха, не так ли?
Гёпкен: В июне 1939, я поступил в молодёжное руководство Рейха и стал адъютантом Бальдура фон Шираха который тогда был рейхсюгендфюрером.
Заутер: И сколько вы занимали эту должность?
Гёпкен: До августа 1939? и затем я стал солдатом.
Заутер: До того как вы оказались в штабе Шираха вы не служили в вооружённых силах?
Гёпкен: До прихода к Шираху в 1939 я прошёл восьминедельную обязательную подготовку в воздушных силах.
Заутер: Кроме этого, вы не имели никакой подготовки?
Гёпкен: Кроме этого я не имел никакой военной подготовки.
Заутер: Вы были офицером?
Гёпкен: В то время я не был офицером.
Заутер: Что касается остальных соратников, Ширах придавал значение тому были они офицерами или подготовленными солдатами?
Гёпкен: Насколько мне известно, фон Шираха не заботило были его сотрудники солдатами или офицерами, напротив, его взгляд заключался в том, как он постоянно говорил, что солдаты и офицеры, как он мог понять, меньше подходили как руководители молодёжи.
Заутер: Я не хочу вдаваться в общий вопрос подготовки «Гитлерюгенда», но хочу задать вам один единственный вопрос об этом, в особенности потому, что вы спортинструктор по профессии. Это вопрос подготовки «Гитлерюгенда» в стрельбе. Их готовили с военным вооружением или как их готовили стрельбе?
Гёпкен: «Гитлерюгенд» готовили стрельбе из воздушных ружей или лёгкого

вооружения. Они не стреляли из военного вооружения.

Заутер: В таком случае я не буду задавать никаких вопросов про форму, так как эти вопросы уже разъясняли. Но есть ещё одна вещь которая меня интересует и это отношение к церкви: свидетель, вам известно, о том публиковал ли подсудимый фон Ширах в 1937, в номере берлинской газеты «Berliner Tageblatt[473]» от 14 января 1937 статью написанную его консультантом по прессе Гюнтером Кауфманом под названием «Можно ли закрыть брешь?». Эта статья копия которой есть у меня, рассматривает проблему которая меня интересует и вот почему я хочу спросить вас, вам известно, что Ширах заставил своего консультанта написать в этой статье по вопросу о том нужно ли руководителям «Гитлерюгенда» учитывать потребности молодых людей в церковных службах?

Гёпкен: Я знаю статью.

Заутер: Вы знаете?

Гёпкен: Мне также знаком приказ изданный рейхсюгендфюрером в то время и говоривший, что по воскресеньям не должно быть дежурств «Гитлерюгенда» для всех тех мальчиков и девочек которые хотели посещать церковь. Предполагалось, что каждый мальчик и девочка в «Гитлерюгенде» в то время могли посещать религиозные службы по своему усмотрению, и в обязанность руководителей «Гитлерюгенда» тогда вменялось воздерживаться от любых споров о «Гитлерюгенде» и церкви. Он запретил это.

Заутер: Свидетель, это основной пункт этой статьи от 14 января 1937. Но вам известно, что подсудимый Ширах имел с Гитлером определённые сложности из-за этой статьи. Вы кратко расскажите нам, что вам известно об этом?

Гёпкен: Как только было заключено соглашение между церковью и «Гитлерюгендом», указанная статья вышла в «Berliner Tageblatt». В день выхода статьи Ширах находился на встрече в ведомстве Розенберга. Гитлер тогда позвонил Шираху по телефону. Гитлер строго отчитал Шираха во-первых за заключение соглашения между церковью и «Гитлерюгендом» и во-вторых за издание статьи. Его намерение заключалось в том, чтобы отменить соглашение и запретить дальнейшее издание газет. Ничего из этого не случилось.

Заутер: Ширах отказался отзывать статью?

Гёпкен: Насколько мне известно, да.

Заутер: В 1940 вы поехали с Ширахом в Вену?

Гёпкен: Нет, не поехал.

Заутер: Когда вы уехали?

Гёпкен: Я впервые поехал в Вену в сентябре 1941.

Заутер: Где вы находились в то время?

Гёпкен: Я уже говорил, что поступил в Люфтваффе в августе 1940 и служил в это

---

[473] «Берлинский ежедневник» — ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1872—1939 годах. Одна из двух наиболее важных немецких либеральных газет этого времени.

время как лётный инструктор в учебной школе Люфтваффе.

Заутер: И, вы не воссоединились с Ширахом до 1941, и затем в Вене?

Гёпкен: Да, я присоединился к Шираху в Вене в сентябре 1941.

Заутер: Высший священнослужитель католической церкви в Вене кардинал Иннитцер[474], правильно?

Гёпкен: Да.

Заутер: Вам известно каким было отношение фон Шираха к кардиналу Иннитцеру? Я сразу скажу вам, почему я задаю этот вопрос, я хочу знать правда ли то, что Ширах возражал нападкам «Гитлерюгенда» на кардинала Иннитцера и какие шаги он предпринимал, и т.д.

Гёпкен: Ширах постоянно говорил мне о том, что он бы хотел побеседовать с кардиналом Иннитцером, но это не разрешали сделать, во-первых из-за указа изданного бывшим главой партийной канцелярии Мартином Борманом запрещавшего гауляйтерам контактировать со священнослужителями и во-вторых, потому что Ширах знал о том, что он сам находился под наблюдением.

Заутер: Кто, Ширах?

Гёпкен: То, что Ширах находился под слежкой и думал, что если он вызовет такую дискуссию, Борман точно узнает об этом на следующий день, что имело бы самые неприятные последствия и для Шираха и кардинала Иннитцера. С другой стороны, взгляд Шираха заключался в том, что кардинал Иннитцер тоже должен был хотеть побеседовать с Ширахом, и Ширах думал, что такого не было бы если бы кардинал Иннитцер не знал о его терпимом отношении к церкви и христианской религии. Кроме того мне известно, и я думаю это случилось зимой 1944 или 1945, что кардинала Иннитцера унизили молодые гражданские, когда он возвращался с мессы. Кардинал Иннитцер обратился в полицию, чтобы выяснить имена эти подростков и их передали руководителям «Гитлерюгенда». Ширах приказал компетентному районному руководителю «Гитлерюгенда» явиться в тот же день, сильно его отругал, и потребовал, чтобы ответственных молодёжных руководителей освободили от должностей. Насколько мне известно это было сделано. Мне кажется я также помню, что Ширах направил кардиналу Иннитцеру письмо с извинениями, либо лично или через одного из своих чиновников.

Председатель: Думаю нам лучше прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 28 мая 1946*]

---

[474] Теодор Иннитцер (1875 — 1955) — австрийский кардинал. Архиепископ Вены с 19 сентября 1932 по 9 октября 1955.

День сто сороковой

Вторник, 28 мая 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый Геринг отсуствует.
Председатель: Мы собираемся рассмотреть документы подсудимого Бормана, не так ли?
Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.
Серватиус: Господин председатель, что касается подсудимого Заукеля прибыли только два свидетеля. Трое важных свидетеля пока отсутствуют. Вероятно суд может помочь быстрее доставить этих свидетелей для того, чтобы дело не затягивалось. Это свидетели Штотфанг[475], доктор Егер и Гильдебрандт. Я постоянно просил обвинение доставить их, но их пока нет. Я пока не говорил со свидетелями.
Председатель: Их обнаружили?
Серватиус: Да. Один в лагере в Касселе, который всего в нескольких часах отсюда, а другой в Ноймюнстере. Это немного дальше, вероятно 6 или 7 часов. Доктор Егер на свободе.
Председатель: Это не соответствует информации которую имеет трибунал. Трибунал имеет информацию, что их нельзя найти.
Серватиус: Я получил сведения о том, что их местонахождение установлено.
Председатель: От кого вы получили эту информацию?
Серватиус: Официально от генерального секретаря.
Председатель: Что же, мы это изучим.
Максвелл-Файф: Милорд, в отношении свидетелей о которых ходатайствовали для подсудимого Бормана. Они как я понимаю, фройлян Крюгер[476], которой мы не имеем возражения. О свидетеле Мюллере уже не ходатайствуют?
Бергольд: Да, я отказался от этого свидетеля.
Максвелл-Файф: Затем, Клопфер[477] и наконец Фридрихс[478]. Это в отношении

---

475 Вальтер Штотфанг (1902 – 1961) – немецкий экономист. В 1926-1945 сотрудник министерства труда Германии.
476 Эльза Крюгер (в замужестве Джеймс; 1915 — 2005) — секретарь и вероятная любовница Мартина Бормана в 1942—1945 годах.
477 Герхард Клопфер (1905 — 1987) - партийный функционер НСДАП, государственный секретарь рейхсканцелярии (1942—1945) государственный секретарь партийной канцелярии (1944—1945), бефельсляйтер НСДАП (1944), группенфюрер СС (9 ноября 1944 года), доктор юридических наук (1927). Судом по денацификации был приговорён к денежному штрафу.
478 Гельмут Фридрихс (1899 — 1945) — фюрер СС, начальник отдела в штабе заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

законотворческой деятельности Бормана и обвинение не имеет возражений.

Бергольд: Ваша светлость, вместо свидетеля Мюллера, которого я отзываю, у меня есть дополнительная просьба о свидетельнице Герде Кристиан[479] по той же теме из-за которой просил свидетеля Мюллера.

Председатель: Первый свидетель, мисс Крюгер, собирается говорить о тех же самых фактах, не так ли, о смерти Бормана?

Бергольд: Да, ваша светлость. Обстоятельства касательно смерти Бормана непонятны. Очень нужно заслушать всех доступных свидетелей по этой теме, потому что только таким образом можно убедиться в том факте, который я пытаюсь установить, что подсудимый Борман уже мертв.

Председатель: Это не выглядит очень относящимся к делу фактом. Весьма далеко то мертв ли он или же он жив. Вопрос в том виновен он или нет.

Бергольд: Ваша светлость, моя точка зрения заключается в том, что нельзя вынести приговор в отношении мёртвого человека. Это не предусмотрено уставом. Согласно уставу, суд может приговорить отсутствующее лицо, но мертвого человека нельзя отнести к термину «отсутствующий». Если подсудимый мёртв, устав не предусматривает возможность продолжении в отношении него разбирательства.

Председатель: Сэр Дэвид вы имеете какое-нибудь возражение остальным свидетелям?

Максвелл-Файф: Нет, милорд, обвинение не заявляет никаких возражений.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Итак, милорд в отношении документов, первая пачка документов - серия договоров и дипломатических объявлений и документы опровергающие выступление сэра Хартли Шоукросса о соотношении международного права к уставу, заявление заключалось в том, что право наций определяло агрессивную войну как международное преступление до создания данного трибунала и данного устава ставших частью публичного права мира. Позиция обвинения в том, что доказательства об этом на самом деле не относятся к делу, прежде всего ввиду того, что устав охватывает трибунал, и кажется ненужным переводить и публиковать, при помощи документальных книг, все эти вопросы которые учёный адвокат изложил в своём ходатайстве. Короче, в этом позиция обвинения по первой пачке документов. В особенности я не хочу обсуждать проблему по причине которую привёл.

Председатель: Да. Что у них за номера?

Максвелл-Файф: Это 1-11 – нет, 7, в ходатайстве.

Председатель: Да. Это длинные документы?

Бергольд: Ваша светлость, я их пока не видел. Я ходатайствовал об этих документах 3 месяца назад для того, чтобы просмотреть их, но к сожалению я пока их не получил и таким образом я не могу предоставить суду никакой информации о

Депутат Рейхстага. Пропал без вести.

[479] Герда Кристиан (1913 — 1997) — личный секретарь Адольфа Гитлера во время Второй мировой войны.

том длинные ли они и какие их части нужны в моей защите.

Председатель: Номер 2 кажется длинный документ.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Бергольд: Но я не буду использовать все эти документы если получу их. Наверное я возьму некоторые из них, ваша светлость, я буду…

Председатель: Когда вы говорите, что ходатайствовали о них три месяца назад, вы не имеете в виду, что обращались к трибуналу, не так ли?

Бергольд: Я обращался к генеральному секретарю, но вероятно это отложили в сторону, когда ваша светлость решил о том, что моё дело нужно отложить до конца. Вероятно про это забыли.

Председатель: Было какое-нибудь распоряжение по вашему ходатайству?

Бергольд: Нет.

Председатель: Думаю, вы ходатайствовали об отложении, не так ли, для того, чтобы поднять вопрос позднее?

Бергольд: Да, ваша светлость, у меня особо сложное положение. Я опросил много свидетелей и очень сильно старался, но не смог найти ничего смягчающего ответственность. Все свидетели наполнены огромной ненавистью к подсудимому Борману и они хотят инкриминировать его для того, чтобы оправдать себя. Это сильно затрудняет моё дело. Сам человек наверное мёртв и не может дать мне никакой информации. Каждый день я могу получить новую информацию. Например, несколько дней назад один из сотрудников Бормана доктор фон Хуммельн был арестован в Зальцбурге. Я поеду, чтобы встретиться с ним и вероятно я получу свежую информацию – может быть и нет. Я должен полагать…

Председатель: Сейчас нам не следует заниматься этим. Мы просто изучаем ваше ходатайство в связи с документами.

Сэр Дэвид, вам есть, что ещё сказать о документах?

Максвелл-Файф: Нет, это суть. Я не хочу обсуждать заслуги своих пунктов, потому что суть в том, что это не относится к делу.

Председатель: Что насчёт номера 11?

Максвелл-Файф: Я не подвергаю возражениям никакие другие документы, милорд.

Председатель: Есть ещё кроме этих…

Максвелл-Файф: Номер 11 – вижу возможность спора, милорд, таким образом я не собираюсь возражать. Остальным документам разумеется нет никакого возражения, указы заместителя фюрера и…

Председатель: Все это «В»?

Максвелл-Файф: Да. Обвинение не заявляет этому никаких возражений.

Председатель: Да.

Итак, что вы скажете на возражение сэра Дэвида этим документам, 1-7?

Бергольд: Что же, ваша светлость, я уже внёс ясность в свою позицию по своему ходатайству. Для того, чтобы сэкономить время суда, я просто сошлюсь на

письменное ходатайство. Я не буду ничего больше говорить о предмете, но если ваша светлость хочет, чтобы я пояснил это здесь, я готов это сделать.

Председатель: Трибунал рассмотрит вопрос.

Максвелл-Файф: Ваша светлость желает рассмотреть остальные ходатайства с разногласиями или же ваша светлость предпочитает рассмотреть это позднее в конце дела фон Шираха?

Председатель: Не думаю, что у нас здесь есть бумаги. Мы собирались рассмотреть Бормана этим утром.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Господин Додд, у нас здесь есть документ, D-880, как сказано фрагменты из показаний адмирала Рёдера, взятых в Нюрнберге 10 ноября 1945 майором Джоном Мониганом. Вы предъявляли этот документ в качестве доказательства или нет?

Додд: Можно минуту, чтобы проверить? Я не уверен.

Председатель: Да, мы дадим вам документ.

Додд: Кажется нет, господин председатель, мне не кажется, что его приобщили в качестве доказательства.

Председатель: Кажется их вручили вчера или позавчера…

Додд: Думаю по ошибке.

Председатель: …или на прошлой неделе. Но вы выясните и дадите нам знать.

Додд: Очень хорошо, сэр.

Председатель: Доктор Заутер, вы продолжаете допрашивать Густава Гёпкена, не так ли?

Заутер: Господин председатель, я продолжу свой допрос свидетеля Гёпкена.

[*Свидетель Гёпкен вернулся на место свидетеля*]

Заутер: Господин Гёпкен, вчера мы остановились на обсуждении вопроса о том противостоял ли церкви подсудимый фон Ширах находясь в Вене или был терпимым. Последний ответ который вы вчера мне дали ссылался на отношения подсудимомго фон Шираха с венским кардиналом Иннитцером. Свидетель, правильно, что по предложению и с ведома подсудимого фон Шираха в Вене вы периодически вели беседы с местным католическим священником, деканом, профессором Энсом, с целью обсуждения церковных вопросов и устранения любых разногласий которые могли возникнуть?

Гёпкен: Да, это правда. Проффессор Энс не был как вы полагаете католиком, а протестантом. Он был деканом факультета теологии университета Вены. Когда он посещал меня? он ставил передо мною много церковных и религиозных вопросов. Я обсуждал их с ним. Затем он просил доложить о них господину фон Шираху для того, чтобы если это было в его власти он мог исправить положение. Насколько

возможно это делали.

Заутер: Свидетель, вам известно, что подсудимый фон Ширах например приказал о том, чтобы на партийном рождественском праздновании не пели новые национал-социалистические песни, а старые христианские гимны?

Гёпкен: Да, я знаю, что на партийных рождественских празднованиях и в «Гитлерюгенде» и на рождественских празднованиях для раненых солдат, старые христианские гимны такие как «Es ist ein Ros' entsprungen[480]» и «Stille Nacht, heilige Nacht[481]…»

Председатель: Это конечно не тот вопрос о котором нужно давать показания.

Заутер: Свидетель, вам известно, что подсудимый фон Ширах в официальном журнале «Гитлерюгенда» опубликовал специальный номер который выступал за гуманное обращение с людьми с восточных территорий и когда это было?

Гёпкен: Я знаю, что это был квартальный номер за апрель-июнь 1943.

Заутер: Вам известно, что в том же самом официальном журнале «Гитлерюгенда» по просьбе Бормана должен был выйти специальный антисемитский номер, но фон Ширах отказал в этом?

Гёпкен: Я знаю, что в то время об этом просили министерство пропаганды, а также партийная канцелярия. Фон Ширах каждый раз отказывал.

Заутер: Свидетель, вам известно, что фон Ширах однажды инспектировал концентрационный лагерь?

Гёпкен: Да, я знаю об этом.

Заутер: Какой?

Гёпкен: Концентрационный лагерь Маутхаузен.

Заутер: В отношении того, что уже более менее ясно из показаний других свидетелей, меня интересует только один вопрос. Когда был этот визит в Маутхаузен?

Гёпкен: Не могу сказать точно. Однако, с уверенностью могу сказать, что это не было до апреля 1943.

Заутер: Почему вы можете так сказать.

Гёпкен: В апреле 1943 меня выписали из госпиталя и я начал службу в Вене. С этого дня до апреля 1945, каждый день я знал где был фон Ширах. Более того, сразу же после моего прибытия в Вену в апреле 1943, когда я попросил его, так как я был довольно физически слаб из-за моего ранения и также был спортивным тренером, можно ли мне заниматься спортом между 7 и 8 утра…

Председатель: Доктор Заутер, мы не хотим знать о здоровье свидетеля, не так ли?

Заутер: Свидетель, вы слышали о том, что сказал председатель. Я уже сказал вам, что меня интересует, когда был этот визит в Маутхаузен. Вы сказали, если я правильно вас понял…

---

[480] «Расцветает роза» (нем.)
[481] «Тихая ночь, святая ночь» (нем.)

Председатель: Он сказал, что не может сказать, когда это было и это было после апреля 1943. Он сказал, что не может сказать, когда это было.

Заутер: Господин председатель, мне кажется вы неправильно поняли свидетеля. Свидетель, пожалуйста обратите внимание на то правильно ли это. Я понял, что свидетель говорит, что это было до апреля 1943. Визит должен был быть до апреля 1943, он не мог быть позже.

Председатель: Доктор Заутер, он также сказал, согласно беседе которую я слышал и записывал, что он не может назвать точное время.

Заутер: Да, но из показаний свидетеля я хочу установить тот факт, что это было не позднее апреля 1943.

Председатель: Он это уже сказал. Он это сказал. Он сказал: «Не могу сказать, когда это было, но это было не после апреля 1943». Он сказал: «В апреле 1943 меня выписали из госпиталя и началась моя служба в Вене. Каждый день я знал где был Ширах». Я всё это записал.

Заутер: Очень хорошо. Свидетель, в этой беседе о своём визите в Маутхаузен подсудимый фон Ширах сказал вам, что-нибудь о том, что в тот визит он услышал о каких-нибудь жестокостях, плохом обращении и подобных вещах.

Гёпкен: Нет, он ничего об этом не сказал.

Заутер: Свидетель, сейчас я перехожу к вопросу депортации евреев из Вены. Насколько мне известно вы слышали беседу между рейхсфюрером СС Гиммлером и подсудимым Ширахом. Расскажите нам о том, что говорили в этой беседе по вопросу депортации евреев.

Гёпкен: Кажется это было в ноябре 1941, Гиммлер и Ширах ехали через Восточную Пруссию из ставки Гиммлера на его специальном поезде. В вагоне Гиммлер спросил фон Шираха: «Скажите фон Ширах, сколько евреев ещё остаётся в Вене?». Ширах ответил: «Не могу сказать точно. Я оцениваю в 40000-50000». И Гиммлер сказал: «Я должен эвакуировать этих евреев из Вены как можно быстрее». И Ширах сказал: «Евреи не доставляют мне никаких проблем, в особенности так как они носят жёлтую звезду». Тогда Гиммлер сказал: «Фюрер уже зол из-за того, что Вене, как и в других вопросах, сделано исключение и я вынужден дать указания ведомствам СС как можно быстрее выполнить это». Вот, что я помню об этой беседе.

Заутер: Вам, что-нибудь известно об антисемитской речи подсудимого фон Шираха в сентябре 1942 на съезде в Вене, которую обвинение предъявило суду?

Гёпкен: Да, нам известно содержание речи.

Заутер: Я хочу знать известно ли вам, что-нибудь о ней, в особенности говорил ли вам, что-нибудь Ширах о том почему он произнёс эту антисемитскую речь?

Гёпкен: От сотрудника пресс-службы Гюнтера Кауфмана о котором я вчера говорил, я знаю, что сразу после этой речи фон Ширах дал Кауфману указание о том, чтобы каждый пункт речи должны были телефонировать в DNB[482] в Берлине, с

---

[482] Аббр с нем. Deutsches Nachrichtenbüro – германское бюро новостей. Центральное новостное агентство Германии в

замечанием о том, что имелись веские основания пойти на уступку Борману.

Заутер: Почему уступку?

Гёпкен: Я полагаю, что Ширах знал о том, что его положение в Вене было рискованным, и что он постоянно слышал в особенности от партийной канцелярии, что он должен следовать более строгому курсу в Вене.

Заутер: Вы были начальником центрального управления Шираха в Вене. В данном качестве вся входящая почта Шираха проходила через вас?

Гёпкен: Не вообще вся почта, но большая её часть. Почта со штампом «только напрямую» и «лично» не проходила через мои руки.

Заутер: А остальная почта.

Гёпкен: Она шла через моё ведомство.

Заутер: Свидетель, у нас здесь есть ряд документов которые предъявлены суду. Они доклады о деятельности и обстановке которые подготовил начальник полиции безопасности, как мне кажется, ежемесячно или еженедельно и которые предъявлены суду под номером PS-3943. Эти доклады пришли из Вены, и поскольку вам известна ситуация в центральном управлении в Вене и вы хорошо информированы о его деятельности, я вручу вам несколько этих документов. Пожалуйста посмотрите на документы и затем скажите нам, можете ли вы установить из этих документов, которые фотокопии, поступали ли к вам или подсудимому фон Шираху эти доклады от СС или же они шли в другое ведомство. Я особо обращаю ваше внимание на то как аннотированы документы. Пожалуйста укажите на отдельных документах, кто ставил инициалы на документе, что делали с документом после этого. И затем, пожалуйста скажите нам, кто эти сотрудники, которые фигурируют как сотрудники рейхскомиссариата обороны, например доктор Фишер, и т.д.

Господин председатель, это те документы о которых недавно спрашивал суд.

Председатель: Да, я знаю, но я не знаю в чем именно вопрос. Мне кажется здесь ряд вопросов. Что же, давайте разберемся доктор Заутер. Как вам известно нам нужно рассмотреть эти документы, и свидетель сможет дать свой ответ.

Заутер: Да, господин председатель. Конечно свидетелю нужно сначала посмотреть на документы. Он должен особо отметить какие чиновники ставили инициалы на документах, и что чиновники с ними делали. Вот, что я должен спросить у свидетеля для того, чтобы удостовериться в том, что документы…

Председатель: Я склонен думать, что он уже видел эти документы.

Заутер: Нет, их вручили во время перекрёстного допроса. Я раньше не мог обсудить их со свидетелем.

Председатель: Их разумеется передали до этого утра.

Заутер: Не свидетелю – мне, да.

Председатель: Продолжайте доктор Заутер, продолжайте.

Заутер: Свидетель, что вам говорят эти документы? Их довели до сведения подсудимого фон Шираха или как с ними обращались?

Гёпкен: Эти документы не проходили через центральное управление. Здесь я вижу инициал доктора Фельбера. Я его знаю. Он был экспертом назначенным регинрунгспрезидентом в Вене по всем вопросам касающимся рейхскомиссара обороны.

Из обращения с этими документами, я должен полагать, что берлинское ведомство СД направило их напрямую в ведомство регинрунгспрезидента и там их включили в папки, как я здесь вижу. Я не вижу здесь инциалы фон Шираха.

Заутер: Регинрунгспрезидентом был некий Дельбрюгге?

Гёпкен: Доктор Дельбрюгге.

Заутер: И этот доктор Фельбер которого вы назвали? был сотрудником регинрунгспрезидента?

Гёпкен: Да, он был сотрудником регинрунгспрезидента.

Заутер: И, когда такой документ как вы имеете приходил, где его выдавало почтовое учреждение или другое ведомство? Это доставляли вам или регинрунгспрезидент имел собственное учреждение для входящей почты или как это было?

Гёпкен: Я уже сказал, что их должны были направлять напрямую ведомству регинрунгспрезидента, который имел собственный отдел для входящей почты.

Заутер: Как вы можете говорить, что подсудимый фон Ширах не имел никаких сведений об этих документах?

Гёпкен: Потому что он не поставил инициалы на этих документах. Если ему приносили документ, он ставил инициал «z.K.g». – отмечал – «Б.ф.Ш». и этого нет на документе.

Председатель: Доктор Заутер, не думаю, что обвинение предлагало, что инициалы ставил фон Ширах. В показаниях фон Шираха совершенно ясно, что он не ставил инициалы и этот факт не оспаривался господином Доддом.

Заутер: Господин председатель, мне кажется это решающий пункт о том имел ли какие-нибудь сведения подсудимый фон Ширах об этих документах.

Председатель: Зачем вы продолжаете спрашивать о том ставил он инициалы или нет? Этот факт, как я отметил, уже доказали и не оспаривали.

Заутер: Свидетель, у меня здесь дополнительная подборка документов под номером PS-3876. Они дополнительные доклады от начальника полиции безопасности. Есть ещё один адрес. Помимо прочего сказано: «Рейхскомиссару обороны XVII военного округа» - это была Вена – «для сведения оберрегинрунгсрату доктору Фишеру. Он был в центральном управлении, или кем он был?

Гёпкен: Я не знаю доктора Фишера ни в центральном управлении ни в рейхсштатгальтерстве.

Заутер: Тогда как вы объясните тот факт, что эти доклады всегда говорят: «Рейхскомиссару обороны XVII военного округа для сведения оберрегинрунгсрата доктора Фишера»?

Гёпкен: Я полагаю, что он был коллегой оберрегинрунгсрата доктора Фельбера который специализировался в этих вопросах. Также я вижу, что они имеют секретные буквы, и таким образом были адресованы лично ему.

Заутер: Насколько вам известно, регинрунгспрезидент Дельбрюгге не докладывал подсудимому фон Шираху о поступлении к нему этих докладов, или один из его сотрудников докладывал о них?

Гёпкен: Регинрунгспрезидент докладывал напрямую господину фон Шираху по вопросам касавшимся рейхсштатгальтера и рейхскомиссара обороны. Я не присутствовал на этих беседах, соответственно я не могу сказать в какой мере он докладывал фон Шираху об этих вопросах.

Заутер: Если бы регинрунгспрезидент или один из его сотрудников докладывал подсудимому фон Шираху об этих докладах, это было бы видно в документах?

Гёпкен: Наверное, да. В таком случае регинрунгспрезидент или сотрудники написали бы на нём «в материалы после доклада рейхсштатгальтеру» или «для передачи».

Заутер: На документах которые я вам представил нет никакой такой отметки?

Гёпкен: На этих документах, нет.

Заутер: И на документах которые есть у меня, тоже нет такой отметки. Из этого вы делаете вывод, что подсудимому фон Шираху о них не докладывали?

Гёпкен: Я должен сделать вывод, что фон Шираха не информировали об этих вопросах.

Заутер: Свидетель, подсудимый фон Ширах был начальником государственной администрации в Вене как рейхсштатгальтер, а также как начальник местной администрации в определённой степени бургомистром и наконец партийным гауляйтером. Итак, мы слышим, что в каждом из этих качеств он имел постоянного представителя.

Я бы хотел знать кто обычно занимался вопросами рейхкомиссара обороны и рейхсштатгальтера, то есть делами государственной администрации?

Гёпкен: Я уже сказал о том, что это был регинрунгспрезидент, доктор Дельбрюгге.

Заутер: А тогда, что делал подсудимый фон Ширах в области государственной администрации?

Гёпкен: Регинрунгспрезидент регулярно докладывал ему. Затем фон Ширах принимал своё решение и эти решения исполнялись чиновниками или ведомствами.

Заутер: Если я правильно вас понимаю, подсудимый фон Ширах занимался только такими вопросами о которых докладывал ему регинрунгспрезидент или о которых его ставили в известность в письменном виде, это правда?

Гёпкен: Да это правда.

Заутер: Свидетель вы лично были членом СС?
Гёпкен: Нет, я никогда не был членом СС.
Заутер: СА?
Гёпкен: Нет.
Заутер: Вам известно, что эти три постоянных заместителя, которых имел подсудимый фон Ширах в Вене, а именно регинрунгспрезидент, заместитель гауляйтера и бургомистр все трое были членами СС?
Гёпкен: Да, я это знаю.
Заутер: Как так получилось? Подсудимый фон Ширах выбрал лично этих людей или как вы объясните тот факт, что все трое его представителей были фюрерами СС?
Гёпкен: Заместитель гауляйтера Шарицер был почётным фюрером СС и насколько я помню, он был обербефельсляйтером партии. Когда фон Ширах приехал в Вену Шарицер уже несколько лет работал в Вене.
Заутер: В качестве кого?
Гёпкен: Как заместитель гауляйтера. Я не знаю, когда приехал в Вену регинрунгспрезидент доктор Дельбрюгге, но я полагаю, что либо до или одновременно с фон Ширахом. Более того, регинрунгспрезидентов назначало министерство внутренних дел, поэтому я думаю, что вряд ли он мог оказать существенное влияние, чтобы отказать в выборе конкретного регинрунгспрезидента.

Что касается бургомистра, ситуация была похожей.
Заутер: Он был неким Блашке?
Гёпкен: Да. Он был бригадефюрером СС Блашке, он тоже был назначен министерством внутренних дел как действующий бургомистр.
Заутер: Министерством внутренних дел?
Гёпкен: Да.
Заутер: Когда это было?
Гёпкен: Кажется это было в 1944, в январе или феврале 1944.
Заутер: Вам известно, что этот бригадефюрер СС или кем бы он ни был, этот Блашке до подсудимого фон Шираха работал в Вене как городской советник и мне кажется также как вице-бургомистр?
Гёпкен: Он раньше был городским советником, и мне кажется, он был вице-бургомистром до моего приезда в Вену.
Заутер: Вам известно, что подсудимый фон Ширах долгое время возражал назначению этого оберфюрера или бригадефюрера СС Блашке бургомистром Вены?
Гёпкен: Я бы хотел сказать он возражал этому приблизительно 6 или 9 месяцев и мне кажется позднее он отказался позволить министру внутренних дел окончательно утвердить его назначение в качестве бургомистра.
Заутер: Свидетель, какими были отношения между подсудимым фон Ширахом и СС и офицерами СС? Они были особенно дружескими или какими они были?

Гёпкен: Насколько мне известно, Ширах связывался с фюрерами СС только по мере официальной необходимости и не больше.
Заутер: Он дружил с эсэсовцами?
Гёпкен: Нет. Не знаю. В любом случае я не знал о такой дружбе.
Заутер: Он не высказывал вам своё отношение к СС?
Гёпкен: Я уже сказал о том, что он всегда чувствовал, что он находился под определённой слежкой за собой и по этой причине он был довольно недоверчивым.
Заутер: Недоверчивым…
Гёпкен: К СС.
Заутер: Свидетель, вам известно то как подсудимый фон Ширах получал свою информацию из зарубежной прессы и сообщения зарубежной прессы?
Гёпкен: Он получал их от управления пропаганды Рейха в Вене. Они содержали выдержки которые министерство пропаганды издавало совместно с начальником прессы Рейха доктором Дитрихом[483]. Однако, насколько мне известно, их выбирали и отсматривали.
Заутер: Вы долго жили с фон Ширахом в Вене?
Гёпкен: С 1944 я жил в доме Шираха.
Заутер: Вы также принимали с ним пищу?
Гёпкен: Да, я также принимал с ним пищу.
Заутер: Подсудимый фон Ширах не получал информацию по зарубежному радио?
Гёпкен: Нет, я почти уверен в том, что нет, потому что после каждого приёма пищи он слушал со мной и некоторыми другими сотрудниками официальные германские новости. Кроме того, если бы он это делал, я считаю об этом стало бы очень быстро известно ибо как я сказал, он чувствовал, что за ним следили.
Председатель: Доктор Заутер, свидетель может рассказать нам только о том, что известно ему. Откуда он мог знать о том слушал ли, когда-нибудь фон Ширах какие-нибудь зарубежные новости? Если он не знает, почему бы вам не перейти к чему-нибудь другому?
Заутер: Господин председатель, свидетель сказал, что в течение последней части его времени в Вене, с весны 1944, как мне кажется, он сказал, что он жил в доме подсудимого фон Шираха.
Председатель: Да. Я знаю, что он это сказал и он сказал, что он не думает, что он слушал зарубежные новости. Что ещё он может сказать? Какие показания он может дать по этому предмету?
Заутер: Господин председатель, я хотел это услышать.
Председатель: Но он уже сказал об этом. Я записал. Почему бы вам не продолжить с чем-то другим?

---

[483] Отто Дитрих (1897 – 1952) государственный и партийный деятель партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер , пресс-секретарь НСДАП , шеф прессы НСДАП , пресс-секретарь правительства Рейха, государственный секретарь министерства народного просвещения и пропаганды Рейха. Американским трибуналом был осужден к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

Заутер: Свидетель, вам известно, что в последние недели сопротивления, из Берлина в Вену пришёл приказ согласно которому всех пораженцев, будь то мужчины или женщины следовало вешать? Какое отношение занял Ширах к этому приказу?
Гёпкен: Я знаю, что так называемые военно-полевые суды нужно было создать с целью ускоренного наказания людей которые возражали ведению войны или показали себя пораженцами. Этот военно-полевой суд был создан в Вене или даже назначен, но он ни разу не собирался, и таким образом не вынес никаких приговоров.
Заутер: Военно-полевой суд подсудимого фон Шираха вообще вёл какие-нибудь дела?
Гёпкен: Нет, по моим сведениям нет.
Заутер: Вам, что-нибудь об этом известно?
Председатель: Доктор Заутер и снова этот факт приводился в показаниях фон Шираха и в перекрёстном допросе не оспаривалось, то, что военно-полевой суд не собирался.
Заутер: Свидетель, вам, что-нибудь известно о том факте, что в последние недели поступил приказ сформировать части franc-tireur [484]? Каким было отношение к этому фон Шираха?
Гёпкен: Я не знаю о том, что должны были быть сформированы части franc-tireur, но я знаю о том, что должен был быть сформирован «фрайкор Гитлера[485]». Они должны были быть в гражданской одежде. Ширах приказал о том, чтобы ни один человек из рейхсгау Вена не был направлен в этот фрайкор.
Заутер: Почему нет?
Гёпкен: Потому что тогда он считал сопротивление бессмысленным. Во-вторых, потому что он считал, что это противоречило международному праву.
Заутер: Свидетель, последний вопрос. Вы были с Ширахом до последнего пока он не покинул Вену?
Гёпкен: Да.
Заутер: Ширах отдал приказ уничтожить мосты или церкви, жилые кварталы и так далее в Вене?
Гёпкен: Нет, я не знаю об этом.
Заутер: Какую позицию он занял?
Гёпкен: Эти приказы взрывать мосты или предпринимать любые оборонительные меры отдавали только военные власти, насколько я знаю.
Заутер: Но не Ширах?
Гёпкен: Нет.

---

[484] «Вольные стрелки» (фр.) – общий термин означающий повстанцев.
[485] Вооруженные формирования состоящие из фанатичных нацистов о создании которых Гитлер приказал в конце марта 1945 в основном для борьбы с танками союзников.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к данному свидетелю.
Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать вопросы? Обвинение?
Додд: Свидетель, вы должны были видеть все материалы которые находились в офисе фон Шираха в то время, когда вы были его адъютантом?
Гёпкен: Я уже говорил вам, или сказал защитнику, что большая часть проходила через центральное бюро.
Додд: Я хочу показать вам документ который здесь в доказательствах и спрошу можете ли вы сказать нам, видели ли вы его раньше.

[*Документы вручили свидетелю*]

Додд: Вы, когда-нибудь раньше видели документ?
Гёпкен: Официально я не знаю этот документ, как я понимаю он датирован 28 мая 1942, в то время, когда я был офицером Люфтваффе.
Додд: Понимаю, но вы не хотите, чтобы трибунал понял, что вы были знакомы со всем, что было в материалах фон Шираха, потому что разумеется этот документ был там в течение лет, что вы были его адъютантом. Вы никогда его не видели. Он отмечен «центральное бюро» и вы были ответственным за эти самые материалы, при этом вы никогда не видели этот телетайп Борману? Таким образом вы разумеется не знали обо всём, что было в его материалах, не так ли?
Гёпкен: Я сказал, что большая часть почты шла через мои отделы, но конечно, поскольку я не был в Вене в то время, а приехал в Вену только в апреле 1943, я не мог просмотреть все старые документы и письма в материалах рейхсштатгальтера. Это бы заняло годы.
Додд: Позвольте спросить вас о чём-то другом. Вы были там в последние дни, я полагаю, когда город брали союзные силы, не так ли?
Гёпкен: Я был в Вене до апреля 1945.
Додд: Что делали с материалами фон Шираха, когда всё очевиднее подходил конец? Что вы делали со всеми этими материалами контроль за которыми осуществляли?
Гёпкен: Я не был ответственным ни за какие материалы. Я был начальником бюро, и я…
Додд: Что же, вы знаете, что я имею в виду – начальником бюро или офиса в котором хранились эти материалы. Я хочу знать, что вы делали с этими материалами?
Гёпкен: Я не отдавал никаких приказов в связи с этим.
Додд: Вам известно, что стало с материалами?
Гёпкен: Нет, не знаю.
Додд: Их забрали из офиса незадолго до захвата города, вам это неизвестно?
Гёпкен: Нет, я не знал об этом.

Додд: Материалы были там в последний день, что вы находились там?
Гёпкен: Наверное, да.
Додд: Я не хочу «наверное». Я хочу знать знаете ли вы и если да, скажите нам. Они были там или нет в последний день, что вы были в офисе?
Гёпкен: Я не отдавал приказа их уничтожить или вывезти их.
Додд: Я не спрашивал вас отдавали ли вы приказы. Я спросил вас о том известно ли вам, что с ними стало или же они были в офисе в последний день, что вы находились там?
Гёпкен: Я не знаю, что с ними случилось. Как и не могу сказать были ли они там до последнего дня.
Додд: Вы не знаете, что все они были вывезены в соляные копи в Австрии?
Гёпкен: Нет, я это не знаю.
Додд: Я не имею в виду, что вы слышали, что их там нашли, но вы разумеется знали о том, что их забрали из офиса?
Гёпкен: Нет, я не знаю. Я тоже на давал приказов.
Додд: Что же, давайте я выскажу вам такое предположение и вероятно тогда вы сможете дать пояснение об этом трибуналу. Данный документ который я вам показал и эти доклады которые вы изучали с доктором Заутером были найдены в материалах Шираха в солевой шахте. У вас есть какое-нибудь объяснение этому?
Гёпкен: Нет, я не могу это объяснить.
Додд: Их нашли вместе. Это бы, что-то означало для вас, или имеет для вас какое-нибудь объяснение.
Гёпкен: Нет. Я могу объяснить это сказав, что наверное начальник ведомства рейхсштатгальтера или один из его сотрудников ответственных за эти вещи отдал приказ об этом, конечно без моего ведома и без любого моего приказа.
Додд: Скажите конкретно трибуналу, в какой день вы закрыли свой офис в Вене или последний день, что вы были в офисе.
Гёпкен: Может быть это было 3 или 4 апреля.
Додд: Когда город взяли?
Гёпкен: Потом я читал газету о том, что город окончательно попал в руки союзников 13 апреля.
Додд: Все вы покинули офис 3 или 4 апреля? Фон Ширах тоже ушёл и все клерки, и т.д.
Гёпкен: Ширах и я, и его адъютант покинули офис в тот день или даже, Ширах раньше сделал офис у себя дома и работал там.
Додд: Он взял с собой какие-нибудь материалы из офиса домой?
Гёпкен: Только те, что были срочно нужны для его дел, то есть текущие вопросы.
Додд: Вы оставили кого-нибудь ответственного за материалы, когда вы ушли оттуда, вы и фон Ширах 3 апреля, и если да, кого вы оставили ответственным?
Гёпкен: Я никого не оставлял следить. Клерки работали сами по себе.

Додд: Я пытаюсь понять и думаю это бы помогло трибуналу, вы просто вышли из этого офиса и оставили всё там, или же вы и фон Ширах ушли и оставили там других людей или же место было в таком хаосе, что никто не остался. У меня нет никакой точной картины этого и думаю это имеет некоторое значение. Вы должны быть способны рассказать нам. Вы остались с ним. Какой была обстановка 3 или 4 апреля? Город взяли практически за десять дней. Он был в осаде. Там была большая путаница. Что вы делали со своими материалами и всеми остальными бумагами в вашем офисе, когда вы уходили оттуда в тот день? Вы разумеется не просто ушли не дав какие-то указания.

Гёпкен: Кажется, что мы не внесли ясность в характер центрального бюро. Центральное бюро за которое я был ответственным последние несколько месяцев, не имело ни полномочий, ни исполнительной власти, но все эти вещи осуществлялись компетентным рейхштатгальтером, то есть регинрунгспрезидентом и наверное он…

Додд: Мне не нужно никакое объяснение о том как создавалось ваше ведомство. Я хочу знать, остались ли там бумаги или нет, или же кого-нибудь оставили с ними.

Гёпкен: Бумаги, насколько мне известно, оставили там, и архивистов проинструктировали позаботиться о них.

Додд: Вы приказали об уничтожении любых бумаг перед своим уходом в тот день, 3 или 4 апреля, всего?

Гёпкен: Я не отдавал приказов уничтожать что-то в офисе рейхсштатгальтера, я не имел на это полномочий.

Додд: По вашим сведениям, кто-то приказал уничтожать, будь то вы или нет?

Гёпкен: Был ли отдан такой приказ и кто его отдал, я не знаю.

Додд: Больше нет вопросов.

Председатель: Что за документ вы ему предъявляете?

Додд: Номер USA-865. Это документ PS-3877, телетайп Борману от фон Шираха от 28 мая 1942.

Председатель: Вы хотите повторно допросить свидетеля доктор Заутер?

Заутер: Свидетель, я бы хотел вернуться к тому о чём спрашивало вас обвинение.

Документы из офиса рейхсштатгальтера видимо предположительно нашли в соляной шахте. Вы как-либо следили за документами из офиса рейхсштатгальтера?

Гёпкен: Нет, я не имел никакого надзора за этими документами. Я уже объяснял это. По этой причине я не мог отдатать никакого приказа о том, чтобы вывезти их. Я знаю о том, что ценности, картины и так далее вывезли, но гораздо раньше.

Заутер: И остальные сотрудники из центрального бюро, они находились в Вене? Они оставались в офисе или что вам об этом известно?

Гёпкен: Большинство из них были венцами, и наверное они конечно остались. Я пожал руки и сказал им «пока» и затем мы разделились. Я также спросил, могу ли я,

что-нибудь для них сделать и затем я покинул Вену.

Заутер: Господин председатель, больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Вероятно нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: В связи с ходатайством от имени подсудимого Бормана трибунал допускает свидетеля номер 1, мисс Эльзе Крюгер.

Трибунал допускает свидетелей номер 3 и 4 доктора Клопфера и Хельмута Фридрихса.

Трибунал также допускает свидетеля чьё имя я вставил вместо номера 2, Кристианс, как я думаю.

В связи с документами о которых заявили ходатайство, номера 1-7, в ходатайстве отказано. Но трибунал рассмотрит любое ходатайство о документах которые защитник, который может быть назначен, чтобы выступить по общим вопросам права в интересах всех подсудимых может пожелать перевести.

Документ номер 11 можно переводить.

Защитник подсудимого Бормана может увидеть документы которые указаны под римской цифрой III в ходатайстве и защитник подсудимого Бормана может также использовать документы находящиеся под заголовком «B».

Окончательное решение о допустимости всех этих документов, конечно вопрос о котором будет решено в момент предъявления документов.

Есть ещё одна вещь о которой я хочу объявить, и это ответ на ходатайство доктора Серватиуса от имени подсудимого Заукеля.

Мне сказали, что свидетель Тимм в нюрнбергской тюрьме. Свидетель Бидерман[486] тоже в нюрнбергской тюрьме. Свидетель Гильдебрандт наверное прибудет в Нюрнберг сегодня. Его местонахождение было утрачено и сейчас заново установлено. Свидетель Егер в британской зоне и британский секретарь постарается через военные власти организовать его присутствие. Свидетель Штотфанг не обнаружен. Кажется есть ошибка в личности человека о котором ранее сообщил генеральный секретарь. Свидетель Мишке никогда не был обнаружен, при том, что предпринимались усилия обнаружить его.

Это всё.

Заутер: Я прошу разрешения вызвать следующего свидетеля Фрица Висхофера[487]. Я допрошу данного свидетеля очень коротко, потому что большинство пунктов уже разъяснили остальные свидетели.

---

[486] Бруно Бидерман (1904 – 1953) – нацистский политик. Заместитель гауляйтера Тюрингии.

[487] Фриц Висхофер (1914 - ?) – немецкий государственный служащий. В 1940-1945 адъютант Бальдура фон Шираха.

[*Свидетель Висхофер занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Висхофер: Фриц Висхофер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Заутер: Господин Висхофер, сколько вам лет?
Висхофер: 31 год.
Заутер: Женаты?
Висхофер: Да.
Заутер: Дети?
Висхофер: Один сын.
Заутер: Вы были членом партии?
Висхофер: Я подал заявление в 1938.
Заутер: Вы только подали заявление?
Висхофер: Да.
Заутер: Вы были членом СС или СА?
Висхофер: Я был в Ваффен-СС.
Заутер: С какого времени?
Висхофер: С июня 1940.
Заутер: Вы австриец по рождению?
Висхофер: Я австриец.
Заутер: Когда вы поступили в ведомство рейхсюгендфюрера?
Висхофер: Я присоединился к фон Шираху 3 октября 1940.
Заутер: А что вы делали до этого?
Висхофер: До этого я имел временную должность в министерстве иностранных дел.
Заутер: Как долго?
Висхофер: Только с мая по октябрь 1940.
Заутер: А до этого?
Висхофер: До этого я работал в ведомстве гауляйтера Каринтии.
Заутер: Вы имели какое-нибудь отношение к «Гитлерюгенду»?
Висхофер: Нет.
Заутер: Затем в октябре 1940, вы поехали в Вену, чтобы присоединиться к фон Шираху?
Висхофер: Да, в Вену.
Заутер: В каком качестве вы туда поехали?

Висхофер: Я поехал туда как адъютант фон Шираха.

Заутер: И в чём в основном заключались ваши обязанности?

Висхофер: Как адъютант я был ответственным за работу с почтой, организацией совещаний, следил за тем, чтобы материалы вовремя представляли к совещаниям, организовывал поездки и так далее.

Заутер: Вы работали с Ширахом только как с рейхсштатгальтером, как гауляйтером или как бургомистром?

Висхофер: Я был адъютантом господина фон Шираха во всех этих качествах.

Заутер: Вы также имели доступ к секретным материалам?

Висхофер: Да.

Заутер: Свидетель, я имею весьма мало коротких вопросов. Прежде всего, меня интересует это: кто был ответственным за принудительную эвакуацию евреев из Вены?

Висхофер: Принудительной эвакуацией евреев из Вены, насколько мне известно, руководило РСХА. Представителем в Вене был некий доктор Бруннер, оберштурмфюрер в СС.

Заутер: Вы часто официально посещали доктора Бруннера в связи с принудительной эвакуацией евреев и по какой причине?

Висхофер: В некоторых случаях, евреи которых затронула эта принудительная эвакуация обращались к фон Шираху для того, чтобы их исключили из транспорта. В таких случаях, фон Ширах через начальника своего центрального бюро поднимал вопрос в ведомстве доктора Бруннера и просил о том, чтобы просьбу удовлетворили. Я бы в целом сказал, что это делал начальник центрального бюро. Я помню два случая в которых лично я получил указания вмешаться у доктора Бруннера, не в письменном виде, а по телефону, но не встречаясь с ним лично.

Заутер: И что вам говорил штурмфюрер СС доктор Бруннер о том, что на самом деле должно было случиться с евреями, когда их вывозили из Вены?

Висхофер: Доктор Бруннер сказал мне по поводу одного из таких вмешательств, что акция по переселению евреев будет переселением из района Вены в зону бывшего Генерал-губернаторства. Он также рассказал мне, как это будет сделано. Например он сказал, что женщин и маленьких детей повезут в вагонах второго класса, что будет предоставлено достаточно пайков для поездки и молоко для маленьких детей. Он также сказал мне, что эти переселенцы по прибытию в пункт назначения, поскольку они пригодны к работе будут немедленно направлены на работу. Прежде всего, их направят в сборные лагеря, но как только будет доступно жилье им предоставят дома и т.д. Он также сказал мне, что из-за многочисленных вмешательств господина фон Шираха его работа сильно затруднялась.

Заутер: Вы, когда-либо – я задам следующий вопрос так: вы, когда-либо видели приказ в котором гауляйтерам запрещалось вмешиваться в интересах евреев и вы обсуждали этот приказ с фон Ширахом?

Висхофер: Я вспоминаю письменный приказ который мы получили либо в конце 1940 или в начале 1941. Он говорил о том, что «Существуют причины которые вынуждают снова отметить» - и т.д. Очевидно это было повторение приказа который уже был отдан. Смысл приказа заключался в том, что по определённым причинам гауляйтерам запрещали вмешиваться в интересах евреев в будущем.

Заутер: Вы обсуждали это с Ширахом?

Висхофер: Я говорил об этом с Ширахом.

Заутер: Что он сказал?

Висхофер: Насколько могу вспомнить, фон Ширах написал на приказе «в дело». Он больше ничего о нём не говорил.

Заутер: Свидетель, у меня ещё один вопрос. Подсудимый фон Ширах однажды был в концентрационном лагере в Маутхаузене. Вы можете рассказать нам, когда это было?

Висхофер: Не могу сказать точно. Всё, что я могу сказать по этой теме это, что, когда я вернулся с фронта – и это было либо осенью 1942 или в июне 1943 – адъютант который служил в то время сказал мне, что он сопровождал господина фон Шираха в концентрационный лагерь, лагерь Маутхаузен. Какое-то время спустя – должно быть, когда я вернулся с фронта во второй раз, в конце 1943 – господин фон Ширах тоже говорил мне, что он был в Маутхаузене. Я помню лишь то, что он сказал, что слушал там симфонический концерт.

Заутер: Что же, нас это не интересует, мы слышали об этом. Меня интересует только одна вещь: он посещал Маутхаузен или другой концентрационный лагерь позднее? Вы можете предоставить нам надёжную информацию об этом или нет?

Висхофер: Я могу предоставить вам надёжную информацию об этом. Об этом не может идти речи, потому что с ноября 1943 до краха я постоянно был на службе и знал где находился фон Ширах днём и ночью.

Заутер: Он снова не ездил в Маутхаузен в 1944?

Висхофер: Нет, конечно нет, об этом не может быть и речи.

Заутер: Свидетель, вы помните, что ближе к концу войны были приказы приходившие из того или иного источника говорившие о том, что вражеских лётчиков которые вынужденно приземлились нельзя было защищать. Вам об этом известно?

Висхофер: Да.

Заутер: Где-то были изданы такие приказы?

Висхофер: Да.

Заутер: Каким было отношение подсудимого фон Шираха к таким приказам и откуда вам об этом известно?

Висхофер: Я обсуждал эти приказы с господином фон Ширахом. Фон Ширах всегда был против идеи содержавшейся в приказе и он всегда говорил, что с этими лётчиками нужно обращаться как с военнопленными. Однажды он сказал: «Если мы

это не сделаем, тогда существует опасность, что и наши противники будут обращаться со своими пленными, то есть немцами таким же образом».

Заутер: Лично вам известны случаи в которых подсудимый фон Ширах действительно вмешивался в интересах вражеских лётчиков подобным образом?

Висхофер: Да.

Заутер: Будьте любезны рассказать об этом.

Висхофер: Во время последних воздушных атак на Вену в марте 1945 американский самолёт был сбит и рухнул рядом со штабом командования гау. Этот командный пост находился на лесистом холме в Вене который использовало население во время воздушных атак. Фон Ширах наблюдал с 32-х метровой высокой металлической вышки на которой он всегда стоял во время воздушных атак и он заметил, что член американского экипажа выбросился с парашютом из самолёта. Он сразу же приказал командиру ответственному за командный пост ехать к месту посадки для того, чтобы защитить американского солдата от толпы и доставить его в безопасность. Американского солдата доставили на командный пост и после воздушной атаки его передали военно-воздушному командованию XVII как военнопленного.

Заутер: Когда вы покинули Вену?

Висхофер: Я покинул Вену с господином фон Ширахом 13 апреля 1945.

Заутер: 13 апреля вместе с подсудимым фон Ширахом?

Висхофер: Вместе с господином фон Ширахом.

Заутер: Итак, это последний вопрос, что я должен вам задать: свидетель, вы, когда-либо слышали из уст Шираха, что-нибудь о том, что Вену нужно удерживать «до последнего человека» любой ценой, или что в Вене нужно было произвести уничтожение?

Висхофер: Я никогда не слышал от него ни то ни другое.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Серватиус: Свидетель, вам известен Пратер[488] в Вене?

Висхофер: Конечно, я венец.

Серватиус: Что это за учреждение?

Висхофер: Пратер это, или по крайней мере был парком развлечений.

Серватиус: Он был закрыт во время войны?

Висхофер: Пратер не был закрыт во время войны.

Серватиус: Какие люди туда ходили?

Висхофер: Вы имеете в виду во время войны?

Серватиус: Да.

Висхофер: Рабочие, служащие, гражданские служащие, то есть венцы, вся Вена.

Серватиус: Вы видели там также зарубежных рабочих?

---

[488] Пратер — большой общественный парк и зона отдыха в Вене. Расположен в южной части Леопольдштадта между Дунаем и Донау-каналом, вытянут вдоль берега на 5 км. Название парка произошло от слова лат. pratum, что означает луг.

Висхофер: Да.
Серватиус: Много или немного?
Висхофер: Обстановка в Вене была такой, что обычно говорили, что если хочешь пойти на Пратер то нужно говорить по-французски и по-русски, потому что в одиночку венцы не могли пойти. Пратер был переполнен зарубежными рабочими.
Серватиус: Как был одеты эти зарубежные рабочие, плохо или хорошо?
Висхофер: Эти иностранцы были хорошо одеты, поэтому нельзя было отличить их от населения. Только, когда они говорили можно было понять, что они иностранцы.
Серватиус: А как они выглядели? По поводу еды, они выглядели голодными?
Висхофер: Насколько я мог понять, рабочие выглядели хорошо упитанными.
Серватиус: Люди имели деньги?
Висхофер: У них было много денег. Было известно, что «чёрный рынок» в Вене процветал из-за зарубежных рабочих.
Серватиус: Иностранцев можно было увидеть только в Пратере или их можно было увидеть повсюду в городе?
Висхофер: Не только в Пратере, но также в остальном городе, в кафе, которых было много в Вене, в ресторанах и в отелях.
Серватиус: Больше нет вопросов.
Додд: Кого кроме подсудимого фон Шираха вы знаете из подсудимых? И под «кем» я имею в виду лично, или по знакомству с человеком или какое-нибудь отношение к человеку?
Висхофер: Лично я знаю только господина Функа.
Додд: Вы знаете Заукеля?
Висхофер: Да.
Додд: Что же, кого ещё?
Висхофер: Я знаю господина Зейсс-Инкварта, но я не имел с ним никаких личных дел. Я был адъютантом фон Шираха.
Додд: Откуда вы знаете Функа?
Висхофер: Господин Функ приглашал меня несколько раз. Официально как адъютант господина фон Шираха я имел с ним кое-какие дела и кроме этого он несколько раз приглашал меня лично.
Додд: Вы были в СС в то время, когда вас приглашал Функ?
Висхофер: Тогда я был офицером Ваффен-СС.
Додд: Кстати, когда вы вступили в СС?
Висхофер: Я вступил в Ваффен-СС 26 июня 1940.
Додд: Вы были в каком-нибудь другом отделении СС кроме Ваффен-СС?
Висхофер: Я также был в общих СС.
Додд: Когда вы вступили в общие СС?
Висхофер: В июне или июле 1939.
Додд: Таким образом, вы на самом деле были в СС уже с 1939?

Висхофер: В общих СС, да.

Додд: Итак, вы также однажды стали оберштурмфюрером СС, не так ли?

Висхофер: Да.

Додд: Когда это было?

Висхофер: Я стал оберштурмфюрером приблизительно 21 июня 1944.

Додд: Когда вы вступили в СА?

Висхофер: Я вступил в СА 9 мая 1932.

Додд: Вы знали о лагере Штрассхоф, Ш-т-р-а-с-с-х-о-ф?

Висхофер: Я впервые слышу это название.

Додд: Что же, может неправильно произнёс. Это был лагерь расположенный за границами Вены.

Висхофер: Я не знаю о каком лагере вы говорите. Я понял Штрассхоф. Я не знаю о таком лагере.

Додд: Да, как то так. Вы никогда не слышали об этом лагере?

Висхофер: Никогда.

Додд: И вы были в Вене с какого года? – 19…?

Висхофер: Я родился в Вене.

Додд: Что же, я знаю, но я говорю о вашей службе с подсудимым Ширахом. Как долго вы были с ним?

Висхофер: С начала октября 1940.

Додд: И вы никогда не слышали о Штрассхофе?

Висхофер: Нет.

Додд: Вы много работали с материалами подсудимого фон Шираха?

Висхофер: Да.

Додд: Какое отношение вы к ним имели? В чём заключалась ваша ответственность?

Висхофер: Я просто должен был следить за тем, чтобы материалы вовремя представляли к совещаниям и чтобы после их использования их возвращали в центральное бюро.

Додд: Куда вам нужно было пойти, чтобы получить для фон Шираха материал имевший отношение к рейхскомиссару обороны того или иного военного округа? Куда вам нужно было пойти, чтобы взять материал имевший отношение к рейхскомиссару обороны? Итак, давайте предположим – давайте я внесу ясность. Скажем, фон Ширах говорит вам, что он хочет материал по определённому вопросу имеющему отношение к рейхскомиссару обороны. Вам нужно принести его ему на стол в определённый час и проследить, чтобы он было там, как вы говорите. Скажите трибуналу, чтобы вы сделали, куда бы вы пошли, с кем бы вы переговорили и как бы вы получили это для него.

Висхофер: Это было бы для меня просто. Я бы обратился к начальнику центрального бюро зная, что наверное он должен был пойти к регинрунгспрезиденту, чтобы достать материал. Я так полагаю. Лично мне нужно

было пойти только в центральное бюро.

Додд: У вас было центральное хранилище, не так ли, для всех ваших материалов, будь то рейхскомиссара обороны или гауляйтера или гражданской администрации Вены, это не так? Всё это хранили в одном месте?

Висхофер: Их не хранили в одном месте, только часть материалов была в центральном бюро. Не могу сказать какая часть, потому что я не имел к этому никакого отношения.

Додд: Вы покинули Вену 13 апреля, как вы говорите, с фон Ширахом?

Висхофер: Да.

Додд: Полагаю, как его адъютант, вы должны были предпринять значительные приготовления для отбытия за несколько дней, не так ли?

Висхофер: Да.

Додд: Что вы собирали? Что вы взяли с собой?

Висхофер: Мы ничего не брали с собой из Вены. Фон Ширах поехал на машине, и господа из его штаба поехали на двух или трёх других машинах. Ничего больше не брали из Вены.

Додд: Что же, что вы делали в офисе, как вы его покидали?

Висхофер: Мы не могли пользоваться офисом, думаю, весной или ранним летом 1944, потому что Балльхаусплац, то есть офис рейхсштатгальтера получил прямое попадание и фон Ширах уже не мог там работать. Он работал в своей квартире.

Додд: В своей квартире? И он держал все материалы в своей квартире или где-то рядом под рукой?

Висхофер: Он вообще не имел материалов в своей квартире. Они остались в офисе, в той части здания рейхсштатгальтера которую использовали и которая работала.

Додд: Какие-нибудь материалы из хранилища рейхсштатгальтера забрали, когда вы покидали Вену или до вашего отбытия из Вены?

Висхофер: Я ничего об этом не знаю. Я знаю, что существовал приказ и для государственной администрации и для партии о том, что материалы должны были уничтожать при подходе противника. Было ли это сделано или что на самом деле случилось с материалами я не знаю.

Додд: Кто имел такой приказ?

Висхофер: Приказ, что касалось партийных каналов пошёл к заместителю гауляйтера и что касалось государственной администрации к регинрунгспрезиденту.

Додд: Вы тоже получили приказ начать перевозку своих материалов в безопасность в некое время весной 1945 или даже поздней зимой 1944?

Висхофер: Я не помню о таком приказе.

Додд: Вам известно, что 250 папок ваших материалов было вывезено в соляную шахту за Веной? Вам, что-нибудь об этом известно?

Висхофер: Нет, я впервые об этом слышу.

Додд: Вам известно, что такая шахта есть рядом с Веной? Я понял, что вы долго там

прожили.

Висхофер: Нет. Это не рядом с Веной – если мне позволят внести поправку, а рядом с Зальцбургом, мы никогда там не жили. Я знаю лишь о том, что шахта существует.

Додд: Как далеко она от Вены?

Висхофер: Приблизительно 350 километров.

Додд: Вы ничего не знаете о материалах которые забрали туда. Вы уверены в этом, не так ли?

Висхофер: Я абсолютно уверен, я ничего об этом не знаю.

Додд: У меня есть всего один вопрос. Полагаю вы очень хорошо знали подсудимого. Он немного старше вас, но вы работали с ним некоторое время. Это не так?

Висхофер: Да.

Додд: Почему вы не вступили в армию вместо СС, когда хотели сделать, что-нибудь для своей страны?

Висхофер: Когда меня призвали, Ваффен-СС считали элитным подразделением и я предпочёл служить в гвардейской части, если можно так сказать, нежели в обычных вооружённых силах.

Додд: Это отчасти было из-за того факта, что вы были в общих СС с 1939?

Висхофер: Нет. Это не имело к этому никакого отношения. Многие члены общих СС пошли в войска.

Додд: Вы обсуждали это со своим начальником, молодёжным руководителем фон Ширахом, перед своим вступлением в СС в 1939 и позднее в Ваффен-СС?

Висхофер: Нет. Я могу вам напомнить, что я не присоединился к фон Шираху до октября 1940, в то время как я вступил в Ваффен-СС 26 июня 1940.

Додд: Да, но вы были, как я полагаю, молодым человеком и вы находились в контакте с молодёжной организацией Рейха в 1939, когда вы вступали в общие СС. Это не факт? Вы не были в составе молодёжной организации в 1939?

Висхофер: Нет. Меня не брали в корпус молодых офицеров до 1944, когда я стал баннфюрером. До этого я не имел к этому никакого отношения.

Додд: Что же, не думаю, что вы меня понимаете. Это не слишком важно, но сколько лет вам было в 1939? Вам было приблизительно 24, не так ли?

Висхофер: Да.

Додд: И тогда вы никак не были связаны с «Гитлерюгендом» или молодёжной организацией Германии, либо как член или имея какое-нибудь отношение?

Висхофер: Нет. Ни как член ни иным образом. Конечно я знал молодёжных руководителей в Каринтии, да.

Додд: Вы были партийным оратором, не так ли, в течении жизни?

Висхофер: Я выступал на нескольких митингах в Каринтии между апрелем 1938 и маем 1940.

Додд: Приблизительно на скольких митингах вы бы сказали вы выступили за этот период двух лет?

Висхофер: В течение этого времени я выступил приблизительно на 80 митингах.
Додд: Перед в среднем, скажем 3000 человек на каждом митинге?
Висхофер: Я также выступал в небольших деревнях. Я бы сказал, что в среднем было около 200 присутствоваших.
Додд: У меня всё.
Председатель: Вы хотите допросить повторно?
Тома: Какие предметы вы обсуждали на этих митингах?
Висхофер: Нашу тему давало нам рейхсминистерство пропаганды. Митинги проводили таким образом, чтобы каждый оратор мог обсудить основные вопросы. Например темой могло быть «С фюрером к окончательной победе» или «Зачем народу социальное обеспечение?» или «Зачем Зимняя помощь[489]?». Всегда давали такие темы.
Тома: Вы распространяли «Миф двадцатого века» Розенберга?
Висхофер: Нет.
Тома: Вы выступали по таким темам?
Висхофер: Никогда, в виду своего образования я бы не смог это делать.
Тома: Вы, когда-либо читали «Миф»?
Висхофер: Я не читал «Миф».
Тома: Вы говорили с молодёжью на этих митингах?
Висхофер: Я не говорил с молодёжью – то есть, не конкретно с молодёжью.
Тома: Спасибо.
Висхофер: Господин председатель, я не желаю задавать свидетелю какие-нибудь вопросы, большое спасибо.
Биддл: Свидетель, фон Ширах имел какие-нибудь полномочия вмешиваться в случае евреев которых депортировали из Вены?
Висхофер: Он не имел полномочий это делать, но он это делал.
Биддл: Сколько раз он вмешивался?
Висхофер: Не могу вспомнить ни один случай, когда фон Ширах не вмешался, когда получал обращение.
Биддл: Я спросил не об этом, я спросил о том сколько раз он вмешивался.
Висхофер: Не могу дать вам какую-нибудь точную цифру не будучи неточным. Трудно сказать.
Биддл: Он вмешивался много раз или немного?
Висхофер: Нет. Он часто вмешивался.
Биддл: Вы видели приказ полиции не защищать лётчиков? Вы сказали он был в письменном виде, не так ли?
Висхофер: Да.
Биддл: Кто его подписал?

---

[489] Зимняя помощь — ежегодная кампания в нацистской Германии по сбору средств на топливо для бедных. Также фонд средств, собранных в помощь бедным и безработным.

Висхофер: Приказ был подписан Борманом.
Биддл: И его распространили в полиции Вены?
Висхофер: Полицией? Если я вас правильно понял, вы говорите о приказе о том, чтобы гауляйтеры не вмешивались за евреев.
Биддл: Нет. Это был приказ про незащиту лётчиков которые потерпели крушение. Вы сказали, что видели этот приказ, не так ли?
Висхофер: Да, я видел приказ. Я уже не помню от кого он пришёл и кому был адресован. Его просто направили в наше ведомство для сведения. Нас не призывали предпринимать какие-нибудь действия.
Биддл: Вам известно или нет, имела полиция его копию?
Висхофер: Пожалуйста, вы будете любезны повторить вопрос?
Биддл: Вам известно или нет, полиция Вены имела копии этого приказа?
Висхофер: Это я не знаю.
Биддл: Вы, когда-либо знали Гиммлера?
Висхофер: Я его видел.
Биддл: Он давал вам какие-нибудь указания?
Висхофер: Нет.
Биддл: Вы получали какие-нибудь указания от СС?
Висхофер: Что вы имеете в виду?
Биддл: Какие-нибудь указания от СС напрямую, когда вы находились в ведомстве фон Шираха?
Висхофер: Нет.
Биддл: Вообще никаких?
Висхофер: Вообще никаких. Я не помню никаких.
Биддл: Думаю вы как-то сказали, что Ширах дал команду спасти американских лётчиков от толпы, не так ли? Вы не понимаете?
Висхофер: Да, понимаю и я это сказал.
Биддл: А какие другие усилия предпринимал фон Ширах, чтобы защитить лётчиков от толпы? Он предпринимал какие-нибудь другие усилия?
Висхофер: Да.
Биддл: Он издавал какие-нибудь приказы полиции или занимался этим с полицией?
Висхофер: Мнение фон Шираха было известно. В кругах…
Биддл: Я не просил у вас мнения. Он издавал какие-нибудь приказы полиции или беседовал с полицией?
Висхофер: Я об этом не помню.
Биддл: Что же, вы бы знали об этом?
Висхофер: Если я присутствовал, когда он давал приказы тогда бы я знал об этом, но возможно он беседовал, когда меня там не было.
Биддл: Вы сказали, что имели доступ к секретным материалам?
Висхофер: Да.

Биддл: Что хранили в секретных материалах?
Висхофер: Я не понял вопрос.
Биддл: Я спросил вас, что хранили, что хранили в секретных материалах, какого рода бумаги?
Висхофер: Там были секретные материалы которые приходили из рейхсляйтунга партии, секретные материалы которые приходили из министерства внутренних дел, там были вещи которые непонятно почему называли «секретными». Но, что касается деталей этих материалов, я конечно не могу их сегодня вспомнить.
Биддл: И я полагаю любые документы, любые доклады, которые отмечали «секретными» помещали в эти секретные дела, разве нет?
Висхофер: Наши доклады вышестоящим ведомствам или вы имеете в виду наоборот?
Биддл: Доклады приходившие к вам.
Висхофер: Их бы хранили в секретных архивах.
Биддл: И секретные доклады СС шли бы в эти секретные материалы, не так ли?
Висхофер: Доклады СС к нам не поступали, потому что мы не являлись служебным ведомством СС.
Председатель: Доктор Заутер если у вас нет вопросов, свидетель может удалиться.
Заутер: Нет.

[*Свидетель Висхофер покидает место свидетеля*]

Заутер: Господин председатель, в документальной книге Шираха осталось несколько документов которые пока не были прямо представлены, но мне кажется не нужно читать вам эти документы. Чтобы сэкономить время, я бы хотел, по возможности, сослаться на документы и попросить вас вынести о них судебное уведомление, например о письменных показания фрау Гёпкен, которые включены в документальную книгу под номером 3 и которые уже предъявлены где-то в другом месте.

Господин председатель, есть только один документ о котором я хочу дать очень небольшое пояснение. В документальной книге Шираха под номером 118(а) есть прощальное письмо путешественника доктора Колина Росса. В связи с этим доктором Колином Россом, когда рассматривались документы, обвинитель сказал, что тело доктора Колина Росса не обнаружено. Моя первая реакция конечно была удивлением, и я предпринял меры, чтобы понять, что на самом деле сделали с этими телами и я обнаружил, что фактически 30 апреля 1945 за день до прихода американских войск, тела доктора Колина Росса и его жены были обнаружены в доме подсудимого фон Шираха в Урфельде на озере Вальхен. Они сначала приняли яд и затем, чтобы наверняка доктор Росс застрелил свою жену и себя. Немецкие солдаты которые ещё находились в Урфельде на озере Вальхен как пациенты в то

время, закопали тела совсем рядом с домом подсудимого фон Шираха.

Осенью американский губернатор приказал о том, чтобы тела перевезли на кладбище, но в конце концов он отменил этот приказ и разрешил, чтобы тела остались там где их первоначально похоронили.

Председатель: Доктор Заутер вы можете указать каким образом предъявление данного документа вообще относится к делу? Мы прочитали документ. Кажется он не имеет никакого особого отношения к делу.

Заутер: Господин председатель, мы предъявили этот документ для того, чтобы доказать, или по крайней мере указать, что подсудимый фон Ширах вместе с этим доктором Колином Россом постоянно работали над поддержанием мира и позднее, чтобы ограничить войну. Таким образом это предъявлено только, чтобы показать, что подсудимый фон Ширах работал ради мира.

Председатель: Документ не упоминает фон Шираха или каким-то образом не указывает, что он работал ради мира.

Заутер: Но в документе сказано: «Мы сделали всё возможное в нашей власти, чтобы предотвратить эту войну или…».

Председатель: Доктор Заутер, слово «мы» должно означать людей которые «оставили этот мир по собственной воле», а именно доктора Колина Росса и его жену. Это не относится к фон Шираху.

Заутер: Нам об этом неизвестно. Почему это не должно относится к фон Шираху?

Председатель: Что же, потому что есть такая вещь как грамматика. Документ начинается: «Мы покидаем этот мир по своей воле».

Заутер: Что касается этого, господин председатель, могу я напомнить вам, что это имя, доктор Колин Росс упоминалось очень часто во время данного процесса в связи с мирными усилиями подсудимого фон Шираха и этот доктор Колин Росс вместе с женой проживали в доме Шираха, когда они совершили самоубийство.

Председатель: Что же, очень хорошо, доктор Заутер, если вы желаете обратить на это наше внимание, вы можете это сделать.

Заутер: Благодарю господин председатель, данное письмо на самом деле не предназначалось для публики, подлинник письма остался рядом с доктором Россом и ряд копий направили личным друзьям. Таким образом мы обнаружили это письмо доктора Колина Росса. Не думаю, что можно сказать, что-то ещё.

Председатель: Я не сказал ничего критического о письме. Если вы хотите прочитать какие-то фразы, прочитайте их, если вы не будете, мы вынесем судебное уведомление. Как я вам говорю, мы уже прочитали это письмо.

Заутер: Да.

Председатель: Я не останавливаю ваше оглашение фразы из него, если вы хотите прочитать фразу.

Заутер: Господин председатель, конечно это не нужно, если вы с ним ознакомились. Мне больше нечего сказать и сейчас я завершаю своё дело подсудимого фон

Шираха.

Председатель: Доктор Заутер, вы предъявили в качестве доказательств все документы которые есть в этих книгах?

Заутер: Да.

Председатель: Значит они пронумерованы цифрами которые есть в книгах.

Заутер: Да.

Председатель: Очень хорошо, тогда мы вынесем о всех них судебное уведомление.

Додд: Что же, господин председатель есть одно, что трибунал прямо исключил – письменные показания Юбиррейтера. Подсудимому фон Шираху сказали представить Юбиррейтера если он хочет использовать эти письменные показания. Он здесь не представлен, а письменные показания предъявлены. Мы прямо попросили вызвать его сюда если письменные показания предъявляют трибуналу.

Заутер: Я не делаю никакой ссылки на письменные показания Юбиррейтера и отказываюсь от вызова свидетеля Юбиррейтера.

Председатель: Очень хорошо, доктор Заутер.

Додд: Тогда письменные показания не предъявляют?

Председатель: Нет, не предъявляют.

Додд: Это страница 135.

Председатель: Тогда они не допускаются и мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Додд: Господин председатель, во время презентации дела включающего подсудимого Функа был ряд документов которые мы своевременно не предъявили в качестве доказательств, и я попросил разрешения трибунала сделать это позднее. Я готов сделать это сейчас если трибунал готов выслушать меня.

Председатель: Да, думаю это будет удобнее сделать сейчас.

Додд: Очень хорошо, сэр.

Самый первый это вопрос внесения ясности в материалы дела. Это документ PS-2826. Он уже предъявлен в качестве доказательств как экземпляр USA-654. Но выдержка или фрагмент который читали находится на странице 105 документа. Мы привели другую страницу, что неправильно. Ссылка на этот документ USA-654 находится на странице 9071 стенограммы[490].

Мы также приобщили документ EC-440, который состоял из заявления подсудимого Функа, и мы цитировали фразу со страницы 4 этого документа. Я

[490] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2021, стр. 134.

желаю приобщить это как экземпляр USA-874.

Затем документ PS-3952 был допросом подсудимого Функа от 19 октября 1945. Мы желаем приобщить его как USA-875.

Я могу напомнить трибуналу, что фрагмент процитированный из допроса имел отношение к заявлению Функа о том, что подсудимый Гесс уведомил его о планируемой атаке на Советский Союз. Этот фрагмент переведён на четыре языка и таким образом доступен трибуналу.

Затем есть ещё один допрос от 22 октября 1945. Мы читали со страниц 15 и 16 этого допроса, как видно в стенограмме на странице 9169[491] за 7 мая. Документ номер PS-3953, мы приобщаем его как экземпляр USA-876.

Дальше мы ссылались на документ номер PS-3894, допрос Ганса Поссе[492]. Мы приобщили его тогда как экземпляр USA-843, как видно на странице 9093[493] стенограммы за 6 мая. Тогда я заявил трибуналу, что мы предъявим весь допрос на французском, русском и немецком языках и на английском языке. Сейчас мы готовы это сделать и делаем это.

Затем мы имеем документ PS-3954. Это письменные показания некоего Франца Б. Вольфа одного из редакторов «Frankfurter Zeitung[494]». Ссылка находится на странице 9082 расшифровки[495], где мы заявляли о том, что у нас есть, что сказать о причине сохранения редакции «Frankfurter Zeitung». Этот документ PS-3954, также доступен трибуналу на французском, русском, немецком и английском языках и мы приобщаем его как экземпляр USA-877.

Затем, господин председатель, фильм показанный во время перекрёстного допроса подсудимого Функа и трибунал запросил нас о том готовы мы или нет представить письменные показания указывающие его источник и так далее. Сейчас мы готовы сделать это, и мы приобщаем письменные показания капитана Сэма Харриса который подготовил съемки, которые становятся экземпляром USA-878. Вторые письменные показания фотографа который сделал фотографии. Мы приобщаем это как экземпляр USA-879.

Наконец, я бы хотел также внести ясность в другой вопрос. 25 марта во время перекрёстного допроса свидетеля Боле, свидетеля подсудимого Гесса, полковник Эймен цитировал из допроса фон Штремпеля, как видно в стенограмме на странице 6482[496]. Мы перевели важные фрагменты на рабочие языки трибунала и

---

[491] Там же, стр. 202-203.

[492] Ганс Поссе (1886 – 1965) - государственный деятель Германии, государственный секретарь рейхсминистерства экономики в 1933 – 1938.

[493] Там же, стр. 149-150.

[494] Франкфуртская газета («Frankfurter Zeitung») – немецкая газета издававшаяся с 1856 по 1943 во Франкфурте. В период с 1933 по 1934 сохраняла относительную редакционную независимость от государства. После 1938 полностью перешла под контроль государства.

[495] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2021, стр. 142.

[496] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IX / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2021, стр. 41.

просим, чтобы этот допрос который имеет наш документальный номер PS-3800, был допущен в качестве доказательства как экземпляр USA-880.

Господин председатель, мне кажется, что это вносит ясность во все документы которые мы формально не приобщили до настоящего времени.

Председатель: Теперь защитник подсудимого Заукеля.

Серватиус: С разрешения трибунала, сейчас я вызываю подсудимого Заукеля для дачи показаний.

Председатель: Разумеется.

[*Подсудимый Заукель занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Заукель: Эрнст Фридрих Кристоф Заукель.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я говорю чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Серватиус: Свидетель, пожалуйста, опишите вашу карьеру трибуналу.

Заукель: Я был единственным ребёнком почтальона Фридриха Заукеля и родился в Хасфурте-на-Майне рядом с Бамбергом. Я посещал начальную школу и среднюю школу в Швайнфурте.

Серватиус: Как долго вы были в средней школе?

Заукель: 5 лет. Так как мой отец занимал самую скромную должность, благодаря моей матери, швее, мне было возможно ходить в эту школу. Когда она сильно заболела сердцем, я понял, что для моих родителей было бы невозможно учить меня, и я получил их разрешение пойти в море, чтобы сделать там свою карьеру.

Серватиус: Вы пошли в торговый флот, или куду вы пошли?

Заукель: Прежде всего, я поступил в норвежский и шведский торговый флот для того, чтобы соответственно подготовиться к мореходству на крупных парусных судах и клиперах[497].

Серватиус: Сколько вам было тогда лет?

Заукель: Тогда мне было 15 ½ .

Серватиус: Что вы зарабатывали?

Заукель: В качестве юнги на норвежском парусном корабле я зарабатывал 5 крон в дополнение к своему содержанию.

---

[497] Клипер — судно или корабль с развитым парусным вооружением и острыми, «режущими воду» (англ. clip) обводами корпуса. Первоначально клиперы были парусными, впоследствии их стали снабжать паровым двигателем (парусно-паровые клипера).

Серватиус: И потом, в течение свой карьеры на море, куда вы потом ходили?

Заукель: В течение своей карьеры как моряка, и в течение своей подготовки, которая потом продолжалась на немецких парусных судах, я плавал во всех морях и обошёл каждую часть света.

Серватиус: Вы вступали в контакт с зарубежными семьями?

Заукель: При помощи молодёжной христианской ассоциации[498], в основном в Австралии и Северной Америке, также как и в Южной Америке, я вступал в контакт с семьями в этих странах.

Серватиус: Где вы находились, когда началась Первая мировая война?

Заукель: Так получилось, что я был на немецком парусном судне по пути в Австралию, когда корабль был захвачен, и в открытом море я стал пленным французов.

Серватиус: Как долго вы были пленным?

Заукель: Пять лет, до ноября 1919.

Серватиус: И потом вы вернулись домой?

Заукель: Да, я вернулся домой.

Серватиус: И, что вы делали потом?

Заукель: Хотя, я закончил своё нужные мне обучение и подготовку в мореплавании, я не мог снова выйти в море и сдать экзамен, поскольку мои сбережения сделанные за годы моря ничего не стоили из-за немецкой инфляции. Также были мало немецких кораблей и очень много безработных немецких моряков, поэтому, я решил пойти работать на фабрику в своём родном городе Швайнфурте.

Серватиус: Вы остались в своём родном городе?

Заукель: Поначалу я оставался в своём родном городе. Я учился на токаря и инженера на шарикоподшипниковой фабрике Фишера с целью собрать деньги, чтобы я смог посещать техническое училище, инженерный техникум.

Серватиус: Вас тогда уже интересовала политика?

Заукель: Хотя как моряк я и презирал политику – так как я любил и до сих пор люблю свою моряцкую жизнь – условия вынудили меня занять определенное отношение к политическим проблемам. Никто в Германии того времени не мог делать другого. Много лет назад я покинул прекрасную страну и богатую нацию и вернувшись в эту страну через 6 лет обнаружил фундаментальные изменения и состояние переворота, и величайшие духовную и материальную нужду.

Серватиус: Вы вступили в какую-нибудь партию?

Заукель: Нет. Я работал на фабрике, которую люди в моём городе описывали как «ультракрасную». Я работал в мастерской и справа и слева от меня работали социал-демократы, коммунисты, социалисты и анархисты – среди остальных

---

[498] MCA, ИМКА — молодёжная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом (1821—1905), насчитывает около 45 млн участников в более чем 130 странах мира

находился мой нынешний тесть - и в течение всего остального периода шли дискуссии, хочешь или нет вовлекавшие в социальные проблемы того времени.

Серватиус: Вы упомянули своего тестя. Вы затем поженились?

Заукель: В 1923, я женился на дочери немецкого рабочего которую тогда встретил. Я всё еще счастливо женат и у нас 10 детей.

Серватиус: Когда вы вступили в партию?

Заукель: Я явно вступил в партию в 1923, имея к ней предыдущие симпатии.

Серватиус: Что вас заставило?

Заукель: В один из тех дней я услышал речь Гитлера. В этой речи он говорил, что немецкий фабричный рабочий и немецкий работник должны иметь общую идею с немецким работником умственного труда. Разногласия между пролетариатом и средним классом должны были сглаживаться и вести к пониманию друг друга. В результате этой новой общности народ мог расти, и только такой общностью, не связанной со средним классом или пролетариатом, можно было преодолеть отчаянную нужду тех дней и раздрай немецкой нации на партии и убеждения. Это заявление настолько захватило и потрясло меня настолько решительно, что я посвятил свою жизнь идее сглаживания того, что казалось почти непримиримыми контрастами. Я делал это всё больше, если можно сказать, потому что я был осведомлён о факте, что склонности немецкого народа и в немецком характере в целом ведут к крайностям. Я должен был изучить себя очень тщательно, чтобы найти верный путь лично для себя. Как я уже говорил, я вряд ли имел какой-нибудь интерес в политических вопросах. Мои хорошие родители, которых уже нет в живых, растили меня в строго христианском, но также самом патриотическом настрое. Однако, когда я вышел в море, я жил жизнью моряка. Я грузил селитру в Чили. Я делал тяжёлую лесорубную работу в Квебеке, Канада. Я грузил уголь на экваторе, и я плавал несколько раз вокруг мыса Горн. Всё это было тяжёлой работой…, я прошу

Серватиус: Пожалуйста, вернитесь к вопросу партии.

Заукель: Это имеет отношение к вопросу партии, так как мы все должны привести причины о том, как мы в неё попали. Я сам…

Председатель: Доктор Серватиус, я заявил в начале дела подсудимых, что мы слышали такой отчёт от подсудимого Геринга, и что мы не предлагаем снова слушать это от 20 подсудимых. Мне кажется, что нам это навязывает почти каждый подсудимый.

Серватиус: Господин председатель, мне кажется, что мы заинтересованы в получение некого рода впечатления о самом подсудимом. Глядя с различных точек зрения, факты выглядят по-иному. Теперь я кратко…

Председатель: Доктор Серватиус, это совершенно верно, но у нас сейчас есть почти полчаса.

Серватиус: Я это сокращу.

Партия была распущена в 1923 и восстановлена в 1925. Вы снова в неё вступили?

Заукель: Да.

Серватиус: Вы принимали активное участие в партии или вы были просто членом?

Заукель: С 1925 я принимал в ней активное участие.

Серватиус: И какую должность вы занимали?

Заукель: Тогда я был гауляйтером Тюрингии.

Серватиус: Вы делали это, чтобы получить работу, заработать на жизнь, или по какой причине?

Заукель: В качестве гауляйтера Тюрингии я зарабатывал 150 марок. В любой другой профессии я имел бы доходы и зарабатывал больше денег.

Серватиус: Когда вы познакомились с Гитлером?

Заукель: Я кратко встретился с ним в 1925.

Серватиус: Когда вы стали гауляйтером?

Заукель: Я стал гауляйтером в 1927.

Серватиус: И как вас назначили?

Заукель: Я был назначен письмом.

Серватиус: Вы получали какие-нибудь особые инструкции, которые указывали на секретные намерения партии?

Заукель: Тогда нам очень чётко говорили, что ни при каких обстоятельствах не должно быть никаких секретных глав или иной секретности в жизни партии, но что всё следовало делать публично.

Серватиус: Кто был вашим предшественником?

Заукель: Доктор Динтер[499].

Серватиус: Почему он оставил свой пост?

Заукель: Доктор Динтер был уволен, потому что он хотел основать в партии новое религиозное движение.

Серватиус: В 1929 вы стали членом парламента Тюрингии?

Заукель: Да.

Серватиус: Вас туда избрали?

Заукель: Я был избран в парламент таким же образом, как это было на каждых парламентских выборах.

Серватиус: Тогда уже была диктатура у власти?

Заукель: Это было невозможно, провинция управлялась в соответствии с конституцией Тюрингии.

Серватиус: Как долго вы являлись членом парламента?

Заукель: Я был членом парламента до тех пор, пока он существовал, до мая 1933.

Серватиус: Как его распустили?

---

[499] Артур Динтер (1876 – 1948) – немецкий писатель и национал-социалистический политик. Гауляйтер Тюрингии с 1925 по 1927. Судом по денацификации был приговорён к штрафу.

Заукель: Парламент был распущен по указу правительства Рейха.

Серватиус: Тогда в 1932, вы были членом провинциального правительства Тюрингии. Как вы получили эту должность?

Заукель: В 1932, в июне месяце, состоялись выборы в парламент Тюрингии, и НСДАП получила 26 из 60 мест.

Серватиус: В качестве цели как-либо упоминалась диктатура?

Заукель: Нет, правительство было избрано согласно парламентским принципам.

Серватиус: Что же, у вас было большинство в правительстве Тюрингии, не так ли, и вы могли использовать своё влияние?

Заукель: Вместе с буржуазными партиями, абсолютным большинством, было избрано национал-социалистическое правительство.

Серватиус: Что случилось со старыми чиновниками? Их уволили?

Заукель: Я сам стал председателем и министром внутренних дел того правительства, старые чиновники, без исключения, остались на своих постах.

Серватиус: И чем в первую очередь заняло себя национал-социалистическое правительство в области внутренней политики?

Заукель: В области внутренней политики тогда существовал лишь один вопрос, и это было облегчение неописуемых бедствий, которые превосходили нынешние.

Серватиус: Господин председатель, в этой связи могу я предъявить два правительственных доклада, из которых я лишь желаю коротко обратить внимание на два отрывка. Один это доклад, содержащийся в документе номер 96, который демонстрирует деятельность правительства и его борьбу против социальных бедствий. Что в особенности важно, когда вы его просмотрите, это то, что не упоминался, то есть, не упоминается вопрос войны или иные подобные вопросы, но снова и снова упоминалось облегчение бедствий. И также важна работа которую проводили. То есть в документе номер 97. В этой книге, на странице 45, есть заявление о работе предпринятой правительством – мостостроительство, дорожное строительство, и тому подобное – и никоим образом эта работа не имела никакого отношения к войне.

Затем я предъявляю документ номер 95 о том же самом периоде. Книга называется «Боевые речи Заукеля». Здесь тоже, книга примечательна тем, чего в ней нет, а именно, приготовлений к войне. Вместо этого она подчеркивает бедствие которое нужно облегчить. Из отдельных статей становится ясно, что это речи которые произносили в течение ряда лет, похожим образом показывают какие заботы были у подсудимого Заукеля. Она начинается в 1932 с речи касающейся нищеты того времени и заканчивается окончательными вопросами в которых снова делается отсылка на облегчение социальной нужды и сохранение мира. Трибунал сможет прочитать эти статьи в документальной книге.

В 1933 вы также стали рейхсштатгальтером Тюрингии. Как вы получили эту должность?

Заукель: Я был назначен рейхсштатгальтером Тюрингии фельдмаршалом фон Гинденбургом, который тогда являлся рейхспрезидентом.
Серватиус: Какие указания вы получили, когда приняли свою должность?
Заукель: Когда я принял свою должность в качестве рейхсштатгальтера я получил указания сформировать новое правительство Тюрингии, так как рейхсштатгальтер должен был вести административные дела германского государства…
Серватиус: Вам не требуется рассказывать нам эти технические подробности. Я имею в виду, какую политическую задачу вам поставили?
Заукель: Мне поставили политическую задачу управления Тюрингией в качестве рейхсштатгальтера в рамках существовавшего закона Рейха и вышестоящей конституцией, и гарантировать единство Рейха.
Серватиус: И слова «гарантировать единство Рейха» означают в частности подавление в Тюрингии остальных властей?
Заукель: Нет, власти сохранились.
Серватиус: Итак, вы занимали как должность гауляйтера так и рейхсштатгальтера. В чём заключалась причина для этого?
Заукель: Обе должности были совершенно разными в своей организации. У рейхсштатгальтера на службе находились чиновники, а у гауляйтера партийные работники. Обе должности управлялись совершенно раздельно, также как и в случае с любым другим государством, где члены партии одновременно партийные работники или руководители и осуществляют обе эти функции одновременно.
Серватиус: Значит вы не получили приказа о том, чтобы одна должность поглотила другую?
Заукель: Нет, у меня таких приказов не было. Задачи были совершенно разными.
Серватиус: Вы были членом СА?
Заукель: Сам я никогда не был членом СА. Я был почётным обергруппенфюрером СА.
Серватиус: Как вы получили это назначение?
Заукель: Я не могу вам сказать. Она была почётной.
Серватиус: Вы были назначены Гиммлером обергруппенфюрером СС?
Заукель: Нет, фюрер сделал меня почётным обергруппенфюрером СС без особой причины и без функций.
Серватиус: Вы были членом Рейхстага?
Заукель: Да, с 1933.
Серватиус: В качестве члена Рейхстага, вам было, что-либо известно заранее о начале войны? Вас информировали?
Заукель: Меня никогда заранее не информировали о начале войны или внешнеполитическом развитии. Я просто помню, что совершенно внезапно – это могли быть дни между 24 августа и концом августа – нас вызвали на заседание Рейхстага в Берлине. Это заседание было отменено к тому моменту, и позднее нам

приказали прибыть к фюреру, то есть, гауляйтерам и рейхсляйтерам. Но ряд уже уехал, поэтому круг был неполным. Совещание или речь Гитлера, длилась короткое время. Он сказал, грубо говоря, что заседание Рейхстага не могло состояться так как дела пока развиваются. Он был убеждён в том, что войны не будет. Он сказал, что надеялся, на какое то небольшое урегулирование и подразумевал этим, как я сделал вывод, решение без частей Верхней Силезии, утраченных в 1921. Он сказал – и это я запомнил точно – что Данциг станет немецким, и помимо этого Германии будет предоставлена железнодорожная ветка с несколькими путями, похожая на рейхсавтобан, с полосой земли справа и слева от неё. Он сказал нам, чтобы мы шли по домам и готовились к партийному съезду Рейха, на котором мы снова увидимся.

Серватиус: У вас имелись какие-нибудь близкие связи с фюрером?

Заукель: Лично я, насколько я знаю фюрера, сильно им восхищался. Но у меня не было с ним близкой связи, которую можно описать как близкую. У меня был ряд дискуссий с ним об управлении в моём гау и в частности об уходе за культурными зданиями в Тюрингии – Веймаре, Айзенахе и Майнингене и позднее были более частые встречи из-за моей должности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы.

Серватиус: Мы вернёмся к этому позднее. Какую связь вы имели с рейхсляйтерами?

Заукель: Мои связи с рейхсляйтерами не отличались от моих связей с фюрером. Они были официального и партийного характера. Относительно личных отношений я не могу сказать, что у меня было особое личное общение с кем-либо.

Серватиус: Что насчёт вашей связи с рейхсминистрами?

Заукель: Моя связь с рейхсминистрами была чисто официального характера и была очень нечастой.

Серватиус: Что насчёт Вермахта?

Заукель: Я не имел чести быть немецким солдатом из-за моего плена в Первую мировую войну. И в этой войне фюрер отказался позволить мне служить в качестве солдата.

Серватиус: Свидетель, вы занимали ряд высоких позиций и должностей. Вы знали рейхсминистров и рейхсляйтеров. Будьте любезны объяснить, почему вы тогда попали на борт субмарины?

Заукель: Я непрерывно делал письменные запросы фюреры, чтобы мне разрешили вступить в Вермахт в качестве обычного солдата. Он отказался дать мне такое разрешение. Таким образом, я тайно кое-кого подготовил для замещения моей должности и ступил на борт субмарины капитана Залмана с его согласия. Как бывший моряк, а теперь политик на высокой должности я хотел выразить этим храбрым подводникам подтверждение своего товарищества и понимания и своего чувства долга. Помимо этого, у меня было 10 детей для которых, как их отец, я должен был что-нибудь сделать.

Серватиус: Теперь я хочу, в ряде вопросов сослаться на вашу деятельность. Вы были членом профессионального союза?

Заукель: Нет.

Серватиус: Вам были известны цели немецких профессиональных союзов?

Заукель: Да.

Серватиус: Они были экономическими или политическими?

Заукель: Я, как рабочий, знал о них, что цели немецких профессиональных союзов были политическими и существовал ряд различных профессиональных союзов с различными политическими взглядами. Я считал это большой неудачей. Как рабочий в мастерской я имел опыт споров между членами профессиональных союзов – между христианско-социалистическими профессиональными союзами и красными профессиональными союзами, между синдикалистскими, анархистскими и коммунистическими профессиональными союзами.

Серватиус: Профессиональные союзы в вашем гау были затем распущены. Лидеров тогда арестовали?

Заукель: Нет.

Серватиус: Вы одобрили роспуск профессиональных союзов?

Заукель: Роспуск профессиональных союзов тогда витал в воздухе. Вопрос долго обсуждали в партии и вообще не существовало согласия о том какое положение должны иметь профессиональные союзы, ни об их необходимости, их бесполезности и их характере. Но решение нужно было найти, потому что все профессиональные союзы, которые мы или фюрер, или доктор Лей, распустили, придерживались различных политических взглядов. Однако с того времени, в Германии была одна единственная партия и было необходимо, я полностью понимаю, прийти к четкому решению о подлинных обязанностях профессиональных союзов, незаменимых обязанностях для каждой просьбы и для рабочих повсеместно.

Серватиус: Цель устранения профессиональных союзов не заключалась в том, чтобы устранить всякую оппозицию, которая могла встать на пути агрессивной войны?

Заукель: Я могу с чистой совестью сказать, что в течение этих лет никто из нас вообще не думал о войне. Нам приходилось преодолевать такую ужасную нужду, что мы должны были радоваться, если бы немецкая экономическая жизнь могла снова начаться в мире и если бы немецкий рабочий, который больше всего пострадал во время этой ужасной депрессии, снова мог иметь работу и еду.

Серватиус: Члены профессиональных союзов экономически пострадали от роспуска?

Заукель: Никоим образом. Мой собственный тесть, который был членом профессионального союза и всё ещё жив сегодня, и у которого я непрерывно просил совета, которого я никогда не убеждал вступить в партию – он был социал-

демократом и никогда не вступил в партию – подтверждает тот факт, что фактически, что даже, когда он постарел и не смог больше работать, Германский трудовой фронт никогда не отказывал ему в его правах как старого члена профессионального союза и в силу его долгого профсоюзного членства, а разрешил ему все льготы. С другой стороны, германское государство – поскольку в Германии пожилой возраст и страхование по утрате трудоспособности и несчастным случаям, и т. д., оплачивались и организовывались государством – национал-социалистическое государство гарантировало ему все эти права и производило полные выплаты.

Серватиус: Всех коммунистических лидеров арестовали в вашем гау после прихода партии к власти?

Заукель: Нет. В моём гау, насколько мне известно, арестовали только тех коммунистов, которые на самом деле работали против государства.

Серватиус: И что с ними случилось?

Заукель: Государственная полиция арестовывала и допрашивала их и задерживала их согласно имеющимся сведениям.

Серватиус: У вас в гау были крейсляйтеры, которые принадлежали к членам бывшей оппозиционной партии?

Заукель: Деятельностью партии был призыв. Наша самая интенсивная работа заключалась в убеждении наших политических противников. Я очень горжусь тем, что многие рабочие в моём гау, многочисленные бывшие коммунисты и социал-демократы, были убеждены нами и стали ортсгруппенляйтерами и партийными функционерами.

Серватиус: Не было двух крейсляйтеров от крайне левых назначенных вами?

Заукель: Один крейсляйтер от крайне левых был назначен. Также, кроме ряда остальных руководителей, управляющий отделения Германского трудового фронта в гау был долгое время крайне левым.

Серватиус: Как вы лично разбирались с вашими политическими противниками?

Заукель: Политические противники, которые не работали против государства ни волновали и не вредили моему гау.

Серватиус: Вам известен социалистический депутат Фрёлих[500]?

Заукель: Социалистический депутат Август Фрёлих был моим сильнейшим и самым важным противником. Он был руководителем социал-демократов Тюрингии и был многие годы социал-демократическим министром-президентом Тюрингии. Я сильно его уважал как противника. Он был уважаемым и честным человеком. 20 июля 1944, по моей собственной инициативе, я освободил его из заключения. Он был в списке заговорщиков 20 июля, но я настолько сильно его уважал, что несмотря на это я попросил освободить его и добился этого.

---

[500] Август Фрёлих (1877 – 1966) – немецкий политик. Член парламента Тюрингии в 1920 – 1952 гг. от Социал-демократической партии Германии.

Серватиус: Похожим образом вы обращались с остальными противниками?

Заукель: Также был политик Партии центра освобожденный из заключения, которого я знал по родному городу Швайнфурту.

Серватиус: Концентрационный лагерь Бухенвальд находился в вашем гау. Вы его создали?

Заукель: Лагерь Бухенвальд возник следующим образом: фюрер, который достаточно часто приезжал в Веймар из-за театра, предложил, чтобы батальон его лейбштандарта[501] был размещён в Веймаре. Так как лейбштандарт считали отборным полком, я не только согласился с этим, но и был очень польщен, потому что в таком городе как Веймар люди были рады иметь гарнизон. Таким образом земля Тюрингия, правительство Тюрингии, по просьбе фюрера, подготовили место в Эттерсбургском лесу, к северу от окраины города.

Однако, спустя некоторое время Гиммлер сообщил мне, что он не может дать батальон лейбштандарта СС в Веймар, так как он не может разделить полк, но что, это будет вновь созданное подразделение «Мертвая голова» и Гиммлер сказал, что она считается тем же самым. Спустя некоторое время, когда место уже находилось в распоряжении Рейха, Гиммлер заявил, что теперь ему нужно разместить в очень удобном месте своего рода концентрационный лагерь с подразделением «Мертвая голова». Я возражал такому начинанию, потому что я не считал концентрационный лагерь правильной вещью для города Веймара и его традиций. Однако, он – я имею в виду Гиммлера – используя своё положение, отказался как-нибудь это обсуждать. И поэтому он создал лагерь без удовольствия моего или населения Веймара.

Серватиус: Вы имели какое-нибудь отношение к управлению лагерем в дальнейшем?

Заукель: Я никогда не имел никакого отношения к управлению лагерем. Правительство Тюрингии тогда предприняло попытку повлиять на планирование строительства сказав, что строительная инспекция в Тюрингии пожелала отдать приказы по санитарной организации в лагере. Гиммлер в силу своего положения в этом отказал, сказав, что у него есть собственное строительное управление и площадка принадлежит Рейху.

Серватиус: Вы когда-нибудь посещали лагерь?

Заукель: Насколько я помню, по одному единственному поводу в конце 1937 или в начале 1938, я посещал и инспектировал лагерь с итальянской комиссией.

Серватиус: Вы обнаружили там что-нибудь неправильное?

Заукель: Я не обнаружил ничего плохого. Я инспектировал общежития – я сам был пленным 5 лет, и это меня заинтересовало. Я должен признать, что тогда не было никакой причины для каких-нибудь жалоб. Общежития были разделены на дневные

---

[501] 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — элитное формирование войск СС, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера.

и ночные комнаты. Кровати были накрыты голубыми и белыми простынями; кухни, душевые и уборные были безупречными, что даже итальянский офицер или офицеры, которые инспектировали лагерь вместе со мной сказали, что в Италии они своих солдат не размещают никак не лучше.

Серватиус: Позднее вы слышали о событиях в этом лагере, о которых здесь предполагали?

Заукель: Я ничего не слышал о таких событиях как здесь предполагали.

Серватиус: Вы имели какое-нибудь отношение к эвакуации лагеря в конце войны перед приходом американской армии?

Заукель: Когда бургомистр Веймара сообщил мне, что они намерены эвакуировать лагерь Бухенвальд и использовать лагерную охрану для борьбы с американскими войсками, я высказал самые серьезные возражения. Так как я не имел никакой власти над лагерем, и в силу различных причин связанных со своей ещё одной должностью у меня имелись значительные разногласия с Гиммлером, и не занимая себя беседой с ним, я позвонил в ставку фюрера в Берлине, и сказал, что в любом случае эвакуация или перевод заключенных на территорию восточнее Зале была невозможной и безумной, и не могла быть выполнена с точки зрения припасов. Я потребовал, чтобы лагерь должны были передать американским оккупационным войскам упорядоченным образом. Я получил ответ о том, что фюрер даст указания Гиммлеру выполнить мою просьбу. Я кратко сообщил об этом кому-то из своих коллег и бургомистру, и затем я покинул Веймар.

Серватиус: Свидетель доктор Блаха[502], заявил что вы также были в концентрационном лагере Дахау по случаю инспекции.

Заукель: Нет, насколько помню, я не ездил в Дахау, я также не принимал участия в визите гауляйтеров в Дахау в 1935. Ни в коем случае я не принимал участия в инспекции в Дахау, так как здесь описал свидетель доктор Блаха; и прежде всего соответственно, я не инспектировал мастерские или что-нибудь подобное.

Серватиус: Как гауляйтер, вы не получали официальные доклады о событиях в концентрационном лагере, то есть, приказы которые передавали через административные учреждения гау в лагерь и из него?

Заукель: Нет. Я ни получал ни указаний для лагеря Бухенвальд, ни доклады. Не только лично я считал, но и старые опытные гауляйтеры считали, что это огромная неудача, с административной точки зрения, когда Гиммлер уже в 1934-35 начал отделять оперативных сотрудников из общегражданской внутренней администрации. Были постоянные жалобы от многих гауляйтеров и немецких провинциальных администраций. Однако, они были безуспешными, потому что Гиммлер окончательно включил даже пожарные бригады коммун в организацию его полиции в Рейхе.

---

[502] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Членцентрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

Серватиус: Вы имели какие-нибудь личные отношения с полицией и СС в Веймаре?

Заукель: У меня вообще не было личных отношений с СС и полицией. У меня были личные отношения постольку, поскольку торговая инспекция и местная полиция небольших поселений всё ещё оставалась у местной администрации земли Тюрингия.

Серватиус: Полиция имела свои штаб-квартиры рядом с вами, в Веймаре?

Заукель: Нет, в то время это была забавная часть развития того времени, как я однажды объяснял фюреру, мы превращались из партийного государства, и государства составленного из провинций в ведомственное государство. Рейхсминистерства сильно увеличились, их департаменты были довольно чётко определены и отдельные окружные департаменты различных администраций не согласовывались друг с другом. До 1934 Тюрингия имела собственное полицейское управление в рамках своего министерства внутренних дел. Но с того времени штаб-квартира высшего руководителя СС и полиции была переведена в Кассель, для того, чтобы Гиммлер в отличие от остальных государственных или партийных организаций, получал новые области для своей полиции. Он продемонстрировал это в центральной Германии где, например высший руководитель СС и полиции Веймара и земли Тюрингия находился в Касселе, в то время как для прусской части гау Тюрингия – то есть города Эрфурт, который в 20 километрах от Веймара – высший руководитель СС и полиции и провинциальная администрация заседали в Магдебурге. Очевидно, что мы, как власти гау, никоим образом не соглашались с таким развитием и что существовало большое негодование среди опытных управленцев.

Серватиус: Вопрос: вы сотрудничали с этими ведомствами и имели дружеское взаимодействие с сотрудниками режима и следовательно знали, что происходило в Бухенвальде?

Заукель: Наоборот, это была постоянная битва. Каждая отдельная организация закрывала себя от остальных. В такой период мирового развития это было крайне неудачным. Для народа это не имело никакого преимущества и затрудняло любое управление.

Серватиус: В вашем гау было преследование евреев?

Заукель: Нет.

Серватиус: Что насчёт законов касавшихся евреев и исполнения таких законов?

Заукель: Эти еврейские законы были провозглашены в Нюрнберге. На самом деле в Тюрингии было очень мало евреев.

Серватиус: Не было никаких нарушений в связи с известными событиями, последовавшими за убийством посланника фом Рата в Париже, которые непрерывно становятся предметом обсуждения на данном процессе?

Заукель: Я не могу вспомнить подробности этих событий в Тюрингии. Как я вам

сказал, в Тюрингии было совсем мало евреев. Гауляйтеры тогда были в Мюнхене, вообще не имея влияния на такое развитие, так как это произошло ночью, когда все гауляйтеры находились в Мюнхене.

Серватиус: Мой вопрос такой: что происходило в вашем гау Тюрингия, и какие указания вы дали в результате?

Заукель: Может быть, что в немногих городах Тюрингии было то, что разбили окна или что-то такое. Я не могу рассказать вам подробно. Я даже не могу сказать вам, находились ли и где были синагоги в Тюрингии.

Серватиус: Теперь вопрос относительно вашего финансового положения.

По случаю вашего пятидесятого дня рождения фюрер сделал вам пожертвование. Сколько оно составило?

Заукель: На свой пятидесятый день рождения в октябре 1944 я с удивлением получил письмо от фюрера через одного из его адъютантов. В этом письме был чек на 250 000 марок. Я сказал адъютанту, что не могу принять это – я был очень удивлён. Адъютант фюрера – это был младший Борман[503], не старший Борман, не рейхсляйтер Борман – сказал мне, что фюрер очень хорошо знал о том, что у меня нет ни денег, ни какой-нибудь недвижимости и что это будет сбережением для моих детей. Он сказал мне, что не нужно обижать фюрера. Адъютант быстро ушёл и я послал за Демме, который был и моим коллегой и другом, и президентом государственного банка Тюрингии. К сожалению, он не был допущен в качестве свидетеля как не относящийся к делу…

Председатель: Я думаю достаточно того если мы узнаем, принял он его или нет в конце концов.

Серватиус: Опустим этот вопрос. Что случилось с деньгами?

Заукель: Через президента государственного банка деньги были помещены на счёт государственного банка Тюрингии.

Серватиус: Какой иной доход вы получали от ваших официальных должностей?

Заукель: Единственным доходом, который я имел от своих официальных должностей было содержание рейхсштатгальтера.

Серватиус: Сколько оно составляло?

Заукель: Содержание рейхсминистра, я не могу вам точно сказать сколько. Меня это никогда не волновало. Это было что-то около 30 000 марок.

Серватиус: И какие средства есть у вас сегодня помимо пожертвования на этом банковском счёте?

Заукель: Я не сохранил никаких денег и никогда не имел никакого имущества.

Серватиус: Господин председатель, этим я завершаю общие вопросы, и теперь я перехожу к вопросам, относящимся к распределению рабочей силы.

Председатель: Мы прервёмся.

[503] Альберт Борман (1902 — 1989) — один из высокопоставленных работников рейхсканцелярии Третьего рейха, член НСДАП, группенфюрер НСКК, адъютант Гитлера, брат Мартина Бормана.

[*Объявлен перерыв*]

Серватиус: Чтобы помочь суду я подготовил план, показывающий как осуществлялось руководство рабочей силой, который должен помочь объяснить как взаимодействовали отдельные органы власти и как функционировал механизм.

В основном я займусь проблемой удовлетворения запросов, то есть вопросом как получали рабочую силу. Я не сильно буду заниматься вопросом использования рабочей силы и потребностей промышленности. Это больше вопрос защиты Шпеера, который не совсем подходит для моей презентации дела. Но есть детали, которые появились по ошибке, из-за того, что я тщательно не вдавался в эти вопросы, когда готовил план. Фундаментально нет никаких противоречий.

Если можно, коротко поясню план: вверху красным фюрер; под ним четырёхлетний план; и ниже, как часть четырёхлетнего плана, есть должность Заукеля, который был генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы и непосредственно входил в четырёхлетний план. Он получал свои инструкции и приказы от фюрера через четырёхлетний план, или так как существовала линия фюрера, от него напрямую.

Штаб-квартира Заукеля находилась в рейхсминистерстве труда. Это большое пространство с жёлтой чертой налево, ниже должности Заукеля, которая коричневая. Заукеля включили в рейхсминистерство труда, предоставив ему несколько отделов. Рейхсминистр труда и всё трудовое министерство сохранялись.

С течением времени положение Заукеля стало в некотором роде сильнее, к нему присоединялись необходимые ведомства, в отношении которых в определённой степени он имел личную власть, но рейхсминистерство труда оставалось до конца.

Теперь я бы хотел объяснить, как стало функционировать «Распределение». Ввиду операций в России и больших потерь зимой, возникла необходимость в 2 миллионах солдат. Вермахт, ОКВ, отмеченные зелёным вверху рядом с фюрером, требуют солдат из промышленности. Здесь это отмечено зелёными квадратами которые идут ниже ОКВ. Затем линия поворачивает налево к промышленности, которая отмечена как имевшая 30 миллионов рабочих. Вермахт отзывает 2 миллиона рабочих, но может сделать так, только, когда есть новая рабочая сила. И в этот момент, Заукель получил должность для того, чтобы получить эту рабочую силу.

Количество необходимых людей определялось высшими властями через так называемую «комиссию по требованиям», отмеченную наверху жёлтым, которая представляла высшие ведомства; министерство вооружений и производства, министерство авиации, сельского хозяйства, морские перевозки, транспорт, и тому подобное. Они докладывали о своих запросах фюреру и он решал, о том, что

требовалось.

Задача Заукеля осуществлялась следующим образом: вернёмся к коричневому квадрату. В силу права четырёхлетнего плана отдавать приказы, он обращался к пространству справа, где квадраты обведены синим. Они высшие районные ведомства на оккупированных территориях, рейхсминистерство по восточным оккупированным территориям, то есть, Розенберг; затем идут военные власти; и так как с вещами обращались немного по-разному в каждой стране, здесь различные страны: Бельгия, северная Франция, Голландия, и т. д., отмеченные жёлтым. Эти ведомства получали приказ предоставить рабочую силу. Каждый при помощи собственного механизма ссылался на приказ нижестоящему ведомству и вплоть до самого низа, местных трудовых отделов, которые подчинялись районным властям, и здесь рабочих назначали на фабрики. То есть резерв из иностранцев. Кроме этого было два других источника рабочей силы, основной резерв немецкие рабочие, которые отмечены синим слева внизу и резерв военнопленных.

Заукель должен был заниматься всеми этими тремя ведомствами. Теперь я поставлю свидетелю вопросы, относящиеся к делу. Это только для того, чтобы освежить нашу память и проверить объяснение.

Я предъявлю остальные схемы позднее. Там список свидетелей подготовленных согласно их службам, таким образом мы знаем куда они относятся, и позднее будет ещё одна схема показывающая инспектирование и контроль которые были созданы.

Председатель: Доктор Серватиус, вы, несомненно спросите свидетеля о том знаком ли он со схемой и правильная ли она.

Серватиус: Свидетель, вы видели эту схему. Она правильная? Вам она известна?

Заукель: Насколько я помню и убеждён, она правильная, и я её признаю.

Серватиус: 21 марта 1942 вы стали генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы. Почему вас выбрали для этой должности?

Заукель: Причина, почему я был выбран на эту должность, мне никогда не была известна, я и сейчас этого не знаю. В результате своей инженерной подготовки и своих занятий, я проявлял интерес к вопросам, касавшимся трудовых систем, но я не знаю, являлось ли это причиной.

Серватиус: Ваше назначение состоялось не по предложению Шпеера?

Заукель: Рейхсляйтер Борман заявил это в преамбуле своего официального распоряжения. Мне неизвестны подлинные обстоятельства.

Серватиус: Я попрошу обратиться к документу Заукель номер 7. Это в документальной книге 1, страница 5.

Заукель: Я бы хотел добавить, что это назначение стало для меня полной неожиданностью, я никак о нём не ходатайствовал. Я никогда не ходатайствовал ни о каких своих должностях.

Председатель: Какой номер вы присвоили этому документу?

Серватиус: Документ номер 7.

Председатель: Я имею в виду схему. Какой номер вы присвоили схеме?

Серватиус: Документ 1.

Председатель: Да, я вижу и документ номер 7, страница 5.

Серватиус: Да. Данный документ преамбула, добавленная рейхсляйтером Борманом к распоряжению, которая показывает, что Шпеер был тем кто предложил Заукеля на эту должность.

Когда вы пришли, это была совершенно новая должность?

Заукель: Нет. «Распределением» руководил четырёхлетний план до моего назначения. Минстериальдиректор, доктор Мансфельд[504], тогда занимал должность. Только здесь во время разбирательства я узнал, что должность уже была известна до моего времени как генеральный уполномоченный.

Серватиус: Принимая свою должность вы беседовали с доктором Мансфельдом, вашим так называемым предшественником?

Заукель: Я ни видел, ни разговаривал с доктором Мансфельдом, ни брал у него каких-нибудь материалов.

Серватиус: В какой степени ваша должность отличалась от этого предыдущего генерального уполномоченного?

Заукель: Моя должность отличалась в такой степени: управление в четырёхлетнем плане был отдано и больше мной не использовалось. Я сильнее и сильнее близко привлекал отделы рейхсминистерства труда к этой работе так как они имели кое-каких выдающихся экспертов.

Серватиус: В чём заключалась причина перестройки этого ведомства?

Заукель: Причину нужно было искать, в многих конфликтующих интересах, которые были весьма заметны на третий год войны в политических и государственных ведомствах, внутренних административных ведомствах, партийных службах и экономических службах, которые теперь по территориальным соображениям возражали межрайонному выравниванию трудового потенциала, который стал необходим.

Серватиус: Какого рода задачу вы тогда получили? В чём заключалась область вашей работы?

Заукель: Моей главной областью работы было управление и регулирование немецкой рабочей силы.

Серватиус: Какую задачу вам тогда поставили?

Заукель: Я должен был заменять подходящими опытными рабочими тех людей, которых должны были высвобождать из промышленности для призыва в германский Вермахт, то есть, в различные рода войск Вермахта. Более того, я также должен был получать новую рабочую силу для новых военных производств,

---

[504] Вернер Мансфельд (1893 – 1953) – сотрудник рейхсминистерства труда в 1933 - 1942. В январе – марте 1942 генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы.

которые конечно создавались для производства продовольствия, а также производства вооружений.

Серватиус: Ваша задача была чётко определена?

Заукель: Сначала она никак не была определена. В то время было около 23 или 24 миллионов рабочих которыми нужно было руководить, которые были доступны в Рейхе, но которых ещё не полностью использовали в военной экономике.

Серватиус: Вы смотрели на своё назначение как на постоянное?

Заукель: Нет. Я не мог считать его постоянным.

Серватиус: Почему нет?

Заукель: Потому что в дополнение ко мне рейхсминистр труда и его государственные секретари были на службе и были во главе дел и к тому же было целое министерство труда.

Серватиус: Какие источники были в вашем распоряжении, чтобы получать рабочую силу?

Заукель: Первое, были рабочие, которые уже присутствовали в Рейхе из всех категорий призванных, которые, как я говорил, ещё не были направлены в военную экономику, пока не полностью были включены тем способом который был необходим для ведения войны. Дальше были военнопленные постольку, поскольку их рабочая сила была доступной для военных властей.

Серватиус: Значит в первую очередь, если я правильно вас понял, надлежащее распределение и бережливое управление немецкой рабочей силой?

Заукель: Когда моё назначение…

Председатель: Подсудимый, я не понимаю немецкий язык, но мне кажется, что если бы вы не делали паузы между каждым словом это бы сделало ваши фразы короче и паузы в конце фразы. Так было бы гораздо удобнее для переводчика. Я не знаю прав ли я. Но, похоже, что так. Вы делаете паузу между каждым словом, и поэтому, как я представляю так сложнее, понять смысл фразы.

Заукель: Ваша светлость, прошу прощения.

Председатель: Продолжайте доктор Серватиус.

Серватиус: Что вы делали, чтобы выполнять свою задачу?

Заукель: Я повторюсь. Первое, так как я не получил никаких особых инструкций я понимал свою задачу как означавшую, что я должен был заполнять пустоты и дефицит при помощи использования рабочей силы самым рациональным и экономичным способом.

Серватиус: В чём заключался приказ, который вы получили? Сколько людей вы должны были получить?

Заукель: На этот вопрос очень трудно ответить, так как я получал необходимые приказы только в ходе развития войны. Рабочая сила и экономика подвижные, неуловимые вещи. Однако, тогда я получил приказ, о том, что если война должна была продолжаться какое-то время я должен был искать пополнения в немецкой

трудовом секторе для Вермахта, чьи солдаты являлись потенциалом для экономики мирного времени.

Серватиус: Вы подготовили программу. Что предусматривалось в вашей программе?

Заукель: Доктор, я подготовил две программы. Сначала, когда я принял свою должность, я подготовил одну программу, которая включала, так сказать levee en masse[505], немецких женщин и молодых людей, и другую, как я уже сказал, по надлежащему использованию рабочей силы с экономической и технической точки зрения.

Серватиус: Программа была принята?

Заукель: Программа была отвергнута фюрером, когда я представил её ему, и так как это являлось моей обязанностью, экономическим властям Рейха и министерствам, которые являлись заинтересованными в трудоустройстве рабочей силы.

Серватиус: Почему?

Заукель: Фюрер послал за мной и в длинном выступлении объяснил положение с немецким военным производством и также экономическую ситуацию. Он сказал, что он ничего не имел против моей программы как таковой, если бы у него было время, но в виду ситуации, он не мог ждать пока таких немецких женщин подготовят и обучат. Тогда 10 миллионов немецких женщин уже работали которые никогда не выполняли ни промышленной ни механической работы. Далее, он сказал, что результаты таких рационализаторских методов как предложил я, нечто среднее между методами Форда и Тейлора[506]…

Серватиус: Один момент. Переводчики не могут правильно переводить ваши длинные фразы. Вы должны произносить короткие фразы и разделять ваши фразы, иначе никто не сможет вас понять и ваша защита от этого сильно пострадает. Пожалуйста, позаботьтесь об этом.

Заукель: В ответ на моё предложение фюрер сказал, что он не может ждать рационализаторских методов в работе в смысле систем Тейлора и Форда.

Серватиус: И что он предложил?

Заукель: Могу я объяснить мотивы, которые вынудили решение фюрера. Он описал ситуацию того времени, конца зимы 1941-42. Многие сотни немецких локомотивов, почти все моторизованные боевые подразделения, танки, самолёты и механические орудия стали бесполезными в результате катастрофы той аномально холодной зимы.

Сотни тысяч немецких солдат ужасно пострадали от холода, многие дивизии лишились своих вооружений и запасов. Фюрер объяснил мне, что если гонку с врагом в новых вооружениях, новых боеприпасах, и новых пополнениях войск не выиграть сейчас, советы будут у канала[507] к следующей зиме. Обращаясь к

---

[505] Массовый набор (фр.)

[506] Уинслоу Тейлор (1856 — 1915) — американский инженер, основоположник научной организации труда и менеджмента

[507] Имеется в виду пролив Ла-Манш или Английский канал.

моему чувству долга и попросив меня сделать всё, что я мог, он поставил мне задачу получения новой зарубежной рабочей силы для использования в немецкой военной экономике.

Серватиус: У вас не было подозрений, что это нарушало международное право?

Заукель: Фюрер говорил со мной настолько подробно об этом вопросе, и он объяснил необходимость как само собой разумеющуюся, что после отказа от предложения, которое он сам сделал, с моей стороны не могло быть никаких сомнений в том, что трудоустройство зарубежных рабочих противоречило международному праву.

Серватиус: Вы также вели переговоры с остальными службами и здесь в Рейхе уже находились рабочие. О чём вы говорили?

Заукель: Никто из высших властей, ни военные ни гражданские, не высказывал никаких сомнений. Вероятно, я могу кое-что добавить, что упоминал фюрер как обязывающие меня. В целом фюрер всегда обращался со мной очень любезно. В данном вопросе, он стал очень суровым и категоричным, сказав, что на Западе он оставил дома и свободной половину французской армии, он освободил из плена большую часть бельгийской армии и всю голландскую армию. Он сказал мне, что в таких обстоятельствах он должен был призвать этих военнопленных по военным соображениям, но это в интересах всей Европы и Запада, как он сам выразился, только объединенная Европа, в которой правильно распределялась рабочая сила, могла сражаться против большевизма.

Серватиус: Вы знали об условиях Гаагских правил сухопутной войны[508]?

Заукель: Во время Первой мировой войны я сам был взят в плен как моряк. Я знал, что требовалось и что излагалось в отношении обращения и защиты военнопленных и в целом пленных.

Серватиус: Зарубежные власти – я думаю о французах – когда либо заявляли возражения тому, что запланированное вами – распределение было нарушением Гаагских правил ведения сухопутной войны?

Заукель: Нет. Во Франции, по вопросам распределения, я вёл переговоры с французским правительством лишь через военного командующего и под председательством германского посла в Париже. Я был убеждён, в том что, касалось трудоустройства рабочей силы во Франции, следовало заключить соглашения с самим французским правительством. Похожим образом я вёл переговоры с генеральным секретариатом[509] в Бельгии.

Серватиус: Итак, большая часть – почти треть – были так называемыми восточными рабочими. Что вам сказали про них?

Заукель: Относительно трудоустройства рабочих с Востока мне сказали, что Россия

---

[508] На первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включённые в комплекс норм международного гуманитарного права

[509] Комитет генеральных секретарей – управленческий орган являвшийся часть немецкой оккупационной администрации в Бельгии, включал руководителей министерств именуемых генеральными секретарями.

не присоединилась к Женевской конвенции, и таким образом, Германия со своей стороны не была ею связана. И далее мне сказали, что в балтийских странах и остальных регионах, Советская Россия также призывала рабочих или людей, и что дополнительно в Советской России работало около 3 миллионов китайцев.

Серватиус: Что насчёт Польши?

Заукель: Относительно Польши мне сказали, также как и в случае остальных стран, что это был вопрос полной капитуляции, и что на основе этой капитуляции Германия была вправе вводить немецкие правила.

Серватиус: Вы считали трудоустройство зарубежных рабочих оправданным с общей точки зрения?

Заукель: В связи с потребностями, которые я упоминал, я считал трудоустройство зарубежных рабочих оправданным согласно принципам, которые я применял и за которые выступал и которых я придерживался в своей области работы. В конце концов, я был немцем и мог чувствовать только как немец.

Серватиус: Господин Заукель, вы должны иначе формулировать свои фразы, переводчики не могут их перевести. Вы не должны вставлять одну фразу в другую.

Значит, вы считали это оправданным, в виду принципов, которые вы желали применять, которые как вы сказали, вы применяли в вашей области работы?

Заукель: Да.

Серватиус: Вы также думали о лишениях, которым подвергались рабочие и их семьи из-за такого трудоустройства?

Заукель: Я знал по собственной жизни, что даже если кто-то уезжает в зарубежные страны добровольно, разрыв очень грустный и душераздирающий, и очень трудно для членов семьи отрываться друг от друга. Но я также думал о немецких семьях, о немецких солдатах, и о сотнях тысяч немецких рабочих, которые тоже были вынуждены оставить свой дом.

Серватиус: Было сделано предложение, чтобы работу можно было выполнять на самих оккупированных территориях, и тогда не нужно было бы вывозить рабочих. Почему это не было сделано?

Заукель: Это, на первый взгляд, привлекательное предложение. Если бы это было возможно, я охотно осуществил бы это предложение, которое внёс Функ и другие власти, и позднее даже Шпеер. Это бы сделало мою жизнь и работу проще. С другой стороны, в этой системе были крупные ведомства которые нужно было обеспечивать и поддерживать разные отрасли немецкой экономики и обеспечивать их заказами. Как генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы я бы не мог переводить немецкие поля, немецкое полеводство, немецкое массовое производство с самым современным оборудованием в зарубежные страны, я не имел на это никаких полномочий и эти ведомства настаивали на том, что я должен искать пополнения для сельскохозяйственных и промышленных рабочих и ремесленников, чьи места в немецкой промышленности освобождались в немецком сельском

хозяйстве или промышленности, потому что людей призывали на службу родине.

Серватиус: Вы уже говорили, что способ которым вы планировали трудоустройство рабочих был таким, чтобы его могли одобрить. В чём заключались ваши ведущие принципы при осуществлении вашей схемы трудоустройства рабочей силы?

Заукель: Когда фюрер настолько резко описал мне обстановку и приказал мне доставить зарубежных рабочих в Германию, я четко осознал трудности задачи и попросил его согласиться с единственным способом который я считал возможным, чтобы сделать это, так как я сам был рабочим.

Серватиус: Ваше принципиальное соображение заключалось не в экономической эксплуатации этих зарубежных рабочих?

Заукель: Распределение не имеет никакого отношения к эксплуатации. Это экономический процесс обеспечения рабочей силой.

Серватиус: Вы непрерывно говорили в своих речах и по другим поводам, что важная вещь заключалась в том, чтобы лучше всего экономически использовать этих рабочих. Вы говорите о машинах, с которыми следовало правильно обращаться. Вы хотели кратко выразить этим мысль об экономической эксплуатации?

Заукель: Во все времена, режим не важно, какого характера, может быть успешным в производстве товаров, если он экономично использует рабочую силу – ни больше, ни меньше. Только это я считал экономически оправданным.

Серватиус: Здесь сказано, в документе, который был предъявлен, французском документе RF-22, правительственном докладе, о том, что существовало намерение добиться демографического упадка, и в других правительственных докладах сделано упоминание о том, что одной из целей было биологическое уничтожение остальных народов. Что вы об этом скажете?

Заукель: Я могу сказать совершенно определенно, что биологическое уничтожение никогда мною не упоминалось. Я был слишком рад когда имел рабочих. Я подозревал, что война продлится дольше, чем ожидали и требования к моему ведомству были такими срочными и такими большими, что я был рад, тому, чтобы люди жили, а не уничтожать их.

Серватиус: В чём заключалось общее отношение к вопросу зарубежных рабочих до вашего прихода на должность? Что вы обнаружили, когда пришли?

Заукель: Когда я пришел на должность, существовала полемика. В Германии было около двух миллионов зарубежных рабочих из нейтральных и союзных государств и оккупированных территорий на Востоке и Западе. Их доставляли в Рейх беспорядочно или бессистемно. Многие промышленные концерны избегали контактов с трудовыми властями или находили их проблемными и бюрократическими. Был очень велик, как я говорил ранее, конфликт интересов. Я думаю, полицейская точка зрения преобладала.

Серватиус: И пропаганда? В чём например заключалась пропаганда относительно

восточных рабочих?

Заукель: Пропаганда была адаптирована к войне на Востоке. Я могу сейчас отметить – вы прервали меня ранее, когда я говорил о приказе, отданном мне фюрером, что я прямо попросил фюрера не позволять обращаться с рабочими работающими в Германии как с врагами, и я пытался повлиять на пропаганду в таком отношении.

Серватиус: Что ещё вы предпринимали в отношении ситуации, с которой вы столкнулись?

Заукель: Я наконец получил одобрение от фюрера для моей второй программы. Это программа предъявлена здесь в качестве документа. Я должен нести и несу ответственность за эту программу.

Серватиус: Она уже предъявлена как документ PS-016. Это программа по распределению рабочей силы от 20 апреля 1942. Экземпляр USA-168.

В этой программе вы сделали фундаментальные заявления. Я вручу её вам и попрошу прокомментировать только общие вопросы, а не отдельные положения.

В последней части добавлен параграф «Военнопленные и зарубежные рабочие». Вы нашли параграф?

Заукель: Да.

Серватиус: Если вы посмотрите на третий абзац, вы найдёте, то что хотите объяснить.

Заукель: Я бы хотел сказать, что самостоятельно подготовил и разработал эту программу в 1942, после получения сложной задачи от фюрера. Мне было совершенно ясно, что должны представлять из себя условия в Германии если бы вообще пришлось использовать зарубежных рабочих. Тогда я написал эти фразы, и программа пошла ко всем немецким властям, которые должны были заниматься этим вопросом. Я цитирую:

> «Все эти люди должны быть накормлены, размещены и иметь такое отношение, чтобы с наименьшим усилием – здесь я ссылался на экономику как задумывалось Тейлором и Фордом, которых я близко изучал – «достигать самых больших результатов. Для нас немцев корректное и гуманное обращение с поверженным врагом является само собой разумеющимся, даже если он был нашим самым жестоким и непримиримым противником избегая всякой жестокости и мелкого крючкотворства, ожидая от них полезной службы».

Серватиус: Пожалуйста, теперь вы отложите документ в сторону.

Какие полномочия вы имели для осуществления этой вашей задачи?

Заукель: У меня имелись полномочия от четырёхлетнего плана отдавать и принимать инструкции. Я имел в своём распоряжении – не у себя, а в моём распоряжении – управления 3 и 5 рейхсминистерства труда.

Серватиус: Что это были за управления?

Заукель: Управления: «Трудоустройство рабочей силы» и «Заработная плата».

Серватиус: Вы могли отдавать директивы и приказы?

Заукель: Я мог отдавать директивы внутриведомственного характера этим управлениям.

Серватиус: Вы могли самостоятельно вести переговоры с зарубежными странами?

Заукель: Я мог вести переговоры с зарубежными странами лишь через министерство иностранных дел, или когда я получал разрешение, с послами или ответственными министрами.

Серватиус: Вы могли отдавать свои приказы самостоятельно или были необходимы согласования и консультации?

Заукель: Моя область работы, в каждой крупной отрасли управления, абсолютно вынуждала меня обсуждать вопросы и проводить консультации о них со смежными ведомствами. Я был обязан делать это в соответствии с инструкциями.

Серватиус: С кем вы консультировались, помимо четырёхлетнего плана, в котором вы находились?

Заукель: Я должен был, прежде всего, консультироваться с самими ведомствами от которых я получал приказы, и дополнительно партийной канцелярии, ведомство рейхсминистра Ламмерса – рейхсканцелярия, железных дорог Рейха, рейхсминистерство продовольствия, рейхсминистерство обороны.

Серватиус: Они всегда проходили гладко или были сложности?

Заукель: Всегда существовали большие трудности.

Серватиус: Вы имели какие-либо дела с Гиммлером?

Заукель: Я имел дела с Гиммлером лишь постольку, поскольку он давал инструкции. Он был рейхсминистром и являлся ответственным за безопасность, как он говорил.

Серватиус: Это не являлось вопросом, который был очень важным для вас относительно обращения с рабочими?

Заукель: Мне кажется в течение первых месяцев или первых недель, с моего назначения, меня вызвали к Гейдриху. Очень ясным образом он сказал мне, что он считал мою программу фантастической, в том виде как она была одобрена фюрером, и что я должен был понимать, что я делаю его работу сложнее требуя, чтобы колючей проволоки и похожих препятствий не должно было быть и их не должны были размещать рядом с трудовыми лагерями, а демонтировать. Затем он резко сказал, что я должен осознавать, что если я был ответственным за распределение рабочей силы, то он был тем кто отвечал за безопасность. Так он мне сказал.

Серватиус: Вы приняли тот факт, чтобы эти строгие полицейские меры теперь существовали?

Заукель: В результате постоянных усилий я постепенно уменьшал эти полицейские меры, поскольку они касались рабочих, которые были трудоустроены в Германии через моё ведомство и службу.

Серватиус: Что входило в вашу власть? Вы могли отдавать приказы или должны были вести переговоры, и как это осуществлялось на практике?

Заукель: Власть которую я имел, чтобы принимать инструкции с самого начала была сомнительной ввиду потребностей войны, нехватки рабочей силы и тому подобного, мне запретили создавать какое-либо собственное ведомство или какое-нибудь новое ведомство или организацию. Я мог лишь передавать инструкции после переговоров с высшими властями Рейха и после подробных консультаций. Эти инструкции были, конечно, чисто внутриведомственного характера. Я не мог вмешиваться в вопросы администрации.

Серватиус: Как это право принимать инструкции осуществлялось относительно высших властей на оккупированных территориях?

Заукель: Это было точно также, простым внутриведомственным характером. На практике это была передача приказов фюрера, которые нужно было исполнять через индивидуальный механизм каждой отдельной администрации.

Серватиус: Вы могли, например, отдавать обязывающие инструкции военным властям, экономической инспекции Восток?

Заукель: Нет, существовал строгий приказ от фюрера, что в армейских районах, оперативных районах главнокомандующих, последние были единственно компетентными, и когда они изучали военные условия и ситуацию, всё должно было делаться в соответствии с потребностями высшего военного командования.

Серватиус: Это относилось к военному командующему во Франции, или вы могли действовать там независимо?

Заукель: Во Франции, я конечно мог, действовать точно таким же образом, информируя военного командующего об инструкциях, которые я сам получил. Затем он готовил обсуждения с германским посольством и французским правительством, для того, чтобы под председательством посла, и полномочного участия военного командующего, состоялись дискуссии с французским правительством.

Серватиус: Что происходило если рассматривать министерство по оккупированным восточным территориям?

Заукель: В случае с этим министерством я должен был передавать свои приказы рейхсминистру оккупированных восточных территорий и должен был с ним консультироваться. С рейхсминистром Розенбергом у нас всегда получалось организовать дела таким образом который мы считали правильным. Но в Украине был рейхскомиссар, который был очень близок к штаб-квартирам, и как общеизвестно, он был крайне независимым и действовал соответственно подтверждая свою самостоятельность.

Серватиус: Как эти власти на оккупированных территориях поначалу приняли вашу деятельность?

Заукель: На оккупированных территориях естественно была сильная оппозиция к

началу моей работы, потому что я принёс новые приказы и новые требования, и не всегда было просто согласовать конфликтующие интересы.

Серватиус: Было какое-нибудь опасение, что вы вмешаетесь в управление территориями?

Заукель: По своим убеждениям я полностью воздерживался от какого-либо такого вмешательства и всегда подчёркивал это для того, чтобы развеять любые подобные опасения, поскольку я сам не являлся там администратором, но существовало много эгоистичных интересов в работе.

Серватиус: Мы обсудим это по другому поводу. Теперь я хотел бы спросить вас: у вас были заместители по распределению - когда вы их получили?

Заукель: Насколько помню по личному распоряжению фюрера от 30 сентября 1942, мне предоставили заместителей по оккупированным территориям.

Серватиус: В чём заключалась причина?

Заукель: Причина назначения этих заместителей заключалась в том, чтобы проще решать сложности и нехватку руководства которое преобладало в определённой степени в этих районах.

Серватиус: В этой связи я ссылаюсь на документ 12: «Указ фюрера об исполнении указа о генеральном уполномоченном по распределению рабочей силы». Нет, это документ 13. «Указ о назначении заместителей» - на странице 13 английской документальной книги, и я также ссылаюсь на документ 12, который уже предъявлен в качестве PS-1903, экземпляр USA-206.

У вас не было два разных типа заместителей, я имею в виду, что раньше не было каких-то заместителей?

Заукель: Раньше были заместители рейхсминистра труда, которых в союзных или нейтральных странах придавали к германским дипломатическим миссиям. Их следует отличать от тех заместителей, которые назначались к начальникам германской военной или гражданской администрации на оккупированных территориях.

Серватиус: Какое положение имели заместители на оккупированных территориях?

Заукель: На оккупированных территориях заместители имели двойственное положение. Они были руководителями трудовых отделов в местных правительствах – значительное бремя для меня – и одновременно моими заместителями, которые были ответственными за единообразное руководство и исполнение принципов распределения рабочей силы изложенных мною.

Серватиус: У вас имелась собственная организация с заместителем во главе, или это была организация в местном правительстве?

Заукель: У меня не имелось никакой собственной организации. Местные правительства были самостоятельными администрациями с административным главой, которому подчинялись различные департаменты.

Серватиус: Сколько таких заместителей было в одном районе?

Заукель: В разных странах у меня был один заместитель в каждом из высших учреждений.

Серватиус: В чём заключалась задача заместителя?

Заукель: Как я уже сказал задача заместителя, заключалась в том, чтобы гарантировать, что немецкие приказы, исполняли законным образом, как члена местной администрации регулировать вопросы рабочей силы которые там возникали.

Заукель: Какие задачи они имели относительно интересов Рейха и распределения рабочей силы для местного трудоустройства и для Рейха?

Заукель: Прямо указывалось на то, что они должны предоставлять рабочую силу в разумных пропорциях с учётом местных условий, они также должны были следить за тем, что мои принципы соблюдались в отношении обращения, питания, и тому подобного к рабочим на оккупированных территориях. Это излагалось в форме директивы.

Серватиус: Вы не имели собственных комиссий по вербовке?

Заукель: Не существовало никаких комиссий по вербовке в том смысле, в каком выражение часто использовалось здесь и в наших документах. Это был вопрос подкреплений экспертам, которых запрашивало местное правительство, для того, чтобы осуществлять задачи в соответствующих странах.

Серватиус: Какие инструкции имели эти комиссии по вербовке?

Заукель: Они получали инструкции, которые часто и ясно выражались в моих приказах и которые, так как они изложены, мне нет необходимости упоминать.

Серватиус: Здесь я ссылаюсь на документ 15, который уже предъявлен как PS-3044; экземпляр номер USA-206, а также СССР-384.

Это приказ номер 4 от 7 мая 1942, который в принципе регулирует все проблемы относительно данного вопроса, и даёт заместителям необходимые директивы относительно вербовки.

Этих директив, которые вы принимали, придерживались?

Заукель: Директивам, которые я принимал, не всегда придерживались настолько строго как я того требовал. Я прилагал все усилия, чтобы ввести их при помощи постоянных приказов, инструкций и наказания, которое, однако, я сам не мог применять.

Серватиус: Эти приказы воспринимали всерьёз? Французское обвинение предъявило правительственный доклад об одной из ваших речей, которую вы произнесли тогда в Позене. Её назвали речью в оправдание. Я спрашиваю вас, воспринимались ли эти принципы серьезно или они были лишь ради видимости, поскольку вы сами верили, как заявляет документ, что они не могли исполняться?

Заукель: Я могу лишь подчеркнуть, что в моей жизни я так много работал в таких сложных обстоятельствах, что эти инструкции выражали моё полное убеждение в их необходимости. Я прошу доставить свидетелей того, что я думал и что я делал с

целью осуществления этих инструкций.

Серватиус: Существовала какая-нибудь заметная оппозиция вашим принципам?

Заукель: Я уже говорил, что в определенной степени мои принципы считали проблематичными некоторые власти и неуместными в том, что касалось германской безопасности.

Когда меня из-за этого атаковали, я пользуясь случаем, в дополнение к ряду инструкций немецким гауляйтерам принял манифест всем заинтересованным высшим немецким правительственным ведомствам.

Серватиус: Могу я отметить, что это документ С-84, в документальной книге 3, страница 215.

Я ещё раз предъявляю этот документ на немецком языке из-за формы в которой он напечатан. Это форма срочного предупреждения направленная всем властям.

Председатель: Это документ 84?

Серватиус: Да.

Свидетель, вы на встрече центральной плановой комиссии…

Заукель: Могу я сказать слово относительно манифеста?

Серватиус: Да.

Заукель: Когда я издал манифест, я столкнулся с возражением, в основном от доктора Геббельса, что манифест может быть издан только фюрером, а не подчиненным чиновником, таким как я. Затем я выяснил, что у меня были трудности в печатании манифеста. После получения 150 000 копий напечатанных для всех немецких экономических ведомств, для всех управляющих на производствах и всех остальных ведомств, которые являлись заинтересованными, я сам напечатал его в такой выразительной форме и сразу лично направил, с сопроводительным письмом, во все эти ведомства.

В этом манифесте, несмотря на сложности, с которыми я столкнулся, я особо выступал за то, чтобы на самих оккупированных территориях с рабочими обращались в соответствии с моими принципами и согласно моим директивам и приказам.

Покорно прошу суд позволить мне зачитать из него несколько фраз:

«Таким образом я приказываю, чтобы на всех оккупированных территориях, для обращения, питания, размещения и оплаты зарубежных рабочих, были приняты соответствующие правила и директивы схожие с теми которые действуют для иностранцев в Рейхе. Их необходимо встраивать в соответствующие местные условия и применять в соответствие с преобладающими условиями.

В ряде восточных территорий местная мужская и женская гражданская рабочая сила работающая для германской военной промышленности или германского Вермахта недоедает. Исходя из

неотложных интересов германской военной промышленности на данной территории такое условие нужно преодолеть. Это стопорит производство и опасно. Таким образом следует предпринять меры, чтобы всеми средствами обеспечить дополнительным продовольствием этих рабочих и их семьи. Такое дополнительное продовольствие следует предоставлять только в соответствии с производительностью труда.

Только при помощи хорошей заботы и обращения со всей доступной европейской рабочей силой с одной стороны, при помощи самой плотной концентрации» – здесь я имею в виду организационную – «руководством и управлением с другой стороны, колебания рабочей силы в Рейхе и на оккупированных территориях можно будет свести к минимуму и в целом добиться постоянно стабильной, длительной и надёжной производительности».

Могу я зачитать ещё одну фразу:

«Зарубежным рабочим в Рейхе и населению на оккупированных территориях, которое работает на немецкие военные усилия следует обеспечить такое чувство, что в их собственных интересах лояльно работать на Германию и, что только так они увидят и на самом деле обеспечат себе единственную реальную гарантию жизни».

Могу я зачитать ещё один абзац:

«Им нужно абсолютное доверие в справедливость немецких властей и немецких работодателей».

Председатель: Я думаю нам лучше не вдаваться далее в этот документ. Вы можете указать нам, как долго вы намерены продолжать с подсудимым?

Серватиус: Вероятно, мне понадобится весь завтрашний день.

Председатель: Господин Додд, вам будет удобно выделить какое-то время, чтобы рассмотреть документы оставшихся подсудимых?

Додд: Да, господин председатель, в любое время какое вы можете выделить.

Председатель: Что же, вам известно, сколько шли переговоры и согласования в связи с пройденными документами.

Додд: Какими то я занимался, но не всеми. Я могу удостовериться в фактах вечером, или до утреннего заседания и уведомить вас.

Председатель: Да, и вы дадите нам знать завтра о том какое время удобно?

Додд: Да, сэр.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 29 мая 1946*]